

U R B A N   S T U D I E S

**Город в зеркале генплана:
панорама градостроительных
проектов в российской провинции
XVIII - начала XXI веков**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ АрХИТЕКТУРЫ
И СТРОИТЕЛЬНЫХ НАУК
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ТЕОРИИ АрХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

ГОРОД В ЗЕРКАЛЕ ГЕНПЛАНА:
панорама градостроительных проектов
в российской провинции
XVIII – начала XXI веков

Челябинск 2008

УДК 711
ББК 85.118
Г 70

Город в зеркале генплана: панорама градостроительных проектов в российской провинции XVIII – начала XXI веков / под ред. Е.В. Кобышевой, С.А. Баканова, Л.В. Никитина. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2008. – 409 с.; ил.

В книге на основе многоплановых архивных и статистических материалов, значительная часть которых ранее не вовлекалась в научный оборот, исследуется градостроительное развитие провинциальной России на протяжении XVIII – начала XXI столетий. В круг изучаемых городов наряду с крупными региональными центрами (Челябинском, Пермью, Волгоградом и др.) вошли и типичные представители малых городов. Текст сопровождается уникальным иллюстративным материалом.

Книга предназначена для специалистов и всех, интересующихся историей отечественного градостроительства.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Института гуманитарных проблем Челябинского государственного университета

ISBN 978-5-85716-743-4

Научный редактор: И.А.Бондаренко, д-р архитектуры, академик РААСН

Рецензенты: А.С. Сенявский, д-р ист. наук, профессор (ИРИ РАН)
Н.П. Крайняя, канд. архитектуры (НИИТАГ РААСН)

ISBN 978-5-85716-743-4

© Коллективная монография, 2008
© Издательство ЧГПУ, 2008
© НИИТАГ РААСН, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
I. Генеральные планы провинциальных городов XVIII – начала XX вв.	
1. Возможности планиграфических источников в исторических исследованиях: по материалам планов Егошихинского завода – Перми XVIII – XIX вв. (П.Д. Корчагин)	7
2. Элементы регулярности и нерегулярности планировки в генпланах городов Южного Урала XVIII – начала XX вв. (Е.В. Пономаренко)	28
3. Перепланировка Челябинска XVIII – середины XIX вв.: некоторые аспекты (Г.Х. Самизулов).....	58
II. Социалистическое расселение и социалистический город 1920-х – начала 1930-х гг.	
1. Социалистическое расселение: теория и практика (М.Г. Меерович).....	82
2. Социалистический город – уникальный тип градостроительной системы в условиях советской государственности (М.Г. Меерович).....	110
3. Социалистический город Челябинского тракторного завода – воплощение теории социалистического расселения (Е.В. Коньшева).....	157
III. Образ советского города в генеральных планах 1930-х – 1960-х гг.	
1. Генплан Орска 1935 г.: разработка и воплощение (Е.В. Нижник).....	172
2. Генеральный проект планировки и строительства шахтерских городов Челябинской области 1935 – 1936 гг. (С.А. Баканов).....	181
3. Послевоенное возрождение Сталинграда: генеральный план 1944 г. и его реализация (Ю.Л. Косенкова).....	207
4. Генеральные планы советского Челябинска (1936, 1947, 1967): диалог сквозь десятилетия (Е.В. Коньшева).....	223

IV. Современный российский город: проекты и их воплощение

**1. Постиндустриальные горизонты для крупнейших городов Урала:
современные генпланы Екатеринбурга, Челябинска, Уфы и Перми**

(Л.В. Никитин).....254

Примечания.....294

Список принятых сокращений.....369

Список иллюстраций 372

Иллюстрации.....375

Сведения об авторах 409

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей коллективная монография написана в содружестве авторов из Челябинска, Иркутска, Москвы и посвящена развитию как крупных, так и небольших городов российской провинции. Рассматриваемая в ней проблема – отражение ценностных установок различных эпох в генеральных планах городов – раскрывается на материалах XVIII – начала XXI вв. Все названные обстоятельства, с нашей точки зрения, весьма знаменательны, поскольку отражают перелом, произошедший в последние годы в характере историко-архитектурных исследований, прежде всего, в отношении архитектуры и градостроительства советского периода.

Господствовавшее долгое время понимание истории советской архитектуры как «пропаганды достижений» неизбежно приводило к явно ощущаемым перекосам. В центре внимания были в основном Москва, Ленинград и еще несколько крупнейших городов страны, но что происходило в тысячах других городов, поселков и сел, где обитала основная масса населения страны, оставалось вне поля зрения историков архитектуры. Сегодня ситуация существенно изменилась: именно качество жизни обычных горожан в населенных пунктах, отстоящих от столиц подчас на многие сотни километров, постепенно становится объектом внимания как общества в целом, так и историко-архитектурной науки. С этих позиций картина развития советской архитектуры и градостроительства выглядит в значительной степени иначе, чем это было еще полтора-два десятилетия назад. И здесь неоценима роль историков архитектуры, работающих «на местах», изучающих местные архивы, (возможно, в меньшей степени подвергшиеся в свое время уничтожению и «чисткам»), глубоко знающих историческую реальность своего края. А всякая детализация, основанная на документах, – это еще один шаг к освобождению от плена мифологии советского времени. Представляемая монография – один из позитивных примеров активизации научных сил в регионах. Включенные в нее тексты в основном построены на новых архивных материалах.

Принятое до недавнего времени рассмотрение истории советской архитектуры как единого, однородного потока, когда все не укладывавшееся в заданные рамки выводилось за скобки как «ошибочные тенденции» и «негативные явления», делало практически невозможным мотивационное объяснение происходившего, поскольку оно предполагало наличие различных участников архитектурно-градостроительного процесса, наделенных собственными интересами. Предполагалось, что советская архитектура всегда развивалась соответственно единой «генеральной линии».

Тексты, написанные авторами монографии, хорошо показывают, насколько по-разному понимались государственные интересы в застройке городов и сел профессионалами-архитекторами, государственными деятелями, представителями управленческого корпуса крупной промышленности. Столкновение интересов этих групп порождало неразрешимые противоречия в развитии архитектуры, не говоря уже об интересах «простых людей», лежавших совсем в другой плоскости.

Другая черта доминировавшего до недавнего времени стиля исторического мышления – его хронологическая и культурная избирательность. Как известно, в свое время было наложено табу на изучение советской архитектуры 1920-х гг. Затем почти та же участь постигла так называемую «сталинскую» архитектуру 1930 – 1950-х гг. Даже в профессиональной среде историков архитектуры приходилось слышать суждение о том, что исследователь должен любить объект своего изучения, а любить архитектуру, порожденную тоталитарным режимом, нельзя по определению. Следовательно, и изучение ее – занятие заведомо бесплодное. До сих пор по-настоящему не стали объектом исторического изучения архитектура и градостроительство периода «индустриального домостроения», породившие пространственную среду, вызвавшую реакцию отторжения у общества. Этот барьер предубежденности, отношения к архитектуре и градостроительству советского времени как к недостаточно полноценному научному объекту очень медленно уходит в прошлое. Вот почему радует, что в этой монографии, во-первых, работы по истории советского градостроительства, в том числе наиболее «тяжелого» периода 1930-х гг., поставлены в единый ряд с «традиционными» работами по градостроительству XVIII – XIX вв., а, во-вторых, авторы подошли к изучению советского градостроительства вооруженными полным профессиональным научно-историческим инструментарием.

В единый логический ряд на протяжении более чем 300 лет выстраивается в книге и предмет исследования. Показана закономерность «прерывистого» развития генеральных планов городов, когда одни градостроительные идеи и намерения, не успев толком реализоваться, уступают место другим концепциям, потому что изменился «дух эпохи» и ее ценностные установки. С этой точки зрения представляется верным, что монографию завершает работа, очерчивающая новые горизонты в формировании современных генеральных планов – в соответствии с реалиями, пусть медленно, но все же формирующегося и в нашей стране постиндустриального общества.

Ю.Л. Косенкова,
доктор архитектуры

РАЗДЕЛ I ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ПЛАНЫ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ГОРОДОВ XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

ВОЗМОЖНОСТИ ПЛАНИГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ПО МАТЕРИАЛАМ ПЛАНОВ ЕГОШИХИНСКОГО ЗАВОДА – ПЕРМИ XVIII–XIX вв.

П.А. Корчагин

Замечательный отечественный историк А.А. Преображенский еще в 1986 г. справедливо утверждал, что «изучение исторических тенденций горообразованиевого процесса во всем его многообразии остается важной и перспективной научной задачей, имеющей выход на проблемы современности»¹. По прошествии трех десятилетий данная тема нисколько не утратила актуальности, напротив, стала еще злободневней. Более того, становится очевидным, что назрела необходимость смены исследовательской парадигмы. Ныне представляется неэффективным изучение только какой-то одной из сторон существования города, требуется комплексное, всеобщее, если угодно, тотальное исследование города во всей полноте его проявлений как социально-экономического, архитектурно-планировочного организма и пр. И с этой точки зрения генеральные (и не только) планы городов приобретают особое значение для исследователей, поскольку картографические материалы являются важнейшим и интереснейшим видом исторических источников, ценность которых заключается в том, что они содержат *наглядное* изображение городов и являют собой хронологический срез их состояния на момент составления.

Планы городов уже давно и прочно вошли в круг главнейших источников, используемых историками архитектуры, собственно историками, археологами, даже искусствоведами в своих целях. Однако возможности, предоставляемые исследователю источниками подобного рода, весьма широки. Чтобы эффективно использовать городские планы в качестве исторического источника, необходимо учитывать время их составления, общее состояние картографической науки на тот момент, особенности правительственной политики в области картографии, цель, с которой составлялся тот или иной план, и даже специальность автора плана.

Настоящая работа является лишь первым подступом, попыткой проанализировать потенциал комплексного использования генеральных планов городов в исторических изысканиях на примере всего лишь одного города и являет собой несколько исследовательских сюжетов.

Картографирование Егошихи-Перми в XVIII–XIX вв.

Пермь была основана как поселок Егошихинского медеплавильного завода (1723 г.) в эпоху петровских преобразований, которые положили начало широкому освоению природных богатств России и Урала, в частности, резкому скачку в развитии горной промышленности. Выполнение этих грандиозных задач было невозможно без качественно новых картографических материалов, основанных на точной топографической съемке планов, содержащих реальные характеристики объектов, которые могли служить самостоятельным документом. Именно в петровскую эпоху произошла коренная перестройка сложившейся ранее практики составления карт и планов.

В 1720 г. указом Петра I выпускники Московской математико-навигационной школы, затем Петербургской морской академии были направлены в «губернии для сочинения ландкарт»². Их усилиями с 1722 по 1744 гг. была проведена первая государственная съемка, охватившая почти всю страну, в процессе которой составлялись карты отдельных местностей. В частности, в 1726 г. геодезистом Ф. Молчановым были составлены Ландкарта провинции Соликамской города Кунгура с уездом, Карта Соликамской провинции, Карта Великой Перми³.

Картографирование Егошихи-Перми на первых порах развивалось в несколько ином ключе, условно говоря, в рамках горнозаводской картографии. Строительство заводов на Урале было новым градообразующим фактором в крае, поэтому составление проектных, а затем фиксационных планов, отсылавшихся в Берг-коллегию, было обязательным. Наибольший вклад в картографию уральских заводов внесли В.Н. Татищев и В.И. Геннин, которые придавали ей первостепенное значение. По их инициативе центром уральской горнозаводской картографии стала екатеринбургская горнозаводская школа, преподавателям и учащимся которой поручалось выполнение геодезических и топографических работ.

В 1723 г. по инициативе Татищева, а, возможно, и при его непосредственном участии были составлены три плана Егошихинского медеплавильного завода⁴. Эти чертежи принципиально отличаются от более ранних («кремезовского» типа) планов, поскольку объекты на них представлены не в качестве наглядных изображений, а в виде условной проекции на плоскость плана. Планы в целом выглядят несколько аскетично. Наибольшее внимание уделяется собственно заводским постройкам, которые вычерчены со всеми подробностями. Точность же топографической съемки еще далека от совершенства. Единообразие в оформлении отсутствует, только на двух планах есть масштаб, ориентировка по сторонам света – только на одном. Легенда в каждом чертеже помещена в рамке, применена система условных буквенных подписей, расшифрованных в легенде.

Сменивший В.Н. Татищева на посту начальника казанских и сибирских заводов В.И. Геннин продолжил деятельность по составлению карт и заводских планов (ил. 1). В Указе Сената от 30 июля 1732 г., предписывающем «иметь коллегиям всем тем уездам и местам, где в Сибири казенные и партикулярные заводы есть, верные ландкарты, о которых в присланной от него, Геннина экстракте объявлено, что он велел уже сделать для отсылки в коммерц-коллегию»⁵. В 1734 г. при вторичном назначении на Урал В.Н. Татищеву было дано указание принять от Геннина «ландкарты, чертежи и прожекты, для пользы тех заводов сочиненные... Хотя в Сибири различные ландкарты учинены, однакож во оных многия обстоятельства, а особливо что к пользе заводов касается упущено»⁶. При этом предписывалось вытребовать у Сената геодезистов с учениками и приступить к составлению новых ландкарт. В результате появилась новая карта, охватывавшая всю территорию Среднего Урала, а также ряд частных ландкарт и чертежей, которые впоследствии были использованы при составлении первого атласа России 1745 г., созданного Академией наук.

В 1738 г. К. Гордеевым был составлен план казенного Ягошихинского медеплавильного завода⁷. При всем том, что планы Ягошихинского завода были выполнены в современной для той эпохи манере, некоторое время сохранялись и черты традиционной русской картографии, правда, в новой превращенной форме «перспективы». Как правило, все планы Ягошихинского завода 30 – 40-х гг. XVIII в. имеют парные перспективные рисунки, существенно дополняющие представление об изображаемом объекте. Такие «перспективы» сопровождают чертежи уральских заводов в «Абрисах...» В.И. Геннина, в «Альбоме...» И.А. Шлаттера. Существуют и отдельные, не объединенные в альбомы перспективные рисунки. Среди них «перспектива» Ягошихинского медеплавильного завода, созданная берг-гешвореном Михаилом Кутузовым в 1739 г., сохранившаяся в копии маркшейдерского ученика Алексея Мосятина⁸. Он является парой заводскому плану (без легенды) из фондов ГАСО⁹. Наличие таких пар создает замечательные возможности для изучения не только планиграфии населенного пункта, но и средовой архитектуры поселка, поскольку, как правило, на планах дается внутреннее членение домов (пяти- и шестистенки), а на перспективах – их общий вид (вплоть до расположения печных труб).

В 50-е гг. XVIII в. политика правительства в отношении горных заводов резко меняется, в Петербурге посчитали, что «казенные заводы... для многих околичностей и излишних иждивений не толь прибыточны и государству полезны», как те, «которые на иждивении партикулярных людей содержатся», поэтому их рекомендовалось отдавать «в разные компании или партикулярным людям российские или иностранные»¹⁰. Еще в

регламенте Мануфактур-коллегии было написано: «Которые мануфактуры и фабрики заведены и впредь заведутся казною его величества, такие, приводя в доброе состояние, отдавать партикулярным людям». Общие тенденции развития дворянского государства вместе с расширением частного сектора в российской металлургии привели к тому, что в начале 60-х гг. на Урале из казенных заводов остались только Каменский и Екатеринбургский.

Р.И. Воронцов предприняв ряд неудачных попыток строительства новых предприятий и потерпев неудачу, обратился за помощью к своему брату канцлеру М.И. Воронцову, добиваясь передачи Висимского, Мотовилихинского, Пыскорского, Ягошинского медеплавильных заводов. И тот их вытребовал из казны на свое имя. Высочайший именной указ об отдаче заводов был подписан в ноябре 1759 г. Указом заводы передавались «с рудниками, лесами и всякими припасы и материалами, з готовую медью и что на тех заводах имеется, равным образом с мастеровыми, работными людьми и приписными крестьянами...»¹¹.

Частные владельцы не были заинтересованы в составлении планов собственных заводов и поселков при них, центральные власти с них это не требовали, да и специалистов подобного профиля в частных горнозаводских вотчинах не было. Поэтому 50-е – начало 70-х гг. XVIII в. являют собой в прямом смысле белое пятно в картографии Егошихи, как и всех уральских заводов.

Тем не менее необходимо констатировать, что в первой половине XVIII в. в России и на Урале происходит бурное развитие картографии, складывается система учебных заведений по подготовке геодезистов, топографов, чертежников. Внедряется техника точной съемки. Укрепляется связь картографических работ с экономическим развитием страны, возникает новый тип планов – планы («чертежи») заводов и поселений при них, послужившие одной из основ развернувшейся в дальнейшем работы по сплошному картографированию городов. На Урале появился собственный картографический центр – чертежная Главного заводууправления.

Следующий этап развития уральской картографии начался с 80-х гг. XVIII в. и был связан с тем, что с 60-х гг. XVIII в. в России развернулись крупномасштабные работы по перестройке городов на регулярной основе. 25 июля 1763 г. вышел сенатский указ (по именному указу Екатерины II) «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов по каждой губернии особо»¹². Руководство этим процессом было возложено на Комиссию о каменном строительстве Москвы и С.-Петербурга, в которой был накоплен большой опыт подобной работы. Порядок работ был следующим: сначала местные топографы (реже специалисты Комиссии) снимали ситуационный план, фиксирующий существующую го-

родскую застройку, а затем на его основе создавался проектный план. После рассмотрения и одобрения планы представлялись на высочайшее утверждение и после этого обретали силу закона – строить в городе дозволялось только в соответствии с ними.

Создание первого регулярного плана Егошихи-Перми произошло с некоторой задержкой по сравнению с городами Центральной России и это было связано с приданием Егошихинскому поселку городского статуса, его переименованием и образованием в 1781 г. нового Пермского и Тобольского наместничества. Его «открытию» предшествовала большая подготовительная работа, проведенная в 1780 – 1781 гг. под руководством назначенного на должность генерал-губернатора Пермского и Тобольского К.П. Кашкина. Ряд городов он осмотрел лично, а по прибытию в Тобольск сделал соответствующее распоряжение «об описании обеих частей в учреждаемом Пермском наместничестве и положении оных на карты»¹³. Непосредственно картографические работы возглавлял откомандированный от Екатеринбургской горной канцелярии маркшейдер А.Е. Грубер, под началом которого работала группа унтер-шихтмейстеров Екатеринбургской чертежной.

В Перми была создана губернская чертежная, разместившаяся в здании гауптвахты. Здесь выполнялись все основные работы по составлению планов и карт. Губернским землемером, начальником чертежной был назначен маркшейдер А.Е. Грубер. В его подчинении находились упомянутые в Списке воинским и статским чинам, желание имеют вступить в службу по Пермскому наместничеству¹⁴ три уездных землемера: отставной обергиттенфервалтер Степан Вомянин, главный межевщик канцелярии главного заводууправления (кроме того, он был смотрителем Екатеринбургской казенной школы), Афонасий Кичигин и Н. Мелешенков (Милешенков), «кондуктор, служащей командированный по именному указу и во время объезда употреблен для положения на карту разных уездов». Последний, очевидно, был самым квалифицированным специалистом, поскольку разбирался не только в картографии, но и в градостроительстве. Н. Мелешенков был, по сути, первостроителем Перми. Пермский вице-губернатор инженер-полковник Лопухин, отчитываясь о ходе казенного строительства Перми, писал генералу Кашкину 24 мая 1781 г.: «при справлении вверенного мне строительства знающий один, безотлучно у показания плотникам и прочим мастеровым и при разбитии с планов под строение места, без которого я обойтись никак не могу».¹⁵

В течение 1781 – 1782 гг. были составлены два плана Перми, сохранившиеся в многочисленных копиях. Наиболее полон План города Перми, подписанный «Губернский Землемер Андрей Грубер». Он содержит новую регулярную сетку кварталов, наложенную на старую квартальную

сеть Егошихинского поселка, особо отмечены «публичные строения»: церковь, «присудственные места», «гаубвахта» и чертежная, генерал-губернаторский дом, губернаторский дом, вице-губернаторский дом, гостинный двор и «старое заводское строение». Кроме того, вокруг города должен был быть устроен вал с девятью бастионами, часть застройки выносилась за пределы вала (ил. 2). План был Высочайше подтвержден 16 января 1784 г. и 31 мая прислан в наместническое правление¹⁶. Однако на этом работа не закончилась. Еще 10 мая указом межевой экспедиции Сената было «повелено назначить к городам выгон, а для того следовало уже ограничить город, но по видимости умножающегося строения должно было прибавить кварталов...»¹⁷. Во исполнение требования Сената был составлен новый план города, который представлял собой копию предыдущего с расширением застройки. К губернской чертежной был отмежеван выгон и составлен соответствующий план¹⁸.

Первые планы губернской Перми были приняты за основу при дальнейшем развитии города. Они переснимались в губернской чертежной с необходимыми дополнениями и изменениями и отсылались в Комиссию по каменному строению для утверждения проекта застройки, в Межевую экспедицию Сената для решения вопросов отмежевания к городам селитебной и выгонной земли, в Академию наук для составления атласов и изучения городов.

В конце XVIII в. продолжалась и деятельность Академии наук по сбору картографического материала для описания и изучения России. При этом вся работа по составлению планов и карт проводилась местными землемерами. Первый атлас Пермского наместничества был составлен в августе 1786 г. Н. Мелешенковым, ставшим к этому времени губернским землемером¹⁹. Он был создан по указанию Е.Р. Дашковой для составления нового атласа Российской империи. Следующий подобный атлас был сочинен в 1793 г. Он содержал историческое и топографическое описание наместничества, на которое ссылался Х. Мозель в своем «Описании...»²⁰. Своеобразным итогом работы губернской чертежной за весь предыдущий период стал атлас 1798 – 1800 гг., который содержал одну «генеральную карту губернии и 15 планов всех уездных городов губернии и губернского г. Перми»²¹. Для этого атласа было сделано историко-географическое описание, напечатанное при Пермском губернском правлении в 1801 г.²² Однако сам атлас отпечатан так и не был.

В 80 – 90-е гг. XVIII в. была проведена крупная работа по составлению планов, которая, кроме Перми, охватила все города губернии. Стилистически (по манере изображения) можно выделить два типа планов: составлявшиеся в Комиссии по каменному строению и создаваемые в губернской чертежной.

В очередном периоде картографирования Перми (первая половина XIX в.) четко выделяется три направления (процесса), организованных и направляемых центральными правительственными учреждениями в духе общей политики контроля всех сторон городской жизни.

Хронологически первым процессом было межевание городских земель. Государственное межевание в России было начато еще при Екатерине II по Указу от 19 сентября 1765 г. и вылилось в сложный и длительный процесс. Межеванию было посвящено обширное законодательство. В Полном собрании законов Российской империи 1832 г. содержится 912 статей о межевании. Среди них много технических инструкций и наставлений: «О составлении карт по единым правилам», «Об установлении единого масштаба (в 1 англ. дюйме 100 саж. – 1:8400)» и мн. др. Этим законодательством были впервые подробно разработаны правила составления карт и планов, исключавшие их разноречивость как по форме, так и по содержанию²³.

Города Пермской губернии обмежевывались в два этапа. Первый (1800 – 1823 гг.) – предварительный, когда были отмежеваны выгоны и составлены планы селитебных и выгонных земель. Второй – собственно Генеральное межевание, проводилось в 1823–1843 гг., после чего по мере необходимости проводилось специальное межевание, уточнявшее и исправлявшее результаты предыдущего. Планы на города составлялись попарно, сначала на селитебную, а затем на выгонную землю. На Пермь первый был составлен в 1801 г., второй – в 1802 г.²⁴

Следующим этапом стало составление в 1823 г. копий со всех «проектированных планов» для Московской канцелярии. Копии снабжались подписями губернского землемера Августа Суцевского. Планы эти составлялись как основа для Генерального межевания. Они содержали более краткое описание земель, строений и жителей. Для обозначения характера застройки применялось традиционное трехцветье – красный, оранжевый и желтый, обозначающие, соответственно, каменное, деревянное и проектируемое строение.

На основе этих планов в чертежной Московской канцелярии были составлены два типа планов, которые послужили в дальнейшем основой для новых проектов застройки городов. Подготовлены они были в 1821–1823 гг., попарно на каждый город – План проектированный и План по межеванию²⁵ и по одному типу: на белом фоне зеленым цветом выделялась линия вала, ограничивающего городскую черту, а сама застройка регулярного характера – традиционным трехцветьем.

Оценивая в целом межевые планы городов, необходимо отметить, что качество их довольно невысоко, и как источник по истории городского строительства они наименее информативны. В то же время, вкуче с «Эко-

номическими примечаниями», составлявшимися одновременно с межеванием на каждый город, они являются ценным источником по истории хозяйственной деятельности городов и их статистике.

Межевые планы предшествовали и являлись основой для генеральных планов застройки городов. Развитие и планирование строительства городов в XIX в. в целом закономерно продолжало процесс, начавшийся в последней трети XVIII в., при этом приобретая все более дифференцированный и детализованный характер. Вместо упраздненной в 1796 г. Комиссии по строительству Москвы и Санкт-Петербурга в 1806 г. был образован Строительный комитет при Министерстве внутренних дел. Все планы отныне составлялись исключительно на местах, а Комитет занимался лишь их проверкой и затем представлял на Высочайшее рассмотрение. На месте рассмотрением проекта занимались губернские архитекторы, архитекторы Горного правления и других учреждений. Для градостроительства первой половины XIX в. характерен утилитарно-землемерный подход в планировке, отсутствие четкой и единой композиции. Планы, как правило, составлялись на основе проектов, разработанных в предыдущий период, путем элементарного расширения застройки и добавлением новых кварталов. Все технические работы по составлению планов генеральной застройки выполнялись, как и ранее, землемерами в губернской чертежной.

Процесс составления планов застройки городов можно разделить на два периода: первый начинается в 20-е гг., второй охватывает 30 – 50-е гг. XIX в. Гранью между ними является издание в 1832 г. новых законодательных актов, выдвинувших новые требования к оформлению и содержанию генеральных строительных планов.

В 1823 г. был составлен и утвержден очередной план города Перми. Этот документ был создан на основе «плана прожектированного», составленного в чертежной Московской межевой канцелярии в 1821 г., и съемки, проводившейся при межевании. Для него характерны те же признаки, что и для планов конца XVIII в. Отсутствует разбивка кварталов на участки, территория города обнесена валом со рвом, сохраняется четкая композиция планировки. Этот план Перми в числе планов уездных городов губернии должен был быть опубликован в Книге чертежей и рисунков, прилагаемой к Полному собранию законов Российской империи, но по ошибке составителей вместо него был помещен план, утвержденный в 1784 г.

С начала 30-х гг. XIX в. требования к планам претерпевают существенное изменение. Отменяется ранее обязательное требование ограждать город валом, вместо него предписывается устраивать вокруг города озелененный бульвар. Впервые разрабатывается система разбивка кварталов

на отдельные участки, правила разбивки были разосланы Строительным комитетом всем губернским правлениям. На планах предписывается намечать специальные кварталы для заведений, производящих нечистоты, и выносить их за пределы города. При съемке необходимо было оценивать ветхость или прочность существующего строения, с тем чтобы оно не было без нужды подвергаемо ломке. Как и ранее, Высочайше подтвержденный план имел силу закона, а какое-либо отступление от него строжайше запрещалось. Подобная ситуация возникла в Перми в 1850 г., когда Управа благочиния донесла о наличии расхождений с высочайше утвержденным планом по улицам Ямской, Петропавловской, Покровской и Осинской²⁶. Тогда же были проведены работы по новой съемке города уездными землемерами Нелюбиным и Ильиным, план был представлен на рассмотрение Губернской дорожной и Строительной Комиссии, однако признан ею неудовлетворительным, был возвращен, но новый в рассматриваемый период так и не был составлен. При этом строительство в местах, где было обнаружено несходство с планом, запрещалось. Кроме того, при строительстве и для контроля над застройкой использовался не оригинал Генерального плана, а его многочисленные копии, как правило, не самого высокого качества и имеющие большие расхождения между собой.

Третье направление в картографировании городов Пермской губернии было связано со сбором статистических сведений по городам империи. В XVIII в. это направление целиком курировалось Академией наук, но в первой половине XIX в. переходит к более «прагматичным» ведомствам – Министерству внутренних дел и Генеральному штабу и носит более прикладной характер. МВД с момента своего образования должно было собирать все сведения, касающиеся состояния городов. Среди первых циркуляров МВД – требования предоставить сведения о казенных зданиях и строениях, имеющихся в губернии, и их состоянии.²⁷ Вскоре последовали указания предоставить и картографические материалы. Так, указом от 11 июля 1808 г.²⁸ надо было представить планы губернского и уездных городов по указанному масштабу. Они должны были содержать сведения о том, как будет расположен город по Высочайше подтвержденному плану, что предполагается к уничтожению, что к устройству вновь, отличается ли существенным образом нынешнее расположение города от прежнего. В полной мере это предписание выполнено быть не могло по причине невысокой квалификации и просто нехватки уездных землемеров. Качество картографических материалов, предоставленных из губерний, было невысоким, поэтому в 30-е гг. XIX в. при Хозяйственном департаменте МВД был образован собственный корпус топографов, специалистов по городской съемке. Ими в 1850 – 1861 гг. была проведена

работа по съемке 11 городов губернии. Руководил партией топографов начальник городской съемки Катаровский. На эти планы впоследствии неоднократно ссылались губернские землемеры, как на наиболее точные и правильно составленные, используя по возможности именно их для составления проектных планов и копий. Очевидно, к их числу относится план Перми 1852 – 1853 гг.²⁹

Из мероприятий, проводившихся военным ведомством в рассматриваемый период в отношении картографии городов, самой значительной была работа по описанию Пермской губернии, выполненная в 50 – начале 60-х гг. штабс-капитаном Генерального штаба Х. Мозелем. В числе прочего, ему пришлось заниматься и вычерчиванием планов городов. Приобретенные им от губернского правления планы³⁰ были выполнены в масштабе 50 саж. в 1 англ. дюйме, ему пришлось заниматься их уменьшением и некоторыми добавлениями согласно своим наблюдениям. К сожалению, в издание работы Х. Мозеля эти планы не вошли.

Более поздние периоды картографирования Перми в достаточной мере не исследованы и еще должны стать предметом изучения. Пока лишь можно констатировать два всплеска создания планов города: в 1885 – 1886 гг.³¹ в связи с утверждением плана «вновь проектированного» г. Перми и в 1897 г.,³² когда план был издан Пермским губернским статистическим комитетом. Собственно, с этого времени стали появляться планы нового типа, которые составлялись не столько в общих целях, сколько для указания (фиксации) трасс тех или иных инженерных сооружений и коммуникаций: сети труб хозяйственно-противопожарного водопровода (1897), телефонных линий (1900),³³ частного и уличного освещения (1902)³⁴, маршрутов трамвая (1914)³⁵ и пр. Они отражали окончательное вступление Перми в эпоху промышленной революции.

О месте расположения строгановской деревни Егошиха

А.А. Дмитриев и многие другие авторы предполагали, что строгановская деревня Егошиха вошла в состав поселка Егошихинского медеплавильного завода, однако каких-либо конкретных данных не приводили. А.С Черкасова и М.Н. Степанов, пожалуй, первыми обратили внимание на эту проблему. Они считали, что «часть обитателей слободы проживала выше завода, по берегам пруда. Особенно много домов было по берегу, где на возвышении за церковью и конторой преимущественно проживали заводские мастеровые люди. Именно на этом месте находилось старейшее поселение на современной территории города Перми – бывшая деревня Егошиха, которая к тому времени давно слилась с разросшейся слободой (теперь здесь расположена часть города, издавна называемая Разгуляем)».³⁶ Однако уважаемые исследователи, создавшие первый в советское время объективный очерк развития поселка Егошихинского завода, не

обратили внимание на один простой факт: деревня Егошиха принадлежала Строгановым. А согласно Берг-привилегии владелец земель, в которых обнаружены руды, «принужден будет терпеть, что другие в его землях руду и минералы искать и копать и переделывать будут»³⁷, но необходимости «терпеть» реквизиции крепостных крестьян и даже целой деревни Берг-привилегия не предусматривала. Не сохранилось никаких документов о передаче деревни Егошихи в государственную собственность, более того, в заводских расходных книгах есть записи о подрядах, выполняемых крестьянами строгановской деревни.

Первым на это топографическое несоответствие обратил внимание Е.Н. Шумилов. Его доклад «Деревня Егошиха: ее месторасположение и судьба»³⁸ посвящен решению этой частной, но от этого не менее важной историко-топографической проблемы. Роль деревни Егошихи (Брюхановой) в основании и ранней истории Перми известна, но автор задался целью определить ее местоположение и судьбу. Он совершенно логично исходил из того, что частновладельческая строгановская деревня не могла территориально совпадать с поселком казенного медеплавильного завода, как это полагали и многие исследователи, поэтому деревню Егошиху предложил поместить за пределами заводского поселка в районе бывшей улицы Брюхановской (ныне ул. Толмачева), тем самым отвергая мнение А.С. Черкасовой и М.Н. Степанова, которые предполагали, что она находилась на месте современного Разгуляя.

Идея Е.Н. Шумилова связать второе название деревни Егошихи и старой пермской улицы действительно остроумна, но при этом сразу же возникают противоречия и вопросы. Улица Толмачева располагается на водоразделе в междуречье Пермьки, Данилихи и Медведки, но не «на устье речки Егошихи», как указывается во всех источниках, и первопоселенцам логичнее было назвать деревню Данилихой или Медведковой. К 1781 г., когда деревня Егошиха прекратила свое существование, городская застройка не только не подошла к современному району грузового порта (от которого начинается ул. Толмачева), но даже не существовало генерального плана города, утвержденного в столице только в 1782 г.

Решить вопрос можно, привлекая иконографические и планиграфические источники. Так, на перспективном рисунке Егошихинского завода из «Абрисов...» В.И. Геннина на правом берегу Егошихи, напротив заводской плотины, показаны несколько дворов³⁹, а на плане из того же альбома, дополняющем рисунок, рядом с этими дворами стоит подпись «Ягошиха». Таким образом, местоположение предшественницы Егошихинского завода – Перми можно считать определенным окончательно. Она располагалась на правом берегу р. Егошихи, несколько ниже по ее течению (западнее) старого трамвайного моста. А современный пермский

микрорайон Разгуляй, расположенный на левом берегу р. Егошихи и впервые показанный на планах Перми конца XVIII в., не имеет никакого отношения к деревне Егошиха. Присвоение ему некоторыми краеведами звания «Первогород» имеет в своей основе историко-топографическое заблуждение.

Об укреплениях Егошихинского поселка

На проектном плане, составленном В.Н. Татищевым в июне 1723 г. («Копия с присланного от (нрзб.) чертежа по которой чтобы полисадом обнести так, как на[зна]чено красным линеєм и хоромное строение внести в полисад как являет лит[е]ра А, а строение В (нрзб.) строить не надлежит») ⁴⁰, намечаемый острог должен был проходить по обоим берегам Егошихи, плотине и дополнительно возводимой дамбе, ограждая завод и поселковые кварталы, но из-за противодействия, очевидно, советника Берг-коллегии Михаэлиса проект не был осуществлен: в пометке написано, что такой большой острог «строит не надлежит». Вариант новой трассировки острога, представленный на этом же плане, был компромиссным, предлагалось наиболее важное «хоромное строение внести в полисад», вплотную к заводским постройкам. Но в реальной ситуации невозможно себе представить размещение каких-либо построек на очень крутых склонах Егошихинского лога. Поэтому можно с достаточной долей уверенности говорить, что данное указание было сделано человеком, не знакомым с местной топографией.

Из плана, содержащегося в «Абрисах» В.И. Геннина и некоторых других, известно, что в итоге острог был выстроен только вокруг административного квартала, куда входили заводская контора, светлицы и жилье для начальников. Собственно, завод не был никак защищен. Судя по всему, дело здесь не в лености или нерадивости администрации и населения, а в особом месте расположения заводских «фабрик». Территория завода просматривалась и простреливалась бы даже обнесенная деревянным тыном. Первые пермяки, очевидно, сэкономили силы и средства.

Крепость, выстроенная в 1724 г., представляла собой бревенчатый острог почти квадратной формы размером 60 x 58 сажен с бастионами по углам. По сведениям В.И. Геннина, он был построен «заводскими служителями безденежно для оберегательства». Для охраны при заводе содержался гарнизон под командованием Ю. Берглина.

По прошествии нескольких лет первоначальный острог, по всей видимости, уже сочли ненадежным, потому что на Южном Урале разворачивались грозные события. 1 июля 1735 г. началось спровоцированное властями Оренбургской экспедиции восстание башкир Ногайской дороги во главе с Кильмяком Нурушевым. Оно было настолько серьезным, что для его «замирения» был вызван генерал-лейтенант А.И. Румянцев, поэтому в

короткие сроки был построен более масштабный новый острог, включивший в себя большую часть Егошихи и даже пустующее пространство к юго-западу от старого острога. Новая «фортификация» имела 3 бастиона и несколько специально спроектированных стеновых изгибов с бойницами, которые были сделаны таким образом, чтобы весь периметр острога простреливался, как это обозначено на плане Егошихи 1737 г., где нанесены зоны обстрела. О серьезности подготовки обороны свидетельствует то, что в январе 1736 г. в Пермское горное начальство в «новопостроенные крепости» было отправлено из Екатеринбурга 200 ружей, в то время как в другие «новопостроенные» крепости только по 48⁴¹.

В пределах острога у юго-восточной стены был запружен ручей, так как южный бастион находился достаточно далеко от воды. Пруд был, видимо, исключительно техническим (для охлаждения пушек и тушения пожаров), так как выше по течению ручья располагалась конюшня. Целая система прудов была сооружена и в западной части поселка. Подобные меры предосторожности мотивировались не только нахождением в Егошихе администрации горного округа, но и общей обстановкой в регионе: «понеже как всюду известно, что башкирцы к войне на русских людей намерены и стоят в немалом собрании»⁴².

О планировке Егошихинского поселка

На Урале сложился особый, своеобразный тип поселения – завод. В течение первого полугодия на р. Егошихе были построены поселок и все основные сооружения завода. Это хорошо видно на планах Егошихинского завода, выполненных осенью 1723 г.⁴³ На оборотной стороне последнего плана сделана надпись: «Прислан при доношении от генерала маеора Генина декабря 7-го дня 723 году», именно его доставил в Берг-коллегию В.Н. Татищев, отбыв с Урала в ноябре того же года.

На этом чертеже показана плотина (с двумя сливными проемами – вешняком и водяным ларем) и все заводские строения: плавильня, колесницы, угольные и рудные сараи, кузницы. Обозначены берег Камы, река Егошиха и ее левый приток, теперь исчезнувший. Поселок, в отличие от старых уральских городов, изначально закладывался по регулярному плану, т.е. с самого начала была заложена возможность превращения заводского поселка в городское поселение нового времени. Ближе к берегу Камы расположены кварталы заводского поселения. В поселке было 9 домов с усадьбами. Ближе к плотине, за ручьем, указано место для дальнейшего развития поселка – намечено 12 будущих усадеб, но строительство этого квартала так и не было осуществлено.

Планы Егошихинского завода второй половины 1730-х гг. отмечают новый этап развития поселения. План 1738 г.⁴⁴, перспективный рисунок, озаглавленный «Егошихинский меди плавильный завод», датируемый

1738 – 1740 г., парный ему безымянный план начала 1740-х гг.⁴⁵ фиксируют значительное развитие заводского поселка в сравнении с планом и «перспективой» из «Абрисов...» В.И. Генина⁴⁶. Из него видно, что Егошихинский заводской поселок с первых лет своего существования развивался в русле, несколько отличном от классических городов-заводов.

На формирование Егошихи в этот период влияет также все возрастающее значение населенного пункта как торгового и транспортно-распределительного пункта Урала. Это находит отражение и в планировке городка: в непосредственной близости от завода располагалось всего четыре квартала, а 19 разновеликих кварталов расположились на камском спуске и на берегу. Обслуживание торгово-транзитных операций осуществлялось при заводской пристани и в гостинном дворе, который представлял собой площадь, окруженную примерно тридцатью лавками и амбарами. Возле рыночной площади располагались дома крупнейших уральских землевладельцев и заводчиков. И это было связано не столько с медеплавильным заводом, сколько с бойкой пристанью. Показателен сам факт их размещения в Егошихе – вовсе не ради переимки передового опыта Строгановы держали дом с персоналом в поселке казенного завода. На берегу Камы около пристаней формируется первая незаводская улица из купеческих домов. Ее отличает почти полное отсутствие приусадебных участков.

По планам видно, что регулярная планировка уличной сети, заложенная при основании Егошихинского поселка, была сохранена и при дальнейшем его развитии. При застройке новых участков выполнялись требования Сенатского указа от 7 августа 1722 г. о строении крестьянских дворов по установленному чертежу⁴⁷, узаконившему линейный характер планировки с организацией двухсторонней застройки улицы вдоль дорог, регламентировавшему однотипность участков, смежность «гнезд» по два двора, широкие интервалы между гнездами. Стандартизация усадебных участков, оптимизация жилого пространства домов во второй четверти XVIII в. являлись прогрессивными чертами домостроительства, и в этом заводские поселки даже опережали некоторые уральские города, в которых подобные новации стали внедряться только в последней четверти столетия.

О рядовой застройке Егошихинского поселка

Наличие достаточного количества планов и иконографических материалов позволяет проводить целенаправленные археологические исследования и соотносить объекты, обнаруженные в раскопках, со строениями, изображенными на планах второй четверти XVIII в. К исследованию были привлечены планы поселка Егошихинского медеплавильного завода второй четверти XVIII в. Эти документы интересны для исследователей

тем, что на них нанесены не только кварталы, улицы, усадьбы и отдельные дома, но и зачастую показана внутренняя планировка жилых домов и надворных построек. Причем на двух последних планах в «казенных» (заводских) домах показано даже расположения печей.

План, составленный в ноябре 1723 г.⁴⁸, фиксирует планиграфическую ситуацию в Егошихе на момент практического завершения строительства собственно производственного комплекса. Из жилых построек показаны дворы в единственном застроенном квартале, располагавшемся ниже (западнее) ныне не существующего безымянного левого притока р. Егошихи. С южной стороны квартала располагались 6 домов «мастеровым работникам», из которых пять – пятистенки и один – шестистенков. Двумя полукруглыми линиями у всех зданий условно показаны крыльца: у шестистенков они примыкают к центральной части дома, у пятистенков – к меньшему по объему срубу, таким образом точно маркируя сени. Итак, в начале строительной истории поселка мы наблюдаем удивительное однообразие, даже стандартизацию жилой застройки. Двухкамерные дома со схемой «изба-сени» расположены вдоль красной линии, между ними имеются небольшие «прогары» – противопожарные интервалы. Заметим некоторое стремление планировщиков к симметрии: на каждом фазе квартала у трех крайних зданий сени и крыльца обращены к центру квартала. Ничего, кроме эстетического момента, данная планировка не несла. Ни одной хозяйственной постройки в усадьбах не зафиксировано.

18 октября 1737 г.⁴⁹ был составлен план, который демонстрирует динамичное развитие поселка, как экономическое, так и архитектурно-планировочное. Существенно увеличилось количество жилых построек. Учитывая, что часть поселковой застройки явно осталась за границами плана, мы насчитали 62 жилых постройки, из которых 36 шестистенков и 2 семистенка (дом брусом?), т.е. четырехкамерных жилища. Собственно, заводской «микрорайон» расширился на запад за счет одного полноразмерного (на 12 усадеб) квартала и одного неполного квартала на 4 усадьбы. Сравнивая «старую» и «новую» части, мы наблюдаем явную картину «обживания» пространства: часть пятистенков из первого квартала была расширена до шестистенков, и у каждого дома появились амбары, либо отдельно стоящие, либо пристроенные вплотную к основному объему здания. В следующем квартале из 12 домов только 8 пятистенки и у 3 уже имеются надворные постройки. Такой же отпечаток недавнего возведения несут и усадьбы полуквартала.

Егошихинская слобода очень рано стала не только производственным центром, но и важнейшей транзитно-транспортной развязкой. К пристаням и организованной здесь торговой площади тяготели жилые дома иногородних купцов и торгующих крестьян, которые к середине 30-х гг.

XVIII в. реально составляли большинство населения поселка. Их усадьбы организованы гораздо сложнее и разнообразней, чем жилища «заводских служителей», практически все из них имеют не по одному амбару, но главная особенность их заключается в том, что они ориентированы не вдоль, а поперек красной линии. Они возводили свои дома в расчете на их дальнейшее расширение таким образом, чтобы оно не ограничивалось фронтальным размером усадебного места.

Плюсы и минусы подобной застройки особенно хорошо видны на плане от 20 октября 1739 г.⁵⁰, который включал все пространство городской застройки. На нем зафиксирована 141 жилая усадьба, две трети составляют шестистенки. Ориентация жилых домов поперек улицы приводила к тому, что они ставились вплотную к хозяйственным постройкам соседней усадьбы. Расстояние до собственных амбаров было невелико, достаточное лишь для проезда и разворота телеги. В торговых кварталах Егошихи сформировалась сверхплотная застройка, что было чрезвычайно опасно в пожарном отношении. Гром грянул в 1759 г., когда выгорела вся подгорная часть Егошихи.

Общий вид жилых деревянных построек Егошихинского поселка позволяет уточнить одновременные планам перспективные рисунки. На них четко обозначены здания без подклетов, имеющие двухскатные крыши, что позволяет предположить их самцовую конструкцию. Окна показаны короткими вертикальными черточками, как правило, два окна в избе и горнице, часто одно в сенях. Многочисленные находки слюдяных окончин и фрагментов переплетов позволяют утверждать, что в подавляющем числе зданий были косячатые окна (то есть окна с переплетами, «косяками»). Трубы на крышах изображены в центре здания, по планам заводских домов можно понять, что печи устанавливались вдоль внутренней, общей с сенями стены дома. Возможно, дымоход был не прямым, а с уступом – «борком».

Сведения планов дополняют материалы раскопок автора в Перми по ул. Советской, 5, где в раскоп попали остатки двух усадеб, опознанных на планах 30-х гг. XVIII в.⁵¹ Сруб жилища устанавливался непосредственно на землю без какого-либо фундамента. Фиксировалась рубка «в обло с остатком», причем паз и чашки выбирались снизу бревен диаметром около 25 см. Пол из широких плах настилался на землю, хотя под него подкладывались лаги, что интересно, доски лежали поперек длинной оси жилища. Половые доски никак не крепились к лагам, нами не было обнаружено гвоздей или другого крепежа. В избе они были ориентированы поперек улицы или вдоль оси здания, а в сенях – перпендикулярно оси. Более того, о том, что они легко снимались, свидетельствует обнаруженная в углу избы заначка хозяина – винная бутылка, до которой можно было

добраться, только подняв крайнюю доску пола. На нижнем венце не было зафиксировано никаких конструкций для крепления половых досок, вроде «балки с черепом». На одной из плах отмечено квадратное отверстие, в которое устанавливался вертикальным брус, несший, очевидно, легкую перегородку.

В пределах стен дома первой усадьбы обнаружены печные изразцы двух видов, что свидетельствует о том, что зимой отапливались и были постоянно обитаемы обе части дома. Таким образом, схема дома – не изба-сени-горница, а изба-сени-изба, но для ясности будем называть дальше от улицы помещение по-прежнему – горницей.

Егошиха, как и другие заводские поселки, первоначально застраивалась традиционными пятистенками, но по мере развития поселка стали преобладать шестистенки и более сложные в плане жилища. Городской характер поселения сказывался не столько на конструкции жилых зданий, сколько на планировке усадеб: на планах и перспективных рисунках Егошихи не отмечено ни одного крытого двора, большинство домов обращено к улице торцом, что позволяло развивать застройку вовнутрь усадьбы, при этом оставляя место для многочисленных амбаров.

О преемственности Егошихинского поселка и губернской Перми

Некоторые современные исследователи придерживаются той точки зрения, что датой основания современного города Перми следует считать 1781 г., так как «планировка слободы оказалась не связанной с планировкой нового города, да и новые кварталы были заложены на расстоянии более версты от границы слободы»⁵². Другими словами, между заводским поселком и городом не было территориальной преемственности.

На плане 1782 г., составленном А.Е. Груббером⁵³, зафиксирована планировка Егошихинской слободы накануне переименования ее в Пермь. В 70-е гг. XVIII в. поселок занимал площадь около 50 га, ограниченную Егошихинским оврагом, долиной ручья Медведки и Камой. Поселение вытянулось вдоль реки почти на 2 км, освоена вся протяженность берега, удобного для устройства пристаней. В поселке были две улицы, параллельные Каме, перпендикулярно им проходило три переулка, в приречной части большие кварталы разделялись еще двумя переулками. Кварталы, расположенные в центре слободы, имеют форму прямоугольников и квадратов, очертания кварталов с приречной стороны и в нагорной части более причудливы. Ширина застройки от Камы – более 600 м. По течению выше устья Егошихи нанесена узкая полоса односторонней застройки по течению реки. План наглядно свидетельствует: необходимо признать несостоятельным утверждение о том, что Петропавловская церковь, на площади перед которой предполагалось строительство зданий для присутственных мест, «планиграфически не входила в черту слободы».

Храм и административные здания, выстроенные на месте первых заводских кварталов, показаны на плане в центре нового городского поселения. Вся (!) прежняя застройка Егошихи накрыта новой регулярной квартальной сеткой.

16 января 1784 г. был Высочайше утвержден План Губернского Города Перми⁵⁴, разработанный Комиссией каменного строения Санкт-Петербурга и Москвы. Автором его считается Иван Лем, но, скорее всего, он лишь освидетельствовал груберовский план и разработал регламент застройки города. К плану прилагались типовые проекты зданий, приличествующие губернскому центру. В легенде, сопровождающей план, заложены основные принципы, обусловившие характер городской застройки на многие десятилетия. Поскольку новая регулярная планировка Перми несколько не совпадала со старой, то предусматривался ряд соответствующих мероприятий: «У которых обывателей нынешние строения не придут в линию, оставить до такого времени, когда сами собой обветшают, повалятся или хозяева сами добровольно и прежде того перестроить по плану пожелают, дабы обыватели не претерпели убытки от сломки дворов, еще к житию годных, а у которых дворовое место разделять будут улицы и площади и затем на старых местах строиться не могут, в таком случае сим обывателям отводить другие порозжие места под каменные или деревянные дома, где каждый по своему состоянию построить мог по обещанию и по уничтожению нынешних их строений, а прежние их разделяющие улицами и площадями места придавать сосетским дворам как способно покажется»⁵⁵. Тот факт, что с самого начала существования города в новом качестве его планировочное ядро должно было преобразовываться на новых регулярных основаниях, служит лучшим доказательством того, что город не строился заново, но имела место преемственность в развитии основной градостроительной идеи и ее частных (сохранение административного, торгового центров и т.д.).

Через год после учреждения наместничества на Урал приехал профессор Н.Я. Озерецкий. Он увидел Пермь такой: «Новоучрежденный город сей сохраняет еще вид той слободы, из которой он родился и которая Егошихою называлась (курсив наш – П.К.). Построенные тут присутственные места и другие деревянные дома для главных начальников, хотя и сделали некоторую перемену, но как зданий сих немного, то и сие место больше походит на пустыню, нежели на губернский город. Он стоит на левом берегу Камы, за которым правая очень низкая сторона и пространым лесом покрыта, которому и конца не видно...»⁵⁶.

О пожаре 1842 г. в Перми

П.И. Мельников-Печерский, служивший в 1837 – 1839 гг. преподавателем в Пермской мужской гимназии, передавая свои ощущения относи-

тельно планировки города, говорил, что Пермь, единственный губернский город, стоящий на Каме и расположен на левом возвышенном берегу этой реки, в 18 верстах ниже устья реки Чусовой. Он выстроен правильно, можно сказать правильнее Нью-Йорка: ровные, большие кварталы, прямое и параллельное направление улиц и переулков бросаются в глаза каждому приезжему и вместе с тем свидетельствуют о недавнем основании этого города. Можно сказать, что к этому периоду Пермь выросла из рамок, заложенных при устройении губернии: изменение топографической модели города на иную, более соответствующую новому его качеству, стало неизбежным.

Процесс, который при обычных обстоятельствах занял бы десятилетия, волею судеб был ускорен печальными событиями. 14 сентября 1842 г. в Перми произошел грандиозный пожар, в котором погибла вся центральная часть города. Наиболее полное описание района распространения этого ужасного бедствия дано в воспоминаниях известного общественного деятеля и краеведа Д.Д. Смышляева, еще ребенком наблюдавшего пожар: «Огонь показался первоначально на сеннике при постоялом дворе мещанина Никулина, в Екатерининской улице. При сильном ветре он быстро пошёл по левой стороне этой улицы к реке Ягошихе и в то же время с дому губернского землемера Киттары (теперь мещанина Федотова, по прозванию Протаски), направился к Каме, по правой стороне Оханского проулка. В Екатерининской улице пожар дошёл до Соликамского проулка и к Петропавловскому собору, по Пермской улице. Почти в то же время, как вспыхнул дом Никулина, загорелась на Ягошихе пильная мельница, т. е. город загорелся не в одном месте, а с двух противоположных сторон – одновременно. От мельницы пильной огонь сообщился круподёрке, стоявшей ниже, и зданиям, расположенным по берегу Ягошихи. Между тем, пламя по Оханскому проулку шло до теперешнего полицейского пруда, истребив все строения по ту и другую сторону, захватило часть Покровской улицы до Широкого переулка, направилось к Сибирскому проулку и Торговой площади, по Торговой и Монастырской улицам и наконец слилось с пожаром, бушевавшим около Ягошихи и Петропавловского собора. Таким образом, менее чем в сутки пространство, ограниченное левою по направлению к Ягошихе стороною Екатерининской улицы до Соликамского проулка. Широким и Верхотурским проулками, ручьём Медведкою, Ягошихою и Камою, обратилось в дымящуюся площадь, уставленную печными трубами деревянных и обгорелыми стенами каменных домов. Сгорело в этот пожар невступно 300 домов»⁵⁷. При всех подробностях, сообщаемых очевидцем, нанести общие границы распространения пожара не представляется возможным – мемуарист не описал точно (по улицам) периметр пожарища. Кроме того, известно, что неко-

торые дома все же уцелели в огне, к примеру, легендарный дом чиновника Чадина, получивший широкую известность, став главным «героем» рассказа замечательного писателя русского зарубежья М. Осоргина. Было неясно, уцелел ли в пожаре дом генерал-губернатора и некоторые другие казенные и общественные здания.

Внести ясность позволил План города Перми 1842 – 1853 гг.⁵⁸, недавно обнаруженный сотрудниками Пермского краевого центра по охране памятников⁵⁹ в деле Департамента народного просвещения «О постройке здания гимназии». На нем зафиксированы точные границы распространения пожара: выгорели почти все здания на территории, ограниченной улицами Набережной (Орджоникидзе), Кунгурской (Комсомольский пр.), Екатерининской (Большевистская) и Чердынской (Клименко), в том числе: губернская аптека, Горное правление, Главная и горная гауптвахты, почтовая контора и пробирная палатка, магистрат, все дома заводоладельцев по Монастырской улице и пр. Кроме дома Чадина, в эпицентре пожара удалось сохранить лишь дом горного начальника, южную половину гостиного двора. Огонь на востоке остановился перед зданием присутственных мест и домом бывшего губернского прокурора И.Д. Прянишникова, куда после пожара переедет пермский губернатор. Деревянный дом губернатора, выстроенный еще в 1781 г., сгорел, но расположенный через Чердынскую улицу комплекс бывшего генерал-губернаторского «дворца» остался в целости.

Новое «послепожарное» строительство вошло в рамках прежней квартальной сетки, но основные административные здания переместились в район улиц Покровской (Ленина) и Сибирской. Таким образом, после пожара 1842 г. происходит окончательное смещение административного центра города на юг и вниз по течению Камы, в район ул. Сибирской, которое намечилось еще в конце первой четверти XIX в. С одной стороны, оно связано с катастрофическим бедствием, с другой – пожар послужил лишь поводом для того, чтобы привести вид города в соответствие с требованиями времени.

О районировании Перми в XIX в.

Поделемся наблюдением из области социальной топографии, возникшим при совмещении данных письменных и картографических источников.

В статье Е.П. Мухачева, рисующей Пермь 1830-х гг., указывается, что город делится на три части: старая деревня – от р. Егошихи до Верхотурского переулка (совр. ул. Островского), собственно город – между Верхотурским и Широким (или Кунгурским) переулками, новая деревня – от Кунгурского переулка (Комсомольский проспект) до р. Данилихи. В «де-

ревнях» улицы были застроены «домами деревянными, невысокими, вместо заборов имеющих частоколы. В собственно городе есть дома: каменные, полукаменные, желающие казаться каменными (т.е. деревянные, наштукатурившие свою наружность) и деревянные без всяких претензий. По архитектурному стилю можно встретить: дома как дома, с башнями, рыцарские замки с высокими стенами, железными воротами и т.д., наконец, здания ни на что не похожие»⁶⁰.

Преподаватель истории Пермской мужской гимназии вполне определенно зафиксировал в своих очерках факт наличия в общественном сознании пермяков сложившейся социально-топографической структуры Перми. Центральная (наиболее престижная) часть в обиходе называлась «городом», в противовес окраинным районам – «деревням». Что самое интересное, привычка называть центр «городом» осталась у пермяков и до сих пор, правда, его границы несколько вышли за пределы Высочайше утвержденного плана 1784 г.

* * *

Это лишь некоторые примеры исследовательских задач, которые могут быть решены с использованием генеральных планов городов. Возможности, предоставляемые планиграфическими источниками, в особенности при их комплексном использовании с источниками письменными, графическими и археологическими, поистине безграничны. Изучение городских планов позволяет решать самые разнообразные задачи, встающие перед исследователями. Богатство фактических материалов, содержащихся в них, дает широкий простор для формулирования гипотез, в конечном счете, для создания объективной картины развития города.

ЭЛЕМЕНТЫ РЕГУЛЯРНОСТИ И НЕРЕГУЛЯРНОСТИ ПЛАНИРОВКИ В ГЕНЕРАЛЬНЫХ ПЛАНАХ ГОРОДОВ ЮЖНОГО УРАЛА XVIII – НАЧАЛА XX вв.*

Е.В.Пономаренко

Генеральные планы южноуральских крепостей XVIII века

Генеральные планы в графическом исполнении появились в русском градостроительстве в начале XVIII в., когда из Европы в страну проникли идеи регламентации жилой застройки, создания регулярных кварталов с домами, поставленными по красной линии улиц. Эти новые идеи нашли отражение в трактате-кодексе «Должность архитектурной экспедиции», который начал писать петербургский архитектор П.М. Еропкин, а после его смерти закончили Д.А. Трезини, М.Г. Земцов, и И.К.Коробов. Это сочинение должно было стать документом, определяющим организационную структуру строительного дела, правовое положение зодчих, характер архитектуры и градостроительства. Для Южного Урала генеральные планы поселений до 1917 г. целесообразно исследовать поэтапно, выделив в этом временном отрезке следующие периоды: крепостной (XVIII в.), регулярной перепланировки (первые две трети XIX в.) и конца XIX – начала XX вв.

Активное заселение Южного Урала русскими началось в середине XVIII в., но первые крепости – форпосты появились значительно раньше. Это были: Уфа – 1574 г., Мензелинск – 1586 г., Бирск – 1574 г., и выше Уфы – Солеваренный городок (Табынск – 1574 г.). Русские крепости в XVI – XVII вв. строились без графического плана по «росписям». Сформировавшуюся планировку этих поселений зафиксировали более поздние планы. Например, первый генеральный план Уфы относится к 1710 г. Он показателен как пример нерегулярных планов русских крепостей рассматриваемого периода, максимально учитывавших природные условия местности. Городские стены на нем представляют собой неправильный многоугольник, расположенный по рельефу. Кварталы и ансамбли не имеют геометрически правильной формы. Улицы ломаных очертаний, трассированы по рельефу и веером сходятся к небольшой площади нерегулярных очертаний¹(ил. 3).

Важным этапом освоения края стало основание Оренбурга в 1735 г. После этого были построены линии крепостей Южного Урала: Оренбургская, Верхнеяицкая, Сакмарская, Нижнеяицкая, Илецкая, Самарская, Исетская, Красногорская, Нижняя Уйская, Верхняя Уйская, которые со-

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 07-04-85406 а/У.

единили Самарские линии с Сибирскими. Создание системы укрепленных поселений – крупнейшее явление градостроительной культуры XVIII века в России. В Сибири и на Урале во время строительства первых крепостей в 1740 – 1760 гг. использовались типовые проекты. Для них были созданы образцовые градостроительные композиции. Целые крепости с оборонительными сооружениями, всеми необходимыми зданиями, располагавшимися в определенном порядке, становились предметом типизации. Застройка поселений с обязательной прямой улицей стала нормой после издания Сенатом Указа Петра I от 7 августа 1722 г. о строении крестьянских дворов по установленному чертежу².

Чертежи образцовых крепостей XVIII в. Оренбургской губернии представляли собой регулярные планы поселений, окруженных укреплениями. Здания военного ведомства размещались вдоль внутреннего периметра валов. Остальная территория была разбита на правильные прямоугольники жилых кварталов (по 16 в каждой крепости). Южноуральские крепости строились квадратной или прямоугольной формы. В центральных и местных архивах сохранилось большое количество планов этого типа, например Оренбургской, Орской, Челябинской, Верхнеицкой, Уклы-Карагайской³, Троицкой, Миасской⁴, Чебаркульской⁵ и многих других крепостей. Анализ этих генеральных планов показывает, что в целом планировка соответствовала типовым чертежам, т.е. отличалась регулярностью. Только одна Звериноголовская крепость⁶ имела форму звезды, что объяснялось ее более ранним строительством не для южноуральских, а для сибирских укрепленных линий.

На Южном Урале, как правило, использовался тип крепости с форштадтом. В ходе борьбы за выход России к Черному морю было выработано два типа новых поселений: город-крепость, где все постройки находились внутри стен, и город с укрепленной центральной частью, где располагались гарнизон, администрация, и большими жилыми предместьями – форштадтами. Особо следует выделить как планировочный тип крепости Оренбург и Троицк, имевшие ярко выраженное торговое назначение. При них на противоположной стороне реки были построены меновые дворы. Форштадт, расположенный за пределами крепости, нес совсем другую функцию, чем древнерусские предместья. Он являлся первым форпостом ее обороны. Однако в процессе роста поселения вокруг крепости и старого форштадта возникали новые селитебные кварталы, которые со временем срастались вместе. Как показывает анализ территориального роста крупных южноуральских крепостей, уже через несколько десятилетий они сами являлись центрами большого поселения.

Развитие регулярных принципов градостроительства в России проявилось в деятельности Комиссии о каменном строении. Она была соз-

дана в конце 1762 г. и первоначально должна была заниматься перепланировкой столиц. Через год ей был дан указ «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов по каждой губернии особо». Масштабы деятельности Комиссии значительно расширились. Вскоре был опубликован еще один указ, повлиявший на застройку центров больших поселений, – «О строении во всех городах каменных публичных зданий». Комиссия о каменном строении превратилась в специальный орган при Сенате, решавший градостроительные проблемы в масштабе всей страны. За годы ее существования (1762 – 1796) было утверждено более 300 проектов городов. В состав Комиссии входило несколько крупных сановников, один архитектор и несколько архитектурных помощников, группа геодезистов, снимавших планы поселений и размечавших исполненные проекты на местности.

Во многих «Изъяснениях» к планам городов, которые могут служить источниками наших знаний о теоретических представлениях градостроителей второй половины XVIII века, предполагалось расчленение территории поселения по принадлежности к тому или иному сословию, а также по состоятельности жителей. Выделялись дворянские улицы и кварталы. Отводились дома для купечества, мещанства, разночинцев.

В примечаниях к плану Челябинска 1784 г., который является одной из первых перепланировок города, выдвигалось требование «строить дома в линии». А если «у которых обывателей нынешние строения не прейдут в линии, оставить до такого время, когда сами собою обветшают, повалятся и другим каким случаем уничтожатся»⁷. В плане выделяются районы хозяйственной застройки. «Под строение соляных и винных магазинов, кладовых и амбаров, для поклажи хлебных припасов, ... для пивоваренных питейных домов, рыбных и мясных рядов... места назначать в должности Генерал Губернатора»⁸. И далее: «кожевенных и протчия заводы и скотейныя бойни по течению реки и ниже города ставить в таких местах, дабы от них в городе не происходило нечистоты». Здесь же – требования пожарной безопасности: «для предосторожности от пожарного случая делать брандмауэры». В центре города разрешалось строить только «партикулярные каменные дома», а казенные строения требовалось сооружать с утвержденным «фасадом и планом внутреннего расположения»⁹.

Кроме планов городов Комиссия утверждала проекты фасадов главных улиц и площадей. Также в ней разрабатывались чертежи образцовых построек – жилых домов и казенных зданий. Составлялись серии проектов, которые посылались в тот или иной город вместе с планом. В плане Челябинска 1784 г. предписывалось, что «партикулярные каменные дома могут строить ... по представленным при сем примерным фасадам под

№ «1», «2», «3»... А купеческие с лавками по фасаду под № «6». По желанию хозяев дозволить строить и выше сих фасадов и с лучшими украшениями. ... Деревянные дома строить ... по фасадам под № «3», «4», «5» на каменных жилых погребках, на каменных фундаментах»¹⁰.

В южноуральском регионе середина XVIII века – это практически период основания городов и их первоначального роста, поэтому только в конце века происходят первые перепланировки как старых, так и новых разросшихся крепостей местными землемерами или по проектам, присланным из центра. Такой перепланировке подвергались только уездные города, такие, как Оренбург, Уфа, Бирск, Челябинск, Троицк, Верхнеуральск и др. Характерным примером является Уфа. Около 200 лет она существовала только как военно-административный центр. Несмотря на попытки регулярной перепланировки, город сохранял первоначальную нерегулярную веерную основу. В 1720-е годы рассматривались предложения о перестройке Уфы, для чего в Петербурге было составлено несколько проектов, ни один из которых не был реализован. Примером такого проекта является план Уфы 1723 г. инженера А. Ростославского¹¹.

На плане центра Уфы 1759 г. территория кремля имела нерегулярную планировку с бессистемно расположенными участками застройки и культовыми зданиями¹². Такая преемственность планировки определялась природными факторами: рельефом и расположением рек. На генплане 1767 – 1775 гг. большинство городских кварталов неправильной формы, улицы то и дело меняли направление. Территория кремля еще огорожена стенами¹³. Основные улицы веером сходились к крепости. Силуэт города основывался на профиле холмов и оврагов. По краям он живописно завершался двумя монастырями, расположенными на холмах (мужским и женским). Монастырские ансамбли тоже не имели правильных геометрических очертаний. Вокруг города формировались слободы. Нижегородская слобода находилась около реки Белой, на значительном расстоянии западнее основного массива города. Солдатская слобода располагалась на северной окраине Уфы.

Первое серьезное упорядочение планировки города происходило на основе проекта 1780 г. архитектора И. Тоскани. Определенное значение для строительства города имел, также, план 1803 г. Решение И. Тоскани предусматривало строительство регулярных кварталов на свободной от застройки территории и сохранение уже существующих улиц и площадей. Центр города намечался в геометрическом центре плана. Главная площадь, по замыслу И. Тоскани, получила замкнутую планировку. Она была соединена со старым городом большой улицей. План учитывал сложный рельеф города. Например, главная площадь располагалась на естественном холме. В городском центре была запроектирована также

круглая площадь торгового назначения. По проекту 1803 г. главная площадь увеличивалась в размерах и перемещалась к южной границе города, открывалась на р. Белую, но нарушала геометрическую стройность и цельность замысла архитектора. Площади с приходскими церквями были сдвинуты к естественным холмам. Кварталы в центре Уфы получили более упорядоченную планировку, но разный масштаб, что не затрагивало старую застройку. Например, по этому генеральному плану сохранялась усадьба упраздненных присутственных мест в городском центре. Это здание было деревянным и сгорело в 1803 г. На западной окраине города в 1782 г. было начато строительство присутственных мест наместничества. Проект учитывал сложившиеся транзитные улицы города. В 1784 г. с северной стороны главной площади строится деревянное здание для наместника. Тем не менее губернатор Г.С.Волконский считал генплан 1803 г. недостаточно проработанным, сам внес в него некоторые доработки и отправил в Петербург для переработки плана в 1816 г. Плотно были застроены территории вдоль рек Белой и Сутолоки. В планировке этих слобод доминировали две параллельные улицы, тянувшиеся вдоль рек и сходявшиеся в центре города. Они пересекались под прямым углом переулками, идущими к рекам. Застройка Уфы до конца XVIII в. была некомпактной, имела незастроенные участки неправильной формы. Территория с течением времени равномерно увеличивалась по всем направлениям. Основные композиционные оси города совпадали с главными магистралями, переходящими во внешние дороги.

Оренбург стал наиболее значительной крепостью края XVIII в. Сначала город основали при впадении в р. Урал р. Ори, где ныне находится Орск. Место это оказалось неудачным, потому в 1739 г. крепость перенесли выше, на Красную Гору, ближе к беспокойным башкирам, но и это место оказалось плохим: в степи не было леса для постройки домов. В августе 1742 года Оренбург перенесли туда, где он расположен и теперь, – на участок при впадении р. Сакмары в р. Урал. Город имел административное значение, т.к. оказался на стыке нескольких линий казачьих крепостей. С востока к нему подходила Орская дистанция, с севера – Сакмарская, с юга – Нижнее-Яицкая. С 1743 г. меновый торг был перенесен из Орска в Оренбург, что определило его торговое значение.

Географическое положение Оренбурга и Троицка (другого южно-уральского торгового города) во многом способствовало развитию торговли. Из документов известно, что через этот район поддерживалась торговля между тобольскими и ташкентскими купцами значительно раньше, чем был отправлен первый русский торговый караван со стороны Оренбургской укрепленной линии (1739 г.). Впоследствии города вошли в знаменитую ярмарочную линию Ирбит-Троицк-Оренбург, которая

опоясывала Урал с востока и юга.

На плане 1742 г. (ил. 4) можно видеть первую крепость Берды, заложенную при основании города, и новый Оренбург, построенный к северу от нее. Крепость Берды являлась небольшим типовым укреплением прямоугольной формы. В 1743 г. она была перенесена на 6 км севернее. Новая Оренбургская крепость имела уникальную для Южного Урала овальную форму с углами укреплений. Композиционное решение города отличается ясностью и гармоничностью. За территорией крепости находился форштадт¹⁴. Композиционно крепость была расчленена по длинной оси тремя широкими улицами, центральная из которых проходила через систему площадей. Небольшая площадь располагалась у северо-западных ворот, далее – торговая, окруженная по периметру лавками гостинного двора, в самом центре – плац с гауптвахтой, наконец, на окраине города находилось обширное пространство, где стояли меновый двор и административные здания. На плане 1742 г. гостинный двор располагался значительно севернее, чем центральный плац с гауптвахтой. На остальных планах он уже перенесен на то место, где находится и сейчас. В 1786 г. у Оренбурга появилось с западной стороны новое предместье – Старая (Голубиная) слободка. План конца XVIII в. показывал город подробно¹⁵. По периметру укреплений располагались подсобные здания крепости: склады, кузницы. Симметричное расположение комплексов зданий, обязательное наличие центральной площади, равновесие размещения подсобных площадей, сеть улиц и переулков, пересекающихся под прямым углом, являлись крупнейшим нововведением и необходимыми атрибутами новой регулярной планировки. При основании нового города не было планировочных традиций, которые было бы необходимо учитывать, и здания размещались подчас без учета их функционального назначения.

К концу XVIII в. торговая площадь расширилась, заняв соседний квартал. Центральный плац крепости был постепенно застроен. Административный центр стал формироваться около реки, куда выходила Губернская (Большая) улица. На административной площади фасадами на реку стояли губернская канцелярия, дома губернатора и генерал-губернатора, два собора и часть военных зданий. Переустройству города способствовали постоянные пожары, например, в 1786 г., уничтожившие почти все казенные постройки и 340 домов¹⁶.

Первой русской крепостью новых укрепленных линий XVIII в. стал Орск. Он был основан в 1735 г. как Оренбург. Планировка Орской крепости была необычна для Южного Урала. Она состояла как бы из двух расположенных рядом крепостей. Нижние укрепления подходили к реке и имели квадратную форму с выступающими по углам бастиянами. Верхняя крепость располагалась на холме и была многогранной по форме. Все

основные здания располагались в нижней крепости¹⁷ (ил. 5).

Еще одной крупной крепостью Оренбургских линий был Верхнеуральск, основанный в 1738 году Татищевым. Внутри укреплений находились караульня, кладовые, склады, столовая, казармы, артиллерийский цейхгауз и деревянная церковь. Остальные постройки были сооружены из плетня, обмазанного глиной. Первоначально город состоял из крепости и казачьего форштадта, между которыми существовали ров и вал. Укрепления крепости имели квадратную форму со стороной 120 м. Они представляли собой оплот из заостренных бревен высотой 3,5 м с башнями по углам. С востока и запада располагались основные ворота, а с северной стороны были устроены небольшие ворота для выхода к воде. На плане Верхояицкой крепости 1742 г. сама крепость и небольшой посад обнесены внешними укреплениями. Они расположены вдоль прямого участка реки. Крепость с четырьмя бастионами, внутри расположена церковь. Посад состоит из одинаковых прямоугольных кварталов, его планировка отличается живописностью, несмотря на регулярность¹⁸. Прямоугольные кварталы города расположены под углом к реке, не все одинаковы по форме и размерам. Сформировалась система композиционных осей плана. Главная ось ярко выражена, перспектива обеих ее ветвей замыкается главным высотным ориентиром города – крепостью. На пересечении главной и менее значительной перпендикулярной ей оси, идущей от юго-восточных ворот, находится торговая площадь. Перспектива третьей значительной улицы города замыкается деревянной церковью, вокруг которой также формируется площадь, удачно расположенная в излучине реки. Третья площадь (наиболее крупных размеров) была менее интересно увязана с планировкой города. Она находилась в углу посада и была предназначена для батальонной канцелярии, острога, питейного дома и т.д. Основные общественные здания остались внутри старой крепости, это церковь, управа, казначейство, арсенал и др. Несомненным достоинством планировки города являлась живописная панорама со стороны реки, которую формировали два основных высотных ориентира, – крепость и деревянная церковь.

В северной части региона наиболее крупной крепостью стал Челябинск, основанный в 1736 г. на месте Челябинского острога. Выделяется ряд досоветских периодов в развитии города: крепостной (1736 – 1742 гг.); провинциальный (Челябинск перешел на городское положение, стал административным центром Исетской провинции – 1743 – 1781 гг.); период уездного захолустья (1782 – 1890 гг.); период быстрого роста и экономического подъема (1891 – 1916 гг.). Этим периодам соответствуют генеральные планы крепости и города: план 1736 г., первый проект планировки с посадом 1768 г., план Челябинска 1784 г., а также план Орен-

бургской губернии уездного города Челябины – 4-я четверть XVIII века; фиксационный план г. Челябинска, подписанный Афанасьевым, и следующий период: два проекта конца 30-х годов XIX в.

Челябинск относится к поселениям с изначально регулярной, даже сурхаватой планировкой. Следует отметить небольшие первоначальные размеры крепости. Она составляла 220 x 220 м. Практически сразу появляется посад. Крепость остается местом размещения гарнизона, а посад формируется с регулярной сеткой улиц на основе дорог из города¹⁹. Посад из-за особенностей обстановки на Южном Урале был обнесен мощными оборонительными укреплениями, что является характерной чертой поселений этого этапа. Внутри крепости размещались церковь, канцелярия, пороховой погреб, склады и жилые казармы. План 1736 г. наглядно иллюстрирует типовой набор сооружений.

В конце XVIII в. город, по описанию генерального плана, разросся: «В оном церкви каменная соборная и деревянная приходская, да вне города еще каменная церковь. Деревянного казенного строения, бывшая провинциальная канцелярия, в коей ныне уездный нижний земской суд, уездное казначейство и архивы, городническое правление, сарай для хранения артиллерии, тюремный острог, гостиный двор в котором 27 казенных лавок. Пороховой погреб, два соляных и один винный магазин и партикулярный городов магистрат о двух этажах. Каменных в гостином дворе 12 лавок, в том числе два каменных обывательских дома. В городе имеется три кожевенных и три мыльных партикулярные заводы при коих три ветряные толчеи»²⁰.

После этапа стихийного роста возникла необходимость более осмысленного формирования планировочной структуры города. Этот процесс иллюстрирует генеральный план Челябинска 1768 г. – одна из первых попыток упорядочить планировочную структуру. Общие очертания остались в виде неправильного четырехугольника, но была упорядочена прямоугольная сетка кварталов. Заложены основные взаимно перпендикулярные композиционные оси города вдоль улиц Сибирской и Христорождественской, перспектива последней завершалась Оренбургскими воротами. Наметились ось Заречной части от Северных ворот. Проект 1768 г. практически не был осуществлен. Генеральные планы конца XVIII в. фиксировали фактический рост города во всех направлениях и особенно Заречной (Северной) части, планировка которой была менее регулярна, чем Центральной. Кварталы – различной величины, формы и направленности. Встречались улицы, трассированные по дуге (параллельно направлению реки). Большую часть этой застройки должен был упорядочить генплан 1768 года. Заручейная часть Челябинска начала застраиваться еще в XVIII в. у подножия Пугачевской горки. Уже в 1824 г. существова-

ла улица Нагорная. К ней по берегу реки Миасс от усадьбы купца М.С. Ахматова протянулась улица Ахматовская (Свободы). Тогда же появились улицы Заручейная (Российская) и Ильинская (Красноармейская).

Следующая попытка упорядочения застройки Челябинска – генеральный план 1784 г. Авторы стремились привести к единому образцу не только планировочную структуру, но и застройку и обслуживание кварталов. Равномерно по территории города предполагалось разместить четыре центра, включающие питейные заведения и заезжие дома. Хотя общегородской центр продолжал занимать локальное положение, в Заручейной части предусматривался «районный» центр и вторая городская площадь около Троицкой церкви. В Заручейной части около восточных ворот сформировалась третья площадь – прямоугольная, открытого типа и меньших размеров. Для рассматриваемого периода характерна постановка высотных доминант (Христорождественского собора и Троицкой церкви) не в перспективе улицы и не в центре площади. Значительным недостатком генерального плана является недостаточный учет реки в объемно-пространственной композиции города. Соборная площадь не раскрыта на воду (отгорожена домом воеводы, а затем и другими строениями), излучина реки в плане никак не обыграна. Наблюдалось значительное смещение проектируемых улиц по сравнению со сложившимися, смещена даже вертикальная композиционная ось (Христорождественская улица), вследствие чего мост через реку перестал замыкать ее перспективу. Проект 1784 г. не получил развития, т.к. не учитывал уже сложившуюся застройку, а предлагал механическое наложение на нее прямоугольной сетки кварталов (удлиненных, с короткой стороной, параллельной реке). Территория города увеличилась почти вдвое по сравнению с планом 1768 г. В конце XVIII в. рост уездного города Челябинска замедляется.

Вторым большим торговым поселением Южного Урала был Троицк, заложенный в 1743 г. как главная крепость Уйской укрепленной линии. После основания Новотроицкой крепости она стала «порубежным» центром торговли. Некоторое время торговые контакты через Троицк со среднеазиатскими купцами были запрещены из боязни нарушить интересы Оренбурга, но постепенно запрет исчез и здесь была учреждена пограничная таможня.

Планировочная композиция города складывалась постепенно. В соответствии с общими периодами освоения и перепланировки городов Южного Урала в досоветском формировании плана Троицка можно выделить три этапа: середина XVIII – начало XIX вв. – первый архитектурно-строительный период; 1820 – 1870 гг. – второй; конец XIX – начало

XX вв. – третий.

К первому периоду относится основание крепости и ее первая перепланировка в конце XVIII в., вызванная значительным ростом территории посада. Первоначально Троицк имел четыре больших улицы и десять переулков. Высотными доминантами служили Свято-Троицкий собор и приходская церковь Св. Николая. Это состояние развития города отражает генеральный план середины XVIII в. Кварталы вытянуты вдоль реки Уй. На противоположном берегу располагался меновый двор. Характерно, что кроме его наличия торговая функция вносит коррективы и в традиционную планировку крепости, где формируется самостоятельная торговая площадь. Всего в городе этого периода три площади: Соборная; общественная (где расположены дом коменданта, гауптвахта, школа и присутственные места) и торговая. Недалеко от последней располагалась таможня.

В плане первой половины XVIII в. горизонтальная композиционная ось еще не читается, но вертикальная, проходящая от северных ворот к мосту, уже явно видна и замыкается меновым двором на противоположной стороне реки Уй²¹. Характерна постановка высотных доминант (церквей) в линии застройки, хотя к ним обеим примыкают площади. С момента основания в Троицке не разделялись различными укреплениями крепость и посад, что отличает его от других южноуральских крепостей. Это определило значительный периметр внешних укреплений. Троицкая крепость была больших размеров, четырехугольная, укрепленная деревянной стеной с бастionsами и рavelинами по углам. Продольные стены имели по четыре башни. Судя по архивным данным и воспоминаниям очевидцев, при зарождении крепости первыми ее строениями были канцелярская палата, провиантский амбар, цейхгауз, артиллерийский двор, гауптвахта, пороховой погреб, гарнизонные казармы, дом главнокомандующего (коменданта крепости) и несколько «изрядных» офицерских домов. Кроме того, в крепости располагался дом таможенного директора и купеческие дома.

К концу XVIII в. город значительно разрастается на север и на восток вдоль реки Уй. Трассировка улиц в новом генплане, относящемся к четвертой четверти XVIII в., не изменилась²². Старые кварталы остались прямоугольными, вытянутыми вдоль реки. Новые восточные кварталы, также прямоугольные, вытянуты перпендикулярно реке (вертикальные). В отличие от них, северные кварталы повторяют горизонтальную сетку ядра, что сохранило в новом генплане преемственность планировочного модуля и позволило не нарушать уже сформировавшиеся улицы. Появилась четко выраженная горизонтальная композиционная ось между западными и восточными воротами крепости. На нее были ориентированы

три площади: старая с церковью Св. Николая; старая торговая, которая была значительно расширена, и новая. Последние две площади прорезаны композиционной осью насквозь. Кроме перечисленных, в Троицке конца XVIII в. появились еще две площади: на восточной окраине крепости и на севере. Застройка площадей располагалась бессистемно, не подчиняясь характерным для этого периода композиционным принципам классицизма. На севере города в пределах укреплений находилась обширная свободная территория, где располагались склады. В целом в новом генеральном плане намечилось разделение площадей по функциональному признаку: административная, торговые разного назначения, складская.

Генеральные планы городов-заводов Южного Урала XVIII века

Другой большой группой населенных мест на Южном Урале были города-заводы – особый планировочный тип поселения. Старейшими из них на Южном Урале являлись медеплавильные, расположенные в западной зоне региона: Воскресенский (1745 г.), Преображенский (1750 г.), Верхоторский (1759 г.), Богоявленский (1752 г.) и Архангельский (1753 г.). Северо-восточная зона включала Каслинский (1752 г.), Верхне-Кыштымский (1757 г.), Нижне-Кыштымский (1760 г.), Верхне-Уфалейский (1761 г.), Нязепетровский (1747 г.). В юго-восточной зоне находятся железоделательные заводы на базе Бакальского месторождения: Златоустовский (1754 г.), Катав-Ивановский (1755 г.), Саткинский (1757 г.), Юрюзанский (1758 г.), Симский (1758 г.), Усть-Катавский (1759 г.), Белорецкий (1767 г.) и Миасский медный (1776 г.). Основными факторами, определявшими расположение городов-заводов, были наличие двух рек (судоходной транспортной и несудоходной для плотины), наличие руды и леса, являвшегося топливом, поэтому они находились в горных и предгорных районах, т.е. на активном рельефе.

Генеральные планы городов-заводов сохранились в фондах Российского государственного архива древних актов, Российского военно-исторического архива, Российского государственного исторического архива, а также в местных архивах Челябинска и Оренбурга. Главным фактором формирования планировки города-завода был рельеф. Анализ генеральных планов показывает, что при соблюдении общего принципа прямоугольной планировки жилые массивы, как правило, имели, например, в генеральных планах Кыштыма, Каслей, Сатки, Златоуста, разную направленность по оси. Часто даже в пределах одного массива группы прямоугольных участков имели разные направления (Кыштым, Касли, Сатка, Нязепетровск). Композиционно наличие пруда и реки приводило к потере замкнутости застройки и визуальной связи ее с окружающим ландшафтом. Такие природные объемные доминанты, как горы, водоемы, лесные массивы играли большую роль в пространственной структуре го-

родов-заводов и часто были более значимы, чем искусственные сооружения (гора Косотур в Златоусте). Центром поселений являлись территории заводов и предзаводские площади четких очертаний, не особенно крупных размеров, которые часто являлись одновременно предзаводскими, церковными и базарными.

К концу XVIII в. из городов-заводов развитие получили те, в которых сочеталось хорошее обеспечение рудой и лесом с близостью сельскохозяйственных местностей (например, Симский завод). Характерно, что в этот период возникают, хотя еще и в сравнительно скромных размерах, предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции, которые оказывают влияние на планировочную структуру городов. Кроме издавна существовавших мельниц, кожевенных заводов, появились салотопные, маслобойные, свечные, мыловаренные, винокуренные заводы. Почти все эти предприятия располагались в уже существующих городах, значительно меняя их облик. Типичным примером можно считать Кыштымко-Каслинские заводы, комплекс которых составляет живописный заводской район, где сочетаются массивы застройки и водная гладь. Они включают Верхний и Нижний Кыштымские и Каслинский заводы. Нижне-Кыштымский завод был значительно меньше Верхне-Кыштымского и в настоящее время слился с ним в единое поселение.

Центром Верхне-Кыштымского поселения являлась территория самого завода и предзаводская площадь с усадьбой владельца. Селитьба веером сходилась к заводу. В ее массиве наметилось три основных композиционных оси, которые также были ориентированы на заводскую территорию. Из них основной являлась улица Каслинская (ныне К. Маркса), которая сохранилась как значительная ось поселения по настоящее время. В планировке жилых массивов отсутствовала регулярность, что объяснялось особенностями рельефа: наличием заболоченной территории, изрезанной линией берега пруда, и извилистым характером реки Кыштым. Природные элементы – заводской пруд и остров – были активно включены в объемно-пространственную композицию города. Остров и ведущий к нему мост придавали центру Кыштыма живописность, а расположенная там церковь являлась одной из высотных доминант города. Другая активная доминанта городского пространства – завод. Центральным элементом предзаводской площади являлась усадьба Никиты Никитича Демидова, расположенная на возвышенном берегу заводского пруда²³.

В 1775 г. Нижне-Кыштымский завод имел два квартала селитьбы, расположенных параллельно между двумя рукавами реки. Находившаяся между ними композиционная ось поселения выводила к плотине и заводскому пруду, оставляя в стороне территорию самого завода. Его массив ограничивал образовавшуюся площадь с юга и являлся единственной ее

высотной доминантой. Предзаводская площадь – центр поселения – имеет смешанную планировочную структуру, обусловленную рельефом местности, и ограничена с севера территорией завода, а с востока усадьбой²⁴.

Селитьба Каслинского завода была разделена значительной заболоченной территорией и озером Карась. Ансамбль очень выразителен, т.к. в месте основания завода сливается воедино несколько больших и маленьких озер. На генеральном плане XVIII в. был только один относительно регулярный массив селитьбы. Он сформировался вдоль дороги и имел ярко выраженную ось-улицу, трассированную параллельно водоему. Второй массив, располагавшийся вблизи заводской территории по обоим берегам реки, вообще не имел регулярной планировки из-за заболоченности территории. Такая нарочитая нерегулярность на фоне общих принципов регулярной архитектуры рассматриваемого времени и обилие водоемов, в которых отражалась застройка, делало поселение очень живописным и необычным²⁵. Уфалейские заводы включали Верхний и Нижний. В соответствии с генпланом Верхнего Уфалея 1775 г. это было поселение, обнесенное с трех сторон укреплениями. Селитьба располагалась по обоим берегам пруда с двух сторон от территории завода. Небольшая предзаводская площадь находилась по оси плотины. На ней не было церкви, а располагались контора и господский дом со службами²⁶.

Нязепетровский завод был более известен под названием Ураима. Слово «ураим» башкирское и в переводе на русский язык означает котел, горшок. Это название вполне характеризует ту местность, где находится завод. Он занимает довольно обширную котловину, образуемую отрогами южноуральских гор. Заводской пруд очень значительный: более 6 верст в длину и около 150 сажень в ширину. Его берега в отдельных местах очень красивы, так как некоторые горные кручи спускаются в пруд крутыми скалами. На плане 1775 г. селение было обнесено укреплениями. Завод включал молотовую и стальную фабрику, пильную мельницу и подсобные помещения. Селитьба располагалась в стороне от пруда единым массивом, соединенным с территорией завода предзаводской площадью, на которую выходил дом заводчика. За ним находилась Петропавловская церковь. Она была поставлена необычно с оградой в линии застройки. Через массив селитьбы проходил ручей. Кварталы на плане нерегулярны, разной величины и формы. В поселении явно прочитывалась только одна композиционная ось – прямая улица, проходившая через всю селитьбу и завершавшаяся предзаводской площадью и плотиной²⁷.

Златоуст являлся интересным примером нерегулярной центричной планировки. Очень активный рельеф, наличие горы, пруда и нескольких рек определили появление двух массивов селитьбы с одной стороны пруда. На плане 1782 г. город имел два относительно крупных массива се-

литьбы, соединенных заводом и предзаводской площадью. Застройка подковообразно охватывала залив пруда и развивалась вдоль поймы реки. Планировочные оси массивов сходились к заводу и центральной (предзаводской) площади. Искусственными высотными доминантами являлись заводские сооружения и церковь на площади. Основное значение в объемно-пространственной композиции завода принадлежало природному объекту – горе Косотур.

В центре города, кроме завода, находились церковь, контора и господский дом. Кроме основной плотины при заводе на реке Ай, была еще небольшая на реке Громотухе. Она образовала совсем небольшой пруд, около которого располагался кирпичный сарай. Жилая застройка, как и в других городах-заводах Южного Урала, состояла из деревянных изб, а также из полукаменных и каменных домов в центральной части.

Миасс в XVIII в. был маленьким горнозаводским городком. У пруда и по левому берегу реки располагалось четыре жилых квартала (197 домов). Но он быстро рос. Некоторое время, в начале 1800-х годов, Миасс даже числился административным центром горнозаводского дела на Южном Урале.

Анализируя генеральный план Троице-Саткинского завода 1765 г., видим, что он имел три беспорядочно расположенные массива селитьбы, характер которой определялся руслом рек и рельефом. Плотина образовала пруд, по обоим его берегам находились жилые кварталы. Планировочная ось в XVIII в. просматривалась только в одном, наиболее крупном, массиве. В нем несколько параллельных улиц выводило к предзаводской площади и территории завода. Площадь была почти правильной прямоугольной формы, в центре ее находилась деревянная Троицкая церковь. Кроме того, на ней расположились контора и господский дом. Далее шла территория завода и несколько поодаль – конюшня. Застройка площади была беспорядочной, хотя господский дом фиксировал ось плотины завода. Поселение обнесено укреплениями, но сложный рельеф делал их необходимыми только на некоторых участках²⁸.

Генеральные планы и перепланировка городов в первой половине XIX в.

Второй этап развития поселений Южного Урала характерен перепланировкой разросшихся окраин поселений на регулярной основе. С 1803 по 1839 гг. в России было выполнено и утверждено немногим более 100 генеральных планов. В целом на долю зодчих первой половины XIX в. приходится около четверти планов городов России, утвержденных до 1939 г., когда они были опубликованы в специальном приложении к Полному собранию законов (так называемая Книга чертежей и рисунков) как документы, имеющие обязательную силу. Проекты выполнялись как губернскими, так и столичными зодчими. Все планы проверя-

лись, исправлялись и утверждались централизованно в Петербурге. В 1806 г. для этой цели был организован Строительный комитет при Министерстве внутренних дел. На Южном Урале наблюдается запаздывание распространения перепланировки по сравнению с центральной полосой России. Новые генеральные планы Оренбурга, Челябинска, Троицка, Верхнеуральска относятся к 30-м годам XIX в. В городах-заводах это происходит еще позднее – в середине XIX в., когда на заводах появляются первые профессиональные архитекторы (после утверждения соответствующей должности). В этот период можно проследить несколько планировочных методов. Многие из них воплощены в Оренбурге и Троицке. Это практичность планировки; приоритетно единообразие поселений, а не красота плана; господство прямоугольных планировочных схем; разделение города на части в соответствии с рельефом; применение в каждом таком подразделении прямоугольной сетки улиц, ориентированной таким образом, чтобы были учтены уклон местности, положение рек, оврагов и другие подобные факторы; соединение отдельных фрагментов планировочной системы с таким расчетом, чтобы возникали «сквозные» магистрали, по которым можно было проходить сквозь все поселение; цельность города достигалась близкими размерами всех кварталов; создание системы замкнутых и правильных геометрических форм площадей; их строгая регламентация по функциям.

Характерным примером развития первого типа административно-торговых поселений стала Уфа. Город занимал всю юго-западную часть «Уфимского полуострова» – возвышенного плоскогорья на реке Белой. Живописность планировки определялась рельефом и была преемственной для города. К востоку плоскогорье постепенно понижалось до оврага реки Сутолоки. За ним местность опять немного повышалась и за городской чертой переходила в несколько горных возвышенностей. Генеральный план Уфы 1819 г. продолжал развивать идеи, заложенные планами 1780 и 1803 гг., а также использовал замечания губернатора Г.С. Волконского. План был разработан В. Гесте при участии землемера В.К. Сметанина. Он сохранил исторически сложившуюся сетку улиц и систему архитектурных доминант. Общая форма плана города представляла собой неправильный многогранник, который включал две крупных территории: старую упорядоченную застройку с всерной планировкой и новую с прямоугольной сеткой улиц. В старой части кварталы остались неправильной формы и разного масштаба, в новой все кварталы имели одинаковую величину. В обеих частях города имелось свое композиционное ядро. В старой части это территория бывшей крепости, где находилась приходская церковь, в новой – Соборная и Верхнеторговая площади, находящиеся на одной композиционной оси, которая проходила

перпендикулярно реке Белой. Эта ось была поддержана периферийными площадями. Основные улицы переходили в транзитные дороги на Оренбург, Казань, Бирск. При въезде в город выделялись сенная и дровяная площади. Новая регулярная планировка нарушалась в некоторых местах для учета старых дорог, рельефа местности, использования существующей застройки. Например, Александровская площадь расположилась на холме, в юго-восточную часть застройки вошли старые жилые кварталы. Это композиционно и стилистически соединило старую и новую части города. Бирск является еще более характерным примером упорядочения планировки. План города 1830-х гг. в пределах укреплений имел форму неправильного пятиугольника. Основные улицы веером сходились к реке Белой, приводя к главной торговой площади, которая была открыта одной из сторон на реку. На ней располагались гостинный двор, торговые ряды, казенные здания и церковь. Крупных размеров площадь с собором в центре находилась рядом с торговой. Она имела неправильную форму. Третья площадь с приходской церковью располагалась несколько южнее. На восточной окраине города была запроектирована еще одна площадь, где в перспективе должны были расположиться казенные здания. Форма кварталов Бирска несколько нерегулярна, что объясняется особенностями местности. По периметру города на укреплениях был разбит бульвар по правилам регулярного градостроительства. За пределами города рядом оказались расположены православное и мусульманское кладбища²⁹.

Одним из наиболее интересных примеров развития изначально регулярного поселения явился Оренбург. Планировочно он состоял из старого города (бывшей крепости) и предместий: Форштадта, Старой и Новой слободок, которые отделялись большим кольцеобразным незастроенным пространством на месте укреплений (Эспланадной площадью). Форштадт и Старая слободка значительно разрослись, сохранив при этом свой планировочный масштаб. Новая слободка появилась на северной окраине в 1837 г. и с этого времени постоянно увеличивалась, а во второй половине XIX в. она сравнялась по площади с остальным городом. Ее улицы радиально сходились к центру города, который постепенно переместился к месту соединения старого города и Новой слободки. Основная композиционная ось из трех улиц с Большой в центре оставалась преобладающим элементом планировки города. Новшеством начала XIX в. было благоустройство городской территории, формирование в центре и на окраинах зеленых массивов³⁰.

В 1781 г. Верхнеуральск получил статус города и стал уездным. В середине XIX в. он значительно разросся и перешел на другую сторону реки Урал. Развитие в XIX в. хорошо читается на его плане с окрестностями

1834 г.³¹ Новые кварталы имеют небольшие размеры и квадратную форму (как в военных поселениях). Аналогичен по структуре был план форштадта, т.е. наблюдалось срастание города с пригородами за счет новых кварталов. Генеральный план Верхнеуральска 1838 г. (ил. 6) был попыткой упорядочить планировку города, укрупнить его кварталы, не учитывая сложившиеся мелкие переулки³². Он сохранял основные структурные элементы: главную площадь на месте крепости, площадь деревянной церкви (в очень уменьшенном виде), сенную и дровяную площади. Предусматривалось перспективное расширение территории в виде абстрактных правильных прямоугольных кварталов в месте соединения основного города с форштадтом. Старое кладбище и казармы были механически вписаны в строгую сетку селитьбы. Все вышеперечисленное типичные недостатки генеральных планов южноуральских городов, присланных из столицы. Несмотря на некоторую схематичность проекта, реальная планировка города достаточно живописна. В целом была усовершенствована ранее заложенная композиционная схема. Значительно расширена главная площадь города, ее высотная доминанта (каменная церковь) замыкала одну из композиционных осей. Однако площадь при другой церкви (деревянной) была сильно сужена, что значительно уменьшило территорию композиционной активности этой доминанты. Третий ориентир – часовня старого кладбища – вообще был введен внутрь квартала. Панорама со стороны реки осталась наиболее интересным силуэтом города. На реку были раскрыты все основные пространства площадей: главной, деревянной церкви и новой, предназначенной для торговли сеном и дровами. Однако застройка центральной площади осталась хаотичной, здания не были организованы в единый ансамбль.

Новый генеральный план Челябинска сыграл большую роль в упорядочении застройки. Он сохранял принципы полицентричности, заложенные в плане 1784 г., но предусматривал дальнейшее перспективное развитие общегородского центра. Новые красные линии разрабатывались с учетом существующей застройки и исторически сложившихся функциональных зон около вновь выстроенной Троицкой церкви окончательно сформировался центр нового Заречного района. Наряду с сохранением композиционного значения улицы Сибирской дальнейшее развитие получила Христорождественская улица, где разместились основные общественные здания и собор. Сложилась новая композиционная ось вдоль Екатеринбургской улицы, соединявшей Троицкую и Соборную площади, а также улицы Уфимской между Соборной и новой торговой площадью (на месте современного главпочтамта). Наметились диагональная композиционная ось на юго-западе, которая получит значительное развитие при дальнейшем росте Челябинска. Характерной осталась постановка основ-

ных высотных доминант (церквей, вновь строящегося монастыря) не в перспективе магистралей, а в застройке. Замыкали перспективу улицы только небольшая деревянная (Симеоновская) и Троицкая церкви. В проекте наблюдалось безразличное отношение к реке, даже центральная площадь (Соборная) не была раскрыта на воду. На окраинах города намечались свободные пространства – места будущих значительных площадей (Южной и Александровской). Другой генплан этого периода (план города Чел.ябы 1839 г.) являлся очередной попыткой упорядочить застройку³³. Он учитывал основные сформировавшиеся площади и композиционные оси города, но предусматривал слишком большие совершенно одинаковые прямоугольные кварталы, которые не соответствовали целому ряду существовавших небольших улиц. Усложнилась сеть торговых площадей города, которые дифференцировались по функциональному признаку.

Новый этап развития Троицка характерен бурным ростом и активной перепланировкой. Анализ генеральных планов второго периода развития города (план г. Троицка 1859 г.³⁴, план с окрестностями 1835 г.³⁵) показывает, что территория продолжала расширяться на север, появились новые кварталы и улицы. Планировочная сетка, заложенная в XVIII в. развивалась, сохраняя основной модуль. Наблюдалось срастание города с форштадтом и слободой, которые на планах XVIII в. были обозначены, но значительно отстояли от крепости. Этот процесс ясно прочитывается на генеральном плане Троицка с окрестностями 1835 г., где основной город занимает уже почти такую же территорию, как на плане 1859 г. По сравнению с проектом четвертой четверти XVIII в. центральная часть города выросла незначительно, а общая территория расширилась за счет слившихся с ним предместий. Дальнейшее расширение центрального пространства было предусмотрено планом города 1859 г. В нем появилась ярко выраженная горизонтальная ось, на которой расположено несколько площадей.

К северо-западу от Троицка рельеф местности повышался. Там за пределами города, как требовалось правилами регулярного градостроительства, было отведено место для русского и мусульманского кладбищ. Рядом с русским кладбищем располагался женский монастырь. К востоку от русла р. Увельки рельеф понижался и на большом заливном лугу, на окраине города, образовалась площадь, на которой в базарные дни шла оживленная розничная торговля. Составлению подробных и соответствующих местности генеральных планов Троицка способствовало участие собственных профессиональных землемеров. Еще губернатор Неплюев организовал в Троицке инженерную школу, где обучали планировке и математике³⁶.

Это период создания наиболее знаменитых ансамблей заводов края. Новый этап композиционного формирования генеральных планов городов-заводов был характерен их территориальным расширением при полном сохранении ядра поселения. Планировка центра зависела от технологии предприятия, поэтому оставалась прежней. Со временем поселение обрастало дополнительными массивами селитьбы. Расширение территории самого завода в начале XIX в. было затруднено из-за отсутствия резервной земли в первых генпланах, однако промышленные территории тоже расширялись. Массивы селитьбы росли по принципу наилучшей пешеходной доступности к заводу и представляли собой подобие радиально-лучевой схемы вокруг прямоугольной планировки завода. В формировании генерального плана и характера застройки значительную роль, как и в городах-крепостях, играли природно-климатические условия и национальные строительные традиции этнических групп населения. Наблюдалось зонирование поселений по национальному признаку, формирование слобод. Планировка утратила логическую четкость расположения зданий. В результате стихийного роста городов-заводов такие экологически неблагоприятные предприятия, как салотопни, кожевни, скотобойни, мыло- и клееварни оказались в окружении жилой застройки. К концу 20-х годов XIX в. назрела необходимость в перепланировке и удалении предприятий за городскую черту.

Генеральные планы этого периода приводили вновь появившиеся массивы к прямоугольной схеме, заложенной в первоначальной планировке города. При расширении поселений все большее значение приобретал рельеф местности. Он был, как правило, сложным: глубокая чаша гор, склон горы или ее подножие. Это способствовала трансформации прямоугольных планировок в прямоугольно-лучевую схему. Важным итогом перепланировки стало создание резерва территории для расширения завода и жилых массивов. Однако присутствовал некоторый схематизм проектов и недостаточный учет места строительства. В отличие от реконструкции древних русских городов, в городах-заводах этот процесс был менее болезненным, т.к. его регулярные принципы соответствовали большинству первооснов городов. Особенностью планировок городов заводов являлась протяженность кварталов вдоль пруда, что приводило к вытянутости самих поселений (Миньяр, Юрюзань, Сим, Усть-Катав, Златоуст, Миасс). Другая особенность состояла в том, что массивы селитьбы, расположенные по разным берегам заводского пруда или реки, часто из-за рельефа очень различались размерами, очертаниями, направлением застройки (Кыштым, Сим, Миасс, Усть-Катав, Златоуст) и даже структурой членения (Миньяр). Размеры кварталов по мере приближения к центру часто уменьшались (Златоуст, Миасс, Сим). Это отличало города-заводы

от крепостей, где кварталы, как правило, были расположены более регулярно (параллельно, перпендикулярно или под углом к реке) и значительно меньше различались по величине, форме и структуре.

Перечисленные выше черты планировки первой половины XIX в. можно проследить на многочисленных примерах. Старейшие медные заводы западной зоны в этот период процветали и в ряде случаев значительно разрослись (Воскресенский, Архангельский).

Генплан Преображенского завода 1825 г. представлял небольшое компактное регулярное поселение³⁷. Пруд имел очень вытянутую форму. Река до плотины и пруд после плотины составляли практически прямой угол, на образовавшемся мысу располагается завод и центр поселения. Выше по течению реки находился еще один пруд меньших размеров с мельничной плотиной, мельницей и штыковой фабрикой. Между двумя прудами река делала резкий двойной изгиб, в этом месте в нее впадал ручей, поэтому в небольшом поселении было два моста, которые находились на основной улице вдоль реки. Такое необычное сочетание природных условий определило наличие двух центров в поселении, которые перетекали друг в друга вдоль берега реки. Более крупный центр разместили на предзаводской площади. Рядом с территорией завода располагались деревянная Преображенская церковь, господский дом, заводская контора, питейный дом, кузница, весовая и склады. Вторая площадь образовалась при впадении в реку ручья. Здесь были каменная Преображенская церковь и бани. Еще выше по течению реки находилось кладбище с каменной часовней. Селитьба располагалась компактным прямоугольным массивом с прямоугольными вытянутыми вдоль большого пруда кварталами. С другой стороны реки находилась больница.

Благовещенский завод включал крупный и регулярный массив селитьбы с одной стороны пруда, который имел три продольные улицы, пересеченные перпендикулярными переулками. На другой его стороне разместили еще один небольшой массив, который заканчивался предзаводской площадью с церковью. С противоположного конца этого селитебного массива находилось кладбище. Центр и заводская территория живописно располагались между двумя рукавами речки³⁸.

На генеральном плане Архангельского завода 1826 г. представлено уже достаточно регулярное селение, расположенное с одной стороны реки и пруда. Селитьба разворачивалась продольно вдоль реки, имела три больших улицы, пресеченные перпендикулярными переулками. Центр с предзаводской площадью находился на повороте реки перед плотиной. Напротив территории завода разместились церковь Архангела Михаила и комплекс, включавший господский дом, контору, заводскую управу и погреб. На противоположной селитьбе стороне реки находились кузница,

больница и ряд вспомогательных сооружений. Через достаточно широкую реку было перекинуто два моста: около центра и в конце селения³⁹.

Кроме большого заводского пруда, в центре Верхнего Авзянопетровского завода был маленький мельничный пруд. Наиболее значительный массив селитьбы расположился вдоль рукавов реки и мельничного пруда с обеих сторон. К нему примыкали два значительно меньших по площади селитебных участка. Центр поселения находился около завода на более высоком берегу. К предзаводской площади с церковью и господским домом выводила улица Нагорная. С другой стороны пруда параллельно шли улицы Конная, Большая и Красная. В некотором отдалении от центра был госпиталь⁴⁰.

Поселение Нижнего Авзянопетровского завода тоже имело два пруда: большой заводской и небольшой мельничный. Селитьба располагалась компактно, регулярность ее кварталов нарушалась реками и пересеченным рельефом. Центр селения находился на предзаводской площади, которая перетекала в отдельную церковную площадь с часовней. На выезде, практически примыкая к селитьбе, было кладбище⁴¹.

Минский железоделательный завод в 1830-х гг. представлял собой небольшое поселение с четырьмя продольными улицами. Поселение имело необычную композицию за счет двух плотин и, соответственно, двух заводских прудов. Селитьба была распланирована единым регулярным массивом с удлинёнными кварталами, расположенными перпендикулярно обоим прудам. В центре, примыкавшем к заводу, выделялся господский дом⁴².

Города-заводы северной зоны были наиболее живописными поселениями. В первой половине XIX в. они разрослись, особенно Кыштымские и Каслинский заводы. Например, селитьба Кыштыма уже в первой трети XIX в. размещалась вокруг пруда. Этот город-завод являлся примером интересной художественной разработки генерального плана с учетом сложного рельефа и нескольких водных пространств. Анализ генерального плана 1846 г. показывает значительное расширение города во всех четырех направлениях. Селитебная территория окружила завод, сформировались кварталы на противоположном берегу пруда и мощный массив вокруг заводского пруда на юго-востоке. Планировка кварталов выглядит более упорядоченной, чем в генплане XVIII в., но отвечающей конфигурациям пруда, реки и озера. Преобладала прямоугольная форма кварталов, удлинённая вдоль пруда и реки, в западной же части, на противоположной заводу стороне пруда, кварталы были небольшие, квадратные. Осталась основная композиционная ось (ул. Каслинская), направленная на завод. Наметились новая перпендикулярная ей ось всего поселения. На пересечении этих осей сформировался второстепенный центр, на терри-

тории которого впоследствии расположится новая церковь (еще не указанная в плане 1846 г.). В каждом из селитебных массивов остались и свои второстепенные композиционные оси. В планировке выгодно подчеркнуты живописные природные особенности территории города. В наиболее интересных для восприятия местах были воздвигнуты значительные здания. На острове – церковь, на возвышенном берегу пруда – дом заводовладельца с усадьбой, по оси моста в перспективе улицы – большой заводской корпус. Завод, на территорию которого была ориентирована основная композиционная ось поселения, остался наиболее значимой композиционной доминантой. Наличие церквей, особняка и мостов в сочетании с рельефом и водой придавали планировке живописность.

Наиболее многочисленны заводы южной зоны региона, которые получили в рассматриваемый период значительное развитие и часто – новые интересные планировочные решения. Крупнейшим из них был Златоуст, насчитывавший к середине XIX в. 13 тыс. жителей. На плане 1828 г. город значительно увеличился по площади. Он имел уже не два, а четыре ярко выраженных массива селитьбы и несколько мелких. Их расположение кажется бессистемным из-за очень пересеченного рельефа. Город состоял как бы из отдельных участков, расположенных на относительно ровной местности и соединенных с центром прямыми улицами. Основные улицы веером расходились от завода – центра города. Каждый селитебный массив имел свои планировочные оси и прямоугольную сетку улиц. В Златоусте было три плотины на разных реках. На третьей заводской плотине построена мукомольная мельница. На плане 1828 г. уже появились оружейная фабрика, госпиталь, арсенал, две конторы и каменная церковь.

Массивы селитьбы были объединены центральной (предзаводской) площадью. Она имела трапециевидную форму с расширением в сторону арсенала. Расположенный у берега пруда Свято-Троицкий собор являлся главной высотной доминантой города. Ансамбль площади – один из самых интересных на Южном Урале. Она была застроена по периметру, где расположились собор, сооружения металлургического и оружейного заводов с арсеналом, первоначально – два, впоследствии одно здание конторы, бывшая усадьба владельца, госпиталь, аптека. Эти здания формировали площадь и главные улицы, начинающиеся с ее тыльной стороны⁴³.

Миасс в XIX в. превратился в крупнейший центр золотодобычи в регионе. Согласно генеральному плану 1840 г. он имел два крупных селитебных массива по обоим берегам пруда, причем северный разделялся рекой на два, по-разному ориентированных, т.е. представлял собой пример смешанной прямоугольно-лучевой планировки. Кварталы во всех трех частях были неодинаковы по форме и величине, основные улицы

ориентировались на завод, расположенный центре, и предзаводскую площадь. Селитебные массивы имели каждый свои планировочные оси. Заводской пруд находился между двумя наиболее крупными селитебными массивами и занимал значительное место в объемно-пространственной композиции города. Миасс является одним из лучших памятников планировки первой половины XIX в., т.к. основные объемно-пространственные характеристики городского ансамбля сохранились до наших дней, поскольку в советский период город развивался на другом месте.

Генеральный план Сатки 1840 г. демонстрирует, что по сравнению с генпланом 1765 г. несколько вырос только северо-западный массив. На предзаводской площади появились госпиталь и полиция. Сохранилась старая планировочная ось большого селитебного массива, которая практически совпадала с осью плотины. В разросшемся северо-западном массиве прочитывалась планировочная ось, выводящая на мост. Дорога за мостом выходила к территории завода⁴⁴.

Симский завод в середине XIX в. процветал. По генеральному плану 1826 г. поселение имело пять продольных улиц и несколько перпендикулярных им переулков. Через селение, расположенное с одной стороны реки Сим, проходила еще одна небольшая речка, впадающая в пруд. Она текла вдоль основных улиц. Все улицы вели к предзаводской площади. На территории завода были расположены доменный двор, а также каменные кирпичная и плетельная фабрики. На предзаводской площади находились каменная церковь Дмитрия Солунского, контора и господский двор. Там же были поставлены склады. В конце селения на небольшой речке были построены мукомольная мельница и питейный дом⁴⁵.

Трансформация городской планировки в конце XIX – начале XX вв.

В конце XIX – начале XX вв. впервые после долгого периода господства регулярных принципов градостроительства в генеральных планах южноуральских городов появляются тенденции живописности и индуктивности роста. На этом историческом этапе изменился состав заказчиков строительства и характер взаимоотношений между ними и исполнителями. Основными заказчиками стали представители торговой и промышленной буржуазии, а также владельцы городских земель. В то же время 11 июня 1892 г. было принято новое Городовое положение, которое значительно расширяло права губернатора, т.е. делало управление города менее демократичным. Ни одно из решений городской думы не могло быть приведено в исполнение без одобрения губернской администрации.

На местах действовали строительные отделы, созданные при губернских и областных правлениях, в состав которых входили губернский инженер, губернский архитектор, два помощника и техник. Их функции

включали составление проектов, смет, контроль за производством работ и т.д. Однако строительным отделениям были неподведомственны дворцовые и церковные постройки, крупные учебные и благотворительные здания, военные объекты, порты, таможни, банки, конторы, а также здания горных заводов и соляных магазинов, строительством которых ведали министерства и ведомства.

Анализ генеральных планов Оренбурга, Уфы, Челябинска, Троицка и других южноуральских городов демонстрирует стихийность их развития. Как и в целом в России, города Южного Урала росли за счет слияния с предместьями и возникновения новых слобод. Такая индуктивность роста привела к живописности планировки, которая, однако, была совершенно лишена рационального начала. В связи с транспортным и промышленным строительством произошло значительное усложнение городской структуры. Территория расширилась за счет строившихся в районе вокзалов станционных поселков, сначала отделенных от городов, но постепенно с ними сраставшихся. Новые очаги застройки сформировались за пределами старого ядра города, ограниченного радиусом в 1,5 – 2 км. При этом города еще не использовали резервы в своих старых границах, наблюдалось большое количество пустырей – разрывов между участками селитьбы. В дальнейшем пустыри постепенно застраивались. В результате этого процесса планировочная структура городов приняла некомпактный, разобщенный характер. Территории в границах городской черты получили неоправданно большие размеры по отношению к количеству населения.

Уже к началу XX в. выяснились негативные стороны стихийной застройки. Линии железной дороги с разрастающимися станционными сооружениями, складскими территориями разделяли города самым неудобным образом, отрезали их части от источников водоснабжения. При отсутствии оборудованных развязок железнодорожного и городского транспорта возникали неоправданно удлинённые городские связи. Остроту сложившегося положения отражают многочисленные документальные источники тех лет – жалобы жителей окраин, адресованные городской администрации.

Стремительно росло стихийное заселение новых городских территорий переселенцами, которое часто приводило к тому, что строительство проходило без учета инженерных и гигиенических требований и без должной инженерной подготовки территории. Если ранее к выбору места под застройку подходили с большим вниманием, теперь на первый план вышли не экологические и эстетические, а экономические факторы, селитьба строилась на топких, овражистых и прочих неудобных землях. Для рассматриваемого периода характерно сознательное заселение непригодных территорий разорившимися переселенцами, безработными,

лишенными средств для аренды земельного участка. В результате этого по склонам оврагов, на затопляемых участках берегов рек, вдоль линий, веток и тупиков железной дороги стихийно вырастали целые поселения, лишенные элементарной планировки с жилищами трущобного типа.

Выбор места для постройки фабрик и заводов, как правило, определялся тремя условиями: расположением поблизости железнодорожных путей для транспортировки сырья и готовой продукции; возможностью легко получить воду для промышленных целей и стоимостью земельных участков. Строительство фабрик и заводов приводило к ухудшению санитарного состояния городов: промышленные объекты часто строились в гуще кварталов и без учета направления ветров. Развитие промышленности приводило к усложнению и чересполосному формированию планировочных структур.

Первоначально регулярные планы середины XIX в. служили планировочной основой быстрого развития поселений, однако по мере многократного увеличения территории планировкой оказывались охвачены лишь исторические центральные районы. Но и в центрах пространственная система улиц и площадей начинала входить в конфликт с новыми функциональной и социальной структурами. Что же касается новых жилых и промышленных районов, то они настоятельно требовали своей планировочной организации.

Из двух основных градообразующих факторов этого периода (железнодорожного строительства и промышленности) первый на Южном Урале был особенно значим. Это объяснялось тем, что край являлся старым промышленным регионом и в данный период большинство заводов только перепрофилировались. Поэтому города всех типов, оказавшиеся на железной дороге, испытывают быстрый рост, а другие постепенно теряют свое значение. В число наиболее крупных городских поселений стремительно вошел Челябинск, ставший важным железнодорожным узлом. Относительно большими административными центрами остались Уфа, Оренбург и Троицк, а значение Верхнеуральска в системе расселения резко упало.

Уфа во второй половине XIX в. продолжала расти, но ее значение несколько уменьшилось, т.к. город был не узловым, а транзитным железнодорожным пунктом⁴⁶. Территория города несколько увеличилась в восточном направлении, частично была перестроена и центральная часть. Усложнилась планировочная структура города, что было связано с проведением Самаро-Златоустовской железной дороги. В Северной слободе появился вокзал и значительно расширилась пристань, откуда было открыто паромное движение. Это изменило городскую транспортную схему. Кроме того, к привокзальному району были отнесены Нижегород-

ская и Ново-Нижегородская слободы, которые возникли вдоль железнодорожного полотна без санкции властей. Северная слобода активно развивалась. Там появилась площадь с приходской церковью, которая поддерживала основную композиционную ось города, проходящую от кафедрального собора. За этими тремя слободами на берегу реки Белой находилась еще одна – Сафроновская, которая выросла вместе с увеличением пристани. В этом месте она делала петлю и практически охватывала город того времени с другой стороны. В южной части города появились такие слободы, как Архиерейская, Труниловская, Золотухинская. В целом территория Уфы рассматриваемого периода делилась на пять административно-полицейских районов. Первый и второй оставались в границах города 1819 г., третий располагался на территории старой Уфы за рекой Сутолокой, четвертый являлся привокзальным, а пятый занимал южный берег реки Белой. Каждый район имел площади, общественные и торговые центры.

С завоеванием Ташкента Оренбург утратил значение стратегического и торгового центра Российской империи, что повлияло на его место в системе расселения края. Дальнейшее развитие город получил только со времени постройки сначала Оренбургской железной дороги, соединившей его с Самарой в 1876 г., а потом, в 1913 г., продолженной до Ташкента и далее по Средне-Азиатским владениям. Территория города активно развивалась⁴⁷ (ил. 7). Центр сформировался на Соборной площади, к которой сходились основные улицы. С восточной стороны находился казачий форштадт, с юга границей служила река Урал, а с запада к городу примыкали Старая (Голубиная) и Новая слободки, представлявшие собой слившиеся с ним поселки. Центр оставался в южной части, где находились каменные дома и асфальтовые улицы. Город делился на пять полицейских частей. Эспланадная площадь была частично застроена, частично разбита на отдельные небольшие площади: Соборная, Кадетская, Караван-Сарайская, Чернореченская, Деевская, Конно-Сенная, Форштадтская (существовала давно), Мечетная. На территории этих площадей располагались торговые ярмарки или городские сады. Конно-Сенная, наиболее крупная из них, находилась восточнее центра. Чернореченская находилась около бывших Чернореченских ворот в западной части города, здесь существовало пять торговых рядов с 104 лавками, площадь соединялась с Хлебно-Соляной. Положение Мечетной торговой площади – Новая слободка около мечети и мусульманских кладбищ. Парадная Соборная площадь была озеленена. Она формировалась зданиями гостиницы Европейской, банка, окружного суда и почтовой конторы. Старая Форштадтская площадь по-прежнему отделяла город от Форштадта. В восточной ее части был разбит сквер с каменной часовней. Ее застройку образовывали ка-

зармы, военное казачье училище, станичное правление и суд, пожарное депо, станичные школы, духовная семинария и епархиальное училище с семинарской церковью.

Главной композиционной осью города оставались три параллельные улицы – Николаевская (Большая), Перовская и Введенская, проходившие от реки Урал до Новой слободки. На этой улице находились крупные магазины, банки, Дом общественного собрания, Петропавловская церковь, Гостиный двор, Вознесенская церковь. На Николаевскую улицу выходила Думская площадь со сквером, каменным бассейном и беседкой. Напротив сквера располагались здания городского театра и реального училища. Со стороны реки Урал основная тройная композиционная ось города оканчивается перпендикулярно расположенной набережной улицей с пивоваренным заводом В.С. Мошкова, Введенской церковью, вторым Оренбургским кадетским корпусом, главной гауптвахтой, Преображенской церковью, а также городским бульваром с памятником Александру I.

Новый этап строительства Челябинска отличался быстрым экономическим подъемом и общественно-культурным развитием. Постройка здесь дороги, начатая от Златоуста в 1891 г., была закончена через пять лет. Влияние сооружения Сибирской магистрали на рост Челябинска возрастало по мере прокладки пути и открытия движения сначала до Кургана (1893 г.), а потом до Омска (1894 г.) и далее. В 1895 г. город был соединен еще веткой с Екатеринбургом, а в 1912 г. через станцию Полетаево – с дорогой на Троицк и Кустанай. В результате этого кардинально изменилось место города в системе расселения региона. Челябинск стал важнейшим железнодорожным пунктом.

Город значительно разросся. О характере его формирования можно судить по плану 1910 г. Развитие осуществляется по основным принципам проекта 1838 г. Более четко читалось зонирование территории. Челябинск делится на четыре, довольно обособленные друг от друга части: Центральная или торговая; Заречная – с хлебным рынком, кожевенными и кирпичными заводами; Заручейная; Привокзальная. В Центральной части (улицы Уфимская, Большая, Сибирская, Ивановская) расположены городские и земские учреждения, лучшие магазины, банки, биржа, конторы, театр, клуб. Здесь были хорошие мостовые, тротуары, водостоки, телефон, электрическое освещение, водопровод и прочие удобства. Что касается других частей города, то улицы были не замощены, освещение скудное, водопровода нет. Особенно низок уровень благоустройства слобод Пригородной, Никольской, Сибирской, Шутаевской (Порт-Артура), Колупаевской (Грабиловки). За исключением казачьего Никольского поселка все эти пригороды возникли после 1891 г.

Новый этап развития Троицка характерен не таким бурным ростом,

как в Челябинске. Это объясняется тем, что здесь проходила не основная Самаро-Златоустовская железная дорога, а только ее ветка на Кустанай, сооруженная позднее. Тем не менее Троицк в начале XX в. был вторым по величине городом в Оренбургской губернии после Челябинска, т.к. сохранял свое значение крупного пункта торговли с Востоком.

Анализ генеральных планов Троицка 1856 г., второй половины XIX в. и 1864 г. позволяет сделать вывод, что территория росла вдоль реки Уй и на север⁴⁸. Генплан 1856 г. учитывал сложившуюся застройку, но значительно укрупнились кварталы города, которые теперь обращены к реке не длинной стороной, а короткой. Следующие планы приняли новую сетку улиц и более четко сформировали систему площадей, сохраняя заложенную схему планировочных осей города. В Троицке сформировалось две торговых зоны, так называемых Верхнего и Нижнего базаров. В районе Нижнего базара находились дома крупных троичских купцов с лавками, лабазами и другими сооружениями. Из всего этого образовались специализированные ряды Нижнего базара (Башмачный, Горшечный, Перинный, Мясной, Мучной и т.д.). Завершалась территория двумя неторговыми рядами – Кузнечным и Банным, располагавшимися вдоль правого берега реки Увельки.

Качественной перепланировки городов-заводов в этот период не происходило, наблюдалось только количественное разрастание поселений вокруг практически неизменного центра. Наиболее интересные в архитектурном отношении ансамбли центров городов-заводов к рассматриваемому периоду в большинстве случаев уже сложились. Основное каменное строительство в этих поселениях проводилось в первой половине XIX в. Значительные изменения в относительно рентабельных заводах произошли только с самой промышленной территорией. Там, где происходила модернизация производства, наблюдалось усложнение ее объемно-пространственных характеристик. Увеличились промышленные площади, появились крупномасштабные горизонтальные элементы, например, больших размеров цеха, складские здания. Разнообразнее стали вертикальные доминанты заводов, прежде всего заводские трубы и открытое оборудование. Появились вертикали подвесных дорог, копров, градирен и т.п. Введение новых видов транспорта – канатных дорог, вертикальных подъемников, а также железных дорог – внесло существенные изменения в композицию заводов. В целом появился разный масштаб промышленных и остальных территорий городов-заводов. Значительно усилился принцип контраста между заводом и городским окружением. Если в целом в России заводы находились на периферии и не влияли на композиционные и стилистические особенности центра, то в городах-заводах промышленная территория продолжала активно определять облик цен-

тральной части поселения. Изменившийся масштаб промышленной территории с новым оборудованием и транспортом менял и масштаб центра города-завода.

Территориальное развитие Кыштыма по генеральным планам 1893 г. и конца XIX в. в сравнении с планом 1846 г. было небольшим. В целом сохранились те же селитебные массивы. В объемно-пространственной композиции города (наряду с промышленными территориями) главенствовали ранее сложившиеся ансамбли предзаводской площади и Белого дома. Сохранилась система высотных доминант – завод и два основных храма. Трассировка улиц и характер разбивки кварталов изменился незначительно. Большое значение в композиции города продолжали играть рельеф и водоемы, что отмечают практически все описания тех лет⁴⁹. Многочисленные источники свидетельствуют о высоком уровне благоустройства Кыштыма⁵⁰. В 1901 г. в городе была построена газогенераторная станция для производства электроэнергии. В целом, несмотря на отсутствие мощения улиц, водопровода и канализации, ансамбль центра Кыштыма являлся одним из самых интересных на Южном Урале. На предзаводской площади появился памятник Александру II и фонтан, который в настоящее время перенесен и не действует, но первоначально он занимал центральное место на площади и удачно завершал весь ансамбль, воспринимаясь вместе с чугунными решетками ограды и ворот завода. Композиция фонтана представляла собой каскад из трех уменьшающихся сверху чаш, по бокам которого располагались бассейны с двумя тройными ромбовидными фонарями. Рядом находились краны для воды. С двух сторон к фонтану вели лестницы⁵¹.

Сравнение плана рыночной площади в Верхне-Кыштымском заводе 1870 г. и ее же плана 1895 г. наглядно демонстрирует повышение уровня благоустройства. В городе на плотине был разбит бульвар, а также сады и аллеи. Как свидетельствуют географические путеводители тех лет, активному благоустройству с устройством оранжерей и бульваров была подвергнута и пригородная зона Кыштыма. В пояснениях к генплану Кыштыма 1895 г. можно обнаружить некоторые меры для улучшения экологии города. Например, отдалены от жилой застройки «кварталы для заведений смрад и нечистоту производящие»⁵².

Златоуст был на Южном Урале одним из самых красивых и процветающих городов-заводов. Его генеральный план второй половины XIX в. по сравнению с планом 1828 г. отражал значительный рост северо-западных и восточных массивов города и некоторое его развитие на юго-запад. Генплан начала XX в. демонстрировал дальнейший рост на северо-запад и появление там крупного массива, связанного с железной дорогой. В 1917 г. площадь города составляла 700 десятин. На этом пространстве

было построено большое количество больших каменных зданий и бытовых домов. В конце XIX – начале XX вв. в городе четко читалась разница между центром и окраинными рабочими районами. Топографический характер местности города определил неодинаковость санитарного состояния. Если в центре, несмотря на отсутствие мощения улиц, город выглядел благополучно, жизнь в домах, находящихся в ущелье (улицы Мастерская, Большая, Нижне-Заводская и др.), в санитарном отношении часто была невозможна вследствие сырости, туманов и дыма заводских труб. Интеллигенция жила по преимуществу в лучших домах на улицах Большой и Малой Немецких, Ключевской и Никольской. В остальных частях города жилища были небольшие, занятые семьями рабочих.

В конце XIX в. значение города Миасса несколько падает. Он располагался в шести верстах от Самаро-Златоустовской железной дороги и фактически завода уже не имел. Производственной базой города была золотодобыча. Генеральный план Миасса второй половины XIX в. отражает рост города на юго-запад, однако этот план неточно указывает северный селитебный массив.

Таким образом, генеральные планы городов Южного Урала основных исторических периодов позволяют проследить противоборство регулярных и нерегулярных принципов в планировке разных типов поселений. Одновременно в примечаниях и пояснениях к этим планам можно обнаружить свидетельства отношения зодчих того времени к благоустройству, противопожарным и экологическим требованиям и даже иногда к характеру застройки.

В целом развитие регулярных принципов градостроительства соответствовало общероссийским тенденциям. Наблюдалось значительное запаздывание внедрения этих принципов, что объяснялось удаленностью и относительно поздней русской колонизацией региона. Во второй половине XVIII в. происходило становление регулярных воззрений вместе со строительством крепостей Оренбургских укрепленных линий. Окончательное утверждение этих принципов пришлось на первую половину XIX в., когда наблюдалась перепланировка южноуральских поселений в рамках общероссийского процесса. К середине века регулярные принципы исчерпали себя, но переход к живописной индуктивности формирования городов произошел в период строительства Самаро-Златоустовской железной дороги.

ПЕРЕПЛАНИРОВКА ЧЕЛЯБИНСКА XVIII–XIX вв.: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ

Г.Х. Самигулов

Планировка Челябинска XVIII – середины XIX вв. по архивным материалам

История планировки населенных пунктов обычно находится в сфере интересов историков архитектуры и градостроительства. Знание истории развития планировочной структуры города в разные периоды, безусловно, облегчает понимание исторических документов, касающихся прав собственности, имеющих адресные привязки. С развитием археологии позднего времени в исторических городах опять-таки возникает потребность в информации об исторической планировке и домовладениях, располагавшихся на участках исследования. Столкнувшись с необходимостью соотнести конкретные участки в Челябинске с людьми и усадьбами XVIII – XIX вв., мы выяснили, что эта часть истории города не изучена. Имеющиеся статьи по истории планировки весьма поверхностны либо являются смутным отражением представлений о том, как же оно должно было быть. В этой ситуации, решая задачи атрибуции участков исследования, мы параллельно восстанавливаем историю планировки Челябинска. Ниже кратко сказано о проблемах, с которыми приходится сталкиваться при работе с архивными материалами, дан небольшой очерк истории планировки и названий улиц Челябинска середины XVIII – середины XIX вв.

По ряду причин довольно сложно проследить историю какого-либо участка или отдельной постройки на протяжении XVIII – XIX вв. В первую очередь это связано с указанием расположения дворов в документах того времени – в качестве адреса указывался приход, часть (т.е. единица административно-полицейского деления) города, улица и номер дворового места. На сегодняшний день не найдено ни одного плана Челябинска XVIII – первой половины XIX вв. с указанием названий улиц либо с разбивкой на дворовые места. Кроме того, в конце XVIII – начале XIX вв. нумерация дворовых мест менялась, как минимум, дважды. В документах могут быть использованы как номера участков, современные его (документа) составлению, так и анахроничные, что еще больше усиливает путаницу. Значительная часть дворов в этот период неоднократно переходила из рук в руки, причем документы об этом далеко не всегда сохранились, а улицы переименовывались дважды. Все это создает клубок вопросов, который приходится очень аккуратно распутывать, причем многие нити оборваны. Часть информации нами восстановлена, в частности, общая история планировки города и исторические названия улиц. В на-

стоящее время идет создание базы данных, необходимой для реконструкции изменений нумерации дворовых мест. Пока что мы в единичных случаях можем проследить историю двора до XVIII в., либо соотнести конкретный участок археологических исследований с двором или дворами конца XVIII – середины XIX вв.

Челябинская крепость, основанная в 1736 г., с 1743 г. по 1781 г. была центром Исетской провинции, а впоследствии стала уездным городом. Однако развитие ее планировки в начальный период существования происходило так же, как и других крепостей Южного Зауралья современной ей постройки, от них она отличалась лишь тем, что имела не земляные стены, а деревянные. Известен план 1736 г., на котором показана первоначальная планировка крепости (ил. 8)¹. Следующий выявленный план датирован 1768 г. (ил. 9), т.е. показывает планировку на стадии развивающегося центра Исетской провинции, когда население Челябинска составляло порядка 3000 человек. Восстановить развитие планировки Челябинска в первые десятилетия его существования мы попытаемся исходя из описаний современников, опираясь на планы других крепостей и археологические материалы.

План первой Челябинской крепости неоднократно опубликован и подробно разобран И.В. Дегтяревым², им же определено место расположения первой крепости относительно современной городской планировки – к югу от ул. Труда с современной территорией табачной фабрики и западную часть пл. им. Ярославского (ил. 10)³. Соответственно, мост через р. Миасс располагался примерно там же, где и современный мост по ул. Кирова. Стены первой крепости представляли собой заплот.

Показанные на плане 1736 г. дома, расположенные между рекой и крепостью (ил. 8), вряд ли были достаточны для размещения всех семей записанных в казаки крестьян, учитывая, что уже в сентябре этого года Тевкелев докладывал Татищеву о 192 семьях, записанных в Челябинскую крепость⁴. И. Гмелин в 1742 г. застал следующую картину: «... крепость ... обнесена только деревянными стенами из лежащих бревен. ... Выше и ниже крепости находятся 261 крестьянский двор, 20 солдатских и 5 казачьих квартир. ... Чуть ниже крепости, на свободном месте стоит церковь Святого Николая, где уже 2 года ведутся службы»⁵. Кроме улицы, проходившей между крепостью и берегом Миасса (Сибирская – Ивановская, ныне Труда), существовали кварталы и, соответственно, улицы, расположенные выше и ниже крепости по течению реки. К востоку от крепости, между нею и жилой застройкой, располагалась церковь Николая Чудотворца, при ней кладбище, южнее Гостиный двор, построенный в 1747 г. В ширину границы жилых кварталов совпадали с южной крепостной стеной и, скорее всего, были обнесены оборонительными сооружениями. До

середины XVIII в. южная граница проходила севернее современной улицы К. Маркса (ил. 10). С увеличением населения Челябинска, с середины XVIII в. началось заселение левого берега реки, а на правом берегу город расширился до северного края нынешней Аллеи Славы (ул. Коммуны) (ил. 10).

Косвенным подтверждением того, что в течение недолгого времени южная граница крепости проходила несколько севернее современной ул. К. Маркса, является обнаружение весной 2004 г. могил православного кладбища, датированного XVIII в., примерно в 70 м к юго-востоку от перекрестка улиц Кирова и К. Маркса (ил. 10: 2). Вполне вероятно, что это первое Челябинское кладбище, существовавшее в 1736–1740 гг. за южной стеной крепости. Впоследствии, после освящения церкви Николая Чудотворца, кладбище было перенесено к ней, часть его была исследована в ходе работ 1996 г. на территории современной пл. Ярославского (ил. 10: 1). Вновь обнаруженное кладбище использовалось недолго, об этом свидетельствует небольшое количество захоронений и значительное расстояние между ними⁶. При исследованиях кладбища на площади Ярославского могилы были расположены вплотную друг к другу, а порой в два, а то и в три слоя. Очевидно, кладбище, существовавшее за южной стеной крепости, было закрыто после расширения города и определения нового места для захоронений.

Выяснить, в какое время Челябинск расширился до границ, показанных на плане 1768 г., сложно, но известно, что в 1761 г. периметр городских стен составлял те 4 версты 337 сажень, что и в 1768 г. Остается надеяться, что со временем будут обнаружены планы Челябинска периода 1737 – 1767 гг., которые позволят проследить развитие крепости и города.

В 1768 году был составлен План города Чилиябы (ил. 9)⁷. Очевидно, он был выполнен по Указу от 25 июня 1763 года «О делании всем городам, их строениям и улицам специальных планов, по каждой губернии особо». Курировала эту работу учрежденная в 1762 году Комиссия каменного строения, созданная для обустройства Санкт-Петербурга и Москвы, но в скором времени занявшаяся вопросами городского строительства в России вообще⁸. Челябинск не имел официального статуса города, но, являясь центром Исетской провинции, выполнял функции города фактически, что отражено в названии документа: не план крепости, а план города, который отражает тенденции в проектировании городов России в начале второй половины XVIII века: город распланирован П-образно относительно центральной площади, на которой сконцентрированы духовные (собор), административные и торговые учреждения. Задача оформления центральной площади и планировки города относи-

тельно нее была основной в представлении архитекторов того времени⁹. План имел проектное назначение, но, скорее всего, составлялся с учетом реальной планировочной ситуации. Так, пустой участок к западу от Христорождественского собора и Гостиного двора остался после сноса первой Челябинской крепости, вокруг которой и начиналось формирование ранних кварталов города. Ширина кварталов и улиц, очевидно, уже соответствовала Регламенту Исетской провинциальной канцелярии комиссарам крепостей провинции о порядке управления различными сторонами жизни в крепостях от 19 ноября 1744 года. Новые участки по этому «Регламенту...» рекомендовалось «отводить из порозжих против прежнего споряд порядочно и по линии близ прежнего строения каждому в длину по двенадцати, а в ширину по восьми сажен..., улицы оставлять пространные, против прежнего большие, по восьми, а переулки по шести сажен»¹⁰. Этим и объясняются вытянутые узкие кварталы, показанные на плане 1768 г. (ил. 9), возможно, такова была и изначальная планировка Челябинска. К сожалению, на сегодняшний день не выявлено планов города 1740 – 1750-х годов, и мы не имеем представления о реальной планировке до 1768 года.

Подтверждением того, что перепланировка города по плану 1768 г. происходила, может служить стратиграфическая ситуация, выявленная в ходе археологических исследований 2003 г., проводившихся на котловане строящегося комплекса зданий областного краеведческого музея. При зачистке западной стенки котлована были выявлены слои подсыпки речного песка и дресвы, фиксирующиеся на протяжении всей стенки котлована (около 30 м); слои подсыпки перекрывали заполнение углубленного объекта с впущенным срубом. В заполнении землянки был найден довольно архаичный материал, датируемый XVIII в. Подсыпка, перекрывающая землянку, – остатки дорожного покрытия улицы, которая с конца XVIII в. и до 1874 г. называлась Проточной (см. ниже); на плане 1768 г. (ил. 9) это последняя двусторонняя улица в западной части правобережья. Мощность подсыпки объясняется тем, что описываемый участок располагался в прибрежной части, где шло понижение к реке, т.е. было сыро. В одном из документов середины XIX в. указывается на то, что эта часть территории города была заболочена: «в двух кварталах примыкаемых к выгону почти на болоте или трисине от Исетской по Маршаловской улицы до Мияса»¹¹. Исходя из стратиграфической ситуации на раскопе, можно сделать следующий вывод: участок являлся частью двора, на котором была сооружена землянка, неизвестного жилого или хозяйственного назначения, впоследствии засыпанная, а по участку прошло полотно улицы. В одном из слоев дресвяной подсыпки улицы была найдена монета 1800 года. Очевидно, землянка относится к началь-

ному периоду существования Челябинской крепости, а дорога (улица) была проложена по плану 1768 года.

Сложно судить, насколько успешно шла реорганизация городского пространства по плану 1768 г., однако в 1770 – 80-х гг. началась Губернская реформа, в ходе которой Челябинск изменил свой статус, став в 1781 г. уездным городом. Фактическое начало реформы связано с выходом в 1775 г. документа «Учреждение для управления губерний». Мероприятия реформы сопровождались перепланировкой губернских и уездных городов на регулярной основе, которая носила всеобщий характер. Курировала эту деятельность та же Комиссия каменного строения. В ходе работы в 60-е гг. Комиссией были выработаны следующие стандарты: кварталы размерами 50 x 90 сажен разбивались на 12 участков 15 x 25 сажен. В 1770 – 80-х гг. перешли к более гибкой системе: ширина кварталов должна была составлять 20–25 сажен, длина дворовых мест по улице – 10–15 сажен. Кроме того, было разработано восемь типовых проектов домов для застройки городов при перепланировке¹².

План 1784 г. (ил. 11)¹³ составлен в рамках программы перепланировки городов, осуществлявшейся в ходе выполнения областной (губернской) реформы. Мы имеем два варианта этого плана: один был снят уездным землемером Ипполитовым (ил. 11)¹⁴; другой, «облагороженный», был перечерчен с ипполитовского в Петербурге, снабжен рекомендациями по застройке и представлен на утверждение Екатерине II¹⁵. Оба плана содержат информацию как о реальной ситуации, так и о проектируемой планировке города. Реальная застройка явственно напоминает план 1768 г., но с видимыми искажениями: неровные кварталы, непараллельные улицы. Проект не ограничивался квартальной разбивкой, было предусмотрено также конкретное расположение основных административных зданий и прочих построек, имеющих важное значение: питьевых домов, соляных и провиантских магазейнов (складов), частной и квартальных съезжих (арестных домов, полицейских участков).

Здесь необходимо сделать отступление для объяснения некоторых терминологических особенностей. Русский язык за 200 лет изменился, и в конце XVIII – XIX вв. некоторые слова имели отличное от современного значение. Так и слово «квартал» в ту пору обозначало административную часть города, а вовсе не участок сплошной застройки, ограниченный пересекающимися улицами. Более крупной единицей, в которую входило несколько кварталов, являлась часть (отсюда слово «участок»). В Челябинске административных кварталов было три, и их же обычно называли «частями», хотя в строгом значении весь город состоял из одной «части». В конце XVIII – середине XIX вв. Челябинск делился на кварталы следующим образом: 1-й квартал (часть) – к югу от реки и к

западу от ул. Христорождественской (включая ее), 2-й квартал (часть) – к югу от реки Миасс и к востоку от ул. Христорождественской; 3-й квартал (часть) – Заречье, часть города к северу от реки Миасс. В последней трети XIX в., а точнее с 1881 г., нумерация кварталов изменилась: 2-й стал 1-м, 3-й – 2-м и, соответственно, 1-й стал 3-м. Кварталы же в современном значении этого слова называли по-разному: в Изъяснениях к плану 1784 г. образец квартала с дворовой разбивкой обозначен как «четвероугольник» (ил. 11); в таких же Изъяснениях к проектному плану 1819 г. использовано слово «квартал», но широко в этом значении оно не бытовало; в документе 1869 г. определение границ планового квартала и дворовых мест было названо «разбивкой на гнезда во 2-м (административном – Г.С.) квартале Челябинска»¹⁶. И только в конце XIX – начале XX вв. в документации стало постоянно использоваться выражение «плановый квартал», т.е. квартал в современном понимании.

Имеет смысл подробнее ознакомиться с предполагавшимися изменениями в планировке Челябинска и рекомендациями Комиссии каменного строения, которые были присовокуплены к плану 1784 г., поданному на утверждение Екатерине II. Эти рекомендации отражали требования, предъявлявшиеся к организации городского пространства, разработанные Комиссией на основании отечественного и иностранного опыта.

Прежде всего, по плану 1784 г. (ил. 11) предполагалось расширение города относительно его реальных границ на юг, примерно до современной ул. Коммуны, и на север, приблизительно до нынешней ул. Калинина. Планировалось деление города на четыре административных квартала с четырьмя квартальными съезжими. Ввиду небольших размеров города деления его на части не предусматривалось – на плане показана одна частная съезжая, т.е. арестантское отделение, размещенное при здании руководства полицейской части. Центральная площадь с расположенным на ней Христорождественским собором подлежала перепланировке, по ее северному краю показаны запроектированные здания судебных учреждений, городнического правления и дома городничего. В заречной части, на берегу р. Миасс показан будущий небольшой квартал, в котором должны были располагаться здания различных складов, а также уездное казначейство. Четыре питейных дома предполагалось разместить в разных местах города, через дорогу от квартальных съезжих, еще по одному – на центральной площади, рядом с частной съезжей, и за ручьем, на северо-востоке города.

Согласно рекомендациям Комиссии каменного строения, выбор фасадов и планов административных зданий оставался за генерал-губернатором; жилые каменные и деревянные дома должно было строить по примерным фасадам, не превышая определенных размеров; коже-

венное, кузнечное, салотопенное и пр. производство надлежало вынести за пределы города и т.д.

Интересно, что на плане 1784 г., «четвероугольник в коем назначены для примера обывательские дома и строения», показанный в северо-западном углу плана, имеет размеры 120 x 60 сажен и поделен на 16 дворовых мест, причем фасады домов выходят только на улицы по длинным сторонам квартала (рис. 4). Это несколько отличается от стандартов Комиссии каменного строения, о которых говорилось выше. Однако к моменту ликвидации Комиссии в 1796 г. многие города не были реорганизованы согласно новым планам¹⁷, в их числе был и Челябинск. То, что общая планировка центральной части города сохранялась без существенных изменений еще в первой половине XIX в., а по большому счету, и в начале 1870-х гг., хорошо видно по планам конца XVIII–XIX вв.

Реорганизация городского пространства требовала значительных денежных средств, однако Челябинск конца XVIII – начала XIX вв. вряд ли способен был на значительные расходы. В 1781 г. была ликвидирована Исетская провинция, и Челябинск из провинциального центра превратился в уездный город¹⁸. В 1782 г. (по данным Духовного правления 1789 г.) в городе было 878 дворов, в которых проживало 7015 человек, из которых поселян, то есть государственных крестьян – 1910. Вполне возможно, что поселяне, указанные в списке духовного правления, большей частью были жителями пригородных деревень, относившихся к приходам Челябинских церквей, в таком случае население собственно Челябинска составляло около 5000 человек¹⁹. К 1795 г. городское население сократилось до 2564 человек²⁰. Отток населения можно объяснить изменением статуса города: с ликвидацией провинции Челябинск стал центром уезда, гораздо меньшей административной единицы (в состав Исетской провинции изначально входило три уезда, позже – пять). Соответственно, уменьшилось количество денег, проходящих через город, подрядов на проведение различных работ, поставок продовольствия, стройматериалов и пр. Город не мог прокормить прежнее количество населения, точнее, сохранить уровень жизни, и люди стали уезжать. Казаки переселялись в близлежащие села и деревни, купечество и мещанство частью перебиралось в другие города, частью записывалось в государственные крестьяне. В этих условиях реальная перепланировка города по новому плану была невозможна. Какое-то время потребности состоятельной части населения в расширении участков удовлетворялись за счет покупки опустевших участков казаков, переехавших на жительство в деревни и на заимки, и мещан, перешедших в крестьянское сословие, а также участков, на которых располагались обветшавшие казенные и общественные постройки (бывшее городническое правление, ратуша). В

условиях сокращения населения происходило перераспределение имеющейся городской земли, и в течение довольно длительного времени особого дефицита участков под застройку не ощущалось. Надо еще учитывать, что в конце XVIII в. оставались незастроенными значительные участки городской территории вдоль северной и южной городских стен.

Два плана Челябинска конца XVIII в. не имеют дат составления. Один из них хранится в деле РГВИА, датированном 1798 г.²¹, но на плане Шадринска из этого же дела указан 1797 г. составления²², скорее всего, собраны планы были в 1798 г., но могли быть подготовлены годом – двумя раньше. Условно мы будем называть его планом 1798 г. Второй из упомянутых планов²³, очевидно, составлен в ходе проведения Генерального межевания земель, в районе Челябинска эти работы проводились в 1799 – 1800 гг.²⁴ Планы 1798 и 1799 гг. не были оригинальными документами, т.е. не снимались с натуры, а копировались с более ранних планов.

План 1799 г. был составлен, скорее всего, для отчетности по проведению Генерального межевания земель. 5 мая 1799 г. Челябинский уездный землемер Богорщиков обратился в Челябинскую шестигласную думу: «Ордером губернского землемера титулярного советника Афонасьева насланным минувшего апреля ..., в сходственность предписания от его сиятельства князя Ивана Михайловича Баратаева, и вследствие требующаго господином действительным тайным советником генерал-прокурором и кавалером святлейшим князем Петром Васильевичем Лопухиным без замедления в присылку для случающихся не терпящих времен и отправок Оренбургской губернии всем городам планов с показанием числа жителей разнаго звания людей, а уездам – атласов, но как я при делах ведомства моего городского плана не имею, в таковом случае благоволит дума имеющейся во оной городской план для скопирования со онаго копии; равно с оставших во оном городе дворов в них жителей-вущих числа душ купечества мещанства, разночинцов разнаго звания людей прислать ведомость»²⁵. План для снятия копии Богорщикову из думы направили, а за информацией о количестве жителей отослали в городническое правление²⁶. Сам план 1799 г. подписан губернским землемером титулярным советником Афонасьевым, по поручению которого Богорщиков и запрашивал в думе план для копирования. Очевидно, общая планировочная ситуация в конце XVIII в. существенно не изменялась и не требовала специальной съемки. Землемер просто копировал общую схему предыдущей версии плана, наносил на нее изменения в расположении значимых объектов – питейных домов, складов и пр., сопровождал план необходимой информацией и отправлял по назначению. Планы 1798 и 1799 гг. содержат также прорисовки вида города – самые

ранние известные изображения Челябинска. На рисунке 1798 г. картинка озаглавлена «Вид города с полуденной стороны», на изображении 1799 г. – «Вид города с западной стороны». В действительности же оба изображения зафиксировали вид города (правда, довольно условно показанный) с юга, т.е. с «полуденной» стороны, видимо, автор рисунка или подписи на плане 1799 г. несколько запутался. Примечательно, что на первом рисунке показан заплот, окружающий город, а на втором никакой стены уже нет.

Следующий план, проектный²⁷, также не датирован, однако можно приблизительно восстановить, когда он был снят. В тексте записки указано количество жителей по 7-й ревизии, т.е. документ составлен не ранее 1816 г. В текстовой части аналогичного проектного плана на г. Троицк²⁸ упоминается пожар 1819 г. Упоминание о перепланировке Челябинска имеется в документе, который датирован июлем 1824 года.²⁹ От составления плана до его Высочайшего утверждения, а потом присылки подтвержденного документа в губернию проходило немало времени. Можно предположить, что план был составлен в 1819 – 1821 гг. Условно будем называть его в дальнейшем планом 1819 г.

Пока что найдено единственное упоминание о попытке перепланировки, которое связано с этим планом. В переписке Городской думы с Челябинским городничим последний потребовал: «как при выезде из города площади оставлены под обывательским строением, а потому от устроенных улиц до вновь устроенных дорог и следует думе ныне устроить (подъезды – Г.С.) на шет получаемых ею городских доходов»³⁰. Речь идет, очевидно, о том, что дороги за пределами города были проложены по новому плану, а улицы, которые были продолжением этих дорог в черте города, остались в своих старых створах. Дороги и реальные въезды в город оказались не состыкованы, в итоге дорога могла упираться, например, в чей-нибудь огород. Ситуация анекдотическая, но объясняется все довольно просто: во всех документах, регламентирующих застройку (в Регламенте Исетской провинциальной канцелярии... 1744 г.³¹, в рекомендациях Комиссии каменного строения к плану 1784 г.³², в Указе министра внутренних дел 1852 г.), говорилось, что в плановых линиях следует строить новые дома и хозяйственные службы по мере обветшания старых, стоящих на неплановых линиях. Челябинские власти поторопились выполнить самую легкую часть перепланировки, и пробили по новым створам дороги, а затем выяснилось, что пока не обветшают дома, стоящие посреди запланированных въездных улиц, обустроить эти улицы не получится. Больше никакой информации о попытках перепланировки Челябинска в 1820-х гг. пока не найдено.

Остановимся на истории составления генплана Челябинска, на основании которого началось реальное обустройство города на регулярной основе. В 1829 г. был издан «во исполнение предписания его Превосходительства Господина Оренбургского гражданского Губернатора по высочайшему повелению господина Министра Внутренних Дел» указ Оренбургского правления, в котором запрашивался ход устройства города по Высочайше утвержденному плану (очевидно, уже существующему, т.е. 1819 г.). Но там же были пункты об отводе городу выгонных земель и о составлении нового плана города. Челябинский уездный землемер Львовский не справлялся с объемом работ, в связи с чем 29 октября 1829 г. Оренбургский губернский землемер обратился к Троицкому уездному землемеру Сидорову с предписанием направиться в город Челябину и снять план города и выгонных земель. После еще одного напоминания Сидоров поехал в Челябину, и к 1830 г. план был снят. Сохранилось описание плана Сидорова, сделанное в 1833 или 1834 г. тогдашним Челябинским уездным землемером Крупским, где, в частности, сказано: «...Разширение города предположено по вновь прожектированному плану на 4 квартала с данным пояснением на оном»³³. Из этого фрагмента описания следует, что Сидоров составил план с минимальным расширением территории города, практически так же, как и в предыдущих проектах.

Еще один довольно важный момент: в июле 1833 г. гражданский губернатор Жуковский прислал землемеру Крупскому официальное письмо следующего содержания: «Находя прожектированный для города Челябины план неудобным в исполнении; ибо по оному все существующие строения должны быть сломаны и перенесены на другое место, я поручаю Вашему Благородию заняться составлением вновь плана городу Челябине, приспособляясь сколь возможно настоящему состоянию строений, которое расположено довольно правильно. План сей когда будет окончен представить ко мне»³⁴. Развития этой линии в деле не прослеживается, видимо, все, включая военного губернатора, слишком старались побыстрее подготовить планы и отправить их на конфирмацию. В этих условиях попытка Жуковского вернуть ситуацию с планом Челябины в исходное состояние поддержки найти не могла. Между тем, если бы Крупский выполнил поручение гражданского губернатора, будущая перепланировка могла пойти гораздо быстрее.

Ряд планов на уездные города Оренбургской губернии были отправлены на утверждение в столицу в 1836 г., «...но оныя возвращены от Г. Министра Внутренних Дел, по неназначению на них ситуационных назначений в полуверстном за чертой города расстоянии, велено сие в натуре исполнить и пересочинить вновь другие планы с надлежащим руко-

прикладством»³⁵. Челябинский уездный землемер Львовский, взяв за основу план Сидорова, прирезал к селитебным землям Челябинска из выгона города территорию на полверсты от существующей застройки, и дополненный таким образом план был отправлен на Высочайшее утверждение³⁶. Интересно, что первые отводы участков по этому плану были сделаны еще в 1837 г.³⁷, то есть до его утверждения. 8 ноября 1838 г. «Проектный план на Оренбургской губернии уездный город Челябину» был утвержден Николаем I³⁸. В апреле 1839 г. утвержденный план был направлен Челябинскому уездному землемеру Львовскому для снятия копии. Он отдельно скопировал подписи к плану, где указывалось: «Прожектировал Троицкий (что ныне Богорусланский) уездный землемер Сидоров, а переделывал план Челябинский уездный землемер Губернский секретарь Василий Львовский»³⁹. Оригинал подробного плана 1838 г. пока не выявлен, имеется черно-белый негатив довольно плохого качества, хранящийся в фондах Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. Щусева (Москва). В фондах Челябинского областного краеведческого музея хранится Копия с Высочайше утвержденного 8 ноября 1838 г. плана на Оренбургской губернии уездный город Челябинск, с показанием неплановых улиц, переулков и строений на 1873 г.⁴⁰ На плане, как это и указано в его названии, зафиксирована реальная планировочная ситуация и проектная планировка города.

В июле 1842 г. Челябинская городская дума обратилась в Оренбургское губернское правление: «...необходимо нужно Сей Думе иметь Высочайше утвержденный план города Челябинска, но оный находится у Г. Челябинскаго Уезднаго Землемера Львовскаго, который бывает в сдешнем городе весьма редко и притом на самое кратчайшее время, так что не более одной недели в году, а прочее время находится в Губернском Городе Уфе или в Челябинском уезде»⁴¹. В декабре 1843 г. губернское правление сообщило думе, что городским думах иметь копии с Высочайше утвержденных планов не положено, поскольку об этом ничего не сказано в Положении, подписанном министром юстиции, а копия с плана будет передана в городническое правление. Далее говорилось, что землемеру Львовскому строжайше наказано в течение трех недель предоставить копию утвержденного плана Челябинска в городническое правление и рапортовать об этом губернскому правлению. В конце августа 1844 г. Львовский, наконец, доставил в Челябинское городническое правление копию плана⁴².

Далее следует небольшой сюжет, характеризующий, с одной стороны, финансовое состояние тогдашних городских властей, с другой стороны, взаимоотношения городнического правления и городской думы.

Получив вожеленный документ, городническое правление обратилось в думу с просьбой: «Поелику на основании законов, планы и копии с оных должны быть в рамках за стеклом, но как не только на сей предмет, но даже и на другия канцелярския потребности отпускаемой по штату суммы на содержание Городническаго Правления весьма недостаточно, а потому о присланной копии с плана уведомля сим Городскую Думу, просить дабы оная благоволила на сделание рамы и покупку стекла для означенной копии с плана отпустить из городских доходов деньги то количество, что будет стоить рамы и стекло»⁴³. На что дума ответила: «на зделание рамы и покупку стекла для вставки в оную копии с ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного на город Челябинск плана по смете Городских расходов на сей 1844 год Оренбургским Губернским Правлением утвержденной суммы нисколько не назначено и потому отпустить оную Городская Дума за силою 11 ст. св(ода) пост(ановлений) о гор(одах) и сел(ьском) хозя(йстве) 12 т. (изд. 1842 г.) не может»⁴⁴. Очевидно, что подобное «взаимопонимание» на фоне хронической нищеты городских властей также не очень способствовало скорой перепланировке. Но все-таки основными причинами были: неудачно составленный проектный план и... человеческий фактор.

Постепенно отводились под застройку участки в новых запланированных кварталах, гораздо медленнее происходила перепланировка старой части города. 29 марта 1853 г. вышло циркулярное письмо министра внутренних дел, предписывавшее «местным начальствам» по получении утвержденного на город плана немедленно распорядиться, чтобы на линиях, отходящих под поправление улиц и устройство площадей, никаких новых построек и пристроев к уже существующим зданиям допущено не было⁴⁵. Тем не менее работавший в Челябинске исполняющий обязанности Верхнеуральского уездного землемера Дегтярев в декабре 1857 г. направляет рапорт губернскому землемеру, где он указывает конкретный пример гласного Челябинской думы Кутузова, поставившего новый дом на неплановом месте и без согласования. Этот дом создавал помехи для отвода плановых участков на прилегающей территории. В целом Дегтярев отметил, что количество новых построек – жилых и вспомогательных – на неплановых линиях в Челябине значительно, что не только обезобразило облик города, но и представляет прямую опасность: часть улиц настолько узка, что проезд по ним затруднен, а часть представляет собой тупики. В итоге губернское правление распорядилось провести расследование о самовольной застройке в Челябине⁴⁶.

Тому же землемеру Дегтяреву летом 1857 г. было предписано составить выкопировки с генплана на 26 участков, самовольно застроенных жителями Челябин. Выполняя поручение, он столкнулся с тем, что в го-

роде имелось 4 копии с утвержденного плана, все они различались между собой, и ни одна не соответствовала реальной ситуации. Очевидно, местные власти решили проблему получения копий с плана, но их качество оставляло желать лучшего. С января по июль 1858 г. Дегтярев вел переписку с Уфой (гражданские власти Оренбургской губернии до 1863 г. размещались в Уфе, почему он и именовался губернским городом, наряду с Оренбургом), пытаясь добиться, чтобы прислали точную копию с генплана, весной съездил сам, чтобы скопировать документ, но плана ему не выдали. В конце концов, Дегтярев сам составил план южной части Челябы (от нынешней улицы Труда), указав на нем ситуацию по двум из имеющихся копий (наиболее близких к реальности) и створы улиц, какими они должны быть⁴⁷. Ситуация была действительно своеобразная: длина кварталов по разным вариантам копий имела разницу до 5 саженей, часть домов, построенных на законно отведенных по проектному плану местах, не совпадала с красными линиями по любому варианту плана.

В 1859 г. спорное дело об отводе участка в мещанину Ермакову было направлено на рассмотрение министру внутренних дел. Он, посмотрев выкопировку с плана, пришел к выводу, что план не согласуется с реальной ситуацией, при перепланировке придется выселять с занимаемых мест очень многих людей, поэтому 12 ноября этого же года предложил начальнику губернии организовать составление нового плана⁴⁸. В течение пяти лет Губернское правление не могло его разработать, сначала было недосуг, затем произошла отмена крепостного права и все специалисты из штата губернского землемера были заняты размежеванием земель. В конце концов составить «Проектный план Оренбургской губернии города Челябинска»⁴⁹ взялся в 1864 г. Челябинский чиновник Агров. В примечаниях к плану он указывал, что «план сей проэктирован соотносясь с планом Высочайше утвержденным в 1838 году, к постройкам, существующим в настоящее время и к мнению членов Городской Думы». Он также отмечал, что «неправильность кварталов к северу от реки допущена вследствие большого количества новых построек». «Применяться» к существующим постройкам Агрова вынуждало не только мнение членов Городской Думы. Так, Губернское правление 31 октября 1861 г. предписало: «...при пересоставлении плана на г. Челябу обратить особенное внимание на оставление здания больницы на настоящем его месте так, чтобы линии нового плана совпадали с ныне занимаемыми этим зданием». В этой ситуации Агров попытался создать некий компромиссный вариант плана. 6 марта 1864 г. его план был направлен губернскому землемеру для проверки, однако и в 1868 г. он не был направлен на Высочайшее утверждение⁵⁰.

9 марта 1869 г. в Челябинскую городскую думу обратился младший инженер Тухтеев: «возложено на меня составление и проектирование планов на города Оренбургской губернии Челябинск, Троицк и Верхнеуральск для представления таковых на Высочайшее утверждение, так как имеющиеся в настоящее время планы на эти города Высочайше утверждены еще в 1838 году»⁵¹. Городское общество ходатайствовало о том, чтобы оставить в силе имеющийся план, городу действительно пришлось бы туго, претворяя в жизнь еще одни изменения в планировке. Еще в январе 1863 г. Челябинское городское общество на собрании вынесло решение ходатайствовать перед губернскими властями о расширении как селитебной, так и выгонной земли города⁵². В 1873 – 1874 гг. эта тема стала еще более актуальной. В 1873 г. была составлена «Копия с Высочайше утвержденного 8 ноября 1838 г. плана на Оренбургской губернии уездный город Челябинск», с показанием неплановых улиц, переулков и строений на 1873 г.⁵³, на которой был зафиксирован текущий результат перепланировки по проектному плану. Там же была показана разбивка дополнительных кварталов. Резерв для расширения города был заложен еще в 1836 г., когда землемер Львовский прирезал к селитебной земле Челябинска полуверстную зону, но кварталы на этой территории разбиты не были. Этот план был несколько исправлен в соответствии с замечаниями губернского правления и 12 июля 1875 г. Оренбургский губернатор утвердил составленный в 1874 г. План существующего расположения уездного города Челябинска Оренбургской губернии с показанием предполагаемого расширения. К сожалению, имеющаяся копия плана весьма плохой сохранности и большая часть содержащейся на нем информации утрачена (смыта, стерта), подписи невозможно привязать к конкретным участкам, поскольку обозначения на плане не сохранились.

Составление и утверждение плана 1874 г., с одной стороны, подтвердило продолжение перепланировки города по плану, утвержденному в 1838 г., с другой стороны, заложило подходы к распланированию города при дальнейшем расширении. Разумеется, в дальнейшем город рос не только за счет расширения от центра, но и включения небольших населенных пунктов, располагавшихся в ближайших окрестностях (Пригородная слобода, Колупаевка, Першино, Никольский поселок и т.д.), однако современная планировка центра Челябинска определена во многом планом Сидорова–Львовского и планом 1874 г. При этом надо отметить, что «неплановые» улицы и переулки фигурируют в документах как 1916 г., так и 1920-х гг. Их история завершилась, пожалуй, лишь с началом многоэтажного строительства в Челябинске.

Сделав обзор планов и планировки города, кратко рассмотрим, как воплощались в жизнь рекомендации Комиссии каменного строения к

плану 1784 г. Никаких свидетельств о постройке в Челябинске домов по примерным планам, прилагавшимся к проектному плану 1784 г., нет. Впоследствии Комиссия каменного строения и ее преемники регулярно организовывали выпуск Высочайше утвержденных типовых проектов: в 1808 – 1812 гг. вышло четыре альбома типовых фасадов до 74 листов объемом; в 1840 – 1841 гг. и в 1843 – 1852 гг. было выпущено две серии типовых фасадов по 12 тетрадей каждая; последняя серия образцовых фасадов выпущена в 1855 – 1856 гг.⁵⁴ В 1858 г. правительственным указом застройщики были освобождены от необходимости следовать утвержденным фасадам⁵⁵. До середины XIX в. в Челябинске действовала следующая схема: человек подавал заявление о намерении строить дом в Челябинскую городскую думу, откуда оно пересылалось в губернское правление; по завершении всех прочих формальностей губернское правление, основываясь на описании просителя, направляло ему через городские власти подходящий типовой фасад. По некоторым сведениям, несколько тетрадей образцовых фасадов были оплачены Челябинской городской думой и направлены ей в 1840-х гг. Первые сведения о постройке в Челябинске дома по типовому фасаду относятся к 1812 г.⁵⁶ Необходимость строить по типовым фасадам, очевидно, ускорила переход к строительству домов на каменных фундаментах, в конце XVIII – начале XIX вв. таких домов в городе было мало⁵⁷.

Рекомендации крыть дома железом или черепицей, а до постройки надлежащих заводов – тесом и гонтом были явно рассчитаны на какие-то более благополучные места. В конце XVIII – начале XIX вв. подавляющее большинство жилых домов в Челябинске крыто «драньем»¹ – нетесаными тонкими дощечками; небольшая часть домов зажиточных жителей (в том числе и каменные) были крыты тесом.² Отдельные дома и некоторые хозяйственные постройки были крыты «скалом», «скалой», «берестом» (берестой). Имелись и земляные крыши, правда, очень мало. Первый жилой дом, крытый железом, в Челябинске построил купец Иван Евдокимович Ахматов в 1805 – 1806 гг.⁵⁸ Нормой железные крыши в Челябинске стали лишь на рубеже XIX – XX вв.

---

¹ Дрань, дранье – тонкие нетесанные доски. Для получения дранки бревно распиливали на части длиной 1,5–2 м, затем их раскалывали на четвертины и специальным ножом «дранли» дранку.

² Тес – ровные обтесанные топором доски. Для получения теса бревно кололи пополам, затем топором из каждой полученной плахи вытесывалась одна доска. Из одного бревна получали обычно две тесины, стоившие в итоге довольно дорого. Более дешевыми были доски, получаемые при продольном роспуске (распиловке) бревен маховой пилой или на пилораме, и затем обтесанные. В Челябинске была «пильная мельница», т.е. лесопилка, на две пилорамы, принадлежавшая Ивану Боровинскому.

Требование вынести за пределы города кожевенные и мыловаренные заводы, кузни начало выполняться в городе в 1850-е гг. Но процесс переноса этих заведений на выгонные земли, где был специально отведен под них участок, был довольно медленным.

Кладбище в Челябинске было вынесено за пределы города еще до составления проектного плана 1784 г. На нем указано «Старое кладбище», очевидно, чтобы подчеркнуть, что это не запроектированный вынос кладбища за пределы городской черты, а его реальное положение.

Завершая, необходимо отметить, что это самый общий обзор истории планировки Челябинска XVIII – XIX вв. Здесь не было показано на конкретных примерах, как именно происходила перепланировка. Не затронуты также изменения топографии исторического центра Челябинска и многое другое.

Улицы Челябинска конца XVIII – середины XIX вв.

Челябинские улицы XVIII – XIX вв. – тема довольно старая, но при этом так и не раскрытая. Собственно, мы хорошо представляем их названия конца XIX – начала XX вв., поскольку имеются планы города 1910 и 1913 гг. (ил. 14), где эти названия указаны. Ни одного плана Челябинска с подписанными улицами, относящегося к XVIII – середине XIX вв., пока что не известно. И на сегодняшний день восстановлены, т.е. соотнесены с конкретными улицами, всего пять названий, относящихся к XVIII в.: Сибирская (Труда), Оренбургская, позже Христорождественская, затем Большая (Цвиллинга), Николаевская (Советская), Исетская (К. Маркса), Уфимская, позже Екатеринбургская (Кирова к северу от моста).⁵⁹ Мы попытались восстановить историю названий улиц Челябинска от раннего периода существования крепости до 1881 г. – то есть до закрепления за улицами названий, указанных на известных планах города 1910 и 1913 гг. Чтобы разобраться в том, какая улица как называлась, зачастую приходилось сопоставлять данные трех-четырех документов, выстраивать довольно сложные связи фактов и событий. Если воспроизвести этот процесс на бумаге, да еще так, чтоб все было понятно, то получится небольшая книжка, к тому же довольно нудная. Поэтому сноски в тексте даны только в тех случаях, когда речь идет о конкретных «единичных» фактах или событиях, в целом же показан лишь результат работы – названия улиц.

Первые улицы Челябинска начали возникать вскоре после постройки крепости. И.В. Дегтярев в свое время совершенно верно определил место расположения первой Челябинской крепости – на правом (южном) берегу р. Миасс, в современной планировке города это место напротив моста через р. Миасс по улице Кирова (ил. 10)⁶⁰. Итак, у реки стояла небольшая (130 x 130 м) крепость, в ней жилых зданий практически не было,

дома строились в прилегающем к ней посаде (слободе), который также был обнесен оборонительной стеной (заплотом). Формирование первых улиц начиналось вокруг крепости. Самая первая из них образовалась между крепостью и рекой Миасс. Она была запроектирована еще в плане крепости 1736 г. и стала именоваться Сибирской, поскольку за пределами Челябинска продолжалась дорогой, которая вела в Миасскую крепость, Теченскую слободу и далее в Тобольск. В конце XVIII – начале XIX вв. ее называли Сибирской – Ивановской или Ивановской – Сибирской. Впоследствии наименование «Ивановская» встречается в документах очень редко, улицу называли просто Сибирской до 1875 г., когда ее западная часть опять стала Ивановской. Выше и ниже крепости по течению Миасса, перпендикулярно к реке были распланированы первые улицы. Самые первые располагались ближе к собственно крепостным стенам, точнее, близко к крепостной стене они подходили с западной стороны, а к востоку от крепости была построена площадь, на которой в 1740 г. поставили деревянную церковь Николая Чудотворца, рядом с нею – кладбище, в 1747 г. в южной части площади был построен Гостиный двор. Улицы с этой стороны начинались восточнее площади. Вообще, они делились на продольные, т.е. идущие вдоль реки, с запада на восток, и поперечные, ориентированные перпендикулярно реке. Для удобства изложения мы и будем придерживаться этой «классификации».

Первоначально количество поперечных улиц было невелико, по две с западной и восточной стороны от крепости. В пользу этого говорит тот факт, что улица, которая была максимум второй по счету к западу от стены крепости, называлась Челябинской – название по ближайшему приметному ориентиру, речке Челябинке, что логично для крайней улицы. Не совсем понятно название первой к западу от крепостной стены улицы – Азиатской. Общепринятая точка зрения, что на ней в основном жили татары, пока что не находит своего подтверждения. Вообще, татар в Челябинске до второй половины XIX в. было довольно мало. В составе отряда служилых людей, стоявших в Челябинской крепости в первые годы после ее постройки, татар насчитывалось 5 человек⁶¹; в конце XVIII в. в документах упоминаются в основном татары из деревни Надырово, записанные в Челябинское купечество, но не проживавшие в Челябинске. Исключение составляли братья Кедралиевы, тоже постоянно жившие в Надырово, но имевшие дом как раз на ул. Азиатской⁶². Но возможно, что та группа сибирских казаков-татар, которая стояла в крепости в составе отряда служилых людей, действительно занимала дома по этой улице, хотя в этом случае было бы логичнее назвать ее Татарской.

Первая к востоку от крепости улица получила свое название по церкви Николая Чудотворца – Николаевская. Первоначально она скорее все-

го, была односторонней, открытой к западу – в сторону площади и крепости. После переноса центра Исетской провинции в Челябинск принято строительство административных зданий, оформление центра провинциального города. Тогда, в 1740-х гг., возникла улица Оренбургская (позже Христорождественская, затем Большая Троицкая и просто Большая – ныне Цвиллинга), а улица Николаевская была «отторжена» от площади и стала двухсторонней. В конце XVIII в. еще существовал проулок, соединявший Николаевскую улицу с Христорождественской (ил. 11). Следующая улица, поначалу крайняя восточная, стала называться Миасской (Мясской), поскольку располагалась вниз по течению реки, а следующим населенным пунктом по реке была Миасская крепость.

В начале 1740-х гг. в Челябинскую крепость переезжают все 200 семей записавшихся в казаки зауральских крестьян и «праздно шатающихся» людей. Вскоре из Шадринского дистрикта переселяется еще 150 семей крестьян⁶³, население растет, расширяется и посад крепости. Появляются новые продольные улицы. К Сибирской добавляется Исетская, которая образовалась практически по линии границы первоначального посада. Далее шла Солдатская (развитие использования сословно-профессиональных названий). Крайняя южная улица в конце XVIII – начале XIX в. была односторонней, роль второй стороны выполняла стена посада или городская стена. Название этой улицы определялось ее положением – Стеновая. Она не была одинока, существовало еще две «пристенных» улицы, о которых будет сказано ниже, но эта была самой крупной и называлась, в отличие от упомянутых, просто Стеновая. Забегая вперед, скажем, что в середине XIX в., когда старое название потеряло свой смысл (городская стена, как сказано и показано выше, прекратила свое существование к 1800 г.), улицу, по созвучию, переименовали в Степовую. А в наше время более позднее название приписывали к XVIII в., благо, что написание в документах того времени букв «п» и «н» различается, но не слишком сильно, и если не заострять на этом внимание, то просто читаешь привычное «Степовая» вместо «Стеновая».

Появляются и новые поперечные улицы. К западу от Челябинской добавляется еще одна улица, которую называли Проточной, очевидно потому, что напротив нее русло Миасса делилось на два протока островом (ил. 11). На следующую западную улицу местных достопримечательностей уже не хватило, и ее окрестили Пермской (Пермятской). Сложно сказать, называли ее так потому, что многие из жителей крепости были выходцами из Пермских земель, или потому, что Челябинск относился к Пермскому наместничеству.

Следующая улица, образовавшаяся к востоку от Миасской, стала называться Грязнухой, причину объяснять не надо, вполне «говорящее

имя». Затем возникла улица Мастеровая, может быть, это попытка создать нечто вроде цеховой слободы, но, скорее всего, административный гений руководства крепости, столкнувшись с необходимостью давать названия новым улицам, напал на «золотую жилу» наименований сословий, которые можно было в этом деле использовать. Следующая улица стала носить имя Ключевая, ключи там действительно били, и даже брал начало небольшой ручей, еще в начале XIX в. впадавший в Миасс. Однако Ключевой она называлась на отрезке от южной окраины посада до ул. Сибирской, а к северу от Сибирской та же улица называлась уже Сибирской-Стеновой, то бишь проходящая вдоль Сибирской (восточной) стены. Вполне возможно, что поначалу в середине XVIII в. Сибирской-Стеновой называлась вся улица по обе стороны Сибирской, а южную ее часть переименовали в Ключевую несколько позже. Кстати, в конце XVIII в. городская стена проходила несколько дальше к востоку и между улицами Сибирской-Стеновой и Ключевой и собственно стеной в это время уже сформировалась еще одна улочка, не имевшая названия, в документах ее обычно объединяли с Ключевой.

Прежде чем перейти к объяснению дальнейшего развития крепости и города, остановимся на небольшом, но важном моменте: те улицы, которые были перечислены выше, составляли центр Челябинска, собственно «город», и расположение всех остальных частей города определялось относительно этого центра – Заречья, Заручейная часть, то есть на северном берегу Миасса, или за безымянным ручьем.

В 1740-х гг. началось заселение Заречья, или Казачьей слободы. Само название определяло положение этой части Челябинской крепости относительно центра, и первая улица, образовавшаяся на левом берегу Миасса, так и называлась – Заречная (Зарешная). Следующая, проходившая вдоль реки после ее поворота (то есть с севера на юг), – Береговая. Центральная магистраль Заречья, ведшая от моста к северным воротам, именовалась Уфимской, поскольку за воротами она продолжалась дорогой, которая шла на север, в Екатеринбург, а в районе озер Улагач и Кызылташ соединялась с дорогой на Уфу, Казань и далее в центральную Россию. В середине XVIII в. это был основной путь в Москву и Санкт-Петербург.

Большая улица Заречья, проходившая с запада на восток, после 1768 г., когда в Казачью слободу была перенесена церковь и поименована во имя Святой Троицы, стала называться Троицкой. Как она называлась до этого, неизвестно. Улица, расположенная параллельно Троицкой, севернее ее – Полевая. Вдоль северной стены города проходила улица с названием Стеновая-Нагорная (или Нагорная-Стеновая), что определялось ее расположением на возвышенности и у стены.

К западу от Уфимской проходила Покровская улица, название которой объяснить довольно сложно. Оно было бы правомерно, если бы в Троицкой церкви был придел, освященный во имя Покрова Пресвятой Богородицы, но такой информации нет. Следующие поперечные улицы, западнее Покровской, опять берут свои названия из списка сословий: Казачья, Купеческая (Купецкая). Крайней западной улицей Заречья была Нагорная. Почти все улицы Челябинска того времени несколько «плясали», т.е. были ориентированы с отклонением в несколько градусов друг от друга, но Нагорная даже на их фоне выделяется тем, что расположена наискось от общего порядка улиц. Причиной тому топографическая ситуация этой части города (район современной ул. Кыштымской в ее прибрежной части), к северо-западу там идет довольно ощутимый подъем, и Нагорная была ориентирована прямо в гору.

Был еще один район – своеобразные задворки города в северо-восточном его «углу» – Заручейная часть, та жилая застройка, которая находилась за безымянным ручьем. В реальности эта территория, называвшаяся еще Солдатской слободой, начиналась практически от Сибирской улицы, исключая лишь дворы, примыкающие к ней. В целом это был район очень бедных дворов, правда, за исключением усадьбы купцов Ахматовых, располагавшейся у ручья. Официально там проходила лишь улица Сибирская-Стеновая. Остальные улочки названия не имели.

Как уже говорилось, к середине XIX в. память о стенах, когда-то окружавших Челябинск, практически полностью исчезла, и названия типа «Стеновая» стали анахронизмом. Их сменило созвучное прежнему, но имеющее для жителей больший смысл слово «Степовая». Причем прежняя Сибирская-Стеновая стала называться просто Степовой, так же, как и прежняя Стеновая; то есть в документах и та и другая улицы названы просто Степовыми. Что касается Заречья, то название бывшей Стеновой-Нагорной в Обывательской книге на 1850 г. просто не упоминается ни в каком виде.

Надо отметить, что названий улиц было меньше, чем собственно улиц, реально показанных на планах, по крайней мере, официальных названий. Но, видимо, население Челябинска к подобной ситуации привыкло и особых неудобств не испытывало. Перечисленные выше названия существовали в Челябинске до 1853 г. В этот год был составлен и утвержден губернским начальством План о поименовании улиц. Вызвала этот шаг необходимость перепланировки города по Плану Высочайше утвержденному 8 ноября 1838 года. Предполагалось быстрое обустройство города по новой квартальной сетке. Соответственно, предполагалось закрепить за новыми улицами новые названия. К сожалению, сам План о поименовании улиц пока не обнаружен и неизвестно, кто именно

являлся автором концепции переименования улиц, но восстановить сами названия и привязать их к конкретным улицам вполне реально, поскольку необходимая и достаточная для этого информация имеется (ил. 13).⁶⁴

Подход к системе названий улиц был революционным для Челябинска – город осмыслен как единое пространство, улицы становились сквозными, продолжаясь на разных берегах Миасса как одно целое. Соответственно, сокращалось количество названий, из «сословных» наименований улиц оставалось только «Салдатская», которое было перенесено на предпоследнюю на востоке поперечную улицу (нынешняя ул. Красноармейская). Это, видимо, было оправданно: на восточной окраине Челябинска жили большей частью служилые и отставные солдаты и казаки, кроме того, улица проходила по краю площади, на которой находились гарнизонные казармы. Улица Уфимская становилась основной городской осью, с одной стороны она выходила на Екатеринбургскую дорогу, с другой – на Уфимский и Оренбургский тракты. Христорождественская улица переименовывалась в Большую Троицкую, которая продолжалась в Заречье, где пересекалась с Троицкой, получался город, перекрещенный Святой Троицей: Большая Троицкая – столб, Троицкая – перекладина. Как главные воспринимались и назывались две улицы – бывшая Христорождественская, ставшая Большой Троицкой, и Уфимская⁶⁵. Кроме того, три улицы были названы в честь выдающихся земляков – купцов, ставших первыми почетными гражданами в Челябинске: Ахматовская, Маршаловская и Шиховская. В честь Ахматова и Шихова были переименованы те улицы, на которых они жили. Ивану Маршалову не так повезло, его именем была названа предпоследняя поперечная западная улица. В отличие от двух своих коллег Маршалов был приезжим (в Обывательской книге на 1850 г. он числится ялуторовским купцом), да и жил он на пусть и бывшей, но центральной улице – Христорождественской. Переименовывать ее в честь приезжего купца не решились, да и название Большая Троицкая больше пристало улице, на которой расположен собор. Правда появилось в Челябинске и довольно мрачное название – Кладбищенская, так была названа улица, упиравшаяся на юге в кладбище. Не получили названия односторонние улицы по краям города, их называли просто – на западную сторону, на восточную сторону и т.д.

Однако переименование улиц не удалось. Новая квартальная разбивка, а, следовательно, и уличная сетка, не была воплощена в жизнь даже в середине 1870-х гг. Вообще с конца 1850-х до 1875 г. в ситуации с названиями улиц царит хаос. Причиной тому служила сложившаяся планировочная ситуация: разбивка города по новым красным линиям шла очень медленно, в середине 1860-х гг. была распланирована Уфимская улица к югу от реки (нынешняя Кировка), хоть и не в полной мере; в

значительной степени прирезали к прилегающим дворам участки полотна бывшей Солдатской улицы. В остальном в исторической части города планировка существенно не изменилась, в то время как новые кварталы, за пределами старой застройки, разбивались согласно плану. Подобная ситуация и порождала неразбериху с названиями. В документах этого периода используются как старые названия, так и новые. Для центра города прижился компромиссный вариант: сохранились большей частью старые названия улиц, существовавшие до 1853 г. Исключением являлись «свои» названия: Ахматовская, Маршаловская и Шиховская, которые упорно держались (правда, только в правобережной, южной части города), но и они применялись не к вновь распланированным улицам, а заменили наименования старых улиц Ключевая, Пермьская и Челябинская. Если быть более точным, то все три указанных названия улиц использованы в Раскладочной ведомости на 1873 год⁶⁶, а в Раскладочной ведомости на 1863 год Ахматовской улицы нет, а есть Ключевская⁶⁷. Были и еще интересные моменты: судя по некоторым документам, название Солдатская применялось в 1860-е – 1870-е гг. к Челябинской (Шиховской), Николаевской (Кладбищенской) и собственно Солдатской улице, в результате создается изрядная путаница. В Заречье, судя по документам, в это время сохранялось лишь два названия – Троицкая и Береговая улицы. В Раскладочных ведомостях налогам с недвижимых имуществ за 1863 и 1873 гг. для заречной части города даются следующие адресные привязки: «на площади против питейного дома», Троицкая улица, Береговая улица и всё. Представить себе на основании этих документов где, хотя бы примерно, располагался в левобережье тот или иной дом, практически невозможно. Жители в заявлениях, прошениях и прочих бумагах пользовались старыми наименованиями, а власти, видимо, не могли решить ничего конкретного.

В 1875 г. губернскими властями утвержден План расширения селитебной земли города⁶⁸, где запроектированы новые кварталы. В это же время было произведено новое переименование улиц. Подход к наименованию – прямо противоположен разработанному в 1853 г. Весь город делился на пять частей: две в Заречье, разделенные улицей Екатеринбургской (нынешней Кирова); три на правом берегу Миасса (одна была ограничена с запада рекой Миасс, а с юга – ул. Сибирской (Труда), оставшаяся территория города делилась пополам улицей Уфимской. В каждой части города улицы имели свои названия. Так, бывшая Исетская к западу от Уфимской стала называться Михайловской, а к востоку по-прежнему именовалась Исетской и т.д. Названия улиц показаны на Плане расширения селитебных земель, составленном в 1874 г. и одобренном губернским начальством в следующем году, они же указаны на тиражи-

рованных планах 1910 и 1913 гг. (ил. 14). Эта сетка названий довольно хорошо известна (по крайней мере, доступна для изучения), к тому же относится к «этнографическому» периоду, поэтому не будем подробно разбирать все названия, а отметим лишь некоторые моменты.

Были возвращены многие старые названия, существовавшие до 1853 г.: Ключевская (сегодня – Свободы), Мастерская (заменено такое же старое название – Грязная, ныне Пушкина), Николаевская (Советская), Азиатская (Елькина), Степовая (Коммуны), Зареченская (Набережная), Береговая, Троицкая (8 Марта). Интересно, что старые названия были в основном восстановлены в юго-восточной и северо-восточной частях города.

Из «именных» улиц сохранилась лишь Ахматовская, данное название теперь относилось лишь к бывшей Сибирской-Стеновой. В этой же части города появились названия Ильинская (возможно, в честь купцов Ильиных), Заручейная, сюда же были перенесены старые названия Миасская и Нагорная.

С расширением города и делением его на пять частей количество улиц увеличилось, возникла потребность в новых названиях. Подход к наименованию улиц в целом по сравнению с XVIII в. не изменился, но ситуация стала несколько иной. Так же, как и век назад, найдя подходящую «тему» для названий, ее долго и упорно разрабатывали, в итоге получались своеобразные блоки наименований улиц. Так, в Заречье была максимально использована церковная «тема»: кроме существовавшего раньше названия улицы Троицкая (по названию церкви), добавились Знаменская и Преображенская, очевидно, по освященным приделам той же церкви; причем название Преображенская сменило старое Покровская. Кроме этих трех улиц была еще Семеновская, названная по вновь построенной Свято-Симеоновской церкви. На этом фоне примечательна судьба названия бывшей Христорождественской улицы, которую пытались переименовать в 1853 г. в Большую Троицкую. Как ни странно, за ней не оставили ни одно из этих двух имен, из второго названия убрали слово «Троицкая» и улица стала просто Большой. Возможно, авторы переименования просто не любили длинных названий.

Следующим богатейшим пластом названий для улиц стала география. Бывшая Уфимская в Заречье стала называться Екатеринбургской, к западу от нее шла упомянутая Преображенская (сегодня ул. 1-го Мая, уже практически не существующая), а затем три улицы, сохранившие свои названия до наших дней: Каслинская, Кыштымская, Тагильская. Поперек этих улиц, объединяя их, шла Уральская (ныне 8 Марта). К югу от реки – Уфимская (Кирова), западнее улица со старым, но вполне «географическим» именем Азиатская, далее Оренбургская. Еще три улицы

были поименованы по разным ландшафтам: Болотная (Васенко), Луговая (Красная) и Лесная (Свердловский проспект). Для этих названий был резон: вблизи реки на этих участках действительно было заболочено, вдоль нее шел луг, а далее начинался Челябинский бор.

Еще одна группа названий связана с актуальными в то время событиями – войной на Балканах. Скобелевская была названа в честь генерала Скобелева, появились также наименования Болгарская, Сербская и Черногорская.

Челябинск – город с несколько своеобразной историей планировки. Эта «неодинаковость» с другими городами была заложена в момент перевода его из провинциального центра в уездный город. Понижение статуса привело к оттоку жителей и снижению экономического потенциала Челябинска. Другие города Южного Урала с большим или меньшим успехом реорганизовывали свое пространство по проектным планам конца XVIII в., а Челябинск начал перепланировку лишь в конце 1830-х гг. Да и этот процесс затянулся почти на 100 лет, но здесь причина кроется в проектном плане, составленном механически, «не применяясь к местным особенностям», что заставило челябинцев полностью перекраивать сетку улиц.

РАЗДЕЛ II

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ РАССЕЛЕНИЕ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ГОРОД 1920-х ГОДОВ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ РАССЕЛЕНИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА*

М.Г. Меерович

Принципы административно-хозяйственного районирования страны

С первых дней существования советская власть ставит вопрос о формировании структуры управления территориями, соответствующей природе пролетарского государства. В соответствии с положениями марксистско-ленинской доктрины пролетариат призван быть ядром народных масс, костяком трудовых подразделений, формируемых территориальными органами управления (местными советами рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов) из местного населения, а также основой военных подразделений, мобилизуемых (в случае необходимости) в границах тех или иных административно-территориальных образований.

Существующее административно-территориальное деление этим представлениям не соответствует, т.к. в ряде случаев размещение центров власти не совпадает с местами концентрации пролетариата или лишенными пролетарского центра оказываются слишком большие сельскохозяйственные ареалы т.п., поэтому оно объявляется устаревшим: «... старое административно-территориальное деление на губернии, уезды и волости уже устарело и многие территории, принадлежащие к различным административным округам давно экономически тяготеют друг к другу»¹.

В некоторых местах, несмотря на революционный переход власти в руки большевиков, новые структуры власти оказываются не сформированными, поэтому ВЦИК поручает областным, губернским, уездным советам рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов «немедленно и самым энергичным образом приступить к завершению работы по организации советов во всех уголках своей территории, связывая их воедино ...», а предыдущие органы управления – военно-революционные комитеты – как боевые органы, возникшие во время переворота, упраздняются².

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 06-04-00153а; Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН), проект № 1.5.32. 2007-2009.

Координатором работы по формированию местных советов (а также органом руководства деятельностью временно сохранявшихся еще органов городского и земского самоуправления³) Постановлением СНК от 19 декабря 1917 г. (1 января 1918 г.) назначается Народный Комиссариат местного самоуправления. В его распоряжение из Комиссариата по внутренним делам переходят: а) Главное управление по делам местного хозяйства; б) касса городского и земского кредита; в) все учреждения, относящиеся к местному самоуправлению⁴.

Поскольку в соответствии с марксистской доктриной фокусы власти пролетарского государства должны совпадать с местами наибольшей концентрации пролетариата, постольку возникает задача реформирования старого административно-территориального деления страны под новую систему управления. Во исполнение этой задачи НКВД в обращении «Ко всем советам рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов. Об организации местного самоуправления»⁵, во-первых, требует от существующих и создаваемых советов незамедлительно «... подчинить себе все учреждения, как административного, так хозяйственного, финансового и культурно-просветительного значения»⁶. А, во-вторых, призывает сместить границы административно-территориальных единиц так, чтобы центры власти переместились в промышленные города, так как пролетариат призван составлять костяк народных масс, ядро военных или трудовых подразделений, формируемых из мобилизуемого местного населения администрациями территориальных единиц (советами рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов)⁷. Исходя из этого, обращение указывает: «В связи с вопросом об укреплении Советской власти на местах заслуживает внимания вопрос о перераспределении административных функций между отдельными пунктами губерний и уездов, вообще об изменении административных границ. Многие губернские и уездные центры сохраняют до сих пор свое значение исключительно как центры административные, тогда как центрами промышленной и торговой жизни являются другие центры тех же губерний и уездов. Теперь, когда организациями местного самоуправления становятся Советы, совершенно ясно, что административные центры должны переместиться в те города, советы которых более крупны, более деятельны и влиятельны, то есть в города с развитой промышленной и торговой жизнью»⁸.

Административно-территориальное деление страны предлагается осуществлять так, чтобы административные центры находились в местах существующей максимальной концентрации пролетариата. Или в местах планируемой концентрации, т.е. там, где предполагается расположить новые промышленные предприятия, и куда за счет регулируемых и принудительных миграций (а также благодаря командированию по производст-

венным заданиям) станут искусственно направляться трудовые ресурсы и формироваться пролетарский костяк, причем в требуемом процентном отношении к числу непролетарского населения.

В этот период многие возникшие на местах городские и сельские Советы стремятся утвердить свою власть, не признавая никакого вмешательства со стороны центра. В итоге «... первоначальная форма Советской республики представляет собой даже не столько федерацию или союзное государство, сколько ... весьма слабый союз друг с другом весьма мало связанных Советов»⁹.

30 марта 1918 г., после ликвидации учреждений местного самоуправления Комиссариат по местному управлению Постановлением СНК РСФСР упраздняется, а его функции передаются созданному в НКВД РСФСР Отделу местного хозяйства (ОМХ НКВД)¹⁰. 21 сентября того же года Постановлением Президиума ВЦИК создается Административная комиссия по установлению областных единиц РСФСР¹¹.

Перемещение центров власти в фабрично-заводские центры и соответствующая корректировка административно-территориальных границ позволяют приступить к следующему шагу формирования организационно-управленческой структуры – созданию единой распределительной системы. 16 марта 1919 г. выходит Декрет СНК «О потребительских коммунах»¹², в котором указано: «В области распределения (продовольствия и предметов первой необходимости – М.М.) необходимо создание единого распределительного аппарата»¹³. «В городах и фабрично-заводских центрах, независимо от их размеров, образуется единая Потребительская Коммуна ... в сельских местностях каждый распределительный пункт может или составлять самостоятельную потребительскую коммуну, или входить в состав единой Коммуны, охватывающей целый район»¹⁴. «В Потребительскую Коммуну включается все население данной местности. Каждый гражданин обязан стать членом Коммуны и приписаться к одному из ее распределительных пунктов»¹⁵. Потребительские Коммуны объединяются в Губсоюзы, а единым хозяйственным центром всех союзов Потребительских Коммун является Центральный Союз Потребительских Коммун (Центросоюз)¹⁶.

Поскольку коммуна рассматривается как единственная форма организации бытовых, производственных, снабженческих процессов¹⁷, постольку процессы территориальной организации производственной и распределительной деятельности (в том числе и процессы эксплуатации и обслуживания жилья, инфраструктурного обеспечения быта – общественный транспорт, канализация и ассенизация, прачечные и бани, благоустройство городов, противопожарные мероприятия и проч.) начинают именоваться коммунальными. А все в целом – коммунальным хозяйством.

В декабре 1919 г. VII-й Всероссийский съезд Советов¹⁸ подтверждает решение Президиума ВЦИК о создании Административной комиссии¹⁹ и своим постановлением ставит перед ней задачу – «разработать практически вопрос о новом административно-территориальном делении РСФСР»²⁰. Так как речь идет о создании общегосударственного хозяйственно-распределительного механизма и формировании единой структуры административного обеспечения «коммунальных» процессов, комиссия обретает общегосударственный масштаб представительства: в нее включаются сотрудники ВСНХ, НКВД, НКПС, НКПродовольствия, НКЗемледелия, НКПросвещения, Наркомата по делам национальностей, Наркомата по военным делам, НКТруда, ЦСУ²¹. При этом собственного аппарата комиссия не имеет и опирается в своей работе на аппарат НКВД²².

В этот период своей деятельности Административная комиссия не занимает активной реформаторской позиции, а направляет все усилия в основном на разрешение отдельных конкретных случаев уточнения границ губерний, областей и уездов²³. Ее деятельность является «приспособительной к условиям до революции определившихся исторических традиций и к условиям переходного периода»²⁴. Подобная позиция Комиссии является следствием общей политической установки, получившей одобрение на IX съезде партии (3 апреля 1920 г.), когда в обсуждениях по докладу М. Владимирского была высказана (и одобрена делегатами) мысль о том, что единственно правильный путь районирования – это путь, на котором «хозяйственные областные органы будут конкурировать и бороться за пограничные районы с хозяйственными центрами соседних областей»²⁵. Но скоро выясняется, что такой подход невольно дает местным советам слишком много свободы и власти, что противоречит усиливающимся тенденциям централизма и выстраиваемой вертикали партийного руководства. Причина борьбы центральной власти с местной за право управлять территориями вызвана тем, что в эти годы Россия фактически представляет собой конгломерат самоуправляющихся территорий, «самостийных коммун» с отсутствием экономических связей друг с другом и с явно выраженным противостоянием любому воздействию свыше: местные советы (совнаркомы) отказываются исполнять декреты центра; их собственные инициативы слабо связаны друг с другом, а их собственное законотворчество зачастую очень сильно противоречит идеям большевистской власти²⁶.

Пути решения данного противоречия, имеющего целью обеспечить устойчивость всего государственного механизма, виделись в: а) восстановлении разорванных хозяйственных связей; б) активизации контактов города и деревни; в) наведении порядка и дисциплины (в том

числе и исполнительской). Заимствуя эти пути из опыта и традиций российской государственности, центральная власть усиливает диктатуру. Она выдвигает следующие задачи: а) кардинального реформирования структуры управления страной, на основе сращивания государственного и партийного аппаратов управления²⁷; б) продолжения формирования единой производственно-распределительной системы; в) создания иерархической структуры руководства людьми и территориями; г) максимального ограничения любых проявлений местного самоуправления²⁸.

В соответствии с этим перед Административной комиссией ставятся более серьезные задачи, нежели решение «пограничных» конфликтов между губерниями и областями. Это, во-первых, выработка такой стратегии территориально-административной организации страны (районирования), которая была бы способна обеспечить укрепление центральной власти и усиление единоначалия. Во-вторых, создание общегосударственного хозяйственно-распределительного механизма. В-третьих, перевод тезиса о необходимости расположения административных центров в местах максимальной концентрации пролетариата в систему правил, позволяющих практически осуществлять мероприятия по реформированию старого административно-территориального деления страны.

К марту 1921 г. Административная комиссия ВЦИК разрабатывает 13 принципов, утвержденных II сессией ВЦИК 8-го созыва 19 – 20 марта 1921 г.²⁹, которые постулируют требование «укрепления классовых пролетарских центров»³⁰ за счет формирования вокруг них промышленных и сельскохозяйственных округов и административного подчинения им проживающего на прилегающих территориях крестьянского населения. Административно-территориальные границы очерчиваются: а) для крупных районов с учетом сосредоточения промышленности, технических культур, направления и характера путей сообщения (железнодорожного, водного и авто-транспорта), а также численности и национального состава населения; б) для мелких районов с учетом тяготения населения «к существовавшим ранее или образовавшимся после Октябрьской революции местам сдачи продуктов местного хозяйства и пунктам товарообмена или распределения»³¹. Объединяемые производственно-хозяйственными связями в единые территориально-производственные системы (вместе с прилегающими к ним «непролетарскими» зонами) пролетарские центры определяют ареалы мобилизационно-политического членения территории, выступая костяком трудовых подразделений, а также военных подразделений, мобилизуемых из местного населения в случае необходимости³². Управляющей системой выступает структура партийных организаций, сформированная по иерархическому принципу³³ и требующая оптимизации – приведения в хотя бы приблизительное соответствие численного

состава партийных организаций одного иерархического уровня³⁴. На решение этой задачи, безусловно, влияет интенсивность существующей транспортной сети. Поэтому, чтобы обеспечить соответствие численности парторганизаций с учетом количества охватываемого их влиянием населения и транспортной доступности, один из утвержденных принципов (принцип № X) предписывал: «Размеры губернии (округа) должны быть тем меньше, чем сильнее развиты пути сообщения, и тем больше, чем меньше плотность населения»³⁵. В итоге, районирование в городах, районах, областях и пр. начинает осуществляться по принципу нарезания территорий с целью выравнивания численности парторганизаций с учетом плотности населения и интенсивности транспортной инфраструктуры.

4 ноября 1921 г. Постановлением СТО РСФСР «стратегические» разработки отделяются от «текущей» работы: для стратегической работы – выработки проекта районирования – создается специальная Комиссия по районированию РСФСР³⁶ в составе представителей НКВД, ВСНХ, НКПС, НКПродовольствия, НКЗемледелия, Наркомата по делам национальностей, ЦСУ, Всероссийского совета профессиональных союзов, Наркомата иностранных дел с привлечением представителей всех заинтересованных ведомств. А текущая работа возлагается на продолжающую функционировать прежнюю Административную комиссию, которая в период 1922 – 1932 гг. сводится к разрешению пограничных споров: об изменении границ республик, губерний, волостей и переименовании населенных пунктов и административно-территориальных единиц³⁷.

25 апреля 1923 г. XII съезд РКП (б) принимает отдельную резолюцию «О районировании»³⁸, в которой официально фиксируется: «Признать прежнее административно-хозяйственное деление республики не соответствующим новым политическим и экономическим потребностям страны»³⁹. Административная реорганизация территории страны рассматривается, с одной стороны, как средство воздействия центральной власти на независимые Советы на местах, которые «... объединенные лишь общей ненавистью к эксплуататорам и общностью борьбы с ними, устанавливали формы организации власти в зависимости от местных условий, не признавая никакого вмешательства со стороны «центра». «Вся власть на местах – таков был их лозунг». Они до сих пор «отчаянно защищают полную абсолютную, в ущерб интересам других Советов власть Советов у себя на месте ...»⁴⁰.

Центральная власть отходит от идеи первоначальной независимости Советов, потому что рассматривает их как «тесно связанную и объединенную организацию, которая должна «находиться под громадным давлением централизации»⁴¹. Центральная власть присваивает себе право

перекраивать границы административных единиц (вплоть до полной ликвидации тех или иных территориально-административных образований), используя это право как довод, способный весьма серьезно «вразумлять» непокорные местные Советы. Осуществляемое в этот период перекраивание границ административных единиц не только закрепляет результаты первой фазы административной борьбы центральной и местных властей⁴², принуждая последние безоговорочно принять главенство над собой центральной власти, но и фиксирует такое «прочерчивание» границ территорий, которое в будущем будет соответствовать перспективным планам центральной власти.

9 мая 1923 г. фактически с теми же целями (разработка принципов административно-территориального деления страны в соответствии с перспективными планами народно-хозяйственного развития) Постановлением Президиума ВЦИК создается новая комиссия (несколько более высокого ранга) – Комиссия Президиума ВЦИК по районированию РСФСР в составе 10 человек⁴³. Она принимает предложенные Госпланом по докладу проф. И.Г. Александрова тезисы по районированию. Они кладутся в основу работ по районированию не только самого Госплана и Административной комиссии ВЦИК, но также и образовавшихся впоследствии специальных комиссий по наблюдению за осуществлением районирования на местах при ЦИК и ВЦИК⁴⁴. Эти тезисы утверждают элементы административно-территориального устройства городов, областей, экономических районов и т.д. как рычаги властного управления: «... наш подход: центры производства, центры новой культуры, новые города страны – очаги роста пролетариата являются главными сотрудниками государственной власти. С этой точки зрения экономическое районирование ... является опорным пунктом для создания новых высших форм организации народного труда»⁴⁵.

X-й Всероссийский съезд Советов принимает законодательное решение о создании Союза Советских Социалистических Республик, членами которого становятся РСФСР, Украина, Закавказская Федерация и Белоруссия⁴⁶. С образованием СССР создается соответствующая комиссия по районированию – Комиссия ЦИК СССР.

24 сентября 1923 г. значение деятельности комиссий усиливается за счет объединения Комиссии ВЦИК РСФСР и Комиссии ЦИК СССР в одну комиссию⁴⁷, а разрабатываемые союзные планы становятся директивными для разработки планов развития отдельных республик. Вызревающие с середины 1920-х гг. задачи индустриального развития страны объемлют Советский Союз в целом, поэтому и в содержательном, и в организационном, и в законодательном отношениях районирование в республиках (в том числе и в РСФСР) лишается самостоятельности и превращает-

ся в отражение центростремительных тенденций, концептуально дублирующих установки союзного руководства, а практически воплощающих спускаемые сверху задачи. Законодательным оформлением данного положения дел является выход Постановления Президиума ВЦИК от 31 мая 1926 г. о ликвидации местных комиссий и бюро по районированию, а Постановления Президиума ВЦИК от 28 июня 1926 г. упраздняет Комиссию ВЦИК по районированию РСФСР⁴⁸.

Принципы управления социалистической экономикой

В 1909 г. на немецком языке выходит книга А. Вебера «Теория размещения промышленности». В 1926 г. она переводится на русский язык и издается в СССР⁴⁹. Интерес к ней возникает потому, что в этот период органы руководства страной, разрабатывая планы индустриализации, начинают осуществлять очередной этап работ по «хозяйственному районированию» (административно-управленческому перекраиванию территории страны в целях увязки с единой планово-распределительной системой и схемой размещения промышленности и производительных сил). Целью руководства СССР в этот период является создание общегосударственной системы планового производства и распределения изделий и продуктов, а также планомерного размещения самих производств и населения по территории страны. Власть стоит перед необходимостью осуществления практических действий по определению мест возведения новых промышленных предприятий и мер по сосредоточению в этих местах необходимой массы производительных сил. Она провозглашает, что в отличие от капитализма, ее решения будут основаны не на частных, случайных интересах, а на «объективных» законах развития нового общества. Единственной силой, способной предоставить знание этих законов, является наука. Вера в научное знание, его способность решать социальные, культурные, технические и прочие проблемы, в то, что с развертыванием упорядоченных форм государственного планового хозяйства грубый эмпиризм все более должен уступать место «точному расчету на основе научного исследования»⁵⁰, в начале века была непоколебимой. И в соответствии с этой верой советская власть при принятии организационно-управленческих решений испытывала нужду в научном знании, эти решения обеспечивающем. Поэтому она ясно и недвусмысленно указывает ученым на необходимость скорейшей разработки такой экономгеографической теории размещения промышленности, которая базировалась бы на принципиально иных базовых понятиях, нежели буржуазная теория (например, на отрицании такого основополагающего понятия буржуазной теории, как экономическая выгода), и которая могла бы обеспечить принятие практических решений по реорганизации административно-территориального устройства страны.

В качестве основы для анализа и критики буржуазной теории служит главный (в ряду существующих на тот период) теоретический труд, посвященный размещению промышленности и производительных сил. Это указанная работа Альфреда Вебера «Теория размещения промышленности»⁵¹. Но напрямую воспользоваться его выводами ученые, работающие на Госплан, не могли, потому что А. Вебер наблюдал, изучал и обобщал реальный капитализм, окружавший его, а Госплан призван был разработать программу построения социализма, которого еще нет. А это означает, что сотрудникам Госплана социализм нужно создать, то есть придумать законы и правила, которые еще не существуют в обществе, но на основе которых и расселение, и новые города, и градостроительная политика будут изначально и целенаправленно сформированы как антикапиталистические. Поэтому труд А. Вебера служит лишь отправной точкой, той концептуальной базой, критикуя и переиначивая которую подчас до наоборот, сотрудники Госплана формулируют основы градостроительной политики, концепции социалистического расселения, теории соцгорода. Ход, которым идет работа, в методическом плане оказывается верен и прост: взять описание закономерностей размещения промышленности в условиях капитализма и на основе его критики (проделанной основоположниками марксизма-ленинизма) сконструировать иные теоретические постулаты распределения промышленности при социализме.

В своих научных построениях Вебер доказывает, что на всех этапах исторического развития общества размещение производительных сил неизменно определялось действием факторов, именуемых им штандортными⁵². Этим словом он называет ту экономическую выгоду, которая появляется в хозяйственной деятельности в зависимости от места, где она осуществляется. Эта выгода заключается в сокращении издержек по производству и сбыту определенного промышленного продукта и означает, следовательно, возможность изготовлять данный продукт в каком-либо месте с меньшими издержками, нежели в другом⁵³. А. Вебер постулирует, что человечество всегда стремилось производить любую продукцию с наименьшими издержками производства и под влиянием этого стремления размещало производительные силы там, где факторы размещения в наибольшей степени обеспечивали достижение этих наименьших издержек. Причем эти закономерности характерны не только для размещения промышленности, но и для расположения сельскохозяйственных предприятий. Например, другая теория штандорта – штандорта сельскохозяйственного производства, автором которой является И.Г. Тюнен, также основана на утверждении, что капиталистические сельскохозяйственные предприятия целесообразнее размещать в местах, где обеспечиваются наименьшие издержки производства, включая издержки на транспорт⁵⁴.

Основанные на одной и той же методологической и понятийной базе теории промышленного штандорта А. Вебера и сельскохозяйственного у И.Г. Тюнена, а также общего штандорта О. Энглендера раскрывают и обосновывают всеобщий характер проявления экономических законов развития производства в капиталистическом обществе. Согласно этим теориям экономические законы размещения промышленности и производительных сил для капиталистической системы оказываются универсальными. Следует специально отметить, что и веберовская, и тюненовская, и энглендеровская теории имеют последователей среди отечественных ученых, причем разделяющих именно базовые методологические посылки этих теорий.

Вот с этой «универсальностью», «неизменностью», «надисторичностью», «вечной повторяемостью» экономических законов старой буржуазной экономики и борется новая власть, создающая новое внеэкономическое общество и, соответственно, новые социальные внеэкономические законы его существования. Борется руками и устами ученых, этой власти служащих, указывающих на источники ошибок, совершаемых представителями старой экономгеографической науки, рассматривающих теоретические схемы буржуазной экономгеографии, приемлемые для объяснения принципов размещения производства в социалистической стране⁵⁵. Они упрекают буржуазных экономистов и географов (а также отечественных, разделяющих их позицию) в том, что те не видят и не хотят видеть СССР особой страной с особыми закономерностями, страной, к которой нельзя подходить с буржуазной меркой⁵⁶.

С современной научной точки зрения это правильная позиция: законы социальной организации и экономические закономерности не являются чем-либо постоянным и неизменным. Они изменяются и трансформируются как и любые иные закономерности социальной и экономической организации. И мыслительное (теоретическое) описание этих законов также не является чем-либо постоянным. Всякая теория верна с точностью до тех условий и допущений, в рамках которых она появилась, так как мышление реалистично лишь постольку, поскольку существуют материальная действительность (и, в частности, социально-организационные структуры), которая поддерживает его правдоподобность. Как только эта действительность (структуры) исчезает, исчезает и тот тип мышления, который все это обеспечивал⁵⁷. Но эта научная точка зрения станет привычной и очевидной для интеллектуальной мысли лишь в середине XX в. В рассматриваемый же период вопрос о неизменности и повторяемости теоретических положений, об универсальном характере теоретических знаний и их приложимости в различных «общественно-исторических практиках» еще лишь только ставится. «Обладает ли чел.овеческое мышление пред-

метной истинностью, вовсе не вопрос теории, – как верно отмечал К. Маркс, – а практический вопрос»⁵⁸. Изменяется практика – изменяется и знание, оно перестает быть истинным. То же самое происходит и со всеми экономическими теориями, выросшими на почве одних социальных условий в столкновении с другими социальными условиями. То же самое справедливо и по отношению к теории А. Вебера: истинность ее положений определяется не логикой теоретических доказательств и строгостью понятийных конструкций, а практикой осуществления социальных действий. В том числе политической (принятием определенных решений) и общественной практикой (последующим осуществлением этих решений). Общественно-политическая практика, осуществляемая советской властью, теорию А. Вебера (и прочие теории буржуазной экономгеографии) опровергает. Во-первых, потому, что анализ и выводы о размещении промышленных предприятий в штандортной теории делались А. Вебером на основе сложившихся при капитализме и реально существовавших (опять же в условиях капитализма) исходных данных. В новой общественно-политической практике возможность изменения исходных показателей (например, тарифов на перевозку сырья, стоимости единицы сырья, показателей трудоемкости и т.п.) приводит к невозможности реализации старой теории. Во-вторых, экономическая теория Вебера, вырастая в условиях постепенных изменений буржуазного общества, т.е. изменений, по своей природе являющихся «эволюционными», т.е. изменений, которые естественным образом постепенно накапливались, суммировались, приводили к улучшающим преобразованиям и, в конечном счете, к изменению исходного состояния. В соответствии с этими изменениями также постепенно корректировалось и совершенствовалось научное знание. В конце своей работы А. Вебер прямо указывает на то, что для правильного понимания закономерностей размещения производительных сил необходимо принять за исходный пункт следующее положение: каждое данное расположение промышленности и каждое локально-хозяйственное образование, взятое как фотографический снимок для определенного исторического периода, представляет собой не что иное, как модификацию аналогичного предыдущего снимка, модификацию, соответствующую данной стадии хозяйственного развития. С точки зрения какого-либо одного периода эту модификацию надо рассматривать как некоторое «рационалистическое» преобразование исторически сложившегося организма, который в известной своей части стал «иррациональным»⁵⁹. Изменения в послереволюционном российском обществе произошли скачкообразно, так же скачкообразно устарело старое экономическое знание и стало неадекватным новым условиям.

Именно поэтому новую социалистическую теорию размещения промышленности по территории страны советская власть требует изначально (уже на уровне идеологических и методологических предпосылок) формировать как противостоящую старой теории, а именно: а) отвергающую «эволюционные» изменения; б) провозглашающую приоритет революционных (искусственных) общественных изменений; в) призванную формировать основы размещения производительных сил, отличающиеся от закономерностей их размещения при капитализме»⁶⁰.

Принципы размещения социалистической промышленности

Концептуальное содержание теории размещения советской промышленности на территории страны вызывает поляризацию позиций отечественных ученых. В научной среде отношение к труду А. Вебера оказывается не столь однозначно отрицательным, как в среде политической. Е. Варга, Э. Гольденберг, С. Бернштейн-Коган, И. Дашковский, Н. Баранский, Н. Морозов⁶¹ и многие другие ученые, хоть и с оговорками, но разделяют теоретический подход, основные положения и выводы теории А. Вебера. Многие из них в своих работах доказывают, что для решения задач размещения социалистической промышленности его выводы вполне подходят⁶², а все прочие постулаты на уровне теоретических рассуждений оказываются трудоемкими, малоэффективными и, как следствие, нерациональными.

Эти экономисты никак не могут осознать того факта, что государство, в котором они живут, и целевые установки которого они критикуют, категорически не основывается на принципах экономической эффективности, но решительно опирается на постулат социальной целесообразности. Модель экономики, которую необходимо создать плановым органам, должна предусматривать разработку программы осуществления индустриализации, основанную на запланированных на конец первой пятилетки показателях мощности оборонной промышленности. Кроме того, она должна, в большей или меньшей степени предвосхитить вероятностные структурные изменения народного хозяйства в будущей войне. Гражданская работа Госплана тем самым вынуждена руководствоваться не столько теоретико-экономическими, сколько военными целями. Кстати, в апреле 1928 г., для облегчения и упрощения непосредственного включения военного содержания в разработку программы индустриализации принимается решение об участии военных представителей во всех стадиях разработки народнохозяйственного плана⁶³. Все проекты пятилетнего плана, начиная с середины 1928 г., вплоть до окончательной версии 1929 г. теперь проверяются и визируются военными⁶⁴. При этом характер территориально-производственной организации по требованиям военных следует осуществлять с учетом того, что многие оборонные предприятия находят-

ся в недопустимой близости к границам. Поэтому при принятии стратегического решения о расположении объектов военно-промышленного комплекса и шире – размещении производительных сил по территории страны предлагается создание второго стратегического эшелона оборонных (в данном случае – угольно-металлургического профиля) предприятий на Урале, а также планируется развертывание третьего, четвертого, и пятого – в Казахстане, Сибири, на Алтае, Дальнем Востоке⁶⁵.

Невзирая на это, сторонники теории А. Вебера продолжают утверждать: «Не может быть никакой речи о равномерной индустриализации страны, ибо это неизбежно означало бы совершенно непроизводительную затрату национального капитала и замедление темпа нашего индустриального развития, а должен быть выдвинут принцип возможного сосредоточения промышленного строительства в оптимальных для этого районах. Единственным оптимальным районом ... представляется Юг»⁶⁶. Экономисты, разделяющие взгляды А. Вебера, не способны принять положение, суть которого довольно четко фиксируют критики его теории: «Проблема размещения промышленности представляет собой не только (а, может быть, и не столько) вопрос теории, сколько вопрос политики»⁶⁷. В СССР «размещать новое промышленное строительство в смысле практическом, в порядке директивных указаний, есть, конечно, дело практической политики; в окончательном результате фактическое распределение промышленности по территории определяется у нас не весовыми и всякими иными коэффициентами и «модулями» Вебера⁶⁸, а непосредственными распоряжениями ВСНХ, ГСНХ и трестов»⁶⁹.

Конечно, с точки зрения затрат, размещение Урало-Кузнецкого комбината⁷⁰ невыгодно, так как выгоднее размещать новые металлургические производства в старопромышленных районах, обеспеченных и железнодорожным транспортом, и кадрами, и пр.⁷¹ А вот с точки зрения обороноспособности страны⁷² размещение Кузнецкостроя, Магнитки, Уралмаша и других производств на Урале, Алтае, в Сибири и т.д. оказывается даже более чем целесообразным (причем не взирая на любые затраты). Прежде всего потому, что на тот период до Урала, а тем более до Сибири, ни один самолет вероятного противника долететь не был способен, так как даже у самых дальних европейских бомбардировщиков не хватало ресурса дальности для беспосадочного перелета (с учетом необходимости возвращения на аэродромы базирования)⁷³. С этой точки зрения государственные планы по рассредоточению производств и населения на территории страны оказываются весьма позитивными ввиду того, что «система расселения»⁷⁴ бесконечно затрудняет задачу разгрома (с воздуха или химической атакой) населенного района необходимостью для противника бить по рассредоточенным, рассеянным целям, минимальнейшего эффекта дейст-

вия в случае нападения в этих условиях. Способ планировки и облесения полос расселения, с одной стороны, и проведения тракторных дорог параллельно автопутям – с другой, отвечает задачам маскировки неподвижных и подвижных целей (транспорта)»⁷⁵.

В споре представителей старой (буржуазной) и новой (социалистической) экономгеографических теорий, расчетно-финансовые доводы, основанные на экономических показателях⁷⁶, сталкиваются с телеологическими, основанными на целевых установках. И приоритет остается за последними, потому что социализм это не капитализм. Здесь идея весомее всех и всяческих калькуляций; экономика подчинена политике, а расчет подчинен цели; здесь не наличные средства определяют возможности, а задача определяет выбор привлекаемых средств.

Сторонники старой экономгеографической теории приводят все новые и новые доводы, основанные на финансово-экономических расчетах, доказывающих, что перемещение металлургической промышленности на Урал – это растрата национального капитала. Они не могут понять, что считать копейки – удел капиталистов. А у нас государство взяло да и установило льготный тариф⁷⁷ на перевозки кузнецкого угля, и все экономические расчеты оказались не действительными, а теоретические постулаты опровергнутыми.

Они были не способны понять, что в условиях искусственно-технической организации общественной практики традиционные объекты социальных наук, в том числе и экономики, изменяются под влияние инженерного, т.е. преобразующего воздействия⁷⁸. И теории, основанные на этих объектах, перестают быть правильными. В «переходный» период социальное теоретическое знание скачкообразно устаревает и должно быть заменено заново сконструированным на основе трансформировавшегося или сформированного нового теоретического объекта.

Советская власть ставит перед учеными, в частности перед экономгеографами, задачу создания новой теории и, соответственно, нового теоретического объекта, приспособленного к иным, нежели прежде, условиям и формам осуществления социальных преобразований. Представители старой экономгеографической теории этого не понимают (или не принимают), научная мысль еще не освоила и не затвердила различия «естественно-научного» и «искусственно-технического» подходов в описании и объяснении отличия «природных» явлений от «общественных»⁷⁹. Традиционное поле научных споров и дискуссий не позволяет новому («вне-экономическому») взгляду на преобразование общества привычным дискуссионным путем одержать победу над старым («экономическим») взглядом. Поэтому советской власти приходится прибегать к мерам далеко не научным, но в плане социальной практики весьма эффективным –

объявлению части теоретических воззрений незначимыми или лживыми, изъятию учебников, исключению некоторых теоретических воззрений и их авторов из активной научной деятельности и общественной памяти, ликвидации научных направлений⁸⁰ и т.п.

В тоталитарном государстве «научное» доказательство, основанное на цитировании мифологизированных авторитетов, является более весомым обоснованием правоты, нежели логика и расчет. Здесь проверка научного знания на соответствие базовым идеологическим учениям является единственным критерием его истинности⁸¹. Тоталитарный режим концентрирует все силы исполнительной системы (в том числе и потенциал находящейся на государственном обеспечении науки) на достижении поставленной цели. Поэтому, когда в начале 1920-х гг. властным структурам стало понятно, что буржуазная экономическая теория («старый объект») не отвечает планам создания административно-территориальной организации, способной обеспечить индустриальное развитие страны, власть принимает решение о создании новой экономической теории («нового объекта»), которая была призвана обосновывать принимаемые волевые решения научным знанием. А новая наука – «советская экономгеография», несущая иные, нежели прежде, концептуально-идеологические целевые установки и соответствующее содержание, должна была формировать знания о специфическом «социалистическом» размещении промышленности и расселении. В итоге к середине 1930-х гг. «искусственно-техническая» природа организационно-управленческих процессов и телеологический характер принятия административно-хозяйственных решений определили то, что в основу экономгеографической теории размещения промышленности на территории страны и, как следствие, практики социалистического расселения, были положены не столько теоретические воззрения ученых старой формации, основанные на финансово-экономических расчетах, сколько практические задачи территориального размещения промышленности, основанные на идеологических, методологических и теоретических положениях марксистско-ленинской доктрины преобразования страны.

К этому моменту концептуально-идеологические предпосылки разработок Госплана подкрепляются результатами анализа состояния промышленного потенциала СССР⁸². Они таковы: а) необходимо не восстанавливать и не модернизировать существующие промышленные предприятия⁸³, а создавать новые⁸⁴; б) конкретные места размещения новых производств следует определять исходя из необходимости перспективного развития конкретных районов⁸⁵; в) при определении «актуальных» районов, т.е. выгодных в отношении первоочередного их развития, следует исходить не из сырьевого потенциала данного района⁸⁶, а из «комбина-

ции продукции»⁸⁷; г) формирование транспортной инфраструктуры следует производить исходя из необходимости формирования связей между наиболее «актуальными районами»⁸⁸ и «по отношению к перевозке массовых грузов»⁸⁹; д) использование существующей транспортной инфраструктуры должно быть оптимизируемо и регулируемо посредством целенаправленного изменения тарифов на перевозки грузов⁹⁰; е) административно-территориальное деление должно быть приведено в соответствие с планами размещения и возведения новой промышленности⁹¹.

Концептуальные положения теории размещения промышленности в СССР в отличие от буржуазной теории представляет собой следующее:

1. При капитализме базовым понятием для размещения и развития производства является понятие экономической выгоды, т.е. капиталистические предприятия размещаются в тех местах, где обеспечиваются наименьшие издержки производства (включая расходы на транспорт). В условиях социализма следование государственной цели оказывается весомее издержек производства. Здесь расчет подчинен воле, а производства размещаются не там, где выгодно, а там, где нужно (исходя, например, из целей обороноспособности, экономической независимости страны или развития осваиваемых территорий).

2. В капиталистической теории А. Вебера вновь размещаемые капиталистические производства тяготеют к существующим транспортным артериям. В социалистической теории с точностью до наоборот строящиеся транспортные коммуникации тяготеют к производству⁹². То есть, если того требуют нужды производства, то к нужному месту, не взирая на трудоемкость и финансовые затраты, тянутся железнодорожные ветки и магистрали, строятся автомобильные дороги, роются водные каналы и создается инфраструктура для трассировки авиалиний.

3. Капитализм неразрывно связан с отделением города от деревни. Социализм же неразрывно связан со стиранием границ между городом и деревней.

4. Согласно теории Вебера капиталистическая промышленность стремится к слиянию в агломерацию. В социалистической теории, наоборот, промышленность должна быть равномерно распределена по территории страны, более того, на стремление промышленности сливаться в агломерации накладывается административный запрет – подготовленное в период 1927–1928 гг.⁹³ конкретное практическое обоснование⁹⁴ вылилось в принятие одного из пунктов резолюции июньского Пленума ЦК ВКП (б) (1931 г.) «О Московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР»⁹⁵.

5. При капитализме отдельные отрасли производства (в результате территориального разделения труда) «прикрепляются» к отдельным об-

ластям страны. При социализме же отдельным районам запрещено специализироваться по какой-нибудь одной отрасли промышленности либо земледелия.

6. При капитализме промышленность тяготеет к месторождениям угля как источнику энергии. При социализме промышленность должна быть свободна от привязанности к местам залегания энергоносителей⁹⁶.

7. При капитализме население концентрируется в крупных городах, при социализме оно вслед за промышленностью должно быть равномерно распределено по территории страны.

8. В капиталистической теории А. Вебера (по мере развития грузового транспорта) капиталистические производства все менее зависят от мест расположения сырья⁹⁷. Социалистическая теория, наоборот, требует размещать производства вблизи источников сырья (кстати, при таком подходе и транспортные затраты становятся много меньше).

9. Одно из основных положений теории А. Вебера заключалось в том, что, анализируя закономерности размещения промышленности при капитализме, он представляет рабочее население как бы прикрепленным к географическим пунктам, в которых оно сосредоточено. В соответствии с этим новое производство он предлагает размещать как можно ближе к сосредоточению этой рабочей силы. При социализме промышленность рассматривается «открепленной» от мест сосредоточения рабочей силы⁹⁸. Не промышленность, располагаемая там, где требуется, тяготеет к рабочей силе, а рабочая сила и добровольно, и принудительно перемещается в места размещения новой промышленности.

Принципы проектирования городского жилища

До середины 1920-х гг. основными градостроительными объектами, на которые было направлено проектирование, являлись: а) существующие города, подвергающиеся реконструкции и новому строительству и б) рабочие поселки подле реконструируемых и вновь возводимых производственных предприятий, железнодорожных и электростанций⁹⁹.

Структура жилого фонда в советском рабочем поселке-саде предусматривала, как правило, наличие нескольких типов жилых домов: а) особнякового характера (на одну квартиру) – не более 5%; б) 2-квартирных домов – до 25%; в) 3 – 4-квартирных домов; г) многоквартирных домов; д) общежитий (для одиноких рабочих)¹⁰⁰. Наличие в рабочих поселках зон индивидуальной застройки усадебного типа сохранялось в нормативных документах до конца 1920-х гг.¹⁰¹. В отличие от поселка, структуру жилого фонда соцгорода официально составляют лишь два типа домов: а) многоквартирные дома и б) общежития. Индивидуальное жилище особнякового коттеджного типа и частные придомовые участки концепцией соцгорода категорически исключаются¹⁰².

Установка власти на проектирование в городах многоэтажного многоквартирного жилища, вызревавшая с 1925/1926 гг., окончательно складывается к 1927/1928 гг. Эта установка предопределена стратегией управления людьми за счет коммунального жилища, в рамках которой на администрацию предприятий и учреждений возлагается задача формирования и руководства трудо-бытовыми коллективами. Рабочая масса концептуально предстает как организованное целое, расчлененное на трудовые коллективы, производственные отношения в которых усилены и подкреплены бытовыми отношениями, возникающими в процессе совместного проживания в коммунальных квартирах покомнатно-посемейного заселения. Жилище в рамках этой стратегии выступает в качестве ключевого механизма осуществления воздействия на людей, а государственно-ведомственная форма хозяйственного ведения и распределения жилищем рассматривается и воплощается в качестве основной.

В период 1925 – 1927 гг. целевая установка государственной жилищной политики на возведение многоэтажного многоквартирного жилища выливается в принуждение правлений жилищных кооперативов к отказу от малоэтажного особнякового строительства и объединению их средств и организационных усилий на возведение каменных 3-4-5-этажных домов-строений¹⁰³.

В период 1926 – 1927 гг. Московский совет при возведении жилища уже всецело ориентируется на тип каменного многоэтажного жилого дома. В этот период возводятся дома в три, а затем в четыре этажа, с 2-3-комнатными квартирами, кухней, центральным отоплением, канализацией, водопроводом, электрическим освещением, а там, где это возможно, и с газопроводом¹⁰⁴. Ванны, как правило, не устраиваются, квартиры без сквозного проветривания, покомнатно-посемейного заселения¹⁰⁵. Также разрабатываются дома коридорного типа с отдельными уборными и газовыми кухнями в каждой квартире, а также дома коммунального типа коридорной системы, где общими были кухни, уборные, столовые.

Московский опыт выступает образцом для прочих городов страны. Так, например, условия конкурса на составление проекта застройки жилых домов для рабочих семей в Самаре, проведенного МАО в сентябре 1927 г.¹⁰⁶, предписывают участок, отведенный под строительство, застраивать исключительно многоквартирными 3-этажными зданиями¹⁰⁷. И хотя квартиры продолжают именоваться индивидуальными¹⁰⁸, проектируются они как коммунальные – в 3-4 комнаты¹⁰⁹, с передней, кухней, уборной¹¹⁰ (без ванны), кладовой¹¹¹. Эти квартиры предназначаются для покомнатно-посемейного заселения (2 семьи и 1 одиночка, всего 5-6 человек), поэтому программа конкурса требует предусматривать устройство самостоятельных входов из прихожей (передней) в каждую из комнат¹¹².

В 1927 г. появляются типовые проекты квартирных ячеек городского многоэтажного дома, на характер планировочного решения которых значительное влияние оказывают директивные указания правительства об удешевлении жилищного строительства. Одним из направлений удешевления жилища является выявление стандартной формы секции. Она в этот период¹¹³ определяется как «состоящая двух выходящих на лестничную клетку однотипных квартир»¹¹⁴. Форму жилого дома рекомендуется принимать простого прямоугольного вида, так как застройка городских участков прямоугольными корпусами жилых домов с предельно упрощенными приемами их примыкания друг к другу дает экономию средств, потому что позволяет проектировать прямоугольные квартиры, в то время как усложнение конфигурации домов (изломанный периметр стен) приводит зачастую к вынужденному появлению переусложненных, нерациональных и, как следствие, неэкономичных планировок. Установка на подобные планировочные решения подкрепляется введением нормативной плотности застройки городских участков – не более 30% от площади территории строительного участка, что позволяет свободно располагать строения на участке, не прибегая к запутанным конфигурациям жилых корпусов.

Другое направление – соответствие проектных решений коэффициентам экономичности, разработанным ЭКОСО и задающим соотношение жилой и полезной площади квартиры, площади и кубатуры здания¹¹⁵ и т.п. Проектные решения, выработанные на основе этих предписаний в различных проектных организациях и ведомствах (Центрожилсоюз, Моссовет, ВСНХ СССР, НКВД и др.), оказываются почти аналогичными¹¹⁶. Типовые ячейки Центрожилсоюза не предусматривают ванной комнаты, так как ее отсутствие дает экономию стоимости 1 кв. метра жилой площади в 5 – 6%. Туалеты освещаются вторым светом, что в сравнении с проектами Моссовета и ВСНХ, где уборные делаются с непосредственным освещением, дает экономию еще в 5 – 8%, так как позволяет переместить туалет вглубь квартиры, высвободив периметр внешних стен для расположения жилых комнат.

Заметим, что планировки квартир с кухней-нишей¹¹⁷, несмотря на их очевидную экономичность, не находят официальной поддержки, так как расположение кухни-ниши в одной из жилых комнат вызывает необходимость заселения квартиры одной семьей¹¹⁸, что противоречит стратегии власти на заселение квартир несколькими семьями. Власть нуждается в планировочных решениях, обеспечивающих ее стратегию и изначально предусматривающих покомнатно-посемейное заселение. Как следствие, квартиры проектируются таким образом, чтобы оптимальным образом обеспечить заселение несколькими семьями. Например, типовая ячейка

площадью 64 кв. м предполагает вселение двух семейства по 4 человека в каждом¹¹⁹. Заметим, что те проекты, которые не соответствуют покомнатно-посемейному заселению, встречаются при согласовании жесткую критику и, в конечном счете, отклоняются. Например, подобная ситуация возникает при обсуждении проектных предложений Стройкома РСФСР.

23 ноября 1927 г. выходит Постановление ЦИК и СНК СССР «Положение о порядке утверждения проектов по промышленному строительству, производимому ВСНХ СССР, высшими советами народного хозяйства союзных республик, их местными органами и подведомственными им предприятиями и учреждениями»¹²⁰, которое законодательно закрепляет один их постулатов государственной градостроительной политики 1920 – 1930-х гг. – жилищное гражданское строительство, а также возведение объектов коммунального и бытового обслуживания в рабочих поселках-новостройках (а позднее и новостройках-соцгородах), жилище утрачивает свой самостоятельный статус и переводится в разряд промышленного строительства: «Промышленным строительством признается строительство новых производственных предприятий, дооборудование и переоборудование существующих, их капитальный ремонт, а также возведение вспомогательных сооружений и жилищное, и коммунальное строительство, обслуживающее промышленное предприятие и осуществляемое на его территории или на территории, предоставляемой предприятию для этой цели»¹²¹. За жилищным и коммунальным строительством закрепляется подчиненная, обслуживающая роль. Жилье при промышленном предприятии включается теперь в производственно-финансовые планы промышленного строительства ВСНХ¹²²; проектируется силами организаций, занимающихся промышленным строительством¹²³; проходит экспертизу и утверждается ВСНХ¹²⁴ и т. д.¹²⁵. Таким образом, власть законодательно ликвидирует самостоятельный статус и самоценность жилищного гражданского строительства, объектов коммунального и бытового обслуживания, переводя их в разряд промышленного строительства.

В соответствии с этим Постановлением ВСНХ фактически становится главным распорядителем нового жилищного строительства при новой промышленности. Проекты, утверждаемые им или высшими советами народного хозяйства союзных республик, подлежат согласованию с местными органами строительно-технического контроля лишь в отношении противопожарной безопасности и планировки населенных пунктов и то только для того, чтобы проверить их на соответствие местным условиям и обязательным постановлениям по строительству¹²⁶.

Власть принимает это решение исходя из организационно-управленческих задач – так легче осуществлять общегосударственное планирование и распределение средств, проще контролировать их ис-

пользование и обеспечивать комплексное (взаимосвязанное) возведение промышленности и жилья, необходимого для размещения сначала строительных рабочих, а потом постоянных кадров промышленности. В условиях формирования единоначалия, жесткой исполнительской дисциплины и персональной ответственности руководителей такое решение представляется наиболее простым и эффективным.

В развитие и исполнение этого Постановления ВСНХ СССР издает в 1928г. Альбом типов жилых домов. Проекты предназначены для строительства жилых домов, осуществляемого в городах и рабочих поселках администрациями фабрично-заводских предприятий¹²⁷, разработаны в соответствии с коэффициентами экономичности ЭКОСО. Альбом содержит 21 проект, типология которых охватывает: а) общежития (двух типов); б) дома с квартирами, имеющими общие обслуживающие помещения¹²⁸; в) дома с обособленными квартирами. За редким исключением дома (малоэтажные и многоэтажные) запроектированы блочными – к этому времени данный тип дома общепризнан как наиболее экономически выгодный¹²⁹.

Индивидуальные квартиры в 2-3-4 комнаты спроектированы с учетом покомнатно-посемейного заселения, в них исключено наличие проходных комнат, препятствующих заселению каждой из них отдельной семьей, зато предусмотрено наличие смежных комнат, каждая из которых имеет собственный выход в прихожую (для заселения одной большой семьей или двумя, в этом случае дверь между комнатами перекрывается)¹³⁰. Они, например, предусматривают заселение трехкомнатной квартиры тремя семьями. Либо объединение четырех двухкомнатных квартир (каждая для семьи из четырех человек с собственной печкой) вокруг одной общей кухни и двух общих уборных, либо совместное размещение 4 или 6 семейств (всего 16 человек) с одной общей проходной кухней, либо поэтажное объединение двух двухкомнатных квартир из смежных комнат (каждая для семьи из четырех человек) и двух однокомнатных (каждая для семьи из двух человек), всего на 12 человек¹³¹, сгруппированных вокруг одной общей кухни и одной (или двух) общей уборной¹³². Уборные во всех без исключения проектах расположены у наружных стен, потому что рассчитаны на отсутствие центральной канализации и предусматривают устройство люфт-клозетов. По этой же причине кухни во всех проектах планировочно располагаются смежно с уборными (или максимально приближены к ним) в целях усиления постоянного действия естественной вентиляции, особенно в летние месяцы. Ко многим проектам приложены варианты замены плиты в кухне русской печью.

В этом же 1928 году Альбом типов рабочих домов издает Высший техническо-строительный комитет при НКВД УССР. Включенные в него

проекты разрабатывались строительными организациями, имеющими «проектные аппараты», – Донуглем, Югосталью, ЮМТ-ом, Укржилсоюзом, Индустроем¹³³. Некоторые проекты схожи с предлагаемыми ВСНХ СССР, но имеют несколько большую площадь. Подобное завышение (в сравнении с проектами ВСНХ) норм жилой площади является отличительной чертой всех проектов из Альбома НКВД УССР. Как следствие, во многих проектах планировочно выделялись отдельные комнаты-столовые. В отличие от Альбома ВСНХ здесь наряду с проектами домов покомнатно-посемейного заселения были проекты домов, предназначенных для индивидуального заселения.

Интересная деталь: застройщики, использующие типовые проекты, освобождались от оплаты установленных сборов за рассмотрение проектов. Это решение позволяло не только экономить средства, но и сократить время, затрачиваемое на получение разрешения на строительство. Подобными мерами власть стимулировала строительные организации к употреблению именно типовых проектов.

Проектные поиски типа жилого дома осуществляются также и по заказу жилищной кооперации силами ее проектных организаций. К этому типу жилья кооперацию явно и неявно подталкивает власть. Местные советы не имеют средств для развертывания массового строительства жилищ, зато обладают административными возможностями воздействия на жилищные кооперативы с целью переориентации их с осуществляемого малозэтажного жилищного строительства¹³⁴ на многоэтажное и многоквартирное, лежащее в русле жилищной политики власти. Это принуждение приобретает массовый характер после 1928 г. с выходом Постановления «О жилищной политике»¹³⁵, которое официально, окончательно и бесповоротно тип многоэтажного многоквартирного дома называет основным типом дома для массового жилищного строительства. В связи с этим власть требует от правительств союзных республик «укрупнять и концентрировать жилищное строительство, осуществляемое всеми категориями застройщиков»¹³⁶. Везде, где осуществляется возведение социалистических городов¹³⁷, на это направлены все силы крупной государственной строительной индустрии. Там же, где власть не ведет интенсивного строительства новых промышленных предприятий (т.е. вне соцгородов), или на тех территориях, где она не имеет стратегических индустриальных интересов, она допускает и даже поощряет индивидуальное рабочее жилищное строительство¹³⁸.

Разработанный Центральным банком коммунального хозяйства¹³⁹ в духе этого Постановления и изданный в 1929 г. Альбом рабочих жилищ (рассматриваемый его авторами как нормативно-рекомендательный документ) фиксирует в качестве объекта градостроительного проектирова-

ния три основных типа рабочего поселения: 1) городской рабочий квартал; 2) городской рабочий пригород; 3) рабочий поселок при большом фабричном, заводском или ином хозяйственном предприятии (являющий собой самостоятельный жилищно-производственный комплекс)¹⁴⁰. В каждом из них ведущим типом жилой застройки определяется многоквартирный, многоэтажный (2-3-4 этажа), секционный дом¹⁴¹, который называется основным типом городского жилища. В качестве застройки во всех примерах, приведенных в Альбоме, принята стандартная 4-этажная секция среднего размера (11,0 x 18,0 метров), допускающая возможность блокирования; представлены случаи застройки угловых и не угловых земельных участков, а также приемы планировки самостоятельных кварталов¹⁴². Указано, что в городском рабочем пригороде допускается включение «отдельных усадеб с сельскохозяйственным уклоном (огород, содержание скота и птица и т.п.)». Но при этом подчеркивается, что такое решение «чуждо городскому плану»¹⁴³. То же допускается и в рабочем поселке при внегородском промышленном предприятии. Но при этом отмечено, что подобный тип поселения является переходным к типу самостоятельного населенного пункта, предусматривающего «крупные дома в 2 – 3 этажа, с числом квартир не менее четырех на одном этаже, с возможной блокировкой отдельных секций в крупный жилищный объект»¹⁴⁴.

Следуя Постановлению «О жилищной политике», местные советы подталкивают жилищные кооперативы к проектированию и строительству коммунального жилища – домов переходного типа, домов-коммун и проч. В определенной степени этому способствует полученное рабоче-заводской жилищной кооперацией разрешение использовать 5% средств, ассигнованных на жилищное строительство, на постройку культурно-бытовых учреждений – детских яслей, садов, общественных учреждений, красных уголков и т.п.¹⁴⁵.

Первым возведенным жилищной кооперацией домом-коммун в Москве было здание РЖСКТ «Первое Замоскворецкое Объединение», построенное на Хавской улице, проект которого был выполнен проектным бюро Мосгубжилсоюза (арх. Г. Вольфензон, С. Леонтович)¹⁴⁶. Эту инициативу, как это всегда бывало при инициации «сверху», с неизбежностью подхватили кооперативные объединения и других районов Москвы – Пролетарского, Сокольнического, Бауманского и др.¹⁴⁷ Проекты домов-коммун также выполняются проектным бюро Мособлжилсоюза¹⁴⁸. Они проектируются и строятся не только для Москвы, но и для Твери¹⁴⁹, Смоленска¹⁵⁰, Иваново-Вознесенска¹⁵¹, Ленинграда¹⁵². В этот период в столице активно возводятся и дома коммунального (переходного) типа, например, жилые дома кооператива «Дукстрой» (арх. А. Фуфаев), кооперативный дом на Тверской ул. (арх. Н. Ладовский), жилой дом кооператива на-

учных работников и преподавателей в Зачатьевском пер. (арх. А. Самойлов)¹⁵³. Возводятся они и в Свердловске, и в Клину¹⁵⁴, и в других городах.

Жилищные товарищества создаются преимущественно по тому же производственному принципу, что и трудо-бытовые коллективы предприятий¹⁵⁵: члены одного трудового коллектива вступают в один жилищный кооператив и впоследствии поселяются и живут вместе в одном доме. По этому принципу в Москве еще в 1925 г. возведен дом Кожсиндиката (арх. А. Голубев), в котором на трех первых этажах располагались конторские помещения, а на четырех верхних – квартиры служащих синдиката¹⁵⁶. Примерно в этот же период¹⁵⁷ архитектором Н.Л. Эйхенвальдом спроектирован 4-этажный жилой дом для жилищного кооператива «Рабочая Москва». На первом этаже размещались торговые посещения, остальные три представляли собой жилье коридорного типа¹⁵⁸.

Архитекторы, не разделяя полностью в этот период стратегических установок власти на формирование коммунального жилища, даже пытаются «поправить» ее, противопоставляя свои проекты реальной практике покомнатно-посемейного заселения. Так, в статье Г. Б. Красина «Новые планировки в жилстроительстве Моссовета» рекомендуется при проектировании домов с индивидуальными квартирами осуществлять проектное «уменьшение числа комнат в квартире до двух и даже до одной комнаты, во избежание заселения одной квартиры многими семьями»¹⁵⁹. Это противостояние проистекает из непонимания архитекторами (или принципиального нежелания принимать тот факт), что покомнатно-посемейное заселение – это не сиюминутная случайность или временное явление, связанное с дефицитом стройматериалов и рабочей силы, а следствие планомерной и целенаправленной государственной жилищной политики. Власть если и не запрещает официально, то и не приветствует проектирования домов с одно-двухкомнатными квартирами¹⁶⁰ именно потому, что «в современных жилищных условиях только квартира с двух комнатах еще может быть заселена одной семьей»¹⁶¹. А в качестве основного довода проектирования 3-4-комнатных квартир приводит соображения экономичности: площадь жилых комнат в домах с 3-комнатными квартирами составляет около 70% от всей полезной площади квартиры, в то время как в домах с 2-комнатными – только 60 – 63%¹⁶².

Так же упорно, как архитекторы проектируют дома с индивидуальными квартирами (в расчете на одну семью), власть осуществляет их покомнатно-посемейное заселение. Архитекторы пытаются создать такой тип жилища, который позволял бы каждой семье иметь отдельную квартиру, а власть стремится уйти от изолированно живущей семьи (как единицы старого общества) к трудо-бытовым коллективам (как элементу организационно-управленческой структуры нового общества). Как следствие,

типовые секции квартир в жилищном строительстве, осуществляемом в этот период Моссоветом, предусматривают индивидуальные 2-3-4-комнатные квартиры, а реально заселяются по 2-3 человека (семья) в комнату (исходя из нормы в 8 кв. м на человека)¹⁶³. В итоге 4-комнатная квартира предполагает заселение 9-10 жильцами¹⁶⁴; 3-комнатная – 8 жильцами¹⁶⁵. Упомянутый Альбом рабочих жилищ Цескомбанка¹⁶⁶ рекомендует к строительству секции жилых домов с индивидуальными квартирами (в 1-4 комнаты), но специально спроектированные так, чтобы предусмотреть возможность «... использования проектируемых квартир в условиях текущего момента, т.е. заселения одной квартиры двумя семьями»¹⁶⁷, а также «временную перепланировку двух смежных квартир в жилище типа общежития с общими служебными помещениями»¹⁶⁸.

Архитекторы пытаются обеспечить планировку квартир всеми необходимыми подсобными помещениями, а власть стремится разорвать автономность бытового существования людей, усилить их связанность с соседями. Так, Постановление ЭКОСО предписывает ведомствам РСФСР, исполнительным комитетам, кооперации, государственным учреждениям и их хозяйственно-расчетным предприятиям, осуществляющим рабочее строительство, «обратить внимание ... на целесообразность проведения в жизнь строительства типов домов с коллективным использованием вспомогательной площади (кухни, столовые, ванные, прачечные и пр.)»¹⁶⁹.

Но даже в тех случаях, когда в домах отсутствует коммунализация бытовых процессов домашнего хозяйства и обобществленный быт, это не слишком нарушает социально-управленческие усилия власти. Ее вполне устраивают типовые секции квартир массового муниципального жилищного строительства, потому что даже и без обобществленного быта и с «обособленными» квартирами они вписываются в идею коммунального жилища, так как путем реального заселения легко превращаются в покомнатно-посемейные коммуналки. Поэтому типовые секции активно разрабатываются, оптимизируются и возводятся.

А вот проектные предложения секции типизации Стройкома РСФСР, направленные на разработку экономичных малометражных квартир для массового заселения одной семьей, власть не устраивают, ибо противоречат ее стратегии. Обсуждение этой работы происходит в конце 1928 г. с участием представителей НКЗдрава, НКсобеса, НКВД, Текстильстроя, Центрожилсоюза, Госторга, Военно-Строительного управления РККА, МАО, ВСНХ СССР, ОСА, НКРКИ РСФСР, В.С. металлистов, Института государственных сооружений, Русгерстроя, Жилищно-строительного комитета Моссовета, ВОГИ, ЦК деревообделочников, РАХН, ВХУТЕИНа, Горпромстроя, Мосгубжилстроя, ЦК Союза металлистов, АСНОВА, Нар-

компроса, ВСНХ РСФСР, Госплана РСФСР, ЦК Союза железнодорожников, Главискусства и пр.¹⁷⁰

Показательными являются выступления, прозвучавшие при обсуждении работы секции типизации Стройкома. Так, например, представитель Моссовета Елашенко, не только ясно осознающий установки власти, но и каждодневно реализующий их в работе по покомнатно-посемейному заселению, утверждает, что заселение подобных домов и дальше будет происходить исключительно покомнатно-посемейным образом. Исходя из этого, он замечает: «что касается кухонных шкафов, то в наших условиях их необходимо устраивать в каждой комнате, а если сделать шкаф только в одной комнате, то им будут пользоваться только те, кто живет в этой комнате»¹⁷¹. Ему вторит представитель Наркомздрава Л.А. Серк: «Если мы строим квартиру в 3 комнаты, в которой заведомо будут жить три семьи, тогда нельзя уменьшать кухню до тех пределов, как это предлагает докладчик. Те типы трехкомнатных и двухкомнатных квартир, которые предлагает докладчик, рассчитаны на одну семью, но для нас это совершенно не подходит, так как никогда одна семья в такой квартире жить не будет. Я считаю, что руководящие органы, в том числе Стройком, должны были бы выявить совершенно определенно, что эти 3-комнатные квартиры по существу есть общежития для 3 семейств в каждой квартире, и тогда соответствующим образом надо подходить к проектировке»¹⁷². О том же говорит и представитель Центрожилсоюза Рухлядев: «рассматривать такую квартиру как индивидуальную, для заселения одной семье, а не несколькими, было бы затруднительно, и поэтому застройка ее в массовом масштабе выйдет невозможна. У нас и строятся только такие квартиры, в которые можно было бы заселять несколько семейств; такие квартиры в больших городах и будут иметь место»¹⁷³.

По этим причинам, несмотря на экономичность, рациональность, почти гениальную ясность, строгость и чистоту пространственно-планировочных решений различных типов квартир и вариантов их пространственной связи в целом разработки секции (арх. Гинзбург М.Я. — рук., Барщ М., Владимиров В., Пастернак А., Сум-Шик Г.) оказываются невостребованными. Хотя работа и получает, в конечном счете, положительное заключение, дальнейшего строительства шести экспериментальных домов¹⁷⁴ в Москве, Свердловске и Саратове дело не идет¹⁷⁵. Да и в самом факте того, что это экспериментальное строительство оказывается все-таки разрешенным и даже частично реализованным, немалую роль играет тот факт, что Стройкому нужно отчитаться о выполнении Постановления СНК РСФСР от 15 ноября 1927 г. «О мероприятиях по жилищному хозяйству в городских поселениях»¹⁷⁶, которое констатировало, что в 1925/1926 гг., как и в плане на 1926/1927 г. было уделено недостаточно

внимания постановке опытного жилищного строительства, в связи с чем предписывало Центральному союзу жилищной кооперации, Центральному банку коммунального хозяйства и жилищного строительства, Народному комиссариату труда РСФСР, Высшему совету народного хозяйства РСФСР и Народному комиссариату внутренних дел РСФСР (и привлекаемым ими заинтересованным органам) обратить в 1928 г. и в последующие годы особое внимание на эту задачу¹⁷⁷. Стройком РСФСР работу секции типизации как раз и проводил в соответствии с данным постановлением.

8 февраля 1929 г. выходит Постановление СНК РСФСР «О мероприятиях по улучшению и удешевлению строительства, развертыванию промышленности строительных материалов и мероприятиях по урегулированию рынка строительных материалов и рынка труда в 1928/1929 г.», во исполнение которого Строительная комиссия РСФСР разрабатывает Инструкцию «О конкретных мероприятиях по снижению стоимости строительства путем рационализации проектирования, применения облегченных конструкций, уменьшения норм нагрузок и запасов прочности»¹⁷⁸, предписывая осуществлять жилищное строительство «преимущественно укрупненное, блочное, с экономически наиболее выгодной этажностью и максимальным обобществлением коммунального обслуживания (кухни, ванны, души, прачечные, столовые, читальни, клубы, кооперативы и пр.)»¹⁷⁹. Исходя из этого, власть прилагает усилия к проектированию нового жилого фонда, изначально соответствующего своей стратегической ориентации на формирование трудо-бытовых коллективов градообразующих предприятий и обслуживающих учреждений – многоквартирного многокомнатного жилища коммунального типа. Он становится практически единственно допустимым для проектирования и строительства как в подвергаемых «социалистической реконструкции» существующих, так и в новых городах.

Индивидуальное жилище, как мы отмечали, не соответствует организационно-управленческой стратегии советской власти, более того, оно ей прямо противоречит, поэтому она решительно и безоговорочно отвергает его: принятое 8 апреля 1929 г. Постановление ЭКОСО РСФСР «Правила и нормы застройки населенных мест, проектирования и возведения зданий и сооружений»¹⁸⁰ нормативно закрепляет отказ от индивидуального типа застройки в городах уже на уровне проекта планировки¹⁸¹.

В этом же году выходит в свет официальное издание Строительной комиссии ЭКОСО РСФСР под названием «Типовые проекты и конструкции жилищного строительства, рекомендуемые на 1930 г.»¹⁸². В нем, во-первых, предписано: «Все строящие государственные, общественные и кооперативные учреждения и предприятия, проектные и строительные

организации, а также акционерные общества (паевые товарищества) с исключительным или преобладающим участием государственного или кооперативного капитала должны при проектировании и осуществлении строительства в 1929/1930 гг. жилых домов: а) принять и руководствоваться утвержденными Президиумом Стройкома РСФСР¹⁸³ типовыми проектами и конструкциями, публикуемыми в сборнике-альбоме ...»¹⁸⁴. А во-вторых, в рекомендуемых проектах покомнатно-посемейное поселение изображено на планах квартир расстановкой нужного количества условных кроватей. Так, в частности, проекты двух-трехкомнатных квартир (без ванн и душа), разработанные комиссией по стандартизации ВСНХ СССР, предполагают заселение в 3 комнаты две семейные пары и 1 одиночку; в 2 комнаты – одной семьи из 3 человек плюс 1 одиночку¹⁸⁵. Проект квартир с люфт-клозетом, разработанный этой же комиссией, предполагает заселение в 3 комнаты – трех семей из 2 – 3 человек каждая¹⁸⁶. То же самое в проектах ЦК Банка и проектах 3-комнатных квартир Стройкома Москвы¹⁸⁷.

Власть стремится к повсеместной реализации стратегии создания жилища коммунального типа. Диапазон ее действий в этом направлении предельно широк и разнообразен – от конкретных распоряжений там, где она в состоянии непосредственно влиять на принимаемые решения (регламентация типологии домов, применяемых в массовом муниципальном жилищном строительстве, типовое ведомственное строительство, определение содержания заданий проектных конкурсов местных советов и т.п.), и рекомендаций, там, где она может влиять лишь опосредованно (предписания Центрожилсоюза инициативам отдельных жилищных кооперативов), вплоть до создания условий максимального неблагоприятствования (и прямого запрета), прямо и косвенно приводящих к вытеснению неугодных проектно-строительных феноменов. Так, в 1930 г. Коллегия Наркомтруда РСФСР официально постановляет прекратить всякое строительство индивидуального жилища для рабочих и переключить проводимое Наркомтрудом опытное строительство рабочих жилищ с индивидуальных домов на дома-коммуны. Все ассигнованные в распоряжение Наркомтруда средства на опытное строительство комиссариат направляет на постройку домов-коммун. Намечается построить 6 опытно-показательных домов-коммун: в Москве (в Пролетарском районе), Ленинграде, Сормове, на Урале, Северном Кавказе и в Иваново-Вознесенске»¹⁸⁸.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ГОРОД – УНИКАЛЬНЫЙ ТИП ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

М.Г. Меерович

*Социалистический город – центр «экономического» террито- риального деления**

К середине 1920-х гг. определяются основные положения военно-оборонной доктрины СССР. Именно они составляют основу программы индустриализации, влияют на конкретные планы промышленного и неразрывно связанного с ним гражданского строительства. В этот период формулируются требования, которые позднее (в декабре 1927 г.)¹ будут утверждены как официальные при разработке и практическом осуществлении планов первой пятилетки: а) районирование промышленности должно соответствовать целям стратегической безопасности; б) металлургия (черная и особенно цветная) должна быть ориентирована на обеспечение, прежде всего, военных потребностей; в) общий план развертывания промышленности должен предусматривать первоочередное вложение средств в те отрасли, которые являются наиболее проблемными в народном хозяйстве в отношении военных задач (авто- и тракторостроение, химия и т.п.).

В основу экономики страны в целом и планов размещения новой промышленности в частности кладется требование развертывания «ассимилированного» военно-промышленного комплекса (ВПК), состоящего из «военно-гражданских» производств. Требование размещения новых населенных мест в соответствии со структурой производства становится определяющим для формирующейся системы расселения.

Концепция социалистического расселения (сопрасселения) в соответствии с планами индустриализации рассматривает размещение промышленности по территории страны как развертывание единого процесса производства и распределения продукции. Главной ее задачей становится создание такого административно-территориального устройства, которое соответствовало бы характеру производственно-хозяйственных процессов общегосударственного масштаба. Она расчленяет территорию и население страны на хозяйственно-территориальные единицы с самодостаточ-

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта Германского исторического института в Москве (Представительство фонда DGIA) для доцентов высшей школы и преподавателей университетов. 2007, б/н.; стипендии Министерства науки и культуры Саксонии (Германия) (при участии Дрезденского технического университета) 2007, б/н.

ным производственным циклом, соразмерные друг с другом по количеству населения, обладающие: а) промышленно-пролетарским «ядром»; б) зоной размещения населения, привязанного к производству (промышленному и сельскохозяйственному); в) сырьевыми регионами, обслуживающими производство; г) обслуживающими производство транспортными ареалами, д) распределительной системой².

Концепция соцрасселения воплощает главную социальную функцию власти – управление людьми, она дает окончательный ответ на вопрос о структуре управления территориями, соответствующей природе пролетарского государства: административное деление осуществляется с таким расчетом, чтобы обеспечивать партийно-государственное руководство военно- и трудо-мобилизационными образованиями, формируемыми из проживающего на данных территориях непролетарского и пролетарского (с его руководящей и организующей ролью) населения.

Иерархически выстроенная система партийных организаций, осуществляющая управление населением и хозяйственно-производственными процессами, предполагает приведение партийных организации одного уровня в хотя бы к приблизительному равенству по численности своих членов (а также равенства организуемого этими членами беспартийного местного населения). Вопрос пропорционирования, с одной стороны, численности членов партии, распределенных по территории, и, с другой стороны беспартийной и, как следствие, малосознательной части населения, охватываемой организующим влиянием этих членов партии и мобилизуемой в случае необходимости, оказывается ведущим при определении размеров новых административно-территориальных единиц. Поскольку существующее административно-территориальное деление этому требованию³ не отвечает, постольку оно объявляется устаревшим⁴.

Исходя из этого, данная концепция решает две задачи: 1) реформирование существующей в европейской части страны структуры управления территориями, т.к. административно-территориальное членение «перекраивается» в целях выделения пролетарских центров и тяготеющих в нему зон сельского населения (сбалансированных по численности); 2) формирование в отдаленных, слабозаселенных и неосвоенных районах новой иерархической партийно-государственной структуры «руководства-подчинения», призванной концентрировать, организовывать и направлять финансовые, материальные, человеческие ресурсы на достижение производственных целей сверхбыстрыми темпами, благодаря чему создается такая конфигурация границ административных единиц и такая плотность населения, которые обеспечивают формирование пролетарских центров, согласованных по численности с находящимся в зоне их влияния населением территорий сельскохозяйственного профиля.

Промышленность рассматривается советским руководством как основа развития всего народного хозяйства. Поэтому и при перекройке старого территориального деления, и при создании новых территориально-административных единиц выделять объекты управления (партийного, хозяйственного, административного и проч.) предлагается прежде всего с учетом «сосредоточения промышленности»⁵. Так предписывает поступать принцип № III (один из 13 принципов административно-территориального деления страны, разработанных Административной комиссией ВЦИК и утвержденных II сессией ВЦИК VIII созыва, 19 – 20 марта 1921 г.), а также размещения населения вокруг промышленно-распределительных пунктов – так предписывает поступать принцип № VII⁶.

Промышленность в рамках концепции соотселения всегда (в большей или меньшей степени) несет «военную» составляющую, входит в будущую структуру «военно-гражданских» производств, поэтому при ее размещении требуется не только учитывать существующую концентрацию населения и наличие транспортных коммуникаций, но и определять перспективные планы формирования в границах данных территорий определенного количества и качества населения, а также перспективную систему транспортных путей. Принцип № VII подчеркивает, что мощность промышленности, конкретные точки ее размещения и перспективные планы ее развития определяют будущую потребность в рабочих кадрах (т.е. необходимость сосредоточения определенного количества населения в определенных районах), задают направление и характер создаваемых путей сообщения и т.п.⁷.

Очевидно, что процессом (какой бы он ни был, например, производство определенного вида продукции или законченного полуфабриката) проще управлять, когда он полностью находится «в одних руках», то есть в одном подчинении находятся все его составные: добыча сырья, его переработка и обогащение, производство, хранение, распределение, транспортировка, требуемые энергетические ресурсы и т.п. Поэтому административно-территориальное деление рекомендуется производить так, чтобы оптимизировать руководство производственными процессами⁸. Для этого в границы любого административно-территориального образования предписывается включать все объекты, данный процесс обеспечивающие. Так, например, принцип № V предлагает: «При условии работы на местном сырье, границы районов должны быть согласованы с границами распространения этого сырья ...»⁹. В тех случаях, когда сырье доставляется каким-либо из видов транспорта, принцип № III предписывает административное деление производить на основе учета «направления и характера путей сообщения: железнодорожных, водных, шоссейных и других»¹⁰.

Поскольку основой партийных органов является пролетариат, постольку административное деление предлагается производить так, чтобы пролетарский партийный орган выступал в функции центра для партийных органов нижнего звена, состоящих из непролетарских элементов. Исходя из этого, экономическое территориальное деление (следующее за управленческим) рекомендуется осуществлять таким образом, чтобы «основным ядром новых районов» становились «пролетарские центры»¹¹. В роли «пролетарских центров» – ядер новых административно-территориальных образований – концепция соцрасселения утверждает поселения особого типа – соцгорода.

Концепция соцрасселения, неразрывно связанная с размещением новых промышленных производств, рассматривает возводимую промышленность как градообразующий фактор. Она утверждает главенство целенаправленно организуемой производственной деятельности, а селитьбу при ней рассматривает как подчиненно-обеспечивающую, обслуживающую производство. В ее рамках место работы трактуется как главный источник укорененности людей в жизни, т.к. это место: а) распределения средств к существованию (получение жилья из государственных фондов, начисление заработной платы, выдача продуктов и вещей); б) получения социальных благ (детский сад, поликлиника, санаторий, турбаза и т.д.); в) организации досуга (празднование дней рождения, банкетов, «красных» дней календаря и т.п.); г) получения привилегий (поощрение жилищем улучшенного качества или увеличенной площади, получение улучшенных продовольственных пайков, персонального автомобиля и проч.); д) формирования отношений между людьми на основе включенности в социальные группы внутри организации и проявления себя в составе этих групп в борьбе за лидерство, упрочение служебного положения или продвижение по службе и т.д.¹². Исходя из этого, соцгород предстает как единое территориальное образование, состоящее из градообразующего промышленного предприятия и поселения работающих на нем людей (а также членов их семей, которые, согласно концепции соцрасселения, в обязательном порядке должны быть заняты в общественно-полезном труде: либо работать в промышленности или обслуживающих ее предприятиях, либо учиться).

Помимо соцгородов, концепция соцрасселения предполагает в местностях сельскохозяйственного профиля, не входящих в зоны интенсивного индустриального развития, формирование пролетарских центров второго иерархического уровня (т.е. пролетарских ядер значительно более мелкого масштаба и несколько иного «качества», нежели соцгород). Дело в том, что существуют территории, где численность сельскохозяйственного населения оказывается преобладающей по отношению к фабрично-

заводскому, а малая величина и недостаточно развитый промышленный потенциал городов, а также отсутствие у них каких бы то ни было индустриальных перспектив развития, не позволяют им выступить в роли центров, сомасштабных прилегающей непролетарской зоне. В этих зонах пролетарские центры формируются в виде специфического производственного образования – машинно-тракторных станций (МТС). Именно они призваны, «заменяя» управленческую функцию соцгорода, выступить в роли пролетарских плано-производственных форпостов «колхозного и совхозного производства, организующих сельскохозяйственный производственный процесс»¹³. Организационно-политическая роль МТС будет постоянно усиливаться. Начиная с 1933 г., после создания в них (и совхозах) политотделов МТС становятся «промышленно-производственными» узлами целых сельскохозяйственных районов. Вокруг них организуются машинно-тракторные мастерские (МТМ) и небольшие сопутствующие промышленные предприятия. Здесь же группируются промысловые артели, сосредотачиваются «наиболее квалифицированные и культурные кадры колхозного производства», концентрируются культурно-бытовые и социально-культурные учреждения. Местное дорожное строительство направляется на обеспечение транспортной связи МТС с обслуживаемой ею периферией, в результате чего они становятся также и основными транспортными узлами прилегающих территорий¹⁴.

Концепция соцрасселения рассматривает соцгорода как элементы государственного управления населением в структуре централизованной власти, поэтому они размещаются там, где существует (или искусственно создается) максимальная концентрация пролетариата. Через них власть осуществляет: а) трудо-мобилизационные мероприятия – перераспределение рабочей силы в масштабе всей страны и удержание ее на месте в целях использования для отправления всеобщей трудовой повинности; б) руководство единой общегосударственной системой производства; в) всеобщее плановое государственное распределение вещей, продуктов, социальных благ между социально-трудовыми коллективами; г) военно-мобилизационные мероприятия.

Соцгород – это новые условия жизни нового социалистического человека, поэтому концепция соцрасселения утверждает ценность строительства новых городов как мест свободных от стереотипов прежнего образа жизни, старого характера межличностных отношений, старых форм деятельности, старой культуры, то есть как поселения другого типа, нежели существующие города, благоприятные для внедрения новых форм организации деятельности и жизни. Концепция утверждает принципы «искусственно-технической» организации процессов функционирования поселений: труд, быт, отдых должны быть организуемы целенаправленно, на

основе научных знаний и расчетов так, чтобы исключить неконтролируемые процессы жизнедеятельности.

Концепция исходит из принципа искусственного прикрепления к месту работы больших масс людей. Удержание нужного количества рабочей силы в нужном месте осуществляется за счет привязки пропиской, выдачей продовольственных карточек, наделением жилищем из государственных фондов, медицинским обслуживанием по месту работы, обучением детей исключительно по месту проживания и т.п. За единицу нормативных вычислений потребного количества населения принимается специфическая расчетная единица – «рабочий»¹⁵.

Соцгорода создают с прилегающими к ним сельскохозяйственными зонами единые территориально-производственные системы «город-деревня» с постоянным производственно-хозяйственным обменом: город снабжает деревню конкретным планово изготавливаемым ассортиментом промышленной продукции, деревня город – сельскохозяйственной продукцией в количестве, гарантирующем ее полное потребление. Процесс втягивания сельскохозяйственных территорий и проживающего на них крестьянского населения в сферу организационно-управленческого влияния создаваемых индустриальных центров, а фактически в зависимость и подчинение им, начинает трактоваться как практическое исполнение теоретических постулатов о «стирании границ между городом и деревней»¹⁶.

Трудо-мобилизационные и военно-мобилизационные функции соцгородов тесно связаны с процессом коллективизации, так как город не только предоставляет выходцам из деревни возможность занять рабочие места в промышленной индустрии, но и обеспечивает комплектование личного состава дислоцированных на данной территории военных формирований. Причем военная составляющая и задачи коллективизации взаимосвязаны еще и тем, что коллективизация обеспечивает осуществление «перестройки войск местного территориального формирования», т.е. прибывающие в город массы крестьянского населения разделяются на два потока. Из одного, состоящего из «необразованных и политически ненадежных крестьян», осуществляется комплектование дислоцированных на данной территории подразделений пехоты и кавалерии (не требующих никакой начальной квалификации новобранцев). Из другого, который составляют крестьяне, уже прошедшие «школу индустриального производства» (т.е. «опролетаренные», организационно подготовленные, технически грамотные и т.п.), комплектуются «передовые технические соединения – моторизованные и механизированные»¹⁷. Таким образом, соцгорода обеспечивают дислоцированным при них военно-территориальным формированиям возможность непосредственно использовать процессы коллективизации для своего развития. Кроме того, являясь центрами окру-

жающих их непролетарских ареалов и выполняя по отношению к ним функцию сосредоточения органов руководства, они одновременно выступают и форпостами размещения контингентов силовых ведомств, предназначенных для подавления потенциально возможного внутреннего сопротивления и в самих городах, и на прилегающих сельскохозяйственных территориях. Величина соцгородов определяется в том числе и из способности содержать определенную «массу» этих контингентов, поскольку подразделения ОГПУ и милиции, как, впрочем, и регулярные военные формирования, могут располагаться в населенных пунктах лишь при условии наличия в них достаточного количества производящего и обслуживающего населения. Определяя внешние административно-территориальные границы ареалов мобилизационно-политического членения территории, соцгорода и в своей внутренней планировочной структуре (на ином иерархическом уровне) также реализуют принцип мобилизационно-партийного членения городской территории.

В контексте планов индустриализации задачей концепции соцрасселения становится выделение территориальных единиц (соразмерных друг с другом по количеству населения), обладающих наличием: а) промышленно-пролетарского «ядра»; б) зоны размещения населения, привязанного к производству (промышленному и сельскохозяйственному); в) сырьевых регионов, обслуживающих производство; г) обслуживающих производство транспортных ареалов; д) распределительной системы¹⁸.

Социалистический город – предмет дискуссии о соцрасселении

В период 1926 – 1929 гг. государственная градостроительная политика постепенно переориентируется с проектирования и строительства рабочих поселков на проектирование городов¹⁹. Если в начале – середине 1920-х гг. средняя численность поселений при промышленных объектах составляла 2 – 5 тыс. чел., как, например, рабочий поселок при автозаводе в Филях – 2000 чел., или рабочий поселок «Звезда» при саратовском заводе сельскохозяйственных машин – 3000 чел., а оптимальная численность населения для предместий-садов и поселков-садов на путях сообщения составляла всего 350 – 800 чел.²⁰, то уже во второй половине 1920-х гг. рост мощности и человекоемкости промышленных предприятий вызывает соответствующий рост общей численности населения поселка при нем. Так, В.А. Глазырин, в 1928 – 1929 гг. указывает на то, что расчетная численность населения рабочих поселков, рассчитываемая во второй половине 1920-х гг. в проектах Гипромеза для рабочих и служащих заводов (Нижний Тагил, Ростов-на-Дону, Петровский завод и др.), оказывается изначально значительно больше обычной численности населения рабочих поселков-садов и составляет несколько десятков тысяч человек²¹. Например, поселение рабочих при вагоностроительном заводе в

Нижнем Тагиле уже в первоначальных проектах предусматривало размещение 12000 чел.²²

Увеличение мощности производств, появление в конце 1920-х – начале 1930-х гг. заводов-гигантов и кооперированных производств, превращение их в комплекс технологически связанных объектов с неизбежностью влечет увеличение расчетной численности трудового и обслуживающего населения. В результате встает задача проектирования поселений на 40 – 60, 100 – 150, 200 – 250 и более тыс. чел. (а не 1 – 3 – 5 – 15 тыс. чел., как это было ранее).

Концепция советского рабочего поселка, уже фактически сложившаяся к концу 1920-х гг., дает теоретические и нормативно-законодательные основания для развития из нее концепции соцгорода. В этот период никаких принципиальных отличий они не содержат. Единственным отличительным признаком является нормативное отсутствие в соцгородах индивидуального жилища, в то время как проектами социалистических поселков-садов подобное допускается.

Ранние проекты советских рабочих поселков (начала – середины 1920-х гг.) обнаруживают две разнонаправленные тенденции: а) предоставление земельных участков, достаточных для ведения обширного домашнего хозяйства (огород, сад, домашняя птица, свиньи, коровы и проч.)²³; б) исключение всякого домашнего хозяйства с максимальным сосредоточением всего «обслуживания» (в том числе и продуктового) в общественных фондах. Сторонники первой тенденции рассматривают приусадебный участок (при индивидуальном жилище в социалистическом рабочем поселке) как источник самостоятельного получения населением дополнительных продуктов питания и доходов²⁴. Размеры участков предлагаются в 150 – 300 квадратных сажен²⁵. Эти показатели используются в первых советских проектах поселений-садов²⁶, затем входят в нормы проектирования рабочих поселков²⁷ и сохраняются до 1924 – 1925 гг.²⁸ Сторонники исключения домашнего хозяйства из быта трудящихся требуют максимального сосредоточения всего обслуживания в общественных фондах, выступают за исключение каких бы то ни было индивидуальных земельных наделов из генпланов рабочих поселков. Так, например, рабочие – активные «соавторы» разработки проекта саратовского поселка «Звезда» – при обсуждении замысла генплана решительно отказываются от частных наделов земли, заявляя: «Нами вопрос об этом клочке земли решен в отрицательном смысле ... Прирезом к каждому дому клочка земли, хотя бы в полдесятины, мы, кроме бестолково испорченной земли в угоду мелкому мещанскому счастью, ни чего не добьемся. ... В проекте поселка мы проводим следующее: заводской работник должен иметь гигиеническое жилище и больше чистого воздуха. Семья

должна быть занята производительным трудом и отнюдь не больше его. Дети должны воспитываться в обстановке культуры и нежности. Земледелие есть также промышленность ... а не баловство. Очевидно природа человека такова, что каждый любитель общения с землей, если он знает, что рынок за деньги его вполне обеспечит капустой, будет сажать непременно цветы и деревья»²⁹.

Накопленные к 1927 – 1928 гг. теоретические и расчетно-методические знания по проектированию рабочих поселков не способны дать ответы на целый ряд вопросов, уже встающих в связи с задачами первой пятилетки по массовому строительству новых социалистических городов подле возводимых промышленных предприятий. Поэтому в этот период теоретическая градостроительная мысль, все более уходя от теснящих актуальность задач проектирования рабочих поселков, сосредотачивается на поиске специфических концептуальных основ проектирования социалистических городов. И здесь (как и при проектировании социалистических рабочих поселков) прежде всего встает вопрос об особой природе «советского поселения» (в данном случае города) в особых (антикапиталистических) социальных условиях. Кроме этого, возникает необходимость решения ряда задач, которых не возникало при проектировании рабочего поселка: а) установление взаимосвязи жилой и промышленной частей города в условиях превращения единичного промышленного сооружения (как это было в соцпоселках) в огромные промышленные зоны; б) определение нормативной удаленности селитбы от промышленной зоны в соответствии с характером загрязнения окружающей среды выбросами промышленных предприятий и стремлением сохранить места расположения жилья в пределах пешеходной доступности от мест приложения труда³⁰; в) решение вопроса ежедневных перемещений больших масс рабочих на значительные расстояния (вследствие увеличения размеров поселения) от места обитания к месту работы³¹; г) определение принципов и характера членения территории города (значительно выросшей в сравнении с рабочим поселком) на внутригородские административно-территориальные единицы; д) разработка типов жилых зданий, соответствующих специфическому городскому образу жизни; е) формирование сетей общественного обслуживания населения, соответствующих специфическому городскому образу жизни; ж) организация транспортировки сырья и формирование системы межпроизводственных коммуникаций по территории города; з) установление характера связи с прилегающими «неиндустриальными» территориями, способов межгородского обмена и проч.

Читатели, познакомившиеся в июле 1929 г. со статьей «Проблема города», опубликованной в журнале «Плановое хозяйство», не подозревали,

что стали участниками одного из значительных событий в истории не только архитектурной профессии, но и страны в целом – дискуссии о соцрасселении, проходившей в связи с составлением первого генерального плана развития народного хозяйства СССР³². Она проходила в стенах Госплана СССР и Комакадемии³³ ЦК ВКП (б)³⁴. В 1930 г. к ней подключился ряд журналов, предоставив участникам дискуссии свои первые номера: «Литература и искусство»³⁵; «Современная архитектура»³⁶; «Революция и культура»³⁷; «Строительство Москвы»³⁸; «Плановое хозяйство» и др. Материалам дискуссии предоставили свои полосы и газеты: «Правда»³⁹, «Известия»⁴⁰, «Комсомольская правда»⁴¹, «Экономическая жизнь»⁴², «За индустриализацию»⁴³, «Вечерняя Москва»⁴⁴ и др. Окончание дискуссии следует датировать 29 мая 1930 г., когда было опубликовано принятое 16 мая Постановление ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта»⁴⁵, по сути дела четко и весьма недвусмысленно приказавшего: Хватит дискутировать! Строить будем следующее: общественные бани, прачечные, фабрики-кухни, столовые, детские учреждения, клубы, школы и проч.⁴⁶

В названных выше хронологических рамках и разворачиваются бурные дискуссии, собравшие таких известных в то время государственных, общественных деятелей, ученых, архитекторов, как Н. Ковалевский, Г. Кржижановский, Н. Крупская, А. Луначарский, Н. Семашко, С. Струмилин, братья Веснины, М. Гинзбург, Н. Милютин, Н. Ладовский, А. Щусев и другие⁴⁷. Периодическую (общественно-политическую и профессиональную) печать заполняют статьи, издаются сборники докладов, публикуются стенограммы выступлений. Страна начинает строить социализм и все хотят знать, каким быть «социалистическому расселению» и каким быть «социалистическому городу».

В материалах дискуссии интерес прежде всего представляют позиции и содержание выступлений Л. Сабсовича и М. Охитовича. Первого потому, что, во-первых, он указан основным действующим лицом дискуссии⁴⁸, а во-вторых, и это самое главное, потому, что он идеологически и теоретически выражал позицию Госплана СССР⁴⁹. Во всяком случае именно так утверждал председатель Госплана Н. Ковалевский, сменивший в 1930 г. на этом посту Г. Кржижановского: «Если в отношении социально экономического содержания эта работа⁵⁰ является лишь вольным построением автора, предвосхищающим будущее проектировки, то в отношении политических установок она идет по стопам методологии плана реконструкции, принятой в Комиссии Генерального Плана и рассматривающей этот план, как план завершения экономической политики, как план построения социализма»⁵¹. Позиция М. Охитовича будет интересовать нас потому, что, во-первых, его предложения в определенной

степени противостоят концепции Л. Сабсовича; во-вторых, потому, что он, как и некоторые его ярые сторонники⁵², являлся работником Госплана РСФСР и в какой-то мере выражал тот круг идей, которые в рабочем порядке обсуждались в среде сотрудников Госплана РСФСР.

В целом содержание дискуссии подразделяется на четыре блока: а) высказывания единомышленников Л. Сабсовича; б) высказывания единомышленников М. Охитовича; в) содержание предложений авторов, ищущих компромисс между предложениями, высказываемыми Л. Сабсовичем и М. Охитовичем, г) содержание предложений – носителей собственных оригинальных концепций.

Итак, устами Л. Сабсовича в дискуссии о соцрасселении свою позицию выражает государственный плановый орган, интеллектуально обеспечивавший разработку плана построения социализма в СССР⁵³. Основным постулатом этой позиции является утверждение о том, что градостроительство (т.е. проектирование городов), а также градостроительная политика⁵⁴ должны рассматриваться исключительно в связи с задачами «плана построения социализма в СССР», то есть «применительно к общим требованиям развития страны в условиях осуществления социалистического строительства»⁵⁵. Л. Сабсович убежден в том, что «новые поселения социалистического типа» должны быть поселениями совершенно иного рода, нежели существующие⁵⁶, они призваны заменить старые города⁵⁷ и создать новые формы организации быта, общественного обслуживания, воспитания и профессионально-технической подготовки подрастающего поколения, а также отдыха и досуга и т.п.⁵⁸ В полном соответствии с концептуально-идеологической доктриной соцрасселения он предлагает равномерно размещать на территории страны новые промышленные предприятия, формируя тем самым пролетарские центры, являющиеся фокусами прилегающей территории и сосредотачиваемого на ней населения: «... мы будем создавать новые центры поселения, объединяющие сельскохозяйственное население, работающее в нескольких смежных крупных сельскохозяйственных предприятиях»⁵⁹ и вовлекать в индустриальную сферу деятельности (в течение первой пятилетки) в целом свыше 20 млн душ отрываемого от земли крестьянского населения⁶⁰.

В соответствии с концептуально-идеологической доктриной соцрасселения Л. Сабсович предлагает осуществлять размещение новых промышленных предприятий независимо от существующих транспортных путей. Напротив, он предлагает, прежде всего, решать задачи размещения новых производств, а транспортную сеть прокладывать затем применительно к этой возникающей структуре, причем формировать транспортную инфраструктуру так, чтобы она обеспечивала взаимосвязь промышленных предприятий и друг с другом, и с аграрными зонами. И уже как следствие

появления подобной сети нужно решать вопросы создания новых городов.

Большое значение вопросам транспорта уделяют и другие участники дискуссии. Так, Н Крупская подчеркивает роль транспорта в качестве средства связи города и деревни. Кстати, с подобными предложениями соглашались и оппоненты Л. Сабсовича⁶¹, считающие наличие транспортной сети обязательным условием формирования любой формы расселения (и линейного, и сетевого).

Одним из основных принципов концептуально-идеологической доктрины соцрасселения является требование включения в производственную деятельность женской части населения, рассматриваемой как мощный резерв трудовых ресурсов. Активное вовлечение женщин в промышленное производство кардинально меняет баланс самостоятельного (трудового) населения города и оптимизирует его численность. Именно в связи с требованием полноценного включения женщины в трудовую жизнь ставится вопрос об освобождении ее от тягот ведения домашнего хозяйства: «в социалистических городах ... вся жизнь должна быть построена на основе полного обобществления питания, коммунального, культурного и бытового обслуживания населения»⁶². Перемещение женщины из домашнего хозяйства в производство и превращение ее в полноценного индустриального рабочего должно, по мнению некоторой части участников дискуссии, получить свое отражение и в жилище, «женщина, как равноправная работница получает отдельное от мужа помещение» и даже отдельное строение⁶³. Тезис об индивидуальном жилище вызывает особенно острые возражения⁶⁴, так как противоречит положению, вытекающему из общей концептуально-идеологической доктрины соцрасселения – рациональная организация проживающего на территории соцгорода населения⁶⁵, представляется как объединение людей на основе совместного труда и совместного проживания, а также и в военно-мобилизационном отношении.

Разброс мнений проявляется и в вопросе о сочетании в соцгороде промышленной и аграрной функций. В определенной степени он вызван позицией основоположников марксизма-ленинизма, с одной стороны, однозначно ратовавших за развитие крупной промышленности как единственного пути развития страны, с другой – призывавших к стиранию противоречий между городом и деревней. Предложения участников дискуссии поэтому составляют широкий диапазон – от категорического исключения аграрной функции в новых индустриальных городах и рассмотрения их лишь в качестве придатка промышленного города через предложения сочетать, но подчиняя аграрную функцию промышленному производству (создание индустриально-сельскохозяйственных поселений), до

предложения равнозначно совмещать обе функции, например, за счет поочередной работы поочередно «на земле и за станком»⁶⁶. За это, например, ратует Н. Крупская, предлагая «сочетать труд в промышленности и земледелии на одной рабочей неделе». За сочетание обеих функций выступает также и работник Госплана СССР И. Кан: «... строить города не индустриальные и не аграрные, а такие, в которых гармонически сочетаются лучшие элементы того и другого»⁶⁷.

Преобладающим в данном вопросе все же оказывается отрицательное отношение к аграрному типу городов, что связано с общей концептуально-идеологической установкой на индустриальный, а не на аграрный путь развития страны⁶⁸ и главенствующую роль пролетариата в осуществлении социально-экономических и социально-культурных преобразований. На этом, в частности, основывалась позиция Н. Милютина, открывшего своим докладом очередной⁶⁹ диспут о планировке социалистического города⁷⁰. Эта же концептуально-идеологическая установка на индустриальный путь развития страны определила отрицательное отношение к предложениям М. Охитовича – расселять людей за счет индивидуальных (на одного человека), отдельно стоящих жилых домов и рассматривать индивидуальное жилище основным типом жилища переходного периода⁷¹.

Обсуждавшийся в ходе дискуссии вопрос равномерного распределения населения на территории страны имел, условно говоря, свой масштаб. Так, практически все участники соглашались с утверждением о том, что промышленность и обслуживающее ее население должны быть равномерно распределены по территории страны. А вот предложение о равномерном размещении индивидуального жилища (и персональной, а не коллективной форме проживания в нем) встречало резкую критику, так как противоречило основополагающим принципам большевистской доктрине формирования трудо-бытовых коллективов, рассматривающей коллективную организацию пролетариата как принцип организационно-управленческой стратегии партии.

Еще одним моментом, который отстаивали сторонники ортодоксального марксизма, – обязательное наличие центра города, где были бы сосредоточены все «... советские, профсоюзные, партийные организации, к которому примыкало бы театральное здание»⁷², место больших собраний, съездов и др. здания ...»⁷³, «живое сердце города ... – советские, правительственные учреждения и его основные культурные аппараты», «большие зоны для политических собраний, празднеств, спектаклей (...) Сюда будут приливать толпы из отдельных домов, и здесь они будут сливаться в свой городской коллектив, неразрывную часть коллектива всей страны, а в будущем всего человечества»⁷⁴. Следование этому основополагающему постулату, а также другому – о «примате труда» и не до конца осоз-

нанное принципиальное отличие социалистического города от рабочего поселка, вызываемого расположением в нем значительно выросшей по мощности и размерам промышленности, приводят к появлению предложений о размещении в центре города не только общественных зданий, но и промышленных предприятий⁷⁵.

Жесткое идеологическое размежевание социалистического и капиталистического городов, проделанное классиками марксизма, продолжает на страницах журнала «Революция и культура» И. Черня, активно подключившийся к дискуссии в январе 1930 г.⁷⁶ Четко выражая постулаты марксистской доктрины, он клеймит мелкобуржуазный индивидуалистический быт («долой коттеджи») и в соответствии с партийно-мобилизационной стратегией трактует соцгород как «центр, организующий коллективное производство, коллективную жизнь», «организационно-территориальное выражение мощного расцвета новой общественной формации»⁷⁷. Но существует и иная точка зрения («даешь коттеджи»), исходящая из экономических соображений и основанная на том, что строительство малоэтажного (временного) жилища: а) более экономично⁷⁸; б) позволяет малыми усилиями «проскочить» переходный период и с наименьшими затратами перейти к тому состоянию, когда развитие стройиндустрии позволит возводить именно те дома, которые нужно⁷⁹; в) обеспечивает повышенную обороноспособность (по причине рассредоточенности и легкости в разборке завалов)⁸⁰; г) позволяет широко вводить стандартизацию, унификацию и обеспечивать быстроту, легкость и дешевизну сборки⁸¹. Подобный тип жилья, по мнению его сторонников, хотя и не способствует «обобществлению», но «в наших тяжелых условиях, практика говорит о том ... что и большие дома с множеством жильцов не увеличивают общественных настроений живущих»⁸². С индивидуальным жилищем генетически тесно связана идея города-сада, поэтому и она оказывается не забытой: «... реакционная идея города-сада реакционна лишь в капиталистических условиях, но соответственно преобразованная, она может оказаться полезной для дела революции»⁸³.

В соответствии с принципом организации новых социалистических поселений, например, И. Черня представляет соцгород, как «организацию по-новому всего распорядка жизни: труда и производства, культуры, физического и умственного воспитания людей, бытового уклада их жизни, способов отдыха и развлечения, путей максимального раскрытия человеческой личности, всех ее данных»⁸⁴.

Этот же принцип лежит в основе высказываемого многими участниками дискуссии стремления к архитектурно-градостроительному воплощению общих концептуально-идеологических постулатов, к их социально-архитектурному упорядочиванию⁸⁵, рациональной⁸⁶ организации все-

го, на что устремлялся взгляд проектировщика – производства⁸⁷, жизни, быта, учебы, воспитания, транспорта, энергетики, управления, собственно процесса проектирования. Исходя из популярного в это время поточно-конвейерного принципа организации производства (и проектирования⁸⁸), Н. Милютин предлагает свой «функционально-поточный» принцип организации населенного пункта (в организации «труда» и «жилища»)⁸⁹. В структуре единого производственного процесса, неразрывной составной частью которого была жизнь будущего поселка, «принципу конвейера» подчинялось все – в соответствии с ним двигались «пищевые грузы» (от «пищекOMBинатов» к жилой части), функционирование обслуживающих предприятий уподоблялась «транспортным линиям». Главным же было «конвейерное движение масс населения», удовлетворявших все необходимые бытовые потребности (посещение столовых, детских учреждений и проч.) по пути к производству и обратно. «Образовательная функция поселения осуществлялась по тому же принципу: средние школы и вузы для «всестороннего развития людей» также приближались к производству⁹⁰.

Концепция соцгорода жизненно необходима структурам власти. Она нужна не только для разработки программ градостроительного проектирования, обеспечивающих выполнение планов первой пятилетки, но и призвана обеспечить коллективную работу административных органов по оценке и утверждению проектных решений и их последующему материально-техническому, инженерному, кадровому и проч. обеспечению, а также для согласования целей государственной власти, установок государственного (ведомственного) заказчика, запросов потребителя, воззрений проектировщиков и возможностей базы стройиндустрии. Концепция призвана обеспечить их взаимопонимание, практическое взаимодействие и появление таких конкретных заданий на проектирование, которые гарантированно не входили бы в противоречие с общими установками и политикой руководящих органов, учитывали возможности технологии, согласовывали интересы всех государственных, ведомственных и иных участников индустриального развития страны.

Но практически каждому концептуальному постулату об устройстве соцрасселения, соцгорода и соцжилища, предъявленному в дискуссии какой-либо из сторон, противостоит контрпредложение другой стороны. Но власть не выбирает ни одну из представленных целостных концептуальных систем, не указывает на лучшую из них, не придает какой-либо из них статуса официальной. Помимо полноценных, но противостоящих друг другу теоретических моделей «урбанистов» и «дезурбанистов», в дискуссии некоторыми участниками высказаны обобщающие теоретические идеи, учитывающие противостояние базовых концепций и снимаю-

щие их противоречия. Но власть не останавливается и на предложениях, обобщающих и объединяющих воедино основные предложения противоборствующих теоретических моделей. Вместо этого она принимает решение прекратить дискуссию. 29 мая 1930 г. публикуется принятое 16 мая Постановление ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта»⁹¹, которое запрещает всякие дальнейшие обсуждения альтернативных направлений и путей развития отечественного градостроительства. Оно фактически указывает на то, что в связи с массовым развертыванием строительства промышленных объектов в отдаленных и неосвоенных районах следует в срочном порядке возводить селитьбу, необходимую для их обслуживания, а также технические системы (канализацию, водопроводы пр.) и объекты инфраструктуры (фабрики-кухни, бани, прачечные, клубы, школы и т.п.). Власть приказывает прекратить споры о том, каким должны быть соцрасселение, соцгород, соцжилище, СНК СССР в 15-дневный срок должен «дать указания о правилах постройки рабочих поселков и отдельных жилых домов для трудящихся»⁹², ими и следует руководствоваться при разработке проектов генпланов новых соцгородов и рабочих соцпоселков.

Несмотря на то что концепция не доведена до законченного вида, Постановление предписывает не размышлять больше о том, каким должно быть «общественное обслуживание быта трудящихся», а считать таковым, как в «новостроящихся, так и в существующих городах и поселках», «прачечные, бани, фабрики-кухни, столовые, детские учреждения и пр.»⁹³. Именно это, а не что-либо иное, теперь предлагается считать основным признаком соцгорода.

Социалистический город – новый тип управления хозяйственно-производственными процессами

Дискуссия о социалистическом расселении (1929 – 1930 гг.) призвана была выработать новый тип управления городами в условиях СССР. Тип управления в иных, нежели в царской России, условиях – единого народнохозяйственного планирования, централизованного финансирования и материально-технического снабжения; принципиально новых условиях размещения, возведения и функционирования поселения (исключительно при промышленности); искусственных форм организации внутригородской жизни и деятельности, централизованного создания инфраструктуры и «распределительного» характера системы обслуживания в рамках специфической жилищной политики⁹⁴. Дискуссия о социалистическом расселении призвана была определить формы градостроительного воплощения государственных планов первой пятилетки. Она должна была сформулировать принципы пространственного размещения промышленности и населения на территории страны с учетом военно- и трудо-

мобилизационной организации населения через членение территории государства на административно-территориальные единицы, способные обеспечивать закрепленный за ними фрагмент общегосударственного процесса производства и распределения продукции, а также связанные с этим процессы жизни.

В профессиональной литературе «дискуссия о социалистическом расселении» обычно трактуется как спор между «урбанистами» и «дезурбанистами». Такая трактовка дает понятную архитектуроведческую формулу, помогающую четко систематизировать позиции участников дискуссии, но не позволяет вскрыть существо проблемы, лежащей в основании длившихся почти год обсуждений концепции соцгорода и соцрасселения. Во всяком случае, суть проблемы социалистических городов, как ее понимали и ставили основные участники дискуссии, не исчерпывалась вопросом о плотности или композиции структуры расселения, хотя некоторые и называли Л. Сабсовича «урбанистом», а М. Охитовича – «дезурбанистом»⁹⁵.

Для того чтобы понять существо обсуждавшихся в ходе дискуссии представлений о концепции социалистического расселения, нужно реконструировать причины, вызвавшие необходимость ее разработки. А они коренились в проблеме, не имеющей ничего общего с урбанизацией-дезурбанизацией. Предыстория вызревания этой проблемы такова. Совершая в 1917 г. революцию, большевики полагали, что стоит лишь изменить структуры власти, формы организации жизни, принципы управления производственной (и непроизводственной) деятельностью, а также социальные условия, как это автоматически повлечет изменение содержания общественных процессов и массового сознания. Однако попытка непосредственного наложения марксистской доктрины на российское государство и общество привела лишь к разрушению существовавших процессов и управлявших ими организационных (государственных и административных) структур, ввергнув страну в состояние разрухи и голода. Это, в частности, и побудило большевистское руководство ввести НЭП. То есть после периода «военного коммунизма» (1918 – 1921 гг.) с его всеобщей трудовой повинностью, насильственным изъятием продовольствия у крестьян и государственным ее распределением, запрещением частной торговли т.п. вернуть в хозяйственную жизнь страны частную инициативу, рыночные отношения, экономические механизмы и прочее, без чего люди в большинстве своем не умели и не желали существовать⁹⁶.

Но советская власть, приняв новую экономическую политику, не отменила своей общей стратегической направленности на практическое воплощение марксистской доктрины, она лишь создала временный параллельный процесс, активизирующий хозяйственную деятельность и эко-

номические явления, способные поддерживать процессы жизни, и тем самым обеспечила себе некоторую передышку для оптимизации политических, организационно-управленческих и административных структур, а также накопления ресурсов для следующего шага в развитии страны. Партия постоянно находилась в поиске решений, адаптирующих марксистскую теорию к реальным условиям страны и народа (производственным, инфраструктурным, энергетическим, антропогенным, ментальным и проч.). Однако инерция государственно-административных, организационно-управленческих и хозяйственных структур деятельности, устройство многих из которых большевикам приходилось попросту копировать с дореволюционных (а некоторые в условиях НЭПа восстановились сами)⁹⁷, оказывалась сильнее идеологических доктрин. Будучи наполненными старыми специалистами, имевшими опыт государственного и хозяйственного управления и поэтому (за неимением других⁹⁸) привлекаемыми к сотрудничеству, эти структуры не отвечали целям и концептуальным постулатам новой власти⁹⁹, потому что даже будучи интенсивно заполняемыми новыми служащими (обладавшими «марксистским сознанием» и «пролетарским происхождением»), эти структуры воспроизводили старые типы отношений¹⁰⁰.

Власть ставит и решает в этот период ряд принципиальных организационно-политических задач. Часть из них далека от сферы архитектуры и градостроительства, но многие, направленные на создание новых форм материально-пространственной организации общества и производства, касаются архитектуры и градостроительства непосредственно, потому что требуют своего адекватного пространственно-территориального воплощения. Так, задача управления производством тесно увязывается властью с выбором средств принуждения людей к труду, в числе которых жилище играет ключевую роль. Разработка типологии «социалистического жилища», способного выразить новые формы хозяйственно-бытового освоения жилого пространства, выдвигается на первый план при решении архитектурно-проектных задач, как и задача теоретического ответа на вопрос о том, каким должно быть жилище, соответствующее государственной жилищной политике. Задачи материально-пространственной организации коллективных форм быта в тесной увязке их с коллективными формами организации деятельности ставят вопросы градостроительного закрепления особой социально-организационной роли мест труда в бытовой организации людей. Эти вопросы объявляются властью как важнейшие из тех, которые призваны решать архитекторы.

Власть желает знать, как следует формировать среду обитания, обеспечивающую социально-политическое управление, нормирование и дисциплинирование населения, как то: внедрение извне норм социального

поведения, межличностного общения, коллективного быта и трудового взаимодействия. Она с первых дней своего существования отрабатывает административно-политические формы принудительной соорганизации людей в трудо-бытовые коллективы, объединяя их не только за счет административных форм, но и в пространственном отношении – за счет организации жилища, планировки поселений, в конечном счете, благодаря структуре расселения в целом. Однако в первые годы советской власти это происходит не в форме создания новых, а в виде перекраивания и реформирования старых: а) объемов существующего жилого фонда (принудительные переселения, уплотнения, подселения, выселения, создание домов-коммун и т.п.); б) границ существующих административных районов городов; и в) административно-территориального деления страны. И во всех этих «работах» в качестве основы планировочного, административного, территориально-пространственного реструктурирования закладывается принцип охвата населения системам управления и политического воспитания – партийными, административными, профсоюзными, комсомольскими, армейскими и т.п.

В жилищной политике это осуществляется при помощи создания коммунальных форм быта в виде покомнатно-посемейного заселения членов трудо-бытовых коллективов¹⁰¹. В городах при изменении границ существующих административных районов это происходит на основе «партийного» членения, то есть создания таких административных единиц, которые были бы сбалансированы по численности управляемого пролетарского (и непролетарского) населения и управляющей партийной организации. Подобное членение практически воплощается с первых дней существования советской власти и даже до ее прихода к руководству. Так, сразу же после Февральской революции в Петрограде административно-полицейское деление ликвидируется и образуются 18 районов, управляемых районными думами. Наряду с ними, начиная с 27 февраля 1917 г., «поверх» и помимо «думских» административных районов сразу создаются 15 «партийно-советских» районов, возглавляемых Советами рабочих и солдатских депутатов¹⁰². Поскольку формируются они исходя из стремления сбалансировать количество пролетарского элемента (проживающей в зоне охвата того или иного Совета рабоче-крестьянских и солдатских депутатов) с управленческими возможностями Совета, постольку их административные границы оказываются определяемыми численностью пролетарской массы (а не границами полицейских частей, на основе которых формировались «думские» районы), что приводит в итоге к тому, что более половины «советских» районов оказываются территориально не совпадающими с «думскими» административными районами¹⁰³. В ходе Октябрьской революции эта административно-

территориальная организация пролетариата (с руководящей ролью Советов) прекрасно выполняет свое предназначение, обеспечивая контроль над населением и территорией. После революции и Постановления II Всероссийского съезда Советов от 26 октября 1917 г. о переходе всей полноты власти к Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов именно «советские» районы Петрограда становятся основной единицей нового административно-территориального деления города¹⁰⁴.

В отношении перекраивания административно-территориального деления страны во главу угла ставится та же задача – формирование структуры управления территориями, соответствующей природе пролетарского государства¹⁰⁵, что означает, прежде всего, перемещение центров власти в места наибольшей концентрации пролетариата (в фабрично-заводские ареалы).

В 1926 г. партийному руководству становится совершенно ясно, что новая политическая система и выдвигаемые ею задачи, с одной стороны, и существующие социальные структуры и отношения (административные, производственные, хозяйственные и проч.) – с другой, сосуществовать не могут. Власть отрабатывает стратегию перехода к «директивному управлению»¹⁰⁶ – распределению финансовых и материальных ресурсов между отраслями экономики¹⁰⁷, производственными единицами и объединениями за счет директивных нарядов и назначений, а также благодаря «силовому»¹⁰⁸ административному воздействию. В рамках этого политического курса руководство страны ставит кардинальные вопросы: как изменить существующие структуры и формы их организации, как переломить существующие хозяйственные процессы и изменить массовое сознание, какую наиболее эффективную форму управления трудо-бытовыми коллективами следует принять, причем на каждом из уровней: жилища, городов и системы расселения?

Материализм давал принципиальный ответ на этот вопрос: бытие первично, сознание вторично, т.е. коммунистическое бытие должно определять сознание человека¹⁰⁹. Исходя из этого постулата первоочередной провозглашается задача создания нового «социалистического» бытия. Именно так и понимали свою задачу разработчики концепции социалистического расселения и ясно отдавая себе в этом отчет, писали: «Экономика прошлого тянет нас по старому капиталистическому пути размещения промышленности и развития наших городов. Тот путь, для близорукго взгляда, кажется более выгодным, более экономичным: имеется магистраль и подъездные пути к ней, доставка сырья удобнее и как будто дешевле; имеется сконцентрированное население, в том числе достаточно безработных; вблизи находятся всякого рода обслуживающие учреждения и т.п...¹¹⁰ Но то, что с частнохозяйственной точки зрения кажется более

выгодным, с общегосударственной народнохозяйственной точки зрения является, в конечном счете, наименее выгодным. Всякое развитие имеет свою неумолимую логику, в том числе и развитие городов по обычному капиталистическому пути, по которому мы шли до сих пор и который тянет и дальше в свою сторону. Мы должны переломить эту стихийную тенденцию и противопоставить ей плановое строительство новых поселений социалистического типа»¹¹¹.

Дискуссия о социалистическом расселении фактически обсуждает пути и способы реализации первого пятилетнего плана, в контексте которого градостроительство рассматривается лишь как одно из многих других средств воплощения этого плана, причем далеко не самое основное. Основным содержанием пятилетнего плана является сооружения сотен новых промышленных предприятий, а они нуждаются в возведении рядом с собой сотен новых поселений для размещения рабочих и членов их семей. Эта роль – обеспечивающая, подчиненная, сопутствующая, обслуживающая процесс формирования системы военно-гражданского производства – и отведена градостроительному проектированию. А дискуссия должна подсказать ответ на вопрос о пространственных формах политического и хозяйственного управления системой военно-промышленного производства, способах территориального размещения и формах материально-пространственного закрепления населения в нужном месте и в должном количестве сгруппированного в трудо-бытовые коллективы. Дать ответ на вопрос о специфических типах планировочных структур социалистических поселений; типах социалистического жилища; характере инфраструктуры, обеспечивающий распределительное снабжение продуктами, вещами и услугами, формах и объектах тотального агитационно-идеологического воздействия, «социалистических» способах проведения свободного времени и т.п. В конечном счете о том, каким должен быть «социалистический город»: как территориально организован, на какие структурные части расчленен, по какому принципу будут соотноситься друг с другом различные его составные элементы, как он должен планироваться, рассчитываться и проектироваться и т.д.

Практически все участники дискуссии о соцрасселении (и «урбанисты» и «дезурбанисты») разделяют утверждение о том, что «каждому способу производства соответствует свой способ расселения, а каждому способу расселения соответствует свой тип жилья»¹¹². Именно об этом – кардинальной перестройке процессов появления, роста и развития городов, управления процессами, текущими в них (производства, быта, воспитания, обеспечения продуктами, вещами, услугами и транспортом и т.д. и т.п.), с учетом новых социально-политических условий советского государства и ведут речь участники дискуссии о социалистическом расселе-

ний, вне зависимости от того, как они называются (или сами себя называют). Наименование участников дискуссии «урбанистами» и «дезурбанистами» точно отражает различие в предлагаемых ими формально-композиционных градостроительных схемах. Но при этом упускается главное – совпадение в отношении к базовым социально-политическим и организационно-управленческим постулатам, основополагающей концептуально-идеологической доктрине, реализуемой властью. А участники дискуссии, несмотря на непримиримое противопоставление своих архитектурно-градостроительных позиций, исходят из одного и того же концептуально-идеологического основания.

Рассмотрение содержания дискуссии о соцрасселении, осуществляемое лишь с позиций градостроительного содержания, вне исходных социально-политических, организационно-управленческих, социально-культурных посылок, предопределивших и само возникновение дискуссии, и характер теоретико-идеологических позиций участников, приводит к обнаружению странной непоследовательности в высказываниях её участников и их единомышленников¹¹³. Так, например, «урбанист» Л.М. Сабсович вдруг парадоксально призывает к «дезурбанизации», говоря о том, что старые города должны быть разукрупнены и реконструированы: «Вопрос о реконструкции существующих городов должен быть подвергнут тщательной разработке под углом зрения возможной их децентрализации и переустройства на социалистических началах»¹¹⁴; «...в тех случаях, когда в каком-либо промышленном районе, благодаря естественным условиям, нам необходимо расположить большое количество предприятий», следует, в отличие от капитализма, не попустительствовать возникновению крупного города, а «строить около этого промышленного района ... несколько небольших городов»¹¹⁵; призывает бороться с «оторванностью от природы», предлагает приблизить расселение «ближе к природе»¹¹⁶, бороться с «жизнью в каменных клетках». А «дезурбанист» М. Охитович неожиданно парадоксально высказывается об «урбанизации»: «... на современном историческом этапе, стремление к урбанизму, развившееся на почве появления авто, подземных и надземных сообщений, трамваев и т.п., ныне это стремление к урбанизму, развитие урбанизма, приводит к отрицанию города ...»¹¹⁷.

В некоторых основополагающих принципах, например, в вопросе о равномерности соцрасселения, концептуальные предложения и тех и других абсолютно совпадают. Так, тезисы Л. Сабсовича о равномерности соцрасселения и «равномерности социалистического жилища» разделяются его основным оппонентом М. Охитовичем¹¹⁸, который считает, что равномерность территориального размещения людей будет способствовать «равномерности распределения культуры, равномерности устройства

автотдорожной сети и т.п.»¹¹⁹. Согласно с этим тезисом и многие другие участники дискуссии – А.Зеленко, Г. Пузис, Ц. Рысс, П. Кожанный, Н. Милютин и др. И те и другие рассматривают новую систему расселения в безусловной неразрывной связи с размещением новых производств¹²⁰.

Совпадают их взгляды и в отношении судьбы существующих городов: «... социалистическая реконструкция существующих городов СССР (Москва, Ленинград, Харьков и т.д.) ... должна заключаться в систематическом, но экономически безболезненном выводе из городов по мере истечения амортизационных сроков промышленных предприятий, научных институтов, вузов, лабораторий, которые не связаны сырьевой базой или рынком потребления с этими городами. С другой, должно быть прекращено всякое жилищное строительство внутри этих городов и всячески должно проводиться озеленение всех свободных и освобождающихся частей их. И, наконец, уменьшившаяся в связи с этим потребность в новом жилище должна быть удовлетворена вне городской черты ... »¹²¹. С этим согласны практически все участники дискуссии.

Их взгляды совпадают и в вопросах «равномерности размещения социалистического жилища»¹²². Сходятся они и в вопросе независимости территориального расположения новой промышленности от существующих транспортных путей. Водный, речной, автомобильный и те виды транспорта, которые должны появиться в недалеком будущем, обязаны «дотягиваться» до мест возведения промышленности; должна создаваться транспортная сеть (инфраструктура), способная глобально покрыть территорию страны, обеспечивая тем самым в любой точке создание благоприятных условий доступности, коммуникации и транспортировки сырья, грузов и продукции.

Сходятся они и во взглядах на предназначение соцгорода стать средой формирования нового человека. Как должное принимают и необходимость жесткой регламентации жизни в нем.

Следует заметить, что сами участники дискуссии отдают себе отчет в том, что позиции урбанистов и дезурбанистов различаются по вопросам, которые не являются принципиальными для социалистической градостроительной доктрины; они указывают на то, что «совершенно неверно пытаются противопоставить урбанистов и дезурбанистов ...»¹²³. Об этом, в частности, говорит Н. Милютин, открывая диспут 20 – 21 мая 1930 г.: «Проблемы урбанизма или дезурбанизма не существует, как и не стоит проблемы строительства так называемых зеленых городов и городов-садов»¹²⁴. То, что объединяет позиции тех и других, оказывается несоизмеримо более глубоким и значимым, нежели моменты разногласий (которые, безусловно, есть, но относятся к второстепенным аспектам планиро-

вочного воплощения, а не к основополагающим постулатам социально-политической, социально-управленческой и социально-культурной реорганизации общества).

Так, например, в подготовленной в конце 1929 – начале 1930 гг., но так и не опубликованной редакционной статье журнала «Современная архитектура»¹²⁵ члены редколлегии – урбанисты, открыто характеризуют совпадение своей позиции с позицией их оппонентов – дезурбанистов (других членов редколлегии): «Для нас, как и для дезурбанистов, не подлежит сомнению: 1) что способ общественного производства определяет формы общественного расселения и что, следовательно, новому социалистическому производству должно соответствовать в итоге новое социалистическое расселение; 2) что осуществление социализма означает уничтожение «кретинизма деревенской жизни» (Маркс) и «утонченностей» специфически городской, «столичной», «асфальтовой культуры», культуры скученных, лишенных природы людей, означает уничтожение противоположности между «городом» и «деревней»; 3) что осуществление социализма означает более или менее равномерное распределение высокой культуры по всей территории страны и что, следовательно, в процессе социалистического строительства желательно планомерно проводить постепенную децентрализацию элементов, сосредоточенных в «мировых городах» – децентрализацию промышленности, высшей школы, административно-управленческого и хозяйственного аппарата и т.д., подымая культуру «деревни» до уровня «столицы»; 4) что осуществление социализма ведет к максимальному развитию и творческому росту каждой отдельной личности в коллективе и что, следовательно, проектируя жилища, необходимо предусмотреть в них необходимый максимум пространственных возможностей для личного культурного досуга, остающегося после общественной жизни, для развернутых личных способностей и удовлетворения личных потребностей; 5) что предлагаемые некоторыми в проектах «домов-коммун» социалистических городов вместо полноценных жилищ «спальные кабины» площадью 5-7 кв.м., резко ограничивающие возможности личного развития, являются вульгаризацией идей социалистического строительства, грубо упрощенной схемой, казарменно-аракчеевским «социализмом», не имеющим ничего общего с тенденциями развития и роста подлинно социалистической культуры»¹²⁶. Члены редколлегии – урбанисты также особо подчеркивают тот факт, что они, как и дезурбанисты, «разделяют общие предпосылки теории социалистического расселения»¹²⁷.

В контексте данного исследования нам важно подчеркнуть именно совпадение позиций тех и других, а не различия конкретных проектов; то общее, что объединяет позиции урбанистов и дезурбанистов, а не их раз-

ногласия. Это важно потому, что их позиции совпадают в главном: они полностью соответствуют концептуально-идеологическим принципам соцрасселения, провозглашенным властью. Смысл, который вкладывают участники дискуссии в свои слова, не сводится к призывам уплотнения – разуплотнения. Они (и урбанисты, и дезурбанисты) ведут речь прежде всего о том, чтобы не идти по пути, проторенному капиталистическим развитием городов, увлекаемыми стихией их роста. Они (и урбанисты, и дезурбанисты) призывают оставить старые города, так как процессы их функционирования невозможно ни переделать, ни изменить; обратиться к пустым местам, туда, где будет решено разместить промышленность, сформировать при ней принципиально новые, собственно «социалистические поселения», в которых все изначально будет устроено по-новому, и они станут функционировать в соответствии с заложенной в них идеей.

Идеи урбанистов и дезурбанистов совпадают в главном – исходных концептуально-идеологических и организационно-управленческих принципах соцрасселения и соцгорода¹²⁸. После закрытия дискуссии и официального осуждения «правых» и «левых» фраз¹²⁹ именно это содержание остается неизменным и определяющим дальнейшее развитие советской градостроительной теории. И в последующие годы именно оно составит существо продолжавшей реализоваться еще долгое время советской расселенческой доктрины и государственной градостроительной политики.

Причем власть, принимая за основу то общее, что объединяет урбанистов и дезурбанистов, делает это вовсе не из желания «равновесно» разрешить их спор или найти устраивающий все стороны компромисс. Это ей в высшей степени безразлично, так как она прекрасно знает, что какое бы решение она не приняла, все равно найдет способ принудить всех исполнять его вне зависимости от персональных мнений или характера личных профессиональных воззрений. И отвергает предложения и урбанистов, и дезурбанистов вовсе не потому, что выбирает какое-то третье решение, а прежде всего потому, что политическая терминология государственных органов, несмотря на использование одних и тех же слов («децентрализация» и «равномерное распределение населения»), абсолютно не совпадает с аналогичными понятиями градостроительной теории.

Практические действия советского руководства в отношении государственной градостроительной политики основываются на положениях, содержащихся в работах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина, рассматривающих пролетариат как единственный класс, способный к кардинальным социальным преобразованиям. Численное увеличение этого класса, его развитие неразрывно связывается с прогрессом промышленности¹³⁰. Именно поэтому планы советской власти в отношении ее размещения ос-

новываются на следующих принципах: а) развитие промышленности (индустриализация) является приоритетной и неоспоримой задачей (любые иные стратегии – аграрного, аграрно-индустриального и проч. развития с неизбежностью отвергаются¹³¹); б) новая промышленность должна распределяться по территории страны максимально равномерно¹³² (исправляя тем самым дисгармонию капиталистического расположения предприятий и дисбаланс концентрации пролетариата)¹³³; в) новая промышленность располагается на неосвоенных территориях, давая тем самым импульс развитию этих территорий и их «пролетарскому наполнению»; г) новая промышленность призвана инициировать возникновение формирующихся на ее базе крупных промышленных узлов, вызывать формирование транспортной инфраструктуры¹³⁴; д) промышленность и поселения при ней «дают запрос» прилегающим поселениям сельскохозяйственного профиля в отношении обеспечения продуктами питания (а промпоселки и промгорода, в свою очередь, обеспечивают гарантированное употребление этой продукции и встречное обеспечение прилегающих сельскохозяйственных территорий промышленной продукцией); е) отрываемое от земли (в ходе коллективизации) крестьянское население – материал для формирования индустриального пролетариата – должно регулируемо (и добровольно, и принудительно) перемещаться (мигрировать) к местам возникновения новой промышленности¹³⁵; ж) следствием равномерного размещения промышленности по территории страны является равномерное размещение населения¹³⁶.

Слова государственных органов о «децентрализации» и «равномерном распределении населения» не совпадают с аналогичными понятиями градостроительной теории. Так, раскритикованный основоположниками марксизма-ленинизма и получивший отрицательную оценку феномен концентрации населения в капиталистических городах (приводящей к перенаселению, скученности, антисанитарии, эпидемиям и проч.) по логике должен в отношении социалистических городов вызывать стратегический отказ от урбанизации и приводить к осуществлению дезурбанистических мероприятий. Кстати, именно из этой логики и исходят предложения архитекторов-дезурбанистов. Но с точки зрения политической доктрины социализма градостроительная дезурбанизация оказывается неприемлемой, так как она исключает один из основополагающих принципов марксистско-ленинской теории – значение городов как «аккумуляторов пролетариата и пролетарской организованности»¹³⁷. Идея равномерного распределения населения по территории страны, доведенная до своего логического градостроительного воплощения в виде системы равномерно рассредоточенных индивидуальных или мобильных жилищ, свободно перемещаемых их владельцами по территории, не отвечает положениям мар-

ксистско-ленинской доктрины об «организующей и направляющей роли пролетариата», сконцентрированного в пролетарских центрах. Поэтому в ходе дискуссии предельно четко и однозначно формулируется требование: «Всякие разговоры о «дезурбанизации», воспроизводящие настроение буржуазии, боящейся скопления пролетариата, толстовская ненависть к большим городам должны быть откинута»¹³⁸.

Концепция соцрасселения, провозглашая принципы равномерного распределения промышленности на территории страны (т.е. предписывая, прежде всего, равномерное размещение объектов индустрии и, как следствие поселений при них), не отрицает возможности концентрации пролетариата вокруг индустриальных предприятий. Напротив, она ратует за него, так как подобная концентрация является условием осуществления административно-территориального деления, при котором «пролетарские центры» становятся фокусами организации рассредоточенного непролетарского населения, «опорными пунктами диктатуры пролетариата»¹³⁹. Градостроительная «дезурбанизация» и организационно-управленческое «равномерное распределение населения по территории страны» по смыслу, вкладываемому в эти слова архитекторами и политиками, далеко не одно и то же. Реализуя требование равномерного размещения промышленности по территории страны, власть не может и не хочет отказываться от концентрации производительных сил, наоборот, она стремится к объединению пролетарских масс в своеобразные «ядра», так как не способна опираться на разобщенные пролетарские элементы, не умеет руководить рассредоточенным пролетариатом. Она рассматривает новые населенные пункты (социалистическое города) как места концентрации и организации пролетариата.

Именно поэтому власть парадоксальным, как это может показаться на первый взгляд образом, призывает одновременно и к дезурбанизации (равномерному распределению промышленности), и к урбанизации (концентрации пролетариата в новых поселениях). Она считает стратегически правильным перемещение промышленности в сырьевые регионы (тем самым сводя к минимуму транспортные издержки на транспортировку сырья, колонизируя территории, формируя структуру ВПК, отрывая от земли и «пролетаривая» крестьянство).

Власть планирует создавать новые населенные пункты – соцгорода так, чтобы они изначально были наилучшим образом приспособлены к задачам социального управления (содержали строго определенные типы жилищ, основывались на конкретных планировочных структурах, включали конкретный список объектов обслуживания, фиксированный социально-профессиональный состав населения и проч.). Существующие города к выполнению этих задач оказываются абсолютно не приспособле-

ны. Именно поэтому советская власть не способна в достижении своих индустриальных и расселенческих программ опираться на старые города и готова их разрушить, передав их функции городам-новостройкам. Только неспособность справиться с жилищным кризисом не позволяет немедленно осуществить эту цель практически. Поэтому в рамках своей стратегии пространственного освоения территории страны советская власть отводит существующим городам временную роль своеобразных «перевалочных пунктов», которые должны принимать «раскрестьянное крестьянство», опролетаривать его, организовывать в трудо-бытовые коллективы и направлять в города-новостройки – центры индустриального развития индустриально осваиваемых территорий. Под эти цели существующие города предполагается кардинально реконструировать: «вопрос о ... реконструкции городского хозяйства является вопросом не только обслуживания живущих там сейчас трудящихся масс, но и вопросом размещения, передвижения и материально-культурного обслуживания новых сотен и миллионов рабочих»¹⁴⁰.

В сравнении с этой стратегией предложения архитекторов-урбанистов, утверждающих существующие города в роли мест, наиболее выгодных (с хозяйственно-экономической и политической точки зрения) в качестве главных центров индустриального развития страны, оказываются неверными, как, впрочем, и предложения архитекторов-дезурбанистов об отказе от городов и переходе к дисперсному расселению.

В итоге оказывается, что логически выстроенные и последовательно сформированные советскими архитекторами-теоретиками градостроительные идеи урбанизации и дезурбанизации и их предложения в отношении существующих и будущих городов одинаково не отвечают формирующейся организационно-управленческой стратегии партии. Тезисы о разукрупнении городов и о концентрации населения понимаются теоретиками-градостроителями, с одной стороны, и властью – с другой совершенно по-разному. Поэтому власть и вынуждена запрещать градостроительные концепции урбанизма и дезурбанизма, какими бы целостными, логически завершенными и последовательно выстроенными они не являлись.

А публичным средством отказа от урбанистических и дезурбанистических концепций и власть, и выступающие ее рупором ученые избирают политические средства, потому что победить урбанистов и дезурбанистов в пространстве концептуальных дискуссий не удастся, т.к. свои предложения они продумали теоретически безупречно: логически четко, последовательно, обоснованно и глубоко. Поэтому их запрещение осуществляется за счет уже неоднократно апробированного политического приема –

навешивания на участников дискуссии «политически-негативных» ярлыков (со смыслами, закрепленным предшествовавшими политическими акциями и поэтому всем понятными в тот период): «правый оппортунизм» и «левое прожектерство». И то и другое не просто заблуждения, а признак «политической чуждости» и даже враждебности. «Правый оппортунизм – это дезурбанисты М.А. Охитович, Н.Л. Мещеряков, Н.А. Милютин. «Левое прожектерство» – это урбанисты Л.М. Сабсович, отчасти Ю. Ларин, которые «пытались перескочить, игнорируя реальные условия, к тем формам коммунизма, которые они придумали умозрительным путем»¹⁴¹.

В качестве примера правого оппортунизма приводится строительство нового города Дзержинска: «Если обратиться к типам новых домов, которые строятся в Дзержинске, особенно домов, строящихся промышленными предприятиями, то следует признать, что ничего похожего в этих домах на дома социалистического типа нет. Строятся каменные 3-х этажные дома на 75 квартир каждый, с голландским отоплением, местная жилищно-строительная кооперация строит дома даже с русскими печами. А рядом с этими домами строятся фабрики-кухни на 4000 обедов каждая. Никаких даже самых элементарных культурных учреждений при этих домах не строятся»¹⁴².

В качестве примеров «левого загиба» приводится проект агрогорода Хоперского окрисполкома, куда предполагалось переселить население из ста с лишним поселков, разбросанных по территории в 200 тыс. га. Агрокотроод, по мысли авторов, должен был быть целиком социалистическим, с полным обобществлением быта в больших 4-этажных домах-коммунах¹⁴³. Предметом осуждения является «реконструкция существующих и постройка новых городов исключительно за счет государства с немедленным полным обобществлением всех сторон быта трудящихся: питания, жилья, полностью государственным воспитанием детей, отделенных от родителей, с устранением бытовых связей членов семьи и административным запретом индивидуального приготовления пищи»¹⁴⁴.

Ни тот ни другой пример никакого отношения к теоретическим предложениям ни урбанистов, ни дезурбанистов не имеют, но для обличительных интонаций это было неважно. Урбанисты осуждаются за то, что, выдвигая свои предложения, они не считаютсЯ с «необходимостью направления материальных ресурсов в первую очередь на поднятие индустрии и индустриальной коллективизации сельского хозяйства»¹⁴⁵. Дезурбанисты – за то, что не разделяют генеральных установок советской власти на концентрацию пролетариата.

В этих обвинениях точность формулировок не играет особой роли. Несущественно и то, что данные примеры не имеют абсолютно никакого

отношения к теоретическим предложениям ни тех ни других. Неважно, что из широкого диапазона теоретических предложений участников дискуссии произвольно выдергиваются лишь те, в отношении которых у критиков есть контраргументы, и то, что и Н. Милютин, и Н. Мещеряков дезурбанистами не являлись, прямо заявляли об этом и сознательно основывали свои концептуальные предложения на иных теоретических постулатах. Политически-демагогические осуждения всего содержания дискуссии о соцрасселении и публичные обвинения основных ее участников были направлены на то, чтобы показать, что предложения и урбанистов, и дезурбанистов, и даже тех, кто позиционировал свои теоретические предложения обособленно от концептуальных позиций тех и других, для власти категорически неприемлемы, потому что она не способна управлять рассредоточенным пролетарскими массами, не желает вкладывать средства в создание обобщественного быта, устремлена на формирование специфической системы населенных мест, привязанной к структуре «военно-гражданского» производства и обслуживающей его, а также такой административно-территориальной структуры, которая способна обеспечить политическую организацию общества и его трудовую и военную мобилизацию. Власть для достижения этих целей не нуждается в специально построенных домах-коммунах, требующих еще и специально организованной системы обслуживания (питания, ухода за маленькими детьми, работы с подростками, организации бытовых процессов и т.д.), и не желает направлять материальные средства и финансовые ресурсы на решение существующей жилищной проблемы, так как использует дефицит жилища для принудительного расселения. Она не стремится осваивать новые территории и обустраивать среду человеческого существования, вместо этого сосредотачивая все свои усилия на разработке полезных ископаемых и добыче природных ресурсов. Ей требуется массовое поточно-конвейерное производство типизированной проектной документации для обеспечения такого же массового поточно-конвейерного строительства соцпоселений.

Социалистический город – числовое выражение способа жизнедеятельности

Дискуссия о соцрасселении завершалась, так и не дав ответа на вопрос о характере того кардинального отличия от городов капитализма, которое должна нести планировочная структура соцгорода как «города нового типа». В частности, каковыми должны быть: а) предпочтительные типы массово проектируемого и возводимого жилища; б) состав объектов обслуживания; в) принципы их территориального размещения; г) на какие структурно-административные единицы должен члениться соцгород; д) как должны быть обеспечены: 1) связь отдельных частей селитбы во-

едино; 2) решение транспортной связи селитьбы с зонами размещения промышленных предприятий; 3) коммуникационные, социально-культурные и административно-управленческие связи с прилегающими сельскохозяйственными зонами и т.п.

После закрытия дискуссии одним из основных вопросов текущей практики градостроительного проектирования становится разработка принципов, методики и формул определения расчетно-нормативной численности населения города. В условиях планового хозяйства без предварительного исчисления нормативного количества будущего населения города или поселка оказывается невозможным определение требуемой величины территории селитьбы и поселения в целом, потребностей в зданиях и сооружениях конкретных типов, укрупненного сметного расчета расходов на его строительство и т.п.

Потребность в разработке методов и способов исчисления населения будущего города возникает еще и потому, что в условиях искусственной организации систем производственной деятельности и структур жизнеобеспечения социалистический город не является саморегулируемой системой, а выступает элементом общегосударственной распределительной системы, требующим предварительного расчета, выделения бюджетов и ресурсов, целенаправленного обеспечения рабочей силой, снабжения, транспортировкой и распределением, фактически всего того, что обеспечивает сначала возведение, а потом существование города. А так как новые индустриальные города создаются, как правило, на пустом месте, приходится предварительно прогнозировать, обсчитывать, организовывать и целевым образом направлять туда и материалы, и оборудование, и инструменты, и технику, и трудовые ресурсы и все прочее, что необходимо¹⁴⁶.

Старая практика расчетов оказывается неспособной помочь решению этой задачи¹⁴⁷. Причина в том, что она основывалась на обсчете не только задействованного в производстве, но и «избыточного» (по А. Веберу) населения и исходила из показателей, прежде всего, его естественных миграций и прироста. Новая исходит из того факта, что в социалистическом хозяйстве наличие избыточной рабочей силы в каком бы то ни было месте должно исключаться.

Старая практика расчетов основывалась на динамических кривых естественного и механического прироста населения, выведенных на основе отчетных статистических данных. Новая с точностью до наоборот предлагает основывать расчеты не на естественном приросте населения, а на искусственном привлечении и удержании населения в нужном месте и в нужном количестве. Расчет теперь заключается не в том, чтобы спрогнозировать перспективную численность населения, исходя из естественного

прироста или естественной эмиграции и других факторов, а в том, чтобы выяснить, сколько в том или ином населенном пункте требуется разместить трудовых ресурсов в соответствии с объемами и человекоемкостью размещаемой промышленности, а затем, используя добровольные и принудительные миграции, доставить туда именно это конкретное количество рабочих рук, обеспечить жилищем и организовать их жизнедеятельность¹⁴⁸.

Если старая практика расчетов при построении трудовых балансов исходила из естественных факторов, то новая основывается на том, что количество избыточного населения можно и нужно снижать за счет искусственного перераспределения, например, «выселения в другие города»¹⁴⁹, т.е. принудительного перемещения в те места, где есть потребность в рабочих руках.

Но как определить, сколько нужно рабочего населения в том или ином населенном пункте? Дискуссия о соцрасселении ставит вопросы, основополагающие для градостроительной теории и практического осуществления градостроительной политики 1930-х гг.: что это значит «нужное количество»? как заблаговременно просчитать, сколько людей должно работать на предприятиях обслуживания, в школах, администрации и т.п.? каков реально существующий и прогнозируемый процент неработающего населения (женщины, старики, дети, инвалиды), каким этот процент должен быть по отношению к работающему населению (т.е. к какому нормативному показателю следует стремиться и какие административные действия для этого необходимо предпринимать)?

После закрытия дискуссии о соцрасселении методика расчета нормативной численности населения разрабатывается Секцией соцрасселения и жилищно-бытового обслуживания института экономики Комкадемии. Первый (сдвоенный) номер журнала «Советская архитектура» за 1931 г. открывается установочной статьей ответственного редактора Н. Милютинна «Основные вопросы жилищно-бытового строительства»¹⁵⁰, обсуждающего разработанные Секцией новые методы расчетов, необходимые для проектирования жилых зданий и их комплексов.

К моменту постановки Н. Милютиным вопроса о разработке метода расчета уже существует расчетная формула, изложенная в труде В.А. Глазырина¹⁵¹, написанном в 1927 г. и опубликованном двумя частями в 1928 – 1929 гг., в период, фактически переходный от концепции социалистического рабочего поселка-сада к концепции соцгорода. Метод расчета количества населения поселка-сада, предложенный им, во многом предвосхищает официально принятую позднее методику расчета нормативной численности населения соцгорода¹⁵²: $\Sigma N = [(N^1 + N^2 + N^3)(1+\alpha))(1+\beta)$; где: ΣN – численность населения поселка-сада; N^1 – рас-

четное количество рабочих и служащих «градообразующего предприятия»¹⁵³; N^2 – число работников «обслуживающих предприятий», занятых административным, санитарным и общим надзором; N^3 – «переселенцы», часть окрестного населения, которая, «притягиваясь» к населенному пункту «городского типа», меняет свое место жительства в сельской местности и переселяется в поселок-сад; α – коэффициент семейности; β – показатель прироста населения в связи с расширением «градообразующего предприятия»¹⁵⁴.

Но с точки зрения постулатов концепции соцрасселения метод расчета В.А. Глазырина содержит ряд принципиальных ошибок. Первая состоит в том, что его формула рассматривает жен индустриальных рабочих в качестве домохозяек, в подсчет они входят не в составе N^1 – расчетного количества рабочих и служащих градообразующего предприятия, а в той единице, которая прибавляется к среднему показателю количества детей в среднестатистической семье – $(1+\alpha)$. Концепция соцрасселения хотя и не довела свои принципы до метрических, численных показателей, но теоретико-идеологические постулаты сформулировала предельно четко и однозначно: жены рабочих должны трудиться на тех же предприятиях, что и их мужья, так как это позволяет уменьшить число лиц, которые должны быть размещены в социалистическом поселении (при новом заводе), и дает снижение затрат на строительство на душу населения.

Вторая ошибка формулы В.А.Глазырина состоит в том, что категория N^2 – сотрудники обслуживающих предприятий – входит в расчет самостоятельным расчетным контингентом, имеющим собственные семьи (жен и детей) и поэтому отдельно умножаемым на $(1+\alpha)$. В противоположность этому теоретико-идеологические постулаты концепции соцрасселения в качестве одного из основных способов увеличения процента включенности женской части населения в процессы обеспечения производственной деятельности утверждают сферу обслуживания бытовых нужд населения как заполняемую за счет членов семей рабочих градообразующего предприятия. Т.е. в сфере обслуживания должны трудиться не «дополнительные» работники, имеющие свои собственные семьи, а жены индустриальных рабочих. Высвобождение женщин от домашнего труда и превращение их в рабочих¹⁵⁵, служащих или сотрудников системы общественного (в том числе культурно-бытового) обслуживания позволяет уменьшить общее расчетное количество населения соцгорода: «... на 1000 рабочих обычно требуется разместить населения (включая служащих, детей и т.д.) не менее 5000 чел. Если же мы будем иметь общественное обслуживание бытовых нужд (а высвобождающихся от домашнего труда женщин трудоустраивать на предприятиях соцкультбыта – М.М.), то на те же 1000 рабочих потребуется разместить не более 3000 чел., т.е., по крайней мере,

на 40 % меньше»¹⁵⁶. «В дальнейшем при использовании труда детей количество (населения поселка – М.М.) будет еще меньше»¹⁵⁷.

Третья ошибка глазыринской формулы заключается в учете лиц, самостоятельно переселяющихся в соцгород из прилегающих сельскохозяйственных зон – №3. Теоретико-идеологические постулаты концепции соцрасселения однозначно фиксируют, что сельскохозяйственное население не имеет права утекать куда бы то ни было, а должно быть прикреплено к месту сельскохозяйственного труда, где обязано стабильно производить обеспечивающие соцгород продукты питания.

Концепция соцрасселения выражает социальную политику власти, направленную на искоренение неработающей части населения, на принуждение нетрудящихся к труду, на включение их в трудо-бытовые коллективы¹⁵⁸. Поэтому расчетно-нормативные показатели должны основываться на том, что с соцгородах никаких иных категорий населения, кроме работающего, быть не должно и не будет (не будет, например, безработных¹⁵⁹)¹⁶⁰. Постольку молодежь и подростки, проходя обучение во втузах или фабзавках, также оказываются задействованными в производственной или обслуживающей сферах, постольку в расчет включается «чистый» коэффициент семейности (α) – только количество детей младшего возраста.

Трудоспособное население соцгорода подразделяется на две категории¹⁶¹: а) градообразующую – собственно рабочие (служащие) промышленных и сопутствующих предприятий; б) градообслуживающую – трудящиеся сферы обслуживания. В соответствии с этими позициями и создается предельно упрощенная, оптимизированная формула расчета численности населения соцгорода. В основу ее кладется конкретное количество рабочих, требующихся промышленному предприятию¹⁶², затем осуществляется простое умножение этого количества на коэффициент семейности: $\Sigma N = (N^1 + N^2) \alpha$; где: ΣN – численность населения соцгорода; N^1 – расчетное количество рабочих и служащих градообразующего предприятия; N^2 – расчетное количество сотрудников предприятий обслуживания; α – коэффициент семейности и получается искомый нормативно-расчетный показатель.

Например, так действует Гипромез: при исчислении количества населения поселка-сада при вагоностроительном заводе в Нижнем Тагиле число рабочих и служащих завода (5400 чел.) умножается на минимальный коэффициент семейности, тем самым давая общую численность населения – 12000 чел.¹⁶³ Таким же образом вычисляется количество населения в поселке при заводе сельскохозяйственного машиностроения в г. Ростове-на-Дону¹⁶⁴.

Дальнейшее совершенствование формулы идет по пути уточнения семейного состава населения. Это связано с очевидным наличием холостых людей в общем числе рабочих и служащих обоего пола. Учет этого показателя важен для определения общего количества населения, так как реально уменьшает расчетную численность, потому что выводит из умножения на коэффициент семейности некоторую его часть. Поэтому в 1927 – 1928 гг. формула расчета предусматривает учет процента холостых рабочих и служащих. Так, в выполненном Гипромезом в этот период проекте Уральского машиностроительного завода в г. Свердловске расчетная численность одиноких рабочих и служащих принята в размере 30%¹⁶⁵. В последующий период этот показатель уточняется, так как статистические данные свидетельствуют, что этот процент оказывается разным: для холостых рабочих – 30%, а для холостых служащих – 20%¹⁶⁶. Поэтому при расчете численности населения рабочего поселка в чуть позже выполненном Гипромезом проекте Магнитогорского металлургического завода показатель численности холостых берется уже дифференцированно: рабочих – 4923 чел.; служащих – 960 чел.; рабочих на руднике – 875 чел.; служащих – 131 чел.; рабочих в фабзавуче – 180 чел.; служащих – 49 чел.; итого служащих – 1140 чел.; итого рабочих – 5798 чел.; холостых служащих – 20% – 228 чел.; холостых рабочих – 30% – 1793 чел.; итого в поселке холостых – 2021 чел. Соответственно: семейных служащих – 80% – 912 чел.; семейных рабочих – 70% – 4185 чел.; итого семейных в поселке – 5097 чел., коэффициент семейности – 3,5. Расчет: $5097 \times 3,5 = 17840$ чел. Общая численность населения рабочего поселка – $7840 + 2021 = 19861$ чел.¹⁶⁷

Учет количества холостой части населения важен для расчета типологии жилого фонда и, соответственно, баланса территории селитьбы, так как расселять всех холостых рабочих и служащих предполагается исключительно в рабочих общежитиях. Таким образом, например, предполагается расселение всех холостых рабочих и служащих в проекте рабочего поселка при Магнитогорском металлургическом заводе, выполненном в 1929 г. Гипромезом¹⁶⁸. 2000 чел. холостых рабочих и служащих расселяется в запланированных к возведению 14 каменных общежитиях на 100 чел. каждый и 15 деревянных по 40 чел.¹⁶⁹

Отметим, что в расчетных формулах уже присутствуют в качестве отдельной категории «рабочие и служащие для хозяйственных, культурно-просветительных и санитарных целей». Так, в проекте Уральского машиностроительного завода в г. Свердловске численность «персонала, обслуживающего культурные, снабженческие и другие нужды поселка», принимается в размере 5% от общего количества населения¹⁷⁰. А в позднее выполненном проекте Магнитогорского металлургического завода она

конкретизируется и принимается уже в расчете 10% от числа рабочих и служащих основных производств¹⁷¹. В дальнейшем эта категория будет выделена в отдельный расчетный показатель – «градообслуживающая база»¹⁷².

Заметим, что дальнейшее совершенствование расчетной формулы идет также и пути уточнения коэффициента семейности. Так, если в проекте Уральского машиностроительного завода в г. Свердловске проектировщики, исходя из постановления Технического Совета ГЭУ ВСНХ СССР от 26-30 ноября 1926 г., принимают «показатель средней семейности» в 3 человека¹⁷³, то уже в проекте Магнитогорского металлургического завода коэффициент семейности принимается в 3,5 чел.¹⁷⁴

Дальнейшее совершенствование формулы идет и в направлении уточнения состава градообразующих предприятий: «в градообразующую промышленную базу города входят: (...) вероятное количество рабочих и служащих промышленности союзного, республиканского значения, железнодорожного и водного транспорта, которые в данном городе будут проживать на расчетные года. К этой численности трудящихся следует добавить количество рабочих и служащих местной промышленности и планируемой кустарной промышленности»¹⁷⁵.

Совершенствование формулы идет и по пути конкретизации состава «градообслуживающей»¹⁷⁶ базы: «к ней отнесены: 1. административные, хозяйственные и общественные организации города; 2. городской механический пассажирский транспорт; 3. индивидуальный пассажирский транспорт; 4. групповой транспорт промышленных предприятий; водопровод, канализация, теплофикационные и газовые установки; 6. организации, ведающие эксплуатацией уличной сети и городских зеленых насаждений; 7. пожарная охрана; 8. санитарно-гигиенические предприятия; 9. гостиницы; 10. организации по эксплуатации жилого квартала; 11. предприятия общественного питания; 12. магазины и склады; 13. лечебно-профилактическая и санитарная сеть; 14. система народного просвещения; 15. предприятия местного значения»¹⁷⁷.

Но поскольку градообслуживающая часть трудового населения все равно является производной от промышленной базы города¹⁷⁸, и составляется из членов семей промышленных рабочих, постольку для еще большего упрощения расчета предлагается в качестве основного показателя принимать лишь количество рабочих градообразующей части. Таким образом, главной расчетной единицей становится рабочий градообразующего предприятия. В градообслуживающей сфере работает его жена, поэтому из расчета она исключается¹⁷⁹. В расчетной формуле «на одного рабочего» предлагается определять количество других людей – «не рабочих» – детей и стариков, составляющих остальную часть населения.

В итоге параметры расчета численности населения соцгорода сводятся всего лишь к двум показателям: а) показатель численности рабочих градообразующей составляющей, умноженный на б) статистически определенный коэффициент семейности. Формула приобретает вид: $N = 3,87 R$; где N – искомая численность населения; R – градообразующая рабочая сила¹⁸⁰, а 3,87 – средний количественный состав семьи. Таким образом, принципиальная схема расчета предельно проста: мощность производства (промышленного предприятия и сопутствующих производств) задает требуемую численность занятых на нем рабочих, инженерно-технического персонала и администрации (градообразующая составляющая). Она фактически и определяет численность всего населения города, потому что рабочие места в градообслуживающей сфере заполняются за счет вторых взрослых членов семей рабочих градообразующей части.

Расчетная формула не предусматривает учета каких бы то ни было неконтролируемых дополнительных «поступлений» или «убываний» населения. В частности отбрасывает предлагаемую формулой В.А. Глазырина категорию «естественных переселенцев» (окрестного населения), которая «притягиваясь» к городу, по предположениям В.А. Глазырина, имела возможность самостоятельно оставлять место своего жительства в сельской местности и переселяться в соцпоселение. Подобное самостоятельное перемещение сельского населения в города концепцией соцгорода и, как следствие, формулой расчета численности его населения категорически отвергается.

Исходя из полученного результата рассчитывается потребное количество квадратных метров жилья, мощность предприятий обслуживания, потребное количество блюд в столовой, пропускная способность прачечных, количество посадочных мест в клубе и проч. Будучи доработанным уже после закрытия дискуссии о соцрасселении, подобный расчет приобретает официальный статус, получает название «Метод расчета населения города по трудовому балансу», и проектные организации всецело переходят на него¹⁸¹.

Социалистический город – практическое воплощение социально-экономической и организационной стратегии власти

С закрытием дискуссии о соцрасселении отброшенным оказывается главное ее содержание – различные варианты новых форм социально-пространственной организации общества (дома-кварталы, города-коммуны; индивидуальное жилище с коллективным обслуживанием, индивидуальное мобильное жилище и многие другие), а также разнообразные направления реорганизации жизни в существующих городах на принципиально новых началах (обобществление быта, дезурбанистическое расселение и т.д.). Решения, которые принимает власть, невозможно объяснить исходя лишь из содержания архитектурно-градостроительных

предложений. Их можно понять лишь на основе рассмотрения характера социально-экономической и организационно-управленческой ситуации, в которой в этот момент находилась страна. Эта ситуация, кстати, четко зафиксирована в самом тексте Постановления «О работе по перестройке быта», приказывающем прекратить разговоры о необходимости скорейшей «перепланировки существующих городов»¹⁸², отставить предложения о возведении новых городов с «немедленным и полным обобществлением всех сторон быта трудящихся»¹⁸³, потому что у государства нет на это ни организационных сил, ни материальных ресурсов¹⁸⁴, ни квалифицированных строительных кадров, ни требуемой степени подготовленности населения¹⁸⁵. Власть все силы и все ресурсы сосредотачивает в этот момент на осуществлении планов военно-производственной индустриализации страны¹⁸⁶.

Безусловно, власти требуется однородный, мобильный, сорганизованный в трудо-бытовые коллективы человеческий материал. Этим целям максимально соответствует коммунальный быт, основанный на уничтожении традиционных институциональных форм жизни: собственности, религии, традиций, культуры и проч.¹⁸⁷ И власть вполне удовлетворена теми результатами коммунализации жизни, которые дает покомнатно-посемейное заселение, позволяющее успешно бороться и с религией, и с традициями. Обобществление собственности и уничтожение семьи оказываются не нужными. Напротив, личное имущество и семья становятся неплохим подспорьем в осуществлении целей и действий советской власти по тотальному манипулированию людьми и контролю над ними. Используя страх за судьбу родных, близких и чувство собственности к личному имуществу, оказывается, довольно легко держать людей и в непротивлении, и в повиновении. И власть умело использует эти чувства, решая с помощью покомнатно-посемейного жилища задачу контроля и управления людьми¹⁸⁸. Ей, по большому счету, совершенно безразлично, будет обобществлен быт или останется в формах индивидуального хозяйства, будет происходить коллективное приготовление и распределение пищи или нет, будет каждая хозяйка стирать сама или этим займется специальная служба, будут личные вещи храниться в отдельной общей комнате в специальном коллективном шкафу или находиться в персональных комнатах коммунаров, будет у людей личная мебель или они станут пользоваться общественными стульями, столами и кроватями и т.д.

За счет административного формирования коммун власть создает коммунальное жилище, напрямую вовлекая в него население агитационной работой и материальным стимулированием, а косвенно – создавая коммунальное жилище в результате покомнатно-посемейного заселения¹⁸⁹, но при этом она совсем не спешит с общегосударственным приня-

тием обязательств по глобальному обобществлению быта. Эту заботу она перекладывает на самостоятельную инициативу рабочих масс (активистов, инициативные группы жильцов, бытовые секции, женсоветы и т.п.). Коммуны и обобществление быта постепенно превращаются в глазах власти в две совершенно разные сущности. Коммуны, коммунальное жилище жизненно необходимы власти – они являются ее стратегической целью, а вот обобществленный быт – это лишь лишь необязательное приложение к коммунальному образу жизни. Власть поддерживает эксперименты (инициированные «снизу»), направленные на обобществление быта, курирует их, стимулирует и даже идеологически провозглашает в качестве одной из своих главных целей, но при этом реально решает совершенно иные задачи.

До тех пор, пока идея обобществления быта, с которой носились теоретики и активисты, не мешала власти, она ее допускала и даже поощряла, потому что эта идея некоторым образом одухотворяла реалии существования людей в коммунальном жилье покомнатно-посемейного типа и в верном направлении устремляла надежды и чаяния населения. Но как только настал момент, когда процесс «обобществления быта» потребовал не слов, а реальной общегосударственной программы массовых работ по реструктурированию всей системы снабжения, отдыха, обслуживания, питания; массовому возведению специализированных зданий и жилых комплексов с внутренними общественными пространствами и встроенными помещениями для размещения общественных служб, по переориентации (в масштабе страны) строительной индустрии с возведения промышленных предприятий на возведение сооружений жилищного сектора и разворачиванию структуры рабочих мест в системе культурно-бытового обслуживания, принципиально иной, нежели существующая, и т.д., власть резко отворачивается от громогласно провозглашаемого курса на обобществление быта, но, заметим, непоколебимо продолжает осуществлять свою жилищную политику в отношении покомнатно-посемейного заселения. Она клеймит идею обобществления быта «уклоном» и решительно заменяет ее в массовом сознании на название «общественное бытовое обслуживание», программу развития которого, кстати, и так давно уже осуществляет параллельно с созданием всеобщей распределительной системы. Постановлением от 25 февраля 1930 г. Президиум ВЦИК предписывает: «Поручить СНК РСФСР рассмотреть вопрос об организации бытовых коллективов по обобществленному обслуживанию бытовых нужд по линии: ...б) снабжения бытовых коллективов продуктами и другими предметами потребления с предоставлением им некоторых преимуществ перед индивидуальными потребителями ...»¹⁹⁰.

Идея обобществления быта соседствует с реальной практикой организационно-управленческого воздействия на население с целью принуждения его к труду и требуемому власти образу мышления и поведения. Так, Президиум ВЦИК в Постановлении «О мероприятиях по проведению международного женского коммунистического дня 8 марта 1930 г.» предписывает: «В целях усиления коллективизации быта в уже существующих городских и поселковых домах в условиях, созданных непрерывкой и сменностью и для облегчения вовлечения женщин в производственную и общественную работу, признать необходимым разработать мероприятия, обеспечивающие создание бытовых коллективов по обобществлению обслуживания бытовых нужд»¹⁹¹. Эти распоряжения не были, как их потом называли, «утопичным забеганием вперед». Это были разумные, ситуативно довольно верные предложения, действительно учитывающие традиционный характер бытового уклада бывшего крестьянского населения и способные облегчить людям тяготы продуктового и жилищного кризисов за счет их объединения. Но действия по активизации самостоятельности и самоорганизации людей для преодоления бытовых трудностей, приходят в противоречие с задачей сосредоточения всех рычагов управления людьми (трудо-бытовыми коллективами) в руках заводоуправлений. Одно из двух: или заводоуправления обладают финансовыми и административными ресурсами или самоорганизующиеся группы людей; или администрация предприятий и учреждений владеет и распоряжается жилой площадью или общественное самоуправление (коммуна); или поддерживать иерархический принцип устройства государственной распределительной системы или уравнилельный характер функционирования коммуны; или обеспечивать стабильность трудо-бытовых коллективов угрозой принудительного лишения жилища или передавать право распоряжаться жилплощадью правлению коммуны¹⁹² и проч. Только одно из двух, и власть точно понимает, что ей нужно выбрать.

Стимулирование к труду за счет искусственного иерархирования внутренней структуры трудовых коллективов, выделением «ударников», «передовиков производства», «краснознаменцев», «рабочих с почетными грамотами» и проч., подкрепленное реальным включением в многоуровневую систему льгот в получении продуктов, вещевого довольствия, жилого пространства и проч., приходит в противоречие с самой идеей обобществленного быта – уравнилельности, коллективного приобретения продуктов, совместного приготовления пищи и ее равного распределения; когда у всех всего поровну – и еды, и одежды, и жилища. Например, практикующаяся в коммунах передача индивидуальных снабженческих карточек членов коллектива в распоряжение правления коммун с целью их объединения для общего отоваривания (и последующего совместного

приготовления пищи)¹⁹³ противоречит созданной властью системе карточного снабжения, исходящей из разделения и стратификации общества, а не на его гомогенизации. Различие в оплате труда и величине натурального обеспечения, размере продуктового наполнения карточек разного уровня в этот период является основным средством поднятия производительности труда. Кстати, понимание этого момента порождает предложения о формировании коммун, состоящих из людей со «сходным размером заработка и со сходным числом иждивенцев», например, коммуны холостой рабочей молодежи или «бытовые коммуны из рабочих одного тарифного разряда»¹⁹⁴. Но и эти предложения также противоречат «производственной» составляющей идеи трудо-бытовых коллективов и идут вразрез с генеральной линией власти на усиление роли администрации предприятий в организации трудящихся на выполнение промфинпланов. Если быть совсем точным, то политика в целом все же направлена на социально-культурную гомогенизацию общества, но такую, которая имеет внутри себя сложный иерархический порядок структурирования этой формируемой «однородной массы советских граждан» и ее стратифицирования: а) по степени приближенности к руководящим постам; б) по мере служения власти; в) по трудовой самоотдаче; г) по характеру вхождения в структуры партии и т.п.

Выбор одной из этих двух разных стратегий («обобществление быта» или «общественное обслуживание») власть осуществляет при помощи организационно-управленческих критериев эффективности системы властного воздействия на население. Идея обобществления быта заменяется стратегией общественного обслуживания, прекрасно соседствующей с уже существующей и успешно реализуемой стратегией – коллективного жилища покомнатно-посемейного заселения, за счет которой власть обеспечивает совместное коммунальное проживание, максимально прозрачное для соседей и, соответственно, открытое для наблюдения и контроля, но сохраняет личную собственность и личный быт. В Постановлении Президиума Московского городского исполнительного комитета и Московского совета РК и КД от 14 июля 1932 г. «О типе жилого дома», вышедшем через два года после постановления о перестройке быта и зафиксировавшем перспективы жилищного строительства в г. Москве, указывается: «Новые дома должны иметь учреждения общественного бытового обслуживания (столовая, ясли, детсад, прачечная, магазин, кафе, ресторан и т.п.), причем эти учреждения располагаются не в каждом доме, а могут обслуживать группу домов»¹⁹⁵. При этом оговорено: «В квартире должна быть обеспечена возможность производства мелких постирушек и устройства приспособлений для сушки белья ... Одновременно в подвале каждого дома должны быть оборудованы маленькие прачечные с

механизированным оборудованием и сушилками для обслуживания живущих в данном доме»¹⁹⁶.

Разные формы воплощения обобщественного быта – бытовые артели, бытовые коллективы, бытовые коммуны, бытовые товарищества и проч. – вынужденно сходят на нет. Власть, переходя к стратегии общественного обслуживания, обеспечивает ее соответствующей программой работ. В 1933 г. с выходом Постановления «Об обязательном строительстве торговых помещений в новых домах»¹⁹⁷ происходит законодательная переориентация с государственной распределительной системы снабжения продуктами и вещами в рамках обобщественного быта на государственную же программу развертывания общественного обслуживания и социалистической торговли¹⁹⁸. Распределительная система еще продолжает функционировать и будет функционировать еще несколько лет, обеспечивая трудящихся продуктами питания и одеждой¹⁹⁹, но власть уже приняла решение о переориентации на систему торгового обеспечения продовольственными и промышленными товарами и заранее готовится к переходу. Торговля фактически является ни чем иным, как тем же самым распределением товаров и продуктов²⁰⁰, так как их получение (по количеству и качеству) опосредовано местом гражданина в социально-производственной иерархии, выраженным в денежном выражении (через величину государственных тарифов его зарплаты). Начиная с 1934 г. власть по некоторым видам продуктов (хлеб, мука, макароны, крупа) переходит к торговле²⁰¹, а по некоторым (сахар, мясо, жиры, сельдь) продолжается распределительное обеспечение²⁰², но при этом в массовом порядке силами проектировщиков и строителей готовятся помещения в жилых зданиях и служебных учреждениях к повсеместному массовому переходу на торговлю. Законодательно предписывается: «при строительстве в городах и поселениях городского типа жилых, учрежденческих и иных домов, имеющих более двух этажей, отводить первый этаж, а в двухэтажных домах – часть первого этажа под торговые помещения»²⁰³. Власть законодательно повелевает: возводить временные торговые сооружения, в частности, «расширить розничную торговую сеть по продаже хлеба к 1 февраля 1935 г. на 10.300 лавок и палаток, в том числе к 1 января 1935 г. – на 8.000 лавок и палаток»²⁰⁴.

Во втором полугодии 1935 г. отменяется карточная система еще на целый ряд продуктов: мясо, рыбу, сахар, жиры, картофель²⁰⁵, а система торговли расширяется. В этой связи специальным постановлением городским советам предписывается: «... иметь наблюдение за тем, чтобы строительство, отделка и оборудование торговых помещений в новых домах не отставали от общего хода строительства дома и были закончены не позднее заселения вышележащих этажей»²⁰⁶.

В 1937 г., власть окончательно переориентируется на систему торговли и общественного обслуживания. Идея обобществления быта официально забыта, власть уже и без нее успешно сформировала и использует в своих организационно-управленческих целях коммунальный быт в виде покомнатно-посемейного расселения. В 1937 г., выступая на Первом Всесоюзном съезде советских архитекторов с программным докладом «Задачи советской архитектуры», представитель Союза архитекторов Н.Я. Колли уже однозначно характеризует «обобществление быта» как отрицательное явление²⁰⁷.

Заключение и выводы

Советская власть, определяя основные положения государственной градостроительной доктрины в отношении соцгородов, фактически подтверждает курс, в соответствии с которым до сих пор и формировала эту политику. Своим Постановлением «О работе по перестройке быта»²⁰⁸ она публично указывает архитекторам, плановым работникам, социологам, экономистам – всем, кто участвует в разработке планов индустриализации страны, планов построения социализма в СССР, что впредь не допустит никаких обсуждений этого курса, никаких альтернативных предложений, пусть даже являющихся результатом стремления к совершенствованию²⁰⁹. Законодательно фиксируется тот факт, что архитектурно-градостроительные, планировочные, пространственно-композиционные решения городов нового типа (соцгородов) могут быть любыми, но при обязательном соблюдении базовых постулатов и выполнении основополагающих условий и принципов:

1. Соцгород – самостоятельное замкнутое селитебное образование при промышленном предприятии, имеющее стабильные размеры и фиксированное количество населения в соответствии с количеством рабочих мест на фабрике (заводе), регулируемое по величине и социально-культурному составу за счет принудительных миграций и дефицита жилища. Либо система взаимосвязанных друг с другом отдельных соцпоселков при отдельных промпредприятиях, входящих в единый производственный комплекс²¹⁰. Аграрные и любые другие непромышленные функциональные предназначения соцгорода исключаются²¹¹.

2. Градообразующее промышленное предприятие не только определяет «смысл» существования соцгорода, но и, как правило, задает его композицию, в частности, расположение общественного центра, ориентацию трассировки улиц, направления основных пешеходных путей, расположение зеленой зоны и т.п.²¹² Этот принцип остается неизменным, даже когда масштаб производственного объекта кардинально вырастает и из отдельного здания или комплекса зданий превращается в обособленную производственную зону²¹³. И в этом случае композицию планировочной струк-

туры поселения определяет расположение промышленной зоны (по отношению к селитбе), а также «точки» входа-въезда в нее. Даже в тех случаях, когда соцгород составляется из нескольких соцпоселков²¹⁴, на промышленные производства, вынесенные за пределы города, планировочно ориентируется вся структура города.

В соцгороде с развитой промышленной зоной при организации общественного центра (как города в целом, так и центров отдельных планировочных зон) допустима замена производственного объекта «объектами-заместителями» – «зданиями власти» – общественными сооружениями, отвечающими новому укладу жизни (здания горисполкома, горсовета и совета профсоюзов²¹⁵, управления градообразующего предприятия, а также театра или клуба – места проведения торжественных собраний, встреч трудовых коллективов, празднований).

3. Взаимосвязь промышленной и жилой зон осуществляется посредством формирования системы связей – «путей и средств сообщения» при обязательном наличии «достаточной зеленой полосы»²¹⁶.

4. На соцгород распространяется принцип партийно-мобилизационного членения территории региона. Градостроительное воплощение «расселенческой функции» соцгорода – быть «пролетарским центром» окружающих сельскохозяйственных поселений – выливается в то, что соцгород не только вовне реализует себя в значении «ядра» прилегающей территории, но и в своей внутренней структуре также материализует эту организационно-управленческую функцию. Основной силой осуществления любых организационно-управленческих мероприятий (организующим началом) в городах являются трудящиеся промышленных предприятий (управляемые партийными организациями этих предприятий), а прочие категории городского населения (служащие, трудящиеся предприятий непрямоугольного профиля и проч.) объединяются вокруг них в иерархически упорядоченные «партийно-территориальные» единицы²¹⁷. Планировочное формирование селитбы выражает это устройство в трехуровневой структурной организации: жилой дом²¹⁸ – жилой квартал²¹⁹ – жилой район;

5. Структурная организация соцгорода определяется также и кардинальным изменением в советском обществе практически всех существовавших прежде механизмов жизнеобеспечения: а) максимальным сокращением объемов свободной торговли; б) ликвидацией мелкого бизнеса; в) уничтожением частных видов транспорта; г) ликвидацией индивидуального предпринимательства, раньше обслуживавшего практически все стороны городской жизни; д) запрещением широкого спектра форм проведения досуга и отдыха (обычно, предлагавшихся частным бизнесом) и т.п., а также необходимостью формирования всеохватывающей и много-

факторной распределительной системы – продуктов, вещей, медицинского обеспечения, жилища, услуг (прачечные, бани, фабрики-кухни, столовые, больницы, детские учреждения и проч.), что остро ставит вопросы рационального размещения объектов распределительной системы на территории населенного пункта, как и вопрос о характере их связи с жилищем.

В формируемую систему сетевого обслуживания соцгорода предполагается включать все виды хозяйственного и культурного снабжения: 1. дорожно-транспортную сеть; 2. сеть связи (почта, телеграф, радио); 3. сеть жилищ; 4. сеть питания²²⁰; 5. сеть санитарно-гигиенического обслуживания; 6. сеть санитарно-технического обслуживания; 7. сеть распределителей продуктов широкого потребления; 8. сеть соцвоса (социалистического воспитания), детского дошкольного обслуживания; 9. сеть политехнического обучения²²¹; 10. сеть культурного и общественно-политического обслуживания; 11. сеть физкультурного и туристического обслуживания²²²; 12. сеть медицинского обслуживания²²³ (диспансеры, больницы, санатории, курорты) и т.п.

6. Планировочная организация соцгорода характеризуется наличием следующих составляющих: 1) транспортная сеть, состоящая из нескольких категорий улиц: а) транзитная магистраль, на которой расположен основной транспортный узел²²⁴, б) главная (центральная) улица, связывающая транспортный узел с центром, или система центральных улиц с расположением на них основных общественных зданий, предусматривающая проведение на них демонстраций и массовых народных шествий²²⁵; в) второстепенные улицы, связывающие второстепенные площади, г) системы жилых улиц (местных проездов); 2) селитебная территория, иерархически структурированная в соответствии с принципом партийно-мобилизационной (в трудовом и военном отношении) организации населения (трехуровневое административно-территориальное членение): жилой дом – жилой квартал – жилой район; 3) иерархия общественных пространств: а) общегородской центр²²⁶ с главной площадью (с расположением на ней важнейших городских объектов советского, партийного, социально-культурного назначения²²⁷), б) центры планировочных элементов жилой зоны с второстепенными площадями, в) внутриквартальные (дворовые) общественные пространства (с расположением на них агитационно-спортивных сооружений), г) придомовые (с устройством при жилых домах детских площадок); 4) сеть детских заведений: а) школы, б) детские сады, в) ясли, г) учебно-производственные учреждения²²⁸; 5) система объектов здравоохранения²²⁹; 6) система объектов обслуживания: а) объекты общегородского значения, б) объекты квартального значения, в) учреждения обслуживания, размещаемые в жилых домах (в спе-

циально отводимых для этого помещениях первых этажей); 7) система зеленых зон (поясов, коридоров)²³⁰: а) внутренние – парки, скверы бульвары и проч.²³¹; б) внешние (окружающие) зеленые зоны²³².

7. Жилище в соцгороде (в противоположность капиталистическим поселениям, где оно выступало объектом покупки, владения или аренды и было предметом персонального распоряжения квартировладельца или заботы квартиросъемщика) является предметом исключительного владения и распоряжения государством (в частности, сооружается по его инициативе и за его счет, ремонтируется и находится, в конечном счете, в его безраздельной собственности). Оно используется как один из элементов распределительной системы и предмет снабжения населения. Основным типом жилья, возводимого в рамках государственных строительных программ в соцгородах, определяется многоэтажное многоквартирное²³³ жилище покомнатно-посемейного заселения²³⁴ (строительство индивидуального жилья законодательно исключается²³⁵).

8. В отношении жилища берется установка на предельную типизацию, как по поводу видов планировки, конструктивных схем и материалов постройки²³⁶, так и в вопросах технического оборудования квартир²³⁷.

9. Индивидуальное обслуживание продуктами питания, основанное на наличии индивидуально возделываемого придомового земельного участка, безоговорочно заменяется и вытесняется распределительной системой.

10. Содержание фразеологического оборота «общественное обслуживание населения» утрачивает свое «революционное, жизнестроительное содержание»²³⁸. Теперь под обслуживанием материальных потребностей рабочих масс предлагается понимать исключительно обычную инженерную инфраструктуру города (водоснабжение, освещение, отопление, канализацию, городской транспорт, внешнее благоустройство)²³⁹, а средством организации обслуживания культурно-бытовых нужд рабочих масс предлагается считать бани, прачечные, предприятия общественного питания (столовые, фабрики-кухни), детские сады, школы, вузы, санатории, дома отдыха²⁴⁰.

11. В отношении объектов обслуживания, также как и по отношению к жилищу, принимается установка на максимальную типизацию – определение видов оптимальной планировки, конструктивных схем и материалов, а также типового технического оборудования²⁴¹ и т.д.

12. Соцгорода «генетически» связываются с существующими (старыми) городами, которые рассматриваются как «опорные пункты» нового расселения, призванные принимать, размещать, обслуживать и перемещать (за счет искусственно организуемых миграционных потоков) к местам возникновения соцгородов массы «новых трудящихся» – отрываемых

от земли и вовлекаемых в промышленное производство крестьян, прибывающих в город и вливающихся в трудовые коллективы²⁴².

13. При этом соцгород концептуально рассматривается как альтернатива существующим городам. Он является организующим (с административной, культурной, образовательной, общественной и проч. функциями) центром прилегающей сельскохозяйственной зоны²⁴³, идеологическим воплощением марксистского постулата об устранении противоположности между городом и деревней. С появлением соцгорода никакие иные поселения особого типа, со специфическим архитектурно-градостроительным, планировочным, композиционно-пространственным выражением, «стирающие противоречие между городом и деревней», уже не нужны, противоречие между городом и деревней и так считается уже успешно преодоленным за счет укрепления товарооборота и осуществления сплошной коллективизации²⁴⁴. Старые города в перспективе должны быть уничтожены, заменены на соцгорода.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ГОРОД ЧЕЛЯБИНСКОГО ТРАКТОРНОГО ЗАВОДА – ВОПЛОЩЕНИЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РАССЕЛЕНИЯ

Е.В. Конышева

В конце 1920-х гг. в СССР в рамках формирования жестко регулируемой экономической системы началось создание так называемого Урало-Кузнецкого комбината. Эта многоотраслевая территориально-производственная агломерация планировалась на базе объединения производственных мощностей заводов Сибири и Урала, большую часть которых еще только планировалось создать, а уже имевшиеся предприятия требовали значительной модернизации¹. Начавшаяся индустриализация коренным образом изменила весь жизненный уклад Уральского региона. Годы первой и второй пятилеток – период активного строительства новых и реконструкции старых уральских городов, превращение их в крупные промышленные центры.

Перераспределение трудовых ресурсов (как межотраслевое, так и межрегиональное), являвшееся частью политики индустриализации, обусловило и скачок численности городского населения на Урале, и формирование здесь высокоурбанизированных территорий. В 1913 – 1926 гг. общая численность населения Урала была в пределах 9,5 млн человек; в 1939 г. она составляла уже 12,4 млн человек. Если в 1913 г. доля проживавших в городах и крупных поселениях составляла 13,72 % от всего населения, то в 1939 г. – 45%². Быстрый рост городского населения наблюдался, в частности, и в Челябинской области: в 1925 г. горожане составляли 30,8% , в 1939 г. – уже 59,9%; число городов увеличилось, соответственно, с 5 до 11³. Появились на Урале и новые города, как, например, Магнитогорск, Березники, Медногорск и другие. Значительно, в 2 – 4 раза, выросло население крупных уральских городов – Екатеринбурга, Челябинска, Перми, Уфы. При сравнении изменения численности жителей в этих городах можно сделать вывод о наиболее быстром развитии Челябинска, население которого выросло с 1926 по 1939 гг. в 4,6 раза⁴.

В русле концепции соцрасселения градообразующим фактором предполагалось промышленное предприятие. Развитие моногорода, рассматриваемого как поселение при производстве, определялось именно производственными задачами, а не жизненными потребностями горожан. Такой подход был далеко не нов, особенно для Урала, где еще в XVIII в. распространился своеобразный тип промышленно-селитебных поселений – города-заводы и сформировалась «горнозаводская цивилизация»⁵. Специфические принципы ее существования можно рассматривать как «ответ» государства на задачу индустриальной модернизации страны в усло-

виях своего времени и как своеобразный прототип будущих территориально-производственных образований 1920-х – 1930-х гг. с учетом изменения форм собственности и отвержения патриархальных принципов жизни и отношений. В условиях советской индустриализации оказалась востребованной концепция «социалистических городов», получившая широкое распространение в СССР в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. Соцгород понимался как промышленно-селитебный комплекс, где органично сочетались предприятие и жилой массив с системой коллективизированного культурно-бытового обслуживания. Такое решение соответствовало не только принципу максимальной приближенности жилья к месту приложения труда и компактному размещению трудовых ресурсов (оптимальному с точки зрения функционирования производства), но и идеологическим представлениям об организации жизни рабочего человека, вся жизнь которого подчинена задаче служения социалистическому государству.

На Урале в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. был создан целый ряд крупномасштабных промышленно-селитебных образований, таких, например, как Уралмаш в Свердловске, Магнитогорский металлургический завод, Уралвагонзавод в Нижнем Тагиле, Новый Орск и других. В этом ряду достойное место занимает и соцгород Челябинского тракторного завода (ЧТЗ).

9 мая 1929 СНК СССР принял Постановление № 306 «О приступе к постройке тракторного завода на Урале в 1929 – 1930 году»⁶. Приказом ВСНХ СССР ЧТЗ в числе других крупных новостроек был зачислен в группу первоочередных. Проектирование было поручено специальной группе, созданной в 1929 г. при Государственном институте по проектированию металлических заводов (ГИПРОМЕЗ) в Ленинграде⁷. В нее вошли архитекторы А. Фисенко, В. Шевцов, инженеры К.П. Ловин (начальник строительства), А. Величкин, И. Иванов, А. Божков и многие другие, составившие основной костяк треста «Челябтракторострой»⁸.

Для организации и координации всех работ по строительству ЧТЗ и прилегающего рабочего городка при ВАТО (Всесоюзное автотракторное объединение ВСНХ СССР) было создано Московское представительство Челябтракторостроя (ЧТС) со специальным Проектным бюро и Техническим советом в составе А. Бурова, В. Дубовского, А. Самойлова, Н. Крысова, Ю. Кириллова, А. Кратюка, А. и В. Весниных и других⁹. Таким образом, изначально проектировался промышленно-селитебный комплекс, где строительство и предприятия, и рабочего поселения находилось в сфере управления и контроля одного ведомства – ВСНХ, а проектно-строительные планы каждого из двух элементов и их техническая и финансовая обеспеченность были тесно увязаны между собой. Неотделимы

были друг от друга производственное и личное и в сознании рабочего человека, чья жизнь была запрограммирована в рамках самодостаточного территориального и социального пространства.

Однако в конце 1920-х гг. социальный монолит еще только предстояло создать из весьма разношерстного состава первостроителей. Из разных регионов России прибывали рабочие – и «идейные» добровольцы, и завербованные по нарядам Наркомата труда, и направленные по комсомольским и партийным путевкам. Челябинская биржа труда направляла на строительство тысячи безработных.

Как значительный трудовой резерв рассматривались и женщины: в августе 1930 г. горком партии и горсовет приняли решение о привлечении к строительству заводов и новостроек Челябинска 10 тыс. домохозяек. В 1931 г. женщины на ЧТС составляли 19% от общего числа рабочих, а к 1933 г. уже 26%¹⁰. «Освобожденные» от закрепощающего домашнего труда женщины были заняты непосредственно на строительстве: работали каменщицами, малярами, штукатурами, бетонщицами, чернорабочими. Работа женщин непосредственно на предприятии (в период его строительства и, особенно, после пуска завода) давала, с точки зрения планирующих органов, и значительную экономию средств на строительство рабочего городка. Она позволяла, исходя из существовавшей системы подсчета, существенно сократить общее число населения, связанного с заводом¹¹. Так, авторы Промзадания на постройку тракторного завода рассчитывали только за счет привлечения женского труда на производство уменьшить расчетную численность населения с 68660 до 40000 человек¹².

Основную массу строителей и будущих заводских рабочих составляли, конечно, крестьяне. Способ их привлечения весьма показателен с точки зрения создаваемой плановой экономики, где фактор материальной заинтересованности и отраслевой конкурентности часто выносился за скобки. Поток крестьян на стройку резко увеличился в 1931 г. – спасались от коллективизации, надеясь на лучшую долю в городе, или укрываясь от более жестких последствий раскулачивания. С этого же года активно стала применяться политика договоров с колхозами, которые «поставляли» рабочую силу в порядке отходничества. К концу 1931 г. половину рабочих на строительстве завода составляли крестьяне-отходники, в 1932 г. их насчитывалось более 7 тыс.¹³. О масштабах распространения такого рода вербовки рабочей силы для местной промышленности свидетельствует циркуляр Уральского областного отдела труда, распространенный в апреле 1930 г., где указывается, что почти полностью потребность в рабочих (27 тыс. чел.) должна быть удовлетворена колхозниками-отходниками¹⁴. Организованный и принудительный характер, пожалуй, – важнейшее от-

личие советского отходничества от подобной системы в царской России. Кроме того, экономическая составляющая дополнялась идеологической – на практике воплощался лозунг «смычки города с деревней». Немаловажным было и пролетарское воспитание «мелкобуржуазной» крестьянской массы, сохранявшей в рабочих артелях патриархально-общинные принципы и массово срывавшей строительные планы в дни религиозных праздников.

Однако отходничество нельзя было считать решением проблемы обеспечения трудовыми ресурсами. Текучесть кадров была главной проблемой ударного строительства. За 1930 г. на ЧТС прибыло 42 тыс. рабочих, а покинуло – 38 тыс.¹⁵ Уход со строительства был связан не только с перманентностью отходников, но, в первую очередь, с тяжелыми условиями труда, низкими заработными платами, плохими бытовыми условиями. Этот вопрос решался разными путями. С одной стороны, применялись экономические меры – увеличение заработной платы, переход на сдельно-премиальную оплату. Кроме того, экономический «кнут и пряник» действовал в сфере распределения – уровень снабжения, жилищные условия и т.п. С другой стороны, использовались и методы внеэкономического характера, прежде всего основанные на эксплуатации морально-идеологического фактора: была развернута агитационно-пропагандистская работа, низкая производительность труда компенсировалась трудовым героизмом. Весьма примечательной является политика «контрактации» или самозакрепления рабочих, когда они давали письменное обязательство не покидать стройплощадку до окончания строительства¹⁶. По сравнению с методами бесплатного и массового обеспечения рабочей силой в системе ГУЛАГа «самозакрепление» рабочих, на каких бы условиях оно не осуществлялось, выглядит вполне «экономической» мерой, однако «закрепляющее» направление очевидно¹⁷.

История строительства ЧТЗ – это и история борьбы за перевоспитание, освобождение от «пережитков прошлого», за перестройку сознания и создание нового человека – «будетлянина», понимающего «Я» лишь как часть общего «Мы». Немаловажную роль в этом играла и организация жизненного пространства строителей, а затем и работников ЧТЗ.

Первостроители тракторного завода размещались сначала в городских переселенческих пунктах, бывших казармах и церквях. Весной 1930 г. возник палаточный городок, а к концу мая был выстроен временный рабочий поселок из деревянных бараков на 10 тыс. жителей, в каждом из которых на двухъярусных нарах располагались более 100 человек. Однако уже изначально планировалось создание капитальной застройки, отвечавшей «запросам социалистического быта»¹⁸, который понимался как быт обобществленный и строго регламентированный. Было принято ре-

шение «признать необходимым и целесообразным строить рабочий поселок типа социалистического города»¹⁹. ВАТО было организовано фактически параллельное проектирование соцгородов Нижегородского автомобильного, Харьковского и Челябинского тракторных заводов. Образцом для подражания ВАТО был признан соцгород Нижегородского автомобильного завода, опыт проектировки и застройки которого было предложено использовать для планировки поселений при Харьковском и Челябинском заводах.

При сравнении «Основных положений на проектирование рабочего поселка при автозаводе», разработанных Автостроем в 1929 г.²⁰ и «Программы для эскизного проекта индустриального рабочего города уральского тракторного завода» (дек. 1929 – янв. 1930 гг.)²¹, обнаруживается не только принципиальное единство документов, но и совпадение основных деталей. В целом установки «Программы...» и «Основных положений...» достаточно характерны для такого рода документов конца 1920-х гг. и отражают в приложении к конкретным объектам отголоски дискуссии о социалистическом расселении 1929 – 1930 гг. «Индустриальный рабочий город» ЧТЗ на 37500 человек проектировался «на основе полного обобществления культурно-просветительной и бытовой жизни всех трудящихся...»²², где все взрослое население за исключением престарелых, больных и инвалидов участвует в производительном труде и общественной работе. Жизнь трудящихся сосредотачивается в жилкоммунах, а дети до 16 лет находятся на полном общественном обеспечении и проживают в яслях, детских садах и интернатах закрытого типа.

В Программе оговаривались все социально-бытовые стороны жизни населения соцгорода. Основа жилой застройки – здания жилкоммун со связанными с ними через теплые переходы детскими учреждениями. В системе централизованного культурного обслуживания предусмотрены учреждения культуры и образования: Дворец труда и культуры, в том числе и детский; театр и кино; объединенные в комплекс втуз, техникум и фабзавуч; парк культуры и отдыха со стадионом. Социально-бытовыми услугами предусматривался пищевой комбинат, банно-прачечный комплекс, универмаг, почта, диспансер, больница, гостиница и крематорий. Столь разветвленная система с учетом предполагаемого устройства в окрестностях огородно-молочных совхозов и питомника давала возможность фактически автономного существования соцгорода рядом с историческим Челябинском.

Особый интерес в Программе представляют «Основные положения на составление проекта жилкоммуны», демонстрирующие характерное для конца 1920-х – начала 1930-х гг. стремление к созданию дома-коммуны «переходной эпохи». Такого рода дом-коммуна давал возможность соче-

тания индивидуального проживания и обобществленной системы культурно – бытового обслуживания. Каждая жилкоммуна была рассчитана на 1000 человек взрослого населения, а детские учреждения планировались из расчета на 5000 взрослых. Детально планировочная структура не оговаривалась. Отмечалось лишь обязательное озеленение кварталов и ориентировка фасадов пятиэтажных зданий на запад, юг и восток с устройством плоских крыш для размещения здесь досуговых площадок. Жилые ячейки для взрослых площадью 7 – 9 кв. м были рассчитаны каждая на 1 человека и обеспечены необходимым минимумом оборудования: не только кроватью и тумбочкой, но и столом для занятий, книжным шкафом, «помещением» для платья и белья, умывальником. Ячейка, таким образом, должна была служить не только для сна, но и для индивидуального отдыха и занятий, хранения вещей и личной гигиены. Это было шагом вперед в осознании необходимости «закрытой» личной жизни, в противовес идее абсолютно полного обобществления бытовых процессов, громко звучавшей в дискуссиях 1920-х гг. Для общего пользования предусматривались спортзал, комнаты для индивидуальных и групповых занятий, библиотека – читальня, а также обязательные бытовые службы: кухня для приготовления пищи из полуфабрикатов, столовая и буфеты, уборные (1 очко на 10 чел.), душевые (1 на 10 чел.) и ванны (1 на 50 чел.) комнаты, ларек универмага, починочные мастерские, сберкасса, почта и телеграф.

В соответствии с «Программой...» воспитание детей строилось в большей мере на коллективных началах, особенно в дошкольном, а также младшем и среднем школьном возрастах. Это, с одной стороны, отвечало требованиям новой советской педагогики, с другой – обеспечивало взрослым, прежде всего женщинам, возможность отдавать максимальное время производительному труду на благо Родины. Посещение детей было определено в часы, свободные от работы и «...главным образом в порядке участия в педагогической работе учреждений...». Для дошкольной группы предусматривались ясли (0 – 3 года) и детский дом (3 – 7 лет), школьники должны были быть организованы в коммуны, рассчитанные на 800 чел., подростки старше 16 лет размещены в общежитиях, расположенных в непосредственной близости к предприятию. Все это обосновывалось «соображениями педагогического характера». Однако при таком подходе семейное воспитание фактически ликвидировалось и приоритет во «взрачивании» нового поколения отдавался государству.

Как и «Основные положения...» Нижегородского Автостроя, «Программа...» строительства соцгорода ЧТЗ была изначально разработана в двух направлениях: жилая застройка, рассчитанная на индивидуально-семейное проживание в сочетании с обобществленной системой соцкультбыта, и коммунальное жилье.

В соответствии с «Программой...» проекты Генерального плана и застройки соцгорода ЧТЗ площадью 273 га уже на 50000 жителей интенсивно разрабатывались в течение 1930 г., фактически параллельно с уже начавшимся капитальным строительством. Организация процесса проектирования была возложена на А. Букова и А. Самойлова²³. Уже в феврале 1930 г. (проектировочные работы были начаты в декабре 1929 – январе 1930) архитекторами А. Кратюком, А. Буковым, А. Самойловым, В. Дубовским был представлен общий план увязки рабочего поселка с заводом и городом Челябинском, а также план застройки кварталов домов – коммун и кварталов домов для индивидуально – семейного проживания. Разработан был и эскизный проект дома – коммуны в трех вариантах²⁴. Проектные чертежи сопровождались пояснительными записками, однако в архивах документов не сохранилось, за исключением бесценной в такой ситуации фотографии проектной перспективы соцгорода (1930)²⁵ (ил. 15). Фотография представлена без указания авторов проекта, однако, основываясь на архивных документах, можно предположить, что одним из них являлся А. Буков²⁶.

Представленная в проектной перспективе панорама демонстрирует грандиозный замысел рабочего города на «социалистических началах». Поселение регулярно распланировано, обильно озеленено и благоустроено. Сформирована иерархизированная планировочная структура, точкой отсчета в которой служит заводской комплекс. Магистральная ось протянулась с востока на запад, от промышленной зоны через соцгород к историческому Челябинску. Вдоль магистрали, к югу от нее, вытянулись комплексы общественных учреждений соцгорода. Селитебная территория, расположенная к северу, продольно расчленена на две крупные планировочные зоны. Примыкая к главной магистрали, размещены два квартала с блоками жилкомбинатов. Шесть групп парных, прямоугольных в плане, четырехэтажных жилых корпусов соединены по второму этажу переходами между собой и с двухэтажными общественными блоками. Севернее обширную территорию занимают кварталы домов для индивидуально-семейного проживания со строчной застройкой и квартальной системой соцкультбыта. По оси, перпендикулярной основной магистрали, разделяя надвое зону жилкомбинатов, расположена прямоугольная площадь. Наиболее примечательное сооружение на площади – высотная призма с пирамидальным завершением. Подобное здание было предложено как вертикальный акцент в проекте заводууправления А. Букова и Г. Кириллова²⁷. Возможно, на площади действительно предполагалось размещение управленческой конторы ЧТЗ как городской доминанты, зримо воплощающей роль и значимость градообразующего предприятия.

Полномасштабного воплощения проект не получил, и сравнительный анализ проектного варианта и реализованной застройки позволяет проследить трансформацию идей в реальной практике строительства под влиянием идеологической эволюции и жизненных реалий.

Стоит прежде всего отметить, что не получила соответствующего ее статусу архитектурного решения центральная площадь соцгорода (современная Комсомольская площадь), чему, видимо, помешало отсутствие достойного проекта столь значимого объекта и, конечно, более насущные задачи проектирования и строительства промышленной и селитебной зон. Это очень показательный момент в сравнении с градостроительными приоритетами чуть более позднего времени – середины 1930-х – 1950-х гг., когда акценты сместятся именно в сторону проектирования, архитектурной разработки и первоочередного воплощения центральных репрезентативных ансамблей.

Отвергнутыми оказались жилкомбинаты, на начальном этапе проектирования соцгорода рассматриваемые как приоритетный тип жилища. ВАТО настоятельно рекомендовало взять за образец для строительства жилкоммун в Челябинске «тип дома Нижегородского социалистического города и обязать ЧТС построить не менее двух комбинатов с обобществленными квартирами...»²⁸, однако в дальнейшем от него отказались, признав, что «принятый тип является по существу плохим общежитием казарменного типа с недостаточными удобствами»²⁹. Параллельно разработкой собственного проекта дома-коммуны активно занимались А. Буров и Д. Коган³⁰. На строительный сезон 1931 г. была запланирована постройка двадцати четырехэтажных блоков-коммун³¹, но окончательного, утвержденного проектного варианта так и не было создано. Кроме того, в жилищной политике в 1930 – 1931 гг. постепенно изменялись приоритеты. Это было отражено в Постановлении ЦК ВКП (б) «О работе по перестройке быта» (1930 г.), определившим «немедленное и полное обобществление всех сторон быта трудящихся» как «необоснованные полуфантастические, а поэтому чрезвычайно вредные попытки». По-прежнему поддерживается перестройка быта на социалистических началах, но понимается она теперь исключительно как «развертывание общественного обслуживания быта трудящихся (прачечные, бани, фабрики-кухни, детские учреждения, столовые и пр.)»³².

Стоит заметить, что на строительстве завода в 1930 г. недолговременно существовали самостоятельно организованные молодыми рабочими трудо-бытовые коммуны. Главный их лозунг гласил: «Работать и жить в социалистическом общежитии!». Трудились и жили (в прямом смысле «общежитно» – в бараке) строго по уставу, коллективом, с уравнильным принципом распределения. Примечательно, что коммуны распались

в 1931 г., «лишенные поддержки со стороны партийных и советских организаций»³³. Опоздавшая на несколько лет и теперь неуместная с точки зрения власти инициатива снизу была быстро пресечена в условиях строгой регламентации всех сфер жизни.

В начале 1931 г. постройку домов-коммун в соцгороде ЧТЗ признали несвоевременной, и акцент был перенесен на строительство по типовым проектам домов с квартирами для индивидуально-семейного проживания с «обобществлением бытовых процессов по кварталу»³⁴. На практике реализовывалась установка власти на приоритет многоэтажного многоквартирного типового строительства и формировалась упорядоченная структура планировочных единиц (жилой дом – квартал), отражающая иерархическую систему социальных связей.

В 1930 – 1932 гг. был выстроен первый жилой квартал (один из представленных на проектной перспективе соцгорода), ограниченный в настоящее время улицами Ловина – Горького – I-й Пятилетки – 40 лет Октября. С востока на запад его пересекают также улицы Белостокского и Савина (ил. 16). Прямоугольный в плане крупномасштабный квартал разделен на четыре однотипных по планировке жилых сектора по 8 домов в каждом и с характерной для эпохи конструктивизма строчной застройкой. Простые по форме прямоугольные жилые дома расположены параллельно и ориентированы протяженными фасадами на восток и запад. По двум перпендикулярным центрально – осевым линиям квартала, разбивающим его на сектора, в окружении зелени размещены учреждения соцкультбыта (ил. 17).

Предполагаемое единообразие социального состава жителей и их жизненных устоев делало возможным и необходимым равенство жилищных условий. В 4-этажных с подвалом кирпичных секционных домах (за основу приняты жилые секции Мосстроя)³⁵ квартиры предназначались для семейного или покомнатного заселения. В жилых домах по ул. Савина и Белостокского использованы секции на две (трех- и четырехкомнатные) квартиры на площадке (5 секций); в домах по ул. I-й Пятилетки – секции на три двухкомнатные (2 секции) и две трехкомнатные (3 секции) квартиры на площадке. Средняя площадь двухкомнатных квартир – 46,5 кв. м, трехкомнатных – 72 кв. м, четырехкомнатных – 85 кв. м³⁶. Предполагалось, что двухкомнатные квартиры будут заселяться одной семьей в 3 – 4 человека, а в трех и четырехкомнатных квартирах допустимо расселение двух семей. Из вспомогательных помещений были предусмотрены встроенные шкафы, кухня, туалет и умывальня. При этом кухни рассматривались как временное явление и предполагалось, что они впоследствии будут ликвидированы³⁷. Компенсировать определенные бытовые неудобства, которые, впрочем, таковыми не считались, должна

была изначально запроектированная общественная система соцкультбыта. В домах предполагалось центральное отопление, водопровод и канализация. Внешне фасады жилых домов имитировали признаки «современной архитектуры»: гладкие, без декора стены, прорезанные горизонтальными рядами окон. Монотонность разбивают лишь вертикальные выступы лестничных клеток и балконы на 2 – 4 этажах.

С юга к «буровскому микрорайону» примыкает квартал с так называемых «домов ИНОРСа», предназначенных для иностранных специалистов и инженерно – технического состава ЧТЗ (1932 – 1933) (ил. 16, 17). Квартал ограничен улицами Ловина – Горького – пр. Ленина – 40 лет Октября. Восемь домов квартала выстроены по типовым проектам ИНОРСа 1931 г., на месте, предполагаемом ранее для размещения жилкомбинатов. Четырехэтажные кирпичные секционные дома имели прямоугольный в плане протяженный основной корпус и боковые крылья. В 48 трех- (около 63 – 77 кв. м) и четырехкомнатных (около 87 кв. м) квартирах были предусмотрены просторные прихожие, большие кухни (7 – 8,5 кв. м.), отдельные санузел и ванна. Это было своеобразной уступкой работникам «непролетарского происхождения» (тем более что на стройке работали инженеры из Германии и США³⁸), неспособным пока осознать всей прогрессивной роли обобществления бытовых процессов.

Квартальный обобществленный сектор должен был включать детские ясли и сады, школу, клуб-столовую, детские и спортивные площадки. В 1931 – 1933 гг. были выстроены детские ясли (ул. Белостоцкого 7 б, современный детский сад № 37; частично перестроены); две небольшие школы на 320 человек каждая (ул. I-й Пятилетки, 27 и ул. Савина, 8 (разрушены в 1990-е гг.)); клуб – столовая (ул. Горького, 10, современная Администрация Тракторозаводского района; частично перестроена). Клуб-столовая был своеобразным общественным центром микрорайона с системой культурного (читальня, комнаты для кружковых занятий, танцзал и т.п.) и бытового (столовые залы, продмаг, парикмахерская) обслуживания.

В Основных положениях к планировке второй очереди поселка при ЧТЗ (1931)³⁹ представлена программа проектирования второго квартала на 32 жилых дома, по своему архитектурно-планировочному решению схожего с первым, но с некоторыми существенными изменениями. Новый квартал так и не был выстроен, но текст программы представляет самостоятельную ценность, отражая концепцию проектирования.

Жилые дома предполагались лишь с секциями трехкомнатных квартир, площадью от 36 до 63 кв. м. Причем квартир с минимальной площадью, рассчитанных на отдельную семью, планировалось лишь 20 %. И хотя в документе отмечается, что «при дальнейшем улучшении культур-

но-бытовых условий каждая квартира предназначена для заселения одной семьей 4 – 7 человек», жизненные реалии в обозримой перспективе заставляли проектировать квартиры для коммунального заселения.

Отсутствие коллективного жилища компенсировалось укреплением коллектива более крупной «хозяйственно-бытовой единицы»⁴⁰ – квартала, путем «большого приближения общественного сектора к населению». В центре проектировалась площадь, являвшаяся средоточием административных и партийных органов – райсовета, райкома партии, управления милиции и прокуратуры, нарсуда, профсоюзов, – размещенных в одном здании (что уже само по себе примечательно с точки зрения правового разделения административных, правовых, идеологических и иных функций). Единение государства, партии и народа представлено в зримом воплощении.

На каждый из четырех комплексов, состоящих из 8 жилых домов, предусматривался также отдельный общественный центр – столовая-распределитель с совмещенными клубными и хозяйственными функциями. Кроме того, в центре квартала располагался дополнительно единый общеквартирный зал с примыкающим стадионом и спортивными площадками. Предполагалась и система воспитательных учреждений – четверо яслей, в среднем каждые на 120 человек и одна на квартал крупная фабрично-заводская семилетка на 960 чел. Сфера обслуживания дополнялась также и необходимыми лечебно-профилактическими учреждениями – диспансером и родильным домом.

В документе примечательным и характерным является также подробное описание распределительной системы, как в капле отражающей регулятивно-распределительные функции плановой экономики, определяющие и характер социальных отношений. Не удивительно, что так много внимания уделяется в проектных документах этому аспекту: в условиях жесткой регламентации, в том числе и сферы потребления, необходимо было наиболее рационально организовать эту систему во избежание социального напряжения.

Основная роль системе распределительного обслуживания в квартале отводится столовым-распределителям (на каждый из четырех внутриквартальных комплексов). Во-первых, здесь осуществляется централизованное обеспечение питанием из блюд, производимых фабрикой-кухней, а в качестве дополнения трудящимся предлагаются распределительные продовольственный и промтоварный магазины. При этом магазины сориентированы на систему предварительных заказов и на распределение товаров повседневного потребления. Для получения продукции, которая, по представлениям теоретиков, «приобретается один – два раза в год (платье, обувь и пр.)», предусматривается только один на соцгород централь-

ный универмаг. В здании столовой-распределителя предполагаются также парикмахерская, прачечная, сушилка, починочная мастерская и даже сберкасса (где, в том числе, осуществляется негласный контроль за денежными средствами трудящихся и аккумулируется денежная масса для инвестирования в развитие производства).

Анализируя подобного рода проектные документы, можно проследить, как намечался путь перехода в селитебной застройке соцгородов от крупномасштабных и громоздких жилкомбинатов к квартальному и микрорайонному проектированию, принципы которого сформировались во многом под воздействием идей «социалистического общежития».

Стоит сказать, что проектирование и строительство капитальных домов продвигалось медленно и застройка одного квартала не могла решить проблемы расселения строителей и рабочих ЧТЗ, большая часть которых по-прежнему жила в бараках и землянках, а ВАТО требовало строить в основном не капитальное жилье, а двухэтажные дома облегченной конструкции с печным отоплением наружным водопроводом (колонками)⁴¹. Через несколько лет после начала строительства, в 1935 г., только около 40% работников завода имело жилплощадь в постоянном фонде⁴².

Если квартал обладал первичной системой культурно – бытового обслуживания, то более разветвленная обслуживающая и распределительная сеть была рассчитана на весь соцгород (ил. 17). В соцгороде ЧТЗ объекты соцкультбыта располагались компактно, в зоне между предприятием и селитебной частью, в непосредственной близости от жилого комплекса, охватывая его с востока и юго-востока вдоль современных улиц 40 лет Октября и пр. Ленина. Основная часть объектов была выстроена в 1930 – 1933 гг., полностью застройка была завершена во второй половине 1930-х – 1940-е гг.

На одной оси, южнее пр. Ленина, вдоль ул. 40 лет Октября размещен так называемый «комплекс КБС» (культурно-бытовое строительство). Он включал фабрику – кухню (1932 г.) и банно-прачечный комбинат (1932 г.). Фабрика-кухня рассматривалась во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. не просто как автоматизированное и стандартизированное производство, облегчающее и ускоряющее процесс массового приготовления блюд в больших масштабах, но и как важное общественное заведение, активно влияющее на формирование коммунистических принципов быта, способствующее отмиранию индивидуального домашнего хозяйства. В Челябинске фабрика-кухня, рассчитанная на производство 100 тыс. порций в сутки, объединяла прямоугольное в плане двухэтажное здание столовой и магазина полуфабрикатов (пр. Ленина, 9, современное кафе «Восток» и общественные учреждения) и обширное, прямоугольное в плане одноэтажное сооружение собственно кухни для приготовления

блюд (ул. 40 лет Октября, 29), находящееся ныне в аварийном состоянии. От банно-прачечного комбината сохранилось только 4-этажное здание бани (ул. 40 лет Октября, 31, современная баня № 22).

Для обучения и воспитания детей и молодежи, кроме детских яслей, детских садов и школы первой ступени в квартальном комплексе соцкультбыта, на весь соцгород была предусмотрена система общего и профессионального образования. Параллельно с застройкой жилого комплекса было выстроено здание школы второй ступени (арх. М. Лежень, 1935 г., пр. Ленина, 13, современное МОУ № 48). К востоку от зоны КБС и в непосредственной близости от промзоны располагается здание бывшего фабрично-заводского училища (ФЗУ ЧТЗ, 1931 г., пр. Ленина, 5; современный к/т «Кировец» и часть административного комплекса ЧТЗ). Сложное по конфигурации сооружение совмещает трехэтажный учебный корпус с общежитием и расположенные за ним двухэтажные здания мастерских, соединенные переходом. В 1933 г. было выстроено также крупномасштабное здание фабрично-заводской семилетки (ФЗС ЧТЗ, ул. 40 лет Октября, 21; современное ПТУ № 1). Первоначально предполагалось строительство единого Профтехкомбината Челябинского тракторостроя. Проект был создан в 1930 – 1931 гг. группой архитекторов – В.М. Воробьевым, Г.И. Луцким, С.А. Лисагором, Ф.И. Михайловским, Г.Г. Савиновым – под руководством и при определяющей роли М.И. Гинзбурга. Проект не был воплощен, однако сохранившиеся проектные материалы и пояснительная записка предоставляют неоценимую возможность проследить творческое кредо М.И. Гинзбурга и в целом – особенности конструктивистского метода⁴³.

Система культурного обслуживания коллектива трудящихся соцгорода должна была быть сосредоточена в клубном комплексе, проект которого был создан А. Буровым и Г. Кирилловым и осуществлен частично. Сохранилась пояснительная записка к проекту⁴⁴, а также доступны для анализа лишь генеральный план и перспектива клубного комплекса, опубликованные в журнале «Советская архитектура» в 1933 г.⁴⁵, фото которых хранятся также в архивных фондах научно – исследовательского музея архитектуры им. А. Щусева⁴⁶. Комплекс предполагался из пяти отдельно стоящих корпусов – театра на 1200 чел, здания с кружковыми помещениями, спортзала, пионерского клуба с детскими комнатами и кинозала на 400 чел. Таким образом, комплекс максимально охватывал разнообразные формы клубной работы, имеющие приоритетной целью образование, просвещение и идеологическое воспитание подрастающего поколения и разноликой рабочей массы, цементируя ее в сплоченный пролетарский коллектив.

Вышеназванными задачами предопределены структурные элементы выстроенного двухэтажного «корпуса с кружковыми помещениями» (1933 г., современный клуб ЧТЗ, пр. Ленина, 8). В правом крыле первого этажа был выделен библиотечный сектор с группой соответствующих помещений: книгохранилище, читальный зал, комнаты громкого чтения и др. В левом крыле – «научный блок» с производственными лабораториями, аудиториями для занятий и небольшим залом – лекторием. На втором этаже справа разместился «общественно – политический блок» с секторами молодежного и женского движения, политпрофом и т.п., а в левом крыле сосредоточены клубы по интересам. Интересен «бескоридорный» принцип размещения этих помещений, которые запроектированы выходящими на первом этаже в обширный квадратный холл, а на втором – на опоясывающий этот холл балкон. Холлы в сочетании с соединяющим их центральным блоком-«перемычкой» (где размещены вспомогательные помещения) образуют композиционную структуру здания.

В 1932 г. был также выстроен одноэтажный киноклуб (пр. Ленина, 10, современный театр ЧТЗ), который был реконструирован в 1946 г. в неоклассической стилистике. Примечательно, что зрительный зал, фланкированный обширными фойе, имел небольшую сцену, обладая дополнительной (и не менее значительной) функцией проведения общественных мероприятий. Подобная функция как одна из основных предполагалась в нереализованном проекте театрального здания, решенного в соответствии с принципами театра «массового действия». Здесь планировалась трехсторонняя главная сцена с вращающейся сценической площадкой и боковые сцены, которые могли быть использованы в случае классической постановки или собрания для зрительских мест. Параболические формы потолка и расходящиеся стены зала должны были создать наилучшие акустические условия⁴⁷. В целом клубный комплекс, расположенный в проекте на оси главного бульвара соцгорода и парка, должен был стать пространственным ядром всей досуговой жизни.

Таким образом, в соцгороде была сформирована ступенчатая система социально-бытового и культурного обслуживания, характерная для индустриальной эпохи, с территориальной привязкой этой иерархизированной структуры к месту постоянного проживания. Это, в свою очередь, «закрепляло» работников не только близостью места приложения труда, но и зависимостью от системы распределения и обслуживания, вне которой существование становилось весьма затруднительным. Все это, в отличие от традиционной российской городской среды, подкреплялось и идеологическим фактором – ощущением себя как части большого коллектива, что постоянно поддерживалось всеми агитационно-пропагандистскими средствами. Таким образом, человек включался в систему заданных и за-

крепленных производственных и социальных отношений как по своему искреннему желанию, так и оказавшись заложником жизненных обстоятельств.

Если затрагивать архитектурно-стилистическую сторону застройки соцгорода, то в целом это конструктивистские формы, в полной мере соответствующие представлениям о простоте и функциональности истинно пролетарской архитектуры. Однако в большинстве случаев можно говорить лишь о внешней стилизации. Первоначально, в 1930 г., применялись сборные железобетонные конструкции, например, при строительстве ФЗУ. Однако Постановлением № 1601 Президиума ВСНХ СССР от 17.11.30. было «в целях достижения в строительстве всемерной экономии дефицитных стройматериалов категорически воспрещено применять в жилых, культурно – бытовых и обслуживающих зданиях профильное железо, проектировать и строить их с железными и железобетонными каркасами и перекрытиями»⁴⁸. В декабре этого же года последовало соответствующее указание ВАТО заменять железные и железобетонные конструкции более дешевыми и доступными материалами, в том числе кирпичом⁴⁹. И хотя изначально предполагалось строительство с использованием железобетонной каркасной системы⁵⁰, большая часть сооружений соцгорода была выстроена из кирпича и, соответственно, лишь с внешней имитацией конструктивистских форм, в первую очередь – ленточного остекления. Однако фрагментарно конструктивные основы «современной архитектуры» были использованы. Так, при строительстве учебного корпуса и мастерских ФЗУ использован железобетонный каркас и применено сплошное остекление, в жилых домах «буровского микрорайона» и домах ИНОРСа, зданиях ФЗС и клуба ЧТЗ применены в качестве несущих элементов кирпичные на цементном растворе столбы-опоры, между которыми установлены легкие поперечные кирпичные стены и деревянные оштукатуренные перегородки. Большинство сооружений отличается центрально-осевым построением и компактностью, что мало соответствует определяющему функциональному методу конструктивизма. Таким образом, реализованные сооружения соцгорода скорее выполнены в «трафаретах нового стиля»⁵¹, столь осуждаемых теоретиками конструктивизма и столь распространенных на рубеже 1920-х – 1930-х гг.

В целом крупномасштабный промышленно-селитебный комплекс ЧТЗ, выстроенный на рубеже 1920-х – 1930-х гг., – яркий образец воплощения идеи соцгорода, несущий и плюсы и минусы этой системы расселения, демонстрирующий эволюцию принципов организации новой советской жизни на конкретно-историческом примере.

РАЗДЕЛ III

ОБРАЗ СОВЕТСКОГО ГОРОДА В ГЕНЕРАЛЬНЫХ ПЛАНАХ 1930–1960-х ГОДОВ

ГЕНПЛАН ОРСКА 1935 ГОДА: РАЗРАБОТКА И ВОПЛОЩЕНИЕ

Е.В. Нижник

Первый после окончания гражданской войны градостроительный план Орска был разработан в 1928 г. В то время Орск был центром района с населением 13591 человек (по данным 1926 г.) Город располагался на левом берегу Урала, чуть выше устья р. Орь. Промышленность была представлена мельницами, просорушками, механической хладобойней с пропускной способностью 150 голов скота в сутки, двумя хлебопекарнями, спиртоводочным заводом производительностью 150 ведер в сутки, электростанцией мощностью 82 лошадиные силы, механической мастерской по ремонту сельхозинвентаря¹. По сути, этот план был проектом переноса города на другое место. Причина переноса – постоянная угроза затопления Орска во время весеннего наводнения. Городские власти опасались, что «в сильный паводок Урал пророеет новое русло по середине Орска и большая часть его будет разрушена и смыта водой»². На укрепление берегов Урала нужно было затратить огромные средства, которыми город не располагал. А потому президиум горсовета и Оренбургский губисполком «признали целесообразным отступить перед стихией, перенести город на новое место, близ станции Орской ветки Ташкентской ж. д.»³. Предполагалось, что в дальнейшем город будет развиваться на Кумакской возвышенности. Новый Орск должен был занимать территорию примерно 1 тыс. га, а общее количество населения согласно плану должно насчитывать до 100 тыс. чел. В целях экономичности транспорта предполагалось использовать в основе планировки радиальную систему с прямоугольным заполнением в секторах. Промышленный район по этому плану предполагалось разместить в юго-восточной подветренной стороне города возле железной дороги со стоком поверхностных вод от города. В плане не упоминалось, какие промышленные предприятия предполагалось построить в новом городе.

План был утвержден президиумом Оренбургского губисполкома 12 мая 1928 г. Предполагалось, что переход на новое место будет происходить на протяжении десятков лет и к 1933 г. население нового города составит не более 3 – 4 тыс. человек⁴. Этот план так и не был воплощен. 13 июля 1931 г. Малый президиум Средне-Волжского краевого исполко-

ма Советов постановил признать «перенос г. Орска на новое место нецелесообразным»⁵.

А вскоре рядом с Орском было решено соорудить ряд крупных промышленных предприятий и построить при них города. По предварительному проекту районной планировки Орско-Халиловского района предполагалось использовать для этого площадки к юго-востоку от Орска, к северо-западу – Кумакскую территорию в районе нынешнего г. Новотроицка (так называемый Халиловский узел), а также площадку в долине р. Елшанки, правом притоке Урала. Дальнейшая судьба самого Орска какое-то время оставалась неопределенной. В то время как представители Промстройпроекта считали «совершенно нежизненным возможность дальнейшего развития старого г. Орска», руководство Средне-Волжского края настаивало на реконструкции города, имеющего «значение административно-культурного районного центра»⁶. В 1932 г. правительственная комиссия Наркомата тяжелой промышленности решила на одной из этих площадок, на левом берегу Елшанки, в нескольких километрах от г. Орска, разместить строительство Локомотивостроительного завода⁷.

К разработке генплана города при этом предприятии были привлечены европейские архитекторы, прибывшие в СССР в конце 1930 – начале 1931 гг. в группах Эрнста Мая и Ханнеса Майера. Проект разрабатывался в мастерской № 3 Горстройпроекта под руководством Ханса Шмидта, швейцарского архитектора, члена группы Э. Мая⁸. В 1933 г. руководителем проектной группы был назначен нидерландский архитектор, также соратник Э. Мая Март Стам⁹. В состав проектировщиков входили также Лотта Беезе (Нидерланды), Конрад Пюшель и Филипп Тольцинер (Германия), Тибор Вайнер (Венгрия). Генеральный план Х. Шмидта и М. Стама разрабатывался в русле концепции соцгорода, определявшей градостроительные поиски на рубеже 1920-х – 1930-х гг.

Поиск места для города осуществлялся в условиях уже начавшегося строительства не только локомотивостроительного, но и нефтеперегонного завода, решение о размещении которого было принято в 1932 г. Поэтому у проектантов было не так много вариантов для того, чтобы выбрать удобное место для 130-тысячного города, отвечающее основным требованиям: расположение вблизи заводов и при этом в здоровой местности. Территория для жилой зоны была найдена на правом берегу р. Елшанки к западу от промплощадки. Это была довольно узкая долина, ограниченная с востока р. Елшанка, с юга – поймой р. Урал и с запада – горной возвышенностью¹⁰. Новый Орск должен был занимать территорию 900 га. Плотность населения запланирована в 145 человек на 1 га¹¹. Правда, эта территория была недостаточно исследована. Только в 1933 г. пробурено несколько скважин на территории будущего соцгорода Орска

с целью изучения геологической и гидрогеологической характеристик. Плохо выясненный вопрос о грунтовых водах заставил проектантов выбрать воды рек Урал и Орь в качестве основного источника питьевой и технической воды. Для этой цели планировалось соорудить водохранилища на р. Урал в районе поселка Первомайского и на р. Орь. Кроме того, для Орского промышленного комплекса планировалось, как видно из пояснительной записки схемы водоснабжения, устройство группы водохранилищ, среди которых, кроме упомянутых, Ириклинское в 70 км выше по течению р. Урал, Губерлинское – ниже по течению р. Урал, в районе поселка Хабарного, а также на р. Елшанка (для полива зеленых насаждений города)¹².

В январе – феврале 1934 г. состоялась промежуточная экспертиза проекта планировки. В заключении Орского райплана было отмечено, что разработка проекта ведется в условиях, когда районная планировка еще не закончена. Тем не менее выбранный участок в данных условиях, по мнению эксперта, единственный и его надо принять. Как положительный момент отмечено, что он находится с наветренной стороны от заводов. Однако эксперта смущала протяженность будущего города, и с целью ее сокращения было предложено изучить возможность освоения западной части площадки, где имеются выходы скальных пород. Наибольшие претензии были высказаны к архитектурному оформлению. По мнению автора заключения, оно «носит слишком казарменный характер при одновременной очень большой скученности населения»¹³. Было высказано опасение, что «дома, расположенные поперек направления господствующих ветров <...> будут мешать проветриванию города», что в этих домах будут сильные сквозняки. Не нравилось автору заключения и то, что город был спроектирован так, что «не позволяет никакой части населения иметь свои индивидуальные подсобные сельскохозяйственные занятия (огороды, фруктовые садики и прочее)»¹⁴. Несмотря на все недочеты, было признано необходимым приступить к строительству этого города не позднее весны 1934 г., так как идти дальше по пути временного барачного строительства не представлялось возможным из-за дороговизны, невозможности обеспечить санитарно-гигиенический минимум, что срывало создание постоянных кадров строительных и эксплуатационных рабочих¹⁵. Проект обсуждался и сектором планировки научно-технического совета Наркомхоза РСФСР, который также высказал ряд замечаний.

Через полгода, 25 июня 1934 г. сектор планировки научно-технического совета Наркомхоза РСФСР вновь вернулся к обсуждению проекта планировки, окончательно утвердив плановые задания и схему распределения территории соцгорода. Система г. Орска трактовалась как отдельный централизованный город, входящий в состав группы городов

Орско-Халиловского района и связанного с ними по линии транспорта, энергетики, водоснабжения, канализации, хозяйственной и культурно-политической жизни¹⁶. В то же время в решении указывалось, что среди вопросов районных связей особенного внимания заслуживает проблема реконструкции старого г. Орска и его взаимоотношения с новым Орском, которые будут меняться по мере развития нового города. В первой половине 1930-х гг. старый Орск был местом жилья части работающих на новостройке. По мере роста Нового города предполагался перенос туда административного центра из старого Орска, развитие которого в дальнейшем намечалось по линии обслуживания сельского хозяйства. Оценивая место для нового города, автор санитарного заключения отмечал, что размещение города в сравнительно узкой долине р. Елшанки, вблизи впадения ее в заболоченную пойму р. Урал, защищенной с востока и запада довольно крутыми склонами холмов с отметкой до 300 с лишним метров, т. е. возвышающихся над уровнем долины Елшанки на 75 – 100 м, имеет как положительные, так и отрицательные моменты. К последним относятся повышенная влажность в долине, возникновение условий ускоренных воздушных потоков при наличии ветров северных и южных направлений, а также девиации западных и восточных ветров и, следовательно, задымление и загрязнение газовыми отходами городской территории. Этого загрязнения атмосферы в пределах города можно ожидать как при восточных (северо-восточных) ветрах со стороны Локомотивостроительного, нефтеперегонного заводов, теплоэлектроцентрали, так и с большей вероятностью со стороны предприятий Халиловского узла при ветрах западных направлений. Наличие болот в долинах Елшанки и Урала, резкие колебания уровня воды в этих реках могли создать малярийную опасность для нового города¹⁷.

Что касается собственно архитектурной части проекта планировки, разработанного под руководством М. Стама и Х. Шмидта к 1934 г., то в нем использован принцип линейного города, расположившегося вдоль паркового пояса по берегам р. Елшанки, отделявшего селитебную часть от промзоны. Непосредственно вдоль зеленой полосы предполагалось разместить общественные учреждения, а за ними широкой полосой с юга на север жилые дома, сгруппированные в кварталы. На эскизной планировке отсутствовали четко выраженные главные городские магистрали¹⁸.

Наиболее спорным в проекте, по мнению эксперта П. Гольденберга, было «эксцентричное расположение городского центра <...> между жилой и индустриальными зонами»¹⁹. К тому же разработчики, по его мнению, свели функции районных центров только к обслуживанию физических нужд населения (баня, прачечная, кафе, ресторан).

Итогом обсуждения планировки соцгорода Орска стали рекомендации

переработать районирование города: разместить городской центр в центре селитебной территории, организовать районные центры в северном и южном жилых районах, переработать сеть магистралей, индивидуализировать решение жилых кварталов, расположить школы в центрах обслуживаемых подрайонов, перенести больницу с малярийной поймы Урала на северо-западную периферию города, перераспределить зеленые насаждения²⁰.

После отъезда М. Стама в конце 1934 г., руководство дальнейшим планированием принял на себя Х. Шмидт. В несколько переработанном варианте он сохранил прямоугольно-решетчатую структуру, расчленив территорию города на три части двумя клинообразными зелеными полосами. Х. Шмидт отказался от идеи создания единой центральной площади, подразделив городской центр на два – административный и культурный, разместив их в этих клиньях. Общественные здания свободно размещались в зеленой полосе.

23 апреля 1935 г. сектор планировки НТС вновь рассмотрел схему распределения территории г. Орска. На обсуждение было представлено два варианта: первый – архитектора Х. Шмидта, второй – архитектора Мейерсона. При сопоставлении этих вариантов решено, что второй вариант дает более компактное размещение селитьбы, более четкую схему магистралей, принципиально правильное решение организации одного общегородского центра²¹. Вместе с тем в экспертном заключении архитектора Нэсиса говорилось, что к недостаткам проекта Мейерсона следует отнести отсутствие достаточно глубокого знания рельефа. Это привело к тому, что кварталы не увязаны с рельефом местности, игнорированы глубокие овраги на территории города, а зеленые насаждения запроектированы на скалистой возвышенности. В результате анализа представленных вариантов сектор признал возможным для дальнейшей работы над проектом принять вариант Мейерсона, предложив проектирующей организации:

а) сохраняя в принципе территориальное размещение общегородского центра, намеченное схемой, учесть в архитектурном отношении расположение главной площади города к западу от основной магистрали с открытием перспективы на р. Елшанку;

б) сетку городских улиц увязать с рельефом местности, тщательно прокорректировав продольные профили магистралей;

в) обеспечить более удобную и достаточно развитую связь жилых районов города с промышленными предприятиями путем трассировки дополнительных магистралей;

г) пересмотреть размеры кварталов в сторону значительного их уменьшения (до 6 – 7 га);

д) считая неосуществимым озеленение западной части города, где скальные грунты, следует отказаться от организации в указанной полосе районных парков культуры и отдыха;

е) увеличить количество зелени в городе путем внедрения в жилые районы зеленых полос;

ж) так называемое аварийное строительство осуществлять в объеме, не превышающем потребности фактических аварийных кадров;

з) допуская в принципе возможность освоения под строительство полосы к юго-западу от Локомотivостроительного завода, отметить необходимость всемерного ограничения объема, разрешив его лишь для застройки зданиями, необходимыми в непосредственной близости к производству²².

Видимо, в соответствии с рекомендацией эксперта дальнейшую разработку поручили вести Г. Шмидту, хорошо изучившему все особенности планируемой территории и поставленные задачи.

В генеральном проекте планировки, подготовленном в ноябре 1935 г., группа Г. Шмидта сохранила прямоугольно-решетчатую структуру (ил. 18). Проектанты отказались от освоения участков в северной части города за счет занятия южных²³, несмотря на то, что они находились в зоне, затопляемой во время катастрофических наводнений. Выполняя рекомендации сектора планировки НТС НККХ РСФСР, они изменили размещение всех общественных зданий, поместив их на поперечной оси, соединяющей жилую зону с промышленной, превратив ее таким образом в полноценный городской центр. В широкой полосе от р. Елшанки до подножья горной возвышенности предусматривалось размещение Дома Советов, Дома хозяйственных организаций, Дома кредитных учреждений, Дома обороны, Дома НКВД, центрального Дома культуры, Детского дома культуры, музея, театра, центральной библиотеки, вузов. В плане четко выделены главные улицы, одна из которых должна идти с севера на юг, а другая – с запада на восток и соединять центр города с промышленной зоной. Несколькими кварталами севернее и южнее главного центра были запланированы районные центры. К западу от центрального района запланирован больничный городок, в состав которого входили соматическая, инфекционная, туберкулезная, психиатрическая, детская соматическая, акушерско-гинекологическая больницы, роддом. А в южной части города, у реки Урал, – парк культуры и отдыха с сетью бульваров и спортивных сооружений. Район парка был уязвим с точки зрения опасности затопления во время катастрофического весеннего половодья, которое происходило раз примерно в 10 лет. Поэтому проектанты предложили сделать обваловку парка. С целью оздоровления местности предлагалась ликвидация стариц с помощью засыпки водоемов. Наряду с основной

площадкой проектом предусматривалось строительство аварийных поселков при заводах, население которых должно было составить 7 тыс. человек²⁴.

Город предполагалось застраивать 4-5-6-этажными домами с полным благоустройством. Их размещение сочетало открытую строчную застройку с периметральной. Норма жилой площади на одного жителя была принята в размере 9 кв. м к концу проектного периода. Для сравнения: в 1936 г. средняя норма жилья по отдельным при заводским поселкам Орска колебалась от 2,7 до 4,5 кв. м на одного человека. Средняя плотность населения планировалась 440 чел./га²⁵. Строительство города предполагалось вести в 4 этапа: 1 очередь – 1935 – 1937 гг.; 2 очередь – 1938 – 1942 гг.; 3 очередь – 1943 – 1947 гг., 4 очередь – 1947 г. В первую очередь предполагалось застраивать четыре квартала вдоль р. Елшанки севернее и южнее центра города (кварталы № 6, 8, 10, 12), затем 15 кварталов к югу и западу от уже построенных (кварталы № 1, 2, 3, 4, 5, 7, 9 и др.), в том числе индивидуальный поселок, место для которого было выбрано в юго-восточной части города, в третью очередь планировалось построить 8 кварталов²⁶.

В качестве общественного транспорта был предложен автобус, однако в дальнейшем предусматривалась возможность пуска трамвая. Для железнодорожного сообщения с другими городами намечены 2 пассажирские станции: одна в северной части города, на 314 км Оренбургской линии (в районе современного поселка ТЭЦ), другая – в южной, на пассажирской соединительной ветке²⁷. Предполагалось, что кроме уже существующей ж. д. магистрали «Оренбург – Орск – Челябинск» будут построены линии «Орск – Акмолинск – Караганда», «Орск – Магнитогорск», что превратит Орск в ж. д. узел. К северу от города, у пос. Круторожино, был запланирован аэродром.

Разработчики увязали темпы строительства города с планом пуска в эксплуатацию предприятий Орского комплекса и ростом населения. В краткой пояснительной записке к генплану приводится таблица численности работающего населения на конец каждой очереди строительства города. Предполагалось, что постоянное население будет расти следующим образом: к 1938 г. – 36 тыс. чел.; к 1943 г. – 129 тыс. чел.; к 1948 г. – 155 тыс. чел. При этом количество временного населения, связанное со строительством промышленности, должно постепенно сокращаться. Если в 1938 г. оно должно было составлять 65 тыс. чел., то в 1943 г. – 50 тыс. чел., а в 1948 г. – 6 тыс. чел.²⁸. Разработчики предусмотрели и возможность расширения города на север в долине Елшанки. Окончательно генплан был утвержден и принят к исполнению Постановлением СНК РСФСР № 1666 от 27 ноября 1936 г.

Еще до утверждения генплана начал застраиваться квартал № 8 (ил. 19). Сейчас он находится к северо-востоку от главной площади города и ограничен с юга проспектом Мира, с запада – проспектом Ленина, с севера – переулком Музыкальным. Технический проект квартала был создан еще под руководством М. Стама и воплощал представления градостроителей – функционалистов о квартале как первичном элементе селитебной зоны, где сочеталась жилая застройка с элементами системы обслуживания. Наряду с жилыми домами в нем запроектированы детские ясли, детсад, средняя школа, столовая, клуб, продовольственный магазин, площадки для отдыха. Во второй половине 1934 г. были разработаны проекты отдельных зданий. Так, первый в городе 5-этажный дом (пр. Мира, 26) спроектировал Т. Вайнер²⁹, 3-этажные жилые дома по пер. Музыкальному, 4, 6, 10 – архитектор Абрахам³⁰. Тогда же были заложены фундаменты домов и детских учреждений в южной части квартала. На всех этапах проектирования и уже во время строительных работ в квартале № 8 архитектурно-художественное решение квартала подвергалась критике: монотонная строчная застройка, производящая удручающее впечатление; архитектурное безразличие в трактовке фасадов; казарменный стиль застройки – вот оценки, которые давали эксперты. На заседании сектора планировки НТС от 23 апреля 1935 г. проектантам было предложено переработать часть квартала, которая еще не начала застраиваться: устранить торцевое решение угловых зданий, максимально озеленить детские учреждения³¹. В окончательном варианте на восточной стороне квартала, выходящей на р. Елшанку, фасадом к магистрали были размещены несколько зданий. Таким образом, экспертные оценки отразили уже новые подходы к принципам планировки и застройки жилой зоны, приходившие в 1930-е гг. на смену концепциям «современной архитектуры».

Пока шла разработка планировки соцгорода, на площадках орских новостроек полным ходом сооружались промышленные предприятия. Так как строительство соцгорода отставало от потребностей, строители и постоянные рабочие расселялись во временных поселках вблизи заводов. К осени 1936 г. в квартале № 8 было построено всего 3 дома, строилось еще 7. В то же время население новостроек достигло 31 тыс. человек³², подавляющая часть которых жила в бараках. В 1937 г. в связи с консервацией Локомотивстроя строительство в квартале № 8 было передано никель-комбинату и на некоторое время заглохло. В проекте письма Председателя Оренбургского облисполкома К.Е. Васильева Председателю СНК СССР В.М. Молотову, подготовленного в январе – феврале 1937 г., были такие строки: «В связи с тенденцией «Главникельолово» строить жилье вблизи Никелевого комбината, финансирование строительства Соцгорода в 1937 г. совершенно прекращается»³³. Дело в том, что параллельно с

генпланом соцгорода отраслевыми организациями велись планировка и строительство поселков при строящихся заводах. Очень часто при этом стремились приблизить поселки к проходной, не считаясь с санитарными нормами и зонами разрыва между вредными цехами и жильем. Ведомства, не очень заинтересованные в Соцгороде, неоднократно поднимали вопрос о его ненужности. Однако вскоре строительство в районе Соцгорода возобновилось: в 1938 – 1941 гг. были достроены заложенные ранее жилые дома, возведено несколько домов и клуб, но уже не по имеющемуся генплану. В одном из жилых домов по пер. Музыкальному была размещена поликлиника, 3-этажный жилой дом по нынешнему пр. Мира был приспособлен под больницу, которая просуществовала там до начала 1960-х гг.

Таким образом, к концу 1930-х гг. вместо компактного благоустроенного «города будущего» на правом берегу Урала выросло несколько временных барачных поселков, расположенных в экологически опасных зонах и отстоящих друг от друга на несколько километров. К тому же большая часть поселков Локомотивстроя и никелькомбината находились в месте, затопляемом во время катастрофических наводнений, что и подтвердилось в 1942 и 1957 гг. А квартал № 8 с капитальными благоустроенными домами стоял как островок светлого будущего. Во время Великой Отечественной войны эта тенденция только усилилась. В город было эвакуировано оборудование 20 предприятий, население увеличилось более чем на 30 тыс. человек³⁴, для жилья строили преимущественно бараки рядом с поселками при заводах.

В 1940-е гг. было решено не возвращаться к генплану 1935 г. В 1946 г. был разработан новый генплан, в котором тем не менее угадываются планировочные решения прежних разработок, так, линии главных магистралей были намечены примерно там, где и в предыдущем плане. В нем также сохранилось расположение центра города, больничного городка. Правда, временные при заводские поселки, с которыми шла борьба в 1930-е гг., стали в новом плане неотъемлемой частью нового города.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ ПЛАНИРОВКИ И СТРОИТЕЛЬСТВА ШАХТЕРСКИХ ГОРОДОВ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ 1935 – 1936 ГГ.*

С.А. Баканов

Обширное угольное месторождение в окрестностях Челябинска было открыто в 1832 г., а его промышленное освоение началось с 1907 г., когда на территории станицы Тугайкуль были заложены первые шахты, вокруг которых стали возникать рабочие поселения: Козыревские, Тугайкульские, Пустошь-дорожные, Давыдовские, Серго-Уфалейские, Сухомесовские и Дударевские копи¹. К 1914 г. непосредственно на добыче угля на копиях было занято 645 человек и еще около 2 тысяч человек – на вспомогательных (поверхностных) работах. Общая же численность населения копей составляла в это время около 4,5 тыс. человек. В 1918 г. национализированные и объединенные копи получили название «Народные каменно-угольные копи Челябинского района». Перепись 1926 г. зафиксировала в качестве населения копей около 9 тыс. человек. Начавшийся с 1928 г. рост объемов добычи угля на действующих предприятиях и открытия, сделанные геологоразведкой на рубеже 1920 – 30-х гг., существенно улучшили перспективы развития месторождения и связанного с ним поселка. Начался быстрый приток рабочей силы, приведший к значительному росту населения копей.

27 августа 1928 г. поселок Копи в ряду других рабочих поселений Южного Урала был отнесен к числу поселков городского типа. В 1932 г. он становится центром Копейского района, образованного из частей упраздненных Челябинского и Еманжелинского районов. Площадь района составляла 20,6 тыс. кв. км, а численность населения на 1934 г. определялась в 87,4 тыс. жителей. На территории Копейского района находилось 45 сельских поселений с населением 16,7 тыс. человек и несколько рабочих поселков: Копейск – 44,3 тыс. жителей, Горняк – 4,9 тыс., Северный – 3,9 тыс., Коркино – 7,8 тыс., Еманжелинка – 10,8 тыс. жителей². 20 июня 1933 г. Постановлением ВЦИК СССР поселок Копи был преобразован в город Копейск районного подчинения. В январе 1934 г. Копейск вместе с подчиненными ему территориями вошел в состав создаваемой Челябинской области. В марте 1935 г. Копейский район был разукрупнен, после этого выделения в нем осталось только 4 сельсовета, а часть поселений, связанных с угледобычей (образованные в сентябре 1932 г. рабочие поселки Коркино и Еманжелинка), перешла в состав вновь образованного

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 08-04-85403 а/У.

Еткульского района. 20 августа 1935 г. Копейск получил статус города областного подчинения с сохранением значения в качестве райцентра. Просуществовал Копейский район до 1937 г., когда его территория была передана в пригородную зону города Копейска³.

Рост промышленного значения Челябинского угольного бассейна и связанных с ним городских поселений, а также их близость к областному центру поставили вопрос о планировании их развития совместно с Челябинском, который в годы второй пятилетки оказался наряду с другими промышленными центрами страны, такими, как Москва, Ленинград, Омск, Ростов-на-Дону, Сталинск и др. в числе городов, строительство которых признавалось первоочередным. В 1934 – 1935 гг. начались работы по созданию генеральных планов этих городов. В целях комплексного развития территории вокруг Челябинска свои проекты планировки и развития должны были получить и городские поселения Челябинского угольного бассейна. В апреле 1935 г. трест Челябинуголь, объединявший все угольные предприятия бассейна и выступающий на его территории в качестве градообразующего предприятия, а также Копейский райисполком заключили договор с Ленинградским отделением института Горстройпроект о разработке генеральных планов города Копейска и прилегающих к нему поселков. Трехсторонние совещания, на которых заказчики высказывали свои основные пожелания, происходили в мае, июле и августе 1935 г.

Генеральный проект готовился в мастерской №1 архитектора Д.П. Гаузнера, а расчеты по планировке населенных мест и экономическое обоснование генпроекта осуществлялись под руководством заместителя руководителя мастерской М.Б. Флеера. В ноябре 1935 г. в качестве текстовой части генерального плана была составлена «Технико-экономическая записка к генеральному проекту планировки населенных мест Челябинского бурогоугольного района» и разработаны «Общие соображения по организации строительства городов Копейск и Коркино», которые готовились бригадой ОПОР в составе Я.И. Ляндрес (бригадир), В.С. Молчанов, П.Н. Антонец, Л.И. Пусин, И.Ф. Яковлев, Е.С. Ашельрод, Л.А. Пресс. В январе 1936 г. началось обсуждение проекта 1-й очереди строительства города Копейска, однако уже в феврале в генплан пришлось вносить существенные изменения. Весной-летом 1936 г. свои замечания в проект внес Главуголь НКТП СССР. К ноябрю 1936 г., с учетом высказанных замечаний была подготовлена следующая технико-экономическая записка, опиравшаяся в своих основных положениях на предшествующую. Окончательное же утверждение плана после всех корректировок состоялось только в 1940 г.

Текстовая часть генплана составила 7 томов, а вместе с чертежами, пояснительными материалами к ним и учтенными замечаниями – 20 единиц хранения, отложившихся в фонде Р – 962 (Челябинский трест каменноугольной промышленности) Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО). Структура текстовой части генплана следующая: Т.1. Характеристика территории Челябинского бурого угольного бассейна; промышленность и энергетика; сельское хозяйство; населенные места. Т.2. Характеристика площадок населенных мест; демообразующие факторы (расчет населения); существующий жилфонд; сырьевая база промышленности стройматериалов и предлагаемый на основе этого тип строительства; Т.3. Сети соцбытового обслуживания; очередность жилищного строительства; очередность строительства объектов соцкультбытослуживания; Т.4. Зеленое строительство, агрозона, очистка городской территории; Т.5. Внешний транспорт; межрайонная транспортная сеть; внутригородской транспорт отдельных городов и поселков; инженерная подготовка и мелиоративные мероприятия населенных мест копейского комплекса; Т.6. Предварительные соображения к схеме питьевой воды; канализация; электрификация, теплофикация; Т.7. Архитектурно-планировочные записи по отдельным городам и поселкам; баланс территории и основные показатели планировки; капитальные затраты; титульные списки жилищного и соцбытового строительства населенных мест копейского комплекса.

Рассматриваемый генеральный план шахтерских городов представляет интерес и как уникальный краеведческий материал. Однако он не только фиксирует состояние городов на момент составления генплана, но и позволяет увидеть те представления о будущем этих городов и их жителей, которые имелись у заинтересованных сторон в середине 1930-х гг. За расчетными цифрами развития на многолетнюю перспективу в общем-то рядовых, не столичных, не выставочных поселений скрываются черты общества будущего, которое собирались построить в это время для советского человека. В 1936 г. будет принята Конституция СССР – «конституция победившего социализма», а на XVIII Съезде ВКП(б) в 1939 г. будет выдвинута практическая задача построения в СССР коммунистического общества в течении четырех ближайших пятилеток ⁴. Таким образом, предусмотренные в генпланах сроки завершения строительства городов оказались достаточно близкими по времени к моменту ожидаемого построения бесклассового коммунистического общества. То, в каких условиях должны были жить и работать горожане Копейска, Коркино и Еманжелинки, можно рассматривать, на наш взгляд, как некоторую, пусть и упрощенную, модель жизни в малых городах «светлого будущего».

Конечно, авторы проекта не пытались заложить в него эти идеи. Они старались подойти прагматично к решению вполне конкретной задачи удовлетворения потребностей рабочих угольного бассейна в жилье и инфраструктуре. Но, зная количество индустриальных строек в СССР, осуществлявшихся в эти годы, проектировщики не могли не учитывать ограниченности возможностей в развитии менее приоритетных для страны объектов, к которым вполне можно отнести небольшие шахтерские поселения не самого богатого угольного бассейна. Даже бум интереса к шахтерскому труду, вызванный стахановским движением, начавшимся как раз в 1935 г., не изменил степени приоритетности развития шахтерских городов Челябинского бассейна, по сравнению с поселениями, располагавшими гигантами тяжелой индустрии, – Магнитогорском, соцгородом Челябинского тракторного завода и т.п.

Факторы градообразования

Главным градообразующим фактором в районе Челябинского угольного бассейна, по замыслу авторов проекта, должно было стать развитие предприятий угольной промышленности. Необходимость ускоренной разработки бассейна была обусловлена ростом Челябинского промышленного узла. Считалось, что потребность в местном угле возрастет с 1,3 млн т в 1933 г. до 15 – 20 млн т в 1950-е гг., при его общих запасах по бассейну в 1,75 млрд т (Об объемах добычи в начале 1930-х гг. см. табл. 1).

Таблица 1

***Добыча угля по разведанным участкам в начале 1930-х гг.
(тыс. т)⁵.***

Участки	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	Кол-во предприятий
Копейская группа	638	695	842	1181	8 шахт
пос. Горняк	93	100	271	301	3 шахты
пос. Северный	73	108	213	312	4 шахты
Еманжелинский участок	56	176	275	205	1 разрез
Коркинский участок				107	1 разрез
Итого	865	1086	1601	2106	15 шахт, 2 разреза

Челябинские бурые угли имели небольшое содержание серы – 0,5 – 1,5%, влажность – около 18%, зольность – до 28%, понижающуюся при сортировке до 13 – 18%. Бурый уголь был доменнопламенным и кокса не

давал. Его теплотворная способность в среднем составляла 5500 калорий. Уголь обладал способностью к самовозгоранию, легко крошился и измельчался. Все это вместе снижало его транспортабельность и потребительские качества. Его можно было использовать только в сравнительно небольшом радиусе от места добычи. В силу отмеченных свойств применение Челябинского угля ограничивалось энергетическими целями. В топливном балансе Челябинской области в середине 1930-х гг. доля Челябинского угля составляла всего 17 – 17,5%, так как в металлургической отрасли использовалось дальнепривозное коксующееся топливо⁶. По генеральному плану Челябинска намечалось строительство в областном центре 66 крупных и 71 мелких предприятий⁷. Чтобы обеспечить эти новые производства электроэнергией, одной ЧГРЭС-1 уже не хватало, поэтому необходимо было построить ЧГРЭС-2 и две ТЭЦ – северо-восточную и юго-западную, а также ТЭЦ газокOMBината. Все эти электростанции должны были работать на местном угле. В дальнейшем планировалось использовать местный уголь как для нужд энергетики, так и для газификации.

По данным Наркомата тяжелой промышленности (НКТП), производственная мощность шахт бассейна использовалась в начале 1930-х гг. только на 42,5%, а уровень механизированной добычи не превышал к 1934 г. уровня 59%. Планирование потребности в Челябинском угле на 1933 г. было 1375 тыс. т, из которых около 590 тыс. т – это потребности Челябинских электростанций, еще 200 тыс. т – свердловских. План на 1937 г. предусматривал рост потребности до 7835 тыс. т, причем потребность только ЧГРЭС-1 и 2 возрастала с 590 тыс. до 2,2 млн т. Черная и цветная металлургия также должны были повысить спрос с 210 тыс. т до 2,8 млн т. Потребление Челябинского угля железными дорогами в 1934 г. было около 174 тыс. т., а к концу второй пятилетки его планировалось довести до 620 – 650 тыс. т. Доля Челябинского бассейна в общей угледобыче СССР в 1932 г. была 1,7%, а к 1937 г. она должна была повыситься до 3,8%, а в угледобыче Урала с 35% до 45%⁸.

Перспективный план треста «Челябуголь», получивший с некоторыми изменениями одобрение Главугля, намечал следующие темпы развития добычи Челябинского угля: 1937 г. – 5,8 млн т, 1942 г. – 14,9 млн т, 1947 г. – 19,3 млн т, 1952 г. – 22 млн т. Мощность действующих эксплуатационных единиц к концу второй пятилетки проектировалась около 5 млн т, а разведанные эксплуатационные запасы составляли только 50 млн т. Таким образом, запасов имелось только на 10 лет эксплуатации, а известные промышленные запасы не обеспечивали даже добычу 1937 г. «Челябуголь» планировал закладку 19 новых шахт: 6 в 1935 г., еще 8 шахт в 1936, и 5 в 1937 г.⁹

Для выполнения поставленной задачи, увеличения объемов добычи бассейна важное значение имел рост доли механизированной добычи. Тенденция предшествующих лет в деле механизации была обнадеживающей, так как с использованием техники угля добывалось: в 1931 г. – 9,5%, в 1932 г. – 26,7%, в 1934 г. – 59%, поэтому к 1937 г. планировалось довести этот показатель до 94%. Основным орудием механизации выступал механический отбойный молоток. Его использование позволило увеличить среднегодовую добычу на одного рабочего с 200,6 т в 1932 г. до 216 т в 1933 г. и до 234 т в 1934 г. Главтоль установил норму производительности на одного рабочего в месяц: если в 1932 г. она была 16,7 т, то в 1934 г. уже 19,5 т, на 1937 г. было запланировано повышение до 32 т, а на 1942 г. – до 40 т в месяц¹⁰.

Таблица 2

*Доли в планируемой добыче бассейна по городам и поселкам*¹³

Участки	1934г. %	1937г. %	1942г. %	1947г. %	1952г. %	1957г. %	Запасы (млн т)*
Копейск	56,1	51,7	21,5	16,1	11,7	1,8	6,8
Горняк	14,2	17,1	10,9	11	10,6	5,4	3,5
Северный	14,8	10,4	6,6	5,1	3,2	0,5	1,7
Камышное	-	0,7	10,6	15	14,3	14,3	7,8
Коркино	5,1	9,6	33,7	35,4	41	58	38,3
Еманжелинск	9,8	10,8	16,4	16,9	19	20	9,1

* Суммарные запасы по городам составляют 66%, остальное на тот момент еще не было распределено.

Основным эксплуатационным районом угольного бассейна являлся сравнительно бедный по запасам, но максимально близкий к Челябинску центральный участок (см. табл. 2.). Имея в своих недрах лишь 12% всех основных запасов, этот район давал в 1933 г. 86%, а в 1934 г. – 85% всей угледобычи, причем Копейская группа шахт дала в 1934 г. 56% добычи бассейна, при удельном весе ее запасов 6,8%. Еманжелинский участок, имея 19% запасов, дал в 1933 г. – 14%, а в 1934 г. – 10% всей угледобычи. Наиболее же богатый коркинский участок начал разрабатываться только с 1934 г., а камышинский, синеглазовский и ерофеевский участки на тот момент были еще совсем не разработаны¹¹. План развития угольной промышленности предполагал сдвиги в территориальном размещении угледобычи и, как следствие, в размещении трудовых ресурсов (см. табл. 2).

Если в конце второй пятилетки 2/3 эксплуатационного персонала должно было приходиться на шахты Копейска и его сателлитов, то уже к 1942 г. удельный вес этой группы должен был сократиться до 40% за счет развития еманжелинского, коркинского и камышинского участков. Город Коркино должен был притянуть к 1952 г. 37% рабочей силы бассейна, а к 1957 г. – 54%¹².

Обычно при планировке угледобывающих центров, когда речь шла о постепенном перемещении производства на небольшой радиус, эта проблема решалась с помощью налаживания развитой транспортной сети. Иначе обстояло дело в Челябинском бассейне, где наряду с передвижением отдельных мест разработок, по мере исчерпания запасов в пределах участка, измеряемого расстоянием в несколько километров, намечалось и перемещение центра угледобычи в совершенно новые районы, наиболее богатые углем, из районов более бедных или истощенных продолжительной эксплуатацией.

Главуглем при рассмотрении вариантов схем размещения поселков сателлитный принцип расселения был признан нецелесообразным из-за небольшого срока службы шахт и быстрого переноса производства. Предложено было сконцентрировать расселение трудящихся всей центральной группы копей в городе Копейске в целях уменьшения угленосной площади застройки. Шахты № 12, № 16, № 20, № 12-а, № 15-а, № 24-а, действующие в районе поселка Северного, имели срок выработки до 1945 – 1947 гг., после чего должны были закрываться. Остаточные неосвоенными запасы предполагалось изымать с помощью 3 новых шахт, которые в свою очередь прекратили бы работу к 1950 – 1952 гг. Жилищный фонд поселка Северного необходимо было использовать до его полной амортизации. Считалось, что без дополнительного строительства, при небольших расходах на ремонт и реконструкцию этот поселок прослужит до конца эксплуатации шахт¹⁴.

Необходимость строительства нового города Камышное была вызвана тем, что там имелась возможность выбрать площадку под застройку вне зоны горных выработок, так как расширять далее территорию Копейска было нерационально из-за того, что город располагался в полосе залегания углей. Город Камышное, который предполагалось построить в 6 км к югу от Копейска, планировался в качестве дублера последнего, оттягивающего из него избыточную рабочую силу и направляющего ее ближе к новым участкам. Поселки Горняк и Северный, расположенные в черте Копейска, трактовались как временные и должны были быть ликвидированы по мере износа их жилфонда. Копейск, в котором угледобыча также должна была сокращаться, обладал, по мнению разработчиков проекта, рядом преимуществ над этими поселками. Среди них: наличие большого

жилфонда – 72 тыс. кв. м, близость к областному центру и наличие административных функций райцентра. По мере падения объемов добычи угля в этом городе и сокращения численности населения, связанного с угольной промышленностью, освобождающийся жилфонд предлагалось использовать для расселения трудящихся строящегося в Челябинске газохимкомбината, который располагался рядом с Копейском. Кроме того, предполагалось рассмотреть возможности строительства в городе предприятий легкой промышленности, например, швейной фабрики. Сохранение Копейска означало потерю для эксплуатации 25 – 30 млн т угля, лежащего под городом, но полностью перенести весь жилищный фонд на новое место было бы намного дороже¹⁵.

Таблица 3

Планируемая численность населения и трудящихся по этапам (очередям) строительства в городах и поселках Челябинского угольного бассейна в 1936 – 1957 гг.¹⁶

Города и поселки	Численность населения (чел.)		
	1936-42 гг.	1943-47 гг.	1948-57 гг.
Камышное	16000	25000	26000
Копейск	41000	38000	35000
Горняк	13300	14500	8600
Северный	9100	8300	2000
Коркино	54000	58000	58000
Еманжелинка	24000	29000	35000
	Количество рабочих, занятых на производстве (чел.)		
Камышное	6120	8730	7890
Копейск	14600	13365	9835
Горняк	5100	5450	2800
Северный	3500	3110	650
Коркино	19340	20290	17880
Еманжелинка	9120	10160	10560
	Количество рабочих занятых на шахтах и разрезах (чел.)		
Камышное	3672	5238	4734
Копейск	8760	8019	5901

Таблица 3 (продолжение)

Горняк	3600	3270	1680
Северный	2100	1866	390
Коркино	11604	12174	10728
Еманжелинка	н.д	н.д	н.д.

В расчетах Челябингля проектировался стремительный рост численности рабочих в бассейне (см. табл. 3.) с 17,2 тыс. в 1934 г. до 33,5 тыс. в 1937 г., 55,5 тыс. в 1942 г. и 59,3 тыс. в 1947 г. с последующей стабилизацией и даже некоторым сокращением до 58,8 тыс. в 1952 г. и 56,6 тыс. в 1957 г., однако по этому вопросу расчеты Челябингля и Главугля разошлись. Последний это число занижал, а первый, соответственно, завышал¹⁷. Исходя из проектируемого количества рабочих, занятых в угольной промышленности, число жителей Копейска было установлено Главуглем в 48 тыс. человек. Причем к 1957 г. (времени завершения основного строительства города) оно должно сократиться до 44 тыс. человек. По Коркино начальное число жителей устанавливалось в 54 тыс. человек, а максимальное – 58 тыс.

Строительство городов и поселков

Основные этапы строительства городов согласно схеме, предложенной авторами генплана, должны были проходить в три очереди: I очередь – 1936 – 1942 гг., II очередь – 1943 – 1947 гг., III очередь – 1947 – 1957 гг. На первом этапе было предусмотрено обеспечить всех жителей города минимальной нормой жилплощади в 5 кв. м на человека и отстроить некоторые здания сетей обслуживания¹⁸. Замысел был более чем амбициозным, учитывая, что на отдельных предприятиях, которым собственно и принадлежал весь жилфонд шахтерских городов и поселков, доля землянок в жилищном фонде составляла: на шахте № 12 – 44% жилья, на шахте №23 – 72%, на шахте № 205 на одного живущего приходилось общей площади всего 0,9 кв. м.¹⁹

Темпы строительства жилья в начале 1930-х гг. были безобразны. В Коркино в 1934 г. из десяти домов, которые должны были быть построены, реально сдали только один. Качество строительства также оставляло желать лучшего. Десять домов в Еманжелинке не просуществовали и года, как уже были признаны негодными. Отопительные системы оказывались не приспособленными для морозов в 25-30 градусов, и жители вынуждены были устраивать дополнительные очаги-печи, размером в 150 – 200 кирпичей, где они готовили обед, тут же происходила стирка и сушка белья и спецодежды. В одном из жилых домов шахты № 4/6, построенных

в Копейске в 1934 г., была сделана уборная шириной в 40 см, пользоваться которой, естественно, было невозможно²⁰.

Тем не менее, зная все эти факты, разработчики генплана или просто проигнорировали их, или рассчитывали на резкое улучшение ситуации в строительстве. Имеющийся на момент составления генерального плана жилищный фонд должен был по мере износа выводиться из эксплуатации и заменяться новым. В Копейске имелось 406 жилых зданий, в том числе каменных – 49, деревянных – 224, суррогатных – 24, стандартных (камышитовых) – 109. Их общая жилплощадь составляла 72723 кв. м. Учитывая износ зданий, а также их частичный снос, на конец каждой очереди строительства должно было оставаться: к 1942 г. – 60 тыс. кв. м, к 1947 г. – 40 тыс. кв. м, к 1957 г. – 14,5 тыс. кв. м. В Коркино каменных зданий было 8 (3304 кв. м), деревянных 6 (1934 кв. м), каркасно-камышитовых 10 (4729 кв. м). Итого 24 здания (9976 кв. м). На конец каждой очереди из них планировалось оставить: к 1942 г. – 8,5 тыс. кв. м, к 1947 г. – 5,2 тыс. кв. м, к 1957 г. – 5,2 тыс. кв. м²¹.

Согласно принятой динамике жилищной нормы и темпов роста населения города, в Копейске требуемое наличие жилфондов по отдельным этапам строительства должно было выражаться: I очередь (конец 1942 г.) – 189 тыс. кв. м, II очередь (1947 г.) – 312 тыс. кв. м, III очередь (1957 г.) – 408 тыс. кв. м. Таким образом в первой очереди должно было быть построено 189 тыс. кв. м жилья, во второй – 123 тыс. кв. м, в третьей – 96 тыс. кв. м. По годам строительство жилфонда должно было распределяться следующим образом: 1936 г. – 14 тыс. кв. м, 1937 г. – 25 тыс. кв. м, 1938 – 45 гг. – по 30 тыс. кв. м в год, 1946 г. – 20 тыс. кв. м, 1947 г. – 13 тыс. кв. м, 1948 – 56 гг. – по 10 тыс. кв. м, 1957 г. – 6 тыс. кв. м. Проект планировки предусматривал застройку территории уже существующего города. Город должен был начать застраиваться с северных кварталов камышитовыми домами и деревянной усадебной застройкой. Общественные же здания планировалось строить на втором этапе в центральной части города²².

Для обеспечения строительства шахтерских городов стройматериалами была изучена местная ресурсная база. Выводы, к которым пришла комиссия, занимавшаяся данным вопросом, были следующими: потребность в кирпиче не может быть удовлетворена возможностями действующих кирпичных заводов, так же, как и потребность в извести, следовательно, необходимо построить новые предприятия; алебастр придется завозить из других районов области; другие стройматериалы – бутовый камень, песок, гравий и камышит – вполне обеспечиваются местными ресурсами Челябинского района²³.

Одной из самых трудно решаемых проблем, связанных со строительством городов, была нехватка рабочей силы. Связано это было с тем, что одновременно с развитием угольного бассейна в Челябинске было развернуто строительство Цинкостроя, Газохимкомбината ТЭЦ, завершалось возведение рабочих кварталов ЧТЗ и Станкостроя. Местных строительных кадров на все объекты просто не хватало. В Углестрое и Коркинской стройконторе, которым непосредственно поручалось жилищное строительство в бассейне, обеспеченность рабочей силой не превышала 65%. Наиболее дефицитными профессиями были плотники, печники, каменщики, штукатуры. Кадры Углестроя пополнялись в основном за счет привозной рабочей силы, которая вербовалась в Кирсановском и Болдыревском районах Воронежской области, Малоархангельском районе Курской области и под Казанью (станция Шумерля). Вербовались рабочие на срок до 6 месяцев с оплатой проезда в оба конца и провоза 35 кг багажа²⁴.

Из-за того что среди строителей доминировали приезжие, постоянно возникал вопрос об их расселении. Решить эту проблему не удавалось, так как быстрый рост населения Копейска и Коркино создал сильную жилищную переуплотненность. Недостаток капитальной жилплощади вынудил прибегнуть к возведению временных жилищ – стандартных деревянных и камышитовых зданий или землянок по окраинам города, оборудуемых населением в порядке частной инициативы. На 1 июля 1935 г. в Копейске имелось 94 дома, принадлежащих Углестрою с общей площадью 13229 кв. м. Из этого жилфонда рабочими Углестроя было занято только 10688 кв. м, а остальное – посторонними организациями. Кроме того, Углестрою принадлежало еще 8 общежитий с площадью 1036 кв. м и индивидуальные дома с площадью 9652 кв. м. Всего было расселено 840 рабочих и 2090 членов их семей, что составляло в среднем 3,52 кв. м жилой площади на человека. Из общего числа строительных рабочих (2270 человек) в домах и общежитиях Углестроя проживало только около 40%, 345 человек имели собственное жилье, как правило, плохого качества, а все остальные вынуждены были снимать квартиры. В Коркино 160 строителей жили в палатках. Фактическая жилплощадь там составляла 2,7 кв. м на человека при норме в 4,5 – 5 кв. м.²⁵

Естественно, что бытовая неустроенность в сочетании с относительно низким заработком обуславливала сильную текучесть строительных кадров. Но, несмотря на это, к лету 1935 г. Углестрою удалось таки собрать работоспособные коллективы, которым и предстояло реализовывать замыслы градостроителей. Информация, содержащаяся в проекте генерального плана, дает следующие цифры о наличии рабочей силы:

В Копейске: плотников – 319, каменщиков – 43, печников – 26, штукатуров – 107, кровельщиков – 1, конопатчиков – 1, стекольщиков – 11,

чернорабочих – 815, столяров – 64, камнеломов – 30, обжигал – 21, слесарей-токарей – 32, кузнецов-молотобойцев – 37, пильщиков – 4, маляров – 24, возчиков со своими лошадьми – 159, младшего обслуживающего персонала – 194, ИТР – 47, десятников – 34, прочих рабочих – 171, прочих служащих – 130, всего трудящихся – 2270 человек.

В Коркино: плотников – 92, каменщиков – 26, печников – 12, штукатуров – 39, кровельщиков – 14, конопатчиков – 6, землекопов – 30, стекольщиков – 3, чернорабочих – 203, столяров – 26, камнеломов – 12, жигарей – 11, шоферов – 12, трактористов – 12, слесарей-токарей – 15, кузнецов-молотобойцев – 6, колесников – 2, пильщиков – 21, маляров – 2, электриков – 2, жестянщиков – 2, возчиков со своими лошадьми – 141, младшего обслуживающего персонала – 53, ИТР – 13, десятников – 13, прочих рабочих – 17, прочих служащих – 35, всего трудящихся – 828 человек²⁶.

Из приведенных цифр видны как дефицитность многих профессий, так и явные диспропорции в распределении рабочих отдельных специальностей между городами. Здания в Копейске и Коркино планировались малозэтажными, что обусловило низкую степень механизации строительных работ. Так, по Коркинской стройконторе из действующих механизмов в наличии имелась только одна шпалорезка, а бетономешалка и растворомешалка находились в ремонте. По Углестрою наличествовало 4 бетономешалки, из которых 2 ремонтировались, растворомешалка – 1 (в ремонте), камнедробилка – 1 (в ремонте), шлакодробилка – 1, круговая пила – 1, центробежный насос – 1, шпалорезка – 1²⁷.

В соответствии с Постановлением СНК от 23 апреля 1934 г. основным типом зданий в шахтерских городах должны были стать капитальные кирпичные дома в 4-5 этажей с подвалами, водопроводом и канализацией. Однако, имея острую нужду в жилье на начало строительства и необходимость расселить всех строителей города, пришлось запроектировать несколько одно-двухэтажных каркасно-камышитовых зданий облегченного типа. Количество этих домов предлагалось в размере 7,5% от общей кубатуры застройки, но на деле в первые годы строительства они стали доминирующим типом новых жилых домов.

Фундаменты рекомендовано было возводить из местного бутового камня, цоколь – из естественного камня с последующим оштукатуриванием. Стены из красного кирпича могли возводиться только в первые 2 – 3 года строительства, а затем местные запасы глины должны были иссякнуть, при том, что новых разведанных запасов не было. Поэтому главным материалом для стен был предложен трепельский кирпич. Толщина стен из этого материала по климатическим условиям была принята в 2 кирпича, тогда как для красного – в 2,5 кирпича с оштукатуриванием с обеих

сторон. Стены временных зданий должны были изготавливаться из камышитовых щитов толщиной в 18 см, на деревянном каркасе и с двухсторонней штукатуркой. Перекрытия над подвалами, в лестницах и санузлах – железобетонные, в остальных помещениях – деревянные. Так как дерево в районе строительства шахтерских городов было в дефиците, его использование в междустенных перекрытиях постарались свести к минимуму. Заполнение же этих перекрытий вместо дерева делали из камышита и шлакоалебастровых плит. Полы (чистые) в жилых помещениях – ксиломитовые и частично (25%) – паркетные; в ваннных, уборных и душевых – ксиломитовые; в общественных зданиях – ксиломитовые, мозаичные и паркетные. Досчатые полы не проектировались опять-таки из-за дефицита леса. Применение же ксиломитовых полов диктовалось наличием магнетита с Саткинского месторождения и опилок с местных деревообрабатывающих предприятий. Кровля в первые годы строительства должна была быть из привозного этернита, а затем по мере развития собственного производства – из глиняной черепицы. Для камышитовых зданий кровля предусматривалась из финской стружки. Лестницы планировалось делать из пустотелых железобетонных ступеней, окна и двери – из дерева. Межкомнатные перегородки – камышитовые или гипсо-камышитовые. Все строящиеся квартиры должны были оборудоваться уборными, умывальниками и ваннами. Отопление – центральное, канализация – дворовая с железобетонными коллекторами и колодцами²⁸.

Ширина улиц в Копейске планировалась от 15 до 50 м, в том числе проезжая часть – 6,5 – 13 м, тротуары – 2,25 – 6 м, прифасадные газоны – 4,5 – 8 м, зеленые полосы между элементами улиц – 1,75 – 15 м. Предполагаемый тип мощения улиц в виду незначительной грузонапряженности – щебеночное шоссе с поверхностной обработкой битумом. Тротуары – из литого асфальта, смешанного со строительным мусором и щебнем. Основным видом транспорта на таких улицах должен был стать автомобильный для Копейска и железнодорожный для Коркино, где обслуживание трудовых потоков осуществлялось двумя специальными поездами²⁹.

В январе 1936 г. была рассмотрена пояснительная записка к техническому проекту застройки первой очереди г. Копейска. В I очередь входило строительство четырех кварталов каменной застройки: № 17, рассчитанный на 2640 жителей, № 18 – 3250 человек, № 19 – 1450 человек и № 20 – 1960 жителей в районе улицы Ленина. Кварталы должны были быть обеспечены столовыми так, чтобы охватывать ими до 60% населения. Каждый квартал предполагал наличие магазинов, детских садов и яслей, столовой и постирочных помещений. Дома в этих новых кварталах проектировались каменные двух и четырехэтажные³⁰. Тогда же рассматривался и проект первой очереди для других поселков. В Еманжелинке пла-

нировалось начать строительство двух кварталов деревянной двухэтажной застройки с численностью жителей в 1200 и 1400 человек³¹. В Коркино кварталы первой очереди должны были начать возводить в северо-восточной части будущего города. Два квартала деревянной 2-этажной застройки, уже частично отстроенные и южнее их квартал № 3 с четырех-пятиэтажной застройкой. Население двух деревянных кварталов – 1560 и 1700 человек, а каменного – 3790 человек. По проекту Коркино должен был выглядеть как идеальный квадрат³².

Развитие городской инфраструктуры

Строительство городов Челябинского угольного бассейна потребовало изменить схему грузо-пассажирских перевозок. Анализ состояния дорожной сети был проведен разработчиками проекта как в целях формирования городской планировки, так и для определения наиболее эффективных направлений подвоза стройматериалов к будущим объектам. Так, расположенная в черте города Копейска станция Серго-Уфалейская нуждалась в реконструкции. Она была сортировочной по угольным грузам и в меньшей степени выполняла работы по пассажирским перевозкам. Помимо трех основных веток на Челябинск (ЧГРЭС I), Козырево и Потанино, станция имела множество местных путей, ведущих на отдельные угольные шахты. Обслуживая Северный, Центральный и Южный районы Челябинских копей, она производила рассортировку порожняка к шахтам и формирование товарных поездов. Располагаясь в центре Копейска, станция была серьезной помехой для планировки будущего города. Поэтому при составлении схемы планировки Копейска встал вопрос о строительстве новой станции за пределами города³³.

Внешние железнодорожные связи Коркино с Челябинском осуществлялись по магистрали ЮУЖД, через участок Челябинск – Таянды, протяженностью 53 км и по подъездным путям Челябингля Коркино – Таянды, протяженностью 32 км. Грузопоток угля шел с Коркинского разреза на юг до реки Таянды, затем резко поворачивал, меняя направление на север. При прямом выходе в сторону разъезда Дубровский участок пути Коркино – Дубровский – Челябинск составил бы всего 33 км, дав экономию более 50 км. Со строительством 6-километровой соединительной ветки Коркино – Дубровский надобность в станции Таянды отпадала. Станция Коркино согласно проекту должна была выполнять только сортировочные функции, а ближайшей к Коркино станцией пассажирского назначения должен был стать разъезд Дубровский. Однако почти все передвижения рабочих от жилых кварталов до разреза должны были осуществляться по железной дороге, находящейся в ведении станции Коркино³⁴.

Железнодорожное хозяйство Челябингля делилось на 3 транспортных цеха: копейский (12 паровозов, 70 вагонов, 39,6 км путей); коркинский (9

паровозов, 48 вагонов, 30,3 км путей); еманжелинский (7 паровозов, 46 вагонов, 25,6 км путей). Часть паровозов к депо еще не было приписано. Плановое количество перевозок по тресту на 1935 г. закладывалось в 3 млн т, причем в это количество не входили предполагаемые перевозки стройматериалов.

Для автогужевых перевозок наибольшее значение имели дороги, радиально расходящиеся из Челябинска: 1) тракт республиканского значения Челябинск – Троицк, проходящий через поселки Смолино, Синеглазово, Тимофеевку, Еманжелинку и станцию Таянды. Он связывал Коркино и Еманжелинск с Челябинском, расстояние до которого по трассе от Коркино было 36 км, а от Еманжелинки – 52 км; 2) дорога Челябинск – Копейск – шоссейная, черно-щебеночная, служащая для автобусного и грузового сообщения; 3) дорога Челябинск – Сухомельский (12 км), связывающая Челябинск с будущим городом Камышное; 4) грунтовая дорога Копейск – Коркино (38 км) пассажирского и грузового назначения. В ненастную погоду эта дорога становилась непроезжей, поэтому требовала ремонта и замены покрытия на щебенку; 5) проектом намечалось строительство осевой магистрали, соединяющей Камышное, Копейск, поселок Горняк, поселок Северный, с выходом на трассу Челябинск – Курган. Забегая вперед, заметим, что этот замысел так и не был осуществлен³⁵.

Наиболее сложным моментом планирования развития городской инфраструктуры была разработка схемы водоснабжения Копейска, Горняка, Северного и Камышного. Связано это было с отсутствием в районе их строительства достаточных источников чистой воды. Организовать в Копейске водопровод на мощностях местных колодцев, скважин и ключей не было никакой возможности из-за низкого качества собственной копейской воды. Пробы воды из колодцев города Копейска показывали, что фактически везде вода не отвечает санитарным нормам. Во всех колодцах была выявлена кишечная палочка, причем число ее колоний достигало 6 тыс. на 1 см³ воды. Многие пробы показали непригодный для питья минеральный состав, например в некоторых колодцах обнаружилось девятикратное превышение норм кальция³⁶.

Для обеспечения предприятий и населения необходимым объемом воды пришлось подключить Копейск к водопроводным сетям Челябинска, снизив норму потребления воды в самом областном центре. Вода из городской сети Челябинского водопровода по двум ниткам диаметром 300 и 350 см подводилась к южной части Копейска, откуда подавалась: 1) по самотечному трубопроводу длиной 5,5 км на юг до города Камышное; 2) по самотечному трубопроводу длиной 6 км на север до поселка Горняк и еще на 5 км до поселка Северный. В самом Копейске в месте подхода Челябинского трубопровода предусматривалось строительство камеры

переключения и резервуаров емкости, из которых воду должен был потреблять сам Копейск. В каждом городе и поселке создавались собственные резервуары емкости, из которых насосами с соответствующим напором вода подавалась в городскую сеть. Правда, эту сеть еще только предстояло построить.

Водоснабжение Коркино планировалось осуществлять из скважин, пробуренных на месте, а поселка Еманжелинка – из искусственного пруда на реке Борисовка и водохранилищ на реках Еманжелинка и Ключевка³⁷. Планируемый расход воды на будущий город Еманжелинск при запроектированной численности населения в 24 тыс. жителей должен был составить 4830 м³ в сутки. Еще 264 м³ должны были пойти на производственные нужды. Такие цифры были получены из расчета минимальной санитарной нормы потребления воды 25 литров в сутки на человека, однако, если учитывать шахтеров, которые ежедневно должны были принимать душ, это добавляло 380 м³ ежесуточно для города, а угольные копи и железнодорожная станция в таком случае потребляли бы 432 м³. Общий объем суточного потребления воды Еманжелинском составил бы 5906,3 м³. Для Коркино эта цифра равнялась 9595,2 м³. Для Копейска расчет потребления воды был сделан по этапам развития города: на первом этапе – 2829 м³, на втором – 3933 м³, на третьем – 4830 м³, вместе с хозяйственными нуждами потребление Копейском на третьем этапе должно было составить 5848 м³ воды в сутки. Получается, что для приема душа одним рабочим на шахте отводилось 60 литров воды, а жителю города (не шахтеру) в его квартире – только 40 литров. К третьему этапу потребление воды каждым горожанином могло быть доведено до 90-120 литров в день³⁸. Город Камышное тоже вынужден был обходиться ограниченными объемами потребления воды: на первом этапе – 1104 м³, на втором – 2587 м³, на третьем – 3588 м³. Кроме этих двух городов в Копейском районе крупными потребителями оставались поселки Горняк и Северный, на которые планировалось отводить 1533 м³ и 1146 м³ соответственно³⁹.

Канализации в шахтерских поселениях не было, так как до середины 1930-х гг. здесь отсутствовали генеральный план и проект застройки поселков. Работы по проектированию задерживались и из-за отсутствия точных данных о залегании угольных пластов под городом. Выбор места строительства общественных зданий из-за отсутствия генплана производился на глазок. В результате баня в Коркино была построена в месте, где воды не было вообще, а фабрика-кухня в Копейске – в низине со стоячей водой от стоков других зданий⁴⁰.

Спуск сточных вод был организован крайне примитивно и проводился через устройство выгребных ям, нередко даже без цементирования их стен и дна и даже без плотного деревянного сруба. Нечистоты из этих ям

затем вывозились в бочках. Вода из шахт откачивалась и разливалась прямо по поверхности, также, как и вода из бань. Естественно, что все это вело к крайней антисанитарии. В некоторых поселках, таких, как Афон и Маяк, нечистоты хранились в открытых ямах и в паводок разливались по территории города. Зимой для помоев устраивались специальные места, сооруженные из льда и снега, содержимое которых скалывалось и вывозилось. До 1934 г. дома в Копейске строили без уличных уборных, в то время как уборные внутри домов стояли заколоченными из-за отсутствия канализационной сети. Внешние уборные и места для мусора не были заложены в строительные сметы. Только в 1935 г. начали засыпать помойные ямы и уборные хлоркой и известью. Очень плохо обстояло дело и с вывозом сухого мусора, особенно угольной золы из печей, которая выбрасывалась обычно жителями в какое-нибудь одно место неподалеку от дома и в сухое время разносилась по всему поселку, засоряя воздух⁴¹.

По схеме развития канализационной сети будущий город Еманжелин-ка должен был сбрасывать сточные воды в озеро Большой Сарыкуль площадью около 80 кв. км. Это озеро было горько-соленым, мелким и поросшим камышом. По этой причине оно не могло служить для питьевых нужд и купания. В Коркино сброс нечистот осуществлялся после биоочистки и дезинфекции в ручей Чумляк. Для городов и поселков копейской группы схема канализации предполагалась более сложная. Озеро Камышное глубиной всего в 0,5 м полностью поросло камышом. Под ним были обнаружены запасы угля промышленного значения, поэтому данное озеро предполагалось спустить в заболоченную местность урочища Курлады, куда уже и без того спускалась вода с некоторых копейских шахт. Площадь будущего водоема должна была составить около 40 тыс. га, при средней глубине в 0,4 м. В 1935 году обсуждалось два варианта сброса сточных вод из города Копейска. Согласно первому именно Курлады должны были принять поток нечистот, а по второму варианту сброс после очистки предлагалось осуществлять в реку Миасс. После продолжительных споров в уже 1940 г. был принят первый вариант⁴².

Помимо домашних коммунальных «удобств», предполагалось и сооружение сети общественных уборных, которые проектировались из расчета 1 писсуар на 1 тыс. жителей и 1 очко на 10 тыс. жителей⁴³. Такие пропорции заставляют задуматься о том, что женщины с их естественными потребностями при планировании данной системы в расчет не принимались, так как иначе просто нечем объяснить столь скромное количество «посадочных мест».

Проблема теплоснабжения решалась следующим образом. Поселки Горняк и Северный планировались как временные, так как по мере истощения запасов угля их население должно было сокращаться. Поэтому, по

мнению разработчиков проекта, не имело смысла застраивать их каменными домами. Застройка здесь осуществлялась временными деревянными и каркасно-щитовыми зданиями. В таких домах было нерентабельно устраивать центральное отопление, так как амортизация данной системы длилась дольше срока службы этих домов. Кроме того, ни один из рудников на этих поселках не имел собственной силовой установки, поэтому выход оставался один – сохранение печного отопления. В Копейске, Коркино, Камышном и Еманжелинке создание системы центрального отопления считалось экономически целесообразным, так как городские котельные были способны потреблять отходы от добычи угля, которые было выгодно сжигать прямо на месте⁴⁴.

Остро стоял и вопрос о зеленых насаждениях, которых в шахтерских городах и поселках практически не было. Более того, руководителей этих населенных мест приходилось убеждать в их необходимости. Аргументов, которые при этом использовались, было несколько: 1) зеленые насаждения являются частями территории с поверхностью, не дающей пыли; 2) пространство под ними защищено от прямых солнечных лучей и нагревается равномерно; 3) они способствуют улучшению качества воздуха; 4) очищают воздух от пыли и примесей; 5) ослабляют негативное воздействие ветров. Тем не менее, несмотря на непонимание важности озеленения со стороны отдельных должностных лиц, уже в 1935 г. был заключен договор на поставку в Копейск 60 тыс. саженцев и корней цветочной рассады. Пока озеленение поселков не будет осуществлено, предлагалось организовывать места отдыха и пионерлагеря в существующих лесных массивах, находящихся за городской чертой, таких, как Еткульский, Белоусовский, Назаровский и Еманжелинский боры⁴⁵.

Проектирование рекреационных зон зависело от планировки городов и возможностей использования территории. Копейск по плану был вытянут узкой полосой с севера на юг на длину 4 км, при ширине селитебной территории всего 400 – 1000 м. Вдоль восточной окраины города располагались угольные выработки, препятствующие развитию города в данном направлении, поэтому зеленые насаждения должны были размещаться внутри селитебной территории. С западной стороны, почти по середине Копейска, между дорогами на Камышное и Челябинск предполагалось разбить парк культуры и отдыха площадью 55 га, а с востока между улицей Борьбы и угольными разработками – существующий городской сад, расширенный до 11,5 га. Эти два зеленых массива соединялись между собой бульварной полосой, идущей через территорию индивидуальной застройки. Кроме того, планировалась разбивка нескольких скверов общей площадью 2,5 га. По всем главным магистралям должна была высаживаться уличная зелень. Закрытые сады разбивались при школах и больни-

цах. Проект предусматривал также внутриквартальные посадки, занимающие 50 – 60% территории дворов⁴⁶.

Таблица 4

Смета расходов на строительство и благоустройство объектов городской инфраструктуры (млн руб.)⁴⁹

Города	Водо-провод	Канали-зация	Тепло-снабжение	Озеле-нение
Копейск	2	2,4	3,6	6,5
Камышное	1,5	1,4	нет данных	3,8
Горняк	0,53	0,38	0	0,89
Северный	0,6	0,24	0	0,34
Коркино	2,25	1,6	4,2	6,5
Еманжелинск	1,17	0,95	2,6	4,7

Город Коркино (район нового строительства) был спроектирован в виде четырехугольника 2х2 км. К юго-западу от него был запланирован парк культуры и отдыха площадью 65 га и городской сад – 7,6 га. Остальные насаждения – 4 сквера на площадях и сквер, отделяющий предприятия местной промышленности от деревянных домов. Основные городские магистрали должны были стать бульварами, а еще более увеличить зеленые массивы должны были внутриквартальные насаждения⁴⁷.

Город Еманжелинка в своей селитебной части образовывал площадь размером 1,5 х 1,5 км с радиальным направлением 4 магистралей. Компактная планировка позволяла вывести парки на границу города. ПКПО площадью 60 га располагался на возвышенности, с которой открывался вид на город, а возле центральной площади был запланирован городской сад (7,5 га).

В Камышном, благодаря живописному расположению на берегу озера, проектировался парк на 65 га. В проектах общая площадь зеленых насаждений по городам составляла: Копейск – 280 га, Коркино – 274 га, Еманжелинск – 202 га, Камышное – 173 га⁴⁸.

Вместе с расходами на благоустройство (см. табл. 3.) стоимость строительства городов в расчете на 1 жителя составляла: в Копейске – 6170 руб., в поселке Горняк – 3725 руб., в поселке Северном – 5280 руб., в Камышном – 5580 руб., в Коркино – 6350 руб., в Еманжелинке – 6000 руб.⁵⁰

Обслуживание населения

Первостепенное значение для городов бассейна имело развитие системы здравоохранения. Острая необходимость в этом была связана как с высоким производственным травматизмом, так и с тем, что район копей был крайне неблагополучным в отношении заболеваемости малярией, вызванной высокой заболоченностью территории района. Общая площадь болот достигала 9398 га, из которых 1916 га было заражено личинкой малярийного комара. Степень зараженности – 150-200 личинок на квадратный метр. Малярия появилась здесь в результате миграций времен Первой мировой и Гражданской войн. Боролись с этим заболеванием с помощью авиаопыления, засыпки болот или заливки их нефтью. Чтобы снизить риск заболевания, предлагалось сбросить в урочище Курлады (помимо озера Камышного) озера Тугайкуль и Шелюгино⁵¹. От малярии страдали все населенные пункты. Так, в 1934 г. в Копейске было отмечено 3212 случаев заболевания, на Горняке – 4037, в Еманжелинке – 2492, в Коркино – 1383, в поселке шахты № 201/204 – 635 случаев, в Потанино – 1105. Всего же в начале 1930-х гг. заболеваемость малярией была: в 1931 г. – 1250 случаев в районе копей, в 1932 г. – 1727, в 1933 г. 6397, в 1934 г. – 16900⁵². Как видно из приведенных цифр, заболеваемость в районе непрерывно росла⁵³.

Другим бичом была крайне неблагоприятная санитарная обстановка, вызванная отсутствием водопровода и канализации. Очень плохо снабжались водой бани. В Копейске зимой 1934 г. городская баня не работала более двух месяцев. В Коркино вместо 3 тыс. человек в сутки баня обслуживала только 1,2 тыс. При этом санитарная норма в те годы была и без того низкой – врачи рекомендовали мыться не реже чем 1 раз в 10 дней. Санитарная обстановка ухудшалась еще и оттого, что дома сдавались строителями без чуланов, кладовок, помещений для овощей, скота, угля. Все свое имущество люди вынуждены были хранить на отведенной им жилплощади, загромождая ее⁵⁴. Рассадником ввоза в Копейск всяческих заболеваний служил курсирующий между Копейском и Челябинском поезд «Ученик», находящийся в антисанитарном состоянии и недостаточный по размеру⁵⁵.

Высокими были и показатели детской смертности, которые объяснялись врачами плохим уходом в семье, антисанитарией, безобразным состоянием жилищ, холодом, сквозняками, резкой переменой температур в комнате, перенаселенностью квартир, доходящей до 0,9 кв. м на человека. Недостаточной была и сеть детских учреждений, из-за чего при уходе старших на работу дети оставались дома предоставленными самим себе. В шахтерских городах не было ни одного детского инфекционного отделения, и больных детей с высокой температурой приходилось везти зи-

мой в Челябинск на расстояние до 65 км.

К 1934 г. в Копейске имелось: больниц – 4, коек в них – 300, врачебных амбулаторий – 10 (6 из которых появились в последние два года), здравпунктов – 12, ночной тубсанаторий, рентгеновский кабинет, физиокабинет, лаборатория, молочная кухня, 4 родильные избы на 20 коек, 16 яслей с возможностью охвата детей до 930 человек. В городе работало 30 врачей, на каждого из которых приходилось около 2300 человек горожан⁵⁶. Намного хуже обстояло дело в Коркино и Еманжелинке, страдавших от неукомплектованности кадров. Санитарная обработка в этих поселках была поставлена плохо, так как не было ни одной дезокамеры. В общежитиях грязь, антисанитария, клопы, единственным методом борьбы с которыми был электрический свет, включенный на всю ночь. В Коркино не было своего хирурга и по этой причине все травмировавшиеся отправлялись в Челябинск. Оборудованные новой техникой физиотерапевтический кабинет и кабинет рентгена не использовались, так как не было не только врачей рентгенолога и физиотерапевта, но и вообще каких бы то ни было врачей, которые бы в эти кабинеты направляли пациентов. Все здравпункты обслуживались средним медперсоналом. Больницы обоих поселков размещались в бараках, мало приспособленных для стационаров. Кроме того, в Еманжелинке не было даже своего родильного дома⁵⁷.

Необходимо было построить в Копейске заразный барак на 40 коек, тубдиспансер, инфекционное отделение, в поселке Горняк – амбулаторию, в Еманжелинке – здание больницы. Между тем авторы проекта генплана предлагали развивать уже имеющиеся больничные комплексы, без строительства новых. Специальные отделения, такие, как психиатрическая лечебница, физиотерапевтический институт, туберкулезный институт, гинекологический институт для населения Копейска и Камышного проектировались в Челябинске, а для Коркино и Еманжелинки некоторые из этих отделений могли быть открыты при больнице Коркино⁵⁸.

Что касается системы общественного питания, то на Еманжелинских копях имелось всего две столовые, расположенные в поселке на расстоянии 1,5 – 6 км от шахт. На самих же еманжелинских шахтах были только буфеты в непригодных помещениях – холодных уличных киосках или подсобках с торговым залом шириной в метр. В Коркино также две столовые были расположены в жилых районах старого и нового строительства на расстоянии 1–3 км от разрезов. Блюда приготавливались в столовых однообразные и дорогие. Цена первого блюда в среднем – 1 руб. 16 коп., второго – 3 руб. 60 коп.⁵⁹ Чтобы добиться здесь 60% показателей обеспеченности столовыми к 1950-м гг. требовалось строительство нескольких новых зданий.

Непросто обстояло дело и с сетью предприятий местного значения. Из-за близости к Челябинску не было необходимости строить в районе мастерские, которые уже имелись в областном центре, такие, как ювелирные, игрушечные, дамских головных уборов и т.п. В Копейске нужны были те предприятия, которые могли обслуживать весь север района: мебельные мастерские, типография, бюро машинописи, база утильсырья, швейная фабрика, красильный цех одежды, транспортно-экспедиционная контора. Остальные предприятия местной промышленности проектировались в каждом городе: слесарно-механические мастерские, ремонт часов, ремонт одежды и обуви, трикотажные мастерские, ремонтно-строительные предприятия, камеры хранения, фотомастерские, пункты по сбору утильсырья и т.п.⁶⁰

Райисполком Копейского района должен был остаться в Копейске, а трест Челябинголь переместиться в Коркино. Интерес представляют нормы штатных расписаний городских и районных учреждений: райисполком с отделами – 150 человек; горсовет Копейска – 1,5 штатных сотрудника на тысячу населения; милиция – 3 штатных сотрудника на 10 тыс. жителей; оперативно-строевой штат органов внутренних дел – 1 милиционер на 1 тыс. жителей, 1 районный надзиратель на 5 тыс. человек, 1 старший милиционер на 10 тыс. жителей, милиция движения (ГАИ) – 3 человека для Копейска и Коркино и по 1 человеку на весь остальной район на каждые 10 тыс. жителей; банки – для Копейска и Коркино по 100 человек аппарата, для Камышного и Еманжелинки – по 50 человек; общественные организации (аппарат ВКП(б), комсомол, профсоюзы и проч.) – для Копейска и Коркино – 250 человек, для Камышного и Еманжелинки – 200; пожарная служба – только в Копейске и Коркино по одному депо на 3 машины в каждом⁶¹.

Из сети культурно-просветительских учреждений в Копейске планировалось создать филиал Челябинского сельскохозяйственного райкомвуза, педагогический техникум, техникум жилищно-коммунального строительства, техникум общественного питания, совпартшколу для всего района; в Коркино – техникум угольной промышленности, медицинский техникум, научно-исследовательский институт угольной промышленности. Кроме того, в Копейске и Коркино дворцы культуры должны были обслуживать, соответственно, север и юг района. Однако на деле эти учреждения ожиданий не оправдывали. Как показала проверка, проведенная обкомом ВКП(б), в Копейске прекрасно оборудованный Дворец культуры никакой массовой работы с населением не вел. Он скорее был коммерческим предприятием с кинематографом, но не рабочим клубом, при этом аппарат дворца состоял из 65 человек. Во дворце имелась комната, обставленная мягкой мебелью из подмосковных дворянских усадеб, предна-

значенная для ударников и ИТР, но туда никого не пускали, боясь испортить дорогую мебель. С ликвидацией неграмотности дело также обстояло неблагополучно. Специально этими вопросами во дворце никто не занимался. С нацменами же вообще никакой работы не проводилось⁶².

В ходе обсуждения генерального плана Копейский райком ВКП(б) обращал внимание обкома на то, что в городе не было ни одного жилого дома для работников райисполкома, горсовета, учителей, медперсонала, не имели своих жилых помещений и такие организации, как промторг и кооперативы, работники которых вынуждены были селиться где придется. Райком просил помощи в отпуске средств на мероприятия, ассигнования на которые не были предусмотрены ни по линии наркомтяжпрома, ни по линии местного бюджета: 1) на постройку гостиницы в Копейске, так как приезжающим командированным негде было переночевать; 2) на постройку Дома колхозника, так как в районе проживало около 15 тыс. колхозников, которые, приезжая в город, не могли найти себе ночлега; 3) в Копейске и поселках не было ни одного специализированного кинотеатра, поэтому райком просил запланировать в городе кинозал, летний театр, местное радио; 4) очень серьезно стоял и вопрос о строительстве магазинов, так как большинство имеющихся помещений под них – это перестроенные бывшие конюшни, амбары и, в лучшем случае, барачные помещения временного типа, необходима была постройка минимум двух универмагов и большого гастронома; 5) Копейску требовалось новое здание городской бани, так как то помещение, которое под нее было приспособлено, не отвечало самым элементарным санитарным нормам и было крайне ничтожным по размерам; 8) профком угольщиков предлагал построить детскую техническую станцию; 9) из-за неразвитости сети общественного транспорта многие горняки вынуждены были ходить на работу за 6 – 7 километров, поэтому райком просил выделить городу хотя бы три автобуса⁶³.

Весной 1935 г. к председателю рудкома угольщиков пришли жены инженерно-технических работников треста с требованием открыть в Копейске детский сад. 35 женщин, подписавших заявление, высказали следующие пожелания: 1) открыть немедленно детский сад, куда пожелали отдать своих детей 70 человек; 2) ликвидировать очереди в гардероб Дворца культуры угольщиков; 3) выделить автобус, который возил бы желающих в Челябинские театры и кинозалы; 4) за всю зиму в городе не было организовано ни одного танцевального вечера; кроме того, жены ИТР хотели не только танцевать то, что уже умели, но и учиться западным танцам – фокстроту и танго; 5) необходимо открыть в городе дамскую парикмахерскую, в которой можно было бы сделать завивку волос и маникюр. Эти просьбы профсоюз решил удовлетворить, однако оставался

нерешенным еще вопрос об организации летнего отдыха, так как в Копейске не было на тот момент ни стадиона, ни парка культуры, ни пригодного для купания водоема⁶⁴.

***Реализация генерального проекта развития шахтерских городов
в 1936 – 1947 гг.***

25 октября 1935 г. вышло Постановление Главугля о планируемом снижении численности рабочих бассейна на 37% в связи с ростом производительности труда. Это Постановление было принято на волне ожиданий высокой отдачи от начавшегося в стране стахановского движения. Опираясь на данный документ, Копейский райисполком в своем постановлении от 13 февраля 1936 г. предложил отказаться от строительства южного сателлита Копейска – города Камышное и объединить поселки Северный и Горняк. С этими соображениями согласился и Главуголь. Мотивировка райисполкома была достаточно простой: 1) близость камышинских месторождений к Копейску (4 км, т.е. ближе, чем расстояние между поселками Северный и Горняк, равное 8 км); 2) трудность освоения новой площадки из-за неразвитости там пока инфраструктуры; 3) возможность рационального сокращения расходов на новую площадку; 4) численность населения городов Копейск и Камышное на конец расчетного периода при ее суммировании и с учетом рекомендованного снижения числа рабочих на 37% совпадала с заложенной в генпроект численностью населения одного Копейска, что позволяло избежать генеральной ломки всего проекта⁶⁵. Таким образом, стахановское движение предопределило судьбу генплана, сохранив планировку Копейска на его старой территории, пересеченной множественными горными выработками.

В 1940 г. вместо строительства города Камышное Копейский горсовет предложил осуществить размещение трудящихся шахт № 41, 42, 41-бис и 43-бис Камышинского участка в южной части Копейска, для чего признавалось целесообразным построить особый поселок (будущие поселки им. Бажова и Старокамышинск).

В Коркино с 1936 по 1940 гг. проводились инженерно-геологические и гидрогеологические изыскания на площадке строительства, которые затянулись. Кроме того, за это время произошли изменения в перспективах развития города. Так, вместо 4-этажной застройки для угольных районов основным типом по решению Главугля стала малозэтажная. Если первый проект предусматривал рост численности населения до 50 тыс. человек, то после корректировки, связанной с Постановлением Главугля от 25 октября 1935 г., этот рост должен был ограничиваться 35 тыс. жителей. Корректировка проекта была сделана⁶⁶. К 1941 г. поселок Коркино, догнавший Копейск по объемам добычи угля, все еще не имел никакого

сообщения связи с областным центром. Не было ни шоссейной дороги, ни пассажирского движения по железной дороге.

В заключении, сделанном в 1940 г. главным архитектором Челябинска Н.Егоровым по чертежам планирования поселков Копейск, Горняк, Коркино и Еманжелинка, говорилось: «Считаю установку Горстройпроекта на развитие в поселках Коркино и Еманжелинке преимущественно малоэтажного строительства (каменного двухэтажного) правильной и обоснованной... Считаю целесообразным введение в застройку четырехэтажных каменных зданий только в количестве, необходимом для архитектурного оформления будущего городского центра (в пределах 20 – 25% от жилфонда). Удельный вес индивидуальной застройки, получившей в последние годы интенсивное развитие, желательно повысить до 15 – 20%». ⁶⁷

По переписи населения 1939 г. в Коркино и Еманжелинке имелось по 11 тыс. жителей, а в Копейске проживало уже более 60 тыс. человек, т.е. больше, чем предусматривал генеральный проект для конца 1940-х гг. Однако выдержать темпы, предусмотренные первой очередью строительства, не удалось, планы оказались сорваны. Последующее развитие городов Челябинского угольного бассейна и реализация их генеральных планов были сильно деформированы условиями военного времени.

Проследить процесс деформации генплана можно на примере города Копейска. Около 10 тыс. копейчан были призваны на фронт в действующую армию, но на их место пришли новые рабочие. Вместе с эвакуированными предприятиями, такими, как Горловский завод горного машиностроения и Бердянский завод «Строммашина», сюда в 1941 г. прибыло и население, эвакуированное или бежавшее из оккупированных районов СССР. Всего в Челябинскую область было эвакуировано около 500 тысяч человек, из которых более 50 тыс. в Копейск, Коркино и Еманжелинку. В феврале 1942 г. были проведены трудовые мобилизации, по которым в город поступило около 7 тыс. рабочих, мобилизованных в Средней Азии, а в 1944 г. – 2200 человек из Молдавии. Чтобы решить проблему обеспечения угледобычи рабочими кадрами, в город стали ввозить заключенных чебаркульской и харьковской пересыльных тюрем, а с 1942 г. начали в массовом порядке создавать в Копейске поселения трудмобилизованных немцев Поволжья, которые должны были использоваться только на тяжелых работах в шахтах и на строительстве. Столь стремительный рост населения привел к тому, что к концу войны в городе проживало уже более 100 тыс. человек, что вновь обнажило проблему нехватки жилья. За четвертый квартал 1941 г. для эвакуированных в спешном порядке было возведено 12 тыс. кв. м временного жилья в землянках, бараках, домах-крышах, но проблему это не решило, так как на одного человека в городе приходилось только 2,6 кв. м жилой площади ⁶⁸. В результате дальнейших

миграций, особенно из-за появления трудмобилизованных немцев, на отдельных предприятиях плотность проживания была такой, что на 1 кв. м жилья размещалось 3,7 человека. В этих условиях спать приходилось по очереди. В 1943 г. было принято Постановление ГКО о запрете на возведение временного жилья. В городе начали строить капитальные дома по типовым, но упрощенным проектам. Правда, на все категории населения, «пораженные» в гражданских правах, это Постановление не распространялось. Всего за годы войны было сдано в эксплуатацию 81,3 тыс. кв. м жилья и 46 объектов культурно-бытового назначения (школ, клубов и детских садов). Изменения в составе и численности населения Копейска, произошедшие в годы войны, потребовали разработки нового плана развития города. Работы по его составлению были начаты Ленинградским отделением Гипрогора в августе 1946 г. Техничко-экономические основы генерального плана Копейска были разработаны к началу 1947 г. архитектором А.П. Слонимским и утверждены Исполкомом Челябинского областного Совета депутатов трудящихся 13 мая этого года⁶⁹.

Жилищный вопрос продолжал оставаться одной из наиболее сложных проблем. Каменных и кирпичных домов в городе было только 20%, еще 22% составляли дома деревянные, а все остальное – землянки, дома-крыши, саманные, каркасно-засыпные и каркасно-камышитовые бараки временного типа. К концу 1948 г. в Копейске имелось 171,4 тыс. кв. м жилья. Но его состояние было крайне изношенным из-за большого количества временных построек. На одном только поселке Афон было 1150 землянок площадью 22400 кв. м. Из инженерных коммуникаций, предусмотренных генпланом 1936 г. некоторое развитие за десять лет получила только водопроводная сеть, которая имела к 1947 г. уже протяженность 56,6 км, но включала всего 160 домовых подключений. Канализация и горячее водоснабжение в городе отсутствовали полностью⁷⁰.

Таким образом, проект 1936 г. так никогда и не был реализован в полной мере, но его основные положения, касавшиеся планировки центральных частей шахтерских городов, легли в основу их последующих генеральных планов, позволив сохранить градостроительный вектор развития в пределах тех территорий, которые были намечены для данных городов в середине 1930-х гг.

ПОСЛЕВОЕННОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ СТАЛИНГРАДА: ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАН 1944 ГОДА И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ

Ю.Л. Косенкова

Сталинград (с 1961 г. Волгоград) стал известен всему миру благодаря той переломной роли, которую он сыграл в Великой Отечественной войне. Германские войска с июля 1942 г. по февраль 1943 г. потеряли здесь около четверти своих сил. Сталинград стал городом, откуда началось наступление Советской Армии, приведшее в конечном итоге к победе.

В ходе Сталинградской битвы крупный промышленный город был превращен в груды обломков и искаженного металла¹. У. Черчилль на Тегеранской конференции предложил не восстанавливать город, построить его на новом месте, а руины оставить в качестве музея. Однако вопрос восстановления Сталинграда имел слишком большое политическое значение как для правительства страны, так и для народа.

До войны Сталинград (до 1925 г. – Царицын) играл значительную роль в экономике страны. В годы первых пятилеток он стал центром экономической жизни Поволжья². В двадцатых годах здесь работали крупнейший металлургический завод «Красный Октябрь», завод «Баррикады», второй по величине в Союзе трест «Волго-Каспий-лес», объединивший лесозаводы трех губерний, крупнейшая судостроительная верфь, развивалось маслобойное и кожевенное производство, открылись государственные организации Пайторг и Торговая биржа. Значительным событием стала закладка в 1926 г. первого в стране и крупнейшего в Европе тракторного завода.

Быстрые темпы индустриализации сделали Сталинград в конце 1920-х – 1930-е гг. объектом внимания архитекторов, занятых в то время поисками «социалистической системы расселения», новых типов жилища. На конкретной градостроительной ситуации Сталинграда отрабатывались принципы архитектурной организации новой жизни, в ходе творческих дискуссий он не раз упоминался наряду с такими индустриальными городами, как Магнитогорск, Новокузнецк, Нижний Новгород³. Схемы планировки Сталинграда в эти годы разрабатывали выдающиеся советские зодчие братья Веснины, В.Н.Семенов, известный теоретик градостроительства Н.А. Милютин, новые типы социалистического жилища проектировали братья Веснины, И.А. Голосов и др. Город рассматривался тогда как опыт крупного социалистического строительства, в котором все элементы производства, культуры и быта должны быть рационально увязаны между собой⁴. К концу 1930-х гг. Сталинград превратился в крупнейший промышленный центр юга страны⁵. В 1939 г. Гипрогором была закончена работа над генеральным планом города.

Тем, кто работал над послевоенным восстановлением Сталинграда, предстояло не только вернуть городу его бывшее экономическое значение, не просто возродить промышленность и построить жилые и общественные здания. Задача в контексте своего времени ставилась сложнее: создать город-памятник Победе. Такая постановка проблемы тогда принималась всеми⁶. Трудность ее решения усугублялась тем, что Сталинград был первым из крупных советских городов, подлежавших восстановлению. Никогда еще архитекторам и строителям не приходилось в столь короткие сроки и в столь трудных условиях проектировать и строить город с более чем полумиллионным населением. Это потребовало не только величайшего напряжения сил, но, прежде всего, реорганизации всего проектно-строительного дела, разработки новых принципов градостроительства. О необходимости проектировать по-новому восстанавливаемые города говорилось и в письме М.И. Калинина Председателю только что созданного Комитета по делам архитектуры при СНК СССР⁷.

Генеральный план Сталинграда разрабатывался в 1943 – 1944 гг. В марте 1943 г. в Сталинграде побывал Б.М. Иофан⁸, а уже в июне по заданию СНК СССР в город прибыла группа архитекторов, в которую входили А.В. Щусев, А.Г. Мордвинов, К.С. Алабян, Н.Х. Поляков и др., и наметила задания для разработки новой планировки города⁹.

В октябре 1943 г. экспертная комиссия при Госплана СССР, в которую вошли крупные архитекторы-градостроители, специалисты по отдельным отраслям инженерного оборудования городов, врачигиенисты, рассмотрела форпроекты планировки Сталинграда, разработанные в порядке творческого соревнования Академией архитектуры СССР, Гипрогором, архитектурно-планировочной мастерской НККХ РСФСР, а также академиком архитектуры Б.М. Иофаном. За основу был принят проект Академии архитектуры (руководитель К.С. Алабян, арх. Н.Х. Поляков, Д.М. Соболев, А.А. Дзержкович, А.Е. Пожарский, при участии А.В. Щусева)¹⁰.

В предварительной схеме планировки, утвержденной СНК СССР в июле 1944 г., уже содержались все принципиальные положения, впоследствии развитые и закрепленные в генеральном плане города (ил.20). Большой объем разрушений позволил поставить вопрос о решительной корректировке предвоенной планировки Сталинграда и исправлении ее недостатков. Исторически сложилось так, что город, возникший в свое время из системы поселков при промышленных предприятиях, растянувшихся вдоль Волги, оказался отрезанным от реки производственными зонами и железнодорожной веткой. Сталинград имел путаную сеть улиц, затруднявшую сообщение между отдельными районами, застройку, безотносительную к выигранным природным условиям города. Железнодоро-

рожная магистраль разрезала город, не давая ему развиваться на запад. Территория была изрезана множеством неблагоустроенных оврагов, вместе с тем город не имел достаточного количества зеленых насаждений, столь необходимых в сухом и жарком климате. В проекте, разработанном под руководством К.С. Алабяна, эти недостатки были в значительной степени преодолены, но сохранена историческая планировка, вытянутость города вдоль берега. Этим проект существенно отличался от планировки Гипрогора 1939 года, намечавшей развитие города от реки в степь и трактовавшей селитебную территорию как один сплошной массив.

По проекту Академии архитектуры селитебная территория города разделялась на части большими зелеными разрывами. Железнодорожная ветка и часть предприятий не восстанавливались в прибрежной зоне, благодаря этому все жилые районы получали выход к реке в виде озелененных набережных. Вдоль центральной части города, от впадения в Волгу реки Пионерки (Царицы) до бывшей территории нефтяной базы проектировалась центральная набережная, переходившая в обширный парк культуры и отдыха. Парк, служивший связующим звеном между центром и северным районом крупнейших заводов (так называемым Металлогородом), включал в себя 117-метровый Мамаев курган со зданием панорамы Оборона Сталинграда и ближе к реке физкультурную зону с Центральным стадионом¹¹.

Примыкавший к центру с юга Ворошиловский район получал выход к реке за счет укорочения пристани. По согласованию с Наркоматом речного флота большая часть операций переносилась в пригородный Красноармейск, в основной речной порт при устье проектируемого Волго-Донского канала¹². Разгружался и реконструировался также железнодорожный узел. С разрешения Наркомата путей сообщения железнодорожная линия заглублялась настолько, чтобы можно было организовать движение в поперечном направлении в разных уровнях.

Транспорту в проекте было уделено чрезвычайно много внимания, поскольку для Сталинграда, растянувшегося с севера на юг, этот вопрос имел особое значение^{13,14}. Намечалось три продольных магистрали: нижняя (по условиям рельефа, повышающегося от берега Волги к Ергенинским высотам), связывавшая центр с заводами, парком культуры и отдыха и ведущая в южные пригороды – Бекетовку и Красноармейск; средняя, соединявшая жилые районы между собой и имевшая значение обходной магистрали; верхняя, проходившая по периметру города с запада, для скоростного транзитного движения. Эти магистрали связывались между собой рядом широких поперечных озелененных улиц.

Вдоль озелененных оврагов проектировалась целая система прогулочных аллей, в частности, намечался пешеходный бульвар, ведущий напря-

мую от центра к Мамаеву кургану и открывавший перспективу на здание панорамы Оборона Сталинграда.

Важнейшей составной частью проекта стала разработка основной идеи центрального ансамбля Сталинграда. В довоенном Сталинграде главной была площадь Павших борцов, названная так в честь Царицынской обороны 1918 – 1919 гг. По новому плану главный идейно-смысловой акцент центрального ансамбля переносился на берег Волги. Здесь при впадении в Волгу реки Пионерки проектировалась новая главная площадь города в виде вытянутого по реке прямоугольника, призванного органически связать центр города с Волгой. Эта площадь, где предполагалось соорудить грандиозный монумент Славы и музей Оборона Сталинграда, рассматривалась как место проведения праздничных демонстраций. Площадь Павших борцов соединялась с площадью Славы широкой Аллеей героев, образуя вместе с ней центральный ансамбль города.

Таковы были основные моменты генерального плана, работа над которым была закончена в декабре 1944 г.¹⁵ В марте следующего года Комитет по делам архитектуры при СНК СССР и Управление по делам архитектуры при СНК РСФСР на совместном заседании одобрили генеральный проект планировки Сталинграда. В апреле того же года генплан был утвержден СНК РСФСР¹⁶.

Работа над генеральным планом Сталинграда во многом способствовала сложению принципов послевоенного советского градостроительства. Найденные в этом проекте основные положения впоследствии были развиты и закреплены в виде правительственных постановлений¹⁷. Они предполагали концентрацию восстановительного строительства преимущественно в центральных районах города с обязательным соблюдением требования целостной застройки улиц и площадей, с одновременным их благоустройством и озеленением, прокладкой всех необходимых сетей. Особый акцент делался на устранении недостатков предвоенной планировки, связи с природным ландшафтом, выявлении индивидуальных особенностей города, нахождении точных образных характеристик центра.

Целостность восстановительного строительства, его максимальный градостроительный эффект, основанный на строгом соблюдении дисциплины генерального плана – вот основные требования, предъявлявшиеся правительством к архитекторам и строителям. Это стало главным критерием, по которому в течение многих лет оценивались все достоинства и недостатки восстановления городов¹⁸. Пример Сталинграда наглядно показывает, как невероятно трудно было осуществить это требование на деле. Город, восстановление которого началось в разгар войны, испытывал острейшую нужду в рабочей силе, строительных материалах и механизмах, несмотря на то что страна оказывала Сталинграду всемерную

поддержку и помощь. В город шли эшелоны с подарками, проводился сбор средств в фонд восстановления Сталинграда¹⁹. Совнарком СССР обязал все наркоматы, ведающие промышленностью, транспортом и связью, выделить Сталинграду оборудование и материалы, откомандировать квалифицированных рабочих. Для восстановления промышленности города были созданы тресты Тракторострой и Металлургстрой²⁰. На базе областного строительного треста Сталинградгражданстрой в городе было создано управление по восстановлению жилищно-коммунального хозяйства²¹. Тысячи молодых людей приезжали на восстановление города²². Среди жителей возникло т.н. «черкасовское движение», впоследствии получившее широкое развитие во всех восстанавливаемых городах страны²³. И все же, несмотря на все предпринятые усилия, обеспеченность рабочей силой летом 1943 г. не превышала 25-30%. План по жилищному строительству выполнялся только на 10%²⁴.

Но дефицит рабочей силы и материальных средств был только частью проблемы. Не менее сложной была организационная сторона дела. Только санитарная очистка и разминирование города требовали многих месяцев напряженного труда²⁵, но ни на один день нельзя было откладывать разборку завалов, подготовку участков для строительства, разработку проектов, восстановительное и новое строительство. Население города стремительно росло, людям нужно было жилище^{26,27}. Эта необходимость одновременно и параллельно делать то, что по логике вещей полагалось делать последовательно, порождала множество трудностей, усугублявшихся захлестнувшей город стихией беспланового строительства. В центральных и периферийных районах возникали целые поселки из деревянных и саманных хибарок. Строители, приходившие на участок, часто сталкивались с людьми, живущими в кое-как приспособленных развалинах, переселять их было некуда. Многие предприятия строили свои поселки, сообразуясь только с ведомственными интересами. Плановое восстановительное строительство в первые годы также носило в основном штучный характер, основываясь на критериях наибольшей сохранности фундаментов и коробок²⁸. Индивидуальное строительство, составлявшее значительную часть жилого фонда²⁹, также создавало дополнительные сложности в формировании облика города.

Огромные организационно-технические трудности, связанные с восстановлением городов, потребовали участия в этой большой работе не только профессиональных проектировщиков-градостроителей, но и не менее профессиональных архитекторов-организаторов, умевших соотносить творческие идеи генерального плана с реальным строительством³⁰. В Сталинграде должность главного архитектора города свыше 20 лет (1944 – 1957) занимал член-корреспондент Академии архитектуры СССР

В.Н. Симбирцев. Он приехал в Сталинград уже сложившимся мастером, со значительным творческим опытом³¹, но с задачей подобного масштаба столкнулся впервые. Основная проблема состояла в том, чтобы выработать правильную стратегию застройки города, сориентировать системы проектирования и строительства на единую цель, суметь найти точный баланс между тем, что воплощалось в проектные мечтания о городе-памятнике Победы, и тем, что диктовалось суровыми буднями первых послевоенных лет.

Работа над образом города началась еще на стадии проработки схемы планировки Сталинграда. На ее основе виднейшими мастерами архитектуры был сделан ряд проектов, сыгравших немаловажную роль в дальнейшей работе над генеральным планом и архитектурно-пространственным образом центрального ансамбля города. В этой работе принимали участие: А.В. Щусев, создавший вариант планировки части центра в перспективах; Б.М. Иофан, разработавший проекты части центра и монумента Славы; Г.П. Гольц, Л.В. Руднев, В.Г. Гельфрейх, внесшие свои предложения по реконструкции центральных площадей Сталинграда. В ряду работ, тяготеющих к первому этапу проектирования Сталинграда, выделялись талантливые проекты центрального монумента и здания панорамы на Мамаевом кургане, созданные Г.А. Захаровым³².

В 1945 – начале 1946 гг. Комитет по делам архитектуры организовал один открытый и два закрытых конкурса на проект центра Сталинграда³³. Эти конкурсы выявили как наиболее приемлемые решения, так и крайности, которых следовало избегать. Участниками второго закрытого конкурса, прошедшего в марте-апреле 1946 г. и давшего наиболее проработанные проекты, были Б.М. Иофан, Л.В. Руднев, В.Н. Симбирцев, А.Ф. Хряков и З.О. Брод, Е.Н. Стамо и В.В. Пелевин³⁴ (ил. 21 – 26, 28).

В проектах основное внимание было уделено центральному ансамблю, поиску композиционных соотношений между монументом Славы, музеем Оборона Сталинграда, Домом Советов и памятником Сталину, трактовавшемся тогда как неотъемлемая часть ансамбля³⁵. Заданное генеральным планом условие, по которому на берегу Волги создавалась новая главная площадь города, создало довольно противоречивую ситуацию, затруднявшую композиционное решение центра: необходимо было растянуть главный ансамбль вдоль Волги и одновременно дать ему мощное развитие в глубину города. Создавалось своеобразное функциональное и идейно-смысловое соперничество между двумя главными площадями города – старой и новой. Проведение торжественных церемоний и демонстраций на площади Славы функционально было не слишком удобно, на площади Павших борцов – недостаточно торжественно. В конкурсных проектах приоритет попеременно отдавался то старой, то новой

площади³⁶. В проекте Б.М. Иофана, например, доминирующее значение площади Славы достигалось путем ее изоляции от остальной части ансамбля. Музей Оборона закрывал вход с площади в Аллею героев. Разрыв между корпусами музея, в котором были помещены монумент Победы и скульптура Сталина, не устранял ощущения изоляции.

По мнению Л.В. Руднева, монумент Победы должен был подчинить себе всю центральную часть города. В его проекте монумент, площадь Славы и вливавшийся в нее сквер приобрели гигантские размеры в ущерб уменьшенной и совершенно незначительной площади Павших борцов.

По-своему подошел к решению проблемы В.Н. Симбирцев. Он разместил Дом Советов между двумя площадями, а площадь Павших борцов решил несколько натуралистичным приемом, отведя ее под некрополь павших воинов. Тем самым назначение площадей разделилось более четко, но рядом с центральным ансамблем, на оси Базарного взвоза, Симбирцев запроектировал огромную круглую площадь неопределенного назначения, соперничавшую с центральным ансамблем.

Два других проекта, участвовавших в конкурсе, акцентировали перпендикулярную реке ось ансамбля, уничтожая тем самым протяженность вдоль берега площади Славы, что, по мнению жюри, противоречило градообразующим принципам Сталинграда.

Ни один из конкурсных проектов не был принят к осуществлению, но эти материалы позволили группе Академии архитектуры в том же 1946 г. разработать детальный проект планировки центра (авторы К.С. Алабян (рук.), Н.Х. Поляков, Д.М. Соболев, А.Е. Пожарский, инж. В.А. Бутягин, экон. Я.П. Левченко).

Работу Академии архитектуры отличало от предыдущих конкурсных проектов одно существенное качество. Здесь (отнюдь не в ущерб монументальности решения) в значительной степени были преодолены тенденции гигантомании, подчинения всего живого организма городского центра музейно-мемориальной функции. Такая реалистичная трактовка центра не всегда встречала понимание. Например, В.Г. Гельфрейх, анализируя этот проект, писал, что застройка Аллеи героев жилыми корпусами не создаст необходимой парадности, ее архитектура должна быть решена, бесспорно, в монументальных формах типа пропилей³⁷.

Строительство на века, тема увековечения, величественного монумента стала основной и при проектировании Дома Советов для Сталинграда³⁸. «Монументализация» задания сказала уже в первом туре конкурса, проходившего в 1947 г.: объемы здания всеми участниками были значительно завышены. Конкурсом на Дом Советов был начат третий этап конкретизации архитектурных задач по проектированию города после разработки генерального плана и центра. Архитектура Дома Советов

должна была определить собой тон застройки всего парадного ансамбля города.

Тема главного здания города к тому времени для советской архитектуры успела стать в какой-то мере традиционной. Проектирование московского Дворца Советов, начатое в 1931 г., создало чрезвычайно впечатляющий и мощный по силе воздействия прецедент. В ходе восстановления разрушенных городов Дом Советов все еще мыслился как необходимый элемент городского центра, его смысловое и композиционное ядро. Московские зодчие сороковых годов воспринимали не построенное здание Дворца Советов как реально существующее, учитывали его в своих проектах³⁹. Но в послевоенные годы статус главного объекта мог быть придан уже не только Дому Советов – символу «торжества социализма», но и мемориальному сооружению – символу Победы. О сложностях, которые создавала эта смысловая двойственность, наглядно свидетельствует история планировки центра Сталинграда и проектирования Дома Советов.

В Сталинграде одна из существенных трудностей проектирования центрального ансамбля заключалась в том, что его планировка вынуждала нарушить сложившийся стереотип единственного здания, фокусирующего на себе все визуальные и смысловые связи центра. Поскольку основной акцент делался, по замыслу К.С. Алабяна, на площади Славы, участок для Дома Советов был отведен сбоку от основной оси, на южной стороне площади Павших борцов. Планировка как бы заставляла пластически развивать здание Дома Советов таким образом, чтобы следовать за основной осью, лишь подчеркивая направление к кульминации ансамбля – площади Славы. Неизбежно возникал композиционный конфликт, трудно разрешимый в системе архитектурного мышления тех лет.

Два из трех проектов, участвовавших в первом туре конкурса (Г.П. Гольц, Н.Я. Колли и В. Калинин), предложили динамичную, асимметричную композицию здания, со смещением главного входа и башни в сторону реки. Автор третьего проекта (В.Н. Симбирцев) в развитие своей предыдущей идеи поставил Дом Советов на главной оси, фланкируя двумя корпусами Аллею героев. Он исходил при этом из реальных возможностей города, подчеркивал, что сооружение мемориала на площади Славы – дело далекой перспективы, а строительство Дома Советов даст хорошую возможность для оформления центра. Главный смысловой акцент, таким образом, переносился на Дом Советов, но при этом нарушалось условие раскрытия всего комплекса в сторону Волги.

Во втором туре были дополнительно приглашены И.В. Жолтовский, Л.М. Поляков, В.В. Лебедев и П.П. Штеллер. Л.М. Поляков сделал попытку трактовать Дом Советов как главное сооружение в городе с помо-

щью центричной композиции, подчеркнув его расположение на боковой стороне площади лишь смещением обелиска. Однако симметричное решение, отвечая задаче «монументальности», плохо вязалось с боковым расположением здания. В.В. Лебедев и П.П. Штеллер представили вариант асимметричного построения здания.

И.В. Жолтовский в трех вариантах проекта, разработанных им со своими молодыми сотрудниками (М.О. Барщ, Ю.Н. Шевердяев, З.С. Чернышева, Г.Захаров) пытался преодолеть возникшее противоречие, сильно выдвинув центральную часть здания вперед, как бы пытаясь приостановить движение вдоль центральной оси. Однако это смелое решение нарушало общую композицию площади Павших борцов и потому также не соответствовало заданию.

В ходе конкурса так и не было найдено ни композиционное, ни художественно-образное решение задачи. В большинстве проектов так или иначе трактовались формы русской и западной классики, делались попытки найти их органичное соединение. Пожалуй, наиболее законченную концепцию формы выдвинул И.В. Жолтовский. Она основывалась на двух идеях. Первая заключалась в том, что Сталинград – город-крепость и формы здания должны отражать это. Вторая идея касалась использования традиций: Жолтовский отрицал возможность использования в новом советском городе, не имеющем памятников старины, традиций русской архитектуры. Он считал, что такому городу должна быть присуща лишь монументальная простота форм. Эта концепция не встретила одобрения. В частности, ее подверг критике К.С. Алабян на XII Пленуме правления ССА^{40,41}.

Дальнейшая судьба сталинградского Дома Совета связана с именами Л.В. Руднева, В.О. Мунца, Л.Б. Сегала. В разработанном в конце 1940-х – начале 1950-х гг. проекте, прообразом которого послужили высотные здания Москвы, Дому Советов окончательно отводилась главенствующая роль, что подчеркивалось постановкой здания в начале центральной оси, на повышенной отметке (ил. 27). Этот проект был принят к осуществлению, но начавшаяся в середине пятидесятых годов перестройка советской архитектуры заставила пересмотреть исходные позиции.

Архитектурные конкурсы 1945 – 1947 гг., в ходе которых шли интенсивные поиски художественного образа, составили чрезвычайно важный, но как бы слегка приподнятый над реальной жизнью города уровень проектирования. На самом деле формирование облика города вплоть до начала пятидесятых годов шло иными путями, исходя не столько из желаемого, сколько из действительного положения городского строительства.

Основная тяжесть проектирования для Сталинграда была распределена между десятками иногородних организаций, часто присылавших про-

екты без всякого учета климатических условий города и его строительной базы. Например, из 38 поступивших в 1946 г. проектов – 27 пришлось перераспределять на месте⁴².

В первый год восстановления в Сталинграде были организованы филиалы крупнейших проектных организаций: Промстройпроекта, Горстройпроекта, Гипромеза, Гипроавиапрома. С февраля 1944 г. в городе работала проектная бригада Академии архитектуры во главе с Д.М. Соболевым⁴³, а с начала 1947 г. была создана постоянная группа Технического бюро Академии архитектуры для ведения проектной работы и авторского надзора. В 1945 г. в Сталинград прибыла группа демобилизованных архитекторов, составивших впоследствии костяк местной архитектурной организации^{44,45}. Но все же количество проектировщиков явно не соответствовало огромному объему проектирования. Проектная мастерская при Управлении главного архитектора в октябре 1946 г. насчитывала только 43 специалиста при утвержденном правительством контингенте в 150 человек^{46,47}. Обеспеченностьстроек проектной документацией составила в этот год 50%, а в 1947 и 1948 гг. – 67%⁴⁸.

Одной из серьезных сложностей стала парадоксальная ситуация, сложившаяся в сфере типового проектирования. Огромное количество проектирующих для Сталинграда организаций, полный произвол в выборе ими типовых проектов сводили к нулю идею типового проектирования. Чем больше развивалось типовое проектирование, тем шире становилась номенклатура строительных изделий, увеличивался разноразличий в их производстве⁴⁹. Положение с типовым проектированием усугублялось и отсутствием серий, подходящих для условий Сталинграда, а также тем, что некоторые ведомственные организации занимали особую позицию в этом вопросе, не применяя вовсе типовых проектов.

При всем важнейшем, порой даже самодовлеющем значении, придававшемся в годы восстановительного строительства формированию центра, сложение архитектурного облика Сталинграда естественным образом началось не с центра, а с северных районов, где были расположены крупнейшие заводы: Сталинградский тракторный, «Красный Октябрь», «Баррикады». По традиции, оставшейся от планировочных опытов тридцатых годов, эти районы носили общее название Металлогорода. Здесь, в зоне мощной промышленности, была наиболее острая необходимость и наибольшие возможности для восстановления. Главной проектной организацией, ведающей восстановлением Металлогорода, был Горстройпроект, который, не дожидаясь разработки генплана, создал собственные Основные положения по восстановлению города, устанавливавшие порядок общей организации и зонирования территории по этажности, районы первоочередного восстановления и индивидуального строительства⁵⁰.

В первые месяцы восстановления «выхватывались» дома с наименьшими разрушениями. Но постепенно вырабатывалась определенная система. Оказалось возможным типизировать восстановительные мероприятия и даже применить поточные методы восстановления домов целыми улицами и кварталами независимо от тяжести разрушений. Одновременно на месте проводилась работа по исправлению планировки района, вошедшая затем по согласованию с Академией архитектуры в общий проект планировки Сталинграда.

Восстановление Металлогорода велось несколькими строительными трестами всесоюзного значения⁵¹. Все они имели промышленный профиль, что позволило в короткий срок создать достаточно мощную строительную базу⁵². Возрождение сталинградских заводов, безусловно, дало богатый опыт восстановительного строительства, применявшийся и в гражданской архитектуре, наглядно показав целесообразность сохранения даже тяжело поврежденных конструкций⁵³. Но промышленный профиль стройтрестов сказывался и отрицательно, поскольку эти тресты не имели в своем составе особых управлений по жилищному строительству. План по жилищному строительству выполнялся не полностью, дома часто сдавались незаконченными⁵⁴.

Создание значительной строительной базы позволило уже в первые годы восстановления Металлогорода поставить на индустриальную основу не только производство отдельных элементов многоэтажных зданий, но и освоить строительство из гипсоблоков и гипсолитовых щитов, что, конечно, во многом ускорило восстановление жилого фонда города. Значительную роль в строительстве заводских поселков сыграл Гипроавиапром, применивший в Сталинграде серии проектов сборно-щитовых жилых и общественных зданий, разработанные в 1942 – 1943 гг. для строительства на Урале⁵⁵.

Вместе с тем обстоятельства, в которых промышленные предприятия обладали более мощной строительной базой, чем город в целом, создавали серьезный «фактор риска» при восстановлении Сталинграда. При столкновении ведомственных интересов с принципами генерального плана органам управления и контроля стоило большого труда удерживать за городом территории, отведенные для жилищного строительства⁵⁶.

Что касается строительной базы, которой располагал город, то ее формирование началось только в конце 1945 г. и проходило в основном в 1946 – 1947 гг. На основании Постановления СНК СССР от 22 августа 1945 г. «О мерах по восстановлению г. Сталинграда» в сентябре того же года было создано управление Главсталинградстрой при СНК РСФСР (вместо маломощного и не справлявшегося с заданиями управления Сталинградгражданстрой, находившегося в местном подчинении) в составе

строительных трестов Жилстрой, Культстрой и Сантехстрой⁵⁷. Весь 1946 г. ушел в основном на подготовительную работу. Строились склады, жилье для рабочих, разбирались завалы в центре города⁵⁸, готовились кадры рабочих⁵⁹. В этот период интенсивно строились и проектировались десятки предприятий строительной промышленности^{60, 61}.

Большую роль в развитии строительной базы сыграл институт Строительной техники Академии архитектуры СССР, впервые в связи с восстановлением Сталинграда поднявший вопрос о научной организации материальной базы строительства. Предложения профессора М.В. Вавилова, возглавлявшего эту работу, были рассмотрены еще в августе 1944 г., но только после войны появилась реальная возможность претворить их в жизнь⁶². Программа предусматривала не только расширение производства строительных материалов, но и максимальное внедрение индустриально-строительного производства, прогрессивных методов работ⁶³. Под руководством М.В. Вавилова был разработан и проект поточно-скоростной организации строительства на Саратовской улице (ныне ул. Мира) – первом комплексном объекте восстановления в центре города.

Проект восьми жилых кварталов по Саратовской улице был разработан в 1946 г. на основе детального проекта планировки центра под руководством К.С. Алабяна⁶⁴. Большой объем разрушений в этом районе позволил значительно скорректировать планировку, проложив новые трассы Саратовской и прилегающих к ней улиц. Если в периферийных районах города всемерно поощрялось применение типовых проектов, то при проектировании центра к этому вопросу подошли более осторожно: для комплекса на Саратовской улице каждый дом проектировался индивидуально. В связи с этим многократно и детально обсуждался вопрос об образе жилища, появилось даже понятие «монументального жилья»⁶⁵. В заслугу авторам ставилась ориентация не на отдельный дом или квартал, а на целостный градостроительный ансамбль. В этом жилом комплексе было найдено верное композиционное соотношение между кварталами и улицами. Последние трактовались как единые целостные композиции, но при этом не страдала и планировка кварталов, небольшие размеры и замкнутый характер которых отвечали специфике климата Сталинграда с обилием солнца и сухими пыльными ветрами.

Застройка Саратовской улицы трактовалась не просто как жилые кварталы, в структуре образа города ей отводилась значительная роль. Вместе с замыкавшим перспективу комплекса зданием планетария⁶⁶, оборудование для которого было подарено Германской Демократической республикой, Саратовская улица носила символический характер и не случайно была переименована в улицу Мира (ил. 29).

Если в 1947 – 1948 гг. строительство при заводских поселков в северных районах уже завершалось, получив более или менее комплексное решение, то центр города еще в значительной степени был пустынен, восстанавливались только отдельные здания. Это воспринималось как совершенно недопустимое явление⁶⁷. Главного архитектора города В.Н.Симбирцева не раз критиковали за нарушение целостности застройки. Совет Министров РСФСР в своем решении о ходе выполнения постановления союзного правительства от 22 августа 1945 г. предложил Сталинградскому горисполкому и Главсталинградстрою принять решительные меры к повышению темпов строительства, более энергично внедрять скоростные методы работ. Сталинградскому горисполкому было предложено обеспечить строгое соблюдение постановления о комплексной застройке центра и основных магистралей⁶⁸.

Эти нарекания были отчасти справедливы, но, как показала жизнь, в затяжке с застройкой центра был и свой положительный смысл, ибо при всей сжатости сроков все же необходимо было какое-то время, чтобы центральные ансамбли города вызрели в умах архитекторов. В течение нескольких лет, например, существенно изменилось отношение к такому важному вопросу, как этажность. Требование целостности застройки в условиях нехватки высококачественных строительных материалов, механизмов и сокращенных сроков строительства в первые послевоенные годы предполагалось выполнить за счет расширения малоэтажного строительства, это отражалось и в генеральных планах восстанавливаемых городов. По плану четвертой пятилетки около 75% жилищного строительства планировалось малоэтажным. Города с населением свыше ста тысяч человек, к каким относился и Сталинград, должны были застраиваться двухэтажными (до 60%) и индивидуальными домами, а их центры многоэтажными⁶⁹.

В генеральном плане Сталинграда многоэтажная застройка в 4-5 этажей ограничивалась центральными кварталами и основными магистралями, что составляло 12% площади всей застройки. Чтобы не закрывать город от Волги, кварталы, расположенные вдоль набережной, предполагалось осуществить смешанной застройкой, преимущественно двухэтажной, с введением в нее отдельных многоэтажных зданий (17%). Остальная застройка города планировалась малоэтажной, причем индивидуальный сектор составлял 37%⁷⁰. По заказу Комитета по делам архитектуры для Сталинграда даже был разработан специальный проект, рекомендованный затем в качестве методического материала по застройке городских кварталов малоэтажными домами⁷¹.

Однако на фоне официозных художественных задач, ставившихся тогда перед архитекторами, достаточно быстро пришло понимание того, что

малозэтажное строительство не только оттягивает значительные силы от основных магистралей, не только снижает плотность застройки, но и значительно ухудшает возможности формирования облика города, трактованного прежде всего как памятник Победы. Главный архитектор Сталинграда, В.Н. Симбирцев был одним из инициаторов повышения этажности не только на уже строившейся ул. Мира, но и по городу в целом. Доля многоэтажных зданий в застройке города значительно возросла, этажность была повышена до 7 и более этажей⁷². В соответствии с этим чуть позже, в 1952 – 1953 гг., получил повышенную этажность (18 этажей) и проект Дома Советов, разработанный под руководством Л.В. Руднева⁷³.

Период 1948 – 1951 гг. отмечен новым качественным уровнем в восстановлении города. Правда, эти сдвиги обозначились пока еще не столько в реальной застройке, сколько в сфере концептуальной. В этот период вышел ряд правительственных постановлений по восстановлению Сталинграда⁷⁴, произошла своеобразная подготовка к переходу на новый градостроительный масштаб, к активному формированию художественного облика города. Это сказалось не только в повышении этажности, но и в том, что впервые была сделана попытка увидеть город в целом, оторваться от художественно-образных поисков в небольшом центральном районе (примерно 10% от всей селитебной территории) и почувствовать звучание всей полифонии города. Непосредственным поводом к этому послужило принятое в 1949 г. по инициативе городских властей решение о пробивке единого планировочного стержня – проспекта Сталина (ныне проспект В.И. Ленина)⁷⁵. Этот проспект, только первая очередь которого имела в длину 18 км, а в ширину свыше 70 м, предполагалось застраивать как единый ансамбль. Грандиозные трудности, связанные с осуществлением этой задачи, были очевидны. Она могла быть решена только на основе четкой системы пространственных ансамблей, служащих регулирующим началом в застройке города. Сразу же обнаружились гигантские «белые пятна» – отсутствие серьезных планировочных проработок для всей южной части города и для территорий от центрального ансамбля до Мамаева кургана.

В корректировке генерального плана, проведенной в 1951 г. под руководством В.Н. Симбирцева, эта новая градостроительная ситуация была учтена. Существенные сдвиги произошли и в центральном ансамбле. По предложению Л.В. Руднева была скорректирована ось Аллеи героев, ранее выходившая к Волге под углом. М.П. Парусников разработал проект ее застройки, по которому жилые дома по обеим сторонам возводились «под один карниз», с повышением этажности от 7 до 9 этажей по мере падения рельефа при приближении к набережной. Поперечная Советская

улица перекрывалась монументальными арками⁷⁶. Все эти меры, несомненно, способствовали повышению цельности и художественной выразительности центрального ансамбля, застройка которого началась в этот период с реконструкции первой очереди набережной и строительства здания Областной партийной школы на площади Павших борцов⁷⁷. В 1951 г. Е. Вучетичем и В.Н. Симбирцевым был разработан предварительный проект мемориала на Мамаевом кургане.

Переход к новому градостроительному масштабу потребовал, естественно, значительного развития строительной базы. С 1951 по 1955 гг. на западной окраине города у станции Разгуляевка (развитие этого района было предусмотрено еще генпланом 1945г.) возникли 15 новых предприятий строительной промышленности, в том числе заводы силикатного и красного кирпича, железобетонных изделий, черепицы, ячеистых и пенобетонных изделий⁷⁸. Природные условия Сталинградской области создавали благоприятные возможности для развития мощной строительной базы⁷⁹.

Большой размах приобрело создание строительной базы. Начиная с 1954 г., в стране, как известно, был взят курс на внедрение сборного железобетона. Сталинград был в числе городов, где началось сооружение первых четырех крупнейших заводов сборного железобетона⁸⁰.

Как и в конце сороковых годов, в Сталинграде проявили осторожность в формировании архитектурного облика ответственных участков города, ведя индустриальное строительство только на второстепенных магистралях и свободных окраинных территориях. Центр города, центральная и северная части проспекта В.И. Ленина в эти годы интенсивно застраивались по ранее разработанным индивидуальным проектам⁸¹. Влияние новых эстетических веяний сказалось в том, что возникали различные предложения прекратить уже начатое строительство на Аллее героев и застраивать весь комплекс типовыми пятиэтажными домами⁸². Участок, отведенный под Дом Советов, предлагалось превратить в жилой квартал, оставив небольшой разрыв в застройке для административного здания⁸³.

Если в сороковых годах необходимо было уберечь город от гигантомании, излишне натуралистичных решений, пышной помпезности, то теперь нельзя было допустить перекося в сторону излишней обыденности, разрушения целостного облика важных в композиционном и идейно-смысловом отношении участков города. Большую роль здесь сыграл авторитет главного архитектора города В.Е. Масляева, сменившего в конце 1950-х гг. В.Н.Симбирцева.

Новое строительство в этот период велось главным образом на юге, в районах, примыкающих к вступившему в строй (1952 г.) Волго-Донскому

каналу⁸⁴, и в Кировском районе («Развилка»); на севере – у строившейся Волжской ГЭС (1951 – 1961); на западе – в районе Разгуляевки.

Несмотря на огромные трудности, которые испытывал город в период восстановления, облик районов Волгограда, сложившийся в послевоенные годы, отличается цельностью и какой-то особой приподнятостью образа. Город в целом действительно воспринимается как памятник Победы. С первых лет восстановления здесь началась большая работа по выявлению исторических мест обороны Сталинграда и установке памятников, в черте города насчитывается более двухсот таких мест⁸⁵. Они отмечены различными по масштабу и характеру произведениями монументального искусства – от скромных памятников, поставленных в первые годы восстановления на общественные средства, до грандиозных сооружений Мамаева кургана⁸⁶. Но все же определяющая роль в формировании образа города принадлежит не им – архитектура говорит сама за себя. И это делает Волгоград не только памятником конкретному событию, но, прежде всего, памятником эпохи, сравнимым по силе своего воздействия с историческими городами-музеями.

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ПЛАНЫ СОВЕТСКОГО ЧЕЛЯБИНСКА (1936, 1947, 1967): ДИАЛОГ СКВОЗЬ ДЕСЯТИЛЕТИЯ*

Е.В. Коньшева

Челябинск – один из центров урбанизированной полосы, протянувшейся вдоль отрогов Уральского хребта. За время своего существования, с момента основания в 1736 г., город претерпел революционные изменения и в статусе, и масштабах. Наиболее впечатляющей его эволюция выглядит в советское время, на протяжении которого Челябинск вырос из уездного поселения средних размеров в один из крупнейших городов страны. Планировочные основы Челябинска были заложены во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. и вплоть до середины 1920-х гг. определяли его развитие. С конца 1920-х гг. градостроительная трансформация приобрела стремительные темпы, значительно изменив облик города и определив современную планировочную структуру.

Главным объектом изучения в данном исследовании послужили генеральные планы города 1936, 1947 и 1967 гг.; кроме того, для полноты картины привлекались проекты детальной планировки отдельных структурных элементов городской среды, разнообразные проектные материалы, разноплановые архивные документы. Предметом изучения стала эволюция градостроительной структуры Челябинска (как предполагаемая и отраженная в этом качестве в генпланах и проектах, так и реальная) на протяжении 1930-х – 1960-х гг. и ее взаимосвязь с декларируемыми на том или ином историческом этапе идеологическими и архитектурно-градостроительными приоритетами.

Краткий исторический обзор

Кратко обратившись к исторической эволюции города, необходимо отметить некоторые факты. Имея статус административного и торгового города, выросшего из государевой крепости, до последней трети XIX в. Челябинск рос относительно медленно: его население в 1795 году составляло 2564, в 1863 – 5857, в 1882 – 7440 человек. Ситуация изменилась в 1890-е гг. в связи со строительством Самаро-Златоустовской и Транссибирской железнодорожных магистралей, превративших Челябинск в достаточно крупный торговый узел Урало-Сибирского региона. По данным Всеобщей переписи населения 1897 г., в городе проживало уже 19 998, а в 1910 – 62654 человек. Перепись 1926 г. – последняя, зафиксировавшая численность населения Челябинска перед демографическим скачком, дает

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 08-04-85403 а/У.

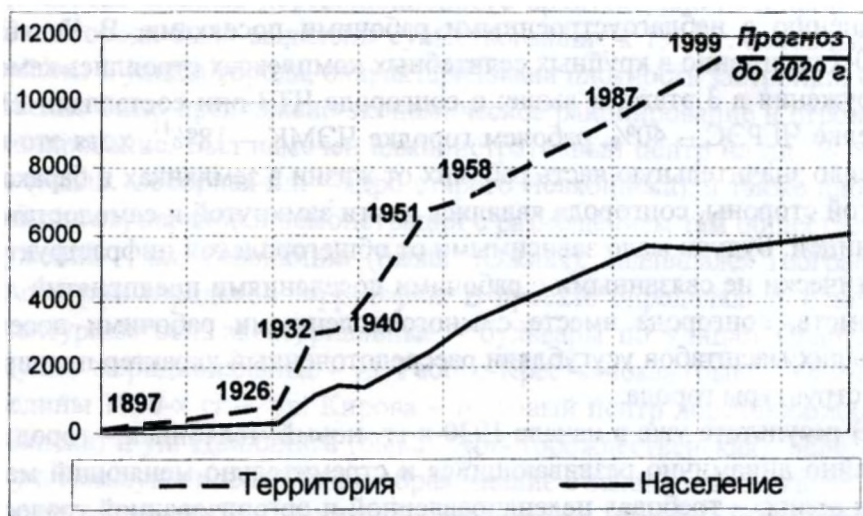
цифру в 59300 человек, запечатлев некоторый спад числа городских жителей в тяжелые революционные годы¹.

Территория Челябинска к 1926 г. составляла около 4 тыс. га². Историческая часть города представляла собой вытянутый в меридиональном направлении прямоугольник, разделенный р. Миасс на центральную и заречную части. Центральная зона обладала регулярной структурой и прямоугольно-решетчатой формой плана в отличие от бессистемно застроенной периферии. Интенсивное освоение городских окраин на рубеже XIX – XX вв. привело к образованию множества неблагоустроенных рабочих поселков при небольших промышленных предприятиях и железнодорожном узле (ил. 30). Плотность застройки была невысока: в среднем по городу она составляла от 9 до 15%, город был в основном одноэтажным (93%) и деревянным (79 – 98% построек)³.

Советская индустриализация кардинальным образом изменила ситуацию. Планы создания Урало-Кузбасской межотраслевой агломерации предопределили быстрое и интенсивное промышленное развитие региона в рамках системы экономического районирования. Определяющим градообразующим элементом стал индустриальный фактор и, соответственно, механизм градоформирования для Челябинска существенным образом изменился. В условиях жестко централизованной и плановой экономики исключительно государственные, а не муниципальные интересы определяли пути развития города. Однако «государственный интерес» на уровне практического воплощения оказывался интересом промышленных наркоматов (в конце 1920-х гг. ВСНХ, а с 1932 г. – НКТП). При этом жилищное строительство и объекты соцкультбыта в рабочих поселках также включались в разряд «промышленного строительства», финансировались промышленным ведомством и проектировались архитектурно-строительными организациями, находящимися в его ведении⁴. На новом индустриальном витке продолжались традиции «городов-заводов» раннеиндустриальной эпохи, где развитие города определялось производственными задачами, а не жизненными потребностями горожан.

На периферии Челябинска только в течение первой пятилетки было заложено около 30 промышленных предприятий, отделенных от исторического ядра обширными санитарно-защитными зонами. Прежде всего это были машиностроительные гиганты – Челябинский тракторный завод (ЧТЗ, 1930 – 1933), завод им. С. Орджоникидзе (1935), а также электролитный цинковый (1935) и электрометаллургический (1929 – 1934) заводы, городская электростанция (1927 – 1930). В 1931 г. на значительном расстоянии от существовавших городских границ была определена и площадка для крупного металлургического завода (строительство законсервировано в 1935 г. и возобновлено в 1941 г.)⁵.

В результате с конца 1920-х гг. Челябинск стал быстро и фактически бесконтрольно расти. Общие размеры промышленных территорий к середине 1930-х гг. в административных границах города составили 6%, а вместе с жилыми поселками – 24% селитебной части, в то время как в дореволюционный период промышленные предприятия занимали лишь 1,3 % городских земель⁶. Показательно, что доля промышленных рабочих возросла за период 1926 – 1934 гг. в 3 раза, с 9,6 до 27,3 %⁷. Территория города увеличилась к 1932 г. до 15 тыс. га, а население выросло до 230 тыс. человек, продолжая на протяжении 1930-х гг. расти стремительными темпами и достигнув к 1939 г. 273 тыс.⁸ Челябинск демонстрировал процессы индустриальной субурбанизации, определенные экстенсивным развитием городского пространства (рис. 1).

Рис. 1. Челябинск: рост территории и числа жителей, 1897 – 1999 гг. (1897 г. = 100)⁹

В такой ситуации часто нарушалась взаимосвязь между основными функциональными зонами, создавалась чересполосица промышленных, селитебных и «прочих» территорий, велось хаотичное освоение свободных земель. В целом размещение промышленных предприятий предопределяло структуру, композиционное решение и перспективы эволюции городского пространства. Заводы доминировали в объемно-пространственной композиции и определяли силуэт застройки промышленных районов, активно участвуя в создании образа нового, индустриального города.

Определяющей роли градообразующего предприятия при формировании планировочной структуры индустриальных центров в наибольшей степени отвечала концепция «социалистических городов», получившая широкое распространение в СССР в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг.¹⁰ Соцгород проектировался как промышленно-селитебный комплекс, где органично сочетались предприятие, жилой комплекс и развитая система культурно-бытового обслуживания. Такой подход соответствовал не только принципу максимальной приближенности жилья к месту приложения труда и необходимому добровольно-принудительному закреплению «трудовой единицы» за промышленным предприятием, но и идеологическим представлениям о коллективной организации жизни рабочего человека.

С одной стороны, соцгорода обозначили значительный шаг вперед по сравнению с неблагоустроенными рабочими поселками. В Челябинске 1930-х гг. именно в крупных селитебных комплексах строились каменные сооружения в 3 этажа и выше: в соцгороде ЧТЗ они составляли 21,2 %, поселке ЧГРЭС – 40%, рабочем городке ЧЭМК – 18%¹¹, хотя это не избавляло значительную часть рабочих от жизни в землянках и бараках¹². С другой стороны, соцгорода являлись почти замкнутой и самодостаточной единицей. Будучи мало зависимыми от общегородской инфраструктуры и фактически не связанными с рабочими поселениями предприятий других ведомств, соцгорода вместе с многочисленными рабочими поселками меньших масштабов усугубляли рассредоточенный характер планировочной структуры города.

В результате уже в начале 1930-х гг. новый Челябинск – город, чрезвычайно динамично развивающийся и стремительно меняющий масштабы и облик, – требовал целенаправленной и организованной градостроительной деятельности, способной ввести строительную стихию в приемлемое русло. Тем более что проблема созрела и на общегосударственном уровне. Единственным путем представлялось централизованное градостроительное планирование: Постановлением ЦИК и СНК СССР 1933 г. «О составлении и утверждении проектов планировки и социалистической реконструкции городов и других населенных мест СССР» было определено, что «...строительство новых городов и реконструкция существующих проводится на основе проектов планировки этих населенных мест...»¹³. В начале 1930-х гг. были созданы крупные проектные институты – Гипрогор (Москва), Ленгипрогор (Ленинград), Горстройпроект (Москва, Ленинград, Харьков), Гипроград (Киев) – для разработки генеральных планов городов, где не было своих проектных организаций. В числе таких был и Челябинск.

Еще в 1928 г. местными силами – техническим руководителем планировочного бюро, городским землемером Ефимовым и техником-планировщиком Турусовым – был составлен первый советский проект планировки г. Челябинска¹⁴. Создателями он расценивался «как крайность при отсутствии проекта планировки и невозможности составления его в ближайшее время для ориентации руководства при составлении проектов частичной планировки города...»¹⁵. Первый эскизный проект был скорее общей схемой развития города, но в нем были заложены основные принципы, сохранившие свою значимость в будущих крупномасштабных генеральных планах. Это в первую очередь «...необходимость сохранения старого города как ядра нового городского поселения»¹⁶, а также основные направления перспективного развития селитебной части города на запад и северо-запад.

На основе анализа дореволюционного архитектурно-планировочного развития города были выделены существовавшие к 1928 г. основные части, районы и улицы города, охарактеризована плотность застройки. Соответственно было предложено экономическое районирование и строительное зонирование. Был намечен административный центр на пл. Ярославского (бывш. Соборная пл. – ядро старого Челябинска), а также площадь для митингов, парадов и демонстраций с размещением там общественных сооружений – пл. Революции (бывш. Южная), являвшаяся географическим центром городской территории. В проекте определялись основные архитектурные оси: экваториальные – бульвары по улицам Спартака и Коммуны; меридиональные – ул. Рабоче-Крестьянская (бывш. Уфимская, с середины 1930-х гг. – ул. Кирова – торговый центр дореволюционного Челябинска) и ул. Цвиллинга (бывш. Христорождественская), пересекавшие ул. Коммуны и Спартака и обрамлявшие с запада и востока пл. Ярославского и Революции. Таким образом, основа нового города сохранялась в черте исторической застройки. Принципиальных структурных нововведений схема не предусматривала; мало отличались от дореволюционных и предполагаемые архитектурные формы. Такой подход был во многом связан с планируемым плавным ростом населения до 100 тысяч в 1942 г. и учетом предполагаемых темпов развития промышленности¹⁷. Проект еще всецело принадлежал прошлой, во многом патриархальной эпохе в развитии уездного Челябинска (несмотря на обозначение Челябинска в проекте как города «социалистического типа»). Уже в начале 1930-х гг. стала понятна необходимость составления полномасштабного генерального плана города с учетом принципиально новой градостроительной ситуации.

Генплан 1934 – 1936 гг.: проект упорядочивания городской структуры

Первоначально разработка эскизного проекта была поручена в 1929 г. Свердловскому Уралкомжилпроектбюро¹⁸ и Уральскому областному геодезическому объединению¹⁹ в соответствии с общим планом «Большого Урала»²⁰. Работа была продолжена Уралгипрогором, представившим в 1934 г. генплан Челябинска, но проект был отклонен и заказ был отдан Ленгипрогору²¹.

Генеральный план Челябинска 1934 – 1936 гг. создавался в Ленгипрогоре в проектной мастерской проф. В.А. Витмана архитектурной бригадой в составе Н.Г. Эйсмонта, С.М. Готлиба, Л.М. Берлинерблау, К.М. Зайченко, А.М. Суборова, Н.П. Баранова, Д.Д. Барагина и других, а также группой инженеров под руководством проф. Г.В. Шелейховского. Кроме основных листов Генплана, как составные части, были разработаны схема объемно-пространственного решения и силуэт города (Н.Г. Эйсмонт), проекты планировки Северо-западного культурного центра (Н.Г. Эйсмонт, С.М. Готлиб, Н.П. Баранов), центров Юго-восточного (Н.Г. Эйсмонт, К.М. Зайченко, А.М. Суборов), Северо-восточного (Л.М. Берлинерблау), Юго-западного (Васильев) районов. Дополнительно были созданы перспектива Центрального района (А.М. Суборов) и проекты двух главных площадей Челябинска – площади Революции (Д.Д. Барагин, Н.П. Баранов, Б.С. Помпеев) и площади Ярославского (К.М. Зайченко, Н.П. Баранов)²². Как дополнение к генплану был представлен «Проект реконструкции улиц и площадей города Челябинска», разработанный в той же архитектурной мастерской (Л.М. Берлинерблау, С.Л. Пермут, К.М. Зайченко, В.М. Ключарев и другие), посвященный архитектурно-планировочному решению центра города²³.

Градостроительная концепция Челябинска формировалась на мощной базе всестороннего предпроектного исследования. Генплан был составлен на основе тщательного изучения природно-климатических особенностей региона и инженерно-технической характеристики территории, исторических особенностей развития города и его сложившейся планировочной структуры, а также социально-экономических перспектив. Текстовая часть генплана опиралась на подробно разработанный трехтомный документ – «Социально-экономические установки и схема распределения территории г. Челябинска», выполненный в 1934 – 1935 гг. под руководством А. Чалдымова. Собственно генплан состоял из 1270 страниц текста, 147 сопроводительных чертежей, 14 макетов²⁴. Это был еще отголосок представлений о рационально организованном «функциональном городе» и кратковременный промежуток в советском градостроительстве в начале 1930-х гг., когда в градостроительной практике пытались ориентироваться не на отвлеченную схему, а на реальную ситуацию²⁵.

Однако скоро столь объемная проектная документация будет расцениваться отрицательно, как «перегруженность», «раздутость», «пространственность». Это в духе того времени объяснялось происками врагов, которые «запутывали дело», чтобы «парализовать планировку городов». Примером такого рода был представлен и генплан Челябинска²⁶. Причина такого подхода кроется в несоответствии форсированных темпов градостроительства и долговременности создания крупномасштабных проектных документов. Практическая градостроительная деятельность была актуальнее теоретических изысканий, что предопределило стремление к сокращению сроков проектирования и объема проектных материалов. Кроме того, здесь нашла отражение и ситуация, сложившаяся в советском градостроительстве 1930-х гг. С одной стороны, провозглашалась собственная концепция развития каждого города с учетом местных условий, с другой – проявлялось стремление к максимальной унификации и типизации приемов градоформирования, делавшее излишним подробное изучение «натуры».

Создатели генерального плана Челябинска столкнулись, прежде всего, с проблемой, в целом характерной для градостроительства СССР конца 1920-х – первой половины 1930-х гг. – деструктивным характером городской территории, предопределенного тем, что формирование новой структуры реконструируемого города опережало или шло параллельно с разработкой генеральных планов. Положение усугублялось и тем, что проектирование многочисленных заводов с рабочими поселениями и застройка «гражданского» города велись разными проектными организациями, чьи действия мало согласовывались между собой. Как следствие, главной задачей генплана была определена «концентрация селитебных районов в компактный архитектурный организм, подчиненный единой планировке»²⁷. Стоит заметить, что проблема целостности и компактного единства городской среды являлась в целом стержнем советской градостроительной теории и практики 1930-х гг.

В соответствии с проектом территория города расчленялась на основные функциональные зоны: селитебные массивы; промышленные территории, отделенные от жилых районов разрывами с зелеными насаждениями; санитарно-оптимальные территории для больниц, санаториев и других лечебно-профилактических учреждений, тесно связанных с городскими зелеными зонами; лесопарковые массивы, как, например, расположенный на западе города Шершневский бор, в котором предполагалось разместить ЦПКиО; периферийные территории²⁸.

Сложившееся размещение промышленных предприятий диктовало основное направление развития города на север, восток и юго-восток, от центра к окраинным промышленно-селитебным зонам, связывая их, та-

ким образом, в единое композиционное целое. Но возможности роста города в заданных направлениях ограничивались отсутствием достаточного количества пригодных для селитебного развития территорий. Пределы определялись зоной отчуждения промышленных предприятий, железнодорожными магистралями и естественными природными преградами – озерами и зелеными массивами, которые необходимо было сохранить вблизи промышленных зон. Открытыми для роста города оставались западное, северо-западное и юго-западное направления, где промышленного строительства не предвиделось и, значит, усложнялась связь между новыми жилыми районами и местами приложения труда. Это противоречие виделось наиболее острым, так как прямая зависимость «место труда – место жительства» была обязательным принципом для градостроительства индустриального периода, а реально складывавшиеся диспропорции в трудовой и селитебной емкости районов города воспринимались как градостроительный недостаток, требующий неопременного решения.

Именно поэтому в генплане полная централизация города была признана невозможной и планировка Челябинска предлагалась «в форме компактной группы тесно связанных между собой селитебных пятен, объединенных в одно композиционное целое»²⁹. Концепция генплана в перспективе предполагала, таким образом, трансформацию существующей рассредоточенной архитектурно-планировочной структуры с ярко выраженным историческим центром и относительно самостоятельно промышленно-селитебными комплексами в компактно-рассредоточенную, композиционно целостную (ил. 31, 32).

Перспективная численность населения Челябинска определялась «Социально-экономическими установками...» в оптимальном варианте в 630 тыс. человек³⁰, в генеральном плане утверждалась цифра 500 – 550 тыс.³¹ Количество населения в советских генеральных планах 1930-х гг., в том числе и в генплане Челябинска, определялась демографической гипотезой, в основу которой была положена зависимость количества населения от объема народно-хозяйственных работ, т.н. «метод трудового баланса». Прежде всего учитывались перспективы увеличения «демообразующей» группы населения – трудящихся, занятых в ведущих отраслях городского хозяйства, в первую очередь, в промышленности. Однако при форсированных темпах урбанизации количество жителей быстро перерастало запланированные варианты, заставляя досрочно пересматривать градостроительные перспективы, заложенные в генеральные планы.

Представление о единообразии социального состава населения и его «полное вовлечение в общественно-полезный труд» определило проектирование Челябинска как «социалистического города»³². Интересно, что «Социально-экономические установки...», составленные в 1934 –

1935 гг., еще несут значительный отпечаток градостроительных дискуссий рубежа 1920-х – 1930-х гг. о принципах социалистического расселения. Постепенный поворот советской градостроительной теории в сторону приоритета «художественного начала» перед «социалистической» организацией жизни еще мало затронул этот документ. В нем по-прежнему утверждалось, что «принцип обобществления быта – одно из руководящих начал при проектировании социалистического города, поскольку оно непосредственно определяет перечень, масштаб и условия размещения ряда элементов городского плана»³³.

Структурной ячейкой города определялся жилой квартал с «элементами обобществления быта» – первичными коммунальными учреждениями. Синонимом такому кварталу в документе употреблялся термин «жилкомбинат», понимаемый расширительно и несколько в ином значении, чем изначальном определении конца 1920-х гг.³⁴ Такое понимание сформировалось в процессе эволюции жилкомбината как единого общественно-жилого комплекса к кварталу с развитой системой соцкультбыта. Предполагался «широкий охват населения квалифицированными видами массового коммунистического воспитания и культурно-просветительной работы; обеспечение его коммунальных и социально-бытовых нужд...; создание наиболее благоприятных в социально-гигиеническом отношении условий жизни; рациональная организация транспорта; обеспечение трудящимся максимальных удобств; наконец, архитектурно-художественное оформление города...»³⁵. Заслуживает отдельного интереса то, что «архитектурно-художественное оформление города» оказалось среди прочих перечисленных элементов на последнем месте. В тексте генплана уже акцентируется внимание на архитектурно-художественной стороне проектирования города: «Схема архитектурной композиции Челябинска видится в виде системы взаимоподчиненных архитектурных ансамблей, организующих вокруг себя массу жилых кварталов»³⁶. Формирование города как законченного художественного целого стало более важным, чем обыденное «жизнеустройство». Такой подход был отражением принципов советского градостроительства середины – второй половины 1930-х гг. Советское государство стремилось к созданию всеобъемлющей, жестко структурированной и иерархизированной социально-государственной системы. Город как целостный организм, где «...все элементы... подчиняются единому плану и единой архитектурной идее»³⁷, должен был стать зримым ее воплощением. Иерархизированная система ансамблевых комплексов, связанных между собой сетью магистралей, должна была организовывать городское пространство. Этот подход действовал и для городов со сложившейся рассредоточенной архитектурно-планировочной структурой, каким был и Челябинск.

Основу планировочной композиции города составляла сетка прямолинейных магистралей: пересекающихся экваториальных и меридиональных осей, которая дополнялась системой кольцевых магистралей, а также радиальными элементами. Особое внимание и в генплане Челябинска и в проекте реконструкции улиц и площадей было уделено ансамблю городского центра. На рубеже 1920-х – 1930-х гг. усилия проектировщиков и строителей были направлены на создание промышленно-селитебных комплексов, в историческом центре Челябинска застройка велась в несравненно меньших масштабах. На новом этапе восприятие оппозиции центр – периферия по сравнению с «эпохой соцгородов» изменилось диаметрально: рабочий город перестал восприниматься как революционная оппозиция оплоту «старого мира» – историческому ядру. Теперь центр, являясь местом сосредоточения главных административных, общественных, культурных учреждений, становился ключевым объектом градостроительного внимания. Сменившаяся идеологическая мифологема сделала пространственной доминантой уже не промышленное предприятие как метафору великих свершений, а крупномасштабный административный ансамбль – зримое воплощение мощи советского государства.

Основной «костяк» центра города образовывали 10 улиц. Прежде всего, это главные меридиональные композиционные оси центра – параллельные улицы Цвиллинга и Кирова, предполагавшиеся как «своего рода административное «Сити»³⁸. Их застройка предполагалась почти исключительно крупномасштабными административными и общественными зданиями. Эти улицы на севере центрального ядра, по мостам через р. Миасс, соединяли центр города с Заречной частью. Главной экваториальной осью была определена протяженная (7,5 км) улица Спартака, связывающая восточный промышленный район и проектируемый на западе зеленый массив ЦПКиО. Улицу предполагалось застраивать жилыми зданиями с небольшими вкраплениями административных и общественных сооружений.

В композиционном узле, на южной возвышенности, предполагалось разместить административно-политический и культурный центр Челябинска – площадь Революции. Она ограничивалась на севере улицей Спартака, на востоке – ул. Цвиллинга, на западе – ул. Кирова, на юге – обширным сквером. Площадь была до революции фактически пустырем с небольшим количеством каменных построек, и перед проектировщиками открывались широкие перспективы формирования «с нуля» целостного ансамбля. Площадь должна была занять главенствующее положение в городской структуре, что предопределило монументальность решения ее архитектурного образа. Один из главных принципов решения площади – принцип контраста, «внезапного и резкого» в сопоставлении с окружаю-

щей застройкой. Используя значительный масштаб пространства площади (9 га) и естественные перепады рельефа, проектировщики предлагали решить площадь каскадом террас, на верхней из которых доминировала над окружающим пространством вертикаль Дома Советов, «резко выделяющаяся не только в ансамбле площади, но и в силуэте города». Площадь обрамлялась величественными зданиями административно-политических учреждений, а ее центральная часть была трактована как торжественный форум, «где разворачиваются основные массовые действия». С цветниками и неширокими посадками на площади должен был контрастировать большой сквер, расположенный южнее, за зданием Дома Советов, и дававший «резкий, внезапный переход от парковых зеленых поверхностей и объемов к строгости асфальта, стекла, железобетона и камня»³⁹.

В текстах генерального плана и пояснительной записки к «Проекту реконструкции....» предложено эскизное описание архитектурного облика зданий, оформлявших площадь Революции, а также представлены некоторые проекты, что дает возможность анализа архитектурной стилистики. В целом можно сказать, что их образное решение соответствовало направленности архитектурных поисков середины 1930-х гг. Ретроспективизм сдержанных, но в то же время величественных форм развивался еще под влиянием «современной архитектуры». Внимание акцентировано не на неоклассической стилистике как таковой, а на монументализации архитектурного образа, на создании ощущения подавляющей мощи, что соответствовало главной идеологической задаче в решении площади – демонстрации величия советской власти.

Площадь Революции, расположенная на юге центрального городского ядра, соединялась улицами Кирова и Цвиллинга с площадью Ярославского – культурным центром города. Пространство ее по проекту включало отрезок р. Миасс между двумя мостами (по ул. Кирова и Цвиллинга) и широко раскрывалось на реку, берега которой оформлялись гранитными набережными и спусками к воде. По главной оси симметрии на разных берегах реки располагались напротив друг друга театр оперы (с юга) и театр драмы (с севера). Восточная и западная части площади замыкались протяженными, дугообразными в плане жилыми зданиями. При таком решении полному сносу подвергалась значительная часть застройки исторической зоны центра. С точки зрения проектировщиков, в городе не было «ни одного старого архитектурного сооружения, имеющего художественную ценность»⁴⁰.

Таким образом, был определен основной архитектурно-планировочный стержень центра города, к которому «стекались» главные магистрали районных центров: к площади Революции – из юго-восточных

и юго-западных районов (диагонали улиц Воровского и Цвиллинга, менявшей прямолинейное направление на диагональное южнее ул. Спартака), а также из западных и восточных районов (ул. Спартака); к заречной части площади Ярославского – из северо-западных и северо-восточных районов. В целом размещение нового центра Челябинска включалось в черту исторической застройки.

Главенствующий архитектурный ансамбль исторического ядра поддерживали «береговые центры», венчавшие, по предложению проектировщиков, крутые береговые склоны к северо-западу и северо-востоку от площади Ярославского. Оба комплекса в проекте решены сходным архитектурным приемом: основная роль в них принадлежала башнеобразным сооружениям, доминировавшим над окружающим пространством, – Дому Красной армии на северо-западе и Дворцу пионеров на северо-востоке.

Предусматривалось обязательное архитектурное оформление главных площадей районных центров, где главными сооружениями являлись здания Райсоветов либо культурно-просветительских учреждений. К этим площадям стекались основные районные магистрали. Обязательному архитектурному оформлению подлежали также промзоны с площадями перед зданиями заводууправлений, а также предполагалось большое количество менее значительных площадей, организующих окружающую жилую застройку.

Система планировки как в историческом центре, так и во вновь проектируемых районах была сохранена прямоугольно-решетчатой, но с укрупнением кварталов до 6 – 10 га, в том числе и в исторической зоне. Каждый квартал рассматривался как часть градостроительного ансамбля района. Жилые кварталы планировались с обязательной периметральной застройкой и рассматривались как «законченный бытовой комплекс» с «полным обобществлением» ряда областей обслуживания населения⁴¹. Решение жилых кварталов отражало так называемую «ступенчатую» систему социально-бытового и культурного обслуживания, которая базировалась на создании относительно замкнутого территориального баланса связей для каждого элемента городской планировочной структуры по разнообразным обслуживающим функциям, причем с привязкой к месту повседневного труда или постоянного проживания. Эти принципы были закреплены в советском градостроительстве 1930-х гг. в результате дискуссий о «социалистическом расселении» рубежа 1920-х – 1930-х гг. и были одним из их практических итогов.

Значительное внимание в генплане уделено организации зеленых насаждений, что было характерно для советской градостроительной теории и практики 1930-х гг. Оказавшая столь большое влияние на умы идея «города – сада» Э. Говарда, трансформировалась в конце 1920-х – начале

1930-х гг. в СССР в более прагматичную концепцию максимального озеленения городской среды. Достаточно сухой язык текстовой части генплана при описании озеленения города удивительным образом меняется, поэтизируясь: «Зелень... должна растекаться по улицам и широким бульварным каналам, соединяющим крупные парки и завязывающимся в промежуточные узелки мелких садов и скверов, вливаясь затем на периферии в широкую зону озелененных пригородов. Зелень...должна пропитывать все поры города, растворяя в себе и сплавляя все разобщенные элементы городской структуры и оздоравливая атмосферу своим благотворным влиянием»⁴². Все районы города связывались по плану непрерывным кольцом бульваров, решенным как парадная архитектурная магистраль; его дополняли незамкнутые бульварные кольца отдельных районов, объединяющие массу жилых кварталов. Крупный экваториальный бульвар предполагался сквозь всю центральную часть города по ул. Коммуны параллельно ул. Спартака от исторического ядра на запад, к ЦПКиО. Вдоль бульвара должна была разместиться крупномасштабная общественная застройка. Зеленью «одевались» по проекту и набережные р. Миасс, становясь прогулочными аллеями. Предлагалось формирование и крупных зеленых массивов, в первую очередь ЦПКиО, располагавшегося в городском бору (1600 га) на западе Челябинска. Главный вход в парк оформлялся площадью, замыкающей перспективу ул. Спартака, а сама улица находила продолжение в главной аллее ЦПКиО. Парк был распланирован регулярно, с аллеями-лучами, соединяющими главный вход со всеми парковыми секторами. Другие крупные зеленые зоны намечались на оз. Смолино, на юго-востоке города (гидропарк); к югу от площади Революции, непосредственно примыкая к ней, – партерный сад площадью 30 га.; в сквере «Алое поле» от ул. Спартака до ул. Коммуны – террасированный партерный спуск, завершенный в нижней части густым тенистым садом. В каждом районе, кроме того, предполагался и свой парк.

В целом для проектных решений площадей, главных улиц, значимых элементов планировочной структуры были характерны пространственный размах, видовые перспективы, композиционные акценты, крупномасштабность застройки, стилистическое единство. С одной стороны, это было отражением новых тенденций в советском зодчестве 1930-х гг. Архитектура создавала торжественный «фасад» страны социализма, формируя своеобразные декорации, на фоне которых разворачивался спектакль великих свершений. С другой стороны, немаловажную роль сыграло то, что город проектировался архитекторами ленинградской (а точнее петербургской) школы градостроения, переносивших на почву нового города традиции классического градостроительства.

Предложенное архитектурно – планировочное решение Челябинска, с одной стороны, имело хорошие возможности для реализации. Это было обусловлено большой площадью свободных земель и низкой плотностью застройки, что открывало широкие возможности для крупномасштабной реконструкции и перепланировки. С другой стороны, резкий скачок в приросте населения Челябинска породил острый жилищный кризис. Обеспеченность жилой площадью значительно и быстро сокращалась: в среднем с 4,5 кв. м на человека в 1928 г. до 2,6 кв. м в 1935 г.⁴³ Это соотношение было более контрастным, чем в других регионах России. К концу второй пятилетки на городского жителя приходилось в среднем 6,5 кв. м жилой площади⁴⁴. Несмотря на регулярные постановления ЦИК, СНК СССР, ЦК ВКП (б) «О прекращении беспроектного и бессметного строительства» (1934), «Об улучшении строительного дела и удешевлении строительства» (1936), «О сохранении жилого фонда и улучшении жилищного строительства в городах» (1937) и других, жилищный кризис разрешался, прежде всего, путем интенсивного строительства временных деревянных бараков, особенно на окраинах города. Темпы такого строительства значительно обгоняли и новую капитальную застройку, и реконструкцию селитебных комплексов. Материальных затрат и квалифицированной рабочей силы на это требовалось несоизмеримо меньше. Материальные и людские ресурсы по-прежнему с максимальной интенсивностью использовались в промышленном строительстве, что и в 1930-е гг. на практике оказывалось более важным, чем воплощение идеи города «как законченного художественного целого».

Немаловажно и то, что финансовые возможности крупных промышленных предприятий были несравнимы с возможностями городских властей, и основная часть жилого строительства, как и ранее, велась в заводских селитебных комплексах. Конкуренцию Наркомату тяжелой промышленности могли составить лишь такие могучие ведомства, как НКВД и НКПС или же финансовая мощь центрального правительства. Не удивительно, что в центре города во второй половине 1930-х гг. соперничали, возвышаясь над невысокой застройкой рубежа XIX – XX вв. и деревянными домиками, семизэтажные жилые дома НКВД (1936, арх. Н. Коринфский, А. Тумбасов) и Облисполкома (1938, арх. П. Кухтенков, А. Максимов), поддержанные небольшим количеством меньших по масштабу, но также многоэтажных ведомственных жилых домов (Цвиллинга, 28, 1936, арх. П. Кузмичев, В. Пеняжнин; пр. Ленина, 50, 1937, арх. Стыпалковский; пр. Ленина, 43, 1937, арх. Т. Эрвальд; пр. Ленина, 45, 1937, арх. В. Гофрат). Формирование крупномасштабного центрального ансамбля в рамках запроектированного в генплане также начиналось разрозненным возведением отдельных зданий, причем в первую очередь тех, которые

были либо поддержаны «внешним» финансированием, как, например, Управление ЮУЖД на площади Революции (1942, арх. Б. Помпеев), либо являлись назревшей необходимостью ввиду получения городом статуса областного центра в 1934 г. (надстройка и реконструкция дореволюционных объектов для зданий обкома ВКП (б) (1938, арх. И. Голомбек) и облисполкома (1937, арх. О. Ишуков, Петунин), гостиница «Южный Урал» (1941, арх. Д. Барагин). Дом Советов, как и многие другие структурные элементы центральных и периферийных ансамблевых комплексов оставался мечтой, тающей в дымке Будущего.

Кроме того, детальное проектирование и застройка осуществлялись в основном местными архитектурными и строительными силами, чья численность и квалификационный состав были недостаточными для осуществления масштабных градостроительных перемен. В 1934 г. при разделении Уральской области на Свердловскую, Пермскую и Челябинскую на базе филиала Уралгипрогора была создана проектная архитектурно-строительная контора «Челябпроект». На нее было возложено производство геодезических работ, разработка проектов городов, рабочих поселков и райцентров Челябинской области, а также проектирование жилой и общественной застройки. В Челябинском проекте начинали свою работу архитекторы, чье творчество на протяжении 1930-х – 1950-х гг. во многом определило облик города: В.Я. Гофрат, Т.М. Эрвальд, К.Д. Евтеев. Однако наиболее значимые сооружения проектировались московскими и ленинградскими архитекторами, как, например, здание Управления ЮУЖД (1942, арх. Б. Помпеев, Ленинград), гостиница «Южный Урал» (1941, арх. Д. Барагин, Ленинград), жилой дом Облисполкома (1938, арх. П. Кухтенков, А. Максимов, Москва), кинотеатр им. А.С. Пушкина (1937, арх. Я. Корнфельд, Т. Заикина, Москва), театр оперы и балета (1936 – 1955, арх. Н. Куренной, Москва) и другие. Местные архитекторы, работая в контакте со столичными, создавали рабочие проекты, осуществляли детальную планировку, по необходимости – привязку к местности.

Таким образом, можно говорить о том, что планомерная и всесторонняя реализация концепции генплана сталкивалась с прозаическими жизненными реалиями и воплощалась медленно и фрагментарно. Город как воплощение Идеи и реальный, живой организм городской среды оказывались сосуществующими параллельно.

Генплан 1945 – 1947 гг. и формирование неоклассических ансамблей

В годы Великой Отечественной войны темпы промышленного развития города резко ускорились. В связи с перебазированием на восток значительной части предприятий из западных районов СССР в Челябинск было направлено оборудование более 60 крупных заводов в сопровождении специалистов. На базе эвакуированных предприятий были основаны,

например, завод металлоконструкций (ЗМК, 1941), трубопрокатный (ЧТПЗ, 1942) и кузнечно-прессовый (ЧКПЗ, 1941) заводы. Население города достигло 450 тыс. человек⁴⁵. Промышленное строительство шло стремительными темпами, значительно опережая работы по организации и благоустройству селитебной территории. Наряду с небольшим объемом капитального строительства в гораздо больших масштабах велась временная застройка домами барачного типа, в среднем в городе по-прежнему преобладали одноэтажные дома (94%), а число каменных строений составляло только 6%⁴⁶. Показателен факт, что население города к концу Великой Отечественной войны увеличилось в 1,6 раза, а селитебная территория – в 3 раза⁴⁷. Общая площадь города выросла с 20 тыс. га в 1940 г. до 33,8 тыс. га к началу 1950-х гг.⁴⁸ Две трети нового строительства осуществлялась, как и ранее, промышленными предприятиями и застройка велась в основном обособленными рабочими поселками. Все это значительно обострило проблему разобщенности городского пространства, существовавшую с 1930-х гг. Генеральный план 1934 – 1936 гг. требовал корректировки, в ходе которой была выявлена необходимость составления нового полномасштабного планировочного документа.

Работы по созданию нового генерального плана велись с апреля 1945 по февраль 1947 г. в проектно-институте «Ленгипрогор», в архитектурно-планировочной мастерской № 2 под рук. архитектора Д. Барагина. Выполнялся проект архитекторами А. Слонимским, И. Гохблитом, Л. Вертоусовым, инженерами Я. Ротенбергом, И. Беневичем и другими.

Принципиальных изменений по сравнению с генеральным планом 1934 – 1936 гг. новый проект не предусматривал (ил. 33). Прежде всего была сохранена основная концепция – централизация городской структуры и создание компактного и целостного архитектурного организма. В этой связи интересна точка зрения членов Объединенной экспертной комиссии Комитета по делам архитектуры СНК СССР с Управлением по делам архитектуры при СНК СССР под рук. В. Семенова, проводивших промежуточную экспертизу генплана Челябинска осенью – зимой 1945 г. Комиссией была признана ошибочной основная архитектурно-планировочная идея, и поступило предложение отказаться от централизации города и дать вариант планировки Челябинска в виде комплекса собственно городского массива, городов – спутников (Бакал, Копейск) и более или менее самостоятельных промышленно-селитебных районов⁴⁹. При этом в текстах заключений даны прямые ссылки на зарубежный опыт: «Может быть, город не будет столь компактным, но он будет отвечать тем прогрессивным идеям децентрализации, которые так энергично проводятся теперь в Европе и Америке относительно миллионных горо-

дов», – говорилось, например в сводном заключении по эскизу генплана, представленному Ленгипрогором⁵⁰.

Возрождение интереса к западным градостроительным идеям и широкое распространение в профессиональной среде информации о зарубежной архитектурной практике после более чем десятилетнего перерыва было связано с отступлением СССР в годы Второй мировой войны от политики изоляционизма и относительным ослаблением идеологического прессинга в 1944 – 1946 гг. Идеи децентрализации крупных городов и микрорайонного проектирования, определявшие послевоенное зарубежное градостроительство, не были абсолютно новыми для советской архитектуры, они органично вписывались в теорию и практику 1920-х – начала 1930-х гг. Однако постепенно опускавшийся к концу 1946 г. «железный занавес» определил и поворот в сторону официальной негативной оценки любого иностранного опыта. Идеи оказались несвоевременными и потому, что для советского зодчества второй половины 1940-х – первой половины 1950-х гг. приоритетным было ансамблевое проектирование, предполагавшее композиционную целостность и архитектурное единство. В силу этого идеи децентрализации и микрорайонного проектирования как на уровне профессионального осмысления, так и на уровне градостроительной практики были отвергнуты⁵¹.

Осенью 1946 г. в сквозном экспертном заключении по генплану Челябинска (председатель экспертной комиссии Л. Руднев) уже было одобрено общее планировочное решение, основывающееся на объединении разрозненных частей городской территории при доминирующей роли исторического ядра и при наличии индивидуальной планировочной структуры сложившихся периферийных районов⁵².

Перспективный рост численности населения Челябинска предполагался на расчетный период до 700 – 730 тыс. человек⁵³. Дальнейший рост города предусматривался в северо-западном, северо-восточном и северном направлениях. Основное внимание уделялось формированию промышленных узлов на базе мощностей существующих крупных предприятий, расположенных в основном в восточной (ЧТЗ и связанные с ним производства) и юго-восточной частях города (завод им. С. Орджоникидзе, ЧТПЗ, ЧКПЗ, ЗМК и другие). Отдельный и новый интерес был обозначен к северному району – территории металлургического комбината, выстроенного на Першинской площадке в 1941 – 1943 гг. Промышленно-селитебный комплекс Бакал, находившийся в 12 км от исторического Челябинска и предполагавшийся первоначально как город – спутник, стал административной единицей города – Металлургическим районом. Таким образом, была внесена новая лепта в экстенсивный рост городской территории.

Перспективный рост селитебных территорий, как и в генплане 1934 – 1936 гг., предполагался, прежде всего, на свободных территориях к северо-западу и северо-востоку от городского ядра, что не соответствовало сложившемуся размещению основных промышленных зон на севере, востоке юго-востоке и обостряло проблему связи новых жилых районов с местами приложения труда. В связи с этим в генплане были обозначены актуальные транспортные проблемы, продумана сеть основных магистралей с выходом на автодороги за пределами городской черты и отмечена необходимость строительства обьездной кольцевой магистрали для соединения районов города. При проектировании жилых районов учитывалось размещение промышленных площадок, направление основных магистралей, ландшафтные особенности местности. Были определены принципы организации районов и размещение райцентров, тип и характер застройки, зонирование территории.

В архитектурном решении города основной акцент был сделан на предложенном еще в генплане 1934 – 1936 гг. решении Челябинска как системы ансамблевых комплексов, связанных в единый компактный организм⁵⁴. Главное внимание по-прежнему уделялось формированию ансамбля городского центра, что сказалось на недостаточной разработанности архитектурного решения районов и районных центров.

Существенных изменений в планировке центра города по сравнению с проектом 1934 – 1936 гг. не предусматривалось. Но, несмотря на принципиальное сходство планировочного решения центра с генпланом 1934 – 1936 гг., существенное отличие наблюдалось в значительном укрупнении, даже некоторой гипертрофированности масштаба предполагаемой застройки, пространственном размахе композиционных решений. Во главу угла при проектировании центрального ансамбля ставились не столько функциональные, сколько композиционные задачи. «Композиционный прием», «композиционный стержень», «композиционный акцент» – характерные словосочетания в тексте генплана.

Новые тенденции хорошо прослеживаются в проектах детальной разработки ансамбля центра, составленных в развитие генплана 1945 – 1947 гг. и представленных на конкурс, объявленный Комитетом по делам архитектуры при СМ СССР в 1947 г.⁵⁵ На конкурс было представлено четыре проекта: Ленгипрогора (арх. Д. Барагин, Н. Баранов), Ленпроекта (арх. В. Каменский), архитекторов И. Чернядьева и Л. Баталова, Челябингорпроекта (арх. В. Гофрат)⁵⁶. Первые три из них в основном развивали планировочную идею, заложенную генплане, и строились на основе центрально-осевого композиционного принципа.

Наиболее показательны проекты, представленные Д. Барагиным и Н. Барановым; И Чернядьевым, Л. Баталовым. Планировка центра имела

строго симметричную композицию с акцентированной меридиональной осью – параллельными улицами Кирова и Цвиллинга. Пространство между ними трактовалось как парковая полоса с системой площадей и периметральных кварталов с общественно-административной и жилой застройкой. Улицы, имевшие ширину в среднем по 33 м, предполагалось расширить до 60 – 100 м за счет сноса старых, рубежа XIX – XX вв., зданий. На севере центрального ядра располагались: площадь 1 Мая на левом берегу р. Миасс и площадь Ярославского на правом. Площади проектировались как единое пространство, по главной оси которого размещались, соответственно, Дом культуры и оперный театр. На юге центральный ансамбль завершала площадь Революции, по оси симметрии которой, продолжая парковую полосу между ул. Кирова и Цвиллинга, должен был расположиться на южной возвышенности Дом Советов – архитектурная доминанта города. В отличие от проектов 1930-х гг. здание приобрело подчеркнуто высотный характер, что соответствовало общим тенденциям в развитии послевоенной советской архитектуры с ее характерной устремленностью ввысь, отражавшей в художественно-образной форме триумф Великой страны, стремление «все выше и выше». Ансамблевые монументальные «перспективы» разворачивались, таким образом, уже не только в горизонтальном направлении, но и в вертикальном, завоевывая новое беспредельное пространство⁵⁷ (ил. 35, 36)

Отличался от других проект В. Гофрата, главного архитектора Челябинска в 1943 – 1947 гг. Он отказался от построения центрально-симметричной композиции и предложил решить ул. Кирова как основную ось и главную магистраль г. Челябинска. Она должна была замыкаться на площади Революции зданием Дома Советов, который оказывался, таким образом, ассиметрично расположенным по отношению ко всему пространству площади. Ул. Кирова расширялась до 60 – 100 м там, где это допускала существовавшая застройка. Строительство новых зданий предполагалось осуществлять с отступом от красной линии, создавая, таким образом, более живописную композицию. Ул. Цвиллинга не подвергалась существенным изменениям. Ей была предназначена роль основной транспортной магистрали. Проект В. Гофрата был единственным, который не предусматривал сноса исторических зданий в зоне городского центра. Все члены экспертной комиссии особо выделили его предложение как наиболее оригинальное, интересное и продуманное и в то же время как наименее соответствующее общей концепции генплана, задававшей центрально-осевой принцип построения главного городского ансамбля, что делало воплощение проекта В. Гофрата маловероятным.

Ни один из проектов так и не был принят как основной (экспертиза проектных предложений была проведена жюри под председательством

Л. Руднева при Комитете по делам архитектуры при СМ СССР), и проект центра дорабатывался уже в ходе разработки более узких проектных заданий. В 1947 г. был составлен эскиз сводного плана размещения строительства первой очереди на 1947 – 1950 гг., который был положен в основу дальнейшего проектирования и позволил начать выполнение конкретных, более узких проектных заданий, направленных на формирование облика центра города.

Несмотря на разнообразие проектов, решение площади Революции как целостного ансамбля не было реализовано на практике. Период 1940-х – 1950-х гг. представлен отдельными крупномасштабными сооружениями (Управление «Челябэнерго», 1955, арх. К. Евтеев, Ф. Серебровский; Управление ЮУЖД, 1942, арх. Б. Помпеев, жилой дом ЮУЖД, 1951 – 1956, арх. Е. Александров). В 1950-е гг. был оформлен партерный сквер с аллеями, зелеными насаждениями и газонами, а в 1959 г. в северной части площади был установлен памятник В.И. Ленину (ск. В. Зайков, Л. Головинский, арх. Е. Александров) в едином комплексе с трибунами (арх. Е. Александров). Этим был завершен значительный этап в формировании площади, оформление которой было продолжено в конце 1960-х – 1990-е гг., уже в иных масштабе и стилистике.

Эскизный проект площади Ярославского в развитие генплана 1947 г. и конкурсных проектов решения ансамбля центра города был создан архитекторами И. Чернядьевым и Л. Ашихминой в 1952 г.⁵⁸ Все свободное пространство площади, обрамленной крупномасштабными жилыми зданиями, решалось в виде сквера (2,6 га) с водным партером-фонтаном в центре. Здание театра, являвшееся композиционным ядром, предполагалось разместить по продольной оси симметрии площади. Северная же сторона, обращенная к р. Миасс, плавно перетекала в береговую полосу бульваров. Монументально решенные спуски к реке завершали архитектурный образ (ил. 37).

Однако проект реконструкции исторического ядра города и создания неоклассического ансамблевого комплекса площади Ярославского так и не был воплощен. До настоящего времени городское ядро вдоль ул. Кирова, Цвиллинга, Труда, К. Маркса в основном сохранило исторический облик с застройкой рубежа XIX – XX вв., среди которой величаво возвышается здание театра оперы и балета им. М. Глинки (1936 – 1955, Н. Куренной).

Если реконструкция ул. Кирова и Цвиллинга так и осталась на уровне проектных предложений, то ул. Спартака в значительной мере именно в конце 1940-х – 1950-х гг. получила архитектурное оформление. Со второй половины 1940-х гг. она стала осознаваться как главная магистраль и, соответственно, не только в проектировании, но и в застройке ей было уде-

лено основное внимание. Здесь сыграл свою роль, по-видимому, не только протяженный характер улицы и представление ее как экваториальной оси, заложенной еще в генплане 1934 – 1936 г. Важным было и то, что за исключением восточного фрагмента (часть соцгорода ЧТЗ), улица к середине 1940-х гг. была застроена фрагментарно и достаточно крупномасштабными зданиями, соответствовавшими образу главной магистрали. Значительных затрат на снос или реконструкцию можно было, таким образом, избежать. Все это дополнялось и субъективным фактором: И. Чернядьев, ставший в 1947 г. главным архитектором Челябинска, еще в проекте, представленном на конкурс 1947 г., рассматривал ул. Кирова и Цвиллинга как второстепенные, а экваториальную ось – ул. Спартака – как основную магистраль.

В 1948 г. был создан «Детальный проект планировки и застройки ул. Спартака» (арх. И. Чернядьев, А. Ривкин, М. Иванцова)⁵⁹ (ил. 38). Образцом для проектировщиков, несомненно, послужил проект реконструкции ул. Горького в Москве (1935) и проект застройки Московского проспекта в Ленинграде (1936). Улица предполагалась прямой, ровной, шириной до 60 м, обрамленной величественными жилыми сооружениями. Предполагалось разделение улицы на три архитектурные зоны. Отрезок на протяжении от виадука до ул. Ленина (современная ул. Свободы) решался как переходный к собственно главной магистрали и застройка проектировалась в основном жилыми домами высотой 5 – 6 этажей. На участке от ул. Ленина до сквера «Алое поле» ул. Спартака пересекала пл. Революции, поэтому данная зона решалась как часть общегородского центра, чему соответствовал и характер застройки: 5 – 7-этажные монументальные здания с повышением до 8 – 10 этажей в наиболее важных архитектурных узлах. Для третьего отрезка от Алого поля до ЦПКиО был выбран вариант решения улицы зеленым бульваром в 40 метров шириной (при общем расширении улицы до 95 м). Участок насыщался фонтанами, скульптурами и малыми архитектурными формами. Здесь предполагалось разместить комплексы вузов. Также были запроектированы высотные доминанты в 8 – 10 этажей.

В проекте закладывалась общая архитектурная тема фона, акцентов и доминант, ритмичность и укрупненный масштаб застройки, центрально-симметричные композиции, ордер как основное средство пластической обработки. Это создавало визуальное единство пространства улицы. Магистраль воспринималась как фронтальная композиция, что соответствовало ее официальному, парадному характеру. Во вновь организуемое пространство органично включалась уже существовавшая постконструктивистская и неоклассическая застройка середины 1930-х – начала 1940-х гг. Архитектурное решение планировалось не отдельными соору-

жениями, а цельными укрупненными кварталами (6 – 8 га) с периметральной застройкой по контуру красных линий и обязательными «парадными дворами» в центре. Целостная застройка улицы также не получила осуществления. В реальности строительство велось отдельными зданиями по индивидуальным проектам. Это обусловило достаточное разнообразие трактовки внешнего облика зданий, объединенных при этом подчеркнuto монументальным решением и неоклассической стилистикой.

В духе времени на ул. Спартака проектировались и высотные доминанты. Однако в большинстве своем проекты Челябинских высотных зданий так и не были воплощены. Примерами могут служить жилой дом с магазином «Уральские сувениры» по пр. Ленина, 44 (1956, арх. Е. Александров), жилой дом с к/т «Спартак» (пр. Ленина, 19, проект 1949 г., арх. А. Лукьянов), жилой дом ЮУЖД на площади Революции (1956, арх. Е. Александров), а также здание Челябинского политехнического института (проект 1951 г., арх. А. Истомин, г. Москва). При этом в соответствии с документом о корректировке генплана, составленном в 1951 г. (авторский коллектив под рук. И. Чернядьева), было пересмотрено зонирование по этажности в сравнении с генпланом 1945 – 1947 гг. Увеличивалась доля многоэтажного строительства с 35 до 63%, прежде всего в центре города.

Для решения этой задачи в условиях ограниченности средств городского бюджета, застройку центра должны были вести промышленные предприятия, которых обязали размещать в городском центре не менее 25% от объема жилого строительства⁶⁰. Не удивительно, что большинство многоэтажных жилых домов центра, выстроенных во второй половине 1940-х – 1950-е гг., имеют ведомственную принадлежность. Примерами этого являются жилой дом КПЗИС (1954, арх. Т. Эрвальд; пр. Ленина 47 – 49); радиозавода (1951, арх. А. Кладовщиков; ул. Цвиллинга, 33); ЗМК (1950, арх. Ф. Серебровский; ул. Цвиллинга, 37); лакокрасочного завода (1954, арх. Д. Берштейн; ул. Тимирязева, 28) и другие. Документы свидетельствуют, что «добровольное» мероприятие не слишком вдохновляло руководство крупных заводов, достаточно было огромных затрат на реконструкцию производства и решение жилищных проблем в рабочих поселках. Однако это вынужденное строительство принесло предприятиям и имиджевые плоды: жилой дом, размещенный в центре, стал знаком престижа, проявлением в архитектурной форме политико-экономических амбиций «капитанов индустрии». Заселялись эти дома прежде всего представители заводской «элиты».

Стоит заметить, что проектирование зданий вновь велось в основном столичными силами – архитекторами Ленгипрогора и выпускниками МАРХИ А. Ривкиным, Д. Берштейн, Ф. Серебровским, Б. Петровым,

М. Мочаловой, А. Кладовщиковым, Е. Александровым, В. Лахтиным, влившимися в 1947 – 1950 гг. в Челябинск. Их деятельность совместно с Челябинскими архитекторами К. Евтеевым, В. Гофратом, М. Леженем, Т. Эрвальдом и другими составила целую эпоху в проектировании и застройке Челябинска.

Как составная часть в генплан Челябинска вошел и генеральный план городка металлургов, представленный в 1945 архитектором Ленгипрогора И. Гохблитом. Перспективный рост территории намечался проектом в северном и южном направлениях и ограничивался с севера массивом Каштакского бора, включенного в систему застройки, с юга – санитарными зонами Челябинских промышленных предприятий. Район решался как при заводской поселок, непосредственно примыкающий к зеленой защитной полосе предприятия. Завод рассматривался как один из основных композиционных элементов комплекса. Предполагавшийся композиционный стержень соцгорода – трехлучевая система планировки. Основная ось – современная ул. Б. Хмельницкого – должна была начинаться от предзаводской территории и, проходя через центральную площадь, широким бульваром вливаться в озелененную береговую полосу р. Миасс. От площади, служившей композиционным ядром, по проекту также расходились лучи-магистраль на юг – в сторону Челябинска и на север – к Каштакскому бору. Планировочное решение всего соцгорода было подчинено этому структурному ядру. В проекте царствовали геометризм и симметрия. Ровная сетка прямоугольных кварталов с многоэтажной периметральной застройкой лежала в основе схемы планировки. В каждом микрорайоне предполагалась не только система соцкультбыта, но и свой небольшой центр, бульвары и скверы⁶¹ (ил. 39).

При последующей корректировке проекта было решено отказаться от уничтожения Каштакского бора и в перспективе предусмотреть расширение селитебной территории только на юг. Это, кроме прочего, давало возможность объединения достаточно отдаленного Металлургического района с основной частью города, что соответствовало концепции целостной городской структуры⁶². Также не была использована трехлучевая система планировки, являвшаяся в большей степени абстрактной схемой, перенесенной из градостроительных традиций петербургского классицизма и не в полной мере учитывавшей местные условия. С этими принципиальными изменениями генплан, представленный И. Гохблитом, был положен в основу строительства соцгорода Челябинского металлургического завода (ЧМЗ).

В планировочных принципах и стилистических чертах застройки рабочего города металлургов хорошо прослеживаются общие особенности послевоенных промышленно-селитебных комплексов. Поселки при про-

мышленных предприятиях по-прежнему проектировались на «социалистических началах» и назывались соцгородами, но понимание этого термина сузилось в сравнении с первоначальным значением: главным содержанием стало сочетание жилой застройки с развитой системой общественного культурно-бытового обслуживания. Планировочные основы соответствовали ансамблевому подходу, а стилевые формы – ретроспективистской направленности. Ансамблевый подход стал определяющим при формировании структуры соцгорода ЧМЗ в 1950-е гг. Композиционная ось города металлургов – ул. Хмельницкого (1954 – 1959, арх. В. Болдырев, Я. Скуратовский), перспектива которой на западе замыкается монументальным зданием Дворца культуры (ил. 40). Она решена от ул. Гашека до ул. Жукова с широким бульваром в центре, полосой газонов и цветников, с малыми архитектурными и скульптурными формами. Ширина улицы достигает здесь 90 метров. Вдоль красной линии возвышаются крупномасштабные пятиэтажные жилые дома. В регулярном планировочном решении магистрали с протяженной перспективой и замыкающим крупномасштабным композиционным акцентом несомненно влияние петербургской традиции градостроения, привнесенной как составителем генплана соцгорода И. Гохблитом, так и архитекторами – застройщиками улицы. Показательно, что Я. Скуратовский, руководитель проектной конторы Челябинметаллургстроя, закончил архитектурный факультет института инженеров коммунального строительства в Ленинграде.

Схожие принципы архитектурно-планировочного решения соцгородов в той или иной степени (в зависимости от масштабов промышленно-селитебного комплекса) демонстрируют и другие рабочие поселения Челябинска, как, например, поселок ЧТПЗ или район КБС завода им. С. Орджоникидзе.

Генплан 1945 – 1947 гг., как и предыдущий, заложивший планировочные основы города, тем не менее достаточно быстро оказался недостаточным для продолжавшего очень динамично развиваться Челябинска. Проектные цифры были достигнуты гораздо ранее расчетного периода: уже в 1959 г. население Челябинска достигло 689 тыс. человек, а территория увеличилась почти до 36 тыс. га⁶³.

Генплан 1967 г.: трансформация градостроительной структуры в новых исторических условиях

В результате более чем тридцатилетних процессов интенсивной индустриализации Челябинск стал одним из крупнейших промышленных центров страны, в структуре экономики которого преобладала тяжелая промышленность. Областями его специализации являлись, прежде всего, машиностроение, черная металлургия, электроэнергетика, притом, что

достаточно развитыми были и другие отрасли, как, например, цветная металлургия, химическое производство, пищевая и легкая промышленность.

Но столь значительная промышленная база, постоянно наращивающая свою мощь и являвшаяся определяющим градообразующим фактором, стимулировала дальнейший рост города и перспективное его разрастание до гигантских и неконтролируемых размеров. Челябинск был только одним из примеров крупных промышленных городов, обладавших подобными перспективами. Градостроительные процессы, определявшиеся во многом политикой всемогущих промышленных министерств, формировавших ВПК, требовали активного вмешательства «светского» государства. В 1956 г. было принято решение о запрещении строительства и расширения действовавших предприятий (кроме обслуживающих население и нужды гражданского строительства) в 48 крупных городах СССР. В 1960-е гг. принцип ограничения роста городов получил нормативное обеспечение в методических указаниях Госплана СССР по составлению народнохозяйственных планов, причем в 49 городах полностью запрещалось строить новые и расширять действовавшие промышленные предприятия⁶⁴. Несмотря на то что эти административные меры не принесли значительных результатов (например, население Челябинска к 1970 г. достигло 875 тыс. человек, а к 1977 г. – 1032 тыс.⁶⁵), изменившиеся приоритеты предопределяли иные градостроительные подходы.

На рубеже 1960-х – 1970-х гг. на профессиональном уровне стали активно осмысливаться новые явления в градостроительной сфере, которые рассматривались в СССР как результат «влияния научно-технической революции на процессы урбанизации»⁶⁶, а на Западе определялись как «постиндустриальная трансформация». Решающим фактором в формировании пространственной организации города предполагались перспективные структурные изменения в экономике, а именно смещение акцента на непроеизводственную сферу. Соответственно, в структуре занятости городского населения приоритетной должна была стать научно-информационная, управленческая и обслуживающая деятельность – так называемый третичный сектор. На основе анализа имевшихся тенденций прогнозировалось, что в СССР в 1980 г. по сравнению с 1965 г. занятость в промышленности останется на прежнем уровне (43%), в то время как в непроеизводственной сфере вырастет с 25 до 42%⁶⁷. Одним из главных факторов должно было стать сокращение градообразующей базы крупных городов, причем не только путем ограничения территориального и количественного роста промышленных предприятий, но и путем вывода части из них за пределы городской черты или перемещением ряда производственных циклов в города-спутники. В результате должны были замедлиться процессы урбанизации и свехурбанизации, характерные для

предшествующей эпохи. Процессы деиндустриализации давали возможность изменения стратегического подхода в планировочном развитии промышленного города. Системно ограничивая экстенсивное развитие, новый город должен был интенсифицировать внутренние резервы.

Одним из первых примеров осмысления новых подходов стал генплан Челябинска 1967 г., разработанный в институте «Челябинскгражданпроект» под руководством К.Н. Клюкова, В.Н. Лахтина, Л.В. Смирнова и других специалистов, а также вновь при участии проектного института «Ленгипрогор» (ил. 34). Одной из важнейших его задач стало снижение темпов роста населения Челябинска. Предполагалось, что число жителей города увеличится к 2000 г. с 835 тыс. до 1,4 млн⁶⁸, то есть на 68%. Это действительно означало бы существенное замедление, если учесть, что за аналогичный предшествующий период прирост составил 217%.

Генплан предполагал и уменьшение доли работающих в отраслях материального производства, включая тяжелую промышленность. По данным на исходный 1967 г., доля занятых в промышленности превышала 45% от всего работающего населения, к 1980 г. этот показатель должен был сократиться до 39%, а к 2000 г. – до 31%. В свою очередь, доля занятых в научно-исследовательской и проектной сферах должна была вырасти к 1980 г. на 60%, занятых в образовании – на 30%, а к 2000 г. эти показатели должны были увеличиться, соответственно, еще в 2 и 1,5 раза⁶⁹. При этом указывалось, что «более быстрыми темпами будут развиваться предприятия и учреждения градообслуживающего значения... Удельный вес к 2000 г. кадров в учреждениях градообслуживающего значения составит 27% (1967 – 15,6%)...»⁷⁰.

Одним из путей достижения вышеуказанных трансформаций предлагалось запрещение строительства новых и ограничение развития ряда существующих предприятий, а, кроме того, вывод ряда промышленных предприятий из центра и жилых кварталов Челябинска на окраины, в пригородную зону и в города-спутники. Проект определил перечень предприятий, подлежащих выводу из городского центра, среди них прядельно-ткацкая и табачная фабрики, химфармзавод, завод оргстекла. На практике эта огромная работа постоянно сталкивалась с ограниченностью средств, неподготовленностью новых промплощадок, сопротивлением ведомств и т.п. Однако начало процессу было положено.

Особое внимание было уделено упорядочению застройки промышленных территорий, занимающих значительную часть городской площади. Наиболее примечательной в сравнении с предыдущими генпланами стала акцентировка роли крупных промышленных предприятий в формировании архитектурной композиции и силуэта города, т.е. эстетической стороне индустриального ландшафта. Развернутое обоснование нового

подхода представил в своем аналитическом труде В.Н. Лахтин – один из создателей генплана 1967 г.⁷¹, обращая внимание на организационно-пространственную роль заводов, особенно для городов со сложной планировочной структурой, каким является Челябинск. Активно участвуя в создании многообразной панорамы индустриального города и являясь пространственными ориентирами, «промышленные предприятия как элемент планировочной структуры придают большинству уральских городов черты яркой индивидуальности». Санитарные «зеленые» разрывы с этой точки зрения также обретают не только функциональное, но и композиционное значение, «обеспечивая последовательное раскрытие панорамы жилой и промышленной застройки»⁷². В сравнении с предшествующими периодами советской истории заводы уже не рассматривались как своеобразный «фетиш», образ новой индустриальной России, организующее начало «новой жизни», в том числе и пространственное или, с другой стороны, как досадное антиэстетическое явление, нарушающее художественную целостность города-ансамбля. Новый подход, основанный также на эстетическом принципе, был более прагматичен. Предприятие воспринималось как объективная данность на длительную перспективу, которую необходимо было сделать органичной частью не только городской структуры, но и художественного образа города.

Кардинальной реконструкции планировочной структуры, сложившейся в предшествующий период, генплан не предусматривал. Рассредоточенная структура города с обособленными планировочными районами и диспропорциональностью в расселении воспринимались как функционально-обусловленная данность. Тем более что процесс объединения становился все более затруднительным из-за выраженной тенденции пространственного разделения мест приложения труда и жилища, что было обусловлено комплексом причин. Во-первых, ограниченным потенциалом развития типовых единиц индустриальной модели города – промышленно-селитебных комплексов, прежде всего емкости их жилой зоны в условиях малозэтажной застройки и небеспредельных пространственных возможностей. Во-вторых, увеличение мощности промышленных предприятий заставило органы санитарного надзора в начале 1960-х гг. пересмотреть прежние размеры защитных разрывов и увеличить их в зависимости от характера производства до 7 – 10 км и более (прежние СНиП устанавливали норму в 1 км)⁷³. Особенно значительная дистанция устанавливалась для предприятий черной и цветной металлургии, составлявших одну из основ промышленного комплекса Челябинска (ЧМЗ, ЧЭМК, ЧТПЗ, ЧЭЦЗ). Новые требования заставляли изменять планировочную структуру города, удаляя новые жилые районы на большие расстояния от градообразующих предприятий. В этом можно увидеть и проявление из-

менившихся экономической и социально-политической ситуаций. Экстремальные условия форсированной индустриализации и послевоенного восстановительного периода, сопровождаемые бесчисленными жертвами, постепенно сменялись относительной стабильностью, позволявшей прагматично задуматься и о жизненных условиях «людского ресурса». Кроме того, вышеуказанная тенденция была связана и с прогнозируемым изменением структуры занятости и значительным расширением ее спектра, что делало проблематичной территориальную «привязку» жилья к месту работы.

Центральной идеей генплана Челябинска 1967 г. стало сокращение объемов строительства жилья на промышленном востоке и переориентация города в сторону экологически чистых западных и северо-западных окраин. Освоение северо-запада предусматривалось еще генеральными планами 1936 и 1947 гг., однако именно с конца 1960-х гг. этот вариант стал приоритетным и широкомасштабным, и – что еще важнее – тогда же началась его практическая реализация. Согласно планировочной схеме новые районы вытянулись широкой дугой вдоль озелененных берегов р. Миасс, композиционно увязываясь с городским бором и Шершневским водохранилищем (1961 – 1969 гг.). Такое решение открыло перед городом возможности беспрепятственного территориального расширения, и утверждение такого положения в генплане стало возможным в том числе благодаря отказу советского градостроения в 1960-е гг. от утопической концепции «конечных» размеров города. Таким образом, генплан 1967 г. определил перспективы эволюции планировочной структуры, сохраняющие актуальность и до сегодняшнего времени.

Что касается общегородского центра, то генплан и проект детальной планировки центра предусматривали расширение его зоны. Границы центра должны были достичь ул. Российской на востоке, Братьев Кашириных на севере, С. Кривой и Орджоникидзе на юге и пруда Коммунар на западе. Отдельные пространственные составляющие центра получали свою функциональную «специализацию»: административно-политическая зона (в районе сложившегося в результате реализации проектов 1930-х – 1940-х гг. центра), зона высших учебных заведений и научно-исследовательских и проектных институтов (на берегах р. Миасс между ул. Энгельса и Молодогвардейцев), зона культурно-зрелищных учреждений (на берегу пруда «Коммунар» на Северо-Западе)⁷⁴. Таким образом, и смещение центра также предполагалось в западном направлении. Характерно, что обязательная для предшествующих генпланов и проектных документов, созданных в их развитие, подробная проработка планировочного решения именно административно-политической части центра оказалась не востребованной. Функциональный подход определял в целом ус-

тановки генплана, ссылки на идеологическую доктрину были скорее ритуальными, а создатели документа стали более свободными от «идейных установок» и «классических» образцов.

Определяющей идеей стало активное включение в архитектурно-планировочную композицию центра городского бора, пойменной части р. Миасс и Шершневского водохранилища. В отношении роли и характера преобразования городского бора генплан 1967 г. следовал проекту 1936 г., предполагая превращение центральной части лесного массива в ЦПКиО, главные аллеи которого соединят зону отдыха с предпарковой площадью, завершающей панораму главной магистрали города – пр. Ленина (переименованная в 1950-е гг. ул. Спартака). Кроме того, продолжением проектных перспектив 1930-х – 1940-х гг. было и предложение о развитии центра в северном направлении к реке Миасс, на берегах которой должны были разместиться ансамбли общегородского значения. Река решалась как одна из основных осей планировки центра, в сфере пространственного влияния которой органично взаимодействуют природная и архитектурная среда. При этом особое внимание уделялось раскрытию панорамы города со стороны Шершневского водохранилища и р. Миасс.

Тесно связанным с этими ориентирами городского развития был вопрос об ускоренном развитии зеленых насаждений. В 1967 г. на каждого жителя города приходилось в среднем по 4,2 кв. м зелени. Генпланом был запланирован впечатляющий прорыв – 20 кв. м на человека уже к 1980 г.⁷⁵ Особые надежды здесь вновь возлагались на перспективные районы Северо-запада и на перепрофилирование некоторых территорий в центре. В продолжение проектных предложений предыдущих генпланов было намечено строительство дендрологического парка на левом берегу пруда «Коммунар», создание скверов и парка в северо-западном районе, расширение и благоустройство ЦПКиО, благоустройство и озеленение набережных р. Миасс. Предполагались обязательные парки и в каждом районе. Сеть бульваров должна была объединить зеленые насаждения в единую систему. Показательно с этой точки зрения, что для промышленных Тракторозаводского и Ленинского районов предполагалось перспективное развитие в сторону озер Первое и Смолино, а сами озера должны были играть активную роль в городской природной панораме. Корректировка проектного предложения Ленгипрогора о застройке Каштакского бора (1600 га) в Металлургическом районе, зафиксированная еще в генплане 1947 г., позволила органично включить лесной массив в ансамбль соцгорода металлургов, сделав его одной из достопримечательностей района.

Особое внимание в генплане уделялось состоянию и развитию жилого фонда. К 1967 г. благодаря массовому строительству типовых «хруще-

вок» положение было уже не таким драматическим, как в послевоенное время (3,2 кв. м в среднем на одного человека⁷⁶), однако даже имевшиеся теперь 5,37 млн кв. м составляли всего лишь 6,4 кв. м в пересчете на душу населения. 64,3% общей территории жилых кварталов было занято усадебной и барачной застройкой. Согласно третьему генплану и с учетом сноса ветхо-аварийного фонда и строительства новых домов предполагалось, что в 1980 г. общий жилой фонд Челябинска составит 13,4 млн кв. м, а в 2000 г. – от 20,3 до 21 млн кв. м. Успехи в решении квартирного вопроса связывались в том числе с повышением этажности застройки, предусмотренной генпланом. К 1967 г. в почти миллионном Челябинске самыми высокими были единичные здания по девять этажей, тогда как ценные территории застраивались типовыми пятиэтажными домами. Разработчики генплана посчитали, что базовым вариантом в дальнейшем станут девятиэтажные, а в отдельных случаях и более высокие здания (к 1980 г. – 28% жилой застройки). В целом многоэтажный жилой фонд должен был составить к 1980 г. 89%, в последующий период – 90 – 95%⁷⁷. Уже не отдельные здания – архитектурные доминанты, прежде всего в центре, а массовая многоэтажная застройка должна была определять силуэт города.

Основой планировки жилых районов был принят микрорайон, «реабилитированный» советским градостроительством. Выстраивалось четкое членение элементов структуры обслуживания: микрорайон – жилой район – планировочный район. Таким образом, сохранялась ступенчатая система обслуживания, заложенная еще в организации промышленно-селитебных комплексов конца 1920-х – 1930-х гг.

Особенно важным ввиду перспектив роста города и его сохраняющегося в значительной степени рассредоточенного характера и ожидаемого увеличения разрыва мест приложения труда и жилища стал вопрос о развитии транспортной системы Челябинска. Строительство крупного жилого района на северо-западе, удаленного от основных предприятий, требовало создания современных скоростных магистралей. Аналогичные задачи возникали из-за развития других новых районов, необходимости вывести за пределы города транзитный транспорт, уменьшить нагрузку на существующие улицы центра. На этот счет в генплане содержалось множество детально проработанных идей, касавшихся строительства дорог, мостов, путепроводов и многоуровневых развязок. Генплан, а позднее и Комплексная транспортная схема 1976 г. предусматривали строительство Челябинской кольцевой автодороги; систему скоростных автодорог, изолированных от жилых районов, разгружающих центр от транзитного движения и выводящих транспорт на внешние автомобильные трассы; сети магистралей непрерывного движения (радиальные и диаметральные

пути); двухуровневые развязки. Совершенно новым элементом для Челябинска стало проектирование метрополитена – предугаданная насущная необходимость сегодняшнего дня.

В целом генплан 1967 г. определил перспективы развития города, актуальные и до настоящего времени, отразив начавшиеся градостроительные трансформации постиндустриального времени⁷⁸.

Таким образом, всего лишь за три десятилетия развитие Челябинска определялось тремя генеральными планами. Уже только этот факт свидетельствует о той стремительности, с которой развивался город. Вместе с тем трансформации коснулись не только планировочной и архитектурной среды, но и концептуальных идей, лежавших в основе генпланов. Три генплана, наследуя один другому, тем не менее отражали несколько разные градостроительные подходы, часть из которых осталась воплощенной лишь в проектах, часть – определила сегодняшний день Челябинска.

РАЗДЕЛ IV СОВРЕМЕННЫЙ ГОРОД: ПРОЕКТЫ И ИХ ВОПЛОЩЕНИЕ

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ГОРИЗОНТЫ ДЛЯ КРУПНЕЙШИХ ГОРОДОВ УРАЛА: СОВРЕМЕННЫЕ ГЕНПЛАНЫ ЕКАТЕРИНБУРГА, ЧЕЛЯБИНСКА, УФЫ И ПЕРМИ*

Л.В. Никитин

Уже почти полвека прошло с той поры, когда на Западе наметился и впервые получил научное осмысление поворот от индустриального к постиндустриальному обществу. За это время многие черты постиндустриализма (перемещение трудовых ресурсов из промышленности в сферу услуг, многократное усиление роли информационных потоков и информационных технологий, повышение экономического статуса науки и университетов, усиление позиций малого бизнеса и т.д.¹) успели проявиться не только на исходном для них пространстве Западной Европы и США, но и в других частях планеты, например, (при всей специфике) в позднем СССР и, конечно, в современной России. Вопреки большой разнице в историческом фундаменте и политических условиях сходство технологических тенденций нередко приводило к сопоставимым социально-экономическим результатам.

При этом в России, как и на Западе, в авангарде постиндустриального движения обычно находились и находятся самые крупные города. Именно в них создаются и внедряются новые технологии, работают лучшие специалисты, пересекаются важнейшие денежные потоки, транспортные магистрали и линии оптико-волоконной связи; именно в этих центрах сосредоточен основной кадровый, информационный и финансовый потенциал постиндустриального мира.

Подобные явления в жизни больших городов все чаще становятся предметом специального анализа на страницах экономико-географических, социологических, исторических и культурологических работ. За последнее время в российской науке появился ряд публикаций, посвященных, например, постиндустриальным чертам в развитии Москвы², Челябинска и Челябинской области³, а также некоторым важным обобщениям в масштабе всей страны⁴. В настоящем исследовании на ос-

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 08-04-85403 а/У.

нове аналогичных теоретических подходов рассматриваются четыре крупнейших города Урала (Екатеринбург, Челябинск, Уфа и Пермь), причем постиндустриальные сдвиги в каждом из них анализируются сквозь призму генеральных планов – основополагающих градостроительных документов, интегрирующих различные сферы муниципальной жизни, фиксирующих современное положение дел и определяющих стратегические приоритеты на целые десятилетия.

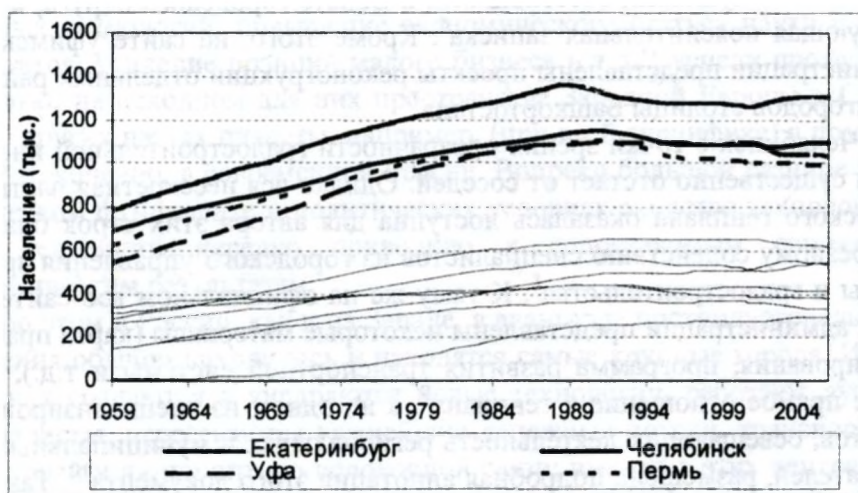
В отличие от советской эпохи, когда генплан был в целом «документом для служебного пользования», в современной России степень открытости возросла, хотя и не стала по-настоящему высокой. Так, с основными положениями генпланов Уфы, Перми и Екатеринбурга сегодня можно познакомиться на различных муниципальных сайтах⁵. Несомненно, в этих случаях местные власти считают подобную документацию частью формирующегося имиджа своих городов. Важные штрихи добавляют и некоторые дополнительные материалы. Для Уфы, например, это протокол депутатских слушаний, состоявшихся в Совете городского округа, и сопутствующая пояснительная записка⁶. Кроме этого, на сайте уфимской администрации представлены проекты реконструкции отдельных районов и пригородов столицы Башкортостана⁷.

Челябинск с точки зрения прозрачности градостроительной информации существенно отстает от соседей. Однако вся несекретная часть челябинского генплана оказалась доступна для автора этих строк благодаря любезному содействию специалистов из городского управления архитектуры и градостроительства⁸. К тому же на официальном веб-сайте местной администрации представлены некоторые материалы (карта правового зонирования, программа развития транспортной системы и т.д.), имеющие прямое отношение к генплану⁹, а на одном из специализированных сайтов, освещающих деятельность региональных и муниципальных законодателей, размещена подробная аннотация этого документа¹⁰. Таким образом, доступные информационные ресурсы, хотя и не являясь исчерпывающими, все же создают многомерное представление о современных генпланах крупнейших городов Урала.

Наконец, отдельно хотелось бы подчеркнуть, что в основу представленной публикации положены не только пакеты градостроительных разработок, но также количественные характеристики изучаемых центров, входящие в различные базы данных Росстата¹¹, и некоторые результаты собственных эмпирических расчетов¹². Предварительное обращение к этим блокам информации позволяет получить более полную картину развития соответствующих городов и сопоставить идеи генеральных планов со сложившейся муниципальной реальностью.

Демографические и экономические основы

Итак, что же представляют собой рассматриваемые здесь уральские столицы? Следует в первую очередь заметить, что речь идет о четырех городах, которые уже несколько десятилетий неизменно доминируют на огромном пространстве «Большого Урала»¹³. По числу жителей Екатеринбург заметно опережает тройку других уральских «миллионеров» (Челябинск, Уфу и Пермь), но они, в свою очередь, демонстрируют еще более внушительный отрыв от остальных крупных городов (Ижевска, Тюмени, Оренбурга, Магнитогорска, Нижнего Тагила, Кургана, Сургута, Стерлитамака и т.д. – рис. 1). В пределах всей Российской Федерации Екатеринбург, Челябинск, Уфа и Пермь по данным переписи 2002 г. занимали, соответственно, 5-е, 9-е, 11-е и 13-е места (из почти 1100 городов), что дает основания говорить об их принадлежности к общенациональной урбанистической элите.

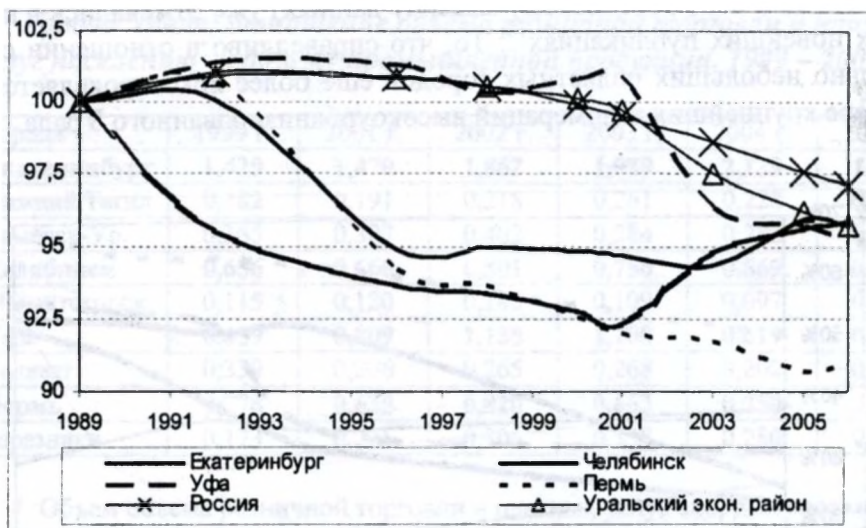

Рис. 1. Численность населения Екатеринбурга, Челябинска, Уфы и Перми в сопоставлении с другими крупными городами «Большого Урала», 1959 – 2006 гг.¹⁴

Города «большой четверки» являются официальными центрами крупных – и сопоставимых между собой по масштабу – субъектов Федерации¹⁵; очевидно, что в российских условиях подобный административный статус дает его обладателям разнообразные преимущества.

На протяжении уже довольно долгого времени во всех четырех столицах Урала наблюдалось сокращение числа жителей («демографическая депрессия»), однако, по точному замечанию Т.Г. Нефедовой и А.И. Тревиша, сегодня «людность и ее динамика перестали быть надежными ин-

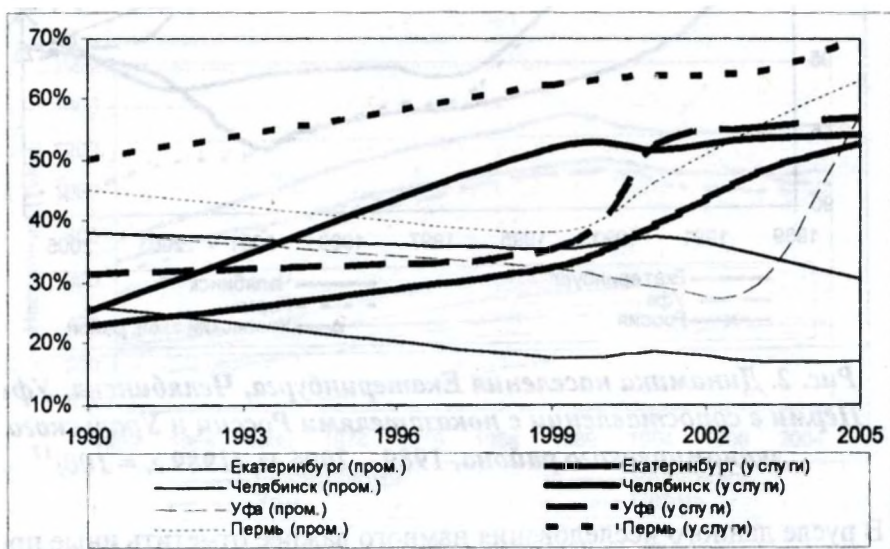
дикаторами состояния городов»¹⁶. В самом факте депрессии нет (к сожалению) чего-то уникального. Как известно, население сейчас сокращается во всей России, включая и Уральский экономический район. За полтора постсоветских десятилетия нисходящий тренд региона в итоге привел примерно к такому же 4%-му сокращению, как и тренды трех крупнейших городов Урала, и только в Перми демографические индикаторы провалились еще глубже. Кроме этого, в последние годы у трех городов из рассматриваемого квартета (на этот раз без Уфы) наметилась стабилизация или даже небольшое улучшение показателей (рис. 2).

Рис. 2. Динамика населения Екатеринбурга, Челябинска, Уфы и Перми в сопоставлении с показателями России и Уральского экономического района, 1989 – 2006 гг. (1989 г. = 100)¹⁷

В русле данного исследования намного важнее отметить иные процессы. Во-первых, на протяжении целого ряда лет (и, по крайней мере, до самого недавнего времени) наблюдалось относительное ослабление *индустриальных* функций региональных столиц по сравнению с некоторыми другими городами: в качестве конкурентов выступили Магнитогорск в Челябинской области, Нижний Тагил и Каменск-Уральский в Свердловской, а также (что, правда, уже не столь очевидно) треугольник Салават – Стерлитамак – Ишимбай в Башкортостане и связка Березники – Соликамск в Пермском крае. Во-вторых, частично отдавая роль промышленных флагманов, административные центры решительно перетягивают на себя *торгово-сервисные* полномочия «подведомственных» территорий. На рис. 3, где вклад центральных городов в региональную индустрию по-

казан тонкими линиями, можно отчетливо увидеть нисходящие тренды Челябинска и Екатеринбурга. В том же направлении долгое время смещались Уфа и Пермь, и лишь в последние годы их показатели резко пошли вверх. К причинам этого локального перелома можно будет вернуться позднее, а сейчас хотелось бы обратить внимание на неуклонный подъем основных линий графика (то есть сервисных характеристик) у всех без исключения городов уральского квартета. Таким образом, речь, по крайней мере в первом приближении, идет о мощном постиндустриальном прорыве Челябинска, Уфы, Перми и тем более Екатеринбурга. Аналогичные явления для многих региональных центров (в ином контексте и применительно к общероссийскому массиву данных) уже отмечались в некоторых новейших публикациях¹⁸. То, что справедливо в отношении сравнительно небольших областных городов еще более ярко проявляется на примере крупнейших агломераций высокоурбанизированного Урала.

Рис. 3. Доля крупнейших городов Урала в промышленных и сервисных показателях соответствующих субъектов Федерации¹⁹

Общий тезис о постиндустриальном рывке нуждается, однако, в некоторых уточнениях. Более детальную и не менее выразительную картину можно получить при стандартизированном сопоставлении «столичных» городов с нестоличными, а также «столиц» между собой (табл. 1). Используемый здесь показатель (отношение объема розничной торговли и платных услуг к объему промышленного производства), который можно условно трактовать как «индекс постиндустриальности», у администра-

тивных центров, как правило, оказывается значительно выше, чем у многих других городов (технически высокое значение индекса нередко получается и у небольших городов с глубоко депрессивной промышленностью, однако они образуют собой совершенно другую группу, остающуюся вне данного исследования). Если же провести затем сравнения внутри «большой четверки», то на протяжении ряда лет нетрудно увидеть высокие и довольно близкие показатели Челябинска, Уфы и Перми при еще более выраженном торгово-сервисном смещении Екатеринбургa.

Таблица 1

Города Урала: отношение объема розничной торговли и платных услуг населению* к объему промышленной продукции, 1999 – 2005 гг.²⁰

Города	1999 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.
Екатеринбург	1,429	1,470	1,862	1,929	2,139	1,894
Нижний Тагил	0,182	0,191	0,218	0,261	0,228	0,183
Каменск-Ур.	0,365	0,307	0,402	0,284	0,282	0,170
Челябинск	0,656	0,660	0,801	0,756	0,669	0,912
Магнитогорск	0,115	0,120	0,143	0,109	0,097	0,140
Уфа	0,659	0,809	1,155	1,200	0,619	0,485
Салават	0,339	0,206	0,265	0,268	0,202	0,133
Пермь	0,778	0,639	0,820	0,663	0,750	0,481
Березники	0,173	0,225	0,306	0,338	0,280	0,268

* Объем объема розничной торговли и платных услуг скорректирован на уровень среднемесячной заработной платы в соответствующем городе (за единицу принят уровень зарплаты в Екатеринбурге).

Далее, обратившись непосредственно к промышленности и рассматривая положение уральских центров на общероссийском поле (табл. 2), можно сформулировать несколько новых выводов. Екатеринбург, где очень большую роль традиционно играло тяжелое машиностроение, из-за относительно слабых адаптационных способностей этой отрасли потерял прежние позиции в иерархии индустриальных центров. Это обстоятельство, не отменяя «постиндустриальных заслуг» данного города, все же заставляет учесть отмеченный факт при взгляде на высокие екатеринбургские индикаторы в табл. 1. Что касается трех других городов, то они, также обладая значительным машиностроительным сегментом, имеют и более успешную на постсоветском рынке отраслевую альтернативу: в Уфе и Перми в этом качестве выступает нефтепереработка, а в Челябинске – черная металлургия. В результате доля Челябинска в общероссийском промышленном производстве снизилась в меньшей степени, чем

аналогичная доля Екатеринбурга (особенно, если посмотреть на динамические ряды до 2004 г.). Еще более любопытная ситуация сложилась в Уфе и Перми, где деиндустриализация 1990-х гг. сменилась настоящим промышленным взлетом в 2000-е гг. (что отчасти отражает и основанный на иных сопоставлениях рис. 3). Вполне красноречивой для обоих этих городов является смена минусов на плюсы при подведении итогов, соответственно, за 10 и 16 лет (табл. 2). Здесь, конечно, надо учитывать и некоторые изменения в системе официальных статистических показателей, и, самое главное, рост цен на нефть и нефтепродукты, увлекший за собой вверх стоимостные характеристики уфимской и пермской индустрии. Наконец, следует еще раз подчеркнуть, что впечатляющие производственные успехи западноуральской пары (как и относительно скромные показатели Челябинска и Екатеринбурга) вовсе не отменяют исходный тезис о мощном сервисном прорыве крупнейших городов Урала и в абсолютном выражении, и в сопоставлении с окружающим пространством (рис. 3).

Таблица 2

Крупнейшие города Урала: доля и место в Российской Федерации по объему промышленной продукции, 1990 – 2005 гг.²¹

Доля и место города	1990	1999	2001	2003	2004	2005	Изм. за 1990-1999 гг.	Изм. за 1990-2005 гг.
Екатеринбург								
Доля	1,08%	0,64%	0,67%	0,63%	0,57%	0,74%	-0,44%	-0,34%
Место	6	20	18	19	20	20	-14	-14
Челябинск								
Доля	1,13%	1,05%	1,09%	1,08%	1,18%	0,99%	-0,08%	-0,14%
Место	3-4	9	9	12	12	17	-6 (-5)	-14 (-13)
Уфа								
Доля	0,97%	0,92%	0,78%	0,69%	1,37%	1,97%	-0,05%	+1%
Место	7	14	16	16	8	3	-7	+4
Пермь								
Доля	0,92%	0,92%	1,13%	1,30%	1,17%	1,86%	0	+0,94%
Место	9	13	7	5	13	4	-4	+5

Теперь попробуем раскрыть высказанное положение более подробно и провести отдельные замеры по сервисному сектору. В табл. 3 объем розничной торговли и платных услуг населению на муниципальных рынках сравнивается со средним уровнем зарплаты в соответствующих городах. Высокое значение полученного показателя (при сопоставимой величине зарплаты) говорит о хорошем развитии сферы услуг: о том, что жителям данного города есть, где потратить деньги и, вероятно, о том, что

его торгово-сервисный потенциал привлекает также и приезжих. Для Москвы, которая, очевидно, находится в авангарде российского постиндустриализма, подобный индикатор в последние годы совершал колебания в широком диапазоне 1,2 – 2²².

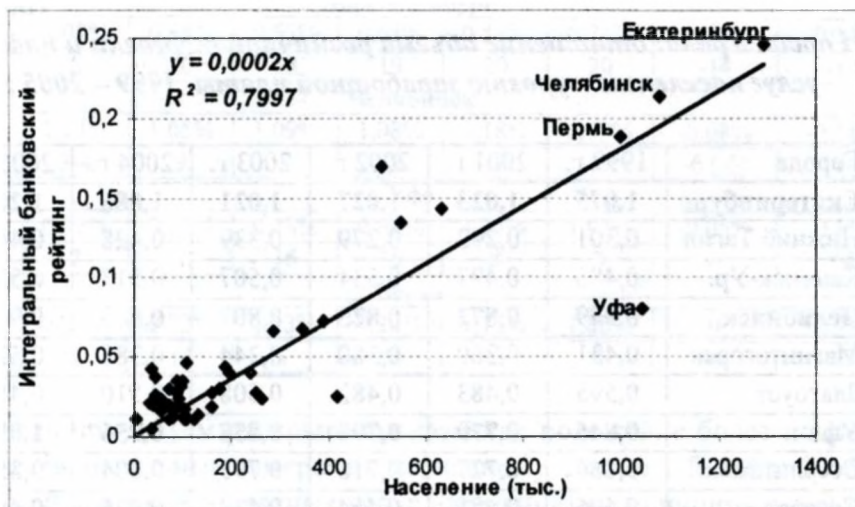
Как же выглядят на этом фоне различные города Урала? Прежде всего, табл. 3 вновь подтверждает высокие баллы Екатеринбурга. Однако в этом соревновании отрыв столицы Среднего Урала уже не так велик, как при сопоставлении «промышленность – сервис» (табл. 1); к тому же теперь у Екатеринбурга неожиданно появляется сопоставимый конкурент в лице Перми, почти догонявшей восточного соседа в отдельные годы. Челябинск от этой пары несколько отстает, но все же демонстрирует общую «столичную» закономерность: его сервисный индекс намного выше, чем у других городов Челябинской области (и, конечно, очень похожая картина наблюдается в Свердловской области и Пермском крае). Может также показаться, что солидарность частично нарушает Уфа, не слишком убедительно обгоняющая Стерлитамак. Здесь, однако, следует учесть относительную географическую отдаленность этих городов. Стерлитамак, самый крупный центр южного Башкортостана, выступает как сервисный лидер по отношению к соседям (Ишимбаю и Салавату), а Уфа, безусловно, не знает конкурентов на севере Республики. Обратим внимание и на то, что разрыв между Уфой и Стерлитамаком, оставаясь не очень большим, со временем постепенно возрастает.

Таблица 3

Города Урала: отношение объема розничной торговли и платных услуг населению к уровню заработной платы, 1999 – 2005 гг.²³

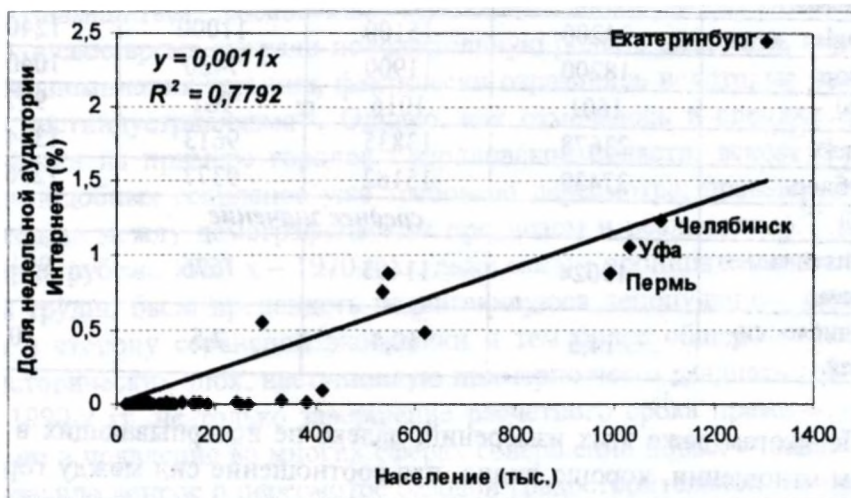
Города	1999 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.
Екатеринбург	1,075	1,023	1,027	1,021	1,086	1,205
Нижний Тагил	0,301	0,292	0,279	0,339	0,428	0,449
Каменск-Ур.	0,486	0,497	0,534	0,507	0,513	0,526
Челябинск	0,949	0,872	0,825	0,807	0,845	0,948
Магнитогорск	0,431	0,360	0,380	0,344	0,388	0,527
Златоуст	0,595	0,483	0,482	0,508	0,510	0,488
Уфа	0,846	0,779	0,795	0,858	0,956	1,054
Стерлитамак	0,864	0,727	0,718	0,795	0,804	0,853
Салават	0,696	0,488	0,464	0,439	0,476	0,482
Пермь	1,075	0,956	0,935	0,934	1,038	1,030
Березники	0,495	0,401	0,432	0,437	0,416	0,454
Соликамск	0,425	0,264	0,257	0,290	0,271	н.д.

Дополнительные штрихи к общей панораме добавляет статистика по отдельным сегментам постиндустриального хозяйства, например, по финансовой деятельности. На рис. 4 показана корреляция между численностью населения городов «Большого Урала» и значениями интегрального банковского рейтинга, которые были получены с учетом современных международных разработок²⁴. Диаграмма отражает ситуацию 2002 г., то есть того времени, когда в четырех крупнейших городах Урала создавались новые генпланы. Как видим, в этой сфере просматривается лидерство Екатеринбурга, хотя Челябинск и Пермь не очень сильно уступают своему «продвинутому» соседу. Более того, замеры 2006 – 2007 гг. показывают, что отставание Челябинска от Екатеринбурга в дальнейшем заметно сократилось. С другой стороны, из квартета явно выпадает Уфа, для которой, как и для всего Башкортостана, характерны значительные элементы протекционизма и изоляционизма в экономической политике. Хотя за последнее время башкирский рынок финансовых услуг все же стал более открытым, по интегральным банковским показателям Уфа по-прежнему проигрывает Екатеринбургу, Челябинску и даже Перми²⁵. Наконец, тот же самый порядок (Екатеринбург, Челябинск, Пермь, Уфа, хотя и с более выраженным отрывом Екатеринбурга) получается при выведении другого комплексного индикатора, в равной степени основанного на значимости местных и присутствии иногородних банков²⁶.

Рис. 4. Города Урала: корреляция между численностью населения и интегральным банковским рейтингом (2002)²⁷

Еще одной важной гранью постиндустриального развития крупных городов стало стремительное усиление их роли как доминирующих узлов на пересечении информационных потоков. Доступ к информационным ресурсам, возможности распоряжаться ими и получать в результате большие преимущества распределены очень неравномерно. Для современного мира все более характерным становится «цифровой разрыв» (“digital divide” в англоязычных публикациях), который тоже может хотя бы косвенно поддаваться количественной оценке. В качестве подобного индикатора на рис.5 представлены средние еженедельные доли отдельных уральских городов в аудитории всего российского Интернета (по данным агентства SpyLOG за I квартал 2007 г.)²⁸. Рассчитав корреляцию между числом жителей и Интернет-активностью, можно вновь увидеть уверенное лидерство Екатеринбурга. Если учесть, что ранее аналогичный результат уже был получен в исследовании 2004 года²⁹, то «цифровой разрыв» в пользу этого города оказывается не только очень большим, но и стабильным. Внутри оставшейся тройки тоже есть некоторые различия: в замере-2007 Челябинск, хотя и с трудом, все же дотягивается до среднего корреляционного тренда, а Уфа и особенно Пермь определенно смещены вниз. По абсолютным показателям присутствия во «всемирной паутине» с ними конкурируют сравнительно небольшие Тюмень и Оренбург. Впрочем, остальные города, особенно в центральной части Урала (то есть за вычетом Тюменской области), существенно отстают от «миллионеров».

Рис. 5. Города Урала: корреляция между численностью населения и долей недельной аудитории Интернета (2007 г., I кв.)³⁰

Имеется также возможность оценить не только активное, но и (условно говоря) пассивное участие городов «большой четверки» в глобальном информационном пространстве. Для этого были сделаны запросы по словам «Екатеринбург», «Челябинск», «Уфа» и «Пермь» в крупнейших поисковых машинах Интернета (Google, Yahoo, MSN) и в аналогичных лидерах российской части Всемирной Сети (Яндекс и Рамблер). Параллельное обращение к названным системам, различающимся во многих технологических и лингвистических подходах, позволяет получить достаточно представительную картину. Число упоминаний каждого города в Интернете (при написании его названия кириллицей) приведено в табл.4. Эти замеры, проведенные в июле 2007 г. и в целом повторившие результаты подобных исследований на протяжении ряда предыдущих лет, вновь выводят на первое место Екатеринбург, а на второе – Челябинск. В то же время Пермь, совершив большой рывок по сравнению со статистикой выходов в Интернет (SpyLOG), по «рейтингу упоминаний» в Интернете обходит Уфу.

Таблица 4

**Крупнейшие города Урала: статистика упоминаний
в основных поисковых машинах Интернета
(в тыс., на июль 2007 г.)³¹**

Поисковые системы	Екатеринбург	Челябинск	Уфа	Пермь
Google	24200	15100	11000	12400
Yahoo	18200	11900	7430	10400
MSN	1601	1016	961	997
Яндекс	23678	13835	9613	13540
Рамблер	27439	15162	9377	12369
<i>среднее значение</i>				
По пяти системам	19024	11403	7676	9941
На число жителей	14,5	10,4	7,5	10

По итогам даже этих измерений, далеко не исчерпывающих в отраслевом отношении, хорошо видно, что соотношение сил между городами значительным образом изменяется при переходе от одного сопоставляемого параметра к другому. Но все же по ряду демографических и экономических (особенно сервисных) характеристик просматривается уверенное лидерство Екатеринбурга – важнейшего носителя постиндустриальных изменений на всем пространстве «Большого Урала». Этот же ком-

плекс показателей позволяет условно признать роль региональной «вице-столицы» за Челябинском, однако в данном случае отрыв от «преследователей», Уфы и Перми, уже не столь очевиден, как отрыв Екатеринбурга от всей тройки.

Впрочем, подобные локальные расклады не противоречат известному тезису о полицентричности Урала, где даже Екатеринбург «первенствует, но не главенствует»³² (как главенствует Нижний Новгород в Волго-Вятском районе, не говоря уже о Москве в Центре и Петербурге на Северо-западе). В заключительной части данной работы с учетом дополнительных показателей еще будет повод вернуться к теме ранжирования уральских городов, однако уже сейчас можно уверенно подчеркнуть следующее обстоятельство: недалеко от Екатеринбурга расположены три очень больших и сопоставимых с ним центра, которые, также являясь важными узлами постиндустриализма, все чаще проецируют этот факт на многие стороны своего внутреннего развития.

Генеральные планы

В постсоветское время на фоне и с учетом рассмотренных тенденций в демографической и социально-экономической сферах четыре уральские столицы почти синхронно приступили к разработке новых генеральных планов. Предыдущее поколение аналогичных документов появилось еще в период «косыгинской» модернизации (Челябинск – 1967 г., Уфа и Пермь – 1971 г., Свердловск – 1972 г.). Эти генпланы, выполненные на высоком профессиональном уровне и принадлежавшие к одной генерации со знаменитым московским генпланом эпохи М.В. Посохина (1971 г.), в свое время сыграли положительную роль; в них, хотя, конечно, и без упоминания термина, фактически отразились некоторые черты раннего постиндустриализма³³. Однако, как отмечалось в специальном исследовании на примере городов Свердловской области, вскоре большинство подобных генпланов уже требовало пересмотра: прежде всего, из-за разрыва между демографическим прогнозом и реальностью³⁴. Безусловно, на рубеже 1960-х – 1970-х гг. даже самым проницательным аналитикам трудно было предвидеть надвигающуюся депопуляцию, резкий поворот в сторону сервисной экономики и тем более общероссийскую смену исторических эпох, наступившую примерно через двадцать лет. На исходе 1990-х гг. не только завершение расчетного срока прежних генпланов, но и появление во многих сферах совершенно новых «правил игры» поставило вопрос о пересмотре базовой градостроительной документации.

Уфа смогла утвердить свой новый генплан уже в 1996 г., то есть значительно раньше соседей. Однако даже на этом этапе – в условиях «победившего капитализма» – разработчики недооценили усиление сервисных

функций города и, наоборот, переоценили значение индустриальных. В данной связи потребовалась корректировка генерального плана, которую выполнили специалисты из Санкт-Петербургского ЗАО «Ленпромстройпроект» (2006 г.). Также в Санкт-Петербурге (Научно-проектный институт пространственного планирования "ЭНКО") был разработан генеральный план Перми 2004 г. Две другие «столицы Урала» обошлись в этом вопросе преимущественно собственными силами, обращаясь к иногородней помощи лишь при составлении некоторых промежуточных документов. В итоговом варианте новый генплан Челябинска (2003 г.) создавался в Южуралакдемцентре и институте «Челябинскгражданпроект». В Екатеринбурге над генпланом 2004 г. трудилась Мастерская генерального плана при администрации города, а также многочисленные специализированные организации, включая УралНИИпроект – одного из главных разработчиков свердловского генплана-72. Таким образом, на заре XXI столетия вся четверка ведущих центров Урала, опираясь на работу высококвалифицированных проектных коллективов, создала новые генеральные планы, призванные обозначить перспективы городского развития в принципиально изменившихся условиях.

Обратимся теперь к основным тезисам генеральных планов, по возможности используя такую схему, которая была бы общей для всех четырех документов и позволяла бы проводить прямые сопоставления между городами.

Итак, при всех относительно частных различиях в логике изложения и внутренней структуре каждый генплан непременно содержит базовые главы, посвященные *демографическим перспективам* и *стратегии социально-экономического развития*.

Ввиду негативного опыта предыдущих десятилетий генпланы новой волны отличаются сдержанными прогнозами в отношении своего ключевого индикатора – *численности населения городов*. Теперь уже никто не ожидает роста населения на десятки процентов, как это было, например, в Челябинском генплане 1967 года³⁵. Впрочем, и новые градостроительные документы не лишены некоторой доли оптимизма. В Екатеринбурге, где на момент составления генплана население стабилизировалось вблизи отметки 1,3 млн, на 2015 г. прогнозируется 1,36 млн жителей, а на 2025 г. – 1,4 млн: таким образом, речь идет об увеличении числа жителей на 7–8% за 20 лет. Намерен расти и Челябинск – с исходных 1,08 млн до 1,15 – 1,18 млн в 2020 г. (6 – 9% за 15 лет). По уфимскому генплану (скорректированному как раз в этом аспекте, причем в сторону уменьшения прогнозных величин) население города должно вырасти с нынешних 1,03 млн до 1,13 млн в 2025 г. (то есть почти на 10% за неполное двадцатилетие).

Отчасти выбивается из общего ряда Пермь. Как уже отмечалось, столица Прикамья пережила более глубокую депопуляцию, чем ее уральские соседи; в 2003 г. она даже стала первым в истории России городом, который вышел из разряда «миллионеров»³⁶. Такая ситуация повлияла и на генплан, в котором содержится следующий прогноз: «В ближайшие годы тенденция уменьшения численности населения, по-видимому, еще сохранится, а в дальнейшем можно ожидать стабилизации, а затем – и некоторого повышения количества жителей до величины порядка 1 млн чел. Общая численность населения Перми на конец расчетного срока (2020 г.) принимается на современном уровне, независимо от тех незначительных колебаний этой величины, которые могут проявиться в течение 20-летнего периода»³⁷. Если учесть, что в 2004 – 2006 гг. население Перми составляло около 990 тыс., то сценарий генплана на 15-летнюю перспективу предусматривает рост числа жителей в пределах 1%. Таким образом, пермские демографические ориентиры заметно отличаются от екатеринбургских, челябинских и уфимских.

Что же касается перспективных линий *социально-экономического развития*, то здесь (при всех локальных вариациях) «столичные» уральские генпланы практически единодушны. Крупнейшие города «опорного края державы» намерены и впредь оставаться мощными производственными центрами, но при этом постоянно увеличивать долю сервисного сегмента экономики и, соответственно, сокращать долю промышленного. Такие идеи вполне соответствуют уже имеющемуся вектору развития уральских миллионников, который подробно рассматривался в первой части работы. Каждый из четырех генпланов говорит о преимуществах географического положения и возможностях развития транспортно-логистических функций, о дальнейшем подъеме соответствующего города как центра образования, науки, технологических инноваций, финансового бизнеса и т.д.

В Екатеринбурге, который, как мы уже знаем, в постсоветское время отличался особенно выраженной деиндустриализацией (табл. 2), генплан является частью еще более масштабной разработки – Стратегического плана развития города. Объединяя множество проектов и направлений, Стратегический план в своей экономической части наряду с программой «Новая жизнь крупных заводов» содержит программы «Финансовый центр Урала» и «Межрегиональный центр инновационной деятельности»³⁸.

В челябинском генплане вместе с общими идеями о развитии сервисной экономики представлены и некоторые количественные ориентиры. Предполагается, что доля непромышленного сектора (включая отдельно упомянутый банковский бизнес) в доходах городской экономики со временем достигнет почти 70%, а оставшаяся часть разделится между маши-

ностроением и металлургией в пропорции три к двум³⁹. Если подобный прогноз осуществится, можно будет говорить не только о дальнейшем постиндустриальном прогрессе, но также о том, что машиностроительный комплекс Челябинска возьмет у сталелитейной и трубопрокатной промышленности реванш за отступление 1990-х гг.

Уфа, в отличие от восточного соседа, намерена и дальше признавать приоритет за ныне преобладающими отраслями (нефтехимией и нефтепереработкой), однако прогнозирует «постепенный и медленный» переток занятых из индустрии в сервисный сектор: доля промышленных работников сократится с нынешних 28,5% до 24%, а доля занятых в сфере услуг увеличится с 57% до 64%. Подобно Стратегическому плану Екатеринбурга и генплану Челябинска, уфимский генеральный план подчеркивает роль финансовой инфраструктуры. Отдельно отмечается, что условия для еще более динамичного роста сервиса «может обеспечить только государство за счет различных льгот»⁴⁰.

Похожие ориентиры намечены и в Перми, генеральный план которой украшен ярким слоганом: «от города-завода к многополюсному городу XXI века». Одним из полюсов, как и раньше, должны остаться предприятия топливно-энергетической, газоперерабатывающей, машиностроительной и других отраслей промышленности. В то же время сегодняшняя Пермь осознает себя как полифункциональный центр, делающий ставку на процветание «деловых и финансовых структур, информационных, научных, учебных центров, объектов культуры, спортивных и развлекательных комплексов». Именно такое многостороннее развитие поможет Перми реализовать свою миссию как полноценной «столицы Предуралья»⁴¹.

Следует заметить, что дружное стремление «большой четверки» уйти от прежней гипериндустриализации и создать более сбалансированную экономику не является абсолютно новым трендом. Нечто подобное уже наблюдалось в предыдущем поколении генпланов на рубеже 1960-х – 1970-х гг. и, конечно, в реальной городской жизни поздних советских десятилетий. Новым следует признать не само по себе развитие сервисной сферы, а его немыслимую во времена СССР степень. К тому же на нынешнем витке решительно изменились и другие параметры, например, внутренняя структура сервиса и его идеологическое восприятие: то, что раньше скромно именовалось «дополнительным вниманием к градовспомогательным отраслям» (в основном к розничной торговле и культурно-бытовому обслуживанию), сегодня находит продолжение как проект по созданию «мультимодального транспортного узла», «региональной финансовой столицы», «международного выставочного центра» и т.д.

Если экономические разделы генпланов не всегда отличаются конкретикой (что вполне объясняется «законами жанра», не направленного специально на такие вопросы), то значительно более детальными, с множеством примеров, названий и решений являются профильные главы, посвященные *планировочной структуре* городов. При этом пространственные ориентиры в развитии уральских столиц тоже во многом определяются уверенной динамикой постиндустриального перехода. Сегодня в центре градостроительного мышления находятся не промышленные площадки, а перспективные районы жилого и офисного строительства, а также, конечно, природная составляющая – реки, озера и леса.

В частности, генеральный план Екатеринбурга предусматривает развитие города по двум доминирующим лучам (юго-запад – северо-восток и северо-запад – юго-восток), второй из которых совпадает с течением реки Исеть. Вереница прудов (Верх-Исетский, Городской, Парковый, Нижнеисетский) со скверами и садами уже сегодня придает неповторимый облик отдельным городским районам, а в дальнейшем, по мере озеленения и благоустройства всей поймы, станет важнейшим природным украшением Екатеринбурга. Реабилитация реки в городской черте дополнится также созданием близлежащего историко-природного парка «Истоки Исети» со статусом особо охраняемой территории. Другой доминантой являются Шарташский лесопарк и озеро Шарташ, на северном берегу которого планируется новый жилой район, а на восточном – огромный университетский комплекс. Отдельное внимание градостроители уделяют проекту Спортивного парка в Уктусских горах, предназначенному для семейного отдыха парку «Волшебная страна» на реках Каменка и Шиловка, парку «Европа-Азия» у западного въезда в Екатеринбург и т.д. С тех же экологических позиций очень перспективными считаются и новые жилые районы на юго-западе: Академический (предусмотренный еще в свердловском генплане 1972 г.), Московский, Мичуринский и Широкая речка⁴².

Подобно Исети для Екатеринбурга, в Челябинске аналогичным планировочным стержнем является река Миасс с живописными излучинами, прудом «Коммунар» и огромным Шершневским водохранилищем. На правом берегу Миасса, подходя практически к центральным кварталам, расположен знаменитый Челябинский бор, когда-то давший имя самому городу. Сочетание реки и реликтового бора еще в 1967 г. оценили создатели предыдущего генплана⁴³. По их предложению началось строительство Северо-запада – 12-километровой дуги отдаленных от промышленности районов, спускающихся к левому берегу Миасса и «смотрящих» на сосновый лес. Ныне действующий генплан 2003 г. предусматривает дальнейшее развитие Северо-запада и прилегающих территорий (Северные

Шершни, Красное поле и др.), а также продолжающееся озеленение и благоустройство набережных (например, в квартале «Западный луч», в районе Челябинского университета и, конечно, в историческом центре города). Не забыт архитекторами и Каштакский бор, украшающий северные подъезды к Челябинску. Еще одной привлекательной чертой городского ландшафта является наличие крупных озер (Смолино, Синеглазово, Первое и др.), которые в условиях постиндустриального города должны обрести новую жизнь. На Смолино, к примеру, предусмотрено создание спортивных и развлекательных парков городского значения, а на Первом озере, после реабилитации промзоны, – районного. Кроме этого, на берегах озер и Шершневого водохранилища предполагается возведение высотных зданий, которые, отражаясь в воде, «уже при подъезде к городу со всех направлений... создадут неповторимый силуэт»⁴⁴.

Уфа, хотя и не имеющая больших озер, может гордиться своим водным богатством не меньше, чем ее соседи. Основная часть города расположена на «Уфимском полуострове» – возвышенности между рекой Белой (Агидель) и впадающей в нее рекой Уфа (Караидель). Очень важны в градостроительном плане и два других притока Белой – Дёма и Сутолока. В качестве основной планировочной оси для самого города и для всей агломерации выступает река Белая, на правом берегу которой должны получить приоритетное развитие районы Нижегородка и Кооперативная поляна, а на левом (то есть за пределами Уфимского полуострова) – Затон и Дёма. Выше по течению Белой, в районе Кузнецовского Затона, генплан отводит место для зоопарка и детского развлекательного комплекса. Уже получившие развитие жилые районы Сипайлово и Богородское должны быть полностью отделены озелененными территориями от Лихачевской промзоны; подлежит реконструкции и Северная промышленная зона, в которой сосредоточены основные мощности уфимской нефтепереработки⁴⁵.

Особая ситуация сложилась вокруг планировочного района Шакша – Юрмаш. В середине 1990-х гг., когда шла работа над прежней редакцией уфимского генплана, еще ожидался значительный прирост городского населения, особенно за счет миграционного фактора. В этой связи был предложен грандиозный проект комплексного строительства на свободных территориях к востоку от Уфимского полуострова и реки Уфы; речь шла, как иногда говорили, о создании «параллельного города» с десятками тысяч жителей. Однако демографическая реальность заставила частично пересмотреть эту идею. В модернизированном варианте генплана предусматривается «сдержанное развитие зоны Шакша – Юрмаш»⁴⁶. Иными словами, Уфа перешла к более реальным планам насчет своего

«Дальнего Востока», но все же не отказалась от идеи освоения этого ценного в экологическом и ландшафтном отношении пространства. Примером такого «сдержанного развития» является проект планировки района «Шакша–Южная», представленный на официальном сайте городской администрации⁴⁷.

В Перми основные планировочные решения связаны, конечно, с широкой и полноводной Камой, вдоль которой город растянулся на 60 с лишним километров. На протяжении многих десятилетий историческое левобережье Перми было в значительной мере лишено доступа к Каме из-за портового хозяйства, складов и железной дороги⁴⁸. Современный город намерен постепенно преодолевать такую ситуацию. По генплану предполагается, прежде всего, формирование и благоустройство «системы парков, набережных, зон летнего отдыха, лесопарков, водно-спортивных и оздоровительных комплексов в прибрежной зоне р. Камы»⁴⁹. Непосредственно к Каме примыкает архитектурно-ландшафтный комплекс «Зеленое кольцо», охватывающий также долины рек Егошихи и Данилихи. Подобное преобразование затронет и другие малые реки, например, Иву и особенно важную для города Мотовилиху, в низовьях которой еще с XVIII века формировалась местная промышленность. На столь же исторической Егошихе, протекающей через самый центр города, предлагается создание геологической экспозиции «Парк Пермского периода», которая, в том числе благодаря удачному бренду, способна стать одной из главных достопримечательностей Перми. Более активно в планировочную структуру города будут втягиваться такие природные объекты, как Закамские леса и Черняевский лес (Балатовский лесопарк), находящийся на левобережье. В соответствии с экологическим фактором (и с учетом предстоящей реконструкции промышленных территорий) определены приоритетные районы жилищного строительства, например, Ива и КамГЭС на левом берегу или Гайва на правом⁵⁰.

Итак, при всей индивидуальной неповторимости каждого из них, Екатеринбург, Челябинск, Уфа и Пермь едины в повышенном внимании к природным доминантам и в стремлении к экологически ориентированному планированию. Этот «зеленый» курс стал в постиндустриальное время типичным для многих ведущих городов России и зарубежного мира. Перенос акценты в своей градостроительной политике (а также и формировании имиджа) с заводов на леса, озера и реки, уральские столицы продолжают, в частности, известные примеры бывших промышленных гигантов Кливленда и Питсбурга, где одной из основ постиндустриальной адаптации и создания нового образа стали успешные природовосстановительные программы⁵¹. Если в Кливленде современная планировочная структура привязана к набережным озера Эри и реки Кайахога, а в Питс-

бурге – к рекам Огайо, Аллегейни и Мононгахила, то аналогичными ориентирами в уральских центрах с не меньшей убедительностью могут стать Исеть, Миасс, Белая и Кама.

Еще один вопрос, тесно связанный с общей планировочной структурой, но получивший в генпланах самостоятельное освещение, касается *сохранения и восстановления исторической застройки* в условиях современного города. Все четыре «миллионника» обладают немалым архитектурным наследием: регулярной планировкой центральных кварталов, доставшейся еще от XVIII – XIX вв. (в Уфе, которая на полтора столетия старше, чем соседние столицы, фрагментарно сохранилась и более архаичная сеть улиц), уцелевшими храмами, замечательными зданиями губернской и купеческой эпохи. Несомненную историческую ценность представляют и выросшие с 1930-х гг. «соцгорода», отдельные здания и ансамбли советского периода. Несмотря на множество проблем, сегодня открываются новые возможности для сохранения и регенерации исторической среды. Каждый из крупнейших городов Урала находит в этой сфере свои приоритетные решения.

Генеральный план Екатеринбурга особое внимание уделяет двум центральным зонам (первая – город-завод – соответствует Историческому скверу и его впечатляющему музейному комплексу на берегах Исети, вторая – исторический Екатеринбург – охватывает большой вытянутый прямоугольник в пределах проспекта Ленина, улиц Розы Люксембург, Восьмого марта и Декабристов). Не забыта также конструктивистская застройка в центре (Банковский переулок) и «социалистические города» в других частях Екатеринбурга (ВИЗ, Уралмаш, Эльмаш, Химмаш)⁵².

В Челябинске основной задачей является сохранение, а при необходимости «воссоздание по крохам и эскизам» застройки XIX – начала XX вв. в пределах улиц Кирова – Труда – Красноармейской – Карла Маркса. По мере возвращения городского центра от площади Революции и проспекта Ленина к правому берегу реки Миасс дополнительное значение приобретает ближайшая к реке и старейшая в Челябинске ул. Труда, где предлагается «очень деликатно отнестись к реконструкции исторических кварталов»⁵³. Уже сегодня можно говорить о том, что в речную панораму и старинное окружение удачно вписалось постмодернистское здание областного краеведческого музея.

В Уфе наряду с «курсом на активную реабилитацию исторического центра» предполагается большая работа в отношении соседних территорий – Старой Уфы (изначальной части города, где намечается создание подземного археологического музея) и Нижегородки⁵⁴. Вслед за Челябинском, который первым из больших городов Урала создал свой Арбат

(почти километровую пешеходную зону в исторической части ул. Кирова), и Екатеринбургом, осуществившим аналогичный проект на ул. Вайнера, Уфа согласно генплану приступила к созданию подобной территории по ул. Мустая Карима (бывшей Социалистической)⁵⁵.

Похожие задачи предстоит решать и в Перми, где к приоритетным зонам сохранения исторической среды генплан относит территорию «Пермь Губернская» (город в границах 1824 г.), отдельно упомянутую историко-культурную зону «Разгуляй», старинный медеплавильный завод и оказавшийся недалеко от него соцгород в Мотовилихе, часть Комсомольского проспекта, отразившую эволюцию пермской архитектуры за 200 лет, улицу Ленина с застройкой 1940-х – 1950-х гг. и т.д. Особый вопрос – восстановление территории Спасо-Преображенского монастыря (первая пол. XIX в.) как единого ансамбля⁵⁶. Из монастыря должна уйти в новое здание Пермская художественная галерея, включая знаменитую коллекцию деревянной скульптуры. Сам же новый музей призван стать визитной карточкой Перми, подобно Розенталевскому центру современного искусства в Цинциннати или Музею Гуттенхайма в Бильбао⁵⁷.

С вопросами общего градостроительного планирования и сохранения исторической среды в генпланах переплетается и такая типичная для постиндустриального времени тема, как *развитие деловых зон и комплексов*. Добившись немалых результатов в банковском, страховом, аудиторском и иных подразделениях финансового бизнеса, каждый из городов «большой четверки» сформировал ярко выраженное коммерческое пространство, которое в целом совпадает с административным и историческим центром. Для современных офисных кластеров Екатеринбурга, Челябинска, Уфы и Перми теперь уже подходит устоявшийся на Западе термин CBD (Central Business District) – «центральный деловой район». Именно в CBD сконцентрирована основная часть финансовых корпораций; именно там построены первые на Урале офисные высотки по 20 – 25 этажей и иные респектабельные комплексы (например, Международный торговый центр и «Антей I» в Екатеринбурге, «Челябинск-Сити» и «Аркаим-Плаза» в Челябинске, здание банка «Уралсиб» в Уфе, «Славяновский Plaza» в Перми и т.д.).

Некоторые количественные характеристики уральских CBD могут быть получены при изучении внутригородской географии финансового бизнеса. В табл. 5 отражено распределение банковских офисов по стандартным, концентрически расположенным зонам: (1) CBD; (2) районы, примыкающие к центру («внешний центр»); (3) отдаленные районы. В качестве центральных деловых районов (CBD) здесь рассматриваются относительно небольшие и почти одинаковые по площади участки (9 –

9,5 кв. км), перекрывающие историческое и административное ядро каждой уральской столицы⁵⁸. В масштабах сегодняшних миллионников эти территории занимают не более 1 – 2% от всего муниципального пространства. Расчеты были проведены на основе информации из различных версий электронного адресного справочника «Желтые страницы»⁵⁹ и корпоративных сайтов. Если какой-либо банк обладает в одном городе двумя и более офисами, то старшему по рангу подразделению присваивались дополнительные баллы.

Таблица 5

Распределение банковских офисов по основным городским зонам (2007 г.)⁶⁰

Показатели	Екатеринбург	Челябинск	Уфа	Пермь
Общее число офисов	179	122	103	107
Абс. плотность в CBD**	11,5	5,5	4,8	7,8
Доли районов:				
CBD	49,8%	34,2%	36,4%	51,1%
Внешний центр	27,3%	31,6%	25,6%	26,6%
Другие районы	23,8%	34,2%	38%	22,3%

* По всему городу (без учета отделений Сбербанка, а также операционных касс и обменных пунктов других банков).

** Количество офисов на кв. км.

Итак, на очень небольшой части городской территории сосредоточено от 34 до 51 процента «офисных ресурсов». Конечно, при таком укрупненном районировании, которое использовано в таблице, исчезают важные детали, касающиеся более тонкой градации и наличия локальных деловых зон (о чем речь пойдет ниже); но в первом приближении важно статистически подтвердить тезис об общем лидерстве CBD. Именно в них расположено явное большинство филиалов иногородних и штаб-квартир местных банков, и только отделения последних относительно часто встречаются на окраинах. Особенно высокие доли CBD в распределении офисов характерны для Перми и Екатеринбурга. Похожая картина выраженной централизации, хотя и с некоторой отраслевой спецификой, наблюдается и в других оплотах постиндустриализма – страховом, аудиторском и консалтинговом бизнесе.

Между тем многие финансовые центры современного мира, особенно самые крупные из них, стремятся формировать не только по одному исторически сложившемуся CBD, но и новые деловые зоны. Классическим примером стал Лондон, где наряду со старинным Сити позднее получил развитие финансовый узел в Вест-Энде, а в последние 20 лет и район Доклендз, возникший на месте заброшенной территории морского порта⁶¹. Полицентрическая карта деловой активности складывается теперь и в Москве⁶². Собираются ли повторить нечто подобное (конечно, в своем масштабе) ведущие города уральского региона?

Генплан Екатеринбурга рассматривает вопрос о новых деловых центрах обстоятельно и подробно. В пределах обозначенного – и очень интенсивно используемого (табл. 5) – CBD различаются представительский центр (место работы структур региональной и городской власти, дипломатических учреждений и т.д.) и локальный деловой район «Екатеринбург-Сити»: оба они активно формируются уже в настоящее время. Предусматриваются и некоторые альтернативы, прежде всего, реконструкция территории в окрестностях улиц Европейской и Челюскинцев, примыкающей к железнодорожному вокзалу⁶³. В приведенной таблице эта зона, растворенная в общей статистике «внешнего центра», сегодня была бы представлена со скромным показателем 4,4%. Кроме этого, намечается смещение деловой активности и в некоторые отдаленные районы с акцентом на планировочный луч между центром города и аэропортом «Кольцово». Особенно крупный деловой квартал, включающий пространство будущей региональной ярмарки, должен вырасти на пересечении этого луча с Екатеринбургской кольцевой дорогой (ЕКАД)⁶⁴. Нынешняя доля этих территорий в общем количестве банковских офисов еще меньше, чем у привокзального ареала – только 2,6%. Таким образом, в этой своей части генеральный план Екатеринбурга еще далек от выполнения. Концентрация банковских учреждений в CBD, особенно по абсолютным показателям, остается очень высокой. Девять квадратных километров в исторической зоне Екатеринбурга остаются важнейшим узлом финансовой активности для всего огромного региона. Но, по крайней мере на уровне проектных предложений, крупнейший город Урала находится в русле мировой тенденции рассредоточения деловых зон.

По сравнению с Екатеринбургом Челябинск отличается меньшим моноцентризмом в географии финансового сектора. До некоторой степени противовесом челябинскому CBD является Северо-запад, «офисная доля» которого достигает 14,5%. Что касается перспектив и их трактовки на страницах генплана 2003 г., то в нем уделено немалое внимание сервисным функциям как сложившегося центра, так и других территорий. В первом случае дальнейшее развитие должен получать район челябинско-

го Арбата и набережных реки Миасс (по мере осуществления уже стартовавшего проекта «Золотое кольцо»). В результате основная часть делового центра немного сместится к северу, в сторону реки, отодвигаясь от политико-административной зоны. С юга к CBD примыкает обширный участок хаотичных складских построек, который после реорганизации должен стать новым торгово-офисным кластером с предполагаемым названием «Венец»; при этом уже сейчас на долю южной части «внешнего центра», окружающей будущий «Венец», приходится 13,8% офисов. В отдаленных районах приоритетными станут торгово-сервисные узлы на пересечении крупных магистралей при въезде в город (например, со стороны Екатеринбурга и аэропорта «Баландино»), а также, конечно, Северо-запад⁶⁵. Скорее всего, именно ему и далее предстоит вносить особый вклад в процессы децентрализации челябинского финансового пространства.

Уфа по концентрации банковских офисов в CBD находится примерно на одном уровне с Челябинском (табл. 5), но отличается несколько иной расстановкой сервисных акцентов. В уфимском случае реальной альтернативой CBD являются не новые отдаленные районы (например, Сипайлово – уменьшенный аналог челябинского Северо-запада), а только дуга «внешнего центра» и, прежде всего, ее северный участок. Именно этот локальный сегмент дает 17,4% от общегородской «офисной массы». Нижегородка на западе и район за р. Сутолокой на востоке, лишь немного поддерживая северную часть дуги, доводят коллективную долю «внешнего центра» до тех самых 25,6%, которые внесены в табл. 5. Генеральный план в действующей редакции 2006 г. оставляет за нынешним CBD административную, историко-культурную и рознично-торговую функции, тогда как улицы Р. Зорге и Округа Галле (то есть упомянутый северный сегмент) должны стать «деловым центром – «Сити», «Уолл-стритом» башкирской столицы»⁶⁶. Сегодня еще сохраняется двукратный перевес в пользу CBD (36 процентов против 17), но при целенаправленной работе Уфа вполне может преодолеть этот довольно умеренный разрыв и продвинуться по пути децентрализации.

В Перми относительная доля центрального делового района (51,1%) оказалась даже выше, чем в Екатеринбурге (хотя по абсолютным показателям лидерство Екатеринбурга остается очевидным; табл. 5). При этом в качестве пермского CBD здесь рассматривается узкая семикилометровая полоса вдоль левого берега Камы. Параллельная полоса «южного внешнего центра», удаленная от реки на 1,5 – 2 км, притягивает еще 20,3% банковских офисов. Генплан 2004 г. предусматривает развитие ряда коммерческих зон, одна из которых – «Ворота Прикамья» – находится в пределах отмеченного CBD. Этот очень важный, «имиджевый» проект,

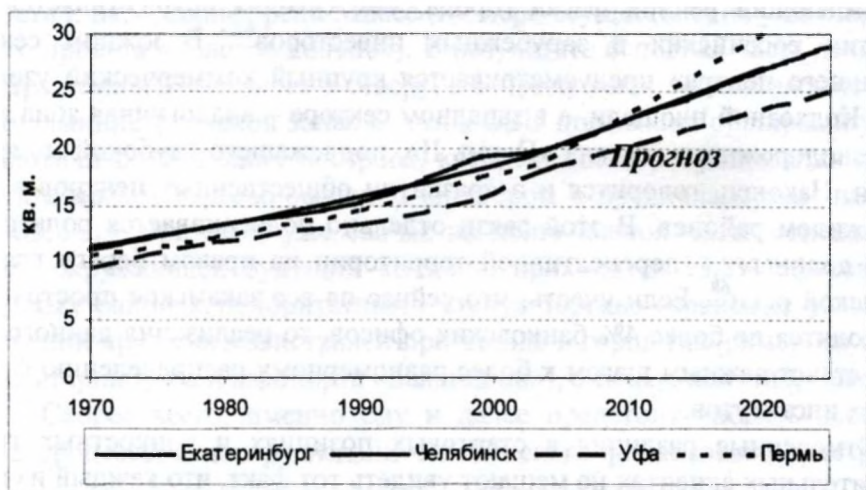
оформляющий речной фасад города, уже сегодня осуществляется при участии российских и зарубежных инвесторов⁶⁷. В южном секторе «внешнего центра» предусматривается крупный коммерческий узел вокруг Колхозной площади, а в западном секторе – аналогичная зона возле железнодорожного вокзала «Пермь II», подлежащего глубокой модернизации. Наконец, говорится и о «развитии общественных центров в каждом жилом районе». В этой связи отдельно подчеркивается роль «Камской долины» – перспективной территории на правом берегу главной пермской реки⁶⁸. Если учесть, что сейчас на все закамское пространство приходится не более 4% банковских офисов, то реализация данного проекта станет важным шагом к более равномерному распределению финансовых институтов.

Отмеченные различия в стартовых позициях и конкретных градостроительных акцентах не мешают увидеть тот факт, что каждый из представителей уральской «большой четверки» намерен развивать и центральные деловые кварталы, и коммерческие зоны в других своих районах. Эти обстоятельства (и особенно второе из них) сближают Екатеринбург, Челябинск, Пермь и Уфу с ведущими финансовыми центрами России и зарубежного мира, конечно, не по масштабам бизнеса, но, во всяком случае, по тенденциям освоения внутригородского пространства.

Большие разделы в уральских генпланах посвящены вопросам *жилищного строительства*. Эта тема была уже немного затронута в связи с общей планировочной структурой городов. Обратимся теперь, вслед за генпланами, к дополнительной информации.

Каждый из рассматриваемых центров за расчетный период собирается увеличить общую площадь своего жилищного фонда на 50 – 70%: Екатеринбург с 25 до 42 млн кв. м (к 2025 г.), Челябинск – с 21 до 34 млн кв. м (к 2020 г.), Уфа – с 18,5 до 28 млн кв. м (к 2025 г.), Пермь – с 18 до 30 млн кв. м (к 2020 г.)⁶⁹. Конечно, эти абсолютные показатели тоже способны сказать о многом, но для сведения городов «к общему знаменателю» можно, повторяя более привычные в современной российской статистике подходы, использовать среднедушевые жилищные индикаторы. Именно такие характеристики уральских «миллионеров» отражает рис. 6, охватывающий период от рубежа 1960-х – 1970-х гг. (то есть от времени появления предыдущего поколения генпланов) до 2020 – 2025 гг. (предельного горизонта прогнозов по генпланам новой волны).

Данные последних десятилетий показывают, что четыре огромных города, довольно близкие по демографическим характеристикам и масштабам экономической базы, сопоставимы и в «квартирном вопросе». Эта констатация, впрочем, не исключает некоторых исторически сложившихся различий.

Рис. 6. Крупнейшие города Урала: жилищный фонд на душу населения, 1970 – 2006 гг. (прогноз до 2020 – 2025 гг.)⁷⁰

Более убедительными в рассматриваемой сфере являются Екатеринбург и Челябинск, между которыми с переменным успехом идет борьба за первое место. Если будут в точности выполнены задачи генеральных планов, то такая же близость позиций сохранится, на этот раз с минимальным преимуществом Екатеринбурга.

Зато Уфа немного уступает по жилищной статистике другим представителям изучаемого квартета. Подобный разрыв может частично объясняться относительно поздней урбанизацией Башкортостана и, соответственно, наличием мощных миграционных потоков по линии деревня – город еще в сравнительно недавние времена. В ряде регионов, до сих пор не завершивших урбанистический переход или отличающихся низким уровнем жизни (Дагестан, Тыва, Республика Алтай и др.), для административных центров характерна слабая обеспеченность жильем – в диапазоне 12 – 16 кв. м на человека⁷¹. Конечно, по основным социально-экономическим индикаторам Уфа намного ближе к другим городам индустриального Урала, чем к менее развитым территориям Кавказа или Южной Сибири, но вот в том, что касается среднедушевых жилищных показателей башкирская столица отстает от Екатеринбурга и Челябинска уже несколько десятилетий. Более того, пятидесятипроцентный рост жилищного фонда, предусмотренный в новом генплане, не позволяет сократить отставание от соседей, которые намерены строить еще активнее.

Пермь в этом соревновании традиционно занимает промежуточное положение между Екатеринбургом и Челябинском, с одной стороны, и Уфой – с другой. Ситуация может измениться самым решительным обра-

зом, если будут воплощены в жизнь ориентиры пермского генплана-2004. Увеличение суммарной площади квартир и домов почти на 70% при неизменной численности населения сделает Пермь очевидным региональным лидером и в сочетании с не очень уверенной динамикой Уфы создаст картину нарастающей дивергенции (рис. 6). Здесь, впрочем, важно учитывать специфику стандартного показателя «площадь жилищ на душу населения» (он может оказаться формально благополучным у городов с выраженной депопуляцией, и наоборот), а также, конечно, «сослагательное наклонение» генеральных планов, которые, как показывает практика, далеко не всегда точны в своих количественных прогнозах.

Расходясь в общих строительных расчетах, уральские города демонстрируют близость в других аспектах жилищной политики. Это проявляется в дружном акцентировании, как минимум, трех важных направлений.

Во-первых, речь идет об уже упомянутом продвижении массовой застройки на экологически благополучные территории (такие, как Юго-запад и Шарташ в Екатеринбурге, Северо-запад и Красное Поле в Челябинске, Дёма и Затон в Уфе, Ива и часть Закамья в Перми и т.д.). Во-вторых, намечается глубокая реконструкция или снос панельных домов устаревших серий («хрущевки» и даже «брежневки»)⁷², которые нередко занимают престижные кварталы почти в самом центре. И, в-третьих, особое внимание уделяется современному одноэтажному строительству, преимущественно в пригородной зоне. Коттеджная субурбанизация, которая уже многие десятилетия хорошо известна в Западной Европе и США, с 1990-х гг. наконец-то стала проявляться в крупных городах России⁷³. Не остается в стороне и Урал. Надеясь на растущие доходы населения и развитие транспортной инфраструктуры, ведущие центры региона, добившиеся пока лишь относительно скромных результатов⁷⁴, собираются в дальнейшем совершить настоящий прорыв. Так, по генплану Екатеринбурга доля одноэтажного сектора должна составить более 40% от всего объема нового строительства (7 из 17,4 млн кв. м.)⁷⁵. Еще совсем недавно такой показатель мог бы считаться невероятным, но сегодня, после запуска очень больших проектов (например, «Солнечная долина» в Челябинске и особенно комплекс «Академический» в Екатеринбурге), эта идея начинает превращаться в реальность. Иными словами, уральские города постепенно обретают еще одну черту, характерную для постиндустриального урбанистического пространства.

Следующий тематический блок, детально проработанный в генпланах, касается развития *улично-дорожных сетей и городского транспорта*. Усложняющаяся структура и нарастающая интенсивность перевозок, стремительное увеличение количества автомобилей, всплеск ежедневных

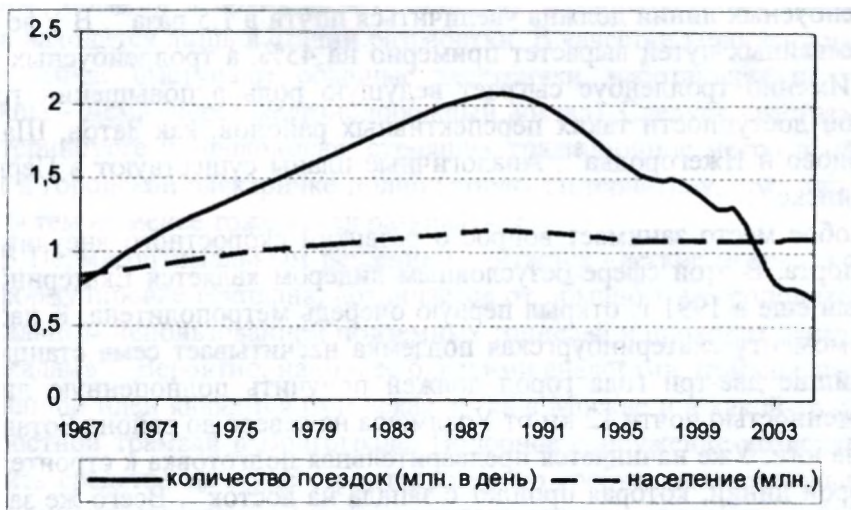
«маятниковых» миграций между центром и пригородами, ставшие привычными с 1990-х гг. «пробки» – так выглядит далеко не полный перечень факторов, которые необходимо учитывать сегодня при формировании транспортной стратегии.

В данной связи уральские генпланы содержат стандартные предложения о строительстве новых дорог, многоуровневых развязок, парковок и т.д. При этом многие решения определяются, конечно, спецификой конкретных городов. В Екатеринбурге и Челябинске приоритетными проектами являются кольцевые дороги (по три в каждом городе), способные разгрузить центр и отвести потоки транзитного транспорта. В Уфе, которая очень сильно вытянута с юга на север, особое значение имеет строительство меридиональных магистралей, дублирующих перегруженный проспект Октября, а также большой широтной магистрали – от Затона через Уфимский полуостров на восток. Частью новых «хайвэев» станут мостовые и тоннельные переходы через реки Белую и Уфу. Что касается Перми, то она должна получить две магистральные дуги, охватывающие основные районы левого берега, а также Мотовилихинский мост, который обеспечит дополнительный выход на перспективные территории Закамья.

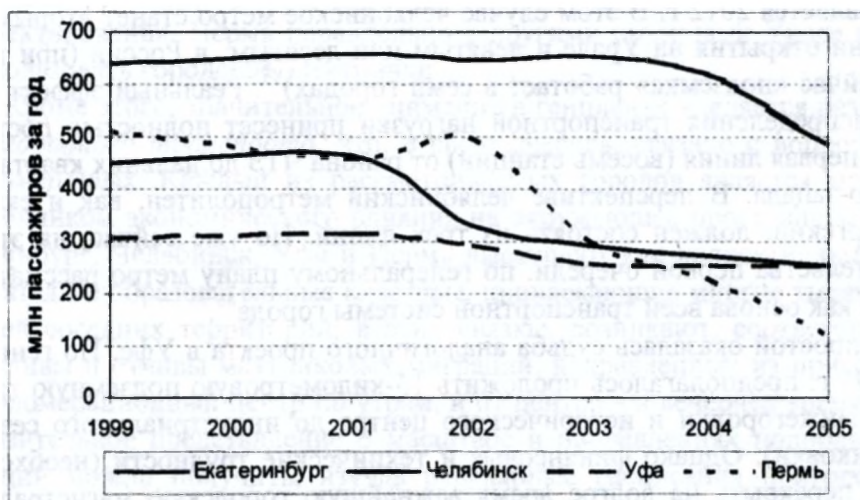
В центре внимания находится и муниципальный общественный транспорт, который за последние годы столкнулся с существенным изменением рыночной конъюнктуры. Ограниченные возможности городских бюджетов и проблемы с модернизацией транспортных систем, конкуренция со стороны частных перевозчиков (в основном, владельцев маршрутных такси) и, конечно, увеличение числа личных автомобилей привело к оттоку пассажиров с автобусных, троллейбусных и трамвайных линий. Хотя, по оценкам специалистов, статистика в этой сфере не всегда бывает надежна (например, из-за невозможности точно сосчитать все поездки «льготников») ⁷⁶, общая для многих городов картина представляется очевидной. Рис. 7 в качестве примера отражает долгосрочный (со второй половины 1960-х гг.) тренд для Челябинска: как видим, в позднесоветский период наблюдался опережающий рост перевозок на общественном транспорте по сравнению с увеличением числа жителей, а с 1990-х гг., напротив, началось ускоренное падение первого индикатора.

Приблизив фокус для изучения нынешнего десятилетия и включив в расчеты весь уральский квартет (рис. 8), можно сопоставить некоторую стабилизацию объема муниципальных перевозок в Уфе и отчасти в Челябинске с продолжающимся спадом в Перми, а с недавнего времени и в Екатеринбурге. Возможно, столица Среднего Урала с небольшой задержкой вступила в ту же фазу, в которую раньше вошли по крайней мере два соседних миллионника. Вообще, нечто подобное наблюдается практически во всех крупнейших городах страны, за исключением, может быть,

Ростова⁷⁷. Тренды последних лет в Уфе и Челябинске выглядят относительно благополучными не только в сравнении с Екатеринбургом и Пермью, но и на общероссийском фоне.

Рис. 7. Челябинск: численность населения и объем пассажирских перевозок на основных видах муниципального транспорта (автобусы, трамваи, троллейбусы), 1967 – 2005 гг.⁷⁸

Рис. 8. Крупнейшие города Урала: динамика перевозок на основных видах общественного транспорта (метрополитен, автобусы, трамваи, троллейбусы), 1999 – 2005 гг.⁷⁹

Впрочем, какими бы ни были масштабы и причины статистических различий между крупнейшими уральскими городами, каждый из них стремится к сохранению и развитию сегмента муниципальных перевозок. Так, в Екатеринбурге общая протяженность автобусных, трамвайных и троллейбусных линий должна увеличиться почти в 1,5 раза⁸⁰. В Уфе длина трамвайных путей вырастет примерно на 45%, а троллейбусных – на 55%. Именно троллейбус сыграет ведущую роль в повышении транспортной доступности таких перспективных районов, как Затон, Шакша, Сипайлово и Нжегородка⁸¹. Аналогичные планы существуют в Перми и Челябинске⁸².

Особое место занимает вопрос о развитии скоростного внеуличного транспорта. В этой сфере безусловным лидером является Екатеринбург, который еще в 1991 г. открыл первую очередь метрополитена. К настоящему моменту екатеринбургская подземка насчитывает семь станций; в ближайшие два-три года город должен получить полноценную линию протяженностью почти 12 км от Уралмаша на севере до района Ботанический на юге. Уже начинается предварительная подготовка к строительству второй линии, которая пройдет с запада на восток⁸³. Всего же за расчетный период генплана общая протяженность екатеринбургского метро, которое должно состоять из трех линий, увеличится до 22 км.⁸⁴

Несмотря на значительные трудности и частые перерывы, продолжается строительство метрополитена и в Челябинске. Наиболее вероятной датой запуска первой очереди, которая будет состоять из четырех станций, является 2012 г. В этом случае челябинское метро станет вторым по времени открытия на Урале и девятым или десятым в России (при том, что сейчас «подземка» работает в семи городах)⁸⁵. Реальный эффект для перераспределения транспортной нагрузки принесет полностью построенная первая линия (восемь станций) от района ЧТЗ до дальних кварталов Северо-запада. В перспективе челябинский метрополитен, как и екатеринбургский, должен состоять из трех линий. Но уже сейчас, на этапе строительства первой очереди, по генеральному плану метро рассматривается как основа всей транспортной системы города⁸⁶.

Непростой оказалась судьба аналогичного проекта в Уфе. По генплану 1996 г. предполагалось проложить 15-километровую подземную трассу от Нижегородки и исторического центра до индустриального севера (Черниковки). Однако финансовые и технические трудности (необходимость перекрыть на долгое время важнейшую городскую магистраль – проспект Октября) заставили сменить приоритеты. Генплан в действующей редакции 2006 г. не отвергает идею уфимского метро в принципе, но фактически сдвигает ее на неопределенно дальнюю перспективу. Вместо этого предлагается более реалистичский вариант: реконструкция сети

железных дорог и активное использование городских электричек. Эти трассы обеспечат скоростное сообщение центра с Дёмой, Шакшой, промышленными районами севера и северо-востока, аэропортом и т.д.⁸⁷ Данный проект, который при полной реализации должен включать многочисленные станции в привязке к остальному муниципальному транспорту, пока находится лишь в стадии разработки. В качестве упрощенного варианта сейчас выступают обычные электрички, работающие на участке Шакша – Дёма (через железнодорожный вокзал). Следует заметить, что в Екатеринбурге и Челябинске, строящих традиционное метро и не видящих в городской электричке полноценную альтернативу, этот вид транспорта тем не менее тоже начал развиваться.

В Перми оптимальным решением считается «легкое метро», которое, по формулировке генплана, «отличается от обычного метрополитена минимальным использованием подземных тоннелей и проходит частично по эстакадам»⁸⁸. Вероятно, наиболее близкими аналогами этой еще неосуществленной идеи являются бутовская ветка в Москве и в какой-то степени скоростной трамвай в Волгограде. Подобное сооружение позволяет экономить средства на этапе строительства, но требует дополнительных затрат при эксплуатации. В любом случае «легкое метро» Перми будет существенно отличаться от стандартных метрополитенов у зауральских соседей. Всего предполагается строительство трех «легких» линий, первая из которых пройдет через центр и Мотовилиху, другая охватит огромным полукольцом многие районы левого берега, а третья обеспечит связь с Закамьем⁸⁹. Тем временем, пока дело не пошло дальше предварительного проектирования, Пермь параллельно с другими столицами Урала начала использовать городские электрички.

Кроме этого, значительное внимание в генпланах уделяется развитию *пригородного транспорта*, что, в свою очередь, связано с вопросом об *агломерациях*. Каждый из рассматриваемых городов является мощным источником экономического влияния на окружающее пространство. Екатеринбург, Челябинск, Уфа и Пермь выступают как коллективные работодатели и образовательные кластеры, привлекающие многие тысячи жителей соседних территорий; в этих связках возникают, соответственно, приливы и отливы маятниковых миграций, направленных из пригородов в агломерационный центр по утрам, и от центра – в вечернее время. Приблизительное представление о масштабе и направлениях подобных миграций можно получить, изучая регулярные расписания пригородного транспорта (и не забывая, конечно, о том, что остается вне расписаний – об организованных корпоративных перевозках и личном автотранспорте). Некоторые сопоставления по четырём крупнейшим агломерациям Урала приведены в табл. 6.

Таблица 6

Отдельные характеристики крупнейших агломераций Урала⁹⁰

Агломерации	Население (тыс.)		Индекс агломеративности		Пригородные поезда**
	1989 г.	1999 г.	1989 г.	1999 г.	
Свердловская	1935,6	1857,1	0,295	0,315	22 (4)
Челябинская	1596,6	1519,6	0,285	0,285	14 (2)
Уфимская	1188,2	1162,1	0,089	0,063	7 (7)
Пермская	1247,9	1171,2	0,127	0,132	14 (8)

* Рассчитывается как отношение населения пригородов к населению всей агломерации (см. Лаппо Г.М. География городов / Г.М. Лаппо. – М., 1997. – С.99).

** Указано количество ежедневных пригородных поездов, прибывающих на центральный вокзал основного города агломерации до 10.00 местного времени (по летнему расписанию 2007 г.). В скобках – количество городских электричек⁹¹.

Таким образом, лидерство по всем основным величинам (число жителей, доля пригородов, интенсивность маятниковых перевозок) принадлежит Свердловской агломерации во главе с Екатеринбургом. На Среднем Урале, в междуречье Чусовой, Сысерти и Пышмы, сложилось гигантское скопление городов, в котором просматривается не только общий доминирующий центр, но и агломерационные структуры второго порядка (прежде всего, связка Первоуральск – Ревда в пределах 50-километрового кольца ближних спутников и более отдаленная субагломерация во главе с городом Асбестом). Не удивительно, что в новом генплане Екатеринбурга содержатся подробные схемы распределения пассажирских потоков, транспортных коридоров и приоритетных узлов экономической активности. В частности, намечены четыре транспортно-планировочные оси: южная (направленная на Сысерть), западная (на Первоуральск и Ревду), восточная (на Заречный и Белоярский) и северная (в сторону Невьянска и Верхнего Тагила)⁹².

Челябинская агломерация не очень сильно (примерно на 20%) уступает Свердловской по численности населения, а по доле пригородной зоны находится почти на одном уровне со своей северной соседкой.

Вторая из крупнейших агломераций «Большого Урала» вытянута далеко на юг из-за меридионального расположения шахтерских городов (Копейска, Коркино и Еманжелинска) в Челябинском угольном бассейне. Эти города, как и многие их «коллеги по профессии» в других частях Урала, еще с 1960-х гг. приближались к категории депрессивных или

непосредственно относились к ней⁹³. Попытки диверсифицировать местную экономику и повысить уровень занятости пока принесли лишь умеренные результаты, поэтому шахтерское трехградье по-прежнему является источником рабочей силы для многих предприятий Челябинска. В челябинском генплане эта территория упоминается в контексте преимущественно промышленного развития, а также в связи с предложениями по строительству новых магистралей⁹⁴. Тем временем иную, более типичную для постиндустриального мира специализацию приобретает пространство к западу от Челябинска, где растут коттеджные районы, обеспечивающие маятниковые миграции представителей верхнего среднего класса.

Уфа находится в преимущественно сельском окружении – если учесть, что Дёма, Шакша, Юрмаш и Затон являются не столько городами-спутниками, сколько отдаленными районами Уфы, входящими в городской округ и находящимися в административном подчинении у муниципальной власти. Отсутствие таких сильных спутников в классическом понимании слова, какие есть у Екатеринбурга и Челябинска, повлияло на количественные характеристики уфимской агломерации, указанные в табл. 6. Впрочем, развитие ближних территорий тоже, конечно, требует особого внимания. По новой редакции генерального плана Уфы предусматривается «выравнивание различий в условиях жизни для всего города – в границах основной застройки и ближайших окраин, – ...что будет способствовать снижению ежедневных миграционных потоков»⁹⁵. В этой связи на пространстве Уфимского района (то есть на территориях к северу, востоку и югу от самой Уфы) намечено дальнейшее развитие жилищного строительства, транспортной системы, торговых и производственных зон⁹⁶.

Большие планы существуют и в Перми, где предлагается система «многофункциональных транспортно-обслуживающих, деловых и коммерческих центров на основных въездах в город»⁹⁷. К тому же в неофициальном порядке особые надежды возлагаются на крупнейший из городов-спутников – Краснокамск, присоединение которого к Перми могло бы вернуть ее в разряд «миллионеров»⁹⁸.

Говоря обо всей четверке крупнейших агломераций Урала, вновь хотелось бы подчеркнуть, что сопутствующие признаки постиндустриализма (респектабельная коттеджная субурбанизация, нарастающая лавина маятниковых поездок, открытие гигантских торговых комплексов на пересечении входящих магистралей и т.д.) стали проявляться там лишь недавно, но уже сейчас эту тенденцию можно считать устойчивой и очевидной.

Наконец, еще одна большая тема, освещенная в генеральных планах – это развитие *внешнего транспорта*. Современное состояние данной сферы отражено в табл. 7.

Таблица 7

Крупнейшие города Урала: недельное количество рейсов по основным видам и направлениям внешнего транспорта, летнее расписание 2007 г.⁹⁹

(А - Россия, В – страны СНГ,

С – другие страны, D – все направления)

Города	Самолеты			
	А	В	С	D
Екатеринбург	335	23	62	420
Челябинск	145	12	15	172
Уфа	163	2	21	186
Пермь	67	0	6	73
	Поезда дальнего следования*			
	А	В	С	D
Екатеринбург	142 (435)	6 (30)	0 (4)	148 (469)
Челябинск	60 (223)	9 (40)	–	69 (263)
Уфа	56 (264)	7 (42)	–	63 (306)
Пермь	34 (261)	4 (8)	0 (4)	38 (273)
	Автобусы и маршрутные такси			
	А	В	С	D
Екатеринбург	7616	34	–	7650
Челябинск	3584	36	–	3620
Уфа	997	2	–	999
Пермь	3768	–	–	3768

* Рассчитано по конечной станции назначения. В скобках – общее количество с учетом транзитных поездов.

Несомненно, статистические данные 2007 г. подтверждают репутацию екатеринбургского аэропорта «Кольцово» как главных воздушных ворот «Большого Урала». «Кольцово» ориентировано не только на жителей Екатеринбурга и его окрестностей; этот аэропорт, обладающий широкой географией дальних перевозок (от Лондона до Тяньцзиня), перехватывает значительные пассажирские потоки у других регионов, прежде всего, Челябинской, Тюменской и Курганской областей. Другие авиационные узлы Урала («Международный аэропорт Уфа» и челябинское «Баландино», не говоря уже о «Большом Савино» в Перми) заметно уступают лидеру.

Подобное же преобладание Екатеринбурга наблюдается и в сфере железнодорожных перевозок. Такая ситуация выглядит вполне естественной

для огромного города, в котором сходятся семь магистральных линий (тогда как в Челябинске пять, а в Перми и Уфе – по четыре). Борьбу за второе место ведут Челябинск и Уфа, причем Уфа, немного проигрывающая по «собственным» поездкам, заметно опережает восточного соседа по транзитному транспорту. Четвертой в этом споре оказалась Пермь, но ее относительная слабость как терминала в какой-то мере компенсируется мощными проходящими потоками, ориентированными на северную ветку Транссиба.

Приведенная в той же таблице статистика автобусных перевозок во многом зависит от размеров агломерации и, следовательно, от интенсивности пассажирских перемещений в пригородной зоне (чем и объясняются, например, низкие результаты Уфы – как уже отмечалось, вокруг башкирской столицы сложилась лишь относительно небольшая агломерация). Однако даже с поправкой на фактор «субурбии» транспортное лидерство Екатеринбурга вновь не вызывает сомнений. Челябинск опять оказывается в середине нашего небольшого рейтинга, но на этот раз в обществе Перми, а не Уфы. Для полноты картины следует добавить, что благодаря судоходным рекам в Уфе и Перми представлен и водный транспорт, однако его миссия ограничивается туристическими круизами и грузовыми перевозками, не отраженными в таблице. Обладая при всех отмеченных нюансах развитой системой внешних связей, крупнейшие уральские города стараются развивать инфраструктуру и готовятся к усилению внутрирегиональной конкуренции.

Екатеринбург, стремящийся сохранить и упрочить ведущие позиции, намерен развивать крупные логистические центры на южном (со стороны Сысерти) и северо-западном (станция «Свердловск-Сортировочный») въездах в город. Еще более важным проектом является создание мультимодального транспортного узла в районе аэропорта «Кольцово», рядом с которым проходят железнодорожные и автомобильные магистрали¹⁰⁰. Ожидается, что эти и другие меры помогут добиться официального продления Европейского транспортного коридора № 2 (Pan-European Transport Corridor No.2) Берлин – Минск – Москва – Нижний Новгород¹⁰¹ до Екатеринбурга.

В Челябинске, который по праву может гордиться одним из лучших в стране вокзалов, ставятся задачи по дальнейшему развитию железнодорожного узла, включая новые транспортные кольца, мосты, логистические центры, терминалы и т.д.¹⁰² Расширение пропускных способностей южно-уральского участка в перспективе поможет притягивать значительную часть транзитных потоков между Европой и связкой Казахстан – Китай. Предметом особой заботы является комплексная модернизация аэропорта «Баландино», который, благодаря техническим возможностям и

удачному расположению¹⁰³, способен сократить отставание от «Кольцово».

Для Уфы большое значение имеет создание железнодорожных обходов, позволяющих вывести «категорированные грузы» нефтеперерабатывающей промышленности за пределы города, а также строительство прямой электрифицированной ветки на Пермь, обеспечивающей удобную связь с северо-западными регионами страны¹⁰⁴. Кроме этого, уже сейчас реконструированный комплекс уфимского вокзала вошел в число городских приоритетов и стал одной из главных новостроек юбилейного 2007 года (когда с немалым размахом отмечалось 450-летие присоединения Башкортостана к России). В дальнейшем рядом с железнодорожным вокзалом должен появиться и современный речной вокзал. Огромные надежды возлагаются и на аэропорт, который в трактовке генплана по сравнению с другими воздушными терминалами Приволжского федерального округа имеет «идеальное географическое расположение и неограниченную перспективу развития»¹⁰⁵. Таким образом, в сфере авиаперевозок Уфа намерена успешно конкурировать не столько с Екатеринбург и Челябинском (они из-за географического положения работают в своей нише), сколько с Пермью и Самарой.

В самой Перми также предполагается развивать систему логистических терминалов и окружных дорог, ориентированную на новые мосты через Каму¹⁰⁶. Важным вкладом в развитие транспортной стратегии станет происходящая сейчас реконструкция вокзалов «Пермь I» и «Пермь II» (причем первый из них, построенный в 1878 г., является также памятником архитектуры). Другой упомянутый в генплане проект – это закрытие бесперспективного аэропорта «Бахаревка» (что даст городу десятки гектаров земли, удобной для жилищного строительства) при одновременной реконструкции аэропорта «Большое Савино»¹⁰⁷, еще далеко не в полной мере реализовавшего свой потенциал.

Во всех этих случаях, как вновь хотелось бы подчеркнуть, речь идет не просто о наборе относительно похожих предложений (создание мультимодального терминала, расширение аэропорта и т.п.), но также о прямой конкуренции между городами. Расстановка сил в будущих версиях табл. 7 (и, конечно, в реальном «пространстве потоков») во многом зависит от того, насколько быстро и успешно каждый конкретный город сможет претворить в жизнь идеи из «транспортных глав» своего генерального плана. Впрочем, этот тезис также может быть отнесен к другим разделам генпланов и сферам межгородской конкуренции, о чем и пойдет речь в заключительной части исследования.

В данной работе, которая вслед за генпланами основана на настоящем и ориентирована на будущее, подводить итоги не просто. Подобный ана-

лиз неизбежно должен завершаться не точкой, а многоточием. Но все же на основе имеющихся фактов некоторые выводы можно сделать вполне определенно. Обратимся еще раз к вопросу о расстановке сил и, соответственно, к количественным характеристикам всех четырех городов. Для сведения различных экономических и градостроительных параметров в единую систему можно использовать индексные расчеты, принимая наивысшее индивидуальное значение по каждому замеру за 100 пунктов. Эти показатели, отраженные в табл. 8, располагаются практически в том же порядке, в котором они появлялись (в абсолютном выражении) на страницах данной публикации. В ходе вычислений использовались самые последние из доступных индикаторов (2005 – 2007 гг.) и лишь в двух случаях (численность населения агломерации и индекс агломеративности) приведены показатели 1999 г. Это связано с тем, что именно на 1999 г. рассчитывались размеры агломераций в одном из самых авторитетных исследований российских специалистов¹⁰⁸, тогда как официальной статистики на этот счет не существует. Впрочем, отступление на несколько лет в данном случае не создает большую проблему, поскольку пропорции в квартете уральских агломераций за истекшее время вряд ли существенно изменились. Наконец, из стандартизированных значений 19 отдельных характеристик в последней строке таблицы для каждого города выведена итоговая средняя величина.

Подобный рейтинг, за пределами которого остались многие другие аспекты городского развития (иногда и вовсе не поддающиеся количественной оценке), не претендует на то, чтобы считаться исчерпывающим и универсальным. Но все же он позволяет получить статистически обоснованное представление о региональной группе лидеров.

Таблица 8

Крупнейшие города Урала:
сводная таблица количественных характеристик
(А – индекс, В – место)

Показатели	Екатеринбург		Челябинск		Уфа		Пермь	
	А	В	А	В	А	В	А	В
Население города, 2006 г.	100	1	83,5	2	78,7	3	75,9	4
Население соответствующего субъекта Федерации, 2006 г.	100	1	80,1	3	92,1	2	62,3	4

Таблица 8 (продолжение)

Объем промышленной продукции, 2005 г.	37,7	4	50,4	3	100	1	94,5	2
Оборот розничной торговли, 2005 г.	100	1	52,5	4	61,6	3	61,8	2
Объем платных услуг населению, 2005 г.	100	1	61,3	4	93,6	2	75,4	3
Среднемесячная зарплата, 2005 г.	99	2	83,4	4	98,5	3	100	1
Сетевая банковская связанность*, 2006 г.	100	1	99,5	2	49,7	4	86,7	3
Доля недельной аудитории Интернета, I кв. 2007 г.	100	1	50,2	2	43,4	3	35,8	4
Количество упоминаний в поисковых системах Интернета**, июль 2007 г.	100	1	59,9	2	40,4	4	52,3	3
Общее количество банковских офисов (без учета отделений Сбербанка), 2007 г.	100	1	68,2	2	57,5	4	59,8	3
Общая площадь жилых помещений, 2006 г.	100	1	86	2	72,5	4	73,3	3
Объем перевозок на основных видах муниципального общественного транспорта, 2005 г.	100	1	52,2	2-3	52,2	2-3	24,7	4
Численность населения агломерации, 1999 г.	100	1	81,8	2	62,4	4	63,1	3

Таблица 8 (окончание)

Индекс агломеративности, 1999 г.	100	1	90,5	2	20	4	41,9	3
Количество утренних пригородных поездов***, 2007 г.	100	1	61,5	3	53,8	4	84,6	2
Недельное количество авиарейсов, 2007 г.	100	1	41	3	44,3	2	17,4	4
Недельное количество поездов дальнего следования (без учета транзитных), 2007 г.	100	1	46,2	2	42,6	3	25,7	4
Общее недельное количество поездов дальнего следования, 2007 г.	100	1	56,1	4	65,2	2	58,2	3
Недельное количество автобусных рейсов, 2007 г.	100	1	47,3	3	13,1	4	49,3	2
Среднее значение всех индексов	96,67		65,90		60,09		60,13	
Итоговое место	1		2		3		4	

- * Сетевая банковская связанность (banking network connectivity) рассчитана по методике британского исследовательского центра GaWC (Globalization and World Cities) при Университете Лафборо.
- ** Поисковые машины Google, Yahoo, MSN, Яндекс и Рамблер.
- *** Ежедневное количество пригородных поездов и городских электричек, прибывающих на центральный вокзал до 10.00 местного времени.

Итак, в очередной раз, теперь уже на основе целого комплекса показателей, Екатеринбург подтверждает свои особые позиции в уральском регионе. Этот город с той или иной степенью отрыва от «преследователей» неизменно занимает первые места почти во всех отдельных зачетах. Исключений всего лишь два: по среднемесячной зарплате Екатеринбург в

2005 г. совсем немного уступил Перми (перед тем лидируя на протяжении многих лет), и только по выпуску промышленной продукции по-настоящему далеко отстал от всех своих соседей. Иначе говоря, его лидерство особенно убедительно проявляется в тех сферах, которые относятся преимущественно к постиндустриальной экономике (торговля, услуги, финансовый бизнес, информационные потоки, функции транспортного узла). Особенно впечатляет огромный перевес Екатеринбурга по показателям присутствия в Интернете и по отдельным видам пассажирских перевозок. Другим уральским «миллионерам» остается лишь с переменным успехом вести борьбу за «серебряные медали».

Но даже при таких раскладах преимущество Екатеринбурга вряд ли можно назвать подавляющим. Другие города «большой четверки» стараются не очень сильно отставать от него, и это им удается. Глядя на результирующие показатели в последней строке табл. 8, стоит иметь в виду, что разрыв оказался бы меньше при иных (также имеющих право на существование) измерительных подходах: использовании не суммарных, а среднелюбых показателей, другом наборе индикаторов, применении различных вариантов взвешивания и т.д. Однако и в данном рейтинге счет в пользу Екатеринбурга выглядит хотя и вполне убедительным, но не разгромным. Челябинск, получив по отдельным пунктам 10 вторых мест, в итоге также занял второе место. Таким образом, и при расширенном наборе эмпирических показателей подтверждается уже высказанный ранее тезис о серьезной заявке этого города на роль региональной «вице-столицы». Впрочем, Пермь и Уфа, занявшие третье и четвертое места, отстают от Челябинска не намного, а различия внутри западноуральской пары и вовсе находятся «в пределах статистической погрешности». Данные табл. 8 говорят об относительном равновесии сил в треугольнике Челябинск – Пермь – Уфа, и о том, что каждая из его вершин показывает совсем неплохие результаты, даже находясь «в тени» Екатеринбурга. В этой связи вновь хотелось бы применить к Уралу уже приведенную фразу профессора Г.М. Лаппо и сказать, что Екатеринбург в своем регионе «первенствует, но не главенствует».

При этих неравных, но сопоставимых стартовых позициях крупнейшие уральские города почти одновременно приняли новые генеральные планы, задающие основные ориентиры развития примерно на 20 лет.

Каждый из рассматриваемых центров намерен сохранить традиционные промышленные функции; соответственно, никто из них не стремится повторить обвальную деиндустриализацию по примеру уже упоминавшихся Питсбурга и Кливленда (а также Манчестера, Балтимора и сотен других западных городов). Однако иной, более мягкий вариант преодоления избыточных промышленных акцентов представляется неизбежным.

Уральские гиганты намерены вместе со всем развитым миром продвигаться по пути постиндустриальной эволюции, и очень большую роль в этом деле призваны сыграть генпланы нового поколения. В этих документах, как не раз уже была возможность убедиться, речь идет об опережающем росте сервисной экономики и соответствующих изменениях урбанистического пространства: развороте планировочных осей в сторону рек и лесов, строительстве деловых кварталов и бережном отношении к исторической среде, дальнейшей пригородной экспансии и расширяющихся агломерациях, развитии внешнего транспорта и о многих других приоритетах, обязательных для успешного современного города.

Даже при традиционном разрыве между генпланами и реальностью есть все основания надеяться на то, что немалая часть сегодняшних градостроительных разработок будет постепенно воплощена в жизнь. Сопоставимые масштабы и схожие проекты уральских «миллионеров» означают, что их шансы осуществить задуманное тоже относительно равны. В тех сферах, где интересы соседей сталкиваются или, по крайней мере, часто не совпадают (борьба за транзитные транспортные потоки, миграцию из других регионов, внешние инвестиции, субвенции из федерального бюджета и т.д.), любой из рассматриваемых центров при благоприятных условиях может выйти вперед и оторваться от тройки конкурентов. Имеются, впрочем, и такие области, в которых потенциальный успех одного города не только не противоречит, но даже способствует успеху его ближайшего окружения. Но в любом случае динамичное развитие Екатеринбурга, Челябинска, Уфы и Перми, неразрывно связанное с их новыми генпланами, стало бы важным вкладом в общий социально-экономический прогресс и постиндустриальное развитие современной России.

ПРИМЕЧАНИЯ

РАЗДЕЛ I

1. Возможности использования генеральных планов городов в исторических и археологических исследованиях. Планы Егошихинского завода – Перми XVIII–XIX вв.

1. Преображенский А.А. Город, деревня и государственная власть в России в XVII–XVIII вв. / А.А. Преображенский // Деревня и город Урала в эпоху феодализма: проблема взаимодействия. – Свердловск, 1986. – С. 13.
2. ПСЗ. – Т. 4. – С. 266. – № 4127.
3. Карты и планы Пермской губернии. – Пермь, 1966. – С. 5. – № 3, 4, 5.
4. Ястребов Е.В. Первые планы Егошихинского завода 1723 г. / Е.В. Ястребов // 250 лет Перми. – Пермь, 1973.
5. Чупин П.О. Карта Екатеринбургского ведомства и провинции Соликамской 1734–1736 гг. // П.О. Чупин // Пермский край. – Пермь, 1884. – С. 36.
6. Там же. – С. 37.
7. РГАДА. Ф. 248, д. 347.
8. ГАСО. Ф. 59, оп. 7, д. 990.
9. ГАСО. Ф. 59, оп. 7, д. 990.
10. ПСЗ. – Т. 10. – № 7766.
11. ГАСО. Ф. 24, оп. 1, д. 1621, л. 1.
12. ПСЗ. – Т. 16. – № 11883.
13. ГАПО. Ф. 316, оп. 1, д. 1, л. 6.
14. ГАПО. Ф. 316, оп. 1, д. 1, л. 143.
15. Там же. С. 46.
16. ГАПО. Ф. 278, оп. 1, д. 489, л. 2 об.
17. Там же.
18. ГАПО. Ф. 716, оп. 3, д. 41; РГАДА. Ф. 192, оп. 1, д. 18.
19. ГАПО. Ф. 65, оп. 4, д. 15; л. 6.
20. Мозель Х. Описание Пермской губернии, составленное офицерами генерального штаба / Х. Мозель. – СПб., 1863. – С. 136.
21. РГВИА. Ф. ВУА, № 22536.
22. ГАПО. Ф. 316, оп. 1, д. 19, л. 30 – 31.
23. Кусов В.С. Карту создают первопроходцы / В.С. Кусов. – М., 1987. – С. 21.
24. Памятники истории и культуры Пермской области. – Пермь, 1973. – С. 57; РГИА. Ф. 1293, оп. 167, д. 5, л. 1.
25. РГАДА. Ф. 1356. Пермская губерния.
26. ГАПО. Ф. 278, оп. 1, д. 169, лл. 2 – 6.
27. ГАПО. Ф. 65, оп. 4, д. 70, лл. 1 – 2.
28. ГАПО. Ф. 65, оп. 4, д. 215, лл. 1 – 3.
29. ГАСО. Ф. 59, оп. 7, д. 788.

30. РГВИА. Ф. 38, оп. 9, д. 54, лл. 60 – 68.
31. ГАПО. Ф. 35, оп. 1, д. 58, л. 53; РГИА. Ф. 1293, оп. 167, д. 8, л. 1; Ф. 1293, оп. 167, д. 9, л. 1.
32. ПОКМ. НВ 2526/11.
33. РГИА. Ф. 1289, оп. 15, д. 275, л. 16.
34. РГИА. Ф. 1293, оп. 167, д. 114, л. 14.
35. РГИА. Ф. 1293, оп. 167, д. 112, л. 2.
36. Черкасова А.С. От Егошихи к Перми / А.С. Черкасова, М.Н. Степанов. – Пермь, 1973. – С. 22.
37. ПСЗ. – Т. 5. – № 3464.
38. Шумилов Е.Н. Деревня Егошиха: ее месторасположение и судьба / Е.Н. Шумилов // Пермь: опыт развития, потенциал, перспективы: материалы науч.-практ. конф. (г. Пермь, 11 нояб. 1998 г.). – Пермь, 1998. – С. 14.
39. Геннин В.И. Описание Уральских и Сибирских заводов / В.И. Геннин. – М., 1937. – С. 496.
40. ГАСО. Ф. 24, оп. 1, кн. 21а, л. 797об. – 798. Ястребов Е.В. Первые планы Егошихинского завода / Е.В. Ястребов // 250 лет Перми. – Пермь, 1973. – С. 64. (Е.В. Ястребов и некоторые исследователи считают его самым поздним из составленных в 1723 г., но это не так, хотя бы потому, что расположение заводских корпусов не соответствует реально построенным).
41. ГАСО. Ф. 24, оп. 1, д. 608, л. 217об.
42. ГАСО. Ф. 24, оп. 1, д. 608, л. 170.
43. ГАСО. Ф. 59, оп. 7, д. 160 и РГАДА. Ф. 271, оп. 3, д. 11.
44. РГАДА. Ф. 248, д. 347.
45. Эти разные документы имеют одинаковый номер: ГАСО. Ф. 55, оп. 7, д. 990.
46. РНБ. Отд. рукописей. Шифр XIII. Л.284 (550); Геннин В.И. Описание уральских и сибирских заводов / В.И. Геннин. – М., 1937. – С. 571; Терехин А.С. Пермь: очерк архитектуры / А.С. Терехин. – Пермь, 1980. – С. 32 – 33 (вклейка).
47. ПСЗ. – Т. 6. – № 4070.
48. ГАСО. Ф. 59, оп. 7, ед. хр. 160.
49. ГАСО. Ф. 59, оп. 7, ед. хр. 1391, л. 1.
50. ГАСО. Ф. 59, оп. 7, ед. хр. 1391, л. 2.
51. Корчагин П.А. Деревянная жилая архитектура Егошихи второй четверти XVIII в. (по археологическим и картографическим источникам) / П.А. Корчагин // XVII Уральское археологическое совещание: материалы науч. конф. (Екатеринбург, 19–22 нояб. 2007 г.). – Екатеринбург – Сургут, 2007. – С. 259 – 261.
52. Пермь от основания до наших дней: исторические очерки. – Пермь, 2000. – С. 28.
53. ГАПО. Ф. 716, оп. 3, д. 4; ПОКМ. НВ 2526/10.
54. РГИА. Ф. 1399, оп. 1, д. 620, л. 1.
55. РГИА. Ф. 1488, оп. 3, д. 239, л. 1.

56. Русский архив. – 1876. – № 9. – С. 41.
57. Смышляев Д.Д. Сборник статей о Пермской губернии / Д.Д. Смышляев. – Пермь, 1891. – С. 170 – 171.
58. РГИА. Ф. 733, оп. 43, д. 54, лл. 14 – 15.
59. Пользуюсь возможностью для того, чтобы выразить глубокую благодарность сотрудникам Пермского КЦОП Т.Б. Ремезовской и А.Б. Киселеву за разрешение ознакомиться с планом и постоянную поддержку.
60. Мухачев Е. Заметки о губернском городе Перми / Е. Мухачев // ПГВ. – 1861. – № 28 – 31.

2. Элементы регулярности и нерегулярности планировки в генеральных планах городов Южного Урала XVIII – начала XX вв.

1. РГАДА. Ф. 284, д. 38, л. 3.
2. Полное собрание законов Российской империи. – Т.6. Указ № 4070.
3. РГИА. Ф. 1399, оп. 1, д. 566, л. 3.
4. РГАДА. Ф. 248, оп. 160, д. 335.
5. Там же. – Д. 3.
6. Там же. – Д. 1929.
7. РГВИА. Ф. 846 (ВУА), оп. 16, д. 21805.
8. Там же. – Д. 21805.
9. Там же.
10. Там же. – Д. 22797.
11. Семенова С.Ю. Историческое развитие планировки и застройки Уфы: дис. ... канд. арх. / С.Ю.Семенова. – М., 1998. – 126 с.
12. РГИА. Ф. 1399, оп. 1, д. 570.
13. Там же. – Д. 571.
14. Там же. – Д. 563.
15. Там же. – Д. 567.
16. Райский П.Д. Путеводитель по городу Оренбургу с очерком его прошлого и настоящего, иллюстрациями и планом / П.Д.Райский – Оренбург: Губерн. тип., 1915. – С. 174.
17. РГИА. Ф. 1399, оп. 1, д. 569.
18. Там же. – Д. 566.
19. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии / П.И.Рычков – Оренбург: Изд-во Оренб. Губерн. стат. комитета, 1887. – С. 364.
20. РГВИА. Ф. 846(ВУА), оп. 16, д. 22796.
21. Там же. – Д. 22688.
22. РГВИА. Ф. 418, оп. 1, д. 844.
23. РГАДА. Ф. 271, оп. 3, д. 451.
24. Там же. – Д. 1032.
25. Там же. – Д. 455.
26. Там же. – Д. 1030.
27. Там же. – Д. 1039.

28. Там же. – Д. 238.
29. РГИА. Ф. 1488, оп. 4, д. 643.
30. РГИА. Ф. 1424, оп. 1, д. 245.
31. РГВИА. Ф. 846 (ВУА), оп. 16, д. 21804.
32. Там же. – Д. 21805.
33. ГНИМА, колл.8.
34. РГВИА. Ф. 349, оп. 39, д. 2435.
35. РГВИА. Ф. 418, оп. 1, д. 855.
36. Алекторов А.Е. История Оренбургской губернии / А.Е.Алекторов. – Оренбург, 1883. – С. 42.
37. РГИА. Ф. 37, оп. 63 II, д. 76, л. 2.
38. Там же. – Д. 143, л. 2.
39. Там же. – Д. 63, л. 2.
40. Там же. – Д. 74, л. 1
41. Там же. – Д. 73, л. 3.
42. Там же. – Д. 55, л. 1.
43. Там же. – Д. 22, л. 2.
44. Там же. – Д. 26, л. 2.
45. Там же. – Д. 52, л. 4.
46. РГИА. Ф. 1424, оп. 1, д. 191
47. Там же. – Д. 245.
48. ОГАЧО. Ф. 87, оп. 1, д. 346.
49. ОГАЧО. Ф. 172, оп. 1, д. 660.
50. Весновский В.А. Спутник туриста по Уралу / В.А. Весновский – Екатеринбург: Изд. авт., 1902. – С. 17.
51. Путеводитель по Уралу. – Екатеринбург: Изд. газ. «Урал», 1899. – С. 23.
52. ОГАЧО. Ф. 172, оп. 1, д. 660.

3. Перепланировка Челябинска конца XVIII – начала XIX вв.: некоторые аспекты

1. РГАДА. Ф. 248, оп. 160, д. 4, кн. 139, л. 170.
2. Дегтярев И.В. Челябинская старина: сб. ст. и материалов по истории Челябинска раннего периода / В.И. Дегтярев. – Челябинск: Центр историко-культурного наследия, 1996. – С. 13 – 15.
3. Там же.
4. Там же. – С. 16.
5. Гмелин И. Путешествие по Сибири / И. Гмелин // Дореволюционный Челябинск в слове современников: собр. текстов / И. Гмелин; сост. В.С. Боже. – Челябинск: Центр историко-культурного наследия г. Челябинска, 1997. – С. 201.
6. Самигулов Г.Х. К вопросу о погребальном обряде русских Урала и Сибири XVIII века / Г.Х. Самигулов // Культура русских в археологических

- исследованиях: сб. науч. ст. / под ред. Л.В. Татауровой. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. – С. 154 – 155.
7. ОГАЧО. Ф. И-87, оп. 1, д. 34в.
  8. Михайлова В.Б. Принципы формирования, методы и организация планирования русских городов / В.Б. Михайлова // Русское градостроительное искусство: Петербург и другие новые российские города XVIII – первой половины XIX веков / под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. – М.: Стройиздат, 1995. – С. 103.
  9. Там же. – С. 116.
  10. Революционная и трудовая летопись Южноуральского края: хрестоматия архивных документов по истории Южного Урала 1682–1918 / сост. А.И. Потерпеева, В.Е. Четин. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1980. – С. 25; Лингвистическое краеведение на Южном Урале. – Ч. II. Материалы к истории языка деловой письменности XVIII в. / под общ. ред. Л.А. Глинкиной. – Челябинск: Изд-во Чел. гос. пед. ун-та, 2001. – С. 49.
  11. ОГАЧО. Ф. И-1, оп. 2, д. 136, л. 3об.
  12. Михайлова В.Б. Указ. соч. – С. 117–119; Ожегов С.С. Типовое и повторное проектирование в России XVIII–XIX вв. / С.С. Ожегов. – М.: Искусство, 1984. – С. 90 – 120.
  13. ЧОКМ. НВ, № 621; РГВИА. ВУА, д. 22797; РГВИА. Ф. 846, оп. 16, д. 22797, л. 1.
  14. ЧОКМ. НВ, № 621.
  15. РГВИА. ВУА, д. 22797; РГВИА. Ф. 846, оп. 16, д. 22797, л. 1.
  16. ОГАЧО. Ф. И-46, оп. 1, д. 357.
  17. Михайлова В.Б. Указ. соч. – С. 103 – 117.
  18. Административно-территориальное устройство Южного Урала в XVIII – начале XX вв. и место в нем Челябинска // Челябинск неизвестный: краевед. сб. / сост. В.С. Боже. – Челябинск, 2002. – Вып. 3. – С. 441.
  19. ОГАЧО. Ф. И-33, оп. 1, д. 385.
  20. Революционная и трудовая... – С. 30.
  21. РГВИА. Ф. 846, оп. 16, д. 21528, л. 51.
  22. РГВИА. Ф. 846, оп. 16, д. 21528, л. 29.
  23. РГВИА. Ф. 846, оп. 16, д. 22796, л. 1.
  24. ОГАЧО. Ф. И-1, оп. 1, д. 88, л. 7; Лингвистическое краеведение на Южном Урале. – Ч. I. Материалы к истории языка деловой письменности XVIII в. / под общ. ред. Л.А. Глинкиной. – Челябинск: Изд-во Чел. гос. пед. ун-та, 2000. – С. 229 – 230.
  25. Там же. – С. 229 – 230.
  26. Там же. – С. 230.
  27. РГВИА. Ф. 418, оп. 1, д. 843, л. 1.
  28. РГВИА. Ф. 418, оп. 1, д. 844, л. 1.
  29. ОГАЧО. Ф. И-1, оп. 1, д. 717, лл. 4 – 4об.
  30. Там же.
  31. Лингвистическое краеведение на Южном Урале. Ч. II... – С. 49.

32. РГВИА. Ф. 846, оп. 16, д. 22797, л. 1.
33. ЦГИАРБ. Ф. И-352, оп. 1, д. 162, л. 106об.
34. ОГАЧО. Ф. И-46, оп. 1, д. 9, л. 17.
35. ОГАЧО. Ф. И-1, оп. 3, д. 214, л. 1.
36. ОГАЧО. Ф. И-46, оп. 1, д. 47, лл. 1 – 14.
37. ОГАЧО. Ф. И-46, оп. 1, д. 54.
38. ЧОКМ. НВ, № 623.
39. ОГАЧО. Ф. И-46, оп. 1, д. 9, л. 65.
40. ЧОКМ. НВ, № 621.
41. ОГАЧО. Ф. И-1, оп. 1, д. 2124, л. 1.
42. ОГАЧО. Ф. И-1, оп. 1, д. 2124, л. 17.
43. ОГАЧО. Ф. И-1, оп. 1, д. 2124, лл. 17 – 17об.
44. ОГАЧО. Ф. И-1, оп. 1, д. 2124, лл. 18 – 18об.
45. ОГАЧО. Ф. И-46, оп. 1, д. 114.
46. ОГАЧО. Ф. И-46, оп. 1, д. 165.
47. ОГАЧО. Ф. И-46, оп. 1, д. 163.
48. ОГАЧО. Ф. И-46, оп. 1, д. 306, лл. 20об. – 21.
49. ОГАЧО. Ф. И-87, оп. 1, д. 35а.
50. ОГАЧО. Ф. И-46, оп. 1, д. 559, л. 1.
51. ОГАЧО. Ф. И-1, оп. 1, д. 315, л. 1.
52. ОГАЧО. Ф. И-1, оп. 2, д. 213, лл. 1 – 3.
53. ЧОКМ. НВ, № 621.
54. Михайлова В.Б. Указ. соч. – С. 119 – 155; Ожегов С.С. Указ. соч. – С. 90 – 120.
55. Михайлова В.Б. Указ. соч. – С. 155.
56. ОГАЧО. Ф. И-14, оп. 1, д. 159, лл. 1 – 28.
57. ОГАЧО. Ф. И-15, оп. 1, д. 112; ОГАЧО. Ф. И-87, оп. 1, д. 3; ОГАЧО. Ф. И-87, оп. 1, д. 12.
58. ОГАЧО. Ф. И-1, оп. 1, д. 202, л. 3.
59. Дегтярев И.В. Указ. соч. – С. 26 – 29; Иванцова М.Я. Челябинск (краткий путеводитель) / М.Я. Иванцова / ред. В.П. Мордовских. – Челябинск: Чел. кн. изд-во, 1961. – С. 10.
60. Дегтярев И.В. Указ. соч. – С. 15; Дегтярев И.В. Основание крепости / И.В. Дегтярев // Челябинск в разных измерениях / ред. Л.П. Петрова. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1986. – С. 56 – 59.
61. РГАДА. Ф. 199, оп. 1, д. 481, л. 182об.
62. ОГАЧО. Ф. И-15, оп. 1, д. 112; ОГАЧО. Ф. И-78, оп. 1, д. 3.
63. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии / П.И. Рычков. – Уфа: Китап, 1999. – С. 258 – 259.
64. ОГАЧО. Ф. И-1, оп. 2, д. 136.
65. ОГАЧО. Ф. И-1, оп. 2, д. 136, л. 1об.
66. ОГАЧО. Ф. И-3, оп. 1, д. 100.
67. ОГАЧО. Ф. И-1, оп. 1, д. 583б.
68. ОГАЧО. Ф. И-1, оп. 1, д. 315.

РАЗДЕЛ II

1. Социалистическое расселение: теория и практика

1. СУ РСФСР. 1917. Отдел первый. № 12, ст. 180. – С. 188.
2. Там же. – С. 189.
3. «... для объединения деятельности всех городских и земских учреждений» (СУ РСФСР. 1917. Отдел первый. № 10, ст. 153. – С. 152).
4. Там же. – С. 152.
5. СУ РСФСР. 1917. Отдел первый. № 12, ст. 180. – С. 187.
6. «Такой способ организации власти в центре и на местах является не более, как организационным выражением и закреплением того политического факта, то власть в стране перешла к пролетарским и полупролетарским ее элементам» (Там же. – С. 187).
7. «Советы должны подчинить себе все учреждения, как административного, так хозяйственного, финансового, и культурно-просветительного значения. Такой способ организации власти в центре и на местах является не более, как организационным выражением и закреплением того политического факта, что власть в стране перешла к пролетарским и полупролетарским ее элементам» (СУ РСФСР. 1917. Отдел первый. № 12, ст. 179)
8. Там же. – С. 188.
9. «Первое время после Октябрьской Революции Советская Россия представляла из себя ряд самостоятельных, не связанных с единым центром Советов. ... «Вся власть на местах – таков был их лозунг» (Рейснер М. Союз социалистических Советских республик /М. Рейснер // Власть Советов. – 1923. – № 1 – 2. – С. 9 – 24).
10. Государственный архив Российской Федерации. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории РСФСР: путеводитель /ред. С.В.Мироненко – М., – 1996, Т. 2. – С. 258.
11. Комиссия просуществовала до 1938 г. и будет ликвидирована Постановлением Верховного Совета РСФСР от 3 декабря 1938 г. (Там же. – С. 11).
12. СУ РСФСР 1919. Отдел первый. № 28, ст. 315
13. Там же. – С. 221.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же.
17. Коммуны различных уровней и масштабов возникают с первых дней существования советского государства. И не только как межличностные объединения – бытовые коммуны, но и как крупные территориальные образования. Так, в марте 1918 г. после переезда в Москву ВЦИК, СНК и др. центральных учреждений в Петрограде была провозглашена Петроградская Трудовая коммуна. 13 марта 1918 г. пленум Петросовета утвердил состав Совета комиссаров Петроградской Трудовой коммуны (ПТК). Она как городская власть просуществовала до 29 апреля 1918 г., когда на I Съезде

Советов Северной области было решено создать Союз коммун Северной области (СКВО), в состав которого, как уже указывалось, вошли территории 6 губерний, в том числе и Петроградской (Архивы России. Указ соч. – Т. 2. – С. 810). Петроградская потребительская коммуна (ППК) создана весной 1919 г. (официально оформлена 25 сентября 1919), объединила аппараты государственных, кооперативных продовольственных и хозяйственных организаций Петрограда, ведала снабжением города продуктами и промтоварами, занималась заготовкой, производством и распределением продуктов в условиях Гражданской войны и политики «военного коммунизма». Все горожане, имевшие право выборов в Советы, являлись действительными членами коммуны, могли участвовать в управлении ею и пользовались ее услугами. Дважды в год избиралось правление (9 чел., пред. А.Е. Бадаев, с июля 1920 – А.С. Куклин) и Контрольный совет (25 чел.). В районах города были созданы районные исполнительные бюро коммуны. ППК располагала 8 поездками по 40 вагонов в каждом, мельницами, складами и распределительными пунктами, имела свои хозяйства в хлебопроизводящих губерниях площадью до 10 тыс. десятин, а также 7 животноводческих ферм. К началу 1920 г. Коммуна обеспечивала продуктами свыше 1 млн чел., в течение этого года сформировала 27 продажитотрядов (664 чел.), организовала обработку свыше 2 тыс. огородов в пригородах Петрограда, в январе – ноябре распределила 14 млн пудов продовольствия, в т. ч. 7,3 млн пудов хлеба, обеспечивала выдачу трудового пайка, который в декабре получали 271,3 тыс. чел. Аппарат ППК насчитывал около 36 тыс. чел. 3 июня 1921 г. Петроградская потребительская коммуна преобразована в Петроградское единое потребительское общество (ПЕПО). Печатный орган – газета «Известия Петрокоммуны» издавалась с 17 октября 1919 г. по декабрь 1921 г. (Бадаев А.Е. Десять лет борьбы и строительства: Продовольственно-кооперативная работа в Ленинграде, 1917 – 1927 / А.Е. Бадаев. – Л., 1927; Потехин М.Н. Петроградская трудовая коммуна (1918 – 1919 гг.) / М.Н. Потехин. – Л., – 1980; Яров С.В. Горожанин как политик: революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев / С.В. Яров. – СПб., – 1999).

18. СУ РСФСР. 1919. Отдел первый. № 64, ст. 578.
19. Там же. – С. 580.
20. Там же.
21. В начале 1922 г. в комиссию вводятся представители ВЦСПС и Госплана (ГАРФ. Ф. 5677, оп.1, д. 17, л.129).
22. На местах согласно циркуляру Административной комиссии от 10 марта 1920 г. при губернских и уездных исполкомах образовывались аналогичные комиссии (ГАРФ. Ф. 5677, оп.1. Предисл., с. 1 – 5).
23. ГАРФ. Ф. 5677, оп.2, д. 3, л.1.
24. Волков Е.З. К истории хозяйственного районирования СССР / Е.З. Волков // Плановое хозяйство. – 1923. – №3. – С. 234 – 239.
25. Там же. – С. 235.

26. «областные учреждения ... продолжают издавать свои законы и декреты, нередко противоречащие декретам центральной власти, внося хаос и путаницу в общую законодательную работу Советской республики. Создается на местах, а в областях ряд преград и запретов, мешающих работе центра, по вывозу продовольствия из хлебных мест в нехлебные, стесняющих передвижение продуктов и людей в пределах республики. Издаются на местах и в областях ряд постановлений, тормозящих работу центра по распоряжению имуществом республики: таможней, заводами, эвакуированными грузами, запасами всякого рода ...» (Рейснер М. Указ. соч. – С. 11).
27. Подобная доктрина основывается на отрицании буржуазного парламентаризма, основанного на принципе разделения властей, и вытекает из марксовой модели пролетарского государства-коммуны, совмещающей в одном органе законодательные, исполнительные и судебные функции. Реформирование структуры управления государством основывается на том, что в центр политической системы помещалась партия (коммунистическая), а не выборные органы (советы), как первоначально задумывалось и воплощалось. Подобное решение вызвано тем, что Советы в силу целого комплекса причин не осуществляли управленческие функции, возлагаемые на них центральными властными органами. В новой концепции государственного устройства им отводится функция лишь рычага партийно-государственного управления.
28. Благоприятная почва для постановки и решения этой задачи во многом была подготовлена тенденцией, усиленной войной, к авторитарному управлению, ориентацией на подсказку сверху, упованием на авторитет, на вождя.
29. Основы формирования принципов территориального деления страны изложены в вышедших в 1921 г. брошюрах И.Г. Александрова «Экономическое районирование РСФСР» и Г.М. Кржижановского «Хозяйственные проблемы РСФСР и работы государственной общеплановой комиссии (Госплана)».
30. ГАРФ. Ф. 5677, оп 1, д. 3, л.2.
31. Волков Е.З. Указ. соч. – С. 235.
32. Так же, как во времена Петра I и Екатерины II, только за единицу исчисления населения принимается не двор, а парторганизация.
33. Опять же подобно тому, как при Петре I, когда дворы объединялись в доли, доли в уезды, уезды в провинции, провинции в губернии.
34. Чтобы не получалось, что одна областная партийная организация в несколько раз больше другой или меньше только потому, что в одной области, на подвластной территории народу обитает больше (или меньше).
35. Рожанский М. Сибирь между Москвией и Россией / М. Рожанский // *Revue des etudes slaves*. Tome soixante – huitieme. Fascicule 1. – Paris, 1996. – С. 69 – 89.
36. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории РСФСР: путеводитель – М., 1996. – Т. 2. – С. 15.

37. 23 марта 1922 г. Президиум ВЦИК утверждает Положение, в соответствии с которым состав Административной комиссии определяется в 3 чел, назначаемых Президиумом ВЦИК (позднее он расширяется до 5 чел.). В своей работе комиссия продолжает использовать аппарат НКВД.
38. «О районировании»: Резолюция XII съезда РКП (б) от 25 апреля 1923 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – В 5 т. 1917 – 1967 гг.: сб. док. за 50 лет. – М.: Политиздат, 1967. – Т. 1. 1917 – 1926 гг. – С. 590; 367 – 368.
39. Там же. – С. 367.
40. Рейснер М. Союз социалистических Советских республик /М. Рейснер // Власть Советов. – 1923. – № 1 – 2. – С. 9 – 24.
41. Там же. – С. 15.
42. Там же. – С. 10.
43. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории РСФСР: путеводитель. – М., 1996. – Т. 2. – С. 15. В комиссию включаются представители Административной комиссии ВЦИК, Народного Комиссариата по делам национальностей, ВСНХ, НКВД, СТО, Госплана, НКПС, Народного комиссариата по военным делам и представители с мест (в частности, от Украины)
44. Волков Е.З. Указ. соч. – С. 236.
45. Кржижановский Г.М. Хозяйственные проблемы ... Указ. соч. – С. 92 – 95. С образованием Госплана дело районирования «стало на прочную основу», т.к. естественному «приспособительному» методу был противопоставлен «преобразовательный» – «глубоко продуманный, революционный и в то же время вполне научный и чисто марксистский подход» (Там же. – С. 236). 11 июня 1923 г. на Комиссию ВЦИК по районированию РСФСР возлагаются обязанности подготовительной работы по районированию РСФСР в целом (а также решение вопроса об укреплении волостного аппарата) и задание практического районирования двух территориальных зон – Урала и Юго-Востока.
46. Каменев Л. Итоги X Всероссийского Съезда Советов /Л. Каменев // Власть Советов. – 1923. – № 1 – 2. – С. 3 – 8.
47. ГАРФ. Ф. 6984, оп. 1, д. 8, л. 100.
48. Дела комиссии передаются сначала в организационный отдел ВЦИК, а затем в Административную комиссию при ВЦИК (Фонды Государственного архива ... Указ. соч. – С. 16).
49. Вебер А. Теория размещения промышленности. С приложением работы Шлира «Промышленность Германии в 1980 г.» / А. Вебер; излож. и пер. Н. Морозова; под ред. и с предисл. Н. Баранского. – Л.; М.: Книга, 1926. – 223 с.
50. Кржижановский Г.М. К теории и практике планового хозяйства // Плановое хозяйство. – 1925. – № 3. – С. 7 – 21.
51. Вебер А. Теория размещения промышленности... Указ. соч.
52. Там же.

53. Там же. – С. 19.
54. Тюнен И.Г. Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике: исследование о влиянии хлебных цен, богатств почвы и накладных расходов на земледелие /И.Г. Тюнен; пер. Тернеус Е.А., Рыбникова А.А. – М.: Экон. жизнь, 1926. – 326 с.
55. Васютин В.Ф. Состояние и очередные задачи экономической географии // *Вопр. экономической географии ОГИЗ-СОЦГИЗ.* – М., 1934. – С. 3 – 23; Детина С. Закономерности социалистического размещения производительных сил СССР / С.Детина // Там же. – С. 73 – 74.
56. Там же.
57. 11.11.1999 г. в г. Иркутске. – М.: Архив ММАСС, 1999. – С. 7; Березкин Ю.М. Исторические типы финансов: методологический анализ / Ю.М. Березкин. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000. – С. 31.
58. Маркс К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс // *Соч.* – Т. 3. – С. 1 – 3.
59. Вебер А. Указ. соч. – С. 147.
60. Детина С. Закономерности социалистического размещения производительных сил СССР /С. Детина // *Вопросы экономической географии.* – М.: ОГИЗ-СОЦГИЗ 1934. – С. 85.
61. Переводчик книги А.Вебера на русский язык.
62. Бернштейн-Коган С.В. К вопросу о постановке работ по районированию и рационализации географического размещения промышленности. С приложением статьи З. Гольденберга «Теория промышленного районирования Альфреда Вебера» – М.; Л.: ЦУП ВСНХ СССР, 1925; Морозов Н. Веберовская теория промышленного штандорта и ее критики / Н. Морозов // *Социалистическое хозяйство.* – М.; Л., 1927. – Кн. 3. – С. 220 – 238; Варга Е. Мировое хозяйство: сб. ст. / Е. Варга. – М.: РИО ВСНХ, 1922; Дашковский И. Рецензия на книгу Вебера А. «Теория размещения промышленности» / И. Дашковский // *Хозяйство Украины.* – 1926. – № 11 – 12.
63. Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921 – 1941 / Л. Самуэльсон – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 82.
64. Там же. – С. 81.
65. Бугай Н.Ф. 20-50-е годы: переселения и депортации еврейского населения в СССР / Н.Ф. Бугай // *Отечественная история.* – 1993. – № 4. – С. 117.
66. Диманштейн Я.Б. Проблема районирования металлопромышленности в связи с условиями промышленного развития Украины и Союза / Я.Б. Диманштейн – М., 1927. – 270 с.
67. Морозов Н. Веберовская теория ... Указ. соч. – С. 231.
68. Противники теории Вебера доказывают, что для задач размещения социалистической промышленности она совершенно недостаточна, потому, что справедлива лишь для узкого круга случаев, например, при неизменной системе железнодорожных тарифов и т.п. (Александров И.Г. Географические центры нового строительства и проблема районных комбинатов / И.Г. Александров // *Первая всесоюзная конференция по планированию на-*

- учно-исследовательской работы. – М.; Л.: Гос. социально-эконом. изд-во, 1931. – Вып. IV. – С. 3 – 16).
69. Дашковский И. Рецензия на книгу ... Указ. соч. – С. 232.
70. Сторонники индустриального освоения новых районов страны считали, что переход на такой вид топлива, как электричество обеспечит смещение новых производств ближе к руде, нежели к углю. По отношению к Югу это, например, означает, что новые и лучшие места для размещения новых производств оказываются не внутри Донецкого бассейна, как было до сих пор, а в Александровске, Никополе, Кривом Роге, Керчи «при сохранении некоторой небольшой группы заводов в районе коксующихся углей, чтобы уравновесить грузовые потоки между Кривым Рогом и Донецким бассейном в прямом и обратном направлении» (Александров И.Г. Восстановление производства в России / И.Г. Александров – М., 1924. – С. 18).
71. См.: Плановое хозяйство. – 1928. – № 6 – 7; Вопросы экономической географии – М.: ОГИЗ-СОЦГИЗ, 1934. – 48 – 49; Бессонов С.А. Проблема концентрации в промышленности и на транспорте в условиях СССР / С.А. Бессонов // Изв. ЦИК. – 1928. – Дек.; Чарновский Н.Ф. Общие методы рационального районирования производств и выбора места для предприятий / Н.Ф. Чарновский // Науч.-техн. вестн. – 1920. – №1. – С. 10.
72. Связь вопроса территориального размещения промышленности и обороноспособности страны закономерна. Именно в этой связи они и рассматривались партийными и правительственными органами во второй половине 1920-х гг.
73. Самуэльсон Л. Красный колосс: становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921 – 1941 / Л. Самуэльсон. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 90; Козырев В.М. Неизвестные летательные аппараты третьего рейха: ил. справ. / В.М. Козырев, М.Е. Козырев. – М.: Астрель, 2002. – (Военная техника); Суворов В. Зачем Гитлер напал на Советский Союз? / В. Суворов. – М.: АСТ, 2000. – С. 210.
74. Речь идет о равномерном, рассредоточенном расселении.
75. Значение социалистической планировки расселения с точки зрения интересов военной обороны // Современная архитектура. – 1930. – № 6. – С. 15; См. также: Кожевников М.А. Воздушно-химическая война и планировка городов / М.А. Кожевников // Строительная промышленность. – 1927. – № 3. – С. 205 – 209; Кожевников М. А. Воздушно-химическая война и тип городских зданий / М.А. Кожевников // Строительная промышленность. – 1927. – № 8. – С. 544 – 548.
76. «Невыгодно! Расчеты показывают экономическую неэффективность!... Равномерное распределение промышленности по территории страны – нерационально!» (Диманштейн Я.Б. Проблема районирования металлопромышленности в связи с условиями промышленного развития Украины и Союза / Я.Б. Диманштейн. – М., 1927. – С. 202; Диманштейн Я.Б. Металлургическое производство Закавказья в связи с условиями развития металлургии СССР / Я.Б. Диманштейн. – С. 25). «Не может быть никакой речи о

- равномерной индустриализации страны, ибо это неизбежно означало бы совершенно непроизводительную затрату национального капитала и замедление темпа нашего индустриального развития, а должен быть выдвинут принцип возможного сосредоточения промышленного строительства в оптимальных для этого районах» (Диманштейн Я.Б. Проблема районирования ... Указ. соч. – С. 202).
77. Александров И.Г. Географические центры нового строительства и проблема районных комбинатов / И.Г. Александров // Первая всесоюзная конференция по планированию научно-исследовательской работы. – М.; Л.: Гос. социально-эконом. изд-во, 1931. – Вып. IV. – С. 3 – 16.
78. «Если мы обратимся к попыткам установить закономерное размещение индустрии, которые делались учеными Западной Европы и Америки, ... имеющих целью найти известную соразмерность, ... метод ... размещения индустрии, при котором модно было бы применить не только методы тенденции, не только методы качественной оценки, но и методы оценки количественной (...), для нас рекомендуемая Вебером система совершенно не подходит» (Александров И.Г. Географические центры ... Указ. соч. – С. 3).
79. Хайт В.Л. Объективное и субъективное в истории архитектуры и в ее изучении: факт и интерпретация / В.Л. Хайт // Архитектура: сб. – М.: Изд-во «Жи́раф». – 2001. – № 2 – С. 98 – 101; Поморов С.Б. Второе жилище горожан компенсационного типа: автореф. дис. на соиск. уч. степ. д-ра арх. / С.Б. Поморов. – М., 2005. – С. 7; 45; Розин В.М. Знания или схемы: познание мира или его конструирование // Кентавр. – 2001. – № 27. – С. 37; Розин В.М. Условия мыслимости современного познания и социальности / В.М. Розин // Кентавр. – 2001. – № 26. – С. 14 – 21; Копылов Г. Теории и практики А.А.Зиновьева / Г. Копылов // Кентавр. – 2001. – № 26. – С. 57 – 63; Щедровицкий Г.П. Исходные представления теории деятельности / Г.П. Щедровицкий. Избранные труды – М., 1995. – С. 233 – 280 и др.
80. Тем более в условиях, когда представители старой экономгеографической теории активно пропагандируют свои научные представления: пишут статьи, выступают с докладами, читают лекции, влияют на умы студентов и школьников. Например, в тезисах «О построении программ по экономической географии в школах разного типа», представленных Всероссийскому совещанию преподавателей географии (1929 г.), Н. Баранский указывает на необходимость включения в теоретический курс экономгеографии: «...основные начала географии сельского хозяйства со включением теории Тюнена и ее применения в экономической географии; основные начала географии промышленности со включением теории Вебера и ее применения в экономической географии ...» (Вопросы экономической географии. Указ. соч. – С. 48).
81. «... вредители в сельском хозяйстве Чаянов, Чел.инцев и др. подобно Рыбникову превозносили теорию Тюнена в противовес Марксу и Ленину. ... Необходимо также отметить попытки эклектического сочетания учения Тюнена с учением Маркса и Ленина в аграрном вопросе. Такие попытки

- мы имеем в работах проф. П. Ляшенко и др.» (Васютин В.Ф. Состояние и очередные задачи экономической географии. Указ. соч. – С. 40).
82. Александров И.Г. Восстановление производства ... Указ. соч.
83. «...переоборудование заводов ... потребует значительных затрат и вместе с тем слабо увеличит продукцию» (Там же. – С. 4).
84. «... простой производства в течение 7 лет, отсутствие новых предприятий, возникших после 1913 г., выдвигают еще одно обстоятельство – наши заводы даже при полном восстановлении не могут дать эффекта, равного новым современным заводам Европы и Америки ... траты на восстановление становятся менее выгодными, чем вложения средств в новые предприятия» (Там же. – С. 1 – 2); необходимо «... в ближайшие годы переходить в постройке новых предприятий» (Там же. – С. 10).
85. Развитие районов является неизбежным и планируемым следствием размещения в них новых промышленных предприятий.
86. Как это до сих пор практиковалось при подобных расчетах.
87. То есть из представления о «цепочках» производства товаров, в которые включены отдельные предприятия (добывающие и перерабатывающие сырье, обогащающие, производящие полуфабрикаты, выпускающие отдельные составляющие конечного продукта и проч.).
88. Там же. – С. 12.
89. Там же.
90. « ... значительное понижение тарифа открывает новые рынки для таких случаев, когда это понижение дается одному из районов и не предоставляется другому, но даже в случае предоставления однородным товарам разных районов специальных тарифов получается некоторое смещение сфер влияния, хотя и не столь значительное. В случае понижения тарифа для перевозки угля Донецкого бассейна до 1/150 или 1/200 коп. с пудо-версты и себестоимости его на месте 21 коп., уголь придет в Ленинград ценою 34 или 29 черв. коп., т.е. станет возможным отказаться от ввоза английского угля ... » (Там же. – С. 16).
91. Разделение территории страны на «экономические районы», то есть создание «новой организации союзного хозяйства параллельно с административно-хозяйственной реформой» (Там же. – С. 21).
92. Вопросы экономической географии. Указ. соч. – С. 45.
93. В этот период прошло двадцать одно заседание Межведомственной комиссии строительной подсекции секции ВХО при Центральном Союзе ОСОАВИАХИМ СССР по разработке законопроекта о необходимых дополнениях и изменениях в действующем строительном законодательстве с точки зрения воздушно-химической обороны (РГАЛИ. Машков И.П. Проект инструкции и инструкция для руководства при возведении жилых зданий в местностях, угрожаемых воздушно-химическими нападениями (составлена Машковым И.П. при участии Белинского И.О., Павлова М.Н.) и объяснительная записка к ней; протоколы Межведомственной комиссии строительной подсекции секции ВХО при ЦС Союза ОСОАВИАХИМа

СССР, сметы, извещения о заседаниях и др. 3 февраля 1927 г. – 1928 г., календарный план работ Межведомственной комиссии строительной подсекции секции ВХО при ЦС Союза Осоавиахима СССР по разработке законопроекта о необходимых дополнениях и изменениях в действующем строительном законодательстве, (с точки зрения воздушно-химической обороны). Ф.1981, оп. 1, ед. хр. 23. 64, л. 3 – 6.

94. Результатом работы комиссии, деятельность которой почти сразу же засекречивается (РГАЛИ. Машков И.П. Проект инструкции и инструкция для руководства при возведении жилых зданий в местностях, угрожаемых воздушно-химическими нападениями (Приказ начальника Военно-Строительного Управления У.С. РККА тов. Крутова. Там же, л. 12), явилась Инструкция для руководства при возведении жилых зданий в местностях, угрожаемых воздушно-химическими нападениями. Проект Инструкции был составлен инж. Машковым И.П. при участии инж. Белинского И.О. и Павлова М.Н (Проект инструкции и инструкция для руководства при возведении жилых зданий в местностях, угрожаемых воздушно-химическими нападениями. Там же, л. 18 – 21). Рассмотрев проект «Инструкции», строительная подсекция секции воздушно-химической обороны Центрального Совета ОСОВИАХИМа в целом отклонила представленный проект в силу «непригодности для представления в правительственные органы на рассмотрение», но при этом приняла ряд принципиальных решений и рекомендаций для дальнейшей доработки «Инструкции» и подготовки ее к согласованию в правительстве. В частности, один из пунктов рекомендаций гласил: «указать на недопустимость расположения новых промышленных предприятий или расширения существующих в пределах городов и, в особенности, в крупных населенных центрах» (Там же, л. 20). До руководства страны этот документ дошел, был рассмотрен, одобрен и соответствующее решение было принято (см. основной текст).
95. В Постановлении июньского Пленума ЦК ВКП (б) (1931 г.) зафиксировано: «... пленум ЦК считает нецелесообразным нагромождение большого количества предприятий в ныне сложившихся крупных городских центрах и предлагает в дальнейшем не строить в этих городах новых промышленных предприятий, и в первую очередь не строить их в Москве и Ленинграде, начиная с 1932 г.»: (О Московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР: Резолюция пленума ЦК ВКП (б) от 15 июня 1931 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – В 5 т. 1917-1967 гг.: сб. док. за 50 лет. – М.: Политиздат, 1967. – Т. 2 – 1929 – 1940 гг. – С. 330).
96. Подобные теоретико-гипотетические положения социализма не были абстрактными выдумками. Активно реализующийся к этому времени план ГОЭЛРО был разработан именно с целью преодоления описанной теоретиками капитализма закономерности привязанности производства к местам залегания угля – основному в начале XIX в. источнику энергии. «Главнейшим, если не единственным видом энергии в будущем должно

стать электричество. Этот вид энергии легко можно передавать на громадные расстояния. По мере того, как развитие техники будет идти в этом направлении, близость к топливу будет играть все меньшую роль, и, наоборот, все большую роль будет играть близость сырья» (Мещеряков Н. О социалистических городах / Н.О. Мещеряков. – М.: ОГИЗ «Молодая гвардия», 1931. – 112 с.) Тяготение существовавшей промышленности к месторождениям топлива, приводило в дореволюционный период к ее концентрации в зонах залегания и добычи энергоносителей и, как следствие, к концентрации населения (сопровожаемой перенаселением, трущобами, антисанитарией, эпидемиями и другими недостатками капиталистических городов). Уничтожение подобной привязанности обеспечивало свободу в осуществлении планов равномерного распределения промышленности по территории страны: «перетекание промышленности к местам залегания сырья ... колоссально расширит район развития промышленности. Она перестанет концентрироваться в громадных размерах в немногих пунктах, а, наоборот, разместится по всей стране ... а следом за ней пойдет и население ...» (Там же. – С. 67).

97. К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно указывали на то, что по мере своего технического прогресса размещение капиталистической промышленности все менее зависит от местонахождения сырья (Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом / К. Маркс. Ф. Энгельс. Сочинения. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 20. – С. 308).
98. «Долгое время и у нас в дореволюционной России, и за границей наблюдалась определенная картина размещения: организация заводов приурочивалась к центрам размещения населения (...). В новых условиях развития экономики, когда транспорт и электропередача охватывают всю страну, развивается и новая тенденция размещения промышленности» (Александров И.Г. Географические центры ... Указ. соч. – С. 6).
99. С началом индустриализации, по мере роста проектной величины промышленных предприятий (становящихся заводами-гигантами, производственными комплексами и даже целыми промышленными зонами), росла и расчетная численность населения поселков для рабочих этих предприятий, превращая соцпоселки в города.
100. Бархин Б. Г. Современные рабочие жилища: материалы для проектирования и плановых предположений по строительству жилищ / Б.Г. Бархин. – М.: Изд-во «Вопросы труда», 1925. – С. 62 – 67.
101. Постановление ЭКОСО от 31 декабря 1927 г. «Об утверждении строительных правил и норм для постройки жилых домов в поселках на территории РСФСР» предусматривает наличие территорий индивидуальной застройки с разделением на отдельные участки с индивидуальным хозяйством (для такого типа в поселках предлагалось выделять особые кварталы)» (СУ РСФСР. Отдел первый. 1928. – № 21, ст. 156. – С. 253).
102. В частности, генплан Новосибирска (1928), выполненный

- Б.А.Коршуновым, отклоняется из-за большого процента территории, отведенной под индивидуальную застройку (Баландин С.Н. Новосибирск: история градостроительства. 1893 – 1945 / С.Н. Баландин. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во. 1978. – 89 с.). Нормативное закрепление концептуально-идеологического отказа от наличия в проектах соцгородов зон индивидуального жилища происходит с принятием 8 апреля 1929 г. Постановления ЭКОСО РСФСР «Правила и нормы застройки населенных мест, проектирования и возведения зданий и сооружений» (Наше строительство. – 1930. – № 1 – 2. – С. 5 – 43).
103. Почти единственным исключением оказываются проектные предложения Н.Марковникова (1927 г.), который практически во всех своих работах, начиная с 1924 г., прорабатывает применительно к рабочим поселкам тему малоэтажного строительства из экономичных, облегченных конструкций (Марковников Н. Жилищное кооперативное строительство / Н. Марковников // Жилищная кооперация. – 1924. – № 1; Марковников Н. Экономические принципы системы коттеджа / Н. Марковников // Жилищная кооперация. – 1924. – № 4, 5, 6; Марковников Н. Современные экономические принципы планировки и застройки поселков / Н. Марковников // Строительная промышленность. – 1927. – № 1; Марковников Н. Опыт применения типа малого дома к проектированию дома-коммуны / Н. Марковников // Строительная промышленность. – 1927. – № 2; Марковников Н. Городсад Вельвин / Н. Марковников // Строительная промышленность. – 1928. – № 1. – С. 46 – 51; Марковников Н. Планировка и благоустройство поселков / Н. Марковников. – М.: Изд-во Центрожилсоюза, 1931. – 103 с.).
104. Красин Г. Указ. соч. – С. 601.
105. «... большинство жильцов, даже и многосемейных, занимают только одну комнату» (Там же. – С. 601).
106. Антипов П. Конкурс МАО на жилые дома для г. Самары / П. Антипов // Строительная промышленность. – 1927. – № 10. – С. 703 – 704.
107. Площадь застройки не должна превышать 30% от общей площади участка. Мансардные и подвальные этажи не допускаются. На лестничной клетке располагаются две квартиры со сквозным проветриванием (Ежегод. Моск. арх. о-ва. – 1928. – № 5. – С. 135).
108. Этот термин используется в данный период преимущественно не с эксплуатационно-правовой стороны, не для того, чтобы подчеркнуть, что данная квартира предназначена для одной семьи, а скорее, для фиксации отличия в характере планировки жилого дома – секционного дома от общежитий, домов-коммун и т.д.
109. Жилая площадь 3-комнатной квартиры – 40 кв. м., 4-комнатной – 50 кв. м. Общее количество квартир: 60 – 70% 3-комнатных, 30 – 40% 4-комнатных. Отопление печное.
110. Там же. – С. 135.
111. По итогам конкурса присуждено 5 премий: I – инж.-арх. Зильберт А.Э., Чериковер Л.З., II – арх.-худ. Щербаков В.В., III – гражд. инж. Вольфен-

- зон Г.Я., IV - студ. МВТУ Бялостоцкая Ф.Я., Розенфельд З.М., V - студ. МВТУ Розенфельд З.М., Бялостоцкая Ф.Я. (Антипов П. Конкурс МАО на жилые дома для г. Самары / П. Антипов // Строительная промышленность. – 1927. – № 10. – С. 703 – 704).
112. Ежегод. Моск. арх. о-ва. – 1928. – № 5. – С. 13.
113. Конец 1927 – начало 1928 гг.
114. Марковников Н. Экономический анализ типовых квартирных ячеек городского многоэтажного дома / Н. Марковников // Строительная промышленность. – 1928. – № 4. – С. 293 – 296. Размеры лестничной клетки принимаются, как правило, 5 метров в длину и 2,20 в ширину. Исключение составляют проекты Моссовета, в которых габариты лестничной клетки больше: длина – 5,8 м, ширина – 2,4 м (Там же. – С. 296).
115. Марковников Н. Экономический анализ типовых квартирных ячеек городского многоэтажного дома / Н. Марковников // Строительная промышленность. – 1928. – № 4. – С. 293 – 296.
116. Там же. – С. 293.
117. Кухонная плита, раковина и кухонные принадлежности располагаются в нише, отделяемой от комнаты занавеской или передвижной перегородкой.
118. «Такие квартиры должны быть рассчитаны на одну семью или со сдачей одной жилой комнаты не нуждающемуся в кухне одинокому жильцу» (Марковников Н. Экономический анализ типовых квартирных ячеек городского многоэтажного дома // Строительная промышленность. – 1928. – № 4. – С. 295).
119. «Для каждой семьи предположена большая общая комната и небольшого размера спальня (около 9,5 кв. м). Одна из общих комнат является проходной. (Марковников Н. Экономический анализ типовых квартирных ячеек городского многоэтажного дома / Н. Марковников // Строительная промышленность. – 1928. – № 4. – С. 293 – 296).
120. СЗ СССР. 1927. Отдел первый. № 66, ст. 672.
121. Там же. – С. 1291.
122. Там же.
123. Там же. – С. 1292.
124. Там же.
125. «Вспомогательный» характер жилищного строительства впоследствии определит характер и повседневную практику отношения к проблемам среды советских городов-новостроек и поселков-новостроек.
126. Там же. – С. 1293.
127. Иванов А.К. О жилищном строительстве промышленных предприятий (по поводу Альбома типов жилых домов) / А.К. Иванов // Строительная промышленность. – 1928. – № 6 – 7. – С. 448 – 451; Татаринов Е. О жилищном строительстве промышленных предприятий (по поводу Альбома типов жилых домов) / Е. Татаринов // Строительная промышленность. – 1928. – № 6 – 7. – С. 451 – 453.

-
128. Иванов А.К. О жилищном строительстве промышленных предприятий (по поводу Альбома типов жилых домов) / А.К. Иванов // Строительная промышленность. – 1928. – №6 – 7. – С. 448 – 451.
129. Там же.
130. «... что в современных условиях уплотненности в жилищах представляет существенное преимущество» (Там же. – С. 449).
131. В этом случае допускается наличие попарно-проходных комнат, но лишь как предназначенных для заселения одной семьей из 4 человек.
132. В числе жилых домов, рекомендуемых ВСНХ к возведению в строительном сезоне 1928 г., имеются и проекты, предусматривающие «коллективное использование обслуживающих квартиры вспомогательных помещений», вынесенных за пределы дома. Так, например, один из проектов деревянного жилого дома включает 6 квартир, каждая из которых имеет отдельный вход и состоит лишь из одной комнаты, кухни и уборной; обслуживающие помещения коллективного пользования располагаются, по-видимому, в отдельной пристройке. Также имеются проекты блокированных деревянных жилых домов из двухкомнатных квартир с покомнатно-посемейным заселением 8 чел.
133. Татаринов Е. Типы жилых домов на Украине / Е. Татаринов // Строительная промышленность. – 1928. – № 11 – 12. – С. 844 – 847.
134. Характерные примеры – осуществленные поселки «Сокол» (Гуревич С.А. Указ. соч. – С. 35), «Красный богатырь» (Из истории советской архитектуры. 1917 – 1925 гг.: док. и материалы. – М., 1963), «Серебряный Бор» (Жилищно-строительный кооператив при Всероссийской ассоциации инженеров (ВАИ) // Жилищная кооперация. – 1924. – № 1. – С. 44), поселок кооперативного товарищества «Дукстрой» (Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда / С.О. Хан-Магомедов. – М., 2001. – Кн. 2. – С. 323) и др.
135. Постановление ЦИК и СНК СССР от 4 января 1928 г. «О жилищной политике» / Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1967. – Т. 1. – С. 698.
136. Там же.
137. Или там, где в связи со строительством новых промышленных предприятий вблизи существующих поселений происходит интенсификация их роста, требующая реконструкции жилой части поселения.
138. В Постановлении ЦИК и СНК СССР от 4 января 1928 г. «О жилищной политике» указывается: «Признать целесообразным дальнейшее расширение индивидуального рабочего жилищного строительства в рабочих поселках и промышленных районах, где бытовые и экономические условия не позволяют еще в достаточных размерах развивать крупное государственное и кооперативное жилищное строительство. Вопрос о целесообразности расширения указанного строительства в мелких городах, а также дачных и курортных поселках вне промышленных районов разрешается

соответствующими местными советами (О жилищной политике... Указ. соч. – С. 698).

139. В специально организованный Редакционный совет данного издания включены представители ведомств: Наркомпути – Жолковский П.П., Наркомтруда – Запорожец В.К., ВСНХ СССР – Иванов А.К., ВЦСПС – Чернявский Б.И., Моссовета – Маматов П.А., Центржилсоюза – Антипов П.И., Института сооружений – Красин Г.Б., Цескомбанка – Рерберг И.И. Непосредственное участие в составлении сборника принимали архитекторы и инженеры: Запорожец И.К., Воейков В.В., Вульфсон А.С., Антипов П.И., Соколов Г.Ф. (Проекты рабочих жилищ. – М.: Изд-во Центр. коммер. банка, 1929. – С. 11).
140. Проекты рабочих жилищ. – М.: Изд-во Центр. коммер. банка, 1929. – С. 89 – 90.
141. Там же. – С. 91; 95; 105.
142. Там же. – С. 73.
143. Там же. – С. 90.
144. Там же. – С. 111.
145. Лившиц И. Из практики организации нового быта /И. Лившиц // Строительство Москвы. – 1929. – № 12. – С. 11.
146. Лавров В. Теория и практика коммунального жилища (По поводу дома-коммуны РЖСКТ «1-е Замоскворецкое Объединение» / В. Лавров // Строительство Москвы. – 1929. – № 12).
147. Айзикович С. Дома-коммуны московской кооперации / С. Айзикович // Строительство Москвы. – 1929. – № 12. – С. 10 – 11.
148. Проект дома-коммуны в Пролетарском районе (арх. Кильдшиев В); проект дома-коммуны в Сокольническом районе (арх. Розенфельд З) (Айзикович С. Дома-коммуны московской кооперации / С. Айзикович // Строительство Москвы. – 1929. – № 12); проект дома-коммуны в Бауманском районе (арх. Белостоцкая Ф., Розенфельд З.) // Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда... Указ. соч. – С. 228).
149. Дом «нового быта» (арх. Белостоцкая Ф., Розенфельд З.) (Там же. – С. 228).
150. Там же. – С. 228, 330
151. «Дом коллектива первого рабочего поселка» (арх. Голосов И.) и многоквартирный дом Д. Фридмана (Близнакова М. Советское жилищное строительство в годы эксперимента: 1918 – 1933 годы / М. Близнакова // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история. – М., 2001. – С. 79 – 80).
152. Дом-коммуна инженеров и писателей (арх. А.Оль) (Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского народа: нормы и аномалии. 1920 – 1930 годы / Н.Б. Лебина. – СПб., 1999. – С. 168 – 169).
153. Также следует указать на проект дома жилищного кооператива «Новкомбыт» – новый коммунистический быт (арх. Голосов И. при участии Ми-

- тельмана Б.) (Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда. ... Указ. соч. – С. 334).
154. Жилой дом коммунального типа кооператива Высоковской мануфактуры (арх. Б.Сидоров) (Там же. – С. 333).
155. По этому же принципу формируются коллективы студенческих общежитий. О проектировании студенческих домов-коммун см.: Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда. ... Указ. соч. – С. 402 – 426, а также: Студенческий дом-коммуна в Москве // Строительство Москвы. – 1929. – № 12.
156. Хан-Магомедов С.О. Указ. соч. – С. 334.
157. Не позднее конца 1924 – начала 1925 гг. Точная дата не установлена.
158. Лансере Н.Е. Примеры проектирования нового жилищного строительства в СССР / Н.Е. Лансере // Справочник по жилищному строительству. – М.: Двигатель, 1926. – С. 202.
159. Красин Г.Б. Новые планировки в жилстроительстве Моссовета / Г.Б. Красин // Строительство Москвы. – 1929. – № 5. – С. 7.
160. По мнению современных исследователей, однокомнатные квартиры в многоквартирных домах в период 1920-1930-х гг. практически не строятся (Горин С. Формирование и реализация социального заказа на массовое, доступное жилище в Москве 20 – 30-х гг. / С. Горин // Архитектура. Строительство. Дизайн. – 2001. – № 3 (25). – С. 9).
161. Иванов А.К. О жилищном строительстве промышленных предприятий (по поводу Альбома типов жилых домов) / А.К. Иванов // Строительная промышленность. – 1928. – № 6 – 7. – С. 448 – 451.
162. Там же. – С. 449.
163. Красин Г.Б. Новые планировки в жилстроительстве Моссовета... Указ. соч. – С. 4 – 5.
164. Там же. – С. 4.
165. Там же. – С. 6.
166. В разработке проектных и текстовых материалов принимали участие: Айзикович С.Я., Алексеев Ю.Г., Антипов П.И., Антонов П.П., Волков Н.А., Вольфензон Г.Я., Воейков В.В., Вульфсон А.С., Вутке О.А., Галиевский А.А., Ефимов А.И., Запорожец И.К., Звягинский Я.Я., Иванов А.К., Ильинская С.А., Какорин В.Д., Кожин С.Н., Кудрявцев И.Н., Марковников Н.В., Мапу Г.Д., Мешков А.И., Морозов Н.М., Осипов Д.П., Патек В.В., Пашков С.В., Рерберг И.И., Рухлядев А.М., Серк Л.А., Щербаков Н.С. (Проекты рабочих жилищ. – М.: Изд-во Центр. коммер. банка, 1929. – С. 11).
167. Это предполагает создание такого проекта, который предусматривал бы удобное распределение комнат под потребности нескольких семей, с возможностью изоляции комнат (Там же. – С.10). То есть, исключение проходных комнат, с созданием такой планировки, которая позволяла бы либо предоставить каждой семье по отдельной комнате, либо объединить две комнаты (в 3-4-комнатной квартире) для вселения многодетной семьи так,

чтобы каждая семья имела отдельный вход в свою комнату из общего коридора или прихожей.

168. Там же. – С. 10.
169. Иванов А.К. Указ. соч. – С. 449.
170. Расширенное заседание пленума Стройкома прошло 26 ноября 1928 г. // Современная архитектура. – 1929. – № 1. – С. 1.
171. Современная архитектура. – 1929. – № 1. – С. 10.
172. Там же. – С. 10 – 11.
173. Там же. – С. 11.
174. Причем решение это, как и само создание Секции Типизации, было принято во многом благодаря усилиям председателя Стройкома В. Вельмана.
175. «Эксперимент включал в себя такие стадии, как анализ существующих типов зданий, научные исследования, разработку новых типов ячеек и приемов связи жилой и коммунальной части дома, разработку новых типов конструкций и методов возведения зданий, создания проектов конкретных зданий, строительства домов. К сожалению, в дальнейшем условия эксперимента оказались нарушенными: коммунальные помещения или не функционировали или функционировали не в соответствии с проектом, состав семьи не соответствовал типам жилых ячеек. Это не дало возможность сделать объективные выводы о результатах эксперимента: о жизнненности или, наоборот, неприемлемости тех или иных форм обобществления быта, об экономической эффективности, рассчитанных на посемейное заселение малометражных квартир, о потребительских качествах использованного в них специально разработанного бытового оборудования и т.п.» (Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда... Указ. соч. – С.367).
176. СУ РСФСР. 1927. Отдел первый. № 118, ст. 800.
177. Там же. – С. 1518.
178. «О конкретных мероприятиях по снижению стоимости строительства путем рационализации проектирования, применения облегченных конструкций, уменьшения норм нагрузок и запасов прочности»: инструкция Строительной комиссии РСФСР // Наше строительство. – 1929. – № 4 – 5. – С.115 – 123.
179. Там же. – С. 115.
180. Наше строительство. – 1930. – № 1 – 2. – С. 5 – 43.
181. А затем и в рабочих поселках, которые власть также рассматривает как пролетарские центры, только меньшего масштаба – своеобразные «недогорода» – по численности населения и спектру обслуживания, но способные органично перерасти в полноценный город при росте градообразующего предприятия.
182. Типовые проекты и конструкции жилищного строительства, рекомендуемые на 1930 г. – М., 1929. В разработке проектных и текстовых материалов, опубликованных в сборнике-альбоме, принимали участие М.О. Барш, В.И. Вегман, И.И. Вerezубов, В.Н. Владириров, М.Я. Гинзбург, И.С. Гуревич, Н.А. Красильников, Эль Лисицкий, С.В. Орловский, А.Л. Пастернак.

183. Постановление Пленума Строительной комиссии ЭКОСО РСФСР «Об опубликовании сборника-альбома типовых проектов и конструкций жилищного строительства и о применении их в строительстве при проектировочных работах» принято на основании Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 31 декабря 1928г. и ЭКОСО РСФСР от 23 мая 1929г.
184. Типовые проекты и конструкции жилищного строительства, рекомендуемые на 1930 г.: офиц. изд. Строительной комиссии ЭКОСО РСФСР. – М.: Гостехиздат, 1929. – С. 4.
185. Там же. – С. 68; 70.
186. Там же. – С. 73.
187. Там же. – С. 78.
188. Строительство Москвы. – 1930. – № 1. – С. 40.

2. Социалистический город – уникальный тип градостроительной системы в условиях советской государственности

1. В решениях XV съезда ВКП (б), одобдившего проведенную Политбюро ЦК ВКП(б) работу по подготовке страны к обороне.
2. Поиск и выделение таких территориальных единиц (или территорий, имеющих тенденцию к формированию таких единиц) с учетом всех названных выше условий называется «экономическим территориальным делением». Правда, «экономическим» подобное деление можно назвать лишь условно, поскольку по сути своей оно таковым не является. Собственно «экономическое» содержание появляется лишь тогда, когда возникает задача территориально очертить границы партийного руководства конкретной хозяйственно-производственной системой.
3. Т. е. требованию сомасштабности размеров территории и «плотности» партийных организаций (численности членов партии), а также соразмерности партийной и беспартийной частей населения.
4. «...старое административно-территориальное деление на губернии, уезды и волости уже устарело и многие территории, принадлежащие к различным административным округам, давно экономически тяготеют друг к другу» (Вопросы экономической географии. – М.: ОГИЗ-СОЦГИЗ, 1934. – С. 188).
5. Вопросы экономической географии. – С. 162.
6. Там же.
7. Там же. Соответственно границы создаваемых административно-территориальных районов должны обеспечивать «развитие главнейших отраслей промышленности данного района».
8. «... организационное проведение плана и жизнь на местах должны совпадать и территориально и организационно, так как только близко стоящие к делу люди и организации могут придавать всему делу огромную активность и конкретность ...» (Александров И.Г. Восстановление производства в России / И.Г. Александров. – М., 1924. – 21 с).

9. Вопросы экономической географии. – С. 162.
10. Там же
11. Там же.
12. Законодательно в этот список включены: «... а) денежная плата; б) квартира, отопление, освещение, водопровод; в) предметы продовольствия и потребления; г) производственная одежда, внеплановые выдачи и т.п.; д) парикмахерские, бани, театр; е) продукты с огородов и советских хозяйств; ж) все сделанные предприятиями и учреждениями затраты по организации быта и прочие услуги, предоставляемые коммунальными отделами; з) средства передвижения (билеты по железным дорогам, выделение в случае по месту работы надобности грузовых автомобилей, оплата проезда к месту работы на трамвае и проч.; ж) семейные пайки и другие дополнения к заработной плате, выдаваемые по месту работы семьям рабочих и служащих» (СУ РСФСР. 1921. Отд. 1. № 67, ст. 513. С. 629).
13. Проектирование социалистических городов. НККХ УССР // Укр. гос. ин-т проектирования городов «Гипроград»: сб. тр. – № 3. – Харьков: Гос. науч.-техн. изд-во Украины, 1935. – С. 31.
14. Там же.
15. Подробно см. раздел данного текста: «Социалистический город – новый тип управления хозяйственно-производственными процессами».
16. «Роль и реконструкция сельского хозяйства не исчерпываются, однако, только снабженческой задачей, но ведут к уничтожению противоположности между городами и деревней на базе индустриализации сельского хозяйства и реорганизации производственных отношений между городом и селом» (Малоземов И. Большое Запорожье / И. Малоземов // Сов. архитектура. – 1932. – № 5 – 6. – С. 76).
17. Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921 – 1941 / Л. Самуэльсон. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 108.
18. См. сноску 2.
19. До этого времени проекты поселений при возводимых заводах, разрабатываемые промышленными ведомствами, являлись проектами именно рабочих поселков. Так, Гипромез, проектируя поселения для рабочих и служащих подле своих промышленных предприятий (завод сельскохозяйственного машиностроения в Ростове-на-Дону, вагоностроительный завод в Нижнем Тагиле и др.), предусматривал строительство рабочих поселков-садов (Глазырин В.А. Поселки-сады и поселки на путях сообщения: сб. Ленингр. ин-та инженеров путей сообщения / В.А. Глазырин. – Л.: Изд. Ленингр. ин-та путей сообщения, 1929. – Вып. II. – С. 130; Гос. ин-т по проектированию металлзаводов. Вагоностроительный завод в Нижнем Тагиле (проект). – Л.: Изд-во ин-та по проектированию новых металлзаводов, 1927. – С. 8; 43).
20. Глазырин В.А. Поселки-сады и поселки на путях сообщения: сб. Ленингр. ин-та инженеров путей сообщения / В.А. Глазырин. – Л.: Изд. Ленингр. ин-та пу-

- тей сообщения, 1929. – Вып. II. – С. 120.
21. Глазырин В.А. Поселки-сады и поселки на путях сообщения / В.А. Глазырин. – Л., 1928 – 1929. – С. 14; 52.
22. Государственный институт по проектированию металлзаводов. Вагоно-строительный завод в Нижнем Тагиле (проект). – Л.: Изд-во ин-та по проектированию новых металлзаводов, 1927. – С. 43. Следствием постоянного изменения расчетной численности населения проектируемых рабочих поселков и соцгородов, а также фактической численности населения существующих городов оказывается появление в этот период значительного числа научно-теоретических работ – статей, книг, сборников научных трудов, отражающих влияние на проектные работы постоянного изменения расчетной численности населения проектируемых городов (Бесчастнов И. О планировке и застройке городов / И. Бесчастнов // Жилищно-кооперативное строительство. – 1926. – № 13 – 14. – С. 24 – 25; Планировка городов // Коммунальное дело. – 1926. – № 1. – С. 65; Планировка и расширение городов // Коммунальное дело. – 1926. – № 6. – С. 54 – 55; Планировка городов // Коммунальное дело. – 1926. – № 9. – С. 52; Планировка городов // Коммунальное дело. – 1926. – № 21 – 22. – С. 93; Планировка городов: Артемовск // Коммунальное дело. – 1926. – № 21 – 22. – С. 93; Планы застройки городов // Коммунальное дело. – 1927. – № 5. – С. 79; Планы и планировка: Харьков // Коммунальное дело. – 1927. – № 8. – С. 68; Планировка и расширение городов: Харьков // Коммунальное дело. – 1928. – № 12. – С. 81; Планировка // Коммунальное дело. – 1928. – № 1. – С. 74; Планы и планировка: Запорожье // Коммунальное дело. – 1928. – № 8. – С. 67; Колычев А. Город прошлого и будущего: социал.-эконом. очерк / А. Колычев // Сов. строительство. – 1928. – № 10. – С. 37 – 49; Планировка: Киев // Коммунальное дело. – 1929. – № 3. – С. 69; Планировка: Харьков // Коммунальное дело. – 1929. – № 3. – С. 82; Пыжов Н. Советский город завтра: картины ближайшего развития / Н. Пыжов. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. и др.).
23. Подробнее см.: Меерович М.Г. Рождение и смерть города-сада: градостроительная политика в СССР. 1917 – 1926 (от идеи поселения сада к советскому рабочему поселку) / М.Г. Меерович. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2006 (рукоп.).
24. Одноквартирный дом предполагал наличие придомового участка для сада и огорода, а также развернутой системы хозяйственных служб, включавшей службы для домашнего скота – коров, свиней и т.п. (Бархин Б. Г. Со временные рабочие жилища: материалы для проектирования и плановых предположений по строительству жилищ / Б.Г. Бархин. – М.: Изд-во «Вопр. труда», 1925. – С. 62).
25. В нормативных документах конца 1923 г. участки предписывалось отводить площадью до 300 кв. сажен каждый, что составляло 1350 кв. м (Инструкция НКВД и НКЮ. № 381 от 5 нояб. 1923 г. по применению права застройки земельных участков // Бюл. НКВД. – 1923. – № 27. – 19 нояб.

26. Хазанова В.Э. Советская архитектура первых лет Октября. – С. 97.
27. Так, например, согласно инструкции НКВД «О праве застройки земельных участков» предписывается размеры участков принимать в 150-200 кв. саженей, что в 3-5 раз превышает европейские нормы того времени («О праве застройки земельных участков»: Инструкция НКВД и НКЮ по применению постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 14 августа 1922 г. (Правда. – 1923. – № 122. – 6 июня); Жилищное законодательство: сб. декретов, распоряжений и постановлений центральной и местной власти. – М., 1924. – С.25 – 29; Инструкция НКВД и НКЮ. № 381 от 5 нояб. 1923 г. по применению права застройки земельных участков // Бюл. НКВД. – 1923. – № 27; «О порядке составления, рассмотрения и утверждения проектов планировки городских поселений и рабочих, дачных и курортных поселков»: Инструкция НКВД от 28 мая 1928 г. // Бюлл. НКВД. – 1928. – № 21. «В новейших поселках Запада ... площадь усадьбы, приходящейся на одну квартиру, в зависимости от ее размеров, т.е. от числа членов проживающей в ней семьи, хозяйственных строений и способа использования участка, колеблется от 175 до 275 кв. м., т. е. от 40 до 60 кв. сажен. В Англии эта площадь больше, нежели в немецких поселках; здесь на каждую квартиру отводится от 50 до 120 кв. сажен» (Бархин Б. Г. Современные рабочие жилища: материалы для проектирования и плановых предположений по строительству жилищ / Б.Г. Бархин. – М.: Изд-во «Вопр. труда» – 1925. – С. 33).
28. Хазанова В.Э. Советская... Указ. соч. – С. 97.
29. Однако такой решительный запрет индивидуального приусадебного участка не характерен для большинства советских проектов городов-садов и поселков-садов. (Там же. – С. 58).
30. А также вытекающий из этого вопрос о плотности застройки.
31. Т.е. рационального устройства транспорта и, соответственно, системы улиц и магистралей.
32. Автором данной статьи является Л.М. Сабсович. Она представляет собой изложение его доклада, сделанного на заседании Индустриально-технической и социально-культурной секций Московского отделения ВАРНИТСО (Всесоюзная ассоциация работников науки и техники содействия социалистическому строительству). (Хазанова В.Э. Советская архитектура первой пятилетки. – М.: Наука, 1980. – С. 44; 132). Статьи, книги, выступления, раскрывающие позицию Л. Сабсовича, имели несравненно более широкую популярность, нежели позиции других участников дискуссии и, в частности, еще одного ее активного участника – М. Охитовича, сотрудничавшего с Объединением современных архитекторов (ОСА), и поэтому публично зафиксировавшего свою позицию именно в органе ОСА – журнале «Современная архитектура» (1929. – № 4) статьей «К проблеме города». Большинство участников дискуссии выносили свои суждения по поводу того, что было провозглашено Л. Сабсовичем и М. Охитовичем.
33. В частности, заседания Комакадемии, посвященные обсуждению доклада М. Охитовича, проходили 31 октября и 6 ноября 1929 г. (Гинзбург М. Со-

- циалистическая реконструкция существующих городов / М. Гинзбург // Революция и культура. – 1930. – № 1. – С. 50 – 53).
34. Коммунистическая академия ЦК ВКП (б) с 1918 по 1936 гг. была высшим учебным и научно-исследовательским учреждением по общественным и естественным наукам. Под названием «Социалистическая академия общественных наук» она была основана Декретом ВЦИК РСФСР от 25 июня 1918 г. в Москве и официально открыта 1 октября того же года. С апреля 1919 по апрель 1924 гг. называлась «Социалистическая академия». В апреле 1924 г. переименована в Коммунистическую академию. 2 февраля 1936 г. «в целях объединения в одном государственном научном центре деятелей науки» институты и сотрудники Комакадемии были введены в состав Академии наук СССР (Из истории советской архитектуры 1926 – 1931 гг. Документы и материалы. Творческие объединения. – М.: Наука, 1970. – С. 137).
35. Мордвинов А. Строительство новых городов / А. Мордвинов // Литература и искусство. – 1930. – № 1. – 139 – 149.
36. Охитович М. Заметки по теории расселения / М. Охитович // Совр. архитектура. – 1930. – № 1/2. – С. 7 – 16; Барш М.О. / М.О. Барш, М.Я. Гинзбург // Современная архитектура. – 1930. – № 1/2. – С. 20 – 37; Барш М. Марнитогорье: к проблеме генплана / М. Барш, В. Владимиров, М. Охитович, Н. Соколов // Совр. архитектура. – 1930. – № 1/2. – С. 39 – 56; Пастернак А. Споры о будущем города / А. Пастернак // Совр. архитектура. – 1930. – № 1/2. – С. 57 – 62.
37. Зиновьев Г. От утопии к действительности / Г. Зиновьев // Революция и культура. – 1930. – № 1. – С. 4 – 10; Черня И. Города социализма / И. Черня // Революция и культура. – 1930. – № 1. – С. 11 – 16; Зеленко А. Город ближайших лет / А. Зеленко // Революция и культура. – 1930. – № 1. – С. 29 – 34; Гинзбург М. Социалистическая реконструкция существующих городов / М. Гинзбург // Революция и культура. – 1930. – № 1. – С. 50 – 53; Луначарский А. Современное оформление социалистических городов / А. Луначарский // Революция и культура. – 1930. – № 1. – С. 59 – 61 и др.
38. Сабсович Л.М. Новые пути в строительстве городов / Сабсович Л.М. // Строительство Москвы. 1930. – №1. – С. 3 – 5; Зеленко А.У. Проблема строительства социалистических городов / А.У. Зеленко // Строительство Москвы. – 1930. – №1. – С. 5 – 9; Охитович М. Отчего гибнет город? / М. Охитович // Строительство Москвы. – 1930. – №1. – С. 9 – 11; Пузис Г. Пути нового расселения / Г. Пузис // Строительство Москвы. – 1930. – № 1. – С. 11 – 14; Вerezубов И. К вопросу о проблеме социалистического города / И. Вerezубов // Строительство Москвы. – 1930. – № 1. – С. 13 – 16; Петров М. К планировке новой Москвы / М. Петров // Строительство Москвы. – 1930. – № 1. – С. 16 – 17; Ладовский Н. Москва «историческая» и социалистическая / Н. Ладовский // Строительство Москвы. – 1930. – № 1. – С. 17 – 20; Красин Г. Основные проблемы планировки Москвы / Г. Красин // Строительство Москвы. – 1930. – №1. – С. 21 – 23; Заславский А. Против

- искривления классовой линии в строительстве социалистических городов / А. Заславский // Строительство Москвы. – 1930. – № 1. – С. 24 – 25 и др.
39. Использовать проекты утопистов // Правда. – 1929. – 2 дек. – С. 2; Туров В. Старые штампы и новые выкрутасы: поставить проектировку под контроль масс (Там же. – С.2); Социалистическая перестройка быта: организация общественного питания // Правда. – 1929. – 9 дек. – С. 4.; Социалистическая перестройка быта: жилищное строительство // Правда. – 1929. – 12 дек. – С.2.; Социалистическая перестройка быта: новый быт и новая индустрия // Правда. – 1930. – 2 янв. и др.
40. Хвесин Т. Строительство социалистических городов / Т. Хвесин // Изв. ЦИК. – 1930. – 30 янв. – С.5.
41. № 211 от 13 сент. 1929 г.; № 289 от 15 дек. 1929 г.; № 301 от 31 дек. 1929 г.; №7 от 9 янв. 1930 г.; № 11 от 14 янв. 1930 г.; № 15 от 18 янв. 1930 г.; № 69 от 26 марта 1930 г.; № 77 от 4 апр. 1930 г.; № 151 от 28 июня 1930 г. и др.
42. Охитович М. Не город, а новый тип расселения / М. Охитович // Экономическая жизнь. – 1929. – 7 дек. – С. 3; Гинзбург М.Я. Социалистическое расселение: децентрализация крупнейших городов / М.Я. Гинзбург // Экономическая жизнь. – 1929. – 7 дек. – С. 3.; Гольцман А. На путях коллективизации быта / А. Гольцман // Экономическая жизнь. – 1929. – 7 дек. – С. 3.
43. № 18 от 22 янв. 1930 г.; №25 от 31 янв. 1930 г. и др.
44. № 273 от 27 нояб. 1929 г.; № 276 от 30 нояб. 1929 г.; № 280 от 5 дек. 1929 г.; № 283 от 9 дек. 1929 г.; № 289 от 16 дек. 1929 г.
45. О работе по перестройке быта: Постановление ЦК ВКП (б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 – 1986). – М.: Политиздат, 1984. – Т. 5. – С. 118 – 119.
46. Там же. – С. 119.
47. Одно лишь заседание в мае 1930 г. в Комакадемии собрало более чем тысячную аудиторию (К проблеме соцгорода // Вестн. Ком. акад. – 1930. – № 42. – С. 109).
48. Хазанова В.Э. Советская архитектура первой пятилетки / В.Э. Хазанова. – М.: Наука, 1980. – С. 97; 131.
49. Он принимал непосредственное участие в разработке генерального плана строительства социализма; его предложения были приняты и использованы Комиссией генерального плана Госплана СССР. По указанию Бюро экономических исследований ВСНХ СССР Л. Сабсович осуществлял разработку «типового проекта поселения последовательно социалистического типа» (Хазанова В.Э. Советская архитектура первой пятилетки. – С. 132).
50. Имеется в виду работа Л.М. Сабсовича «СССР через 15 лет. Гипотеза генерального плана построения социализма в СССР» (М.: Плановое хозяйство, 1929. – 191 с.).
51. «... обращусь теперь непосредственно к концепциям, развитым тов. Ковалевским и Сабсовичем. Нам, прежде всего, приходится выразить им благо-

дарность за те рабочие гипотезы генплана, которые развиты ими каждым по своему» (Кржижановский Г.М. К дискуссии о генплане (переработанная стенограмма речи на Всесоюзном совещании плановых и статистических органов СССР (февраль 1930 г.) / Г.М. Кржижановский // Плановое хозяйство. – 1930. – № 2. – С. 7).

52. Например, Г. В. Пузис.
53. Кстати, несмотря на то, что М. Охитович являлся сотрудником Госплана РСФСР (Хазанова А.Э. Советская архитектура первой пятилетки. – С. 53), столкновения и противостояния позиций Госплана СССР и Госплана РСФСР не происходило. Прежде всего потому, что они совпадали в главном – стремлении практически воплотить концептуально-теоретические постулаты государственно-расселенческой доктрины. В этом же совпадали и позиции «урбанистов» и «дезурбанистов». Это «общее» в дальнейшем было вычленено из материалов дискуссии и последовательно реализовано практически. А то, в чем их позиции не совпадали, оказалось при подведении итогов дискуссии раскритикованным, осужденным и отброшенным.
54. Хотя напрямую подобного словосочетания Л. Сабсович не употребляет.
55. Сабсович Л.М. Города будущего и организация социалистического быта / Л.М. Сабсович. – М.: Гос. техн. изд-во, 1929. – С. 11 – 12.
56. Там же. – С. 22.
57. Эту позицию разделяют и другие участники дискуссии (Зеленко А.У. Проблема строительства социалистических городов / А.У. Зеленко // Строительство Москвы. – 1930. – № 1. – С. 5 – 9; Пузис Г. Пути нового расселения / Г. Пузис // Строительство Москвы. – 1930. – № 1. – С. 11 – 14; Пузис Г. Прения по докладу М. Охитовича «Социалистический способ расселения и социалистический тип жилья» / Г. Пузис // Вестн. Ком. акад. – 1929. – Кн. 35/36 – С. 339 – 342; Верезубов И.В. К вопросу о проблеме социалистического города / И.В. Верезубов // Строительство Москвы. – 1930. – №1. – 14 – 16; Заславский А. Против искривления классовой линии в строительстве социалистических городов / А. Заславский // Строительство Москвы. – 1930. – №1. – С. 24 – 25) и др.
58. «Обобщественное жилье», «обобщественное питание», «обобщественное воспитание».
59. Сабсович Л.М. Новые пути... Указ. соч. – С. 3.
60. Сабсович Л.М. СССР через 15 лет. Гипотеза построения социализма в СССР / Л.М. Сабсович // Плановое хозяйство. – 1929. – № 3. – С. 6.
61. Охитович М. К проблеме города... Указ соч. – С. 134; Рысс Ц. Прения по докладу М. Охитовича «Социалистический способ расселения и социалистический тип жилья» / Ц. Рысс // Вестн. Ком. акад. – 1929. – Кн. 35/36. – С. 338 – 344.
62. Хвесин Т. Строительство... Указ. соч. – С.5.
63. «Точно так же, как теперь мы не видим ничего странного в отдельной комнате, так и в социалистических условиях никто не будет протестовать против права каждого члена общества, всякой чел.овеческой личности на

- отдельное жилье (строение) ... » (Охитович М. Социалистический способ... Указ. соч. – С. 336).
64. Бурцев К., Вартанов И, Эйхенгольц, Белоусов В. и др.
65. «Социалистический город должен удовлетворять наилучшей организации населения» (Крупская Н.К. Выступление / Н.К. Крупская // К проблеме строительства социалистического города: дискуссия в клубе плановых работников им. Г.М.Кржижановского. – М.: Плановое хозяйство, 1930. – С. 47 – 53).
66. Крупская Н.К. Выступление ... Указ. соч. – С. 51.
67. Кан И. Выступление / И. Кан // Там же. – С. 79 – 85.
68. Сторонники «аграрного» пути развития страны в целом к этому времени уже были политически разгромлены и публично осуждены, ориентация структур власти была общеизвестна, поэтому закономерен был однозначный вывод дискуссии (озвученный на заседании в клубе Госплана СССР им. Г.Кржижановского) о том, что соцгород это город исключительно индустриальный.
69. Дискуссионные собрания проходили в стенах Госплана СССР (26 окт., 26 и 29 нояб. 1929 г.) и Комакадемии ЦК ВКП (б) (31 окт., 5 нояб. 1929 г.; 20-21 мая 1930 г.) (Хазанова В.Э. Указ. соч. – С. 105). В ходе дискуссии делались и отдельные доклады, так, 22 февр. 1930 г. Ю. Ларин сделал в Комакадемии доклад о коллективизации быта, изложенный позднее в статье «Коллективизация быта в существующих городах» (Ларин Ю. Коллективизация быта в существующих городах / Ю. Ларин // Революция и культура. – 1930. – № 7. – С. 54 – 62).
70. 20 – 21 мая 1930 г.
71. Хотя оно и рассматривалось, как «бессемейное» и «лишенное домашнего хозяйства», тем не менее участники дискуссии активно критиковали его за этот призыв (см. выступления Ц. Рысса, В. Белоусова, Ложечкиной и др. в «Прения по докладу М. Охитовича Социалистический способ расселения и социалистический тип жилья» // Вестн. Ком. акад. – 1929. – Кн. 35/36. – С. 338 – 344.
72. Хотя были и иные предложения, так, Г Красин говорил о планировке города, что «... наиболее целесообразное решение должно состоять в возможно равномерном распределении промышленности, торговых и административных учреждений по всей территории города ... ».
73. Крупская Н. Города будущего... Указ. соч.
74. Луначарский А. Современное оформление социалистических городов А. Луначарский // Революция и культура. – 1930. – № 1 – С. 59 – 61.
75. «В наших социалистических городах в центре должен быть труд, должно быть производство. Предприятия должны быть не на окраине, а в центре» (Кан И. Выступление // К проблеме ... Указ. соч. С.83); «... предприятия могут быть в самом центре города ... будет фабричный кремль, вокруг которого можно будет химическим способом обезвреживать вредные газы. Может быть, существуют такие архивредные химические производства,

- которые нужно будет удалять из города. Но, думаю, будет гораздо лучше, если мы устраним целый ряд дефектов, свойственных современной их организации. В большинстве случаев этот «кремль» будет в центре» (Струмилин С.Г. Выступление / С.Г. Струмилин // К проблеме строительства социалистического города: дискуссия в клубе плановых работников им. Г.М. Кржижановского. – М.: Плановое хозяйство, 1930. – С. 74).
76. Черня И. Города социализма / И. Черня // Революция и культура. – 1930. – № 1 – С. 11 – 16.
77. Там же. – С. 11.
78. «Говоря о многоэтажном строительстве на Западе, как о наиболее экономичном, мы забываем, что эта экономичность базируется на капиталистической земельной ренте, отсутствующей в СССР (...). Мы забываем, что расходы по соцстраху связанные с антигигиеническими условиями, создающимися в больших домах, благодаря скученности и легкой передаче инфекции, не только во много раз больше мнимой экономии, достигаемой в крупноэтажном строительстве, но их с избытком хватило бы на увеличение сети дорог и другие расходы. Связанные с большими разрывами между домами и мелкоэтажным (2-3) строительством» (Кожаный П. Прения по докладу... Указ. соч. – С. 343).
79. «Правильно ли строить города и дома, рассчитанные на многие десятки лет, если знать, что очень скоро современное строительство отстанет от техники и новых возможностей и будет обречено на уничтожение динамитом» (Там же. – С. 343).
80. «... мелкоэтажное строительство и децентричное расселение имеют огромнейшую обороноспособность, и нам в ожидании грядущих боев с капитализмом этого не следует забывать» (Там же. – С. 343).
81. «Необходимо решительно перейти на производство передвижных, сборных, стандартных одно- и двухэтажных массового производства жилищ ...» (Пузис Г. Прения по докладу... Указ. соч. – С. 342).
82. Кожаный П. Прения по докладу... Указ. соч. – С. 343.
83. Там же. – С. 343.
84. Там же.
85. Хазанова В.Э. Указ. соч. – С. 75.
86. т.е. экономичной, минимальной в отношении трудозатрат, краткосрочной, повторяемой, технологизируемой и проч.
87. Населенный пункт – «одно большое сложное производство в целом, где все процессы увязаны в рациональном графике материалов и людей» (Милютин Н. К проблеме соцгорода / Н. Милютин // Вестн. Ком. акад. – 1930. – № 42. – С. 109 – 119).
88. Подробно см.: Меерович М. Г. Иностранные архитекторы в России / М.Г. Меерович, Д.С. Хмельницкий // Проектирование и строительство в Сибири. – 2004. – № 6 (24). – С. 55 – 58; Меерович М. Г. Американские и немецкие архитекторы в борьбе за советскую индустриализацию / М.Г. Меерович, Д.С. Хмельницкий // Вестн. Евразии. – № 1 (31) – 2006. –

- С. 92 – 124; Меерович М. Г. От города-сада к социалистическому поселку-саду: государственная градостроительная политика в СССР в начале-середине 1920-х гг. / М.Г. Меерович, Д.С. Хмельницкий // Проект-Байкал. – 2006. – № 7. – С. 30 – 39; Меерович М. Г. Иностранные архитекторы в борьбе за советскую индустриализацию / М.Г. Меерович, Д.С. Хмельницкий // <http://www.historia.ru/2006/01/perelom.htm>; Меерович М.Г. Иностранные архитекторы в России (исторические зарисовки о роли зарубежных архитекторов в советской архитектуре) / М.Г. Меерович, Д.С. Хмельницкий // Вестн. Иркут. гос. тех. ун-та. – 2005. – № 3 (23). – Т.2. – С. 54 – 61; Меерович М. Г. Великий организационный перелом / М.Г. Меерович, Д.С. Хмельницкий // Архитектура в истории русской культуры / отв. ред. И.А. Бондаренко. – М.: КомКнига, 2005. – Вып. 6. – С. 377 – 496.
89. С формально-композиционной точки зрения подобный принцип воплощался в линейной планировке, противопоставляемой структуре поквартальной «домовладельческой» застройки (Милютин Н. К проблеме соцгорода / Н. Милютин // Вестн. Ком. акад. – 1930. – № 42. – С. 109 – 147).
90. Хазанова В.Э. Указ. соч. – С. 108.
91. О работе по перестройке быта: Постановление ЦК ВКП (б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 – 1986). – М.: Политиздат, 1984. – Т. 5. – С. 118 – 119.
92. Там же. – С. 119.
93. Постановление указывает: «при строительстве рабочих поселков при новых крупных предприятиях (Сталинградстрой, Днепрострой, Магнитогорскстрой, Челябинстрой и др.) ... предусмотреть оборудование этих поселков водопроводом, электрическим освещением, банями, прачечными, общественными столовыми, детскими учреждениями, клубами, школами и медицинской помощью» (Там же. – С. 119).
94. Подробнее см.: Меерович М.Г. Социально-культурные основы осуществления государственной жилищной политики в РСФСР (1917-1941 гг.): дис. ... на соиск. уч. степ. д-ра ист. наук / Меерович М.Г. – Иркутск, 2004. – 659 с.
95. Вerezубов И. К вопросу о проблеме социалистического города / И. Вerezубов // Строительство Москвы. – 1930 – №1. – С. 15; Пастернак А. Споры о будущем города / А. Пастернак // Совр. архитектура. – 1930. – № 1/2. – С. 57 – 62; Пузис Г.В. Выступление... Указ. соч. – С. 39 – 43; Милютин Н.А. Соцгород: проблема строительства социалистических городов. Основные вопросы рациональной планировки и строительства населенных мест СССР / Н.А. Милютин. – М.;Л.: Гос. изд-во, 1930. – 83 с.; Михайлов А. ВОПРА-АСНОВА-САСС / А. Михайлов // Сов. архитектура. – 1931. – №3. – С. 48 – 54; Яловкин Ф. К вопросу о новом расселении / Ф. Яловкин // Совр. архитектура. – 1930. – № 3. – С. 5 – 6; Суворова Л.Н. За «фасадом» «военного коммунизма»: политическая власть и рыночная экономика / Л.Н. Суворова // Отечественная история. – 1993 – №4. – С. 48 – 59.
96. Суворова Л.Н. За «фасадом»... Указ. соч.

97. НЭП был введен в 1921 г. X съездом ВКП (б). А на XI съезде в марте 1922 г., В.И. Ленин говорил о том, что все механизмы управления продолжают работать по-старому, и если жизнь не вернулась в прежнее организационное русло, то, во всяком случае, протекает совершенно не так, как это планируется руководством страны.
98. «Структура управления промышленными предприятиями фактически вернулась к дореволюционным схемам. Заводская администрация вновь стала иерархичной (утратив все следы «рабочего контроля») и даже еще более иерархичной, нежели была, с хорошо видимой персональной властью руководителей (которые часто набирались из дореволюционных специалистов по причине их знаний и опыта), инженеры, мастера получали непрекращаемую власть над рядовыми рабочими» (Хоскинг Д. История Советского Союза 1917 – 1991 гг. / Д. Хоскинг. – М.: Вагриус, 1994. – С. 128).
99. В отчете ЦК IX съезду РКП на заседании 29 марта 1920 г. В.И. Ленин говорит о неизбежности такого решения: «чтобы управлять, надо иметь людей, умеющих управлять», «для управления, для государственного устройства мы должны иметь людей, которые обладают техникой управления, которые имеют государственный и хозяйственный опыт, а таких людей нам взять неоткуда, как только из предыдущего класса» (Цит. по: Колесников А.Н. Советское строительство / А.Н. Колесников. – М.: Изд-во Ком. акад., 1926. – С.29 – 30).
100. В своей речи на IV заседании Коминтерна 13 ноября 1922 г. В.И. Ленин при анализе ситуации в стране специально отмечает эту черту: «У нас есть теперь огромные массы служащих, но у нас нет достаточно образованных сил, чтобы действительно распоряжаться ими. На деле очень часто случается, что здесь, наверху, где мы имеем государственную власть, аппарат кое-как функционирует, но что там, внизу, где они распоряжаются, там они очень часто работают против наших мероприятий ... Придется работать в течение нескольких лет, чтобы усовершенствовать аппарат, изменить его и привлечь новые силы» (Цит. по: Колесников А.Н. Советское строительство... Указ. соч. – С. 30); см. также: Первые годы строительства в СССР: сб. ст. и воспоминаний. – М.: Стройиздат, 1968. – 328 с.
101. Меерович М.Г. Кто не работает, тот не живет – жилищная политика в СССР. 1929 – 1937 гг. / М.Г. Меерович // Проблемы земной цивилизации: сб. ст. – Иркутск: ASPrint, 2003. – Вып. 7. – Ч. 2. – С. 41 – 58; Меерович М.Г. Власть и жилище (жилищная политика в СССР в 1917-1940 гг.) / М.Г. Меерович // Вестн. Евразии. – 2003. – №1 (20). – С. 5 – 66; Меерович М.Г. Квадратные метры, определяющие сознание / М.Г. Меерович // Проект-Россия. – 2004. – № 32 (2). – С. 105 – 108; Меерович М.Г. Кто не работает, тот не живет / М.Г. Меерович // Кентавр. – 2004. – № 34. – С. 55 – 59; Меерович М.Г. Жилищная ситуация и жилищная политика в СССР в 20 – 30-е гг. / М.Г. Меерович // Вестн. Иркут. гос. техн. ун-та. – 2003. – № 3 – 4 (15 – 16). – С. 97 – 102; Меерович М.Г. Жилищная политика в СССР: уро-

- ки истории / М.Г. Меерович // Проектирование и строительство в Сибири. – 2004. – № 1 (19). – С. 41 – 44).
102. Архивы России. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга: путеводитель. – В 2 т. – М., 2002. – Т. 2. – С. 550 – 551.
103. Там же. – С. 113.
104. Там же. – С. 550 – 551.
105. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства – 1917. – № 12. – Ст. 179. Обращение НКВД от 24 дек. 1917 г. «Ко всем советам рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов. Об организации местного самоуправления». – С. 187.
106. Не взирая на хозяйственные диспропорции, расстройство финансово-денежных отношений и экономической неэффективности распределительной системы.
107. Экономическое равновесие перемещается в «волевую сферу» и переходит в зону ответственности аппарата управления (плановых, статистических, законодательных, финансовых, торгово-заготовительных, контролирующих и проч. инстанций) планово-распределительной, военномобилизационной экономикой, которая в 1926 – 1927 гг. обретает приоритетное значение и становится основой разрабатываемых планов индустриализации страны. В декабре 1927 г. XV съезд ВКП (б) определяет основные стратегические принципы развития страны: а) индустриализация есть вопрос обороноспособности; б) пятилетний план развития народного хозяйства должен обеспечить, прежде всего, развитие военно-промышленного комплекса; в) районирование промышленности должно соответствовать требованиям безопасности; общий план развертывания промышленности должен обеспечить развитие «узких мест в хозяйстве и обороне» (авто и тракторостроение, химия и т.п.) (XV съезд ВКП (б). Дек. 1927 г. Стеногр. отчет. – М., 1962. – Т.2. – С. 993 – 994).
108. Особыми распоряжениями правительства регулируются взаимоотношения между профсоюзами и администрацией, исключающие забастовки и санкционирующие «вызванные производственной необходимостью» увольнения рабочих и служащих, а также перемещения («направления») их в определяемые властью места работы. Начинает формироваться законодательство, обеспечивающее комплектование кадров предприятий по принципу обязательной трудовой повинности, использующее жилище в качестве средства принуждения к труду, и т.д.
109. «Проблема «социалистического города» – большая классовая проблема. Было бы нелепо сводить ее к проблеме «быта» или «новых жилищ». Она неизмеримо шире. Речь идет о перестройке всего жизненного уклада трудящихся, о подъеме их благосостояния, о новых общественных отношениях и связях, о создании нового человека. Новых навыков и психологии» (Черня И. На землю... Указ. соч. – С. 35).
110. Вспомним положения теории А. Вебера.
111. Кржижановский Г.М. К теории и практике... Указ. соч. – С. 17.

112. Охитович М. Социалистический способ расселения и социалистический тип жилья / М. Охитович // Вестн. Ком. акад. – 1929. – Кн. 35/36. – С. 334. «Структура жилища (например, деление жилищ на комнаты) вытекает в свою очередь из факта разделения труда внутри жилища» (Там же. – С. 334).
113. Так например, дезурбанист М.Гинзбург дополняет свои дезурбанистические предложения по реконструкции Москвы «одним из основополагающих тезисов урбанистов» (см. Хазанова В.Э. Указ. соч. – С. 237). «М. Гинзбург и М. Барщ ... создавали один из населенных пунктов только еще нарождающейся системы московской агломерации, пользуясь приемами двух противоположных градостроительных схем – дезурбанистической и урбанистической, на которых и был основан их проект Зеленого города как «опыт социалистического расселения» (Там же. – С. 241).
114. Сабсович Л.М. Новые пути в строительстве городов / Л.М. Сабсович // Строительство Москвы. – 1930. – № 1. – С. 3.
115. Сабсович Л. Новые пути ... Указ. соч. – С. 4.
116. На эту парадоксальность предложений Л. Сабсовича указывает В.Э.Хазанова (Хазанова В.Э. Советская архитектура... Указ. соч. – С. 46).
117. Охитович М. «Марксистская» защита коммунального социализма / М. Охитович // Современная архитектура. – 1930. – № 5. – С. 12.
118. Охитович М. К проблеме города / М. Охитович // Совр. архитектура. – 1929. – № 4. – С. 130 – 134.
119. Охитович М. Социалистический способ расселения и социалистический тип жилья / М. Охитович // Вестн. Ком. акад. – 1929. – Кн. 35/36. – С. 335, 337. (доклад М. Охитовича, зачитан в Кооперативной секции Комакадемии 1 октября 1929 г.).
120. Прения по докладу М. Охитовича «Социалистический способ расселения и социалистический тип жилья» // Вестн. Ком. акад. – 1929. – Кн. 35/36. – С. 335,336.
121. Советская архитектура. – 1931. – №1 – 2. – С. 97 – 102.
122. Сабсович Л. М. СССР через 15 лет. Указ. соч.; Охитович М. К проблеме города ... Указ. соч.; Охитович М. Социалистический способ ... Указ. соч.
123. Пузис Г. О новом способе расселения / Г. Пузис // Революция и культура. – 1930. – № 7. – С. 52.
124. Вестн. Ком. акад. – 1930. – № 42.
125. Цит. по: Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда: В 2 кн. / С.О. Хан-Магомедов. – М.: Стройиздат, 2001. – Кн. 2: Социальные проблемы. – 712 с.
126. Заметим, что практическая реализация концепции социалистического расселения и возведения новых городов близ промышленных производств, а также жилищное строительство в реконструируемых существующих городах, осуществлявшиеся после запрещения и закрытия дискуссии о социалистическом расселении (в период 1931 – 1932 гг.), даже в своих наилучших показателях не дотягивали до наихудших опасений авторов статьи,

хотя проектирование жилища в соцгородах и осуществлялось по расчетным показателям: 6 кв. м жилой площади на чел., реальный средний показатель площади на душу населения, проживающего в бараках, вследствие полного отсутствия какого-либо иного жилища составлял, например, в Магнитогорске 3,68 кв. м, в землянках – 3,7 кв. м; в во вновь возводимом жилье в существующих городах – 4,4 – 4,5 кв. м на чел.

127. Конечно, они подчеркивают и различие своих представлений: «мы выступаем против конкретных проектов дезурбанистов, предлагающих как систему расселения рассеяние индивидуальных домиков (...). Мы выступаем против перепрыгивания через реальные условия (...). Мы выступаем против сквозящего в проектах дезурбанистов фетишизирования природы ...» (Хан-Магомедов О.С. Архитектура... Указ соч. – С. 208).
128. АСНОВА. Ассоциация новых архитекторов // Сов. архитектура. – 1931. – № 1 – 2. – С. 44 – 45; Декларация Всероссийского архитектурного научного общества при профсоюзе строителей // Современная архитектура. – 1930. – № 3. – С. 1; Декларация Объединения архитекторов-урбанистов (АРУ) // Сов. архитектура. – 1931. – № 1 – 2. – С. 19 – 20; Декларация Объединения молодых архитекторов // Современная архитектура. – 1928. – № 1. – С. 39; Декларация Объединения пролетарских архитекторов // Строительство Москвы. – 1929. – № 8. – 25 – 26; Декларация художественного объединения «Октябрь» // Современная архитектура. – 1928. – № 3. – С. 73 – 74; Пузис Г. О новом способе расселения / Г. Пузис // Революция и культура. – 1930. – № 7. – С. 46 – 53; Михайлов А. ВОПРА – АСНОВА – САСС. К вопросу об идейно-методологических разногласиях / А. Михайлов // Сов. архитектура. – 1931. – № 1 – 2. – С. 73 – 77; Мордвинов А. ВОПРА. Всесоюзное объединение пролетарских архитекторов / А. Мордвинов // Сов. архитектура. – 1931. – № 1 – 2. – С. 65 – 66; Программно-идеологическая установка сектора АСНОВА // Сов. архитектура. – 1931. – № 1 – 2. – С. 46 – 47; САСС (Сектор архитекторов социалистического строительства): на новом этапе: тез. // Сов. архитектура. – 1931. – № 1 – 2. – С. 99 – 102; и др.
129. В Постановлении «О работе по перестройке быта», опубликованном 29 мая 1930 г.
130. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Избранные сочинения. – В 9 т. – М.: Политиздат, 1985. – Т.3. – С. 152 – 153.
131. Как и соответствующие типы поселений, отвергнутые в ходе дискуссии о соцрасселении.
132. «... уничтожение разрыва между городом и деревней ... условием его является возможно более равномерное распределение крупной промышленности по всей стране» (Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 20. – С. 308).
133. Создание общества, способного «... установить гармоничное сочетание

- своих производительных сил по единому плану», общество, способное «позволить промышленности разместиться по всей стране так, как это наиболее удобно для ее развития и сохранения, а также для развития прочих элементов производства» (Энгельс Ф. Анти-Дюринг... Указ. соч. – С. 238 – 239).
134. «тесная связь промышленного и земледельческого производства наряду с необходимым для этого расширением средств сообщения ...» (Энгельс Ф. К жилищному вопросу / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 18. – С. 277.).
135. Именно таким образом мыслилось вырвать деревенское население из идиотизма сельской жизни (Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 4. – С. 428).
136. «... равномерное распределение крупной промышленности по всей стране» и «... равномерное распределение населения по всей стране» (Энгельс Ф. К жилищному вопросу... Указ. соч. – С. 277). Госплан СССР в программном документе «Перспективы развертывания народного хозяйства на 1926/27 – 1930/31 гг.» утверждает: «Стихийное притяжение к себе крупных городских центров неизбежно будет вести к дальнейшему скоплению населения в немногих, наиболее перегруженных и перенаселенных городах-левиафанах. Плановый подход требует от нас решительного противодействия этой стихии. Мы должны планировать не на дальнейший гипертрофический рост немногих центров, а на децентрализацию и, возможно, равномерное распределение новых промышленных поселений по всей стране» (Цит. по: Колычев А. Город прошлого и будущего / А. Колычев // Сов. строительство. – 1928. – № 10 (27). – С. 38).
137. «Некоторые наши горе-теоретики социалистического города оказались полностью в плену капиталистического города, от которого они отталкивались по методу худосочных буржуазных реформаторов, рассуждая по весьма своеобразному «диалектическому» методу: это – зло, следовательно, противоположное будет добром» (Светлов Ф. Социалистический город в бесклассовом обществе / Ф. Светлов, С. Горный // Плановое хозяйство. – 1934. – № 2. – С. 158).
138. Крупская Н. Города будущего / Н. Крупская // Комсомольская правда. – 1929. – № 289. – 15 дек.
139. Там же. – С. 163.
140. Из резолюции Пленума ЦК ВКП (б) 15 июня 1931 г. по докладу т. Л.М.Кагановича о городском хозяйстве (Цит. по: Боровой А.А. Планировка городов Московской области: работы сектора планировки Московского областного проектного треста за 1925 – 1933 гг. / А. Боровой. – М.: Госстройиздат, 1933. – С. 3).
141. Светлов Ф. Социалистический город... Указ. соч. – С. 160.
142. Герус Л.Ф. Социалистическая реконструкция городов / Л.Ф. Герус. – М.: Сов. законодательство, 1931. – С. 27.

143. Там же. – С. 25 – 26.
144. Там же. – С. 25.
145. Там же.
146. Обеспечение расчетной численности трудовых ресурсов новых городов за счет организации искусственных миграций является важной составляющей процесса соцрасселения.
147. Пузис Г. О методах исчисления населения в планировке населенных мест / Г. Пузис // Сов. архитектура. – 1931. – № 3. – С. 4.
148. Обеспечение поступления этого «потребного количества» с конца 20-х гг. будет обеспечиваться за счет: а) искусственных миграций; б) целенаправленного переселения; в) использования естественной активности молодежи; г) служебного командирования; д) направления по воинским приказам и проч.
149. Пузис Г. О методах исчисления ... Указ. соч. – С. 5.
150. Милютин Н. Основные вопросы жилищно-бытового строительства / Н. Милютин // Сов. архитектура. – 1931. – № 1 – 2. – С. 2 – 4.
151. Глазырин В.А. Поселки-сады и поселки на путях сообщения / В.А. Глазырин... Указ. соч.
152. Формула расчета еще содержит «старую» компоненту – «прирост населения», но трактует ее уже в соответствии с новым пониманием – как потребность в дополнительной рабочей силе в результате расширения градообразующего предприятия.
153. То есть основного производственного предназначения «в зависимости от характера и размера того конечного, узлового или транзитного, проходного пункта железнодорожного, водного, шоссейного или воздушного пути сообщения, для нужд которого проектируется новый населенный пункт» (Там же. – С. 42).
154. Там же. – С. 42.
155. Когда они начинают трудиться на заводах наравне с мужчинами.
156. Эти же цифры приводит Л. Сабсович в своей статье «Почему мы должны и можем строить социалистические города?» (Революция и культура. – 1930. – № 1. – 17 – 28).
157. Милютин Н. Основные вопросы жилищно-бытового строительства / Н. Милютин // Сов. архитектура. – 1931. – № 1 – 2. – С. 4.
158. Не только рабочих, но и служащих.
159. Этот принцип законодательно зафиксирован серией постановлений ЦИК и СНК СССР о паспортной системе и прописке.
160. «Скорость исчезновения как класса неработающих групп населения определяется так называемым «коэффициентом пролетаризации». В случаях проектирования новых социалистических городов, где неработающего населения не будет, применение этого коэффициента необходимо опустить» (Первая Всесоюзная конференция по планировке и строительству городов: тез. докл. на секциях / под ред. Ф.В. Попова, Н.Д. Ефремова, А.М. Борщевского. – М.: Власть советов, 1933. – С. 134). Заметим, что для старых (су-

ществующих) городов «... руководством является решение XVII Партконференции о ликвидации классов в течение второй пятилетки, в связи с чем коэффициент пролетаризации уже в 1938 г. должен быть равен нулю» (Там же. – С. 134).

161. Представитель Гипрограда УССР в своем выступлении на Первой всесоюзной конференции по планировке и строительству городов (Москва, 1933 г.) так характеризовал данный методологический принцип: «Руководящей идеей методологии (...) является разделение населения каждого города на градообразующую и градообслуживающую части, из которых первая является производной промышленной базы города, а вторая может быть определена, исходя из ряда принятых установок» (Там же).
162. Поскольку мужчины и женщины задействованы в производительном труде в одинаковой степени, постольку они входят единым показателем.
163. Государственный институт по проектированию металлостроительных заводов. Вагоностроительный завод в Нижнем Тагиле (проект). – Л.: Изд-во ин-та по проектированию новых металлостроительных заводов, 1927. – С.42.
164. СССР. ВСНХ. Главное управление металлической промышленности. Государственный институт по проектированию новых металлических заводов. Северо-Кавказское отделение. Новый завод сельскохозяйственного машиностроения в Ростове-на-Дону: изд. Северо-Кавказского отд-ния Гипромеза. – Л.; Ростов н/Д, 1927. – С.53 – 58.
165. Уральский машиностроительный завод в Свердловске (Проект): изд. гос. ин-та по проектированию новых металлостроительных заводов. – Л., 1928. – С. 75.
166. Магнитогорский металлургический завод (Проект): изд-ние гос. ин-та по проектированию новых металлостроительных заводов. – Л., 1929. – С. 523.
167. Там же. – С. 523 – 524.
168. Там же. – С. 525.
169. Там же.
170. Уральский... Указ. соч. – С. 75.
171. Магнитогорский... Указ. соч. – С. 524.
172. См. ниже.
173. Уральский... Указ. соч. – С. 75.
174. Магнитогорский... Указ. соч. – С. 524.
175. Первая Всесоюзная... Указ. соч. – С. 134.
176. «Градообслуживающая база города – масса трудящихся, занятая в обслуживании населения города учреждениями по оказанию разных социальных услуг» (Указ. соч. – С. 135).
177. Там же. – С. 135.
178. Первая Всесоюзная... Указ. соч. – С. 134.
179. Наличие неженатой, незамужней молодежи в расчет не берется, так как они распределяются примерно поровну на объекты градообразующей и градообслуживающей базы.
180. Первая Всесоюзная... Указ. соч. – С. 135.
181. «В 1931 г. Гипрогор отказывается от статистического метода расчета насе-

ления, основанного на учете естественно сложившихся условий и тенденций, и переходит к методу расчета «по трудовому балансу» (Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов: от творческих поисков к практике строительства / Ю.Л. Косенкова. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 13), что окончательно закрепляет поворот к «нормативному» определению состава и количества видов сооружений в городах исходя не из того, что нужно, а в соответствии с тем, что разрешено, что покажет расчет: сколько на расчетное число жителей допустимо построить объектов – кинотеатров, магазинов, больниц, школ и т.д. (см. также: Органов Л.И. Методология планировочных работ в практике Гипрогора / Л.И. Органов // Планировка и строительство городов. – 1934. – №2. – С. 10 – 16; Мотолянский С. Техничко-экономическое изучение и обоснование проектов планировки / С. Мотолянский // Планировка и строительство городов. – 1934. – №5. – С. 15 – 17). При этом новая методика все же не учитывает целый спектр категорий «рабочих рук» – контингентов силовых структур, кадров управления населенным пунктом и прилегающими территориями и др. возможных категорий. Анализируя специальную литературу, появившуюся в период 1929 – 1931 гг. и посвященную вопросам определения численности населения соцгорода, Г. Пузис пишет: «В последние два года наряду с автоматическими исчислениями населения статистическим методом путем применения старых готовых коэффициентов прироста мы имели и ряд попыток найти новые пути для разрешения этой задачи. Пока нам известны следующие работы в этом направлении: 1) М.Н. Петров «Опыт методологии построения баланса населения», исходящий из планово-хозяйственных предпосылок полного развития населенного пункта и устанавливающий численность населения на основе нормативных соотношений различных групп населения. 2) Работа Г.В. Миронова, построившего на отчетных материалах о динамике роста населения Ростова экстраполятивное исчисление населения для этого пункта к 1955 г. исходя из предпосылки замедления темпов прироста в эволюционной кривой (развивавшихся в геометрической прогрессии). 3) «Опыт исчисления населения» Зайцева, построенный на установлении взаимозависимостей и соотношений между числом лиц, занятых в основном производстве, и разных видах обслуживания. 4) «Опыт расчета населения при перепланировке существующего города» А.С. Мухина 5) «Методология перспективного исчисления населения» Д.И.Шейниса, применяемая в работах Гипрогора РСФСР» (Пузис Г. О методах исчисления населения в планировке населенных мест / Г. Пузис // Сов. архитектура. – 1931. – № 3 – С. 4).

182. О работе по перестройке быта. – Указ. соч. – С. 118.

183. Там же. – С. 119.

184. Там же.

185. ЦК указывает на экономическую и культурную отсталость как на причину, по которой нельзя «одним прыжком» перескочить через преграды на пути

- к социалистическому переустройству быта (Там же. – С. 118 – 119).
186. Там же. – С. 118.
187. Последовательным воплощением этого быта был дом-коммуна, в предельном своем варианте исключавший не только личный быт, но и семью.
188. Меерович М.Г. Как власть народ к труду приучала: жилище в СССР – средство управления людьми. 1917-1941 гг.: моногр. / М.Г. Меерович. – Stuttgart. Ibidem-Verlag, 2005. – 138 с.
189. В обоих случаях власть ставит жильцов в такие ситуации, когда им не остается ничего другого, кроме сознательной самоорганизации в целях самостоятельного восстановления жилища (в котором они живут) и принятия на себя ответственности за место своего обитания (Меерович М.Г. Рождение и смерть жилищной кооперации: жилищная политика в СССР. 1924 – 1937 гг. (социально-культурный и социально-организационный аспекты) / М.Г. Меерович. – Иркутск, 2004. – 272 с.
190. Ларин Ю. Коллективизация быта в существующих городах / Ю. Ларин // Революция и культура. – 1930. – № 7. – С. 56.
191. Там же. – С. 56.
192. Но тогда в результате текучки с одного места работы на другое коллектив жильцов скоро перестает быть «трудовым», а остается лишь «бытовым».
193. «...бытовая коммуна означает уничтожение разных размеров зарплаты для работников разной квалификации. Бытовая коммуна означает, что квалифицированный рабочий, и неквалифицированный рабочий, – все сдают весь свой заработок в коммуны полностью в общий котел и все они имеют один и тот же уровень жизни» (Там же. – С. 60).
194. Там же. – С. 61.
195. «О типе жилого дома»: Постановление Президиума Московского городского исполнительного комитета и Московского совета РК и КД от 14 июля 1932 г. // Строительство Москвы. – 1932. – № 8 – 9.
196. Там же.
197. СЗ СССР. – 1933. – Отд. 1. – № 71. – Ст. 428.
198. Необходимо подчеркнуть, что речь идет именно о «государственной» системе торговли. «Кооперативные» магазины уже давно существуют и даже активно строятся исключительно по инициативе и при непосредственном участии и контроле со стороны власти. Так, в Обращении СНК СССР, ЦК ВКП (б) и Центросоюза от 10 мая 1931 г. «О потребительской кооперации» Центросоюзу предлагается «принять все необходимые меры к тому, чтобы к осени ... были открыты новые магазины предметов питания (хлеб, мясо, птица, рыба, овощи, молочные продукты, фрукты) в количестве не менее 200 в Москве, не менее как по 150 в Ленинграде и Донбассе, не менее как по 100 в Харькове, Киеве, Ростове, Баку, Нижнем Новгороде, Иваново-Воснесенске, Тифлисе, Сталинграде, Свердловске, Одессе и Ташкенте и не менее как по 80 в других крупных городах и промышленных центрах СССР» («О потребительской кооперации. Всем партийным, советским, хозяйственным, кооперативным, профсоюзным и комсомольским организа-

- циям» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1967. – Т. 2. – С. 303).
199. «Администрация обязана ... обеспечить рабочих продуктовым и промтоварным снабжением», а «члены их семей обеспечиваются продовольствием и промтоварами ...» (СЗ СССР. – 1933. – № 18. – Ст. 100. – С. 199 – 200); «... сохраняется продовольственное и промтоварное снабжение ... иждивенческим через ... ЗРК и ОРСы ...» (СУ СССР. 1934. – Отд. 1. – № 9. – Ст. 127. – С. 128). «Приравнять библиотекарей... в отношении норм и порядка снабжения продовольствием и промтоварами – к учителям школ первой и второй ступени ...» (СЗ СССР. – 1933. – Отд. 1. – № 67. – Ст. 374. – С. 689). Для оптимизации продолжающей функционировать распределительной системы власть вводит в 1935 г. специальные талонные книжки с отрывными талонами для выдачи нормируемых продуктов (сахара, мяса, жиров, сельдей) (СЗ СССР. – 1934. – Отд. 1. – № 1. – Ст. 10. – С. 7).
200. Они в разном ассортименте развозятся по населенным местам различных категорий, по-разному распределяются по магазинам, к ним имеют неодинаковый доступ люди, занимающее разное социальное положение и т.п.
201. «Об отмене карточной системы по хлебу и некоторым другим продуктам»: Резолюция Пленума ЦК ВКП (б) от 20 нояб. 1934 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1967. – Т. 2. – С. 506 – 509; «Об отмене карточной системы по печеному хлебу, муке и крупе и системы отоваривания хлебом технических культур»: Постановление СНК от 7 дек. 1934 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1967. – Т. 2. – С. 510 – 511.
202. СЗ СССР. – 1934. – Отд. 1. – № 1. – Ст. 10.
203. СЗ СССР. – 1933. – Отд. 1. – № 71. – Ст. 428; «Об улучшении жилищного строительства»: Постановление СНК СССР от 23 апреля 1934 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1967. – Т. 2. – С. 472.
204. «Об отмене карточной системы по печеному хлебу, муке и крупе и системы отоваривания хлебом технических культур»: Постановление СНК от 7 дек. 1934 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – М., 1967. – Т. 2. – С. 511.
205. СЗ СССР. – 1935. – № 51. – Ст. 421.
206. СЗ СССР. – 1936. – № 37. – Ст. 326.
207. Колли Н. Я. Задачи советской архитектуры: докл. на Первом Всесоюзном съезде советских архитекторов. – М., 1937. – С. 17.
208. О работе по перестройке быта: Постановление ЦК ВКП (б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 – 1986). – М.: Политиздат, 1984. – Т. 5. – С. 118 – 119.
209. Слова о «некоторых работниках, скрывающих под «левой фразой» свою оппортунистическую сущность» на фоне окружающей политической ат-

мосферы, являются весьма красноречивым и недвусмысленным предупреждением (Там же. – С. 118).

210. По этому принципу в начале-середине 1930-х гг. создаются многие соцгорода. В частности, соцгород Большое Запорожье «в силу децентрализованного размещения промышленных площадок и основных пунктов трудового тяготения населения, а также в зависимости от топографических условий местности, разделенной Днепром и балками на ряд возвышенностей ... не представлял собой единого массива, а располагался в виде отдельных пятен вдоль Днепра и вблизи промплощадок, с разрывом для защитных зон зеленых насаждений между промплощадками и жилыми территориями» (Малоземов И. Большое Запорожье / И. Малоземов // Сов. архитектура. – 1932. – № 5 – 6 – С. 73).
211. В частности, официально отвергаются и сделанные в ходе дискуссии М. Охитовичем, Н. Крупской, И. Каном и др. предложения о создании комплексных аграрно-индустриальных поселений.
212. Точно так же, как и в проектах советских рабочих поселков, где композицию центра поселения тоже определял промышленный объект – электростанция, паровозное депо, фабрика и т.п., в соцгородах промышленный объект выступает смысловым центром структурного членения жилой зоны. Так, например, электростанция «Красный Октябрь», располагавшаяся в общественно-культурном центре поселка-сада в Петрограде, являлась композиционным ориентиром всей планировочной структуры поселения, на нее была ориентирована фактически вся жилая застройка (Хазанова В.Э. Сов. архитектура... – Указ. соч. – С. 55). Заметим, что в тех случаях, когда в проектах советских рабочих поселков-садов отсутствует подобное композиционное влияние производственного объекта на структуру поселения, они (именно за это) подвергаются серьезной критике. Так, например, проект поселка Каширской электростанции, не имевший центра, планировочно выделенного и зафиксированного промышленным объектом, был отклонен потому, что в отзыве отдела поселкового строительства и Бюро планировки и градостроения ВСНХ РСФСР (при рассмотрении его в январе 1922 г.) отмечалось: «план поселка не имеет архитектурного центра, каким могло бы явиться либо здание электростанции, либо наиболее значительное здание общественного характера – народный дом» (Там же. – С. 55).
213. В проекте планировки г. Коломны (расчетная численность населения – 200000 чел.), выполненным в 1931 г. группой студентов АСИ, привлеченных к работе Геодезической, инвентаризационной и планировочной Конторой Московского коммунального хозяйства (Гипконторой МОКХ), «самый видный участок при слиянии двух рек» (Оки и Москвы – М.М.) отводится под размещение промышленной зоны Коломенского и Бачмановского заводов, в частности под расширение Коломенского завода. Весь «...планировочный рисунок аффектированно подчеркивает устремленность всех элементов заселения по направлению к производству ...» (Бо-

- ровой А.А. Планировка городов Московской области: работы сектора планировки Московского областного проектного треста за 1925 – 1933 гг. / А.А. Боровой. – М.: Госстройиздат, 1933. – С. 137).
214. Как, например, соцгород Больше Запорожье, состоящий из 7 социалистических поселков–районов, численностью от 50 до 180 тыс. чел., лишь вместе «составляющих единый городской организм» (Малоземов И. Указ. соч. – С. 73): а) старый город; б) Вознесенка; в) 3 район; г) Павло-Кичкас; д) Кичкас; е) о. Хортица; ж) Бабурка. Или, например, соцгород Сталинград, состоявший из 5 социалистических поселков с расчетной численностью населения до 50 тыс. чел. (Мещеряков Н. О социалистических городах / Н. Мещеряков. – М.: ОГИЗ «Молодая гвардия», 1931. – С. 96). Сталгрэс – химия, Купоросная – лес, Город – пищевики, служащие, металл, Красный Октябрь – металл, За Мечеткой – металл.
215. Своеобразные Дворцы Советов и Дворцы Труда местного масштаба.
216. О работе по перестройке быта. Указ. соч. – С.119.
217. Вопрос членения территории соцгорода, таким образом, выливается в определение характера членения жилой зоны исходя их баланса численности территориальных партийных организаций, принципов расположения отдельных объектов (политического, социально-культурного, хозяйственного и проч. назначения) в соответствии с решаемыми управленческими и мобилизационными задачами, роли центра и т.д.
218. Некоторые проекты и теоретические предложения по формированию селитбы соцгородов трактуют жилой дом как дом-коммуну, рассчитанный на полное обобществление быта, или как жилой комплекс, предусматривающий включение элементов общественного обслуживания, или жилой дом так называемого «переходного типа», на первых этапах своей эксплуатации предполагающий наличие индивидуальных форм быта, а в дальнейшем, – переход к формам коллективного сосуществования.
219. «Квартал» как основная структурная единица жилой застройки был объявлен Постановлением ЭКОСО от 31 дек. 1927 г. «Об утверждении строительных правил и норм для постройки жилых домов в поселках на территории РСФСР» (СУ РСФСР. – 1928. – № 21. – Ст. 156). Хотя первое нормативное упоминание о квартале как планировочной единице встречается в разработанных ГУКХ НКВД и законодательно одобренных 14 марта 1925 г. (в качестве предварительного проекта) в «Правилах распланирования и застройки городов» (Боровой А.А. Планировка... Указ. соч. – С.10 – 11). Под жилые кварталы согласно Постановлению ЭКОСО отводилось 50 – 70% территории города (СУ РСФСР. – 1928. – № 21. – Ст. 156. – С. 252). Остальная распределялась следующим образом: «а) территория, занятая улицами, площадями и т.п. – 15 – 25%; б) территория, занятая участками для зданий общественного назначения – 5 – 10%; в) территория, занятая садами, парками, бульварами и зелеными насаждениями общественного пользования – не менее 10% (Там же. – С. 252). Кварталы могли быть «двух типов планировки: 1 тип – коллективная застройка, рассматриваю-

шая весь квартал как слитную нераздельную усадьбу; 2 тип – индивидуальная застройка с разделением на отдельные участки с индивидуальным хозяйством (для такого типа в поселках выделяются особые кварталы)» (С. 253). Итогом дискуссии о соцрасселении стал окончательный отказ от применения в проектах соцгородов кварталов второго типа застройки (индивидуальной). Напомним, что в рабочем поселке иерархическое членение планировочной структуры было, как правило, двухуровневым: жилой дом – квартал.

220. Например, сеть питания, разработанная для Сталинграда Гипрогором РСФСР, предусматривала в каждом из составляющих его населенных образований наличие центрального пищевого комбината, который получал продукты из окружающих город совхозов, молочных ферм и т.д. В каждом предполагалась также фабрика-кухня, снабжающая столовые-распределители на предприятиях, учреждениях и жилых комбинатах готовыми кушаньями и полуфабрикатами. Столовые рассчитывались на обслуживание 225 чел., обедающих одновременно, с общей пропускной способностью 600 – 700 чел. в день (Мещеряков Н. Указ. соч. – С. 97 – 98).
221. Принцип политехнического образования заключался в том, что школы были тесно связаны с производством, промышленными предприятиями. Этот постулат формулировался многими теоретиками-градостроителями. В частности, Н. Милютин, рассматривая пространственную организацию процессов обучения в социалистическом городе, предлагает учебные заведения располагать исключительно при промышленных предприятиях, формируя систему, «соединяющую материальное производство и учебу» (Милютин Н. К проблеме соцгорода / Н. Милютин // Вестн. Ком. акад. – 1930. – № 42. – С. 113), так называемый «фабзав-втуз» (фабрично-заводское высшее техническое учебное заведение). То же он предлагает осуществлять и по отношению к средней школе (Там же.). В Пояснительной записке Гипрогора РСФСР к проекту перестройки Самары указано, что «вузы будут приближены к производству» (Мещеряков Н. Указ. соч. – С. 108). Радиус действия школ в проекте сети учебных заведений, разработанной Гипрогором РСФСР для Сталинграда, принят в 650 м (Мещеряков Н. Указ. соч. – С. 98).
222. Гипрогором для Сталинграда также разработана сеть спортивных учреждений, которая «состоит из сети мелких площадок при комбинатах и по кварталам, а также при школах и втузах. В каждом районе города, а также на предприятиях будут более крупные стадионы. Каждый город будет иметь свой центральный стадион с дворцом физкультуры. И, наконец, в центральном городе будет главный физкультурный центр для объединения и направления всей работы» (Мещеряков Н. Указ. соч. – С. 98).
223. Для Сталинграда схема сети пунктов медицинского обслуживания была разработана в Гипрогоре под руководством проф. А.Н. Сысина (Там же. – С. 98).

-
224. Она же обеспечивает связь с неиндустриальным окружением, по отношению к которому соцгород выступает как организующее начало.
225. Тем самым отвергаются звучавшие в ходе дискуссии о соцрасселении предложения такой планировочной организации расселения, которая исключала бы наличие центральных улиц.
226. Не допускаются планировочные предложения, исключающие наличие общегородского центра.
227. В городе-саде таковыми были: церковь, общественное собрание с театром, библиотекой-читальней и аудиториями, купальня, зимние плавательные бассейны, бани и проч. (Диканский М. Постройка городов ... Указ соч. – С. 7). В социалистическом городе таковыми должны были быть: «советские, профсоюзные, партийные организации, «основные культурные аппараты», в частности театральное здание – место больших собраний, празднеств, спектаклей, съездов и пр.» (Крупская Н. Города будущего... Указ соч.), народные дома, рабочие клубы и проч.
228. В городе-саде это ремесленные школы для мальчиков и девочек (Хазанова В.Э. Сов. архитектура... Указ. соч. – С. 45); в соцгороде – учебно-производственные мастерские для детей различного возраста.
229. В городе-саде, как, например, в проекте В.Н. Семенова (на станции «Прозоровская») в его составе: больница, санаторий для туберкулезных, «отделение для переутомленных и слабосильных»; в социалистическом городе – больницы, амбулатории и проч.
230. Например, в проекте соцгорода Большое Запорожье роль таких зеленых поясов, разделяющих отдельные районы соцгорода, играли парки культуры и отдыха, отдаленные не свыше 1 км от центральных частей города, непосредственно связанные с зелеными насаждениями кварталов и образующие единую структуру зеленых коридоров (Малоземов И. Указ. соч. – С. 75).
231. В городах-садах это внутренние парки, связанные с внешней полосой свободных земель – лесами и полями, а также бульвары, газоны и индивидуальные сады на личных земельных владениях; в соцгородах это парки, скверы, бульвары, газоны и зеленые пояса разрывов между собственно городом и промышленной зоной, а также между соцпоселками (при дисперсной застройке). Например, в проекте соцгорода Большое Запорожье были предусмотрены следующие виды внутригородских зеленых насаждений: 1) внутриквартальные; 2) уличные; 3) квартальные и бульварные; 4) парки; 5) насаждения научно-технического значения (ботанические сады и т.п.); 6) насаждения специального курортного назначения; 7) защитные зоны; 8) живые (зеленые) изгороди; 9) насаждения мелиоративного характера. (Малоземов И. Большое Запорожье / И. Малоземов // Сов. архитектура. – 1932. – № 5 – 6. – С. 74 – 75).
232. Проект соцгорода Большое Запорожье предусматривал расположение внешних зеленых зон, опоясывающих город сплошным кольцом лесов и защищающих его от степных ветров (Там же. – С. 75).

233. В противоположность тому, к чему призывали М. Охитович и его единомышленники.
234. Возведение индивидуального жилища коттеджного типа запрещается, а жилищная кооперация, ориентированная на строительство индивидуального жилища, переориентируется либо на покомнатно-посемейное заселение индивидуального жилища, либо на возведение на долевых началах многоэтажных многоквартирных домов. Тем самым практически реализуются законодательные положения Постановления «О жилищной политике», предписывающие «укрупнять и концентрировать жилищное строительство, осуществляемое всеми категориями застройщиков («О жилищной политике»: Постановление ЦИК и СНК СССР от 4 янв. 1928 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917 – 1967: сб. док. за 50 лет. – В 5 т. – М.: Политиздат, 1967. – Т. 1 (1917 – 1926 гг.) – С. 698).
235. К 1932 – 1934 гг. данное решение получает окончательное законодательное оформление, так, из градостроительной доктрины исключается положение, содержащееся в Инструкции НКВД от 28 мая 1928 г. «О порядке составления, рассмотрения и утверждения проектов планировки городских поселений и рабочих, дачных и курортных поселков» (Бюл. НКВД. – 1928. – № 21), а также ряде предшествующих инструкций: «О праве застройки земельных участков»: Инструкция НКВД и НКЮ по применению постановления СНК от 14 августа 1922 г. (Жилищное законодательство: сб. декретов, распоряжений и постановлений центральной и местной власти. – М., 1924. – С. 26); Инструкции НКВД и НКЮ. № 381 от 5 нояб. 1923 г., по применению права застройки земельных участков (Бюл. НКВД. – 1923. – № 27) и др. о включении в генплан города при разработке проектов планировки городов, территорий индивидуальной застройки с индивидуальным обслуживанием (Органов Л.И. Методология планировочных работ в практике Гипрогора / Л.И. Органов // Планировка и строительство городов. – 1934. – № 2. – С. 10 – 11).
236. Дифференциация жилья на жилище «для всех» и жилище «для советско-партийной элиты», неофициально существовавшая до этих пор, приобретает в соцгородах совершенно законные основания, для рабочих и служащих жилье возводится по типовым проектам массового употребления, с проектной нормой 8,25 кв. м на человека, но с реальным покомнатно-посемейным заселением (т.е. в каждую комнату по семье) из расчета 4 – 4,5 кв. м на чел. Например, типовые секции квартир в жилищном строительстве, осуществляемом в этот период Моссоветом, предусматривают индивидуальные 2-, 3- и 4- комнатные квартиры, а реально заселяются по 2 – 3 человека (семья) в комнату. 4-комнатная квартира предполагает заселение 9 – 10 жильцами; 3-комнатная – 8 жильцами (Красин Г.Б. Новые планировки в жилстроительстве Моссовета / Г.Б. Красин // Строительство Москвы. – 1929. – № 5. – С. 7). А для представителей партийно-советской и инженерно-технической элиты возводятся отдельностоящие малоэтаж-

- ные дома (иногда блокированного типа) с поквартирным заселением. Также и в существующих городах: основная масса населения проживает в коммунальных квартирах, а для представителей партийно-советской и инженерно-технической элиты стоятся специальные дома (по индивидуальным проектам) с заселением по отдельной семье в каждую квартиру общей площадью до 65 кв. м («О постройке домов для специалистов»: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 25 марта 1932 г. // Собрание законов и распоряжений рабочего и крестьянского правительства СССР. – 1932. – № 21. – Ст. 128. – С. 195 – 196.
237. 9 августа 1930 г. выходит Постановление СНК «По докладу Наркомвнутдела РСФСР о состоянии коммунального хозяйства и мерах к его улучшению», предписывающее «ВСНХ РСФСР, совместно с НКВД РСФСР разработать вопрос о типизации предметов домового оборудования» (СУ РСФСР. – 1930. – № 37. – Ст. 474). В вышедшем менее чем через год Постановлении «О Московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР» в разделе «Развитие городского хозяйства СССР» указано: «приступить к постройке в 1932 г. двух заводов по производству ... кухонного оборудования и газовых плит, ванн, оборудования для уборных (О Московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР: Резолюция Пленума ЦК ВКП (б) 11 – 15 июня 1931 г. Постановление ЦК ВКП (б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). – М.: Политиздат, 1984. – Т. 5. – С. 324. Установка на «дальнейший решительный переход на стандартное типовое и сборное строительство на основе внедрения оправдавших себя на опыте типов построек» подтвердила через полтора года XVII конференция ВКП (б) (Там же. – С. 388).
238. Отвергнутыми оказываются теоретические предложения о переходе от индивидуального приготовления пищи к исключительно общественному питанию, к формам распределения одежды из общественных фондов, а также к практическим мероприятиям по содержанию коммунального жилища (в частности, домов-коммун) за счет администрации предприятий и учреждений, из работников которых они сформированы. Постановление «О Московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР» фактически законодательно закрепляет подобное превращение (Указ. соч.).
239. Там же. – С. 315.
240. Там же. – С. 316 – 317.
241. В самом тексте Постановления «О работе по перестройке быта» содержится указание на необходимость расширения «производства оборудования для обслуживания быта трудящихся (фабрики-кухни, механизированные прачечные, общественные столовые и пр.)» (О работе по перестройке быта... Указ. соч. – С. 119). В принятом 15 июня 1931 г. Постановлении «О Московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР» в разделе «Развитие городского хозяйства СССР» указано: «приступить к постройке в 1932 г. двух заводов по производству банно-

прачечного оборудования и стиральных машин (...) создать в системе ВСНХ СССР специальное объединение по производству коммунального оборудования с выделением в его ведение соответствующих заводов (О Московском ... Указ. соч. – С. 324).

242. «В старых промышленных центрах ... вопрос о развитии и реконструкции городского хозяйства является вопросом не только обслуживания живущих там сейчас трудящихся масс, но и вопросом размещения, передвижения и материально-культурного обслуживания новых сотен тысяч и миллионов рабочих» (Там же. – С. 322).
243. Например, в городе-саде, общежитиях должны жить и учиться дети из близлежащих сел, не имеющих специализированных ремесленных учебных заведений. То же самое и в соцгороде.
244. На это через полтора года после выхода Постановления «О работе по перестройке быта» укажет XVII конференция ЦК ВКП (б): «полная коллективизация сельского хозяйства, рост крупных государственных сельскохозяйственных предприятий и вооружение колхозов и совхозов передовой машинной техникой, на деле превращающей сельскохозяйственный труд в разновидность индустриального труда, и значительное укрепление транспортной связи и товарооборота между промышленностью и сельским хозяйством – создают условия для полного устранения противоположности между городом и деревней» (Итоги развития промышленности за 1931 г. ... Указ. соч. – С. 397).

3. Социалистический город Челябинского тракторного завода – воплощение теории социалистического расселения

1. О причинах создания и роли Урало-Кузнецкого комбината см. в разделе II данного издания: Меерович М.Г. Социалистическое расселение: теория и практика.
2. Лахтин В.Н. Система расселения и архитектурно-планировочная структура городов Урала / В.Н. Лахтин. – М., 1977 – С. 29.
3. Народное хозяйство Челябинской области и города Челябинска: стат. сб. – Челябинск, 1957. – С. 17.
4. Лахтин В.Н. Указ. соч. – С. 30.
5. Подробнее об этом см.: Иванов А. Message: Чусовая. – СПб., 2007.
6. ОГАЧО. Ф. 792, оп. 5, ед. хр. 480, л. 1. Постановление ВСНХ СССР № 306 от 29.05.29. «О приступе к постройке тракторного завода на Урале в 1929 – 1930 г.».
7. ОГАЧО. Ф. 379, оп. 2, ед. хр. 379. Материалы по проектированию ЧТЗ. 03.12.29. – 23.12.30., л. 15. Приказ № 38 по ГИПРОМЕЗу от 26.12.29., г. Ленинград.
8. Ковалев А.Я. Архитектура промышленных сооружений, 1917 – 1932 / А.Я. Ковалев // Всеобщая история архитектуры. В 12т. – М., 1975. – Т. 12. – Кн. 1. – С. 71.

9. ОГАЧО. Ф. 379, оп. 2, ед. хр. 4. Протоколы Заседаний Технического Совета ЧТС о планировке рабочего поселка ЧТЗ 29.12.29 – 17.09.30, л.2. Протокол № 2 совещания при Московском представительстве ЧТС от 31.12.29; л. 3. Протокол № 3 совещания при Московском представительстве ЧТС от 06.01.30; л. 9. Протокол № 1-заседания ТС от 12.01.30. Об А. и В. Весниных упоминается только в протоколе №2 Совещания в Московском представительстве ЧТС как о членах Техсовета, активного участия ни в проектировании, ни в обсуждении проектов они участия не принимали.
10. Шмакова Н.П. Наш тракторный / Н.П. Шмакова. – Челябинск, 1966. – С. 15.
11. Подробно о системе расчета численности населения соцгорода см. в разделе II данного издания: Меерович М.Г. Социалистический город – уникальный тип градостроительной системы в условиях советской государственности.
12. ОГАЧО. Ф. 1162, оп. 2, ед. хр. 165, лл. 12 – 13. Промзадание на постройку завода 40000 тракторов «Катерпиллер». 1930.
13. Шмакова Н.П. Наш тракторный... Указ. соч. – С. 13.
14. ОГАЧО. Ф. 98, оп. 1, ед. хр. 3234, л. 91 – 92. Из циркуляра Уральского областного отдела труда райколхозсоюзам и райуполномоченным по труду Челябинского округа об обеспечении промышленности рабочей силой.
15. Шмакова Н.П. Наш тракторный... Указ. соч. – С. 13.
16. ОГАЧО. Ф. 982, оп. 3, ед. хр. 11. Трудовые соглашения с контрактантами; ед. хр. 16. Переписка о контрактации рабочей силы ЧТЗ.
17. Архивные документы не дают свидетельств о широком использовании в строительстве ЧТЗ спецпоселенцев и заключенных, как было, например, в Магнитогорске и на других предприятиях Челябинской области. В отчете Управления НКВД в перечисленных объектах промышленного строительства, где использовался труд спецссыльных, Челябинск не упомянут вообще (Из отчета Управления НКВД по Челябинской области Главному Управлению лагерями и трудпоселениями НКВД СССР о состоянии спецссылки за 1934 г. // Челябинская область. Сборник документов и материалов. – Челябинск, 1999.
18. РГАЭ. Ф. 7620, оп. 1, ед. хр. 633. Материалы по социально-культурному строительству Нижегородского автозавода. 12.03.31. – 25.11.32., л. 181.
19. ОГАЧО. Ф. 379, оп. 2, ед. хр. 4, л.14. Протокол № 3 заседания Технического совета Московского бюро ЧТС от 32.02.1930.
20. Никаноров И. Автострой / И. Никаноров // Строительная промышленность. – 1930 – № 6. – С. 566 – 567.
21. ОГАЧО. Ф. 379, оп. 2, ед. хр. 8. Переписка Управления Челябтракторостроя с Московским представительством ЧТС о проектировании рабочего поселка и культурно-бытовых предприятий ЧТЗ 06.01.30. – 19.09.30., л. 9 – 30. Программа для эскизного проекта индустриального рабочего города уральского тракторного завода.
22. Там же, л. 14.

23. Там же, л. 5. Протокол № 3 заседания Московского бюро ЧТС от 06.01.30.
24. Там же, л.14. Протокол № 3 заседания ТС ЧТС по рассмотрению планировки рабочего городка и дома – коммуны от 23.02.30.
25. ОГАЧО. Ф. 379, оп. 2, ед. хр. 63. «ЧТЗ»: фотоальбом.
26. ОГАЧО. Ф. 379, оп. 2, ед. хр. 4. Протоколы заседаний ТС ЧТС о планировании рабочего поселка ЧТЗ 29.12.29. – 17.09.30., л. 1. Протокол №1 заседания ТС ЧТС о планировке рабочего поселка ЧТЗ от 28.12.29.
27. Ржехина О.И. Андрей Константинович Буров / О.И. Ржехина, Л.Н. Блашкевич, Р.Г. Бурова. – М.: Стройиздат, 1984. – С. 30.
28. РГАЭ. Ф. 7620, оп. 1, ед. хр. 633. Материалы по жилищному и культурно-бытовому строительству Нижегородского автозавода. 12.03.30. – 25.11.32., л. 186.
29. ОГАЧО. Ф. 379, оп. 2, ед. хр. 4. Протоколы заседаний ТС ЧТС о планировании рабочего поселка ЧТЗ 29.12.29. – 17.09.30., л. 53. Протокол № 9 заседания ТС ЧТС от 26.05.30.
30. ОГАЧО. Ф. 379, оп. 2, ед. хр. 43. Материалы о планировке второй очереди поселка ЧТЗ 10.10.30. – 15.06.32., л. 81 - 84. Протокол совещания при начальнике строительства по плану строительных работ ЧТС 10 – 12.10.30., л. 84.
31. РГАЭ. Ф. 7620, оп. 1, ед. хр. 694. Материалы по строительству ЧТЗ 05.04.30 – 19.09.32, л. 10.
32. О работе по перестройке быта: Постановление ЦК ВКП (б) от 16.05.30. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.,1984. – Т.5. – С. 118 – 119.
33. Шмакова Н.П. Наш... Указ. соч. – С. 42.
34. ОГАЧО. Ф. 379, оп. 2, ед. хр. 43. Материалы о планировке второй очереди поселка ЧТЗ 10.10.30. – 15.06.32., л. 22 – 26. Основные положения к планировке второй очереди поселка при ЧТЗ, л. 22.
35. ОГАЧО. Ф. 379, оп. 2, ед. хр. 8. Переписка Управления Челябтракторостроя с Московским представительством ЧТС о проектировании рабочего поселка и культурно- бытовых предприятий ЧТЗ 06.01.30. – 19.09.30., л. 211 – 213. Пояснительная записка к проектам жилых блочных домов для рабочих городка ЧТЗ, л.211.
36. Архив МПТИ. Инв. № 18258. Технический паспорт жилого дома по ул. 1-й Пятилетки, 21; Инв. № 21373. Технический паспорт жилого дома по ул. Савина, 4.
37. ОГАЧО. Ф. 379, оп. 2, ед. хр. 43. Материалы о планировке второй очереди поселка ЧТЗ 10.10.30. – 15.06.32., л. 22 – 26. Основные положения к планировке второй очереди поселка при ЧТЗ, л. 22.
38. По данным на 1934 г. на ЧТЗ работало 168 иностранцев, из которых рабочих было 133 человека, специалистов – 35. Это были преимущественно немцы, а также американцы, австрийцы, англичане, венгры, чехи и др. Значительная часть их была с семьями. ОГАЧО. Ф. 379, оп. 2, ед. хр. 555, лл. 29 – 32. Из отчета о работе среди иностранных специалистов, рабо-

- тающих на ЧТЗ. 28.06.34; Ф. 1162, оп. 2, ед. хр. 139, л. 24. Сведения о работающих на строительстве по договорам иностранцах. 1930.
39. ОГАЧО. Ф. 379, оп. 2, ед. хр. 43. Материалы о планировке второй очереди поселка ЧТЗ 10.10.30. – 15.06.32., л. 22 – 26. Основные положения к планировке второй очереди поселка при ЧТЗ.
40. ОГАЧО. Ф. 379, оп. 2, ед. хр. 379. Л. 41. Протокол совещания при группе проектирования поселков строительной части ГИПРОМЕЗа. 1929.
41. ОГАЧО. Ф. 792, оп. 5, ед. хр. 480, л. 20. Распоряжение начальнику строительства ЧТЗ т. Ловину от 08.06.31.
42. ОГАЧО. Ф. 804, оп. 1, ед. хр. 749, л. 8. Показатели жилищной обеспеченности по восьми предприятиям Челябинска на начало 1935 г.
43. Гинзбург М.Я. Профтехкомбинат Челябтракторостроя / М.Я. Гинзбург // Современная архитектура. – 1931. – № 1/2. – С. 103 – 111.
44. ОГАЧО. Ф. 1162, оп. 3, ед. хр. 238. Пояснительная записка к проекту Дома культуры ЧТЗ.
45. Корнфельд Я. Рабочие клубы, дома культуры: обзор за 15 лет / Я. Корнфельд // Сов. архитектура. – 1933. – № 2. – С. 35.
46. Архивные фонды научно-исследовательского музея им. А.В. Шусева. Коллекция IX, негатив 807. Буров А., Кириллов Г. Клуб ЧТЗ: генплан, перспектива.
47. ОГАЧО. Ф. 1162, оп. 3, ед. хр. 238. Пояснительная записка к проекту Дома культуры ЧТЗ.
48. ОГАЧО. Ф. 379, оп. 2, ед. хр. 354. Материалы о проектировании рабочего поселка при ЧТЗ 19.03. – 17.11.30, л. 33. Постановление № 1601 Президиума ВСНХ СССР от 17.11.30.
49. ОГАЧО. Ф. 379, оп. 2, ед. хр. 357. Материалы о проектировании рабочего поселка при ЧТЗ 07.01. – 20.12.30, л. 51. Постановление ВАТО при ВСНХ СССР, декабрь 1930.
50. ОГАЧО. Ф. 379, оп. 2, ед. хр. 8. Переписка Управления Челябтракторостроя с Московским представительством ЧТС о проектировании рабочего поселка и культурно-бытовых предприятий ЧТЗ 06.01.30. – 19.09.30., л. 115. Телеграмма Московского представительства ЧТС заместителю главного инженера ЧТС Лелькову. 1930.
51. Гинзбург М.Я. Итоги и перспективы СА / М.Я. Гинзбург // Совр. архитектура. – 1927. – № 4/5. – С. 112.

РАЗДЕЛ III

1. Генплан Орска 1935 г.: разработка и воплощение

1. Научный архив Орского историко-краеведческого музея (ОИКМ). Р. 158. П.22.
2. Пятилетний план хозяйственного и социально-культурного строительства Оренбургского округа. 1928/1929 – 1932/1933 гг. Оренбург, 1929. – С. 342.

3. Там же. – С. 342.
4. Там же. – С. 342.
5. ОФ ГАОО. Ф. Р-165, оп.1, д.73, л.277.
6. ОФ ГАОО. Ф. Р-23, оп. 1, д. 15, л. 26.
7. ГАОО. Ф. 1014, оп. 6, д. 17, л. 56 об.
8. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда. Книга 2. – М., 2001. – С.268 – 269.
9. Suter U., Flierl B., Hain S., Junghanns K., Oechslin W. Hans Schmidt. 1893 - 1972. Architekt in Basel, Moskau, Berlin-Ost. Zurich, 1993. – S. 209.
10. ОФ ГАОО. Ф. Р - 23, оп. 1, д. 15, л. 204 – 205.
11. Там же, л. 200.
12. Там же, л. 143.
13. Там же, л. 205.
14. Там же, л. 205.
15. Там же, л. 201.
16. Там же, л. 4.
17. Там же, лл. 26-28.
18. Там же, л. 7.
19. Там же, л. 11.
20. Там же, лл. 7 – 8.
21. ОФ ГАОО. Ф. Р-1, оп. 1 а, д. 79, л. 1 об.
22. Там же, лл. 1-об-2.
23. ОФ ГАОО. Ф. Р-23, оп. 1, д. 15, л. 68.
24. Там же, л. 66-об.
25. ГАОО. Ф. 1014, оп. 6, д. 17, л. 57 – об
26. ОФ ГАОО. Ф. Р-33, оп. 1, д. 1 а, л. 5.
27. ГАОО. Ф. 1014, оп. 6, д. 17, л. 62.
28. Там же, 56 об.
29. Техархив ОАО «Южуралникель». Инв. 74-3-1-4 / П 1040-1.
30. Техархив ОАО «Южуралникель». Инв.74-3-1-2 / П 1045-1.
31. ОФ ГАОО. Ф. Р-1, оп. 1 а, д. 79, л. 2 об.
32. ОФ ГАОО. Ф. Р-1, оп. 1 а, д. 46, л. 63.
33. ОФ ГАОО. Ф. Р-1, оп. 1 а, д. 224, л. 132.
34. Нижник Е.В. Повседневная жизнь тылового города: Орск в годы Великой Отечественной войны / Е.В. Нижник // Из истории города Орска: сб. науч. тр. – Орск, 2005. – С. 59.

2. Генеральный проект планировки и строительства шахтерских городов Челябинской области 1935 – 1936 гг.

1. Агарышев П.Г. Краснознаменный Копейск / П.Г. Агарышев, М.Г. Семенов. – Челябинск, 1957. – С. 5.
2. ОГАЧО. Ф. Р-962, оп. 7, д. 10, лл. 101 – 101 об.

3. См.: Справочник административно-территориального деления Челябинской области. – Челябинск, 1997.
4. XVIII съезд ВКП(б): стеногр. отчет. – М., 1939. – С. 187; 269.
5. Таблица составлена по данным: ОГАЧО. Ф. Р-962, оп. 7, д. 10, л. 54 об.
6. ОГАЧО. Ф. Р-962, оп. 7, д. 10, л. 53 об.
7. Там же, лл. 56, 57, 61.
8. Там же, лл. 62, 62об, 64об, 65.
9. Там же, лл. 65, 71, 75.
10. Там же, л. 75.
11. Там же, л. 54.
12. Там же, лл. 80 об, 81.
13. Таблица составлена по данным: ОГАЧО. Ф. Р-962, оп. 7, д. 10, л. 103 об.
14. ОГАЧО. Ф. Р-962, оп. 7, д. 11, лл. 13, 13 об.
15. ОГАЧО. Ф. Р-962, оп. 7, д. 10, л. 104 об.
16. Таблица рассчитана по данным: ОГАЧО. Ф. Р-962, оп. 7, д. 1, л. 6.
17. ОГАЧО. Ф. Р-962, оп. 7, д. 10, л. 77 об.
18. ОГАЧО. Ф. Р-962, оп. 7, д. 4, лл. 4 – 5.
19. ОГАЧО. Ф. П-288, оп. 1, д. 331, л. 15.
20. ОГАЧО. Ф. Р-962, оп. 7, д. 1, л. 115.
21. ОГАЧО. Ф. Р-962, оп. 7, д. 4, л. 82.
22. ОГАЧО. Ф. Р-962, оп. 7, д. 5, лл. 3, 15.
23. ОГАЧО. Ф. Р-962, оп. 7, д. 4, л. 67.
24. Там же, лл. 76 – 78.
25. Там же, лл. 75 – 76.
26. Там же, лл. 71 – 74.
27. Там же, л. 79.
28. Там же, лл. 84 – 88, 91.
29. Там же, лл. 94 – 95.
30. ОГАЧО. Ф. Р-962, оп. 7, д. 16, лл. 3, 4.
31. ОГАЧО. Ф. Р-962, оп. 7, д. 15, л. 2 об.
32. ОГАЧО. Ф. Р-962, оп. 7, д. 14, л. 2.
33. ОГАЧО. Ф. Р-962, оп. 7, д. 4, лл. 23 – 24.
34. Там же, лл. 24, 26.
35. Там же, лл. 27 – 29.
36. ОГАЧО. Ф. Р-962, оп. 7, д. 1, л. 127.
37. Там же, лл. 4 об, 5, 13 об.
38. Там же, л. 6.
39. Там же, лл. 19 об, 20 об – 22 об, 25 – 27, 36.
40. Там же, л. 115.
41. Там же, лл. 111, 111 об, 112.
42. Там же, лл. 57 – 64.
43. ОГАЧО. Ф. Р-962, оп. 7, д. 3, л. 15 об.
44. ОГАЧО. Ф. Р-962, оп. 7, д. 1, лл. 147, 148.
45. Там же, л. 122 об.

46. ОГАЧО. Ф. Р-962, оп. 7, д. 2, лл. 5 об, 6.
47. Там же, л. 8.
48. Там же, лл. 9 об, 12 об.
49. Таблица составлена по данным: ОГАЧО. Ф. Р-962, оп. 7, д. 1, лл. 46, 87, 87 об, 88, 94, 101, 167; Д. 2, л. 18.
50. ОГАЧО. Ф. Р-962, оп. 7, д. 12, л. 30 об.
51. ОГАЧО. Ф. Р-962, оп. 7, д. 1, л. 111.
52. Там же, лл. 117, 120.
53. ОГАЧО. Ф. Р-962, оп. 7, д. 10, лл. 117, 120
54. ОГАЧО. Ф. Р-962, оп. 7, д. 1, лл. 112, 112 об, 113, 114.
55. ОГАЧО. Ф. П-288, оп. 1, д. 107, л. 21.
56. ОГАЧО. Ф. Р-962, оп. 7, д. 1, л. 129 – 129 об.
57. ОГАЧО. Ф. П-288, оп. 2, д. 621, лл. 15, 18.
58. ОГАЧО. Ф. Р-962, оп. 7, д. 3, л. 4 об.
59. ОГАЧО. Ф. П-288, оп. 2, д. 621, лл. 19, 20.
60. ОГАЧО. Ф. Р-962, оп. 7, д. 3, лл. 5, 5 об, 6.
61. Там же, лл. 57, 57 об, 60 об.
62. ОГАЧО. Ф. П-288, оп. 1, д. 107, лл. 12.
63. Там же, лл. 20, 21.
64. ОГАЧО. Ф. П-288, оп. 1, д. 331, лл. 28, 29.
65. ОГАЧО. Ф. Р-962, оп. 7, д. 17, л. 74, 74 об.
66. ОГАЧО. Ф. Р-962, оп. 7, д. 20, лл. 5, 6, 7.
67. ОГАЧО. Ф. Р-962, оп. 7, д. 17, л. 10.
68. ОГАЧО. Ф. Р-962, оп. 8, д. 144, л. 33.
69. См.: Копейск: генеральный план города. – Л., 1949. Данный генплан хранится в Комитете по архитектуре и градостроительству Копейского городского округа в текущем архиве учреждения.
70. Там же. – С. 61.

3. Послевоенное возрождение Сталинграда: генеральный план 1944 г. и его реализация

1. В Сталинграде были разрушены 42 тыс. домов, составлявшие 85% жилого фонда, 110 школ, 15 больниц, 68 амбулаторий и поликлиник, 195 детских садов, яслей и консультаций, 7 театров, 7 кинотеатров, 75 рабочих клубов и дворцов культуры, высшие учебные заведения, десятки техникумов, несколько десятков библиотек. Полностью были уничтожены все промышленные предприятия, общественные здания, хозяйство железнодорожного и водного транспорта, трамвай, водопровод, канализация, электрооборудование, средства связи. Сожжены все парки и сады. Почти полностью разрушено окаймлявшее город искусственно созданное зеленое кольцо протяженностью в 100 км. Общий материальный ущерб городу превысил 9 млрд рублей (Город-герой на Волге. – М., 1962. – С. 8.).
2. Сталинград имел очень высокий прирост населения. Если в 1926 г. он сто-

- ял на 19 месте в стране по численности населения, то в 1932 г. передвинулся на 8 место – 354,2 тыс чел. (См.: Водолагин М.А. Очерки истории Волгограда. 1589-1967 / М.А. Водолагин. – М., 1968. – С. 268.)
3. Хазанова В.Э. Советская архитектура первой пятилетки / В.Э. Хазанова. – М., 1980.
  4. Такой характер развития города был определен специальным Постановлением СНК РСФСР от 5 января 1930 г. – Борьба. – 1930. – 8 янв.
  5. По данным Всесоюзной переписи 1939 г., население Сталинграда составляло 445,5 тыс. чел. Накануне Великой Отечественной войны в городе насчитывалось 126 промышленных предприятий. Жилой фонд превышал 1 850 тыс. кв. м, город располагал значительной строительной базой (См.: Савченко И.П. Царицын-Сталинград-Волгоград / И.П.Савченко, А.Ф.Липявкин, П.П.Калиниченко. – Волгоград, 1967. – С. 40.)
  6. В Сталинград поступали сотни писем со всех концов страны, особенно много от фронтовиков, с пожеланиями, советами и предложениями, с рисунками и чертежами, каким бы советские люди хотели видеть возрожденный Сталинград. Общим было пожелание отстроить Сталинград так, чтобы его новый архитектурный облик был величественен и монументален. Восстановленный Сталинград должен был стать памятником, увековечивающим подвиг народа на Волге в тяжелые года Великой Отечественной войны. (См.: Водолагин М.А. Волжская твердыня / М.А. Водолагин. – М., 1962. – С. 102).
  7. Письмо М.И.Калинина было опубликовано в октябре 1943 г. (Архитектура СССР: сб. – М., 1944. – С. I.).
  8. Эйгель И.Ю. Борис Иофан / И.Ю.Эйгель. – М., 1978. – С. 152.
  9. Чуянов А. Сталинград возрождается / А.Чуянов. – М., 1944. – С. 13.
  10. Поляков Н. Планировка Сталинграда / Н. Поляков // Архитектура СССР: сб.6. – М., 1944. – С. 2 – 5.
  11. Проект центрального стадиона Сталинграда разрабатывался под руководством Н.Я.Колли. (См.: Шасс Ю. Стадион в Сталинграде / Ю. Шасс // Архитектура и строительство. – 1946. – № 23 – 24. – С.16).
  12. Разработка проекта Волго-Донского канала возобновилась в 1943 г., вскоре после окончания Сталинградской битвы. В 1948 г. проект был готов, и начались подготовительные работы к строительству. (См.: Рябчиков Е. Волго-Дон / Е.Рябчиков – М., 1954. – С. 43).
  13. Южные районы, Кировский и Красноармейский, относительно мало пострадавшие во время войны, не охватывались проектом (Строительство и реконструкция городов. 1945 – 1957. – М., 1958. – С. 220).
  14. Протяженность Сталинграда по плану 1943-1944 гг. равнялась 25 км, а вместе с предместьями Бекетовкой и Красноармейском (впоследствии вошедших в черту города) – 45 км (См.: Пожарский А.Е. Проект восстановления Сталинграда: сб. архитектурно-строительной информации / А.Е.Пожарский – М., 1944. – С. 4 – 12).
  15. Симбирцев В.Н. Из опыта восстановительных работ в Сталинграде /

- В.Н. Симбирцев Городское хозяйство Москвы. – 1949. – № I. – С. 25 – 33.
16. Авторский коллектив: К.С.Алабян (рук.), Н.Х. Поляков, А.Е. Пожарский, Д.М. Соболев, А.А. Дзержкович. В разработке отдельных фрагментов Сталинграда в стадии их предварительной проработки принимали участие архитекторы и аспиранты Академии архитектуры СССР Ю.Ю.Савицкий, А.П. Ершов, Д.И. Бурдин, Г.Д. Константиновский и др.
  17. Особенно полное отражение нашли эти принципы в важнейших постановлениях. СНК СССР о мерах по восстановлению г. Сталинграда от 22 августа 1945 г. и о восстановлении наиболее пострадавших пятнадцати русских городов от 1 ноября 1945 г.
  18. Осуществление этого требования предполагало прежде всего всестороннюю и вдумчивую проработку генерального плана. Благодаря энергии и настойчивости вице-президента Академии архитектуры СССР К.С. Алабяна для Сталинграда параллельно с генпланом удалось своевременно разработать целую серию смежных проектов народно-хозяйственного развития города, что удавалось далеко не всегда.
  19. Только с марта по май 1943 г. в город поступил 671 вагон со строительными материалами и предметами первой необходимости. Уже к концу февраля 1943 г. трудящиеся СССР внесли в фонд восстановления Сталинграда 50 млн руб. (См.: М.А.Водолагин. Очерки ... Указ соч. – С. 357).
  20. На основании специального решения СНК СССР от 22 мая 1943 г. (принятого в развитие Постановления ГКО от 4 апреля 1943 г.) «О мероприятиях по восстановлению жилищно-коммунального хозяйства г. Сталинграда».
  21. На основании постановления Государственного Комитета Обороны от 4 апреля 1943 г. «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства г. Сталинграда».
  22. ЦК ВЛКСМ принял 30 апреля 1943 г. Постановление «О шефстве комсомола над восстановлением предприятий Сталинграда». Своей задачей шефы ставили участие в восстановлении сталинградских заводов, контроль за выполнением в срок заказов для Сталинграда. Была проведена мобилизация 15 тыс. комсомольцев и молодежи на восстановление города (См.: Поднятый из руин: сб. док. и материалов о восстановлении и развитии Волгограда. 1943 – 1960. – Волгоград, 1962. – С. 106 – 107).
  23. 13 июня 1943 г. добровольческая бригада, созданная сталинградской А.М.Черкасовой, вышла на восстановление первого дома (легендарного Дома Павлова), а к концу 1943 г. в городе уже насчитывалось 863 таких бригады, в 14 838 человек. Помимо основной своей работы, члены бригад за это время отработали на восстановлении города 552 тыс. человеко-часов (См.: М.А. Водолагин. Очерки ... Указ соч.. – С. 362).
  24. Там же. – С. 361.
  25. С февраля по июнь 1943 г. в районе Сталинграда было убрано и захоронено 147,2 тыс. вражеских трупов, 46,7 тысячавших в боях советских воинов и свыше II тыс. трупов животных. Работы по разминированию города велись в течение трех лет. На площади 135 500 га было обнаружено и унич-

- тожено I 552 055 взрывоопасных единиц (В дни суровых испытаний: сб. док. и материалов. – Волгоград, 1966. – С. 456).
26. На 2 февраля 1943 г. город имел 32 181 жителя, на 25 марта – 55 852, на 10 июля – 148 тыс., на 1 сентября – 210 тыс. жителей (ВОГА. Ф. 868, оп.1, д. 119, лл.14, 19, 28, 36).
27. К сентябрю 1943 г. в городе было переселено из блиндажей, вагонов, барж, подвалов 66 507 чел., из них в коммунальные дома – 17 715 чел., индивидуальные – 48 792 чел (ВОГА. Ф.868, оп.1, д.119, л.68).
28. Широко распространенное использование старых фундаментов и коробок не всегда было выгодно в экономическом отношении. Так, например, архитектор Е.И.Левитан, которому было предложено использовать фундаменты и стены судостроительного техникума для постройки кинотеатра «Победа», был вынужден запроектировать много случайных, функционально не нужных помещений, встроить в объем кинотеатра 3-этажный административный корпус (См.: Проферансов Д. Улучшить дело проектирования для Сталинграда / Д. Проферансов, А.Дынкин // Архитектура и строительство. – 1948. – № 12. – С. 11 – 14.
29. Всего с февраля 1943 г. по май 1945 г. было введено в эксплуатацию 516 тыс. кв. м жилья, в том числе вновь построенного 181 тыс. кв. м. Жилой фонд города достиг 690,8 тыс. кв. м или 37,4% к довоенному времени. Индивидуальные дома составляли 52% ко всему фонду города (Поднятый из руин... Указ. соч. – С. 140).
30. Не случайно главный архитектор города характеризовался в печати первых послевоенных лет как центральная фигура, подлинный творческий руководитель восстановительных работ (Восстановление пятнадцати русских городов // Архитектура и строительство. – 1946. – № 2. – С. 1).
31. Работа над восстановлением Сталинграда стала своеобразным продолжением творческого сотрудничества К.С. Алабяна и В.Н. Симбирцева, начавшегося еще до войны при проектировании Дворца Советов и Центрального театра Красной Армии в Москве. За работу по восстановлению Сталинграда Б.Н.Симбирцев был удостоен в 1975 г. звания народного архитектора СССР.
32. Пожарский А.Е. Проект восстановления Сталинграда / А.Е. Пожарский // Сборник архитектурно-строительной информации. – М., 1944. – С. 4 – 12.
33. Жюри конкурса было отмечено 15 проектов (Подробнее об этом конкурсе см.: Пожарский А.Е. Проекты центральной площади Сталинграда (к итогам конкурса) / А.Е. Пожарский // Архитектура СССР. – Сб. II – М., 1945. – С. 21 – 27).
34. Гельфрейх В.Г. О проектах планировки центра Сталинграда / В.Г. Гельфрейх // Архитектура и строительство. – 1946. – № 15 – 16. – С. 5 – 9.
35. Народный энтузиазм при восстановлении Сталинграда сказывался в том, что не было недостатка в различного рода предложениях. Например, инженер ЦАГИ Матюнин предложил в 1947 г. соорудить монумент Победы в Сталинграде в виде 180-метровой фигуры Сталина из нержавеющей стали.

- Конструкция предполагалась пустотелая, из небольших плит стального литья, скрепленных электросваркой. Разместить монумент автор предлагал на островах или на левом берегу напротив центра города (ЦГАНХ. Ф. 9432, оп. 1, д. 86, лл. 75 – 81).
36. В феврале 1945 г. Сталинградский обком партии рассмотрел проект планировки Сталинграда. В ходе обсуждения руководителями города было выдвинуто требование подойти к проектированию Сталинграда как исторически сложившегося города и сохранить за площадью Павших борцов ее значение центральной городской площади (См.: Волжская твердыня... Указ. соч. – С. 102 – 103).
37. Гельфрейх В.Г. Указ. соч.
38. Корнфельд Я. Дом Советов Сталинграда: конкурсные проекты / Я. Корнфельд // Архитектура СССР. – М., 1947. – Сб. 16. – С. 14 – 25. Также: Руднев Л.В. Дом Советов в Сталинграде (конкурсные проекты) / Л.В. Руднев // Архитектура и строительство. – 1947. – № 3. – С. 9 – 14.
39. Астафьева-Длугач М.И. Москва строится / М.И. Астафьева-Длугач, Ю.П. Волчок. – М., 1983. – С. 41.
40. Алабян К. Творческие задачи архитектуры в пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства / К. Алабян // Архитектура СССР. – М., 1947. – Сб. 16. – С. 1 – 7.
41. Позиция И.В. Жолтовского по этому вопросу расходилась с общепринятой в те годы точкой зрения. Например, Н.Я. Колли писал: «Выражение русской национальной градостроительной традиции обязательно не только для городов с большим историческим прошлым, сохранивших древние архитектурные памятники. Оно имеет смысл и по отношению к городам, поздно вышедшим на арену культурной жизни, не успевшим сформировать и выработать свои отличительные черты... Город, лишенный исторического наследия, не сумевший за время своего существования обрести свое лицо, свой особый стиль, должен найти свою индивидуальность.» (Колли Н.Я. Общественные центры городов / Н.Я. Колли // Основные архитектурные проблемы пятилетнего плана научно-исследовательских работ: материалы VII сессии Академии архитектуры СССР. – М., 1947. – С. 191 – 192).
42. Строительство и благоустройство восстанавливаемых русских городов // Архитектура и строительство. – 1947. – № 14. – С. 21 – 23.
43. Чуянов А. Сталинград возрождается... Указ. соч. – С. 44.
44. В эту группу входили архитекторы В.Е. Масляев, С.Н. Блюменталь, И.Е. Фиалко. Ф.М. Лысов, Т.А. Россихин, В.С. Кубиков (См.: Савченко И.П. Царицын-Сталинград-Волгоград... Указ. соч. – Волгоград, 1967. – С. 64).
45. В 1947 г. Сталинградская организация ССА состояла из 44 человек (См.: Архитектурная жизнь трех городов // Сов. искусство. – 1947.
46. Кривохижин В.И. Как идет проектирование для Сталинграда / В.И. Кривохижин // Архитектура и строительство. – 1946. – № 23 – 24. – С. 14 – 15.

47. Для доукомплектования архитектурно-проектной мастерской главного архитектора города Комитет по делам архитектуры в 1947 г. командировал в Сталинград на двухлетний срок из московских и ленинградских мастерских 5 архитекторов-планировщиков, 10 инженеров-конструкторов, сантехников и других необходимых специалистов (За высококачественное строительство в Сталинграде // Архитектура и строительство. – 1947. – № 1. – С. 24).
48. Проферансов Д. Улучшить дело проектирования для Сталинграда Д. Проферансов, А.Дынкин // Архитектура и строительство. – 1948. – № 12. – С. 11 – 14.
49. См. редакционный комментарий к статье В.Симбирцева «Некоторые вопросы строительства Сталинграда» // Архитектура и строительство. – 1950. – № 7. – С. 11 – 17.
50. Мостаков А.М. Восстановление Металлогорода в Сталинграде / А.М.Мостаков // Архитектура и строительство. – 1946. – № 9. – С. 7 – 10.
51. Завод «Красный Октябрь» восстанавливал трест «Металлургстрой» Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии; завод «Баррикады» (трест № 53 Министерства вооружений СССР); СТЗ (трест «Тракторострой» Министерства сельскохозяйственного машиностроения). В восстановлении Металлогорода также принимали участие трест № 22 Главнефтегазстроя при СМ СССР, трест № 4 Наркомата авиапромышленности.
52. В короткий срок были построены завод силикатного кирпича (17 млн шт. в год), завод сажи (6 тыс. т в год), завод шлакоблоков (6 тыс. камней в сутки), бетонный завод (170 м³ товарного бетона в сутки), мощные лесозаводы, завод высокопрочного гипса (20 тыс. т. в год). Рабочие и инженеры трестов внесли большое количество рационализаторских предложений по повторному использованию строительных материалов, имевшихся в разрушенных районах, по использованию местных строительных материалов, а также по механизации восстановительного строительства.
53. Приезжев Б.А. Восстановление разрушенных железобетонных конструкций в Сталинграде / Б.А.Приезжев // Труды IV Всесоюзной конференции по бетону и железобетонным конструкциям. – М., 1949. – Ч. I. – С. 311 – 316.
54. Ижигов А.И.. Вопросы строительства в Сталинграде в 1947 г. / А.И. Ижигов // Архитектура и строительство. – 1947. – № 12. – С. 12 – 13.
55. Шеломов Н. Сборное жилищное строительство в Сталинграде / Н. Шеломов // Архитектура. СССР. – М., 1945. – Сб. 10. – С. 12 – 17.
56. Например, очень характерен спор между Министерством металлургической промышленности и Комитетом по делам архитектуры по поводу застройки участка бывшего завода «Лазурь», отведенного по генеральному плану под жилую застройку. Завод «Красный Октябрь» намеревался построить на этом участке шамотный цех, мотивируя это экономическими выгодами. Однако Комитет по делам архитектуры проявил принципиальность, обратившись с соответствующим письмом в СМ СССР. В письме

- указывалось, что участок является основным выходом жилой застройки к реке в этом районе (ЦГАНХ. Ф. 9432, оп. 1, д. 142, лл. 20 – 21).
57. Положение о Главном управлении по восстановлению г.Сталинграда при Совнарком РСФСР. Приложение № 3 к Постановлению Совнаркома РСФСР от 13 сентября 1945 г. «О мерах по восстановлению города Сталинграда» (ВОГА. Ф. 2864, оп. 1, д. 3, лл. 16 – 19).
58. Несмотря на малый объем строительства в первые годы своего существования, тресты Главсталинградстроя стали лауреатами Всероссийских конкурсов в 1946 и в 1947 гг. на лучшее здание, выстроенное в РСФСР, им были присуждены четыре премии и почетная грамота. См.: Симбирцев В. Из опыта восстановительных работ в Сталинграде / В. Симбирцев // Городское хозяйство Москвы. – 1949. – №1. – С. 25 – 33).
59. Только за 1946 г. получили квалификацию по ряду строительных профессий 3 755 чел. (См.: Ижиков А.А. Вопросы строительства в Сталинграде в 1947 г. / А.А. Ижиков // Архитектура и строительство. – 1947. – № 2. – С. 12 – 13).
60. Вступили в строй заводы: домостроения, деревянных изделий, минеральной шерсти, лесопильный, технологического оборудования, высокопрочного гипса. Были запроектированы еще около 30 крупных предприятий, среди них несколько заводов красного и силикатного кирпича, санитарно-технического оборудования, железобетонных, скобяных, керамических изделий, гончарно-канализационных труб и др. (См.: Симбирцев В.Н. Сталинград восстанавливается / В.Н.Симбирцев // Архитектура и строительство. – 1946. – № 2. – С. 4 – 5).
61. В первые годы восстановления было найдено большое количество остроумных приемов строительства, позволявших в какой-то мере компенсировать недостаток строительных материалов. Например, кровельное железо, побывавшее в огне и пробитое пулями, разрезалось на небольшие карты. На длинной стороне карты выбивались полувапы, после этого карты покрывались олифой и шли на покрытие крыш. Нехватка лесоматериалов и затруднения с транспортом заставили применять литую штукатурку перекрытий, шлако-алебастровые и опилочно-алебастровые перегородки, пробужденные растворы (мокрый помол шлако-мусора с добавлением извести или цемента). Это позволяло отказаться от завоза песка на стройки, давало экономию цемента. (См.: Чуянов А. Сталинград возрождается / А.Чуянов. – М., – 1944). Извлеченные из завалов деформированные металлические балки выпрямлялись и использовались в новых конструкциях, для этого Главсталинградстроем применялись прессы собственной системы. Большое распространение получили разработанные им сборные раздвижные стропила, применявшиеся затем во многих городах страны (См.: Колесников Н.И. Индустриализация строительства Сталинграда / Н.И. Колесников // Механизация трудоемких и тяжелых работ. – 1949. – № II. – С. 21 – 25).
62. Вавилов М.В. Об организации комплексной застройки восстанавливаемого города (На примере Сталинграда) / М.В.Вавилов // Основные архитектур-

- ные проблемы пятилетнего плана научно-исследовательских работ: материалы VII сессии Академии архитектуры СССР. – М., 1947. – С. 265 – 277.
63. Существенно важной частью этой программы было обеспечение гражданского строительства цементом на основе местных шлаков и природного местного сырья, внедрение легких железобетонных конструкций.
64. Авторы застройки ул. Мира: М.И. Синявский, А.Г. Туркенидзе, Л.О. Бумажный, Н.А. Наумова, К.Н. Афанасьев, А.Е. Пожарский и др. Кварталы № 4 и 8 разрабатывались проектной мастерской Управления главного архитектора города (См.: Пожарский А. Жилые кварталы в центре Сталинграда / А.Пожарский // Архитектура СССР. – М. 1947. – Сб. 15. – С. 20 – 22).
65. Мостаков А. Восстановление Сталинграда: проект застройки первой очереди / А. Мостаков // Архитектура СССР. – М., 1947. – Сб. 15. – С. 15 – 19.
66. Арх. В.Н. Симбирцев, И. Хомутов, скульптор В.И. Мухина.
67. Роль, которая отводилась застройке центра, хорошо отражена, например, в редакционной статье журнала «Архитектура СССР»: «Город – живой организм, и в этом организме обязательную и важнейшую роль играет его центр... Такая роль центральных площадей и ансамблей города придает их планировке и застройке особую значимость. Здесь с особой силой и выразительностью запечатлевается архитектурное лицо всего города, звучит в архитектуре нота монументальности» (См.: Градостроительная основа советской архитектуры // Архитектура СССР. – М., 1947. – Сб. 15. – С. 1 – 2).
68. ВОГА. Ф. 2864, оп. 1, д. 21, лл. 1 – 6.
69. Рубаненко Б. Основные вопросы планировки восстанавливаемых городов / Б. Рубаненко // Архитектура и строительство. – 1956. – № I. – С. 3 – 5.
70. Поляков Н. Планировка Сталинграда / Н. Поляков // Архитектура СССР. – М., 1944. – Сб. 6. – С. 2 – 5.
71. Экспериментальная работа Горстройпроекта (авторы Д.С. Меерсон, С.П. Селивановский) охватывала четыре жилых квартала в районе завода «Красный Октябрь». Для основных магистралей проектировались 2-этажные многоквартирные секционные жилые дома, на второстепенных улицах – 1-этажная и усадебная застройки. Дома были организованы в жилые группы с устройством общественных дворов-садов. Строительство кварталов проектировалось поточно-скоростными методами с заводским изготовлением элементов домов (См.: Меерсон Д.С. Малоэтажная застройка городского района / Д.С. Меерсон // Архитектура и строительство. – 1946. – № 14. – С. 7 – 9. Также: Меерсон Д.С. Архитектура жилого района Сталинграда / Д.С.Меерсон // Жилой дом. – 1948. – № I. – С. 12 – 18.
72. ЦГАНХ. Ф. 9432, оп. 1, д. 204, л. 10.
73. Кузнецов А. Творческие итоги восстановления городов РСФСР / А.Кузнецов // Архитектура СССР. – 1953. – № 6. – С. 1 – 14.
74. Постановления СМ СССР: от 4 октября 1948 г. «О мерах помощи в восстановлении города Сталинграда»; от 9 октября 1949 г. «О мерах по усилению жилищно-коммунального и культурно-бытового строительства в Сталин-

- граде»; от 8 мая 1951 г. «О мерах оказания помощи городу Сталинграду в жилищном строительстве».
75. Это решение в значительной мере было связано с тем, что в 1949 г. промышленность Сталинграда превысила довоенный уровень (Сталинградская правда. – 1950. – 15 февр.) Сталинград вновь стал крупнейшим промышленным центром. Значительная концентрация населения на периферии города, в особенности в северных районах, потребовала развития планировочных связей с центром.
76. Симбирцев В. Центр Сталинграда / В.Симбирцев // Сов. архитектура (Сб. СА СССР). – 1953. – № 4. – С. 40 – 45.
77. Центральная набережная – арх.В. Симбирцев, И. Фиалко, 1951 – 1952 гг. Облпартшкола. – арх.В. Симбирцев, Е. Левитан, Государственная премия СССР за 1950 г.
78. Водолагин М.А. Очерки... Указ.соч. – С. 396.
79. Волгоградская область располагает многими полезными нерудными ископаемыми. Известно до 60 месторождений мела и мергеля, служащих сырьем для получения цемента. В области много известняков, имеющих широкое применение в строительстве и промышленности. Кварцевый песок отправляется во все районы страны (См.: Сталинградская область. – Сталинград. – 1958. – С. 33 – 66).
80. ВОГА. Ф.48П, оп.13, д.8, с. 31 – 32.
81. В центре Сталинграда в эти годы были построены: вторая очередь ул. Мира (1952 – 1953 гг.); первая очередь проспекта В.И. Ленина; Обелиск на площади Павших борцов (1954 г., арх. В.Е. Шалашов); Аллея героев (1954 – 1955); заканчивается реконструкция площади Павших борцов (1957 г.); драмтеатр им. М. Горького (реконструкция Н. Куренного, 1952 г.), планетарий (1954), железнодорожный вокзал (С. Прискин, А. Куровский, 1954 г.). Проводится большая работа по оздоровлению среды города: засыпаются овраги, резко увеличивается количество зеленых насаждений в городе, заканчивается восстановление «зеленого кольца». В северных районах застраиваются участки, прилегающие к проспекту В.И. Ленина, а также главные районные магистрали и площади.
82. Дынкин А. Открытые дали... Указ.соч.
83. Симбирцев В. Восстановленный Сталинград / В.Симбирцев // Сов. архитектура: сб. СА СССР. – 1959. – № 11. – С. 55 – 58.
84. В начале 1960-х гг. Госстрой провел закрытый конкурс на разработку жилого района в Заканалье. В конкурсе приняли участие Ленинградское отделение Горстройпроекта (В.Г. Иващенко, А.Ф. Козлов, П.П. Позняков, В.Н. Полухин, Н.Г. Сваричевский, Д.А. Соломин); Московский архитектурный институт (В.В. Бабуров, Н.В. Дмитраш, Л.Р. Куракин, Б.И. Манарычев, Л.К. Навалихин, С.С. Ожегов, И.С. Телятников); Волгоградпроект (Б.Г. Арзамасцев, Г.М. Коваленко, Ю.И. Менякин, В.А. Минкин). Для дальнейшей разработки был рекомендован проект Волгоградпроекта с привлечением группы МАрхИ (См.: Масляев В. Конкурсные проекты за-

стройки Красноармейского района Волгограда / В. Масляев // На стройках России. – 1962. – № 4. – С. 12 – 13).

85. В октябре 1946 г. приступила к работе специально созданная комиссия обкома партии по точному определению исторических мест обороны Сталинграда и выработке предложений по их увековечению. Было принято решение о создании в городе исторических заповедников. К их числу были отнесены руины мельницы, «Стенка Родимцева», остов каланчи нефтесиндиката, развалины лаборатории на заводе «Красный Октябрь», директорский дом в Нижнем поселке завода «Баррикады» и др. В феврале 1948 г. площадь 9 января переименовали в площадь Обороны (ныне пл. Ленина). Решено было специальными постаментами с танковыми башнями объединить линию переднего края обороны, линию окопов на Мечетке и в районе Купоросной балки. Особое внимание уделялось Дому Павлова, Мамаеву кургану, монументу защитникам Царицына и Сталинграда. В 1949 г. закончилось выявление и оформление могил защитников города, поставлены памятники на общественные средства (См.: Водолагин М.А. Очерки ... Указ. соч. – С. 383 – 384).
86. Авторский коллектив: Е. Вучетич (рук.), арх. Я. Белопольский, В. Демин, скульпторы А. Новиков, А. Тюренков, В. Матросов.

4. Генеральные планы советского Челябинска: диалог сквозь десятилетия

1. Челябинск: энцикл. / сост. В.С. Боже, В.А. Черноземцев. – Челябинск, 2001. – С. 557 – 558.
2. Там же. – С. 859.
3. Генеральный проект планировки г. Челябинска: текстовая часть. – Л., 1936. – Т.2. – С. 99.
4. Меерович М.Г. Градостроительство и пространственное размещение промышленности как средство обеспечения общегосударственных программ // <http://www.minprom.gov.ru/expertise/experts/28>
5. ОГАЧО. Ф. 1284, оп. 6, ед.хр. 2. Основные положения по проектированию города при Бакальском металлургическом заводе.
6. Социально-экономические установки и схема распределения территории Челябинска. – Л., 1935. – Т. 2. – С. 128.
7. Генеральный проект планировки г. Челябинска. – Л., 1936. – Т. 1. – С. 22.
8. Челябинск: энцикл. – С. 558; 859.
9. Расчеты на основе данных переписей населения и публикации: Челябинск: энцикл. – С. 859.
10. Сабсович Л.М. Города будущего и организация социалистического быта / Л.М. Сабсович. – М., 1929; Сабсович Л.М. Социалистические города / М., 1930.
11. Генеральный проект планировки Челябинска. – Л., 1936. – Т. 2. – С. 102.

12. Подробнее об этом см.: Конышева Е.В. Градостроительство и архитектура Челябинска конца 1920-х – 1950-х гг. в контексте развития советского зодчества / Е.В. Конышева. – Челябинск, 2005.
13. О составлении и утверждении проектов планировки и социалистической реконструкции городов и других населенных мест СССР: Постановление ЦИК и СНК СССР от 27.06.1933 // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. документов за 50 лет. – М., 1967. – Т.2. – С. 425 – 427.
14. ОГАЧО. Ф.98, оп.1, ед.хр. 2566. Пояснительная записка к эскизному проекту планировки Челябинска. 30.11.28.
15. Там же. – Л. 17.
16. ОГАЧО. Ф. 98, оп. 1, ед. хр. 2749. Протоколы заседаний Президиумов Челябинского и Копейского Горсоветов 26.10.29 – 29.07.30, л. 44. Протокол № 13 от 11.12.29. О планировке Челябинска.
17. ОГАЧО. Ф. 98, оп. 1, ед. хр. 2566. Пояснительная записка... – Л. 1 – 18.
18. ОГАЧО. Ф.98, оп. 1, ед. хр. 2749. Протоколы заседаний Президиумов Челябинского и Копейского Горсоветов 26.10.29 – 29.07.30. – Л. 504.
19. ОГАЧО. Ф. 220, оп. 1, ед. хр. 165. Материалы по рассмотрению и утверждению проекта планировки г. Челябинска, л. 93. Договор Президиума Челябинского Горсовета и Уральского областного геодезического объединения Комитета ВСНХ СССР о проведении топографо-геодезических работ на территории городской земли и ее окрестностей.
20. ОГАЧО. Ф. 220, оп. 1, ед. хр. 414, л. 2. Постановление № 1 Президиума Горсовета от 30.12.30.
21. Лахтин В.Н. Система расселения и архитектурно-планировочная структура городов Урала – М., 1977. – С.68–69.
22. Генеральный проект планировки г. Челябинска. – Л., 1936.
23. Пояснительная записка к проекту реконструкции улиц и площадей города Челябинска. – Л., 1935.
24. Баранов Н. Объем и содержание планировочных работ / Н. Баранов // Архитектура СССР. – 1938. – № 4. – С. 7.
25. Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х гг.: от творческих поисков к практике строительства / Ю.Л. Косенкова. – М., 2000. – С. 20.
26. Баранов Н. Объем и содержание... Указ. соч. – С. 7.
27. Генеральный проект планировки г. Челябинска. – Л., 1936. – Т. 2. – С. 216.
28. Там же. – С. 135.
29. Социально-экономические установки и схема распределения территории Челябинска. – Л., 1935. – Т.2. – С. 217.
30. Там же. – С. 174.
31. Генеральный проект планировки г. Челябинска: текстовая часть. – Л., 1936. – Т. 1. – С. 101.
32. Социально-экономические установки и схема распределения территории. – Л., 1935. – Т. 2. – С. 133.

33. Там же.
34. Там же. – С. 133 – 137.
35. Там же.
36. Генеральный проект планировки Челябинска: текстовая часть. – Л., 1936. – Т. 2. – С. 15.
37. Планировка и строительство городов СССР: материалы III Пленума правления Союза советских архитекторов СССР. – М., 1938.
38. Пояснительная записка к проекту реконструкции улиц и площадей города Челябинска. – Л., 1935. – С. 3.
39. Там же. – С. 3 – 9.
40. Генеральный проект планировки Челябинска: текстовая часть. – Л., 1936. – Т. 2. – С. 15.
41. Там же. – С. 19; 168.
42. Там же. – С. 80 – 81.
43. ОГАЧО. Ф. 964, оп. 1, ед. хр. 52. Краткие сведения об архитектуре г. Челябинска. 20.12.35. – 08.02.36, л. 70.
44. Бакунин А.В. Градостроительство на Урале в период индустриализации / А.В. Бакунин, В.А. Цибульников – Свердловск, 1989. – С. 36.
45. Генеральный проект планировки г. Челябинска: текстовая часть. – Л., 1947. – С. 138 – 139.
46. Там же. – С. 155.
47. Там же. – С. 138 – 139.
48. Челябинск: энцикл. – С. 859.
49. РГАЭ. Ф. 9432, оп. 1, ед. хр. 258. Заключение по проекту генерального плана г. Челябинска. – Л. 49 – 50.
50. РГАЭ. Ф. 9432, оп. 1, ед. хр. 259. Сводное заключение по эскизу генерального плана г. Челябинска. – Л. 19.
51. Подробнее об этих процессах см.: Косенкова Ю.Л. Указ. соч. – С. 38 – 39.
52. РГАЭ. Ф. 9432, оп. 1, ед. хр. 259. Сводное заключение по эскизу генерального плана г. Челябинска. – Л. 86.
53. Генеральный проект планировки г. Челябинска. – Л., 1947. – С. 139.
54. Там же. – С. 174.
55. РГАЭ. Ф. 9432, оп. 1, ед. хр. 231. Основные положения для составления эскизного проекта планировки центрального ансамбля г. Челябинска. – Л. 75 – 76.
56. Там же. Сводное экспертное заключение по эскизным проектам центра г. Челябинска. – Л. 77.
57. Подробнее об этом см.: Паперный В. Культура 2 / В. Паперный. – М., 1996.
58. Архив ЦИКН. ВП 51/55 А 1346. Чернядьев И. Пояснительная записка к эскизному проекту застройки площади им. Ярославского в г. Челябинске. – Челябинск, 1952. ВП 53/1 А1390. Чернядьев И. Ашихмина Л. Застройка площади им. Ярославского в г. Челябинске: проектный вариант. 1952.

59. Архив ЦИКН, ВП 51 А 1346. Чернядьев И., Ривкин Б., Иванцова М. Детальный проект планировки ул. Спартак в г. Челябинске: проектный вариант.
60. Архив ЦИКН. Пояснительная записка к корректировке проекта планировки и застройки Челябинска. Челябинск, 1951. – С. 1.; ОГАЧО. Ф. 1258, оп. 1, ед. хр. 10. Переписка отдела по делам строительства и архитектуры Исполнительного комитета Челябинского городского Советов депутатов трудящихся с Обкомом ВКП (б) о застройке города в 1950 г.
61. РГАЭ. Ф. 9432, оп. 1, ед. хр. 258. Основные положения для планировки соцгорода ЧМЗ. – Л. 5 – 8.
62. Генеральный проект планировки г. Челябинска. – Л., 1947. – С. 174.
63. Челябинск: энцикл. – С. 558; 859.
64. Сенявский А.С. Российский город в 1960-е – 80-е годы / А.С. Сенявский. – М., 1985. – С. 93 – 95.
65. Челябинск: энцикл. – С. 558.
66. Смоляр И.М. Социальные предпосылки формирования города в эпоху НТР / И.М. Смоляр // Научные прогнозы развития и формирования советских городов на базе социалистического и научно-технического прогресса. – М., 1968. – Вып. 1. – С. 20.
67. Там же. – С. 22.
68. Генеральный план г. Челябинска: текстовая часть. – Челябинск, 1967. – С. 367.
69. Там же. – С. 365.
70. Там же. – С. 366.
71. Лахтин В.Н. Указ. соч.
72. Там же. – С. 111 – 112.
73. Там же. – С. 44.
74. Челябинск. Градостроительство вчера, сегодня, завтра. – Челябинск, 1986. – С. 89, 96.
75. Генеральный план г. Челябинска. – Челябинск, 1967. – С. 337 – 340, 372
76. Генеральный проект планировки г. Челябинска. – Л., 1947. – С. 154.
77. Генеральный план г. Челябинска. – Челябинск, 1967. – С. 77, 367, 369.
78. Подробнее о постиндустриальной трансформации Челябинска и городов Челябинской области см.: Никитин Л.В. Эволюция промышленных центров Челябинской области в индустриальное и постиндустриальное время / Л.В. Никитин, Е.В. Конышева // Проблемы российской истории. – Москва; Магнитогорск, 2006. – Вып. 6. – С. 450 – 482; Никитин Л.В. Челябинск на пути из индустриальной в постиндустриальную эпоху: экономико-градостроительные аспекты / Л.В. Никитин, Е.В. Конышева // Вестн. Чел. гос. пед. ун-та. – 2005. – Вып. 5. – С. 37 – 58. – (Серия 7. Экономика России: проблемы и перспективы).

РАЗДЕЛ IV

1. Постиндустриальные горизонты для крупнейших городов Урала: современные генпланы Екатеринбурга, Челябинска, Уфы и Перми

1. Классическое изложение теории постиндустриального общества принадлежит гарвардскому профессору Даниелу Беллу (Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting* / D. Bell. – N.Y., 1973.). Среди недавних публикаций следует, прежде всего, назвать работы Дж. Ритцера (Ritzer G. *The Coming of Post-Industrial Society. 2nd Edition* / G. Ritzer. – N.Y., 2007) и В.Л. Иноземцева (Иноземцев В.Л. *Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы* / В.Л. Иноземцев. – М., 2000).
2. Вардомский Л. Москва и провинция: проблемы столичной ренты в российской рыночной трансформации / Л. Вардомский // *Москва на фоне России и мира: проблемы и противоречия отношений столицы в контексте рыночной трансформации*. – М., 1999. – С. 53 – 69; Грицай О.В. Постиндустриальные сдвиги в Москве: концепция «глобального города» и структурная перестройка экономики / О.В. Грицай // *Изв. Акад. наук*. – 1996. – № 5. – С. 90 – 97. – (Серия географическая); Ершова Т.В., Хохлов Ю.Е. О концепции вхождения Москвы в информационное об-во / Т.В. Ершова, Ю.Е. Хохлов // *Информ. общество*. – 1999. – №4. – С. 19 – 24; Симагин Ю.А. Современный этап субурабанизации в Московском столичном регионе / Ю.А. Симагин. – М., 1997; Gritsai O. *Global Business services in Moscow: Patterns of Involvement* / O. Gritsai // *Urban Studies*. – 2004. – Vol.41(10). – P. 2001 – 2024; Kolossov V. *Moscow as an Emergent World City: International Links, Business Development, and the Entrepreneurial City* / V. Kolossov, O. Vendina, J. O'Loughlin // *Eurasian Geography and Economics*. – 2001. – Vol.43. – N.3. – P. 170 – 179.
3. Конышева Е.В. Эволюция промышленных центров Челябинской области в индустриальное и постиндустриальное время / Е.В. Конышева, Л.В. Никитин // *Проблемы российской истории*. – Москва–Магнитогорск, 2006. – Вып. VI. – С. 450 – 483; Никитин Л.В. Челябинск на пути из индустриальной в постиндустриальную эпоху: экономико-градостроительные аспекты / Л.В. Никитин, Е.В. Конышева // *Вестн. Чел. гос. пед. ун-та*. – 2005. – Вып. 5. – С. 37 – 58. – (Серия 7. Экономика России: проблемы и перспективы); Nikitin L. *A Changing Image of Steel Giant: Chelyabinsk as an Example of Transformations in Post-Soviet Russia*. Research Bulletin 90. Globalization and World Cities Research Group and Network (GaWC). Univ. of Loughborough, UK / L. Nikitin, A. Romashov, I. Tolkunova // <http://lboro.ac.uk/gawc/rb90.html>.
4. Вендина О.И. Перспективы полицентричного развития пространства России в контексте глобализации / О.И. Вендина // *Россия и ее регионы в XX*

- веке: территория, расселение, миграции. – М.: ОГИ, 2005. – С. 307 – 333; Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Города – центры современных регионов: формальные и неформальные / Т.Г. Нефедова // Россия и ее регионы в XX века: территория, расселение, миграции. – М.: ОГИ, 2005. – С. 281 – 306.
5. Уфа: <http://www.gorodufa.ru/gradostr/main.htm>.
Пермь: <http://www.gorodperm.ru/plan.asp>;
http://www.dpir.perm.ru/plan/files/gen_plan2020.zip.
Екатеринбург: <http://www.ekburg.ru/adm/adm>.
  6. <http://www.gs.rb.ru/mainleftenu/МО/Practic/protocol>;
<http://www.zakon.gorsovet-ufa.ru>.
  7. <http://www.ufacity.info/stroitelstvo/index.shtml>.
  8. Челябинск: генеральный план. – Челябинск: Южуралакадемцентр РААСН, 2002.
  9. <http://www.cheladmin.ru>.
  10. Решение Челябинской городской думы от 31.12.2003 №32/3 об утверждении Генерального плана города Челябинска (вместе с аннотацией Генерального плана города Челябинска) // www.bestpravo.ru/chel/data04/tex17696.htm.
  11. Были использованы официальные ежегодные издания Федеральной службы государственной статистики (Росстата): «Численность и миграция населения Российской Федерации», «Регионы России: основные социально-экономические показатели городов», «Регионы России: основные характеристики субъектов Российской Федерации», «Регионы России: социально-экономические показатели» и «Строительство в России».
  12. Это относится, например, к статистическому изучению внутригородской офисной географии и к индексам банковской активности, которые были рассчитаны в ходе совместной работы автора с британским научным центром GaWC (Globalization and World Cities Research Group and Network) при Университете Лафборо.
  13. Под «Большим Уралом» здесь и далее подразумеваются 10 субъектов Федерации, относящихся к Уральскому экономическому району или Уральскому федеральному округу (или же к обоим названным пространствам сразу): Республики Башкортостан и Удмуртия, Пермский край, Курганская, Оренбургская, Свердловская и Челябинская области, а также Тюменская область вместе с Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами.
  14. Расчеты на основе данных Госкомстата (Росстата).
  15. По данным Всероссийской переписи 2002 г., население Свердловской области составляло 4490 тыс. (5-е место среди субъектов Российской Федерации), Башкортостана – 4103 тыс. (7-е место), Челябинской области – 3606 тыс. (9-е место), Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа, которые позднее вошли в объединенный Пермский край, – 2824 тыс. (16-е место).
  16. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Указ. соч. – С. 283.

17. Расчеты на основе данных Госкомстата (Росстата).
18. Вендина О.И. Указ. соч.; Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Указ. соч.; Лексин В.Н. «Региональные столицы» в экономике и социальной жизни России / В.Н. Лексин // *Вопр. экономики.* – 2006. – № 7. – С. 84 – 93.
19. Расчеты на основе данных Госкомстата (Росстата).
20. Расчеты на основе данных Госкомстата (Росстата).
21. Расчеты на основе данных Госкомстата (Росстата).
22. Расчеты на основе данных Росстата (Регионы России: основные социально-экономические показатели городов. 2005. – М., 2005; Регионы России: основные социально-экономические показатели городов. 2006. – М., 2006).
23. Расчеты на основе данных Госкомстата (Росстата).
24. Об использованной здесь методике исследовательского центра GaWC (Университет Лафборо, Великобритания), а также А. Одлерсона и Дж. Бекфилда (Университет Индианы, США), см.: Nikitin L. Measurement of Non-Global Network: Urban Nodes and Regional Groupings in the Russian Banking Sector. Research Bulletin 166. Globalization and World Cities Research Group and Network (GaWC). University of Loughborough // <http://lboro.ac.uk/gawc/rb166.html>; Никитин Л.В. Концентрация банковского бизнеса в городах Урала: опыт количественных сопоставлений / Л.В. Никитин // *Изв. Чел. науч. центра.* – 2005. – Вып. 4. – С. 181 – 186.
25. Расчеты на основе методики GaWC и Одлерсона – Бекфилда.
26. Никитин Л.В. Миллионные города на банковской карте России: масштабы бизнеса, география влияния и сетевые связи / Л.В. Никитин // *Вопр. экономики.* – 2008. – № 9.
27. Расчеты на основе информации о корпоративных сетях и данных Всероссийской переписи населения 2002 г.
28. <http://www.gs.spylog.ru>.
29. Никитин Л.В., Конышева Е.В. Челябинск... Указ. соч. – С. 49.
30. Расчеты на основе данных агентства SpyLOG и Росстата.
31. Расчеты на основе статистики поисковых систем.
32. Само это выражение использовано Г.М. Лаппо по отношению к статусу Самары в Поволжском экономическом районе (Лаппо Г.М. География городов / Г.М. Лаппо. – М., 1997. – С. 428).
33. Этот тезис на примере Челябинска раскрывается в публикации: Конышева Е.В. Генеральные планы Челябинска 1967 и 2003 годов: эволюция индустриального города в современных условиях / Е.В. Конышева, Л.В. Никитин // *Культура и искусство в памятниках и исследованиях: сб. науч. тр.* – Челябинск: ЮУрГУ, 2004. – Вып. 3. – С. 141 – 155.
34. Региональные особенности градостроительства Урала / под общей ред. В.А. Колясникова. – Екатеринбург: Изд-во «Архитектон», 1995. – Ч. 2. – С. 84 – 106.
35. Конышева Е.В., Никитин Л.В. Генеральные планы... Указ. соч. – С. 144.
36. Несмотря на это обстоятельство, Пермь, население которой на протяжении почти 25 лет превышало 1 млн, а сейчас составляет около 990 тыс., вместе

- с Екатеринбург, Челябинском и Уфой именуется здесь городом-«миллионером».
37. Пермь. Генеральный план: основные положения. – С. 6 // <http://www.gorodperm.ru/plan>.
38. <http://www.strategy-burg.ru>.
39. Челябинск. Генеральный план: производственно-экономические и социальные направления развития города. – С. 54.
40. Уфа. Генеральный план: социально-экономические параметры градостроительных преобразований. Разд. 2 // <http://www.gorodufa.ru/gradostr/main.htm>.
41. Пермь. Генеральный план: основные положения. – С. 5 – 6 // <http://www.gorodperm.ru/plan>.
42. Екатеринбург. Генеральный план: планировочная структура, природный комплекс Екатеринбурга // <http://www.ekburg.ru/adm/adm>.
43. Лахтин В.Н. Система расселения и архитектурно-планировочная структура городов Урала / В.Н. Лахтин. – М., 1977. – С. 113.
44. Челябинск. Генеральный план: стратегия градостроительного планирования развития территорий Челябинска – С. 90 – 98.
45. Уфа. Корректировка генерального плана. Пояснительная записка для общественных слушаний – С. 9 – 10, 34 – 35 // <http://www.gorsovet-ufa.ru>.
46. Уфа. Корректировка генерального плана... – С. 8 // <http://www.gorsovet-ufa.ru>.
47. <http://www.ufacity.info/stroitelstvo/shaksha.rar>.
48. Вот как описывает сложившееся взаиморасположение города и реки известный уральский литератор Алексей Иванов: «Пермь повернута боком к Каме – сразу и не поймешь, что это город на реке. Во-первых, раньше здесь стояли всякие амбары, потом проложили железную дорогу – и все эти хозяйственные постройки отгородили город от реки. А во-вторых, сработал бюрократический менталитет города. Лицом город повернут к зданиям власти, солнце встает над горсоветом...» (Эксперт – 2007. – № 10. – С. 87). Преодолеть подобную ситуацию и начать разворот города к Каме призван генеральный план 2004 года.
49. Пермь. Генеральный план: формирование природно-экологического каркаса, городская система озеленения – С. 22 // http://www.dpir.perm.ru/plan/files/gen_plan2020.zip.
50. Там же – С. 14 // http://www.dpir.perm.ru/plan/files/gen_plan2020.zip.
51. См., напр.: Banyas J. M. Reconnection: Industrial Waterfronts in a Post-industrial City / J.M. Banyas. – Cincinnati, 2004; Никитин Л.В. Судьба «стальных городов» в индустриальное и постиндустриальное время (на примере Питсбурга и Челябинска) / Л.В. Никитин // Диалог Атлантика – Урал. – Челябинск, 2006. – С. 46 – 59.
52. Екатеринбург. Генеральный план: историко-архитектурные направления // <http://www.ekburg.ru/adm/adm>.

-
53. Челябинск. Генеральный план: стратегия градостроительного планирования развития территорий Челябинска. – С.96 – 97; 104 – 105.
  54. Уфа. Генеральный план: архитектурно-планировочный каркас // http://www.gorodufa.ru/gradostr/genplan/text_genplana.htm.
  55. Подробный проект представлен на сайте Главархитектуры Уфы по адресу: http://www.gorodufa.ru/gradostr/design_planing.htm.
  56. Пермь. Генеральный план. – С. 10 – 12; 14 – 15 // http://www.dpir.perm.ru/plan/files/gen_plan2020.zip.
  57. http://www.gallery.permonline.ru/news/2007_d45.htm.
  58. В данной работе приняты следующие границы CBD. В Екатеринбурге: ул. Московская – ул. Челюскинцев – ул. Мельковская – ул. Короленко – ул. Восточная – ул. Декабристов. В Челябинске: ул. Энгельса – ул. Бр. Кашириных – ул. Российская – ул. Тимирязева – ул. С. Кривой. В Уфе: ул. Аксакова – бульвар Г. Ибрагимова – ул. Айская – р. Сутолока – р. Белая. В Перми: ул. Кирсанова – р. Кама – железная дорога – р. Мотовилиха – ул. Красногвардейская – р. Ива – ул. Ким - бульвар Гагарина – ул. Разгуляйская – ул. Пушкина.
  59. <http://www.allinform.ru>; <http://www.ufainfo.ru>.
  60. Расчеты на основе официальной справочной информации.
  61. Taylor P. Financial Services Clustering and its Significance for London / P.Taylor, J. Beaverstock, G. Cook, N. Pandi. – L., 2003; <http://www.lddc-history.org.uk/beforelddc/index.html>.
  62. Kolossov V., Vendina O., O'Loughlin J. Op. cit.
  63. Екатеринбург. Генеральный план: историко-архитектурные направления, система общественных центров в городе // <http://www.ekburg.ru/adm/adm>.
  64. Там же.
  65. Челябинск. Генеральный план: стратегия градостроительного планирования развития территорий Челябинска. – С.96 – 97; 106 – 107; 148 – 149.
  66. Уфа. Генеральный план: архитектурно-планировочный каркас // http://www.gorodufa.ru/gradostr/genplan/text_genplana.htm.
  67. Уже упомянутый Алексей Иванов пишет о Перми, противопоставляя ее Екатеринбургу: «Город низкий. Современной архитектуры мало. Город не цельный, аморфный, какой-то «недовоплощенный», без легенды» (Иванов А. Message: Чусовая / А. Иванов. – СПб., 2007. – С. 317). Конечно, с таким суждением можно и поспорить, но в любом случае облик Перми вскоре обретет новые, вполне современные черты.
  68. Пермь. Генеральный план – С. 14 – 18 // http://www.dpir.perm.ru/plan/files/gen_plan2020.zip.
  69. Екатеринбург. Генеральный план: жилищное строительство // <http://www.ekburg.ru/adm/adm>; Челябинск. Генеральный план: стратегия градостроительного планирования развития территорий Челябинска. – С. 124; Уфа. Генеральный план: социально-экономические параметры градостроительных преобразований. Расчетные объемы жилищного строительства // http://www.gorodufa.ru/gradostr/genplan/text_genplana.htm;

- Пермь. Генеральный план – С. 13–14 // http://www.dpir.perm.ru/plan/files/gen_plan2020.zip.
70. Расчеты на основе данных Росстата (Госкомстата) и генпланов.
71. По официальным данным Росстата (Регионы России: основные социально-экономические показатели городов. 2006. – М., 2006).
72. Екатеринбург. Генеральный план: жилищное строительство // <http://www.ekburg.ru/adm/adm>; Челябинск. Генеральный план: стратегия градостроительного планирования развития территорий Челябинска – С. 120; Уфа. Генеральный план: социально-экономические параметры градостроительных преобразований, расчетные объемы жилищного строительства // http://www.gorodufa.ru/gradostr/genplan/text_genplana.htm; Пермь. Генеральный план – С.13 // http://www.dpir.perm.ru/plan/files/gen_plan2020.zip.
73. Правда, применительно к России можно говорить лишь о начале этого процесса. Еще несколько лет назад в одной из публикаций Т.Г. Нефедовой подчеркивались отличия «сезонной дачной субурбанизации» в России от «субурбанизации в западном смысле слова» (Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. – М., 2001. – С. 399).
74. Уже наметившуюся «пригородную экспансию» Челябинска можно проследить по значительному увеличению доли Сосновского района в общих показателях жилищного строительства Челябинской области (см. Конышева Е.В., Никитин Л.В. Генеральные планы... Указ. соч. – С. 154).
75. Екатеринбург. Генеральный план: жилищное строительство // <http://www.ekburg.ru/adm/adm>.
76. Челябинск. Генеральный план: стратегия градостроительного планирования развития территорий Челябинска, основные направления развития инженерно-транспортной инфраструктуры города – С. 163.
77. Расчеты на основе данных Росстата (Регионы России: основные социально-экономические показатели городов. 2005 – М., 2005; Регионы России: основные социально-экономические показатели городов. 2006 – М., 2006).
78. Расчеты на основе данных Росстата (Госкомстата) и генплана Челябинска 2003 г.
79. Расчеты на основе данных Росстата (Госкомстата).
80. Екатеринбург. Генеральный план: общественный транспорт // <http://www.ekburg.ru/adm/adm>.
81. Уфа. Генеральный план: развитие транспортной инфраструктуры, городской транспорт // http://www.gorodufa.ru/gradostr/genplan/text_genplana.htm.
82. Пермь. Генеральный план. – С. 19 – 20; 27 // http://www.dpir.perm.ru/plan/files/gen_plan2020.zip; Челябинск. Генеральный план: стратегия градостроительного планирования развития территорий Челябинска, основные направления развития инженерно-транспортной инфраструктуры города – С.151 – 168.
83. Урал. раб. – 2007. – 24 марта.

84. Екатеринбург. Генеральный план: общественный транспорт // <http://www.ekburg.ru/adm/adm>.
85. К настоящему моменту метрополитены действуют в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Самаре, Екатеринбурге и Казани. На ближайшие годы намечено открытие первой очереди метро в Омске, а также, возможно, в Красноярске. Следующим в этом ряду должен стать Челябинск.
86. Челябинск. Генеральный план: стратегия градостроительного планирования развития территорий Челябинска, основные направления развития инженерно-транспортной инфраструктуры города – С.166.
87. Уфа. Генеральный план: развитие транспортной инфраструктуры, городской транспорт // http://www.gorodufa.ru/gradostr/genplan/text_genplana.htm.
88. Пермь. Генеральный план. – С. 20 // http://www.dpir.perm.ru/plan/files/gen_plan2020.zip.
89. Там же.
90. Расчеты на основе данных Росстата и публикации: Город и деревня в Европейской России... Указ. соч. – С. 551 – 553.
91. Главными направлениями маятниковых миграций (в пределах полуторачасовой изохронны, с учетом основных линий пригородных поездов и автобусов) являются: в Свердловской агломерации – Арамиль, Белоярский, Березовский, Верхняя Пышма, Заречный, Первоуральск, Полевской, Ревда, Среднеуральск, Сысерть, в Челябинской агломерации – Еманжелинск, Копейск, Коркино, Красногорск, Роза, Сосновский район, в Уфимской агломерации – Дёма, Благовещенск, Иглино, Чишмы, Шакша, в Пермской агломерации – Гамово, Краснокамск, Кукуштан, Кулутаево, Оверята, Полазна.
92. Екатеринбург. Генеральный план: городская агломерация // <http://www.ekburg.ru/adm/adm>.
93. См.: Баканов С.А. Депрессивные города Урала в 1960-е – 1980-е годы. Анализ социально-экономических и демографических факторов / С.А. Баканов. – Челябинск, 2005.
94. Челябинск. Генеральный план – С. 34, 84, 141, 154.
95. Уфа. Генеральный план: сравнительная оценка вариантов жилищного строительства, потенциальные возможности районов нового освоения // http://www.gorodufa.ru/gradostr/genplan/text_genplana.htm.
96. Уфа. Генеральный план: Уфа и Уфимский район, как единое социально-экономическое пространство // http://www.gorodufa.ru/gradostr/genplan/text_genplana.htm.
97. Пермь. Генеральный план. – С. 9 // http://www.dpir.perm.ru/plan/files/gen_plan2020.zip.
98. Известия. Ру // <http://www.izvestia.ru/perm/article3103027/index.html>.
99. Расчеты на основе официальных летних расписаний 2007 г.
100. Екатеринбург. Генеральный план: логистика // <http://www.ekburg.ru/>

---

adm/adm.

101. http://www.ec.europa.eu/ten/transport/maps/axes_en.htm.
102. Челябинск. Генеральный план: основные направления развития инженерно-транспортной инфраструктуры города – С. 152 – 155.
103. Там же. – С. 155 – 156.
104. Уфа. Генеральный план: развитие инфраструктуры внешнего транспорта // http://www.gorodufa.ru/gradostr/genplan/text_genplana.htm..
105. Там же.
106. Пермь. Генеральный план. – С. 8 – 9 // http://dpir.perm.ru/plan/files/gen_plan2020.zip.
107. Там же. – С. 24, 26.
108. Город и деревня в Европейской России... – С. 551 – 553.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АСНОВА – Ассоциация новых архитекторов
ВАРНИТСО – Всесоюзная ассоциация работников науки и техники содействия социалистическому строительству
ВКП (б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи
ВОГА – Волгоградский областной государственный архив (Волгоград)
ВПК – Военно-промышленный комплекс
ВСНХ – Высший совет народного хозяйства
ВХУТЕИН – Высший художественно-технический институт
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
ГАОО – Государственный архив Оренбургской области (Оренбург)
ГАПО – Государственный архив Пермской области (Пермь)
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ГАСО – Государственный архив Свердловской области (Екатеринбург)
ГНИМА – Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева (Москва)
ГОЭЛРО – Государственная комиссия по электрификации России
ГСНХ – Губернский совет народного хозяйства
ГЭУ ВСНХ – Главное экономическое управление ВСНХ
ЗАО – Закрытое акционерное общество
ИНОРС – иностранные работники и специалисты
ИРИ – Институт Российской истории
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
МАО – Московское архитектурное общество
МАРХИ – Московский архитектурный институт
МВД – Министерство внутренних дел
НИИ – Научно-исследовательский институт
НИИТАГ – Научно-исследовательский институт теории архитектуры и градостроительства, Москва
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НККХ – Народный комиссариат коммунального хозяйства
НКПС – Народный комиссариат путей сообщения
НКРКИ – Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции
НКТП – Народный комиссариат тяжелой промышленности
НЭП – Новая экономическая политика
ОГАЧО – Объединенный государственный архив Челябинской области (Челябинск)

ОГПУ – Объединенное главное политическое управление при СНК СССР
ОИКМ – Орский историко-краеведческий музей (Орск)
ОМХ НКВД – Отдел местного хозяйства НКВД
ОСА – Объединение современных архитекторов
ОСОАВИАХИМ – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству
ОФ ГАОО – Орский филиал государственного архива Оренбургской области (Орск)
ПОКМ – Пермский областной краеведческий музей (Пермь)
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
РААСН – Российская академия архитектуры и строительных наук
РАН – Российская академия наук
РАХН – Российская академия художественных наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
РГАЭ – Российский государственный архив экономики (Москва)
РГВА – Российский государственный военный архив (Москва)
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
РГИА – Российский государственный исторический архив (Москва)
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд (Москва)
РЖСКТ – Рабочее жилищно-строительное кооперативное товарищество
РККА – Рабоче-крестьянская Красная Армия
РКП (б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)
РНБ – Российская национальная библиотека (Москва)
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СЗ СССР – Свод законов СССР
СНК – Совет народных комиссаров
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
СТО – Совет по труду и обороне
ССА – Союз советских архитекторов
СУ РСФСР – Статистическое управление РСФСР
ЦГАНХ – Центральный государственный архив народного хозяйства (Москва)
ЦГИАРБ – Центральный государственный исторический архив республики Башкортостан (Уфа)
ЦИК – Центральный исполнительный комитет
ЦК – Центральный комитет
ЦИКН – Центр историко-культурного наследия (Челябинск)

ЦСУ – Центральное статистическое управление

ЧОКМ – Челябинский областной краеведческий музей (Челябинск)

ЮУЖД – Южно-уральская железная дорога

ЭКОСО – Экономический совет при СНК СССР

CBD – Central Business District

GaWC – Globalization and World Cities Study Group and Network, University of Loughborough, United Kingdom

---

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

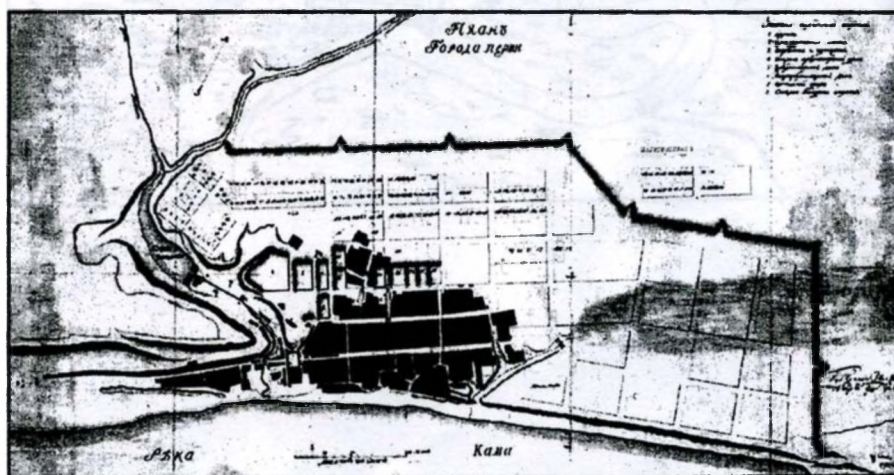
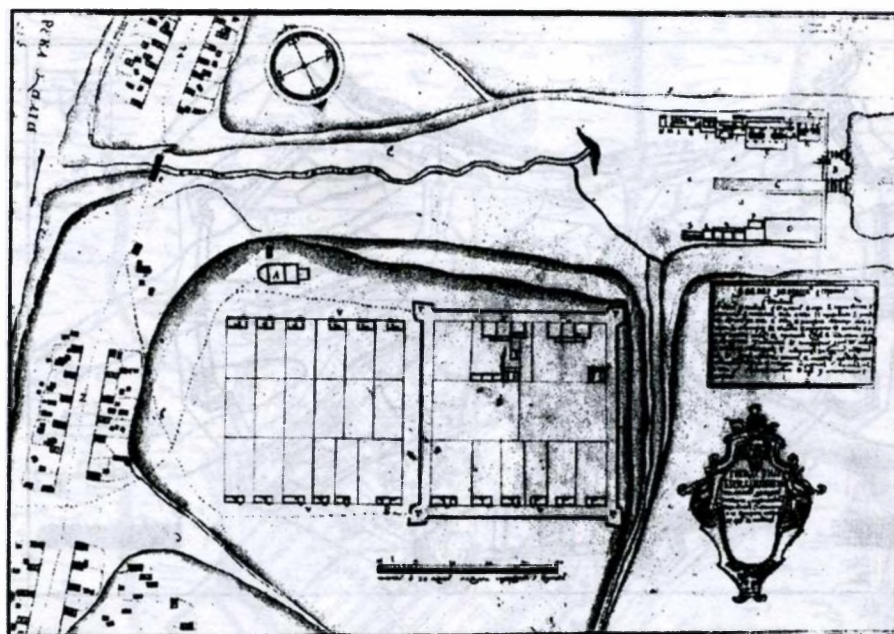
---

1. «Звание заводское и прочее строение». План Егошихинского завода (до 1734 г.) по: Г.В. де Геннин. Собранная натуралии и минералии камеръ в Сибирских горных и завоцкихъ дистриктахъ также чрез ево о вновь строенных и старых исправленных горных завоцких строениях и протчих куриозныхъ вещах Абрисы. – Екатеринбург, 1735.
2. План города Перми. 1782 г. Составлен А.Е. Грубером. ГАПО, Ф. 716, оп. 3, д. 4; ПОКМ. НВ 2526/10
3. План города Уфы. 1710 г. ЦГАДА. Ф. 284, д. 38, л. 3.
4. План города Оренбурга. 1742 г. РГИА. Ф. 1399, оп.1, д. 563.
5. План Орской крепости. 1742 г. РГИА. Ф.1399, оп.1, д. 569.
6. Генеральный план города Верхнеуральска. 1838 г. РГВИА. Ф. 846 (ВУА), оп.16, ед.хр. 21805.
7. Генеральный план города Оренбурга 1875 г. РГИА. Ф. 1424, оп.1, д. 245.
8. План Челябинской крепости. РГАДА. Ф. 248, оп. 160, д. 4, кн. 139.
9. План города Челябинска. 1768 г. ОГАЧО. Ф. И-87, оп.1, д. 34 в.
10. Схема расположения разновременных границ Челябинска и кладбищ относительно современной ситуации. Реконструкция Г.Х. Самигулова
11. «План Уфимскаго наместничества уезднаго города Челябинска снятия учиненнаго в сентябре 1784 года». ЧОКМ. НВ. № 14141.
12. Названия улиц Челябинска конца XVIII – начала XIX вв. Реконструкция Г.Х. Самигулова
13. Названия улиц Челябинска по «Плану о наименовании улиц» 1853 г. Реконструкция на основании текстовых архивных материалов Г.Х. Самигулова
14. Фрагмент плана Челябинска 1913 г. Показаны названия улиц после переименования 1881 г.
15. Проект соцгорода Челябинского тракторного завода. 1930 г. Перспектива. ОГАЧО. Ф. 379, оп. 2, ед. хр. 63.
16. Жилая застройка в соцгороде Челябинского тракторного завода. 1931 – 1933 гг. Фото начала 1930-х гг. ОГАЧО. Ф. 379, оп. 2, ед. хр. 63.
17. Соцгород ЧТЗ. 1930-е – 1950-е гг. Схема планировки. Историко-архитектурный опорный план и проект охранных зон Челябинска, 1992.

18. Проект планировки города Орска. 1935 г. ОФ ГАОО. Ф. Р-33, оп.1, д.1а, л. 1.
19. Техпроект квартала № 8 в городе Орске. ОФ ГАОО. Ф. Р-33, оп. 1а, л. 10.
20. Схема планировки Сталинграда. 1943 – 1944 гг. Арх. К. Алабян, А. Щусев, Н. Поляков и др. Фотоархив отдела истории архитектуры Новейшего времени НИИТАГ.
21. Эскиз застройки центра Сталинграда. 1943 г. Арх. А.Щусев. Фотоархив отдела истории архитектуры Новейшего времени НИИТАГ.
22. Проект памятника-музея обороны Сталинграда. 1943 – 1944 гг. Арх. А. Буров. Фотоархив отдела истории архитектуры Новейшего времени НИИТАГ.
23. Проект застройки центра Сталинграда. Макет. 1945 – 1946 гг. Арх. К. Алабян, Д. Бурдин, А. Ершов. Фотоархив отдела истории архитектуры Новейшего времени НИИТАГ.
24. Заказной проект застройки центра Сталинграда. 1945 г. Арх. В. Олтаржевский. Опубликовано: Архитектура СССР. – 1945. – Вып. 11. – С. 27.
25. Конкурсный проект застройки центра Сталинграда. 2-я премия. 1945 г. Арх. Е. Стамо, В. Пелевин. Опубликовано: Архитектура СССР. – 1945. – Вып. 11. – С. 23.
26. Конкурсный проект застройки центра Сталинграда. 3-я премия. 1945 г. Арх. А. Дзержкович. Опубликовано: Архитектура СССР. – 1945. – Вып. 11. – С. 23.
27. Проект Дома Советов в Сталинграде. Макет. 1952 г. Арх. Л. Руднев. Фотоархив отдела истории архитектуры Новейшего времени НИИТАГ.
28. Центральная набережная Сталинграда. 1951 – 1953 гг. Арх. В. Симбирцев, И. Фиалко. Фотоархив отдела истории архитектуры Новейшего времени НИИТАГ.
29. Улица Мира в Сталинграде в процессе застройки. Начало 1950-х гг. В перспективе улицы – здание планетария. Арх. В. Симбирцев. Фотоархив отдела истории архитектуры Новейшего времени НИИТАГ.
30. Схема планировки Челябинска. 1926 – 1928 гг. Опубликовано: Челябинск. Градостроительство вчера, сегодня, завтра. – Челябинск, 1986. – С. 39.
31. Схема планировки Челябинска. 1936 г. Опубликовано: Челябинск. Градостроительство вчера, сегодня, завтра. – Челябинск, 1986. – С. 42.

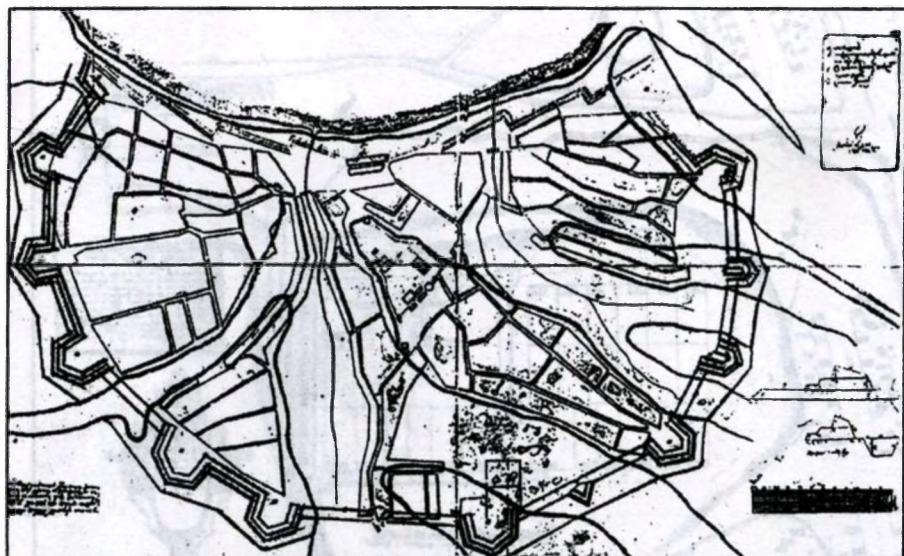
32. Схема развития Челябинска по генеральному плану 1936 г. Опубликовано: Челябинск. Градостроительство вчера, сегодня, завтра. – Челябинск, 1986. – С. 51.
33. Схема развития Челябинска по генеральному плану 1947 г. Опубликовано: Челябинск. Градостроительство вчера, сегодня, завтра. – Челябинск, 1986. – С. 61.
34. Схема развития Челябинска по генеральному плану 1967 г. Опубликовано: Челябинск. Градостроительство вчера, сегодня, завтра. – Челябинск, 1986. – С. 81.
35. Проект центрального ансамбля Челябинска. 1947 г. Перспектива. Арх. Л. Баталов, И. Чернядьев. Архив ЦИКН. ВП 53/1. А 1346.
36. Проект застройки площади Революции. Первая половина 1950-х гг. Перспектива со стороны ул. Спартака. Арх. Е. Александров. Личный архив арх. Е. Александрова.
37. Проект застройки пл. Ярославского. 1952. Макет. Арх. И. Чернядьев, Л. Ашихмина. Архив ЦИКН. ВП 53/1. А 1390.
38. Проект застройки ул. Спартака в Челябинске. 1948 г. План. Арх. И. Чернядьев, М. Иванцова, А. Ривкин. Опубликовано: Застройка советских городов. – М., 1957. – С. 114.
39. Проект застройки соцгорода Челябинского металлургического завода. Вторая половина 1940-х гг. Схема плана. Опубликовано: Шишкин И.А. Некоторые вопросы планировки и застройки городов Урала / И.А. Шишкин, Л.Е. Бирюков // Проблемы советского градостроительства. – М., 1952. – Вып. 3. – С. 76.
40. Застройка ул. Хмельницкого. 1954 – 1959. Арх. В. Болдырев, Я. Скуратовский. Опубликовано: Челябинск. Градостроительство вчера, сегодня, завтра. – Челябинск, 1986. – С. 70.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

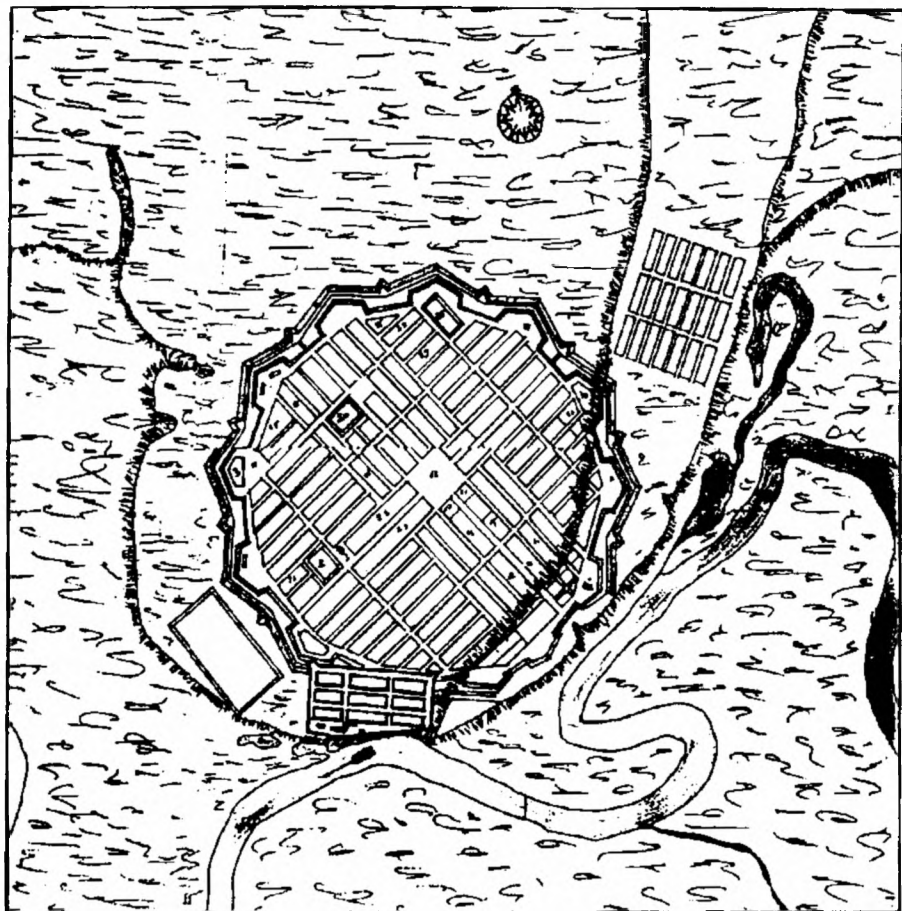

Ил. 1. План Игошихинского завода (до 1734 г.)

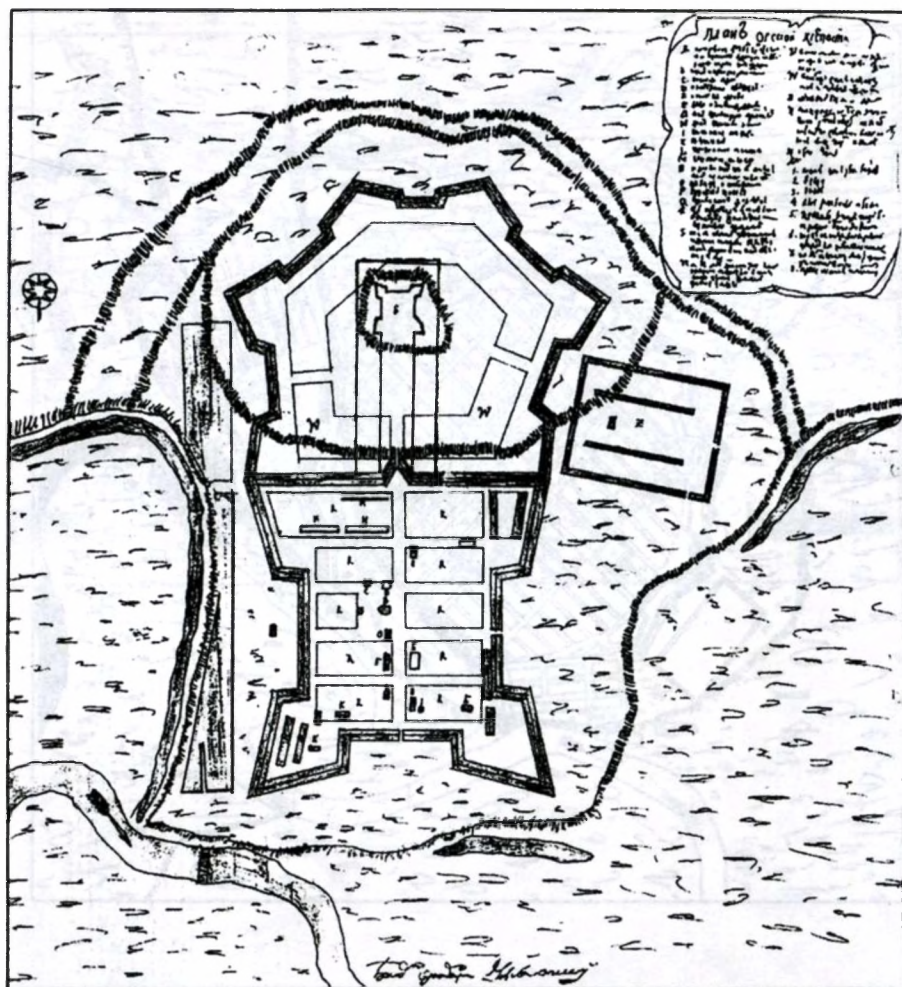
Ил. 2. План города Перми. 1782 г.

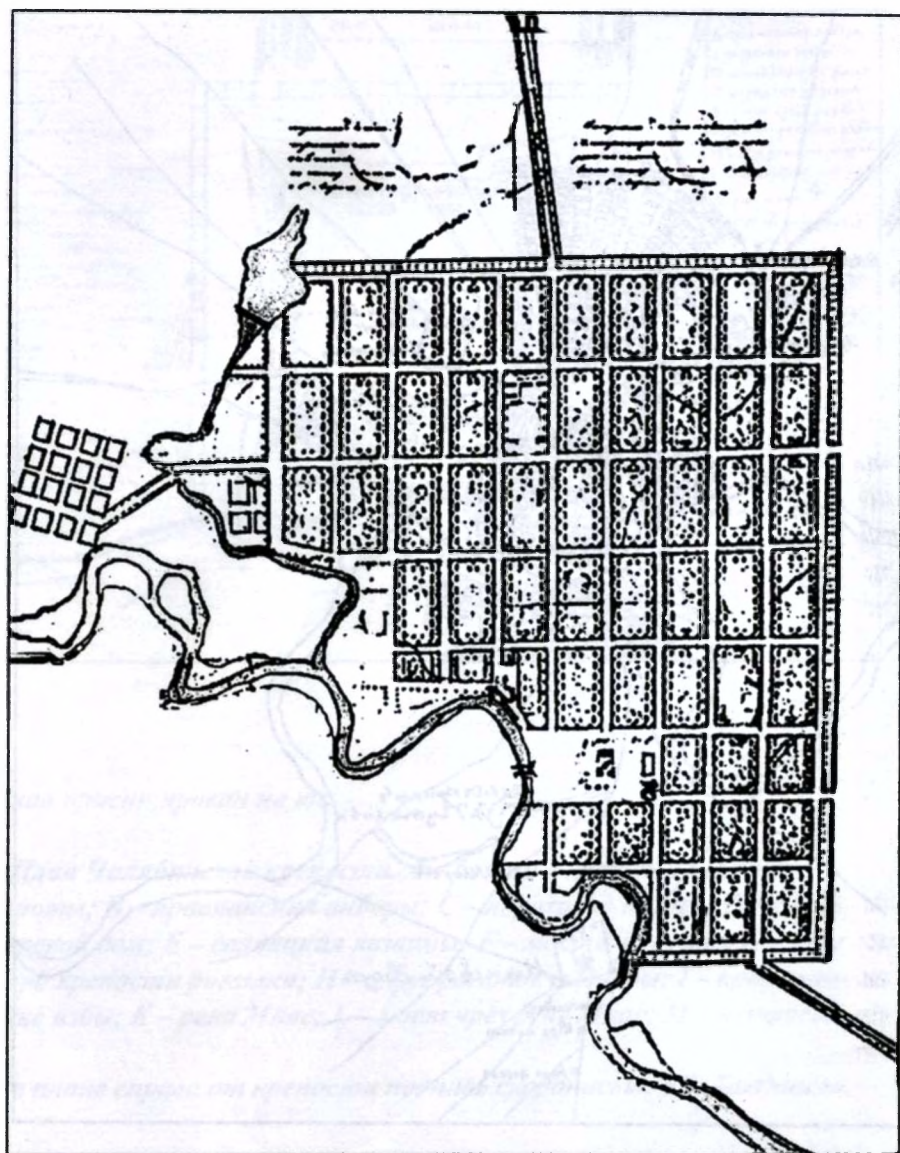
Ил. 3. План города Уфы. 1710 г.

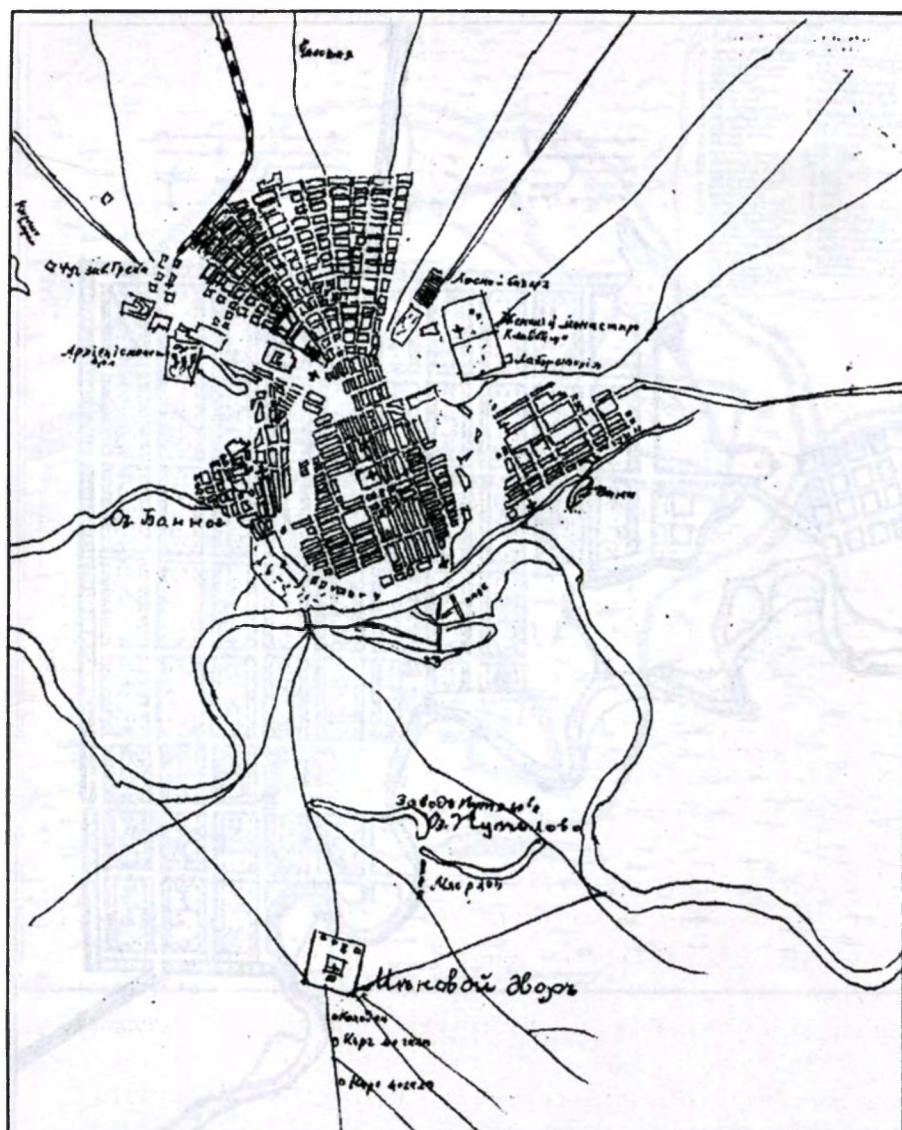
Ил. 4. План Оренбургской крепости. 1742 г.

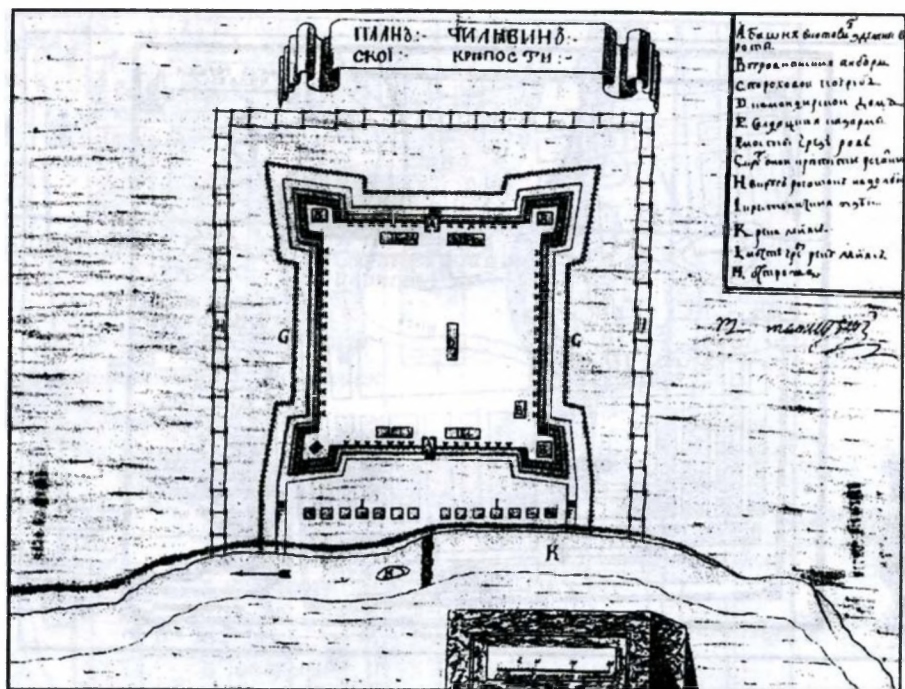
Ил. 5. План Орской крепости. 1742 г.

Ил. 6. План города Верхнеуральска. 1838 г.

Ил. 7. План города Оренбурга. 1875 г.

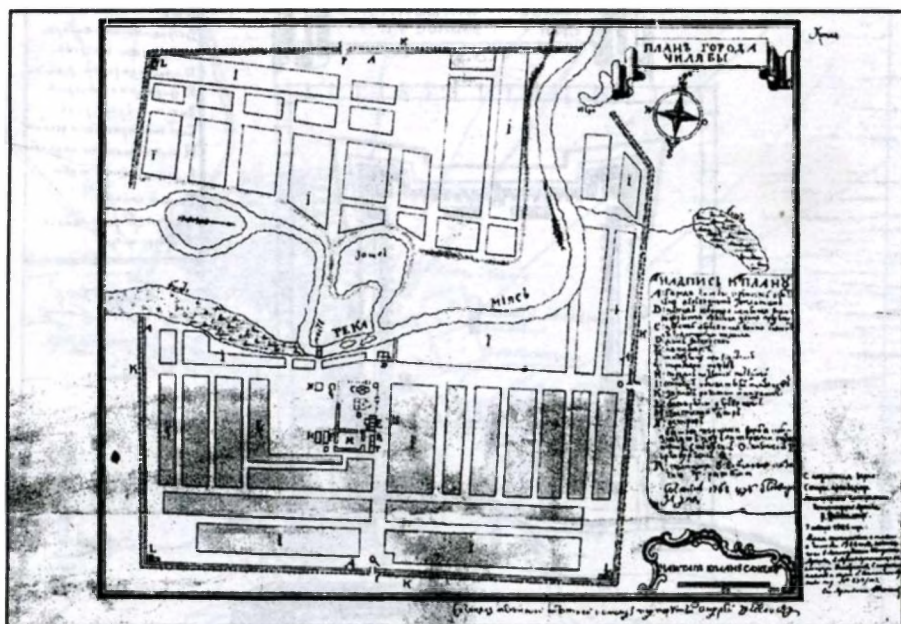

План ориентирован на юг.

«План Челябинской крепости. А – башни в которых сделаны ворота; В – правильная анбары; С – пороховой погреб; D – командирской дам; Е – салдацкая казармы; F – мосты чрез ров; G – круг оной крепости рогатки; H – вкруг рогаток надалбы; I – крестьянские избы; K – река Мияс; L – мост чрез реку Мияс; M – острова».

На плане справа от крепости подпись скорописью: «В. Татищев».

Ил. 8. План Челябинской крепости

Надпись к плану:

«А – города Челябинцы крепость обнесена деревянным заплотом.

В – церковь соборная каменная во имя Рождества Христова с двумя каменными пределами

С – церковь деревянная во имя святителя чудотворца Николая

Д – дам воеводской

Е – канцелярия

Ф – магазинов правянтских

Г – пороховой погреб

Н – подвал казенный питейный

И – строение обывателей и казаков

К – заплот рогатки и надолбы

Л – батарейки деревянные

М – гостиный двор

О – острог

Башины под ними ворота кои значатся под литерами по зданиям:

Сибирские – О,

Казанские – Р,

Оренбургские – Q

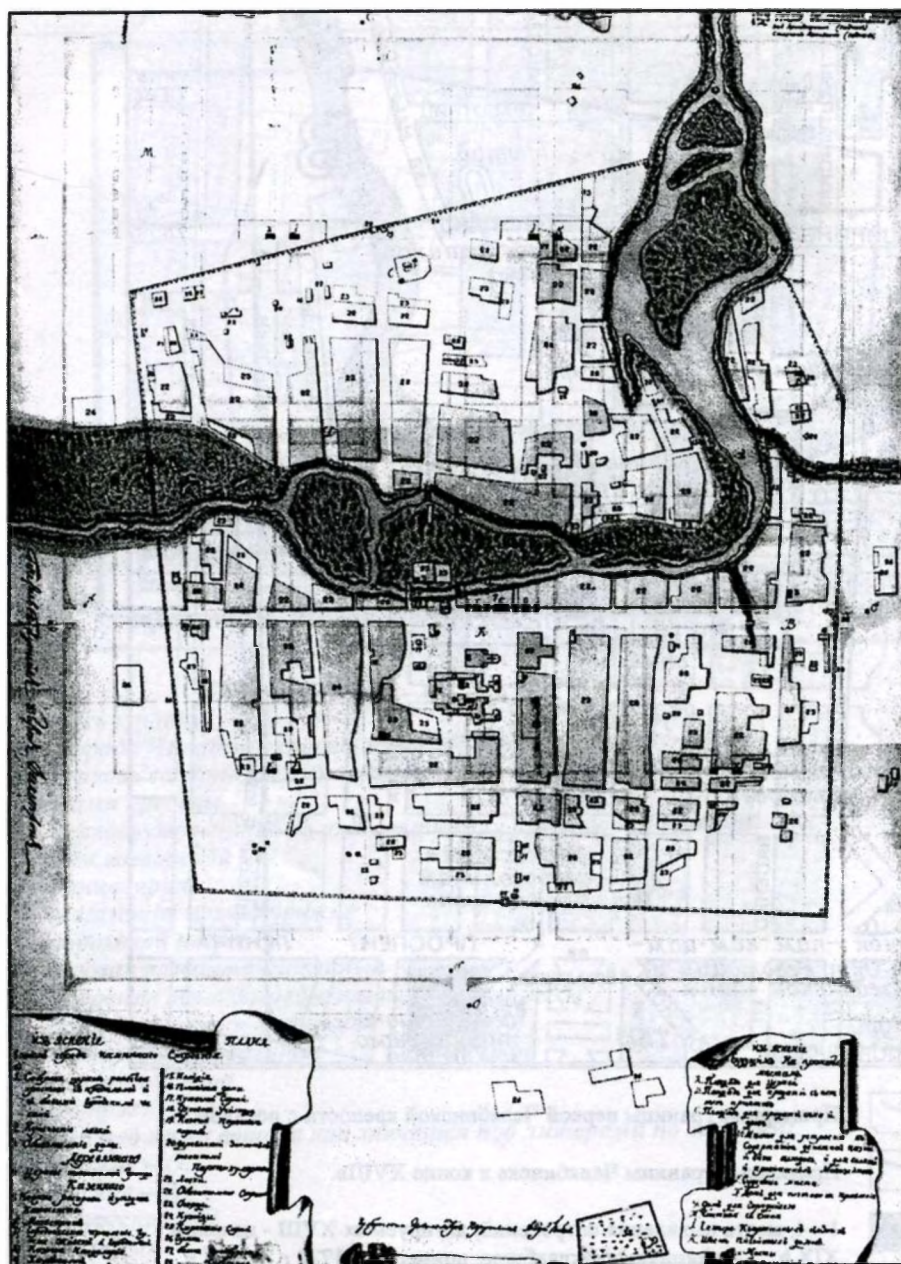
Р – палицы

С – войсковая казачья (я)

Т – ратуша»

Ил. 9. План города Челябинска. 1768 г.

Ил. 11. План города Челябинска. 1784 г.

«ИЗЪЯСНЕНИЕ ПЛАНА»

Во оном городе каменного строения

1. Соборная церковь во имя Рождества Христова с пределами и с боевыми городскими часами
2. Купеческие лавки
3. Обывательские дома

Деревянного

4. Церковь живоначальной Троицы

Казенного

5. Нижние расправы и уездное казначейство
6. Магистрат
7. Городническое правление, тут же живет и городничий
8. Казачья канцелярия
9. Хаубтвахт
10. Пороховой погреб
11. Винной выход
12. Магазины хлебные
13. Купеческие лавки
14. Острог

15. Полиция

16. Питейные дома
17. Пушечной сарай
18. Духовное училище
19. казачьи пороховые погреба
20. Деревянной заплот с рогатками

Партикулярного

21. Лавки
22. Обывательское строение
23. Огороды
24. Кузницы
25. Кирпичные сараи
26. Гумны
27. Башня Оренбургская
28. Башня Сибирская
29. Башня Уфимская
30. Мост
31. Мясные лавки

За городом

Кладбище и каменная церковь, которая еще не освещена

«ИЗЪЯСНЕНИЕ БУДУЩИМ НА ПРОЖЕКТЕ МЕСТАМ»

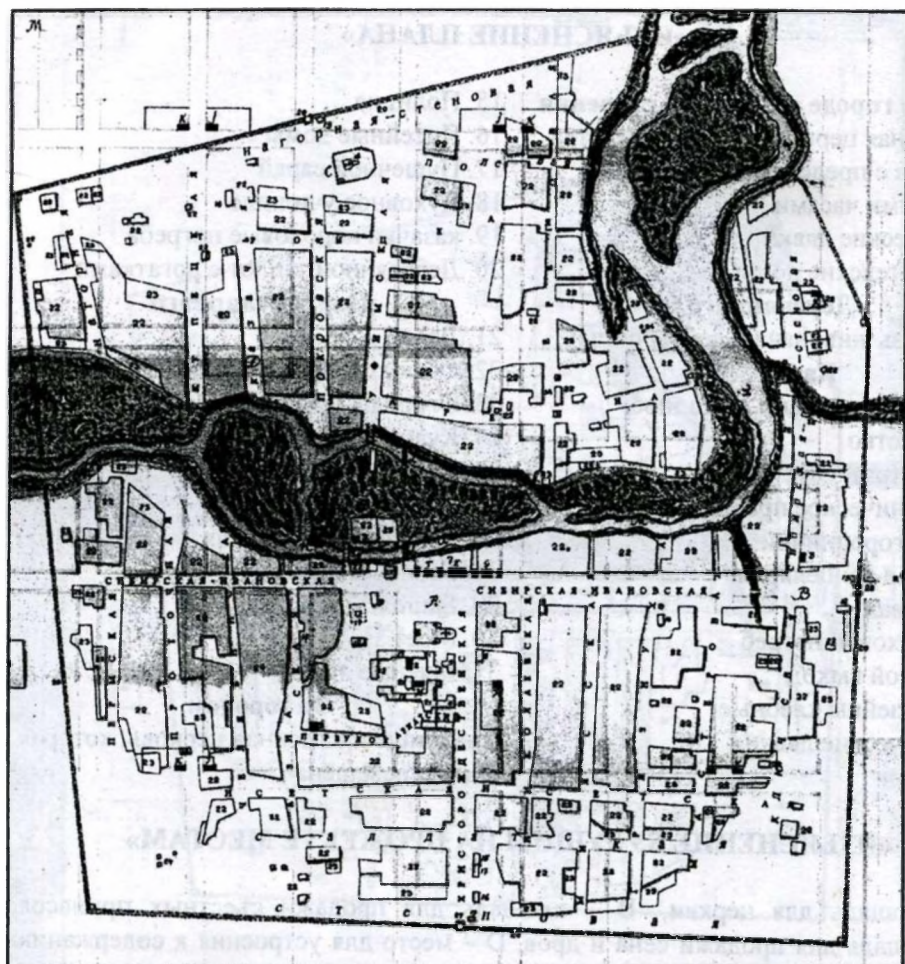
А – площадь для церкви, В – площадь для продажи съестных припасов, С – площадь для продажи сена и дров, D – место для устройства к содержанию денежной казны и вина выходов и соляных и провиантских магазинов, Е – судебные места, F – место для почтоваго правления, G – дом для городничего, H – частная съезжая, J – четыре квартальных съезжих, K – шесть питейных домов, L – мосты, M – четвероугольник, в коем назначены для примера обывательские дома и строения, N – городского вала при воротах будки, O – кузницы, P – место для тороговой бани, скотобойни, кожевенных и протчих сему подобных заводов

Надписи на плане:

Слева по краю – Генерал-порутчик барон Кекстрон

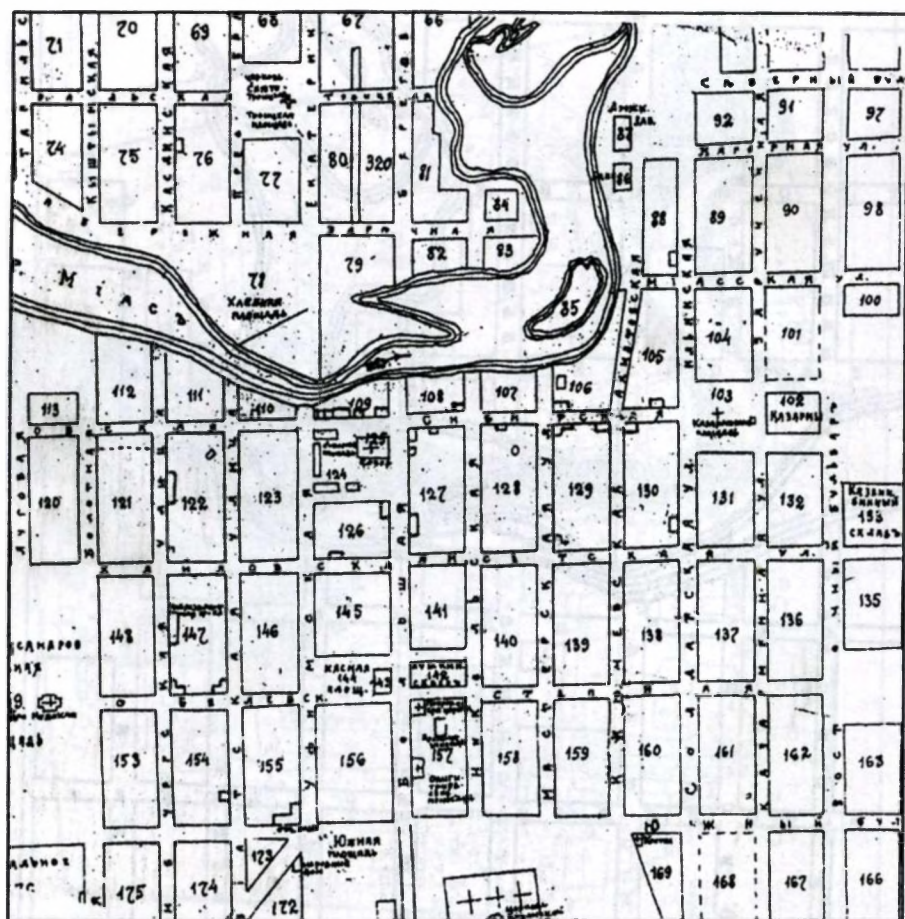
Внизу над масштабом – Губернский землемер порутчик Кибин (?)

Нижне масштаба – Уездный землемер Алексей Ипполитов.

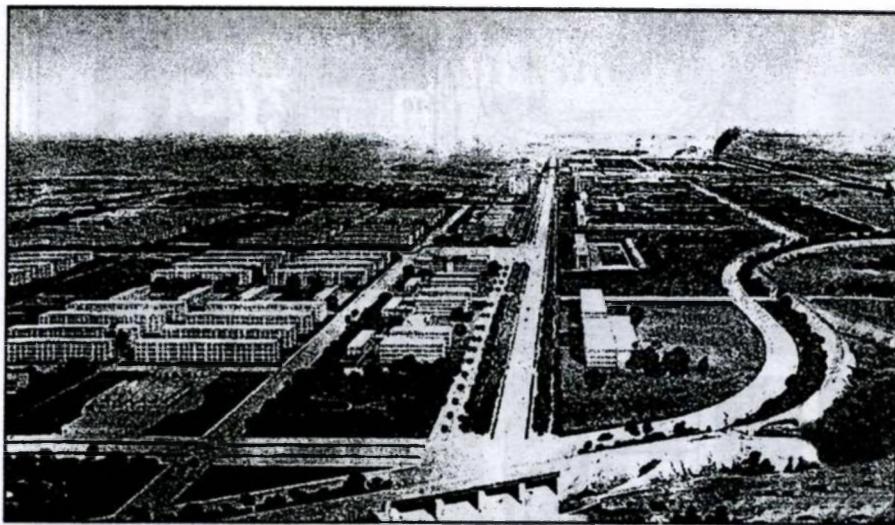

Ил. 12. Названия улиц Челябинска конца XVIII - начала XIX вв.

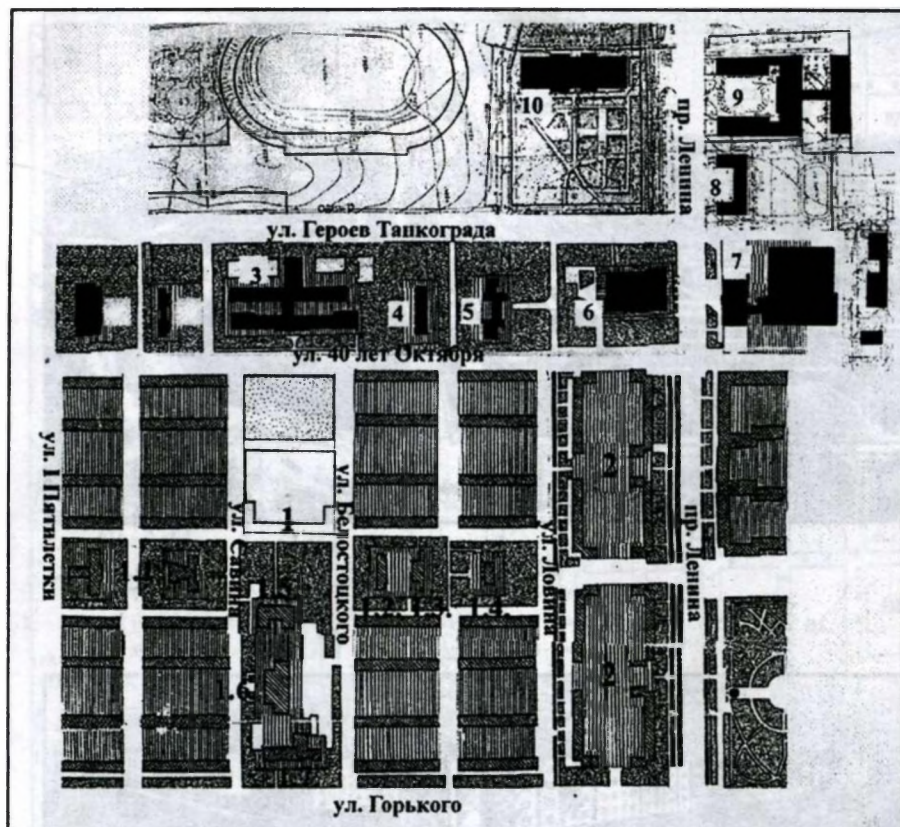

Ил. 14. Фрагмент плана Челябинска 1913 г.
Показаны названия улиц после переименования 1881 г.

Ил. 15. Проект соцгорода Челябинского тракторного завода. 1930 г.
Ил. 16. Жилая застройка в соцгороде ЧТЗ. Фото начала 1930-х гг.

1. Жилой микрорайон

1.1. Школы первой ступени. Начало 1930-х гг.

1.2. Медицинское учреждение. 1940-е гг.

1.3. Детские ясли. Начало 1930-х гг.

1.4. Детский сад № 66. 1940-е гг.

1.5. Средняя школа № 52. 1950-е гг.

1.6. Спортивный комплекс. 1950-е гг.

1.7. Клуб-столовая. 1930-е гг.

2. Квартал жилых домов ИНОРСа. Начало 1930-х гг.

3. ФЗС ЧТЗ. Начало 1930-х гг.

4,5. Лечебные учреждения. 1940-е гг.

6. Киноклуб. Начало 1930-х гг., реконструкция середины 1940-х гг.

7. Фабрика-кухня ЧТЗ. Начало 1930-х гг.

8. Школа № 107. Первая половина 1950-х гг.

9. ФЗУ ЧТЗ. Начало 1930-х гг.

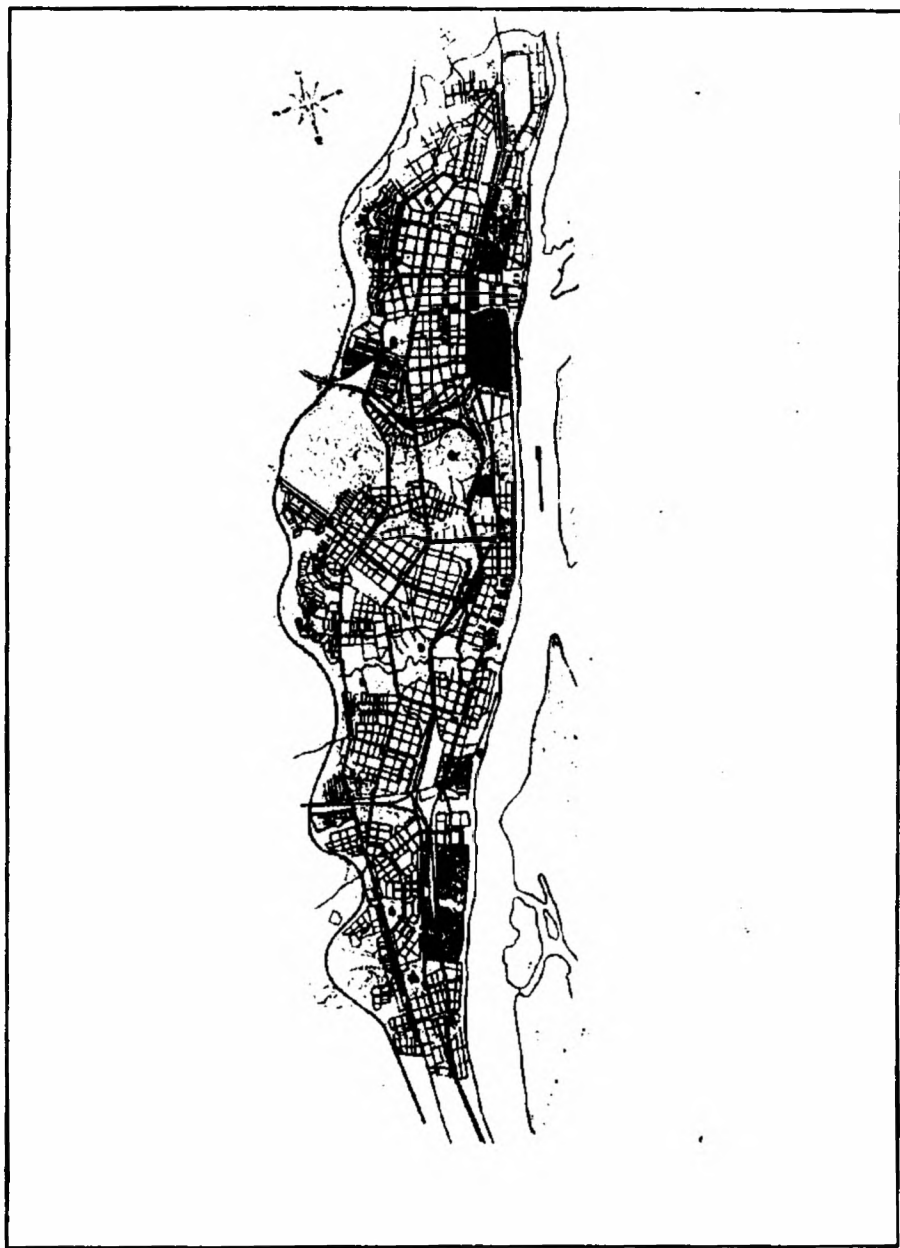
10. Дом культуры ЧТЗ. Начало 1930-х гг.

Ил. 17. Соцгород ЧТЗ. 1930-е - 1950-е гг. Схема планировки

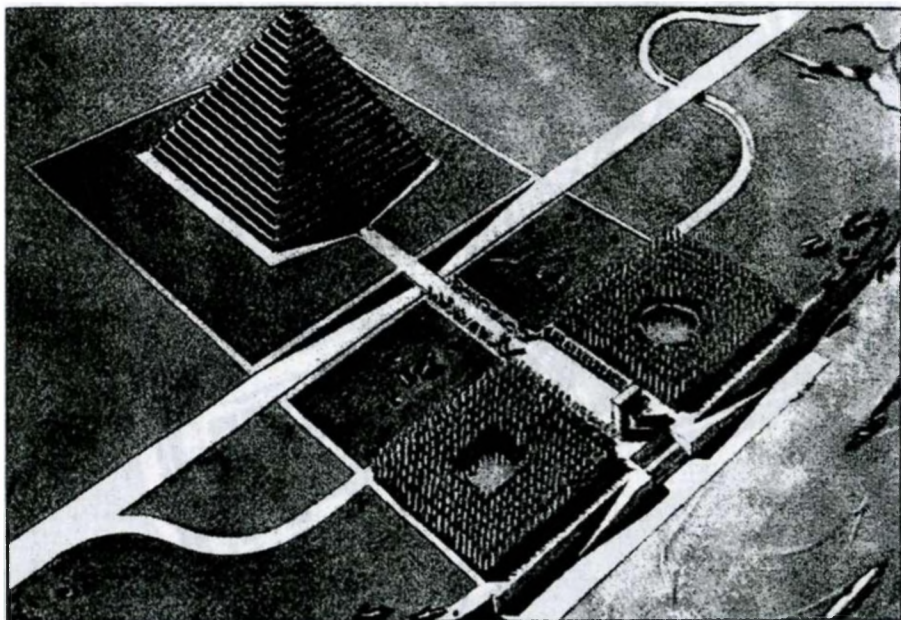
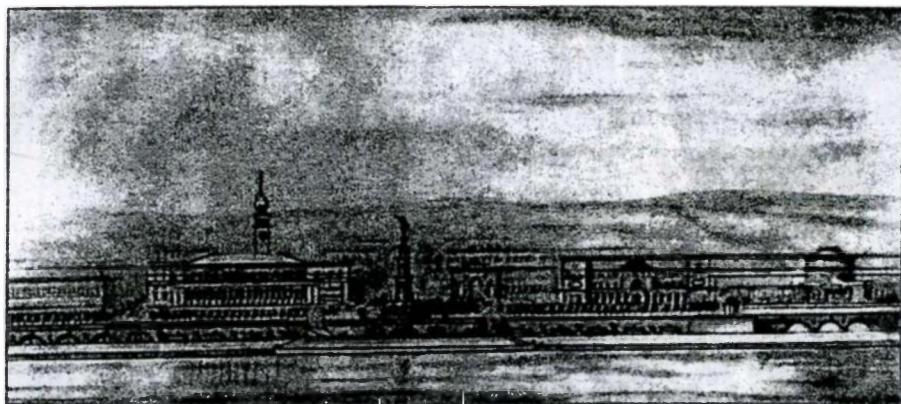

Ил. 18. Проект планировки Орска. 1935 г.

**Ил. 20. Схема планировки Сталинграда. 1943 - 1944 гг.
Арх. К. Алабян, А. Щусев, Н. Поляков и др.**

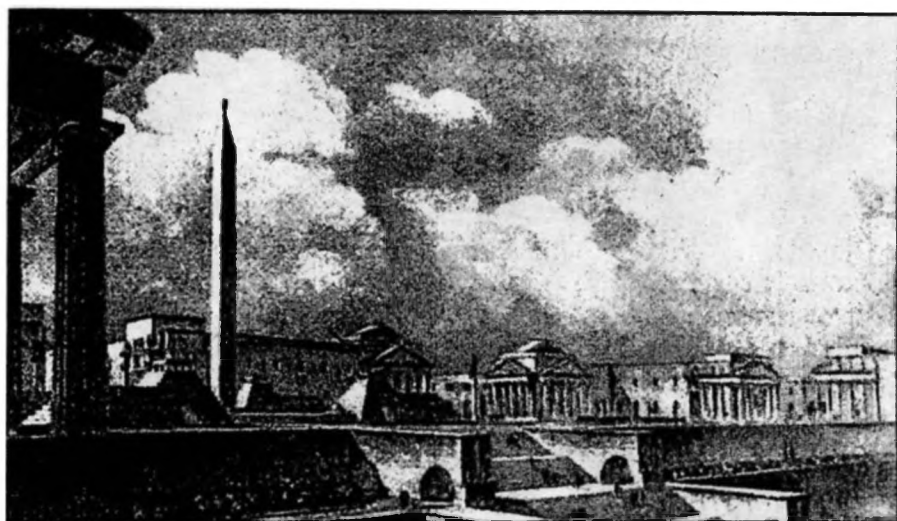
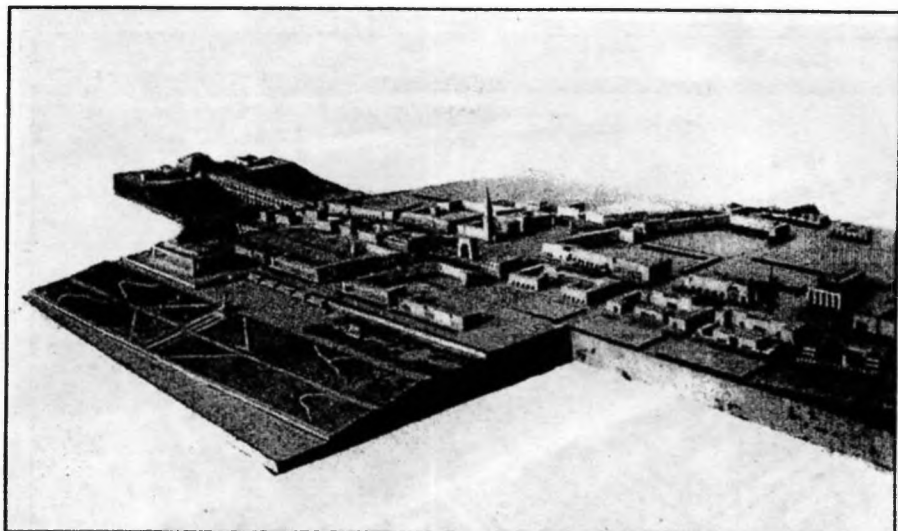

Ил. 21. Эскиз застройки центра Сталинграда. 1943 г.

Арх. А. Щусев

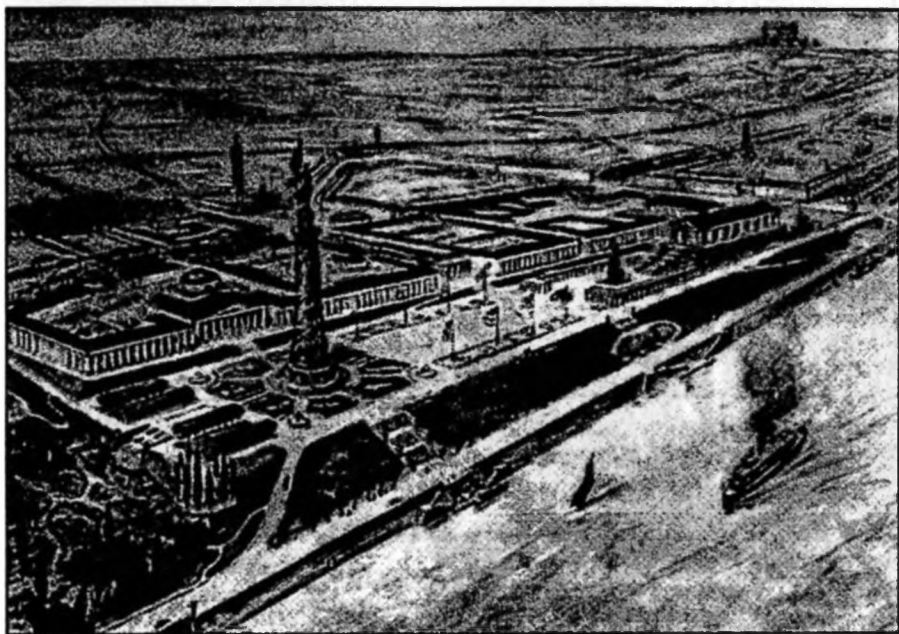
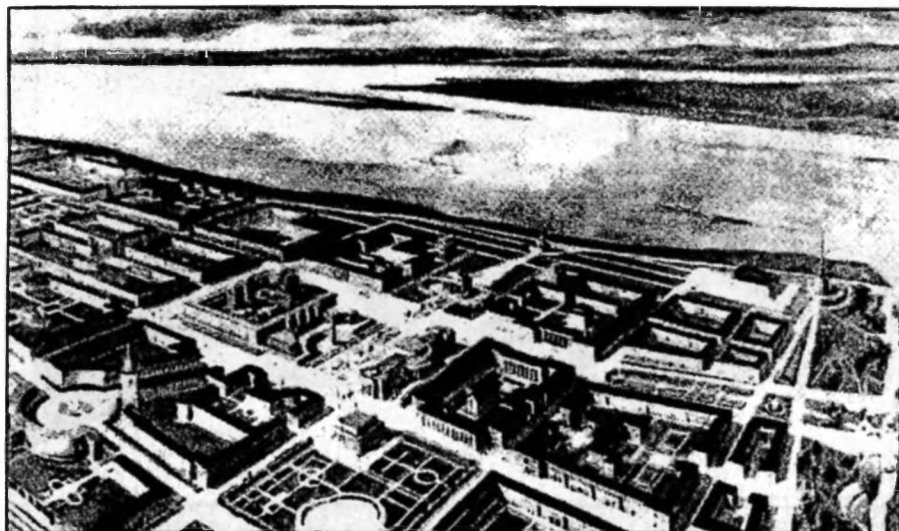
Ил. 22. Проект памятника-музея обороны Сталинграда.

1943 - 1944 гг. Арх. А. Буров

Ил. 23. Проект застройки центра Сталинграда.Макет. 1945 - 1946 гг.
 Арх. К. Алабян, Д. Бурдин, А. Ершов

Ил. 24. Заказной проект застройки центра Сталинграда. 1945 г.
 Арх. В. Олтаржевский

Ил. 25. Конкурсный проект застройки центра Сталинграда.
2-я премия. 1945 г. Арх. Е. Стамо, В. Пелевин

Ил. 26. Конкурсный проект застройки центра Сталинграда.
3-я премия. 1945 г. Арх. А. Держжкович

**Ил. 27. Проект Дома Советов в Сталинграде. Макет. 1952 г.
Арх. Л. Руднев**

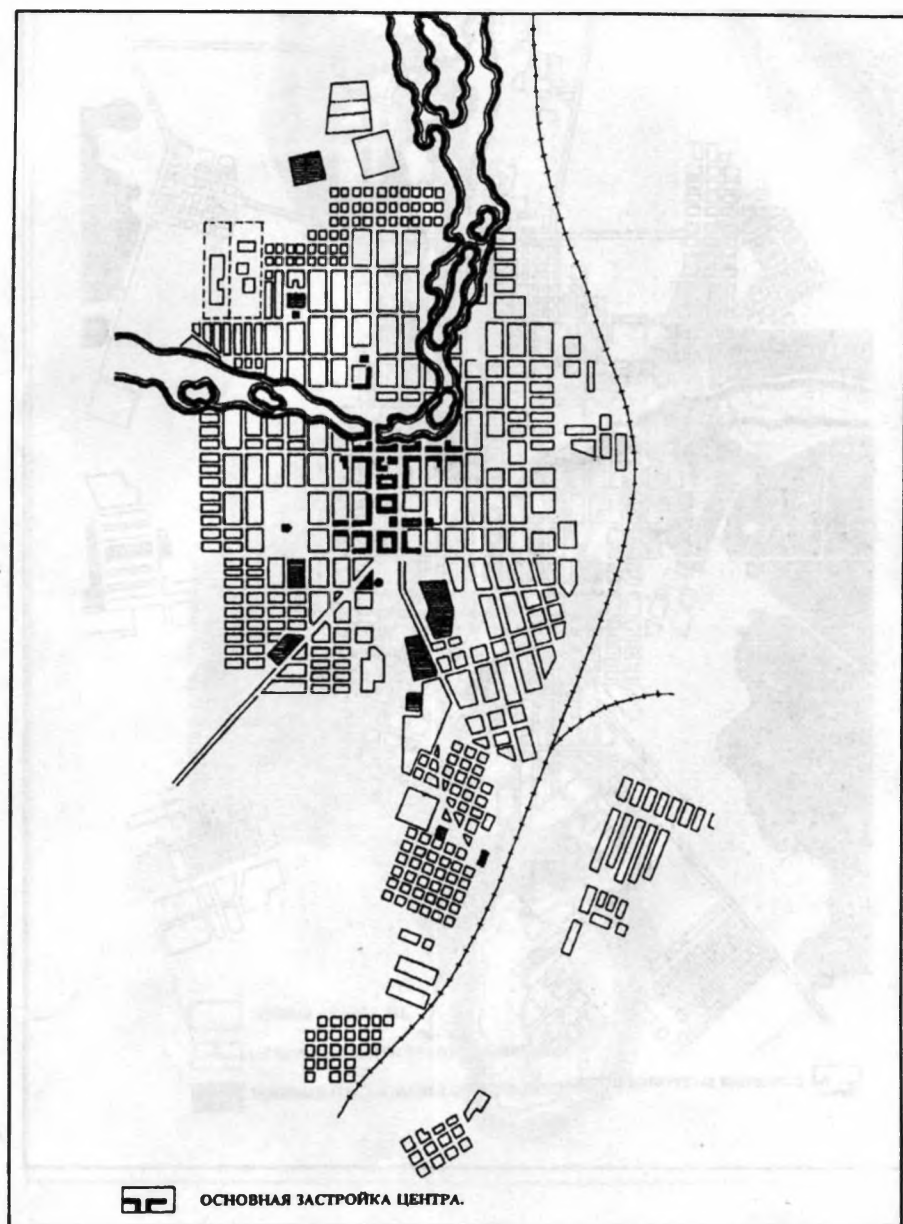

Ил. 28. Центральная набережная Сталинграда. 1951 - 1953 гг.

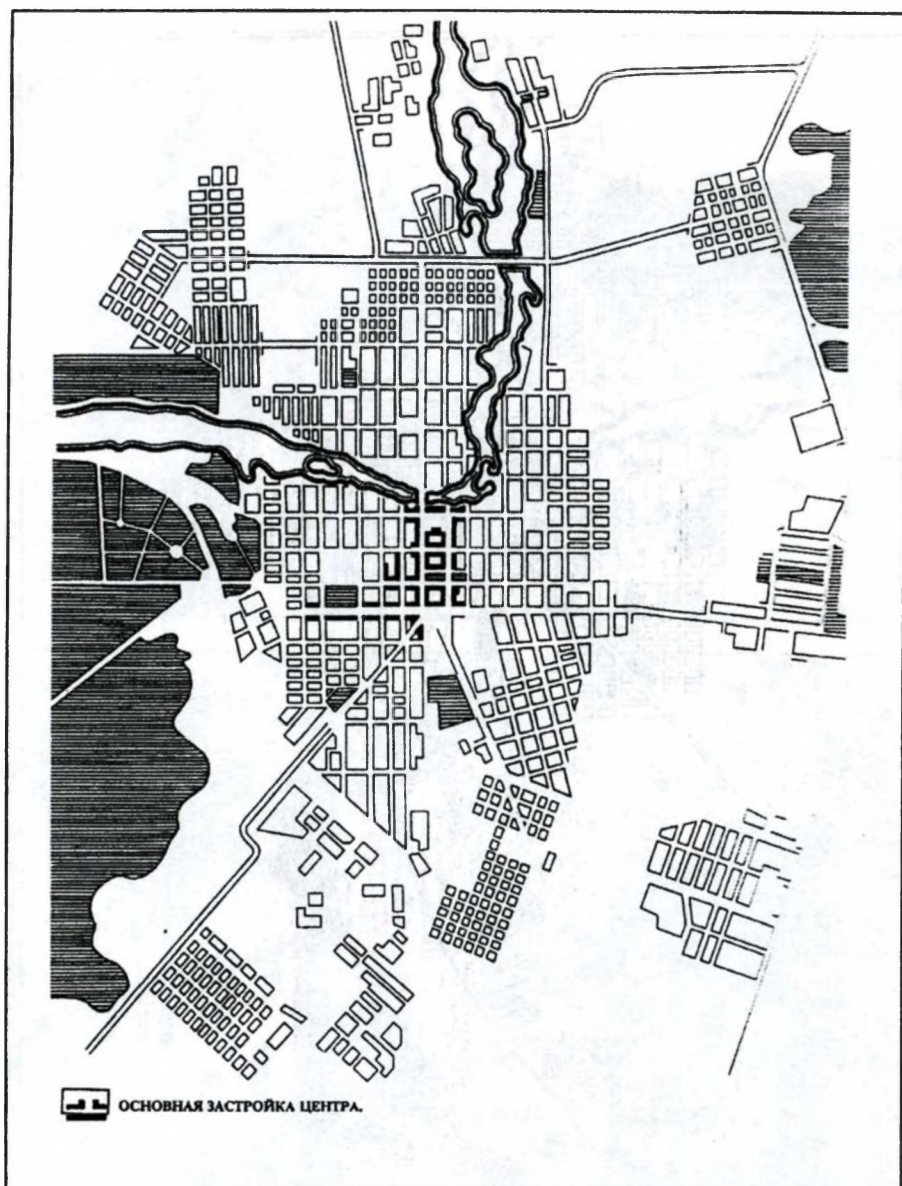
Арх. В. Симбирцев, И. Фиалко

Ил. 29. Улица Мира в Сталинграде в процессе застройки.

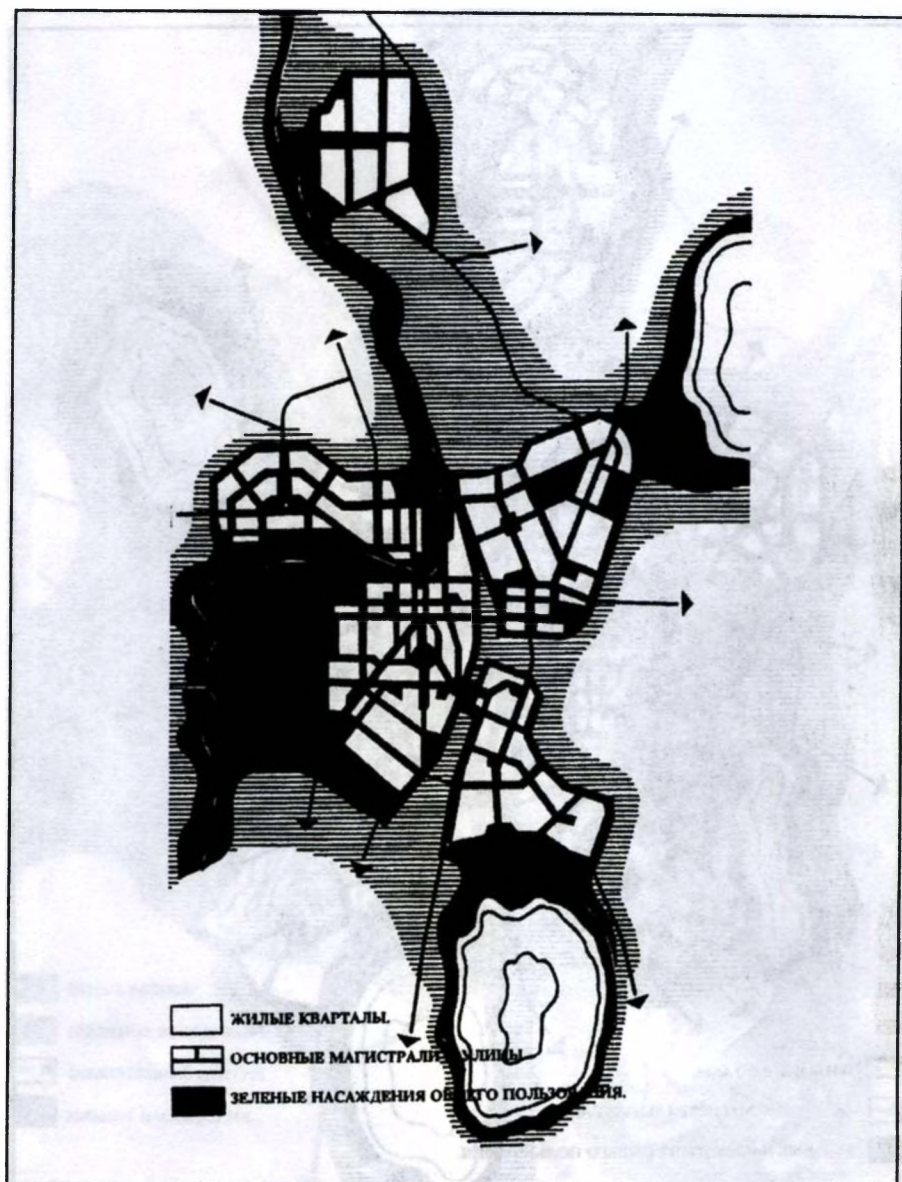
Начало 1950-х гг. Арх. В. Симбирцев

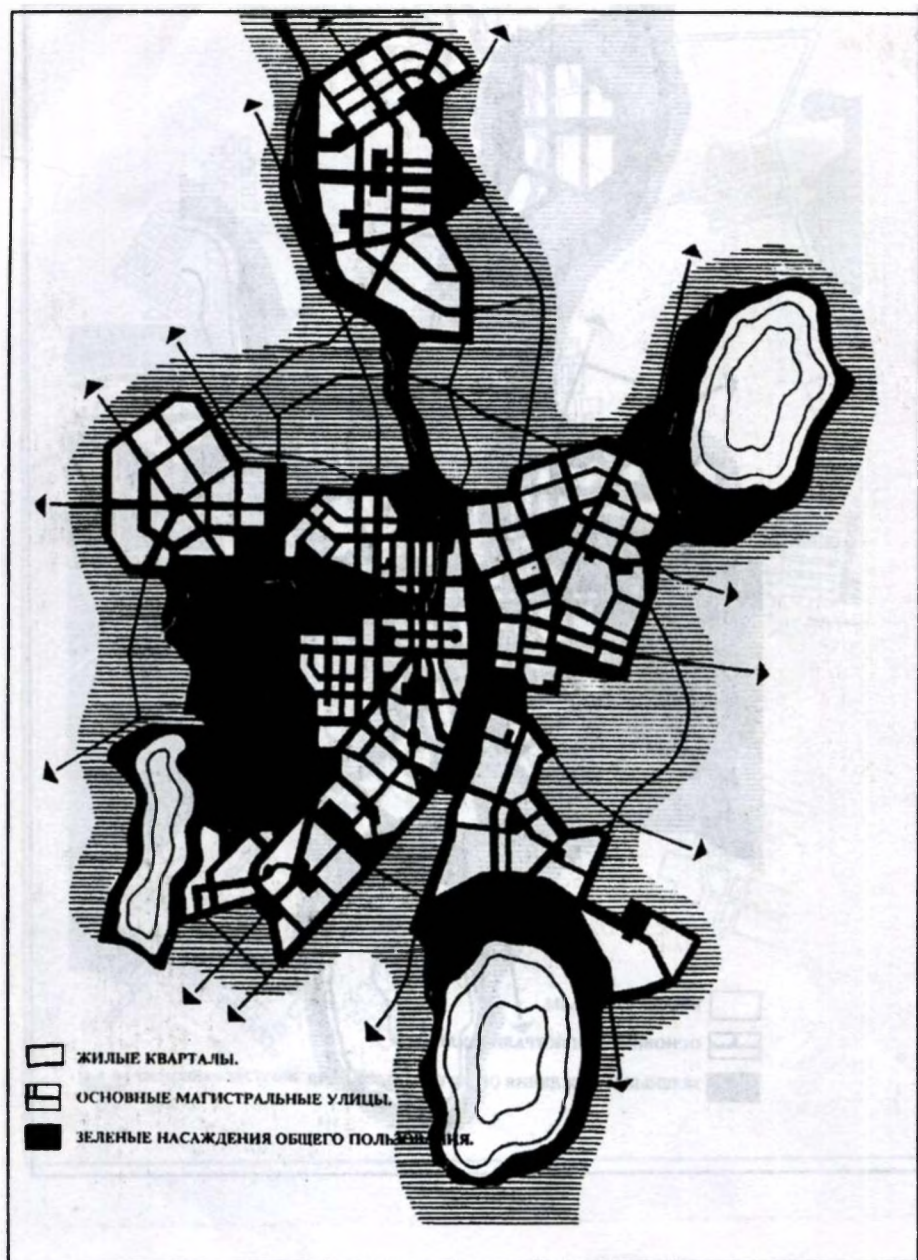
Ил. 30. Схема планировки Челябинска. 1926 - 1928 гг.

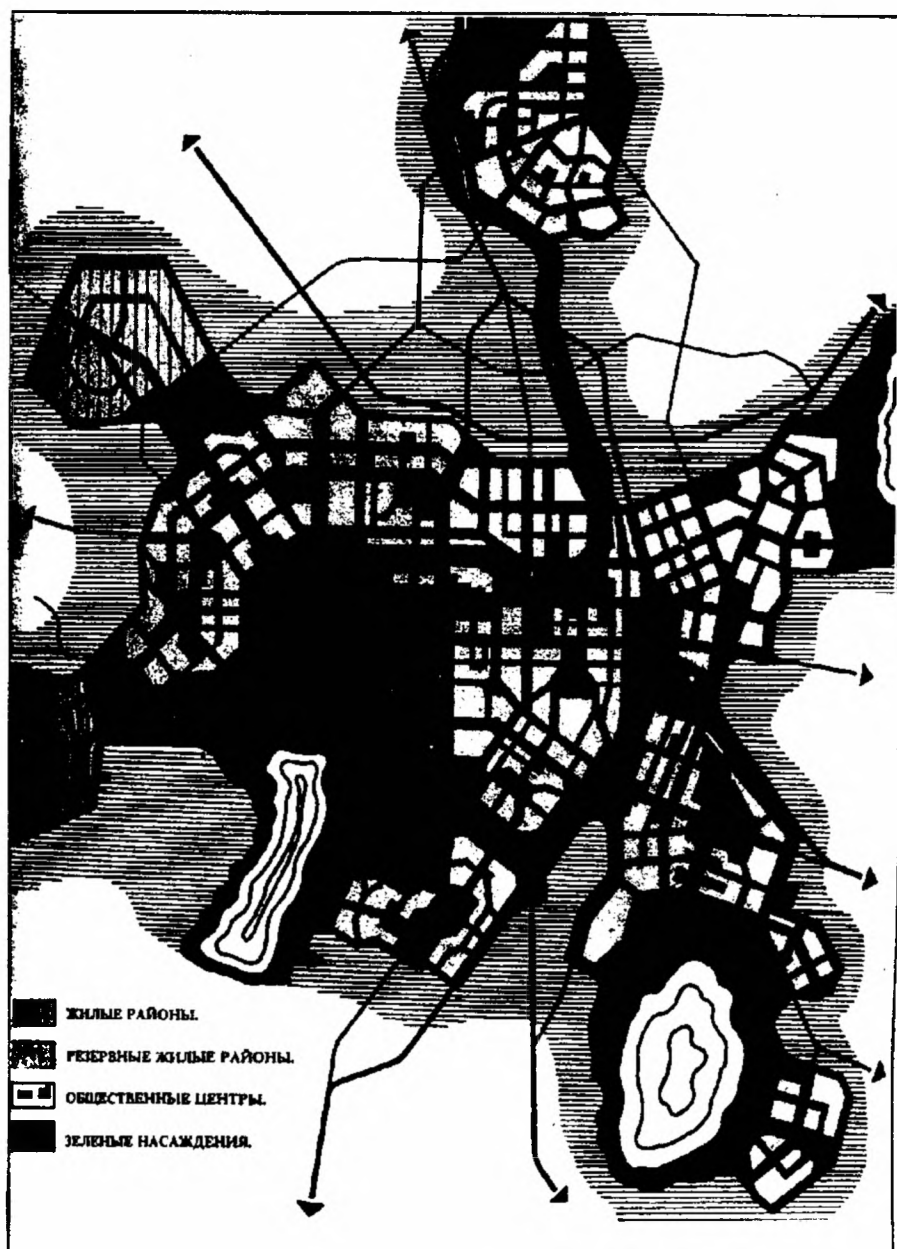
Ил. 31. Схема планировки Челябинска. 1936 г.

Ил. 32. Схема развития Челябинска по генплану 1936 г.

Ил. 33. Схема развития Челябинска по генплану 1947 г.

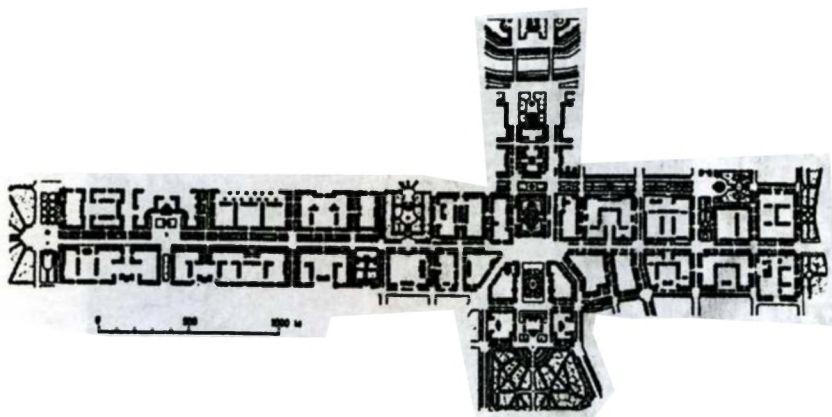

Ил. 34. Схема развития Челябинска по генплану 1967 г.

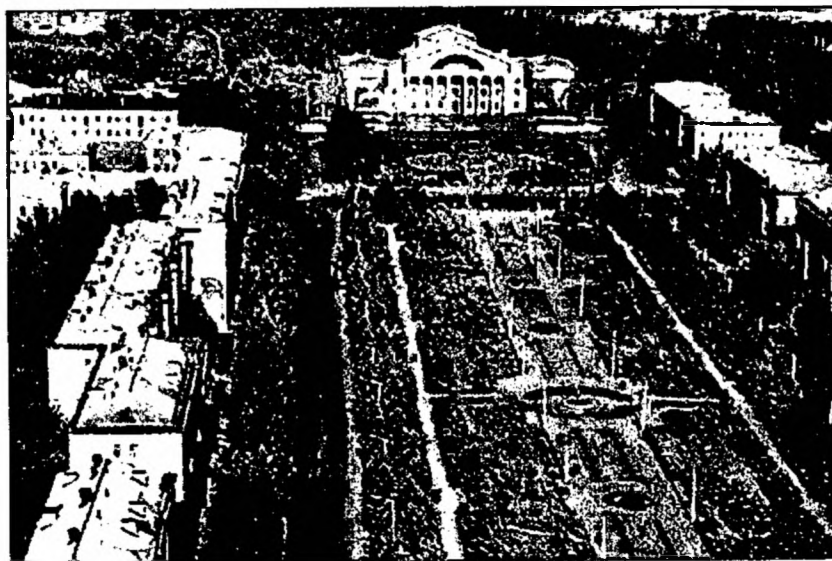
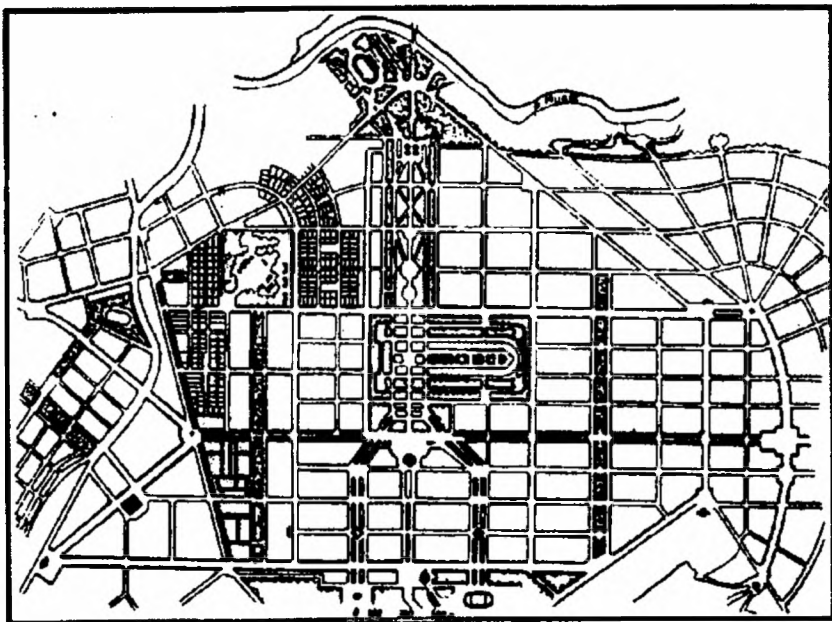

**Ил. 35. Проект центрального ансамбля Челябинска. 1947 г.
Арх. Л. Баталов, И. Чернядьев**

**Ил. 36. Проект застройки пл. Революции в Челябинске.
Первая половина 1950-х гг. Арх. Е. Александров**

- Ил. 37.** Проект застройки пл. Ярославского в Челябинске. Макет. 1952 г. Арх. И. Чернядьев, Л. Ашихмина
- Ил. 38.** Проект застройки ул. Спартака в Челябинске. План. 1948 г. Арх. И. Чернядьев, М. Иванцова, А. Ривкин

Ил. 39. Проект застройки соцгорода ЧМЗ. Середина 1940-х гг.
Схема плана

Ил. 40. Застройка ул. Хмельницкого в соцгороде ЧМЗ.
1954 - 1959 гг. Арх. В. Болдырев, Я. Скуратовский

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАКАНОВ Сергей Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России Челябинского государственного университета, г. Челябинск

КОНЫШЕВА Евгения Владимировна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры всеобщей истории Челябинского государственного педагогического университета, г. Челябинск

КОРЧАГИН Павел Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Пермского филиала Института истории и археологии Уральского отделения РАН, г. Пермь

КОСЕНКОВА Юлия Леонидовна – доктор архитектуры, советник Российской академии архитектуры и строительных наук, заместитель директора Научно-исследовательского института теории архитектуры и градостроительства РААСН, г. Москва

МЕЕРОВИЧ Марк Григорьевич – доктор исторических наук, кандидат архитектуры, советник Российской академии архитектуры и строительных наук, профессор Иркутского государственного технического университета, г. Иркутск.

НИЖНИК Елена Васильевна – научный сотрудник Орского историко-краеведческого музея, г. Орск

НИКИТИН Леонид Витальевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Челябинского государственного педагогического университета, г. Челябинск

ПОНОМАРЕНКО Елена Владимировна – кандидат архитектуры, доцент кафедры искусствоведения и культурологии Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск

САМИГУЛОВ Гаяз Хамитович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Челябинского филиала Института истории и археологии Уральского отделения РАН, г. Челябинск

Научное издание

**Город в зеркале генплана:
панорама градостроительных проектов в российской провинции
XVIII – начала XXI веков**

Коллективная монография

Редактор В.И. Антонова
Макет обложки М.В. Садковой

ISBN 978-5-85716-743-4

Подписано в печать 16.10.2008

Формат 70 x 100 ¹/₈
Заказ № 324

Объем 22,20 уч.-изд. л.
Тираж 500 экз.

Издательство ЧГПУ
454080 Челябинск, пр. Ленина, 69

Отпечатано в типографии ЧГПУ
с готового оригинал-макета

U R B A N   S T U D I E S

- *Генеральные планы провинциальных городов XVIII - начала XX вв.*
- *Социалистическое расселение и социалистический город 1920-х - начала 1930-х гг.*
- *Образ советского города в генеральных планах 1930-х - 1960-х гг.*
- *Современный российский город: проекты и их воплощение*